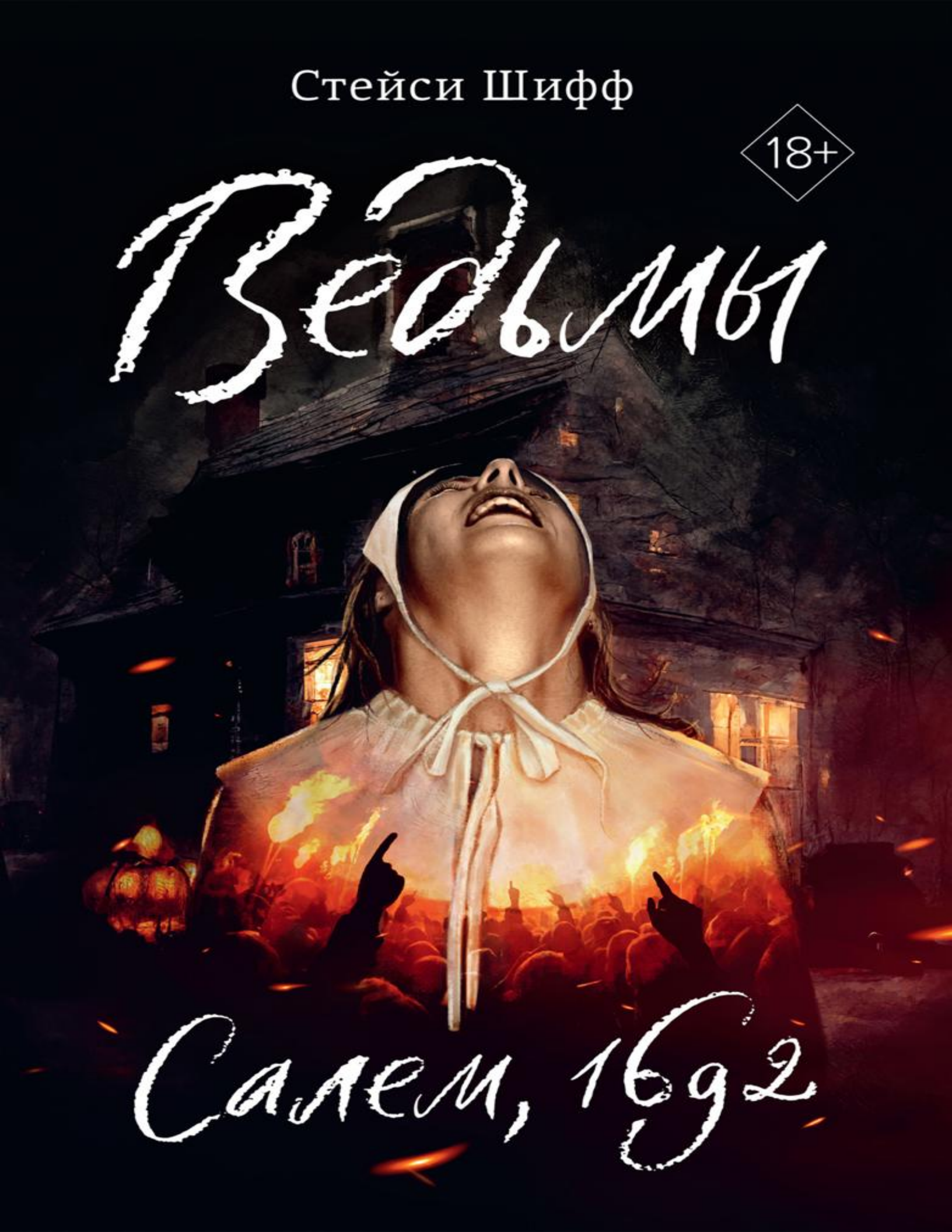


Стейси Шифф

18+

Ведьмы

Салем, 1692



Annotation

Эта история началась в штате Массачусетс необычно суровой зимой 1692 года, когда дочь местного священника вдруг стала кричать и биться в конвульсиях. Спустя год, когда все закончилось, 19 мужчин и женщин оказались мертвы. Спокойная пуританская колония превратилась в сцену, на которой разыгрывались по-настоящему ужасающие события. Охота на ведьм в Салеме – это последний отголосок Средневековья в наступившей новой эпохе, уникальное историческое событие, которое легло в основу многих фильмов и художественных романов, и, без сомнения, самый знаменитый ведьмовской процесс в мире. В нем были замешаны и простые жители, и известные политики Новой Англии: беда не обошла стороной никого – даже священник не избежал виселицы. Все ополчились друг на друга: соседи обвиняли соседей, родителей, детей друг друга.

Что же это было – пережиток средневековых гонений, объявшивший весь город массовый психоз? Стейси Шифф, выдающийся историк и блестящий рассказчик, лауреат Пулитцеровской премии, приоткрывает завесу тайн, на протяжении нескольких столетий окутывавших Салем. Впервые обстановка, сложившаяся в штате Массачусетс в конце XVII века, исследуется настолько глубоко и подробно, а преследование ведьм воссоздается настолько полно и психологически точно. В талантливом изложении Шифф салемские события предстают перед читателем настоящим детективным расследованием, одинаково важным для науки и увлекательным для широкого круга читателей.

-
- [Стейси Шифф](#)
 -
 -
 - [Действующие лица](#)
 - [1. Болезни потрясений](#)
 - [2. Старый искуситель](#)
 - [3. Творение чудес](#)
 - [4. Один из вас – диавол](#)
 - [5. Колдун](#)

- [6. Преддверье преисподней](#)
- [7. Теперь, говорят, их уже больше семисот](#)
- [8. На этих адских сборищах](#)
- [9. У нас исключительный случай](#)
- [10. Публикуется во избежание появления лживых сообщений](#)
- [11. Это темное, странное время](#)
- [12. Длинный шлейф печальных последствий \[1\]](#)
- [Благодарности](#)
- [Примечания](#)
- [Избранная библиография](#)
- [Вклейка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
-

Стейси Шифф

Ведьмы. Салем, 1692

© Stacy Schiff, 2015

© Леоненко М. Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Стейси Шифф использовала свои исключительные способности исследовательницы и писательницы для того, чтобы возродить старую, но бесконечно захватывающую историю об охоте на ведьм в Салеме в 1692 году. То, как она владеет деталями и мастерски устанавливает взаимосвязи, ее интуитивное понимание вовлеченных в судебный процесс людей – все это великолепно соединяется в образе грядущей человеческой трагедии. Книга оставляет после себя неизгладимый след. Это нулевая отметка. Это эмоционально мощно... Если история представляет собой путешествие во времени, то это исследование – путешествие, которое читатели никогда не забудут.

Джон Демос, историк, автор книг об охоте на ведьм

Из теней прошлого возникают молодые девушки, напыщенные проповедники, злоупотребляющие властью судьи, скорбящие родители и разгневанные соседи. Все они были вовлечены в ужасный процесс, которому, казалось, нет конца... Стейси Шифф подобралась к пониманию того, что происходило в Салеме и его окрестностях в 1692 году, настолько близко, насколько это возможно. Залы суда, улицы,

церкви, фермы, таверны, спальни – все это стало, подобно театру, сценой, где переплелись гнев, тревога, горе и трагедия.

Дэвид Холл, профессор истории в Гарвардском университете, специалист по церкви Новой Англии

В руках Стейси Шифф история неизменно наполняется жизнью, светом, тенями, неожиданными фактами... и вот снова, снова то же самое в ее новой книге. Не многие авторы способны сочетать прекрасную образованность и необычайный литературный талант с изумительным кругозором и живостью ума. Это превосходная книга.

Дэвид Маккалоу, лауреат Пулитцеровской премии, автор книги «Братья Райт»

Это история о морали, навечно оставившая после себя неизгладимый след, лучший современный рассказ о Салемской истерии.

Меган Маршалл, исследовательница, лауреат Пулитцеровской премии

Посвящается Венди Белцберг

Действующие лица

В приходе и вокруг него

Джеймс Бэйли, первый пастор Салема в 1673–1679 годах. Свояк Томаса Патнэма; дядя скрюченной и визгливой Энн Патнэм – младшей.

Джордж Берроуз, 42 года, обворожительный, свободно мыслящий преемник Бэйли на деревенской кафедре в 1679–1683 годах. Уезжает из Салема внезапно; в 1692-м – пастор на границе Мэна. Отец семерых детей, воинственный и властный.

Деодат Лоусон, манерный красноречивый преемник Берроуза в 1684–1688 годах.

Сэмюэл Пэррис, 39 лет, опальный церковнослужитель, оказавшийся в самом центре дьявольского вторжения. Отец и дядя первых заколдованных девочек, хозяин первой признавшейся ведьмы; служил на салемской кафедре с 1688 по 1696 год. Жадный, непоколебимый, бестактный.

Семья Пэррис: Абигейл Уильямс, 11 лет, светловолосая племянница Сэмюэла, во время проповедей носится по комнатам и лает. Бетти Пэррис, 9 лет, единственная из отпрысков Пэррисов, страдавшая от симптомов колдовства; ни разу не пришла на слушания. Еще двое детей, сын 10 лет и дочь 4 лет, не подверглись влиянию, и их имен история не сохранила. Титуба, дружелюбная рабыня из коренных американцев^[1], долгое время служила в семье, первой увидела дьявольский договор и сообщила о полетах по воздуху. Джон Индеец, еще один раб, несколько раз подвергся воздействию колдовских чар. Насколько известно, был мужем Титубы. Элизабет, жена пастора, уроженка Бостона, около 44 лет, подверглась воздействию в конце лета.

Кое-кто еще из жителей Салема

Иезекиль Чивер, 37 лет, портной и фермер, периодически также судебный репортер и обвинитель.

Уильям Григс, 71 год, врач, в поселении недавно, близкий друг Патнэма.

Бенджамин Хатчинсон, 20 с небольшим лет, приемный сын владельца таверны Натаниэля Ингерсола. Храбро и без оглядки насаживает призраков на вилы и рапиру.

Ханна Ингерсол, около 60 лет, жена владельца таверны и соседка пастора.

Натаниэль Ингерсол, 60 лет, лейтенант ополчения, один из первых священников поселения; владеец таверны, где имели место слушания, обвинения, собрания судей и поножовщина с призраками, а также роились мириады слухов. Близкий друг Патнэма и Пэрриса.

Фрэнсис Нёрс, 74 года, выдавший виды и непреклонный муж обвиненной ведьмы Ребекки Нёрс. Был недоволен пастором задолго до кризиса.

Батшева Поуп, 40 лет, матрона, подвергшаяся колдовскому воздействию. Прерывает проповеди, швыряет в ответчицу ботинок, левитирует в суде.

Томас Патнэм, 40 лет, сержант ополчения и ветеран войны короля Филипа. Судебный писарь, приходский секретарь, убежденный сторонник Пэрриса. Живет с четырьмя жертвами колдовства. Выдвигает первые обвинения и инициирует почти половину остальных.

Эдвард Патнэм, 38 лет, младший брат Томаса, церковный дьякон. Подписывает первые обвинения в колдовстве.

Мэри Сибли, 32 года, беременная равнодушная соседка пастора. Придумывает печь «ведьмины пирожки» в домовладении Пэррисов и руководит процессом.

Джонатан Уолкотт, 53 года. Капитан местного ополчения и шурин Патнэма, отец Мэри.

Главные обвинители

Сара Биббер, 36 лет, вздорная и назойливая матрона. В зале суда ее колют булавками.

Сара Чёрчилль, около 20 лет, беженка и служанка в доме Джейкобсов. Безуспешно пытается отречься от своих показаний. Дальняя родственница Мэри Уолкотт.

Абигейл Хоббс, 14 лет, упрямая, неуправляемая девочка из Топсфилда, раньше была служанкой в Мэне. Вторая признавшаяся ведьма, после признания присоединяется к обвинителям. Отправляет в тюрьму обоих родителей.

Элизабет Хаббард, 16 лет, сирота, служанка в доме дяди, доктора Григса. Одна из пяти самых активных обвинительниц.

Мерси Льюис, 19 лет, дважды беженка, сирота. Была служанкой у Берроузов в Мэне, в 1692 году служит у Патнэмов в Салеме. Безошибочно узнает невидимых нападающих, дает наиболее подробные свидетельские показания. Известна как «девочка-провидица».

Энн Патнэм – младшая, 12 лет, старшая из шестерых детей в семье. Может предвидеть события будущего и вспоминать события, произошедшие до ее рождения. Единственная обвинительница, живущая дома с обоими родителями.

Энн Патнэм – старшая, около 30 лет, мать младшей Энн, беременная и набожная. Обездвижена духами и ведьмами. Впадает в транс, однажды ее пришлось выносить из зала суда.

Сюзанна Шелден, 18 лет, дважды сбегала из Мэна. Своими глазами видела ужасы, творимые индейцами; недавно похоронила отца. Способна раскрывать убийства.

Мэри Уолкотт, 16 лет, дочь капитана местного ополчения, живет вместе со своими кузенами из семейства Патнэм. Также племянница Ингерсола. Обвиняет в колдовстве минимум семьдесят человек – намного больше, чем кто-либо другой.

Мэри Уоррен, 20 лет, сирота, беженка, служанка в доме Проктеров. Подверглась колдовскому воздействию, была обвинена, затем снова подверглась воздействию. Поразительно хороша собой. Подвергается чрезмерным кровавым пыткам в зале суда.

Некоторые из обвиняемых

Джон Олден, около 65 лет. Изворотливый торговец мехом из Бостона, офицер ополчения, капитан дальнего плавания. Давний партнер салемского купца Бартоломью Гедни, прихожанин Уилларда; друг и сосед Сэмюэла Сьюэлла.

Уильям Баркер, 46 лет, закредитованный фермер с хорошо подвешенным языком.

Бриджет Бишоп, 50 с небольшим лет, салемская вдова, воинственная провокаторша без тормозов. В суде ее перепутали с жительницей Салема Сарой Бишоп.

Марта Кэрриер, под 40 лет, грубая многодетная мать. Задолго до 1692 года легко могла претендовать на титул «царицы ада». Презрительно называла тех, кто подвергся колдовству, обезумевшими. Первая арестованная ведьма из Андовера.

Ричард Кэрриер, 18 лет, и Эндрю Кэрриер, 16 лет. Крепкие сыновья Марты, оба подверглись пыткам, после чего Ричард называет больше пособников дьявола, чем любой другой из признавшихся.

Элизабет Кэри, 40 с небольшим лет. Жена отважного судостроителя из Чарлстауна. Приплывает в Салем, чтобы обелить свое имя; уезжает в кандалах.

Сара Клойс, 44 года. Невезучая младшая сестра Ребекки Нёрс. Прихожанка деревенской церкви, свойственница Дейна по первому браку.

Элизабет Колсон, 16 лет. Дерзкая девушка из Рединга; единственная среди подростков избежала ареста, пусть и временно.

Джайлс Кори, около 70 лет, бесстрашный задиристый фермер. Сначала обвиняет свою жену, а в итоге оказывает сопротивление суду.

Марта Кори, около 60 лет, третья жена Джайлса. Несгибаемая, упрямая, догматичная. Совершает своеобразное турне по тюрьмам Массачусетса.

Филип Инглиш, 42 года, урожденный Филипп л'Англауа, прямолинейный пронырливый выходец из Джерси. Невероятно успешный иммигрант-предприниматель. Богатейший купец в Салеме, недавно избранный членом городского управления.

Мэри Инглиш, около 40 лет. Его жена, дочь известного салемского купца и женщины, в свое время обвиненной в колдовстве. Бежит вместе с мужем.

Мэри Эсти, 58 лет. Добросердечная мать семерых детей из Топсфилда, самая младшая из трех сестер Таун. Очаровывает даже своих тюремщиков.

Энн Фостер, около 70 лет. Тихая вдова, мать 22-летней убитой, теща казненного убийцы. Одна из первых улавливает намеки на подозрительные полеты и связывает их с дьявольскими шабашами.

Сара Гуд, 38 лет. Местная нищенка, замкнутая, воинственная, неопрятная. Первая допрашивается по подозрению в ведьмовстве. Мать пятилетней обвиняемой.

Доркас Хоар, 58 лет, вдова. Прорицательница и интриганка, талантливая мелкая воровка. Выглядит чужаковато, дети страшно ее боятся.

Элизабет Хау, 50 с небольшим лет. Примерная жена слепого фермера из Топсфилда. Родственница Дейнов, Кэрриеров и Нёрсов. Давно подозревается в ведьмовстве.

Джордж Джейкобс, бойкий и общительный неграмотный престарелый фермер.

Маргарет Джейкобс, 17 лет, его разговорчивая эмоциональная внучка. Признается, потом отказывается от своих показаний, много плачет в сале́мском подземелье.

Мэри Лэйси – младшая, 18 лет. Считает себя непокорной дочерью. Очень словоохотлива, имеет склонность актерствовать.

Мэри Лэйси – старшая, 40 лет, мать младшей Мэри и дочь Энн Фостер.

Сюзанна Мартин, 71 год. Миниатюрная вдова из Эймсбери, суровая и хладнокровная. В 1669 году обвиняется в ведьмовстве, но в том же году обвинения снимаются.

Ребекка Нёрс, 71 год. Практически глухая, слабая здоровьем, чувствительная старушка. Оказывается самым крепким орешком для обвинения.

Сара Осборн, около 50 лет. Хрупкая женщина, одна из трех первых подозреваемых. Вовлечена в долговую тяжбу со своими свойственниками Патнэмами.

Элизабет Проктер, 41 год. Беременная мать пятерых и мачеха шестерых детей. Темпераментная, очень любит читать. Внучка одной подозреваемой в 1669 году в ведьмовстве женщины.

Джон Проктер, 60 лет. Ее пожилой смелый на язык муж, грубоватый фермер и владелец таверны. Убежден, что подвергшиеся колдовству должны быть повешены. Первый мужчина, обвиненный в 1692 году в колдовстве.

Мэри Тутейкер, 44 года. Вдова обвиненного колдуна из Биллерики. Задумчивая, искренняя, запуганная. Сестра Марты Кэрриер, племянница преподобного Дейна.

Сэмюэл Уордуэлл, 49 лет. Незадачливый предсказатель будущего, плотник, из числа самых безнадёжных налогоплательщиков Андовера. Делает красочное признание, потом от него отрекается. Отец семерых детей.

Сара Уайлдс, около 65 лет. «Заклинательница сена», жена плотника из Топсфилда. Также обвинялась шестнадцатью годами ранее. Мать городского констебля.

Джон Уиллард, около 30 лет. Помощник сельского констебля, бывший батрак Патнэмов. Муж-абыюзер, объект ненависти родственников жены.

Представители власти

Дадли Брэдстрит, 44 года, сын бывшего губернатора поселения. Пользующийся авторитетом гражданин Андовера, мировой судья, член городского управления, член совета 1692 года. Иницирует ряд арестов ведьм и бежит, когда сам становится обвиняемым.

Джордж Корвин, 26 лет. Предприимчивый старший шериф округа Эссекс. Племянник двух судей по делу о колдовстве и зять третьего.

Джонатан Корвин, 52 года. Городской предприниматель, оптовый торговец алкоголем. Давний соратник Хэторна и опытный мировой судья. Постоянный участник процессов. Связан через жену с Уинтропом, Хэторном и Серджентом.

Томас Данфорт, 69 лет, землевладелец из Чарлстауна. Отменил один обвинительный приговор в более раннем деле о колдовстве. Проводит первый в 1692 году допрос колдунов. Выявляет самые ранние сообщения о сборищах ведьм. В конце концов выступает против процессов.

Бартоломью Гедни, 52 года. Рисковый владелец лесопилки, предприниматель. Уважаемый в городе врач, чиновник, майор ополчения. Родственник Корвинов.

Джон Хэторн, 51 год. Высокомерный и устрашающий преуспевающий местный судья. Потомок одной из первых салемских семей. Родственник Патнэмов.

Джордж Херрик, около 30 лет. Красавчик из хорошей семьи, заместитель шерифа Салема, по профессии – мебельщик. Весь 1692 год занимается задержанием и перевозкой ведьм.

Джон Хиггинсон – младший, 46 лет. Старший сын преподобного Хиггинсона, офицер ополчения, занимается рыболовным бизнесом. Только что назначен мировым судьей. Допрашивает ведьм.

Сэр Уильям Фипс, 41 год. Необразованный, изобретательный, задиристый капитан дальнего плавания и путешественник. Только что назначен губернатором Массачусетса.

Джон Ричардс, 67 лет. Старейший из судей. Является родственником трем своим коллегам. Ходатайствует о возглавлении процесса. Бостонский торговец, казначей Гарварда, основной покровитель Мэзера.

Натаниэль Солтонстолл, 53 года, новый член суда. Считается «самым популярным и принципиальным» офицером Массачусетса.

Питер Серджент, 45 лет. Сказочно богатый бостонский торговец, судья ведьм. Предоставляет займы в Массачусетсе, владеет похожим на дворец домом. Деловой партнер Сэмюэла Сьюэлла.

Сэмюэл Сьюэлл, 40 лет. Бостонский добродушный, умудренный опытом толстячок, чувствительный и набожный. Самый молодой член суда, родной брат судебного секретаря.

Стивен Сьюэлл, 35 лет. Судебный секретарь и архивариус. Салемский торговец, офицер ополчения. Берет под стражу заколдованную Бетти Пэррис.

Уильям Стаутон, 60 лет. Председатель суда, назначенного для заслушания и решения, крупный накрахмаленный джентльмен с маленькими глазками. Весьма проникательный, отлично разбирается в теологии. Самый авторитетный из представителей судебной власти Новой Англии. Торгует земельными участками, убежденный холостяк.

Уэйт Стилл Уинтроп, 51 год. Внук Джона Уинтропа, основателя Колонии Массачусетского залива. Генерал-майор, влиятельный

землевладелец. Аполитичен, следит за модой, госслужащий против собственной воли. Близок к Сэмюэлу Сьюэллу, доверенное лицо Мэзера.

Церковнослужители

Томас Барнард, 34 года. Впечатлительный ортодокс из Андовера, помощник пастора. Организует испытание касанием.

Фрэнсис Дейн, 76 лет. Занимает пост главного пастора Андовера с 1648 года. Осторожен в вопросах ведовства; властный и бескомпромиссный, не окончил школу.

Джон Хейл, 51 год. Уроженец Чарлстауна, пастор Беверли, дружелюбный и сердобольный. Очарован слушаниями и самой механикой колдовства. В детстве стал свидетелем первого повешения ведьмы в Массачусетсе. Свойственник Нойеса.

Джон Хиггинсон, 76 лет. Тридцать третий год на салемской кафедре. Трезвомыслящий, хорошо говорит, пользуется огромным уважением.

Коттон Мэзер, 29 лет. Сын Инкриза Мэзера и помощник пастора во второй Бостонской церкви. Поступил в Гарвард в 11 лет, в 18 получил степень магистра теологии. Восходящая звезда новоанглийского духовенства, находчивый, блестящий, преуспевающий; непревзойденный собеседник.

Инкриз Мэзер, 53 года. Пастор второй церкви с 1664 года. Самый выдающийся священник и интеллектуал Новой Англии. Президент Гарварда с 1685 по 1701 год. Создатель новой хартии поселения.

Джошуа Муди, 59 лет. Пастор первой Бостонской церкви, школьный приятель Уилларда. Твердо верит в колдовство, однако суд Стаутона его не убеждает. Помогает обвиненным бежать.

Николас Нойес, 45 лет. Школьный приятель Берроуза по Гарварду, помощник Хиггинсона. Грузный веселый холостяк, автор убийственных стишков. Ближайший друг Сэмюэла Сьюэлла в Салеме.

Сэмюэл Уиллард, 52 года. Пастор третьей церкви. Эрудированный, дипломатичный, трезвомыслящий, осмотрительный. Считается одним из самых влиятельных бостонских священнослужителей наравне с Мэзерами.

Некоторые скептики

Томас Брэттл, 34 года. Ученый и логик. Прекрасно образован, холостяк, сочувствует англиканам. Недавно вернулся из поездки в Англию, где в основном проводил время в компании Сэмюэла Сьюэлла. Посещает разнообразные слушания в Салеме.

Роберт Калеф, 44 года. Бостонский торговец текстилем, не лишен остроумия. Посещает заседания и присутствует как минимум на одном повешении. Впоследствии – главный антагонист Мэзеров.

Томас Мол, 47 лет. Задиристый, остроумный салемский лавочник. Выдвигает обвинение в адрес Бишоп; в дальнейшем – квакер и убежденный критик процессов.

Уильям Милборн, около 50 лет. Возмутитель спокойствия, раньше жил на Бермудских островах, а ныне – баптистский пастор с опытом судебной работы. Арестован за бунт.

Роберт Пайк, около 75 лет. Член совета и капитан ополчения, лидер города Солсбери. Резок в высказываниях; вероятно, первое официальное лицо, выразившее озабоченность по поводу процессов.

Джон Уайз, 40 лет. Пастор Ипсвича, ровесник и гарвардский приятель Пэрриса. Бесстрашный, притягательный, красноречивый. Местный герой; отсидел в тюрьме за протесты против злоупотреблений властей.

1. Болезни потрясений

Мы не будем шарлатанить и станем заявлять прямо, что на этом свете ничего не разберешь. Все знают и всё понимают только дураки да шарлатаны [1].

А. П. Чехов

В 1692 году в Колонии Массачусетского залива за колдовство казнили четырнадцать женщин, пятерых мужчин и двух собак. Колдовство имело место в январе. Первая казнь через повешение состоялась в июне, последняя – в сентябре; затем воцарилось потрясенное молчание. Тех, кто пережил этот разгул мракобесия, смущали не столько ведьмовские козни, сколько неуклюжее отправление правосудия. Очевидно, среди повешенных были невинные; виновные же избежали наказания. Никто не божился помнить о случившемся вечно – более уместным казалось предать эти девять месяцев забвению. И это сработало – на время. С тех пор мы несем в себе Салем как национальный кошмар, перезрелую газетную сенсацию, страшный эпизод из прошлого. Его огонек потрескивает и подмигивает, пробиваясь сквозь толщу американской истории и литературы.

Никого не сожгли на костре. Ни одной повитухи не погубило. Вуду пришло в США позже, вместе с одним историком XIX века [2]; раб-мулат – вместе с Лонгфелло^[2]; колдовские ритуалы в лесу – с Артуром Миллером (в фильм потом добавили цыплячью кровь и кипящий котел)^[3]. Эрудиция играет в этой истории более важную роль, чем невежество. Однако пятьдесят пять человек признались в ведьмовстве. Был повешен пастор. И хотя мы никогда не узнаем точного числа формально обвиненных в «лукавом и злонамеренном» участии в магических ритуалах [3], до того, как кризис пошел на спад, в двадцати пяти деревнях и городах выявили от 144 до 185 ведьм и колдунов. Сообщалось, что небо над Массачусетсом тогда рассекали порядка семисот ведьм. Обвиненных было так много, что свидетели

путались в своих колдуньях. Даже один весьма дотошный летописец впоследствии отправил в злополучный полет совершенно не ту женщину [4].

Самой молодой ведьме было пять, самой старой – под восемьдесят. Дочь обвинила свою мать, которая обвинила свою мать, которая обвинила соседа и пастора. Жена и дочь донесли на своего мужа и отца. Мужья приплетали к делу жен, племянники – теть, зятя – тещ, братья и сестры – друг друга. Лишь отцы и сыновья выбрались из шторма без потерь. Женщину, приехавшую в Салем, чтобы защитить свое доброе имя, заковали в кандалы в тот же день, еще до захода солнца. В Андовере – самом пострадавшем из поселений – обвиненным оказался каждый пятнадцатый житель. Главный пастор города неожиданно выяснил, что находится в родстве по меньшей мере с двадцатью ведьмами. Духи вылетали из могил, дабы курсировать по залу суда во всех направлениях, что нервировало присутствовавших даже больше, чем сами ведьмы. Возникали вопросы, отвечать на которые было страшнее всего: а кто плетет заговор против тебя лично? Можно ли быть ведьмой и не знать этого? [5] Может ли невинный быть виновным? Может ли хоть кто-то, спрашивали себя к концу лета мужчины, чувствовать себя в безопасности?

Как получилось, что идеалистическая Колония Массачусетского залива всего через три поколения после своего основания превратилась в такое мрачное место? Загадка Салема породила почти столько же теорий, сколько убийство Джона Кеннеди [6]. Нашу первую тру-крайм историю пытались объяснить поколенческими, сексуальными, экономическими, духовными и классовыми разногласиями; региональными конфликтами, привезенными из Англии; пищевыми отравлениями; теплолюбивой религией в холодном климате; подростковыми истериками; махинациями, налогами, заговорами; политической нестабильностью; травмирующими последствиями нападений индейцев; наконец, настоящим колдовством. И все вышеперечисленное – в числе самых адекватных теорий^[4]. Можно винить атмосферные явления, или проще – погоду: так исторически сложилось, что вспышки обвинений в колдовстве обычно происходили в конце зимы. За все это время в ролях злодеев побывали самые разные актеры, некоторые выглядели убедительнее других. Жители Салема тоже пытались объяснить себе, зачем констебль с

ордером на арест стучится в ту или иную дверь. Им картина виделась ненамного более ясной, чем нам сегодня. Она включала невидимые хороводы приходов и расходов, тихую неприязнь, долго тлевшую вражду и полузабытые обиды. Уже тогда кое-кто догадывался, что Салем – история с двойным дном. И большая часть подтекста теперь утеряна для нас, как соль шуток у Шекспира.

Салем, короткий триумф террора, – редкий эпизод в просвещенном прошлом Соединенных Штатов, когда разом погасли все свечи и люди блуждают в потемках. Именно в таких условиях берут начало хорошие истории. Их легко осмеять (только у этой трагедии появился собственный ежегодный праздник, хотя и не имеющий к ней прямого отношения), но сложнее понять. Нас неумолимо притягивает эта «тайна запертой комнаты». За триста лет мы практически ничего не узнали про эти девять месяцев в истории Массачусетса. Знай мы о Салеме больше, возможно, меньше бы уделяли ему внимания – это как-то связано с той мучительной загадкой, от которой вспыхнула изначальная боязнь ведьм. Что-то тревожит нас по ночам. Иногда совесть. Иногда секреты. Иногда страхи, переведенные с одного языка на другой. Нередко тем, что мучает нас, и кусает, и скребет, и царапает, и режет, и душит – например, ведьма из XVII века, – оказывается никак не складывающийся пазл, оставленный в соседней комнате.

Население Новой Англии 1692 года сегодня уместилось бы на стадионе «Янки». Почти все эти люди были пуританами. Семьи, пострадавшие за веру, уплыли в Северную Америку, чтобы там почитать бога «в большей чистоте и меньшей опасности, чем в собственной стране», по словам одного пастора, находившегося в самом центре событий [8]. Они считали Реформацию неоконченной, а англиканскую церковь – недостаточно целомудренной. В Северной Америке они намеревались завершить свою миссию. Они считали себя посланцами Бога и надеялись дать начало новой истории: им выпал шанс построить с нуля цивилизацию, «новый английский Израиль», как назвал это некий священнослужитель в 1689 году [9]. Непримириемые протестанты, они оказались дважды раскольниками, дважды революционерами. Это не прибавляло им популярности на родине. Они вносили смуту и разногласия, имели твердое мнение, пылали праведным гневом. Как все изгои, они отождествляли себя с

нанесенными им обидами [10]. Именно им Новая Англия будет обязана своим решительным характером, а Америка, как утверждается, – своей независимостью. Ревностные кальвинисты, они проделали большой путь, чтобы по-своему проводить религиозные обряды, и были крайне нетерпимы к тем, кто придерживался иных порядков. Они были пылкими, беспокойными, беззастенчивыми, безнадежно логичными, не совсем американцами. Они представляли самую однородную культуру из когда-либо существовавших на этом континенте.

Конечно, приезжий преувеличивал, когда писал, что жители Новой Англии не могли «заключить сделку или пошутить, не обратившись к Святому Писанию» [11]. Но не то чтобы он был так уж далек от истины. Если в доме имелась книга – а она почти всегда имелась, – то это была Библия. Первые американские поселенцы Нового времени думали, дышали, мечтали, воспитывали, торговали и бредили библейскими словами и образами. Судья Сэмюэл Сьюэлл ухаживал за привлекательной вдовой, зачитывая ей опубликованные проповеди. Она сдерживала его натиск с помощью апостола Павла^[5]. Ругая сограждан, которые скорее заморят его голодом, нежели станут платить ему жалованье, вице-губернатор Нью-Гемпшира цитировал «К коринфянам». Его оппоненты отбивались Евангелием от Луки. Иоанн Креститель легко мог возникнуть в горячем земельном споре в Кембридже. Заключение, выступая в свою защиту, обращался к стиху 19: 19 Второзакония. А когда ночью в ваше окно влетала кошка-убийца, вцеплялась вам в горло и царапала грудь, пока вы, беззащитный, лежали в постели, вы гнали ее прочь, призывая Отца, Сына и Святого Духа. Тварь тут же спрыгивала на пол и удирала обратно через окно, а вы понимали, что это на самом деле был ваш сосед-склочник, обратившийся зверем. К такому же заключению приходил и колесник из соседней деревни, когда одним дождливым ветреным вечером после заката на него набрасывалась черная псина. Топор в его руке был здесь бессилён: лишь имя Божье спасало ему жизнь.

Новый мир копировал старый, но с существенными поправками. Простершееся от острова Мартас-Винъярд до полуострова Новая Шотландия и включавшее в себя части сегодняшних штатов Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гемпшир и Мэн, это библейское

сообщество лежало на границе с дикими неосвоенными территориями. С самого начала оно боролось с другой напастью американского бытия – дьявольским дикарем, смуглолицым террористом – на собственном заднем дворе. Даже наименее изолированные аванпосты поселения ощущали свою уязвимость. Буря сорвала крышу с одного из лучших салемских домов, пока десять его обитателей мирно спали. Церковь взмыла в воздух вместе с прихожанами [12]. Первые поселенцы жили не только на границе, но и как бы в безвременье. Здесь какой-нибудь иноземный монарх мог умереть и в следующую же минуту воскреснуть – так ненадежны были источники информации. Жители Массачусетского залива не всегда знали, кто сидит на троне, которому они присягали на верность. В 1692 году они не знали полномочий собственного правительства и жили так в течение трех лет: хартия, подписанная в конце 1691 года, все еще плыла к ним через океан. Три месяца в году они не были уверены, какой нынче год: папа римский утвердил григорианский календарь, а в Новой Англии его не принимали, продолжая упрямо считать началом нового года 25 марта (когда салемские ведьмы начали нападать на первых жертв, в Северной Америке был 1691-й, а в Европе – 1692 год).

В удаленных поселениях, в сумрачных, плохо освещенных домах с чадящими свечами граждане Новой Англии жили по большей части во тьме – а во тьме всегда вслушиваешься напряженнее, ощущаешь острее, представляешь живее. Во тьме сакральное и сверхъестественное расцветает пышным цветом. Их страхи и фантазии мало отличались от наших, пусть даже те ранние американские ведьмы походили на сегодняшних старух в остроконечных шляпах, как сомалийские пираты походят на капитана Крюка из «Питера Пэна». Однако их тьма была совершенно особенной [13]. Небо над Новой Англией было чернее воронова крыла, черным как смоль, библейски черным^[6] – таким черным, что ночью трудно было не сбиться с дороги, а деревья легко перемещались в пространстве. Таким черным, что вы вдруг обнаруживали, что за вами гонится бешеный черный кабан, и приползали домой на четвереньках, окровавленный и потерянный. Конечно, очки были не очень популярны в Массачусетсе XVII века. А пили там в основном крепкий сидр. И все же вдумчивый, набожный, образованный житель Новой Англии нес порой в салемском суде такое, что впору было заподозрить его в

злоупотреблении каким-то наркотическим веществом весьма низкого пошиба.

Во всей Новой Англии трудно было найти нескольких человек, не считавших сверхъестественное чем-то по-настоящему реальным, такой же неотъемлемой частью культуры, как и сам дьявол. У большинства имелись истории из личного опыта – как и у многих из нас сегодня. Мы все сталкивались с необъяснимым, даже если и не признаёмся себе в этом. Через год после кризиса с ведьмами Коттон Мэзер в числе других наиболее начитанных людей Америки посетил Салем. Там он потерял записи своих проповедей, которые обнаружили спустя месяц, разметанные по улицам соседнего поселения. Мэзер решил, что украли их сподвижники дьявола [14]. Человек больше не сомневался в реальности волшебства, как не сомневался в буквальной точности и абсолютной правдивости Писания – не верить в это означало не верить в восход или закат солнца. А колдовство служило чрезвычайно важной цели. Раздражение, смущение, унижение – все растворялось в его кипящем котле. Оно придавало смысл неудачам и суевериям, прогоркшему маслу, болезни ребенка и кошке-убийце. Что же еще, пожимал плечами муж, могло оставить черно-синие пятна на руке его жены?

Каким-то напастям, одолевавшим поселенцев Новой Англии, мы можем сегодня дать объяснение. Каким-то – нет. В свое время мы верили в кучу сказок: в зубную фею, холодный ядерный синтез, пользу курения, бесплатный обед, – чтобы обнаружить впоследствии, что ничего из этого не существует. Мы все до определенного момента находимся в плену абсурдных убеждений, даже не подозревая об этом. Мы все иногда предпочитаем вымысел правде, отказываемся от явного доказательства в пользу фантастической идеи, совершаем безумные поступки во имя здравого смысла, делаем соблазнительный шаг от праведности к фарисейству, топим свою личную вину в общественном колодце, предаемся маленьким заблуждениям. Каждый из нас хотя бы раз считал, что кому-то больше нечем заняться, кроме как тратить время на плетение против нас интриг. XVII век полнился необъяснимым, совсем как невероятно автоматизированный, познавший человеческий мозг, научно подкованный двадцать первый.

Хотя мы и не склонны думать, что темные силы крадут наши бумажки, мы сталкиваемся со странностями каждый день – и нам это

нравится. Нам нравятся истории о том, как молния, ударившая в молящегося, испепелила книгу Откровение, но не тронула остальную Библию [15]. Даже те из нас, кто не имеет отношения к пуританам, подвержены «болезням потрясений», как называл это Мэзер [16]. Наша потребность в чуде никуда не делась. Мы по-прежнему желаем, чтобы рядом существовало нечто непознаваемое. Мы надеемся обнаружить у себя скрытую силу – типа рубиновых башмачков Дороти, тайну которых открывает ей добрая фея Глинда. А когда дело касается женщин, желательно, чтобы подобная сила проявлялась исключительно в кризисных ситуациях: лучшая героиня – неожиданная героиня. До и после судебных процессов Новая Англия кормилась легендами о бесстрашных дамах, о доблести, проявляемой ими в схватках с индейцами. Эти «рассказы пленниц» стали чем-то вроде шаблона для историй о ведьмах. У каждого есть свой «рассказ пленника»: сегодня мы называем это мемуарами. Порой мы оказываемся еще и пленниками своих фантазий. Салем – отчасти история о том, что происходит, когда вопросы без ответов сталкиваются с ответами без вопросов.

Салемский кризис с его людьми-трансформерами, полетами на метлах, безумными желаниями, затравленными рабами, злобными мачехами, заколдованным сеном и заговоренными яблоками напоминает и другой жанр тех времен: волшебную сказку. В одной такой сказке действие происходит в чаще, куда охотник везет вас, чтобы вырезать легкие и печень, а до дому вас провожают волки. Салем повествует о нереальном, но не о неправдивом: он замешан на неисполненных желаниях и невысказанных тревогах, волнующих сексуальных подтекстах и первобытном ужасе. Он разворачивается в той самой заманчивой плоскости, которая лежит между сверхъестественным и абсурдным. В Новой Англии и раньше проходили суды над ведьмами, но ни один из них не имел дела со стайкой одержимых девчонок подросткового и предподросткового возраста. Салем, как и положено волшебной сказке, – история, где главные роли играют женщины: решительные командирши и покорные рабыни, благонравные матроны и капризные юницы. В одном только количестве обвиненных женщин кроется тихий намек на тревожащую женскую силу. Несколько юных бесправных девочек спровоцировали кризис, разбудивший силы, которые никто не смог взять под контроль,

и это до сих пор нас беспокоит. Может быть, это в какой-то мере объясняет, почему мы превратили историю о женщинах в опасности в историю об опасных женщинах. А может быть, и нет.

Женщины играют в сказках роль злодеек – а как еще вас назвать, если вы вдруг седлаете символ скромного домашнего труда и улетаете черт знает куда, поправ все нормы морали и законы природы? Но эти сказки – тоже территория молодых. Салем каждым своим нервом связан с взрослением, с тем неукротимым возрастом, когда мы, ранимые и непобедимые, беспечно скачем по узкой границе рационального и нерационального, когда страшно волнует и духовное, и сверхъестественное. Кризис начался с двух девочек предпубертатного возраста и быстро перекинулся на подростков, околдованных людьми, которых большинство из них никогда не встречали. Девочки жили в деревне, бьющейся за автономию от города; в колонии, которая сама проходила через муки взросления. Годами Корона пыталась навязать Новой Англии свою королевскую волю, и самые последние из этих попыток жители Массачусетса – включая почти всех будущих судей на процессах – пресекли. У них было немало поводов требовать у Англии защиты от набегов индейцев и коварства французов. Но, жалуясь на свою уязвимость как «сиротливой плантации», поселенцы при этом сопротивлялись любому контролю. Они с самого начала готовились к вмешательству в свои дела, клялись противостоять ему, когда настанет час, и почувствовали себя оскорбленными, когда час-таки настал. Отношения с метрополией превратились в непрекращающуюся перебранку. В какой-то момент казалось, что те, кто должен был защищать колонистов, на самом деле их преследовали. Лондон же, наоборот, считал колонистов «капризными недотрогами» [17]. Власти Массачусетса страдали еще одним тревожным расстройством, сыгравшим свою роль в 1692 году. Всякий раз, оглядываясь в восторге на людей, основавших их богоугодную общину, всякий раз, воздавая хвалу величайшему из поколений, сами они словно чуточку уменьшались.

Историческая правда проявляется только со временем. В случае с Салемом она выползает из тьмы веков крайне неохотно, к тому же несколько видоизмененная. Пуритан, обожавших записывать всё и вся, сложно заподозрить в забывчивости. Однако в середине 1692 года,

если верить дошедшим до нас архивам, никто в Массачусетсе не вел дневников, даже самые заядлые авторы дневников. «Полный свод божественного» авторства преподобного Сэмюэля Уилларда – сочинение настолько объемное, что ни один печатный станок в Новой Англии не мог его напечатать, – демонстрирует весьма красноречивый пробел в записях с 19 апреля по 8 августа. При этом Уиллард не опустил ни одного месяца в 1691 или 1693 году. Почтенный салемский пастор [18] пишет тем летом своему старшему сыну, что его сестру бросил ее убогий муж. Но не упоминает, что она, кроме того, задержана по подозрению в колдовстве. Поднимающийся по карьерной лестнице двадцатидевятилетний Коттон Мэзер в основном живет в Бостоне, но впоследствии так много настроит о Салеме, что буквально впишет себя в историю. Большую часть своего дневника в 1692 году он составит уже постфактум. Салем дошел до нас обезображенный XVII веком и додуманый девятнадцатым. А мы склонны расчесывать свой национальный шрам, оставленный несдюжившим правосудием, с разной степенью энтузиазма в разных регионах страны. Массачусетский промах был излюбленной темой, например, на юге в 1860-х; исключением стала лишь Южная Каролина, где одну ведьму держали в тюрьме больше года. Поиски ответа на вопрос, как стал возможен холокост, в 1949 году привели писательницу Мэрион Старки в Салем. Она написала объемную книгу, которая позже, во времена маккартизма, вдохновит Артура Миллера на пьесу «Суровое испытание». Миллер, как до него Натаниэль Готорн^[7], многое взял от этой истории.

Не сохранилось записей ни одного судебного заседания по делу о колдовстве. У нас имеются описания процессов, но не стенограммы: лишь подготовительные бумаги – показания свидетелей, обвинения, признания, петиции – плюс два приказа об исполнении смертного приговора. Деревенский журнал, куда вносились все значимые события, подчищен. В то время в североамериканских колониях еще не выпускалось газет. Хотя у околдованных имелась армия восхищенных поклонников, их голоса до нас не дошли. Их слова передают нам исключительно мужчины, которых нельзя обвинить в дотошности, непредвзятости и скрупулезном документировании. Эти мужчины искажают, заглушают голоса осужденных и проявляют не больше внимания к обвинителям – не все сказанное ими записывается.

У нас очень мало полных стенограмм предварительных слушаний. Свидетельские показания давались слишком быстро, а шум в зале не давал их расслышать. Сложно с уверенностью сказать, кто что говорил. Стенографисты очень скоро перестали вести настоящие протоколы, вместо этого просто делая выжимки и добавляя отсебятину по ходу действия. Один, например, написал, что ответчик выступал с «очень неприятным, презрительным видом» [19]. Другой прервал протоколирование судебного заседания, чтобы назвать подозреваемого лжецом. С какого-то момента стенографисты перестают останавливаться на отрицаниях вины, которые вскоре переродились в признания. И тут встает другая проблема: показания даются под присягой. Также они полны диких небылиц – если, конечно, вы не верите признанию одной женщины, поклявшейся говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, – что она вместе со священником местного прихода и еще парой человек верхом на палке летала на праздник сатанинского посвящения, в предшествующий тому понедельник плавала по воздуху с призраком пастора, а до того беседовала в своем саду с сатанинской кошкой. Более ста человек вели записи показаний. Мало кто из них когда-либо учился правильно это делать. Результат – адская непоследовательность. Даже если они все же записывали ответ, то не всегда утруждались фиксировать вопрос. Хотя несложно восстановить его из контекста, когда девятнадцатилетняя девушка, стоя перед тремя самыми влиятельными мужчинами, которых ей доводилось встречать в жизни, кричит: «Я скажу! Я скажу!» – и признается в ведьмовстве [20].

Обвинители путали подозреваемых, более поздние летописцы вносили еще больше неразберихи. У некоторых оказалось одно и то же имя. Часто все, что осталось от человека, получено после изнурительного допроса и записано судебными писарями, испытывавшими к жертве антипатию и порой свидетельствующими против нее. Мы крайне мало знаем про большинство из них помимо того, что они обвинялись или признавались в колдовстве. Еще одно сходство салеминых ведьм со сказочными персонажами – мы узнаем их по единственной детали: узору на платье, обороту речи, внутренней дрожи. И вынуждены делать выводы, исходя из единственной характеристики: Мэри Уоррен была красавицей. Абигейл Хоббс была бесстыдницей. У Джорджа Джейкобса было великолепное чувство

юмора, а у Сэмюэла Пэрриса его не было вовсе. Что мы хотим услышать от людей, вовлеченных в процессы? О чем они думали, когда признавались, что летали по воздуху или душили соседа? А когда клеймили абсолютно вменяемую женщину, утверждавшую, что она знать не знает ничего о ведьмовстве? Делили камеру с обвиненным колдуном? Присутствовали при повешении, где приговоренный по их обвинению до последнего вдоха настаивал на своей невинности? Где был демон Салема, чего он хотел? Как те, кто противостоял ужасным обвинениям, нашли в себе для этого силы? Все они сошли в могилу, продолжая верить в существование ведьм. В какой момент до них дошло, что, даже если волшебство существует, суды эти – фикция? Их маленькая история местного значения разрастается – и из национальной страшилки превращается в готический триллер, в масштабный разлом, выпустивший джинна, на который страна наткнулась по пути к конституции. Охота на ведьм остается подпитываемой слухами замшелой поучительной историей, напоминанием о том, что – как сказал один пастор – чрезмерно правильное может споткнуться о чрезвычайно неправильное [21].

Здесь слишком много того, о чем мы не можем знать наверняка: как два человека, обвинившие друг друга в колдовстве, несколько месяцев ладили, сидя в одной крошечной камере? А если они были матерью и дочерью? Чем дух отличался от призрака? Что было страшнее: что следующим, к кому постучатся, будешь ты, что колдовство вскоре доберется и до тебя или что человек, которого ты приговариваешь к повешению, может оказаться невинным? Мы снова и снова возвращаемся к их словам, пытаемся выцепить ответы из скупой пуританской прозы, заставить говорить плотно сомкнутые пуританские губы; разобрать смысл эпизода, начавшегося с аллегории, которая, словно детская книжка-раскладушка, вспыхнула ослепительной историей – только для того, чтобы снова превратиться в аллегорию. Молитва, заклинание, книга... Мы всё еще надеемся: стоит лишь расположить слова в правильном порядке, горизонт прояснится, мы станем лучше видеть, и – когда неопределенность ослабит свою хватку – все чудесным образом встанет на свои места.

2. Старый искуситель

*Но кто знает, какие чудеса могут явиться мне
до конца этого года! [1]*

Коттон Мэзер, 1692

Едва не касаясь подолом дубовых рощ, поросших мхом болот и крученых быстрин, Энн Фостер, оседлав палку, плыла над верхушками деревьев, полями и оградами [2]. В кармане у нее лежали хлеб и сыр. Была середина мая 1692 года, после сырой весны в воздухе ощущался холодок. Впереди сидела Марта Кэрриер – бесстрашная мать четверых детей была вдвое моложе Фостер. Именно Кэрриер уговорила Фостер на этот полет; дорогу она знала. Луга и взгорки плюшевым ковром расстилались под летящими женщинами, которые держали путь на юго-восток, через реку Ипсвич, поверх красных кленов и цветущих садов. Свежий ветер оведал их лица, яркая луна освещала небеса. Уже несколько лет Фостер и Кэрриер живут по соседству, семьи обеих происходили из Шотландии и ходили в одну и ту же церковь в Андовере, штат Массачусетс.

Они перемещались очень быстро и преодолели за одно мгновение расстояние, на которое хорошей лошади потребовалось бы три с половиной часа, да и дорога до недавних пор была каменистой и ухабистой, совершенно непроходимой в темноте. Их путешествие, однако, тоже не обошлось без происшествий. Только что они рассекали воздушные потоки, и вот уже камнем падают вниз, потому что недалеко от лесной чащи палка под ними неожиданно сломалась. Женщины валятся на землю, и более старшая Фостер подворачивает ногу. Она инстинктивно обхватывает Кэрриер за шею. Именно в этой позе, объясняла позже Фостер (и ее показания ни разу не менялись ни на йоту), они снова взлетают и вскоре благополучно приземляются на салемский деревенский луг. Собрание еще не началось, и у дам есть время устроить маленький пикник под деревом. Встав на колени, Фостер пьет из ручья. Этот инцидент в воздухе – уже не первый в истории. Дважды десятилетиями ранее одна маленькая девочка из

Швеции, тоже направлявшаяся на важнейшее ночное собрание на лугу, рухнула с большой высоты и почувствовала «сильную, все возрастающую боль в боку».

Фостер и Кэрриер пролетели почти двадцать километров над раскиданными там и тут поселениями. Нетрудно объяснить, почему их никто не видел. Труднее понять, почему никто не слышал столкновения с землей. Звуки отражались эхом и рикошетом разлетались по всей Новой Англии, что усиливало эффект и давало повод разыгаться воображению [3]. Шлепанье хвоста бобра по воде слышалось в пределах километра. «Отвратительная возня и рычание» жирных черных медведей разносились далеко, как и вопль толпы при падении ножа гильотины. Любое нарушение тишины требовало объяснений. Что это за океан рокочет здесь, в глубине материка? Стая голубей садится на дерево. А этот жуткий рев? В Бостоне Сэмюэл Сьюэлл обнаружил, что это плачет его корова, которую укусила собака. Каждую ночь собаки выли на волков-мародеров. Но иногда истошный лай и треск досок на рассвете предвещали кое-что более зловещее. Иногда это означало, что кто-то разбирает соседний дом, поспешно решая таким образом неприятный имущественный спор. Кто же мог подумать, что звук, который все приняли за выбивание белья прачкой в лесной чаще, на деле окажется симфонией размножения гигантских черепах?

Кстати, верить своим глазам было вовсе не обязательно. Порой шарканье и топот были предвестниками появления из темноты прекрасно экипированных иностранных воинов. Оставляя четкие следы, они растворялись в кукурузных полях, садах и болотах. Они стреляли настоящими пулями, однако за пару недель нервотрепки совершенно не пострадали от пуль шестидесяти ипсвичских ополченцев. Их считали призраками французов и индейцев [4] – такое объяснение было лучше многих других. Вы могли проснуться от непонятной возни в ночи и обнаружить рядом с собой семейство кошек. В ярком свете луны за царапаньем по оконному стеклу легко могла обнаружиться и впрыгнуть к вам в кровать Сюзанна Мартин, которая затем садилась вам на живот, пытаясь добраться до горла. При свете дня дядя Энн Патнэм видел, как миссис Брэдбери исчезла в своем саду, а через несколько секунд снова появилась, но уже в виде синего кабана. Когда через дымоход в кухню ввалился настоящий

живой теленок, рядом хотя бы ошивался один мальчишка-проказник. Но как насчет медуз, глубокой ночью светящихся в камине? [5] Там их было не меньше дюжины, уверял Элизер Кисер. Служанка тоже их видела! Через минуту наваждение пропало. А кто передвинул верстовые столбы, из-за чего один житель поселка Эймсбери одной лунной субботней ночью оказался в лесах, где свалился в несуществующую яму, почти в двух километрах от дома? Восемнадцатилетняя Сюзанна Шелден не могла поверить собственным глазам: кастрюля сама по себе вылетела из дома. И почему метла снова застряла в ветвях яблони?

Образы выныривали из тьмы и превращались в нечто совершенно иное. Отряд конных всадников на берегу с более близкого расстояния становился хромым индейцем с сетью на плече [6]. Когда ученик в доме Сьюэллов палкой гнал собаку вон, на самом деле он выяснял отношения с девятилетним мальчишкой [7]. А когда Титуба, рабыня преподобного Сэмюэла Пэрриса, однажды наткнулась на мохнатое существо ростом около метра, с крыльями и длинным носом, гревшееся в темной комнате перед приходским очагом, она, понятное дело, приняла его за сварливую Сару Осборн. Она клялась в этом. Пастор прихода в Бэверли Джон Хейл, возможно, был более близок к истине, когда предположил, что нечто, взорвавшее его камин, проделавшее в крыше почти трехметровую дыру, громыхнувшее посудой и парализовавшее его руку, на самом деле было молнией. С таким же твердым намерением примирить восприятие происходящего с его пониманием несколько видных мужей, пасторов, собрались на недавно отремонтированной кухне одним жарким апрельским полднем. Они пытались найти ответ на вопрос, почему «небесная артиллерия» предпочитала целиться в дома церковнослужителей, когда вдруг зазвенели осколками новенькие оконные стекла, и по полу рассыпались крупные градины. У уважаемых мужчин имелись основания заключить, что кто-то хочет что-то кому-то доказать. Соседи глазели на кучу битой плитки и стекла. Оставалось лишь расшифровать послание. Настоящий пуританин всегда умел грамотно воспользоваться хорошей катастрофой.

Энн Фостер взмыла на своей палке в небо над Салемом за три года до этого града. Ей не требовалось свидетелей, способных подтвердить тот неудачный полет: была причина, по которой она

запомнила его в мельчайших деталях, вплоть до следов копыт на песчаной тропинке на лугу. Плюс ко всему поврежденная нога тревожила ее еще несколько месяцев.

Еще проворнее двух андоверских женщин перемещались по Новой Англии два слуха. Из лесов начали выскакивать и бесшумно проникать в поселения индейцы. «Злые волшебники и дьявольские колдуны» [8] казались настоящими князьями тьмы. Без стука и приветствия в вашей гостиной могли появиться четверо вооруженных туземцев, чтобы погреться у огня и наговорить вам непристойностей, в то время как вы со своим вязаньем трепетали в углу от страха. Или вы возвращались из поездки в Бостон и обнаруживали, что ваш дом сгорел, а семья в заложниках – все это козни невидимых врагов. «Найти их труднее, чем убить» [9], – говорил Коттон Мэзер, блистательный молодой светловолосый пастор^[8]. Они прятались, ускользали, порхали с места на место, творили зверства – и исчезали. Вместе со своими вигвамами – всего за одну минуту. «Наши люди не видели, по кому стрелять» [10], – жаловался генерал-майор из Кембриджа. Продолжавшееся год и три месяца противостояние между поселенцами и коренными американцами, так называемая война короля Филипа, закончилось в 1676 году. Оно уничтожило треть из сотни городов Новой Англии, рассыпало в прах ее экономику и забрало 10 % взрослых мужчин. Каждый житель Колонии Массачусетского залива – особенно округа Эссекс, к которому относился Салем, – потерял друга или родственника. В 1692 году колонисты не просто так называли эти мрачные месяцы «прошлой индейской войной»: уже назревал новый конфликт. Серия опустошительных набегов предвещала скорое столкновение с индейцами-вабанаки и французами, ставшими их союзниками в продолжение европейской войны между Англией и Францией [11]. Не так давно границу передвинули, теперь от нее до Салема было всего восемьдесят километров.

Еще одним шустрым путешественником оставался слух, просачивавшийся сквозь доски пола и щели в окнах, нечувствительный к слякоти и снегу, не знавший усталости легконогий отщепенец неуклюжей правды. Как заметил некий продавец книг того времени: «Вся человеческая раса заражена свербящим зудом узнавать

новости» [12]. Данный недуг только обострялся из-за отсутствия газет. Жителю Новой Англии приходилось довольствоваться тем, что было; если слова не проскальзывали через щели в стене или незанавешенные окна, их додумывали. Одна салемская пара подала в суд на своего слугу за то, что он шпионил за ними и рассказывал об увиденном. Если учесть, что люди спали в кровати по несколько и жили в весьма стесненных условиях – в среднем салемском доме на шестерых приходилось четыре комнаты, причем в гостиной хранились припасы, а в кухне стоял ткацкий станок, – личное пространство было в этих местах роскошью. Многие в Массачусетсе просыпались от чьего-то хихиканья, иногда в собственной кровати^[9].

В маленьких городках нередко нарушено естественное соотношение мистики и скрытности. Салему с населением не больше пятисот пятидесяти человек было хорошо знакомо первое и почти неизвестно второе. Молва там жила долгой безбедной жизнью, питаемая домыслами и повторениями. В 1692 году весь Андовер знал, что Энн Фостер тремя годами ранее понесла тяжелейшую утрату. Ее зять и дочь поспорили о продаже земли, и зять закончил спор, перерезав горло супруге, у которой вскоре должен был родиться их восьмой ребенок. Перед повешением убийца раскаялся, публично признав неоспоримые достоинства семейной гармонии (это тоже слух, но, по крайней мере, из уст пастора) [14]. В том же 1689 году внук Фостер чудесным образом пережил налет индейцев: мальчика с частично снятым скальпом сочли мертвым и не стали добивать. Не было секретом и то, что Марта Кэрриер, компаньонка Фостер по упомянутому полету, родила ребенка прежде, чем вышла замуж за его отца, бедного слугу из Уэльса. А в 1690 году у Кэрриеров обнаружилась оспа. Им было приказано покинуть город, но они отказались. Власти Андовера посадили семью на карантин, опасаясь, что Кэрриеры будут (если еще не успели) «распространять хворь с бездушной небрежностью» [15]. За десятки лет до того о Марте шептались, будто она ведьма.

И вот в конце января 1692 года [16]– когда индейцы устроили страшную резню в Йорке, провинция Мэн, оставив изуродованное тело местного пастора у дверей его дома; когда на смену необычно суровой зиме в Новую Англию пришла оттепель; когда стало известно, что за океаном новый губернатор Массачусетса поцеловал кольцо

Вильгельма III и собирался возвращаться домой с новой хартией, сулившей колонии долгожданное избавление от длительной анархии, – пошли разговоры о том, что что-то нехорошее происходит в доме Сэмюэла Пэрриса, салемского пастора.

Все началось в одну из чернильно-черных ночей с непонятных ощущений. Абигейл Уильямс, светловолосая одиннадцатилетняя племянница преподобного, судя по всему, первой подверглась странному воздействию. Вскоре подобные симптомы появились и у девятилетней Бетти Пэррис. Двоюродные сестры жаловались, что их кусает и щиплет «что-то невидимое» [17]. Они то скулили и лаяли, то вдруг немели. Их тела сотрясались и вращались, обмякали и деревенели. При этом у девочек не было жара, они не страдали эпилепсией. Паралич вдруг сменялся исступленными, непонятными жестами. Они «несли полную чушь, которую ни сами девочки, ни другие присутствовавшие не могли разобрать» [18]. Они забивались в щели, под стулья и табуретки, откуда их вытаскивали с большим трудом. Одна даже прыгнула в колодец. Абигейл пыталась взлететь, размахивала руками и жужжала как муха. И у обеих не находилось времени помолиться, хотя до января обе прекрасно себя вели и демонстрировали безупречное воспитание. Ночью девочки спали как младенцы.

Это случалось и прежде. Самый памятный случай – когда четверо таких же благоразумных деток, дочери и сыночки набожного бостонского каменщика, отличавшиеся «примерным поведением и манерами», стали жертвами некоего загадочного расстройства [19]. «Они лаяли друг на друга как собаки и мурчали как кошки», – пишет Коттон Мэзер, наблюдавший детей Джона Гудвина в 1689 году. Они летали, как гуси – один раз улетели аж на шесть с лишним метров. Они корчились от ударов невидимых розог, вопили, что их режут ножами и сковывают цепями. Их тела содрогались от боли с такой скоростью, что присутствовавшие не успевали ничего заметить. Из-за судорог дети не могли одеваться и раздеваться. Они сами себя душили. Они травмировали себе челюсти, запястья и шеи. «Они то были глухи, то немые, то слепы, а часто – все это сразу», – пишет Мэзер, и при нормальных обстоятельствах все это отлично описывает процесс взросления. Замечания родителей доводили их до конвульсий, работа по дому не давалась. Они могли натирать тряпкой чистый стол, но

грязный стол приводил их в ступор. Домашние неурядицы вызывали приступы хохота. «Но ничто на свете, – сообщает Мэзер, – не расстраивало их так, как религиозное обучение». Любое упоминание Бога или Христа причиняло «невыносимые страдания». Марта Гудвин могла спокойно читать «Оксфордскую книгу шуток», но цепенела, когда ей давали что-нибудь более нравоучительное, либо что-нибудь с именем Мэзера на обложке.

Тем летом тринадцатилетнюю Марту привезли к нему на лечение. Она скакала по дому Мэзеров рысью и галопом на своем «воображаемом коне», свистела во время семейной молитвы и колотила любого, кто пытался молиться при ней, – гости хуже и не придумаешь. Сэмюэл Пэррис с женой Элизабет недавно переехали в Салем и обустроивались в поселке, а в Бостоне в это время Марта швыряла книжки в голову Коттона Мэзера. Пэррис не мог не вспомнить о Гудвинах в 1692 году: наверняка он в деталях знал обо всех их семейных перипетиях из широко публикуемых мэзеровских «Памятных знамений колдовства и одержимости». Его пастор, имевший опыт наблюдения за одержимыми детьми, рекомендовал эту книгу. «Волнения, терзания, кривляния, скачки, конвульсии и плевки» в салемском доме были совершенно такими же, только более резко выраженными [20]. Абигейл и Бетти кричали, что их колют тонкими иглами. Кожа их горела. В двухэтажном прицерковном коттедже площадью 14 на 6,5 метра главе семьи негде было укрыться от этих воплей, хорошо слышимых по всей округе: слава богу, их обшитый досками дом с острой крышей стоял вдали от дороги. С ними также жили десятилетний Томас Пэррис и четырехлетняя Сюзанна – не подвергшиеся воздействию и, надо полагать, напуганные до смерти.

Несмотря на двух имевшихся у них рабов, Титубу и Джона, семейство, вероятно, ощущало некую духовную изолированность. Если девочка-пуританка не ходила за скотиной, не работала в саду, не занималась очагом, не пекла и не лила свечей, то должна была вязать, наматывать нитки на катушку или ткать [21]. Какой-нибудь пятилетке могли спокойно поручить простегать одеяло или сесть за прялку. Так что колотящиеся в припадках девочки совершенно выбили из колеи привычную жизнь семьи. Их нельзя было оставить одних. К тому же Пэррис не мог наверху нормально готовиться к проповедям, когда внизу творился такой хаос. А ведь даже самые одаренные из его коллег

ежедневно посвящали этому по семь часов лихорадочных бдений. Иные в одиночестве читали и размышляли на тему предстоящей проповеди по целой неделе [22]. В то время как обычный пуританский пастор проводил много времени, размышляя в тишине, Пэррису отныне предстояло пройти испытание другого рода. Ему приходилось работать на фоне душераздирающих криков. Он привык, что посетители приходят послушать его, Пэрриса, – теперь же эту роль присвоили его дочь и племянница.

Во все времена в доме приходского священника тепло принимали посетителей. В феврале того года их образовался явный перебор. Болезнь в XVII веке была публичным событием, необъяснимая болезнь – событием грандиозного масштаба. Любопытствующие и доброжелатели толпились вокруг, как мурашки на их руках. Вой и нелепые корчи девиц тревожили и завораживали. От такого либо в ужасе убегаешь, либо застываешь, не веря своим глазам, либо падаешь в обморок. В комнату больных девочек набивалось по сорок-пятьдесят человек, призванных наблюдать за бесноватыми и пытаться их обуздать. Сосед, который не пришел, становился исключением, и скоро ему это припомнят. Некоторые преодолевали много миль, чтобы сидеть в этой прокуренной, плохо освещенной гостиной с низким потолком. Между молитвами они все вместе пели псалмы, как раньше целыми днями происходило у Гудвинов. Порой увиденное превосходило их ожидания: дети не только издевались над священниками, но и крайне дерзко вели себя с посетителями^[10].

Прирожденный составитель списков и приверженец строгого учета, Сэмюэл Пэррис был нетерпелив и требователен, но его нельзя обвинить в поспешности. Из домашнего хаоса кое-какие сигналы бедствия просачивались в его проповеди, которые он читал регулярно, один раз по четвергам и дважды по воскресеньям. Это были весьма заурядные мероприятия: Пэррис был посредственностью, с которой случались исключительно незаурядные вещи. Он особо не отклонялся от своих предыдущих тем, а лишь углублялся в вопросы вознесения Христа и его посредничества между Богом и человеком. Весь февраль Пэррис по большей части предписывал прихожанам пост и молитву. Он советовался с другими священниками. Его двоюродный брат, пастор в поселении Милтон, похоже, особенно помогал: у его дочери в свое время тоже случались подобные припадки. Сэмюэл и Элизабет

Пэррис угощали доброжелателей, толпившихся у них дома, сидром с кексами. Они горячо молились. Но когда Пэррису стало невозможно от «странных поз и нелепых кривляний» [24], от безумных речей, когда стало понятно, что одним Писанием эти противоестественные симптомы не вылечить, он обратился к врачам.

Пройдут годы, и один терапевт с университетским образованием признает медицинскую практику Бостона «убийственно плохой» [25]; на 1692 год же ни одного терапевта с университетским образованием пока не было ни в городке Салем, ни в крошечной соседней деревушке Салем, где корчились в муках и бросались на людей наши девочки. Стандартная аптечка поселенца тогда мало отличалась от аптечки древнего грека и состояла из жучиной крови, лисьего легкого и сушеного дельфиньего сердца [26]. Во многих рецептах фигурировали порошки и мази из улиток. Но их, по крайней мере, легче было добыть, чем, например, рог единорога. Жир жареного ежа закапывали в уши – это считалось «отличным средством от глухоты». Самый знающий колониальный медик прописывал селитру от кори, головной боли и воспалений седалищного нерва. Коттон Мэзер верил, что шестьдесят капель лаванды и кусок имбирного пряника излечивают потерю памяти. От эпилепсии якобы спасал пояс из шкуры волка, а еще жженный помет черной коровы или порошок из лягушачьей печени, принимать пять раз в день. Лекарство от истерии открыли задолго до 1692 года. В Салеме ее лечили кипяченым грудным молоком с кровью из ампутированного кошачьего уха.

В деревне Салем проживало около девяноста семей, и в том январе среди них практиковал один врач. Уильям Григс был новым членом сообщества; недавно он купил ферму примерно в двух с половиной километрах от дома священника [27]. Активный, набожный гражданин Григс неоднократно жаловался, что таверны расположены рядом с молельными домами, и свидетельствовал против граждан, уклонявшихся от богослужений. У Григса имелось девять медицинских текстов. Он умел читать, но не писать. Скорее всего, именно он – или в том числе он, так как Пэррис, очевидно, консультировался с несколькими врачами, – осматривал девочек. Когда-то Григс принадлежал к пастве Пэрриса в Бостоне, эти двое общались с одними и теми же семьями в Салеме. Есть как минимум одна явная причина предположить, что Пэррис обратился к

семидесятиоднолетнему Григсу: болезнь следовала за стариком по пятам. Повидавшие мир, гораздо более искушенные доктора в свое время осматривали детей Гудвинов, которые вдруг синели и жаловались, что их поджаривают на невидимых вертелах. Предполагалось, что длительные жестокие припадки насылаются дьяволом. Первый вопрос, который задавала в этих обстоятельствах жертва, был: «Меня что, околдовали?» [28] Врач, поколение назад смотревший одну измученную некоей болезнью девочку из Гротона, сначала диагностировал расстройство желудка [29]. А в следующий свой визит отказался продолжать вести ее случай. Болезнь была от дьявола, и он прописал всему поселению строгий пост. Кто бы ни лечил Абигейл и Бетти, он пришел к такому же заключению. Совершенно ясно, что в воздухе уже витало объяснение: здесь замешана какая-то сверхъестественная сила. «Рука зла» стала диагнозом [30], «быстро подхваченным соседями», – пишет преподобный Хейл, единственный из хроникеров, кто наблюдал за первыми симптомами девочек Пэрриса. Последних, судя по всему, такое медицинское заключение страшно напугало, и самочувствие их ухудшилось.

У Хейла имелся в этой области некоторый опыт: однажды в детстве он присоединился к делегации, пытавшейся добиться признания от ведьмы перед казнью. Обвиненная была соседкой Хейла, первой повешенной в Массачусетсе за колдовство. Всю дорогу на виселицу она отрицала свою вину. После преподобный разговаривал с другой осужденной ведьмой, получившей в 1680 году помилование. Служивший в соседнем Беверли дружелюбный пятидесятишестилетний Хейл считал себя одним из ближайших коллег Пэрриса. Как практически все в Новой Англии того времени, он верил в существование ведьм, а то и в ангелов, единорогов, русалок. Как этот человек воспринял этот диагноз? Увиденное не могло его удивить – скорее он вздохнул с облегчением. «Адские козни», по его выражению, развеивали все сомнения насчет состояния девичьих душ и освобождали его от всякой ответственности. У него были все основания предпочесть сатанинские проказы Божьей каре: одержимость бесами стала бы более серьезной проблемой^[11]. Каким бы тревожным ни казался такой диагноз, он все-таки будоражил кровь. Колдовство было дурным знаменем, а пуритане такое уважали.

Никогда прежде подобного не случилось в доме священника. На белом полотне пасторской репутации вмешательство темных сил смотрелось, по крайней мере, более неприглядным пятном, чем рождение незаконного внука – с этим Коттону Мэзеру предстояло столкнуться в будущем. Итак, Мэзер на десять лет моложе Пэрриса, в 1692 году ему всего двадцать девять. Он уже весьма популярен и, судя по всему, вскоре станет самым известным человеком в Новой Англии – так бывает, когда ты хорош собой, высок, одарен и полон сил, поступаешь в Гарвард в одиннадцать лет, произносишь свою первую проповедь в шестнадцать, а само твое имя напоминает о двух легендах раннего массачусетского духовенства.

Пэррис не пытался избежать метафизической драмы, разыгравшейся в его доме: в любом несчастье можно углядеть проблески божественной любви. В своем кабинете на втором этаже заколдованного дома он продолжал размышлять над 110-м псалмом. Господь «гневаается и шлет погибель», – предупреждал он прихожан. Необходимо проявить твердость, «дабы устоять во время кары», и смело биться «с нашими духовными недругами» [32]. До какой-то степени такое объяснение его удовлетворяло. Было в этом что-то странно лестное – именно тебя избрали для борьбы со злом. Неспроста все эти выборочные удары молний, гром среди ясного неба, разбитые вдребезги окна, взорванный камин. «Я тот, кого активно атакует Сатана, – хвастается Мэзер в своем дневнике. – Не оттого ли, что я столько воевал с этим врагом?» [33] Или, как выразился отец юных Гудвинов, с достоинством играя роль человека, взвалившего на себя ужасные невзгоды, опасность – в духовном смысле – приносит свои плоды. «Если мы хотим страданий, то должны их принять, а священные страдания есть милосердие», – заключил набожный каменщик. При этом он отчаянно бился над вопросом, который наверняка не давал покоя и Пэррису: чем я заслужил этот Божий гнев? Дому священника предназначено быть «школой благочестия», а не «берлогой бесов» [34].

О том, как диагноз восприняли в деревне, свидетельствуют последовавшие события. 25 февраля Пэррис с женой под проливным дождем выехали из Салема. Пока их не было, в дом заглянула соседка – вероятно, супруги попросили ее присматривать за Абигейл и Бетти,

которые вот уже месяц как бесновались. Мэри Сибли, мать пятерых детей, была на шестом месяце беременности. Она и ее муж-бондарь входили в элиту местного общества и были столпами церкви; Сэмюэла Сибли приглашали, когда требовалось уладить имущественный спор или дать поручительство по векселю. Мэри вполне комфортно чувствовала себя у Пэррисов. Однако скорость, с которой пастор решал возникшую проблему, ее не устраивала, и она провела скрытый эксперимент. Сейчас уже вопрос был не в том, что с девочками, а в том, кто это с ними сделал. Сибли твердо решила поймать преступника. Наученный ею индеец Джон, раб Пэррисов, подмешал мочу девочек в ржаной пирожок, пекшийся на углях. Этим пирожком Сибли угостила домашнего пса [35]. Не очень понятно, как работала контрмагия – ведьму притягивало к животному, на животное переходило заклятие или у ведьмы появлялись ожоги, – но старый английский рецепт точно работал и должен был указать на виновного.

Узнав об этом, Пэррис пришел в бешенство. Контрмагии не место в доме пастора. Он намеревался не выносить сор из избы; на его месте любой бостонский пастор приложил бы невероятные усилия, чтобы скрыть имена предполагаемых ведьм. Сибли тем временем напрашивалась на еще большие неприятности. В предрассудки она верила больше, чем в религию, а подобное Пэррис порицал: это как «обращаться к дьяволу за помощью, чтобы одолеть дьявола» [36]. Ее вмешательство пробудило некие потусторонние, малопонятные силы; она словно поставила в доме сатанинский молниеуловитель. Через месяц (который был крайне беспокойным) мятущийся пастор вызвал ее в свой кабинет и сурово отчитал. Она, рыдая, униженно просила прощения. Она просто действовала не подумав, «потому что слышала про такие вещи от безграмотных (а может, что и похуже) людей». В дальнейшем она будет осторожнее. Пэррис устроил ей жесткую выволочку, которую решил повторить перед паствой после воскресной проповеди. Этот ее пирожок натворил немало бед. «Через него (судя по всему) дьявол восстал среди нас, – объявил Пэррис перед причастием 27 марта, – и ярость его неистова и ужасна, и, когда все утихнет, знает только Бог». Он заклинал прихожан готовиться к «сатанинским каверзам и уловкам». С кафедры, в темной рясе с белоснежным жестким льняным воротничком, Пэррис призывал собравшихся стать коллективным свидетелем проступка Мэри Сибли и подвергнуть

«нашу сестру беспощадному остракизму за то, что она совершила». Может ли он устроить по этому поводу голосование? Все согласились. Повернувшись к беременной на поздних сроках Сибли, Пэррис спросил, будет ли она – если признает свой грех и раскаивается – говорить. Нужно было публичное признание вины. Сибли эмоционально извинилась. Пэррис продолжал: «Братья, если вы удовлетворены, подтвердите это поднятием рук». Все (мужчины) подняли руки, и этот раз оказался последним в 1692 году, когда в деревенском молельном доме царило единодушие.

Дома Пэррис отругал и слуг. И без того накаленная атмосфера, должно быть, возмущенно искрила. Однако в тот момент у священника имелись и более важные дела. Хотя его дочь с племянницей наделали много шума, разобрать, что конкретно они пытались сказать, было невозможно. Дьявольский же пирожок сработал: в течение нескольких следующих дней Бетти и Абигейл назвали имена. Не одна, а три ведьмы окопались в Салеме. Девочки четко их видели. К концу того хмурого февраля – дождь шел стеной всю неделю, затапливал поля и превращал деревню в стремительную грязную реку – эти ведьмы уже рассекали воздух на своих палках.

Деревня Салем существовала во многом благодаря собственному страху попасть в засаду. Старейшее поселение в Массачусетском заливе и едва ли не столица Новой Англии, городок Салем получил свое имя в 1629 году [37]. Славная цветущая полоска земли длиной в полтора километра, дышавшая соленым морем и благоухающими соснами, считалась в колонии одним из самых приятных мест для проживания. Чудесная салемская гавань уступала только бостонской, городок вел оживленную торговлю с Европой и Вест-Индией. Гавань располагалась на полуострове, окруженном бархатными зелеными холмами и пасторальными гротами; здесь быстро развивались рыбный промысел и судостроение. Когда на английский престол в 1685 году взошел новый король, событие шумно отмечали не только в Бостоне, но и в Салеме – это был второй из двух массачусетских городов с населением больше двух тысяч человек. Более тихий и менее открытый, Салем при этом ничуть не уступал Бостону в изысканности: он мог похвастаться своими крашеными остроконечными

многоэтажными домами и несколькими недавно сколоченными состояниями.

Уже в 1640 году фермеры начали продвигаться на север и запад, уходили от процветающего порта за живописные холмы в поисках пригодных для возделывания земель. Их разбросанное по окрестностям поселение стало деревней Салем (сегодня – Данверс). Вскоре предприимчивые жители деревни (в округе их называли салемскими фермерами) начали лоббировать создание собственных управленческих структур. И хотя их семьям, конечно, не нравилось топтать по пять-десять миль в сильный снегопад, чтобы посетить собрание в молельне, дело было не только в этом. В 1667 году деревенские жители направили петицию в законодательное собрание Бостона. Стоит ли им таскаться в город Салем ради участия в военном патруле? Это жутко далеко и особенно тяжело в темноте, «в дикой местности, которая так плохо расчищена и кое-где совершенно непроходима» [38]. Многие жили в полутора километрах от ближайших соседей. Дальние походы фермеров вселяли ужас в сердца их жен, «особенно если учесть, какие страшные происшествия случались в подобных ситуациях раньше в этой местности, с участием индейцев (и не только), ночью, когда мужья оставляли женщин одних».

Более того, продолжали они с неопровержимой логикой, не богохульство ли – так далеко идти с оружием, чтобы патрулировать город в мирное время? Городские старейшины утверждали, что опасность никуда не делась (власть имущие не желали уменьшать ни налогооблагаемую базу, ни территорию). Но разве не более уязвимы фермеры – в сельской местности с пятью десятками изолированных хозяйств, в то время еще даже без молельного дома, – чем горожане, живущие компактно и более обеспеченно в Салеме, где больше народу и немало прекрасных домов? Наверняка город может обеспечить себе патрулирование без помощи деревни. Горожане возразили, что совсем недавно французский корабль смог незамеченным войти в порт ночью. И как же такое возможно? – смеялись в ответ деревенские, отлично знавшие, что безобидное судно заметили задолго до сумерек. Мы живем на линии фронта. Так не разумнее ли городским приезжать патрулировать нас, чем наоборот? В итоге фермеры одержали верх, хотя не обошлось без штрафа Натаниэлю Патнэму, одному из самых

богатых людей в деревне, за «оскорбительное поведение и нападки» на власти города.

Страсти снова разгорелись спустя несколько лет, когда город Салем решил построить себе более просторный молельный дом. Мы не будем за это платить, объявили непреклонные деревенские, пока вы не поможете нам построить собственную молельню. Они снова и снова требовали себе независимый приход, и добились своего в самом конце 1672 года. Город предоставил им подержанную кафедру, скамью со спинкой и молельные скамейки – вероятно, из потрескавшихся дубовых досок. Два Салема очень друг друга раздражали: деревня злилась, потому что была обязана обращаться к городу для решения правовых вопросов, и решались они крайне туго; город был недоволен, потому что деревенские бесконечно между собой конфликтовали и не умели сами улаживать разногласия. В то же время у города никак не получалось избавиться от назойливого интереса фермеров к делам их церкви. Почему нельзя держать свою неприязнь при себе? В общем, складывалось ощущение, что они готовы были друг друга уничтожить. Вскоре после приезда семейства Пэррис городские лидеры фактически посоветовали деревенским оставить их в покое.

Официально деревня наняла первого своего пастора в 1672 году. Прибывший сюда через шестнадцать лет Сэмюэль Пэррис был уже четвертым. Каждый из четырех оказался с разной степенью неловкости, но одинаково глубоко вовлечен в события 1692 года, когда их пути пересеклись. Один буквально жил на слушаниях, второй их записывал, третий вернулся в образе могущественного мага. Недавний выпускник Гарварда Джеймс Бэйли прочитал свою первую салемскую проповедь в октябре 1671 года. Ему едва исполнилось двадцать два, он всего несколько недель как женился. Местное сообщество отнеслось к нему по-разному. Новый пастор был неопытен, агрессивен, невнимателен и воображал, что должность от него уже никуда не денется. Одна женщина, гостившая у него три недели, клялась в суде, что ни разу не слышала, чтобы Бэйли читал или обсуждал с семьей какую-нибудь часть Писания. Его личная жизнь, без сомнений, была весьма напряженной. Прихожане, обещавшие построить ему жилье, не выполнили обещания. Пастор построил дом самостоятельно, где они с молодой женой, судя по всему, до 1677 года потеряли двух дочерей. Мнения общества на его счет разделились. Обстановка так накалилась,

что прихожане не могли договориться даже о том, кто будет принимать окончательное решение насчет его судьбы. Тридцать девять членов церковной общины поддержали Бэйли. Шестнадцать высказались против, и среди них несколько самых влиятельных мужчин.

Бэйли достаточно хорошо вписались в местный колорит. С ними приехала и двенадцатилетняя сестра жены пастора, которая через пять лет выйдет замуж и вольется в доблестный клан Патнэмов. Ее мужем станет Томас Патнэм – младший, сын богатейшего человека в деревне и племянник престарелого Натаниэля. Вообще Салем в немалой мере состоял из Патнэмов, с ними посредством браков были связаны и Мэри Сибли, импульсивная пекарша, и терапевт Уильям Григс. Две молодые пары – супруги Бэйли и Томас Патнэм с женой – очень сдружились. Что не помешало другим Патнэмам нападать на Бэйли, а может быть, даже подстегивало их. Сэмюэл Пэррис знал, о чем говорил, когда одним воскресным днем 1692 года, как раз перед начавшимся в его доме кошмаром, вещал с кафедры о том, что «большая ненависть нередко исходит от ближайшего окружения» [39]. И цитировал из Марка, 13: 12: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их».

Салемские фермеры несли свои горести и непримиримые обиды в городскую церковь, а иногда доходили и до суда. В то же время Бэйли подал иск о защите чести, достоинства и деловой репутации – и выиграл дело [40]. Суд постановил оставить его в должности, однако привести решение в исполнение не смог. И хотя большинство членов конгрегации продолжали поддерживать молодого пастора, к концу 1679 года он понял, что будущего в Салеме у него нет, и переехал на другой конец деревни. Через год специально сформированный комитет назначил его преемника. Джордж Берроуз, красивый, миниатюрный и темноволосый, хотя и был старше, но в Гарварде, где окончил магистратуру, учился несколько хуже Бэйли. Будучи внуком знаменитого священника, он успел послужить в нескольких приграничных приходах, а в самом последнем из них героически отражал нападение индейцев. Ему было двадцать восемь.

И снова главную роль сыграли Патнэмы. Берроуз с семьей жил в их доме большую часть 1681 года и переехал в пасторский дом (где в будущем обоснуются Пэррисы) только осенью. Хорошо зная, с какими противоречиями и разочарованиями сталкиваются новоанглийские

приходы, Берроуз добавил в свой контракт пункт об арбитраже. Там говорилось, что «в случае возникновения любых разногласий обе стороны должны апеллировать к третьей стороне, дабы уладить спор мирным путем» [41]. И все равно ему не удалось избежать суда: такое ощущение, что одна церковная группировка просто обязана была портить жизнь другой. С самого начала Берроузу не выплачивали жалованье. Когда его молодая жена умерла вскоре после переезда в только что построенный священнический дом, ему нечем было заплатить за похороны. 10 апреля 1683 года жители деревни пожаловались в окружном суде, что Берроуз уже месяц не проповедовал. Он спешно паковал вещи – ожидал, что придется уехать прямо на той же неделе, – но отказывался объясняться (возможно, он не желал говорить, потому что Джон Патнэм сначала одолжил ему денег, а потом, когда Берроуз не смог их вернуть, начал угрожать, что арестует его за долги [42]. Деревня оказывалась виновной в обоих случаях – прежде всего потому, что не платила своему пастору). Берроуз продолжал отмалчиваться, предпочитая не связываться со склочной общиной. Я пришел к тебе, чтобы спросить, объяснял один настойчивый гончар, как деревня может процветать, «когда брат против брата и сосед против соседа, и все спорят и сражаются друг с другом?» [43] Наш пастор, напомнил ему гончар, должен быть нашим рупором и защитником, светочем разума для нас. Берроуз же вовсе не стремился устраивать беседы или охлаждать деревенские страсти. Он проповедовал, как считал нужным. За его здравую, хотя и грубую критику суд сделал гончару внушение. Той же весной Берроуз уехал.

В феврале 1684 года местный церковный комитет пригласил в Салем преподобного Деодата Лоусона. В отличие от своих предшественников Лоусон родился в Британии. Он прибыл в колонию пятью годами ранее из Норфолка, где его отец был пастором с кембриджским дипломом. С рождения обреченный стать священником – Деодат, говорил он, значит «отданный Богу» [44], – Лоусон где-то получил формальное образование, хотя и без степени. Он запросто писал на греческом и латыни, причем изысканным почерком. Помогли и престижные семейные связи в Лондоне, где до эмиграции, в начале 1670-х, он успел недолго поработать учеником процветающего торговца скобяным товаром и – еще меньше – королевским врачом. Отслужив меньше двух из положенных семи лет в пасторате на

Мартас-Винъярд, в 1682 году Лоусон вернулся к мирским занятиям в Бостоне и поселился с женой и двумя маленькими детьми в Салеме. Тогда ему было чуть за тридцать. Третий ребенок, дочь, родилась и умерла в деревне, там же неожиданно скончалась и жена. Питая слабость к драме и формальному стилю речи, он обладал чуткостью к тонкостям смыслов и мог быть прагматичным – восхвалял семейную молитву ровно такой продолжительности, чтобы она не оказывалась затянутой. «Господь не прельщается многословием», – заявлял Лоусон, хотя лучше бы он считал иначе: его хроники – единственное описание тех событий, оставленное нам их очевидцем.

Жители деревни договорились поставлять новому пастору дрова, но в итоге заплатили ему и порекомендовали добывать себе горючее самостоятельно. Если это его и раздосадовало, Лоусон не оставил неприязненных комментариев. Ему нравилось делать приятное. Через два года службы вопрос о его будущем расколол общину. Если его посвятить в сан, город наконец-то откроет у них заветную собственную церковь, а заодно и откажется от земли, на которой стоит пасторский дом, – извечного камня преткновения Новой Англии. Патнэмы поддерживали посвящение, некоторые другие семьи ему противились из теологических соображений – Лоусон в каком-то смысле их разочаровал – или просто из-за того, что он был человеком Патнэмов. И снова фермеры представили дело на суд менее горячих голов из города Салема, власти которого пришли в ужас от их «злых высказываний», «глубокой предубежденности и несомненной враждебности» [45]. Почему люди так старались испортить жизнь своим ближним? Именно в этот момент отцы города еще раз призвали деревенских не тревожить их бесконечными взаимными обвинениями. «Если вам нравится беспричинно беспокоиться, просим хотя бы не беспокоить нас», – заявили они. Лоусон решил уехать, пока отношения окончательно не испортились. Сами фермеры устыдились своего поведения и решили подчистить журнал записей. В 1687 году Томас Патнэм переписал журнал – из него исчезло десятилетие распрей вокруг Берроуза и Бэйли, – посчитав, что эти ядовитые заметки могут навредить деревне в будущем.

Без собственной церкви и гражданской власти деревня была беспомощна, когда дело касалось разрешения общинных разногласий. С проблемами в церковной политике сталкивались далеко не в одном Салеме. Считалось, что отношения между пастором и паствой должны походять на супружеские [46]. На практике, разумеется, идиллия перемежалась вспышками ссор. Пуританин посвящал жизнь наблюдению и вопрошанию и пастора своего держал в цепких объятиях. Многие священники добавляли в свои контракты пункт, дающий им возможность сбежать. Инкриз Мэзер, самый видный представитель новоанглийского духовенства, знаменитый отец Коттона, вытребовал себе право покинуть бостонский приход, если Господь позовет его в другое место, если ему будут недостаточно платить или если он пострадает от «травли» собственных прихожан. Найти работу было непросто, непросто было и удержаться на ней: пасторов увольняли, посвящения откладывали. Один терпеливый священник ждал двадцать семь лет. На посвящении в 1720 году недовольные начали поливать участников церемонии водой с хоров и швыряться предметами. Ссоры вспыхивали, даже когда паства любила своего пастыря. За два года до того вечера, когда Джон Хейл из Беверли вел ночное бдение с Пэррисами в их более просторном и лучше обставленном, чем его, доме, ему было приказано ехать капелланом в Квебек в составе экспедиции против индейцев и французов. Паства возражала, и дело дошло до суда. В итоге Хейл все-таки поплыл с ополченцами.

Жалованье пастора колебалось от шестидесяти до ста фунтов в год: этого было более чем достаточно, и такая сумма ставила духовного отца в один ряд с самыми обеспеченными из его прихожан – если, конечно, он ее получал. Добровольные взносы не так давно сменились на обязательные, что многие воспринимали в штыки (из них служители церкви составляли меньшинство). Констебль, собиравший налоги, сбежал от постоянных насмешек и периодических побоев, а заодно от топоров и ушатов кипящей воды. Салемский констебль имел болезненное столкновение с временным заместителем^[12] [47]. Нежелание народа поддерживать священнослужителей сильно последних огорчало [49]: пасторы, гремел Мэзер в 1693 году, чувствуют себя обворованными и голодающими. Во время затянувшейся кампании по выбиванию

оплаты своего труда топсфилдский пастор объявил на городском собрании о своей надежде на то, что пасторат сгорит дотла вместе с некоторыми прихожанами. Священники хорошо знали, кто из них сколько получает, и не могли принимать размер оплаты на свой счет как личное оскорбление. Коттон Мэзер высчитал свой ежедневный доход. Ожидания с обеих сторон казались безосновательно завышенными. В потоке взаимных обвинений было уже не разобрать, что началось раньше: сложности со сбором пасторской зарплаты или жалобы в духе «я не получаю от проповедника того, за что плачу». Что одним казалось неблагодарностью, другие считали вымогательством.

Неутомимый салемский гончар, ранее пристававший с вопросами к Берроузу, сокрушался: пастор, мол, говорит с кафедры что пожелает, а община должна за это платить. Обратное также было справедливо. Прихожане отдавали кто что мог: бочонок устриц, бушель гороха, фунт льна, улей с пчелами^[13] – либо же работали на пастора, например, сажали у него бобы или забивали скот. Это основательно размывало границы иерархии, которые для некоторых были невероятно важны. «Вы, сэр, проповедник, который здесь служит?» – спрашивал приезжий в соседнем городке Роули. «Я, сэр, проповедник, которому здесь служат», – следовал ответ [51]. Коль скоро прихожане вставляли, когда пастор входил в молельный дом, где у его семьи имелась собственная скамья, коль скоро фермеры побаивались своего образованного проповедника, оставалось неясным, кто на кого работает. Как выразился один современный ученый, невозможно было определить: пастор – он для своей паствы служит, родственная душа или представитель «какой-то туманной и далекой церковнической галактики»? [52].

Протестуя против варварского морения священнослужителей голодом, Коттон Мэзер все же должен был признать: в свое ходатайство об их содержании он мастерски вплел некоторые суждения, «которые могли представить пасторов более достойными людьми, чем, возможно, кое-кто из них являлся» [53]. Даже при избытке духовников огромное количество проповедей оставались посредственными. Хватало и спящих прихожан на церковных скамьях. Пуританин был чрезвычайно чуток, невероятно внимателен, невротично бдителен в том, что касалось состояния его души, – однако не обязательно оставался таковым в церкви. Некоторые будут «сидеть

и спать на самой лучшей проповеди в мире», – клокотал Инкриз Мэзер [54]. Без сомнений, кое-кто дремал и во время этого его выступления в 1682 году (справедливости ради отметим, что у новоанглийского фермера, вероятно, просто не было лучшей возможности поспать). Мэри Роулэндсон, чей рассказ о пребывании в индейском плену в 1675 году наделал много шума по всей Новой Англии, периодически клевала носом во время проповедей собственного мужа.

Через два месяца после вступления в должность Сэмюэл Пэррис жаловался на вялость своих прихожан, не демонстрировавших должных чувств. Они «без толку перешептывались, клевали носом и всхрапывали» [55]. Отметив «бессмысленно блуждающие взгляды», он не упомянул, однако, об ореховой скорлупе, сыпавшейся с хоров, о паясничанье на лестницах, о плевках, смехе, флирте и вырезанных на скамьях надписях; о тычках локтями под ребра, пинках коленом под зад и периодических ударах в нос; одна женщина как-то уселась на колени соседа, который отказался подвинуться на скамье. Новоанглийский молельный дом был местом благопристойным, но оживленным. Той весной Марта Кэрриер грубо толкнула посреди псалма двенадцатилетнюю девочку. Именно в церкви вы узнавали, почему у вашей сестры глаза распухли от слез и что пойман пират, а в Андовере убили льва. Служба, главное событие недели, была средоточием социальной и духовной жизни. Будучи единственным средством регулярного общения, она выполняла также просветительскую и журналистскую функции. В среднем за жизнь прихожанин в Новой Англии прослушивал около пятнадцати тысяч часов проповедей [56]. Редко (если когда-либо вообще) случалось, чтобы столько людей буквально думали в унисон. Многие делали записи. Многие потом долго обсуждали услышанные наставления. Отголоски произнесенного Пэррисом с кафедры еще несколько недель витали в воздухе. Его слушали. Но необязательно так жадно, чтобы не заметить метку дьявола под языком у зевнувшего на соседней лавке соседа.

Сэмюэл Пэррис впервые проповедовал в Салеме в ноябре 1689 года. Приехал в деревню он с весьма скромным пасторским опытом [57]. Он родился в Англии в 1653 году, а большую часть юности провел на Барбадосе: Пэррисы были процветающими плантаторами.

Хотя когда-то, возможно, он и выбрал пасторство своей профессией – Сэмюэл несколько лет посещал Гарвард, но бросил учебу в 1673 году из-за смерти отца, – его корни лежали в предпринимательстве. В двадцать лет унаследовав плантацию с семьюдесятью рабами, он вернулся на Барбадос. Там он с трудом справлялся с поместьем почти семьдесят гектаров и щедрым дядиным наследством. Через несколько лет он продал имущество себе в убыток, а к 1680 году появился в Бостоне, теперь уже в качестве вест-индского торговца. Пэррис женился. Поначалу дела шли хорошо, однако, несмотря на более благоприятный экономический климат Массачусетса, нежели барбадосский, карьера Пэрриса терпела неудачу за неудачей. Целый год он провел в судебных тяжбах по поводу сомнительного кредита. В общем, в мире финансов он преуспел не больше, чем в торговле. Возможности появлялись постоянно. Он упустил их все.

В 1688 году, когда на него наткнулась салемская делегация, Пэррис был членом первой Бостонской церкви и отцом троих детей. Неясно, как и почему он пришел к пасторству: обычно священнослужители оставляли кафедру ради мирских дел, не наоборот. Раньше он считал себя торговцем и джентльменом, заслуживающим личного миниатюрного портрета. Почти красавчик, с резкими, острыми чертами, широко расставленными глазами, черными волосами до плеч и чувственным ртом, Пэррис производил впечатление. Он единственный житель деревни, лицо которого нам известно. Его старший брат служил пастором в Англии, дядя проповедовал в первой Бостонской церкви. Сэмюэл сам успел немного послужить в удаленной массачусетской деревеньке. Он выступал на неформальных собраниях верующих и близко общался с некоторыми местными священнослужителями, в том числе со своим двоюродным братом из Милтона. Получив предложение ехать в Салем, Пэррис колебался. «Работа предстояла огромная», – писал он [58]. Он позже сообщит фермерам о своем решении. У него имелись все основания сомневаться, даже если он ничего и не знал о происходившем в Салеме (что маловероятно). Его непосредственный предшественник Деодат Лоусон принадлежал к той же бостонской конгрегации. У них были общие друзья. Долгие пляски вокруг Пэрриса, незаинтересованного кандидата без степени бакалавра, в то время как иные выпускники-магистры Гарварда не могли найти себе кафедру, многое говорили и о

Салеме, и о его будущем пасторе. Ни одна из сторон не горела желанием сотрудничать.

Начавшиеся в итоге переговоры шли долго и трудно. Несмотря на несостоятельность в бизнесе, переговоры Пэррис обожал. В свои тридцать он был более стреляным воробьем, чем все предшествовавшие ему пасторы. Он больше путешествовал, однако почти не имел опыта жизни в глуши, которую окрестил «бедной маленькой деревушкой» [59]. Пуританский Бостон [60] шумел всеми своими восемью тысячами жителей, пестрел ленточками и оборками, шелестел серебристыми кружевными накидками и алыми юбками – в общем, ничем не походил на сельский Салем. Тут палитра была совершенно иной: приглушенные оттенки зеленого, грязно-лилового и насыщенного красновато-коричневого. И оба они живо контрастировали с Барбадосом. Деревня сделала лучшее предложение, какое только могла сделать, оно полностью отвечало ситуации на рынке. Пэррис, опытный торговец, не впечатлился. Назвав условия, предложенные салемской стороной, «скорее разочаровывающими, чем воодушевляющими» [61], он, в свою очередь, выдвинул восемь собственных. Самые непростые из них касались дров. Если борьба священника за уважительное к себе отношение плавно перетекала в дискуссию о заработной плате, то борьба за дрова сразу поджигала фитиль. Их доставка ложилась на общину тяжелым грузом, и каждый раз, когда она срывалась или партия топлива оказывалась некачественной, в этом улавливали затаенный намек. «Разве эта древесина не слишком мягкая?» – вопрошал пастор, пока фермер разгружал свою телегу. «А разве мы порой не получаем слишком мягкие проповеди?» – парировал тот [62].

Пэррис хотел, чтобы его обеспечивали дровами. Деревенские же снова предпочитали вносить средства в фонд, откуда он сможет их брать. У них не практиковалось общинное пользование землей, доставать древесину было нелегко. Уже к 1692 году это представляло постоянную всеобъемлющую проблему для Новой Англии. Рубка деревьев, использование и экспорт древесины жестко регулировались. В общем, из деревни летели предложения и контрпредложения, отношения портились. Упрямый мужчина с хрупким эго, Пэррис не соглашался на создание фонда. Цены на дрова могли взлететь. Дискуссия длилась почти весь 1689 год – именно в тот год колония

скинула англиканского губернатора, назначенного короной, за чем последовали серьезные беспорядки, участившиеся стычки с индейцами и публикация «Памятных знамений» Мэзера, куда входил рассказ об околдованных Гудвинах. «После длительных уговоров, – вспоминал позже Пэррис, – я сказал, что попробую поработать у них один год, и на этом дискуссия подошла к концу» [63].

Переговоры еще продолжались, а Пэррис с женой Элизабет, тремя детьми и рабами уже въехали в пасторский дом на деревенской развязке. На восьмидесяти сотках стоял удобный двухэтажный коттедж с гигантским дымоходом и четырьмя каминами. Пэррис соорудил просторную пристройку позади четырех побеленных комнат; детей, видимо, поселили наверху, как и прислугу. Через полтора года умер молодой темнокожий раб, переехавший вместе с ними. А потом, в один ветреный вторник в середине ноября, свершилось событие исключительной важности как для деревни, так и для ее нового пастора: Сэмюэла Пэрриса посвятили в должность в присутствии нескольких соседних священнослужителей, среди которых был Джон Хейл и два преподобных из города Салема. Пэррис говорил об Иисусе Навине и новой эре. С этим посвящением у деревни теперь появилась возможность совершать важнейший обряд причастия. Новый пастор, признавший проблемы селян, успокоил их. Годы прозябания во мраке закончились. Господь развеял туман своих упреков, и фермеры отныне могут двигаться вперед без волнений и сомнений. В это заявление Пэррис включил и себя. Здесь очень много работы, но он будет усердно ее выполнять. В соответствии с традицией он предупредил, что будет сердечен с одними, но суров с другими. «Вы должны нести мне свою любовь, много любви», – инструктировал Пэррис своих прихожан. В менее ортодоксальной манере он сделал акцент на поклонении собственной персоне: «Конечно, должно любить всякого пастора Христова, однако меня вам следует любить больше (если получится, несмотря на огромную разницу между мной и другими)» [64].

У кого-то получилось, у кого-то нет. Тут он им не помогал. Множество поселений вставляли палки в колеса множеству священников, но мало кто из последних был так суров со своей паствой, как Пэррис. Он мог быть нудным, упрямым, угрюмым. Если имелись какие-то стандарты, он действовал в строгом соответствии с

ними. Кучу энергии Пэррис вкладывал в мелочи, имел страсть к порядку, приводившую к хаосу. Когда у жены портного Иезекиля Чивера в начале 1690 года начались роды, Чивер без разрешения схватил лошадь из соседского стойла, видимо, чтобы съездить за повитухой. Сосед подал протест. Дело дошло до Пэрриса, который провел целых три собрания по этому поводу. Он потребовал принести публичное извинение, что Чивер с готовностью сделал. Пэррис посчитал его «незначительным» и заставил новоиспеченного отца еще раз извиниться перед прихожанами в молельне на следующей неделе. Он был из числа людей, которые считают, что только они способны адекватно справиться с задачей, а потом жалуются, что никто им не помог. Он был мелочен, в отличие от престарелого пастора города Салема, который сопровождал Пэрриса во вступлении в сан, – тот, как говорили, «ронял утешения, словно капли росы» [65].

В каждую проповедь Пэррис пытался впихнуть слишком много, а в итоге мог выжать предмет проповеди досуха и совершенно измотать слушателей. Он знал, что частенько не оправдывал ожиданий, но отказывался это признавать. Оловянные кружки на алтаре такие уродливые. Нельзя ли их заменить? (У более богатых сообществ имелась серебряная алтарная посуда.) Он привез с собой несколько вещей, нечасто встречавшихся в деревенском Салеме: собственную серебряную кружку, письменный стол и зеркало. Он мог похвастаться личным гербом – редкостью у массачусетских пасторов. Пэррис вырос на Барбадосе, в богатейшей колонии английской Америки, находившейся тогда на пике своего могущества. Он повидал прекрасные дома и пышное гостеприимство. Салем выглядел убого и, с учетом численности семейного поместья на Барбадосе, наверняка казался ему слишком безлюдным. Очень скоро новый пастор попытался присвоить себе дом и участок. Маневр был не то чтобы неуместным, но уж слишком поспешным: поселения делали подобные подарки своим пасторам лишь после долгой службы. Жители деревни не согласились [66].

Не прошло и года с его посвящения, а Пэррис уже составил список жалоб, который решил зачитать своим прихожанам. Дважды поднимался шум, который не дал ему закончить. В итоге он излил свою скорбь на особой встрече в приемной пастората. Ни дом, ни изгородь, ни пастбище, ни жалованье, ни поставки дров – ничто не

удовлетворяло потребностям Сэмюэла Пэрриса. Построенный восемь лет назад коттедж требовал немедленного ремонта. Изгородь сгнила и грозила вот-вот упасть. Густой кустарник заполнил две трети пастбища. Пастор не мог существовать без жалованья. Разговор о дровах он оставил на десерт: после нечеловеческих усилий с его стороны наконец пришли две маленькие партии. На дворе стоял конец октября. Без дров, предупредил он паству, не будет им никакого Слова Божия. «Я не могу проповедовать без серьезной подготовки. Я не могу готовиться без тепла. Я не могу спокойно жить без изучения Писания», – объяснил Пэррис [67]. Он потребовал быстрого рассмотрения каждого из вопросов, а также «человеколюбивого христианского ответа в письменной форме». Деревенский воздух зазвенел от ледяной обиды, напряженного ожидания и отчаяния, и домашние пастора не могли не почувствовать этого на себе. Семья принимала рассерженных посетителей, слышала разговоры на повышенных тонах и яростный топот ботинок. Пастор нашел своих прихожан в высшей степени непочтительными людьми. К написанной петиции он добавил строчку в своем фирменном стиле – надменной жалости к себе: «Разрешите заметить, что если вы продолжите упираться, то ваше поведение доведет меня либо до могилы, либо до какого-нибудь другого места». Он догадывался, что прихожане были добрее к его предшественникам. Никто из последних так не оконфузился. Никто из них, вероятно, не был так восприимчив к холоду, как он, почти десять лет проживший в тропиках.

Жители деревни не раз встречались, чтобы обсудить затруднительное положение своего пастора. Жалованье ему не выплачивали уже несколько месяцев; уже осенью 1690 года зашла речь о его смещении. Специальный комитет, собиравший средства для оплаты его труда, в конце 1691 года проголосовал против. К тому же у него закончились дрова. В проповеди Пэрриса начала пробираться горечь. В его доме тем временем становилось все холоднее и холоднее, и он объявлял об этом с кафедры. Если бы не заезжий дьякон из города, в последний момент организовавший доставку, то он бы просто замерз, проинформировал прихожан пастор 8 октября. Он не стал призывать их сжалиться над его семьей, остро осознававшей проблемы кормильца и тоже наверняка дрожавшей под ударами разгулявшейся непогоды: ноябрь принес бешеные снегопады и дикие

ветра. Пэррис сообщил членам комитета, навестившим его в начале месяца, что они должны заботиться о нем лучше, чем о других. 18 ноября он, выбравшись из сугроба, пожаловался, что «дров ему едва хватит до завтра» [68]. Как назло, зима в тот год выдалась на редкость морозной. Замерзал и хлеб на алтарных тарелках, и чернила в ручках, и сажа в камине. Дымоход плевался ледяной пылью. Пэррис читал проповедь, а в ответ хрипло кашляли, нестройно шмыгали носами и шаркали серьезно обмороженными ногами. 3 января 1692 года, к всеобщему облегчению, он сам оборвал проповедь. Было попросту слишком холодно, чтобы продолжать [69].

Даже без деревенских дразг у Пэрриса имелись все основания жаловаться. Работа была изматывающей, и он был не особенно к ней готов. Пришлось принять на себя сразу несколько обязанностей. Пастор «маленькой деревеньки» наставлял паству, потом стриг свою кобылу, после чего шел чинить садовую изгородь, которую бросал, чтобы председательствовать на церковном собрании. Пэррис вполне мог повесить у себя в доме карту мира, мог прослыть деревенским интеллектуалом, переводившим в Гарварде Ветхий Завет на иврит и греческий, но в той же степени он посвящал себя прополке репы, сбраживанию сидра и охоте на белок. «Так странно заниматься пасторской службой и одновременно управлять фермой», – причитал один массачусетский священник [70]. Пэррис, в былые времена торговавший недвижимостью, а нынче вынужденный распахать собственное поле, должно быть, чувствовал то же самое. Сама по себе пасторская служба выматывала и тянулась бесконечно. «Из всех церквей под небесами ни одна не требует от пастора такого служебного разнообразия, как церковь Новой Англии», – сетовал Коттон Мэзер, которого не прельщала идея пасторских посещений прихожан. Пэррис же призывал прихожан требовать религиозного инструктажа на дому. Он был писарем, судьей, советником, поверенным. Он держал посты и проводил крещения, организовывал лекции и вел переговоры с соседними конгрегациями. Он утешал больных и скорбящих родственников погибших – за лето 1689 года четыре семьи потеряли сыновей в стычках с индейцами. Пастор в Марблхеде подсчитал, что за восемь лет у него ни разу не выдалось более половины выходного подряд. Поэтому хватало причин выбиться из сил даже при благоприятных обстоятельствах, которых у Пэрриса

не имелось. Заведомо настроенный на конфронтацию, он все чаще без устали говорил о ранах Христовых. Задолго до безжалостной зимы 1692 года он, как чувствовалось, был лучше подготовлен к катастрофе, чем к пасторской службе.

Помимо всего, приходилось еще заботиться о духовном просвещении собственной семьи – именно этот пункт в свое время сильно навредил Бэйли. Утром и вечером Пэррис молился и читал отрывки из Писания своим домашним, включая рабов: их души тоже были на его попечении. Он собирал семью перед очагом, вместе они пели псалмы и раз в неделю устраивали катехизис. Дети многих священников субботними вечерами слышали репетицию завтрашней проповеди, воскресенье заканчивалось разбором прошедшей службы. Упор Пэррис делал на христианские обязанности. Человек рождается во грехе и начинает паломничество во имя прощения; идет духовная битва, битва святых с проклятыми; церковные таинства превыше всего. Родитель-пуританин был занят в течение всего дня: Мэзер, например, бесконечно придумывал для своих сыновей и дочерей какие-то упражнения. Пэррис, будучи не настолько творчески одаренным, больше внимания уделял образованию детей, которое не отделялось от их духовного благополучия. Задолго до того, как у девочек появились первые тревожные симптомы, за их душами велся постоянный контроль с ежедневным досмотром: состояние новоанглийской молодежи, похоже, вызывало у взрослых серьезную озабоченность. Пастор искренне надеялся, что его паства была не менее бдительной, и боялся, что это не так. Он без конца твердил, что семейный уклад разваливается, риторически вопрошал: что происходит сегодня с детьми? На собрании кембриджских пасторов Пэррис даже призвал всех задуматься, что можно по этому поводу сделать [71].

Будучи на пять лет старше мужа, Элизабет Пэррис, еще до замужества состоявшая в первой Бостонской церкви и на своей салемской церковной скамье окруженная пятью женщинами с фамилией Патнэм, разделяла с Сэмюэлем эту ношу. От нее требовалось неуклонно проявлять преданность долгу и сострадание к соседям. После неприятностей 1692 года дел прибавилось; в любых обстоятельствах она читала и обсуждала Библию с приходскими детьми – ответственность за их обучение лежала на ней. Базовая

грамотность входила в число обязательных требований для Новой Англии, закрепленных в законодательном акте 1647 года об основании школ, которому Массачусетс был обязан своими успехами в сфере образования. У этого закона имелась и защитная функция. Считалось, что «одна из главных целей „старого искусителя“, Сатаны, – держать человека подальше от Писания» [72]. Поэтому самое главное – перехитрить мерзавца, не попасться в его демонические сети, ведь даже ледяной новоанглийской зимой можно почувствовать на щеке его горячее дыхание. Житель города Салема, не учивший собственных детей читать, обнаруживал на двери молельни объявление, в котором предлагалось отдать его детей в услужение тому, кто станет их учить [73]. Базовая грамотность была условием необходимым, но вряд ли достаточным. Один будущий священник трижды от начала до конца прочитал Библию, когда ему еще не исполнилось и шести лет [74]. Многие до совершеннолетия делали по двенадцать кругов и могли наизусть цитировать длинные отрывки из Писания.

Идеальная пуританская жена держится в тени, и Элизабет Пэррис тому пример: нам мало что от нее осталось, помимо инициалов на почерневшей оловянной тарелке для сбора пожертвований. О Пэррисе-отце известно несколько больше. Он внушал прихожанам: «Мудрые родители не потерпят, чтобы дети играли с едой» [75] – и заявлял, что благоразумная мать пользуется «розгой и порицанием». Возможно, он был более свиреп за кафедрой, чем за обеденным столом, однако сложно представить, чтобы его дети когда-либо оказывались правы в споре со своим бескомпромиссным, непрощающим отцом, если и прихожанам это редко удавалось. Пэррис никогда не игнорировал чужие промахи, срывал замки с запретных тем и никогда не останавливался на одном аргументе, если имел в запасе три. Еще один намек на его родительский стиль – сокращенная январская проповедь. Пока жители деревни пытались согнуть и разгнуть окоченевшие пальцы на руках и ногах, пока ставни бились на адском ветру, Пэррис наполнял сумрачную молельню поучениями о страданиях, которые якобы учат бдительности, усмиряют и направляют. Господь посылает страдания, вещал пастор, как родители, которые, «когда видят, что дети слишком смелы с огнем или водой, поднесут их близко к огню или к воде, словно бы желая сжечь их или утопить» [76]. Естественно, ни один родитель не будет делать ничего подобного. Он лишь стремится

«внушить им благоговение и страх, чтобы они в будущем держались от опасностей подальше»^[14].

Промерзший пасторский дом скоро с головой окунется в благоговение и страх. И не он один. В то самое время, когда февральский «ведьмин пирожок» указал Абигейл и Бетти на их мучительниц, двенадцатилетняя Энн Патнэм, дочь Томаса Патнэма, верного сторонника Пэрриса, вдруг начала содрогаться и задыхаться. А в пяти километрах от нее забилась в конвульсиях Элизабет Хаббард, шестнадцатилетняя племянница доктора Григса. Когда она возвращалась домой из поездки, за ней по февральскому снегу следовало какое-то существо. Теперь она осознала, что это был никакой не волк. Все четыре девочки точно знали, кто бил их и щипал. До конца 1692 года Сэмюэл Пэррис больше ни разу не упоминал о дровах.

3. Творение чудес

Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов [1].

Артур Конан Дойл^[15].

Несколько дней после эксперимента Мэри Сибли с «ведьминым пирожком» округ Эссекс заливало чудовищными дождями [2]. Реки раздулись от тающего снега и вышли из берегов, затапливая дома, слизывая с земли скот, мельницы и мосты, размывая только-только возделанные поля. Деревня превратилась в грязное бурлящее болото. Пообщавшись со своим пастором, Томас Патнэм не убоился непогоды и выехал с тремя друзьями в город Салем 29 февраля. Девочки теперь знали имена своих мучителей. В понедельник фермеры средних лет в заляпанных грязью плащах предстали перед двумя городскими судьями, дабы выдвинуть официальные обвинения в колдовстве. Через несколько часов деревенский констебль уже стучал своей черной тростью с медным набалдашником в дверь дома, стоявшего в полутора километрах к юго-западу от пастората. У него имелся ордер на арест Сары Гуд. Ей предписывалось явиться к властям на следующее утро и ответить за двухмесячные издевательства над двумя девочками в доме Пэрриса, дочерью Томаса Патнэма и племянницей доктора Григса. В Массачусетсе XVII века грех шел рука об руку с преступлением: перечень самых страшных злодеяний, караемых смертной казнью, составлялся непосредственно по Библии [3].

Нищенка и фактически бродяжка, Сара Гуд была вроде местной страшилки [4]. Можно было подумать, что она забрела в деревню прямо со страниц сказок братьев Гримм, но те еще не родились. Сара притащила с собой историю безжалостного социального падения. Когда ей было восемнадцать, отец-француз, зажиточный владелец гостиницы, покончил с собой. Все его внушительное состояние перешло к ее отчиму. Когда ей было чуть за двадцать, внезапно умер ее муж, оставив жене свои долги. Последовали судебные иски, лишившие Сару всего. К вящему недовольству благочинных, трудолюбивых

соседей, Гуд и ее семья подолгу жили подаяниями, обретаясь по сараям и полям. Женщина даже не всегда делила кров с новым мужем Уильямом. Недавно же появилась в пасторате вместе с пятилетней дочерью. Пэррис чем-то угостил девочку, и Гуд удалилась очень недовольная, что-то бормоча себе под нос. Эта встреча с растрепанной неприветливой соседкой всерьез растревожила обитателей дома. Помощь бедным была хронической проблемой Массачусетса, где ресурсов не хватало, а праздность представлялась большинству жителей загадкой. Бедняков предпочитали отселять подальше от города. Оба Салема тогда как раз столкнулись с этой ситуацией: война короля Филипа оставила огромное количество вдов и сирот. Если мы сами будем заботиться о своих неимущих, снова пытались выторговать себе независимость салемиские фермеры, может быть, город освободит нас от выплат в фонд ремонта и содержания дорог?

Таким образом, Сара Гуд уже какое-то время была раздражающим фактором для салемиских семейств. Три года назад ее семья осталась без жилья, и одна добродетельная пара приютила их у себя. Гуд оказалась настолько «беспокойным жильцом, враждебным и злонамеренным» [5], что через полгода хозяева выставили ее: они больше не могли выносить эту женщину ни минуты. Гуд отплатила им за доброту оскорблениями и угрозами. Той же зимой их скотина стала без видимой причины болеть и умирать. Когда Гуд об этом узнала, то заявила, что ей плевать, даже если они лишатся всего поголовья. Когда очередной фермер отказался пустить ее в свой дом, опасаясь, что у нее оспа, – без сомнений, было в этой женщине что-то нечистое, – она начала орать и изрыгать проклятия. Если они не одумаются, мол, уж она придумает, как их отблагодарить! Естественно, на следующее утро корова у той семьи умерла «неожиданным, ужасным и крайне необычным образом». Брат констебля Херрика лично прогнал ворчащую Гуд, искавшую у него приюта. Так как она продолжала слоняться по его владениям, он велел сыну следить, чтобы она не проникла в сарай. У нее была привычка курить трубку (множество женщин в Массачусетсе открыли для себя радость табакокурения), что могло привести к пожару. Гуд поклялась, что Херрики тоже заплатят за недостаток гостеприимства. Возможно, она лишь туманно намекала: у нас есть ее слова – но услышанные другими, а не сказанные ею самой. В любом случае общение с ней никому не доставляло ни

малейшего удовольствия. Более того, вскоре пропало несколько ценных коров Херриков. В общем, у всех трех семейств очень скоро появится повод вспомнить об этих зловещих эпизодах.

В десять часов утра 1 марта констебль доставил Сару Гуд на допрос в таверну Ингерсола. Если у деревни было сердце, то билось оно в таверне Ингерсола. Это заведение, расположенное в двух шагах от молельни, чуть южнее пасторского дома, на подъеме дороги на Андовер, собирало у себя паству Пэрриса, которая подкреплялась там в перерывах между воскресными проповедями. В то утро остро ощущалось отсутствие некоторых персонажей. Марта Кори, соседка Сары, решила не приходить и пыталась удержать мужа – даже расседлала его лошадь. Тщетно: Джайлс Кори не пропустил ни минуты длившихся целую неделю разбирательств. Когда приехали судьи из города, было очевидно, что таверна Ингерсола не может вместить всех желающих. Слушание перенесли в аскетичный, щетинившийся стропилами молельный дом, и в лучшие-то свои деньки бывший мрачным местом, а теперь, после нескольких лет запустения, и вовсе превратившийся в темницу. Салемские фермеры долго откладывали ремонт, лишь заколачивая досками разбитые окна. Помещение в итоге стало таким темным, что впору было признать его непригодным для какого-либо использования. Тем не менее в воздухе ощущалось что-то пьяняще праздничное. В колонии не было театра – он считался «постыдным излишеством» [6]. Хотя уже были написаны все пьесы Шекспира, ни одна из них пока не дошла до Северной Америки, куда первый орган доберется только через девятнадцать лет. В лихорадочном возбуждении этого памятного вторника растворились все правила, все иерархические законы – как в грядущие недели внезапно будут сняты все запреты, обязательства и указы о введении комендантского часа. Фермеры отлично знали свои места на темных деревянных скамьях – при обсуждении спорных вопросов процесс рассаживания был весьма болезненным и велся по унижительному алгоритму сообразно возрасту, уровню доходов и количеству земли в собственности [7]. Тем утром, однако, на своих местах никто не сидел.

Председатели процесса – мировые судьи Джонатан Корвин и Джон Хэторн – расположились за столом перед кафедрой [8]. Эти многоуважаемые господа почитались в числе первых лиц Салема. Темноволосый Хэторн, успешный торговец землей и сообразительный

капитан ополчения, жил в прекрасном особняке. Будучи таким же опытным и жестким дознавателем, как его отец, Хэторн участвовал в судебных слушаниях с 1684 года. И хотя он был отцом шестерых детей, девочек-подростков среди них не было. Корвин владел лесопилками, некоторыми из них – совместно с Хэторном. Единственный сын одного из богатейших салемских торговцев, он унаследовал одно состояние и женился на обладательнице другого. Двое судей состояли в свойстве, близко дружили, жили в квартале друг от друга, обоим было слегка за пятьдесят. Вместе они заседали в городском совете Салема (Хэторн – на лидирующих позициях), а не так давно ездили на границу с Мэном – изучать оборонительные укрепления индейцев [9]. И хотя ни у одного из них не имелось правовой подготовки (люди с юридическим образованием не переезжали в колонии, где не было юридического факультета), оба они отлично ориентировались в делах общины, знали и нарушителей, и нарушения. Хэторн пятью годами ранее возглавлял комитет, вменявший деревенским избавиться город от своих дрязг. Многие часы он посвятил рассмотрению взаимных претензий семьи Патнэм. Без сомнений, оба мужчины обрадовались посвящению Пэрриса, семью которого Корвин спас от холода экстренной доставкой дров в октябре.

После молитвы Хэторн, сидя за длинным столом, где Пэррис с дьяконами обычно проводили литургию, взял на себя роль председательствующего. «Сара Гуд, – спросил он, – с каким злым духом ты водишь знакомство?» – «Ни с каким», – ответила она. Уткнувшийся в бумажки Хэторн будто не слышал ее и продолжал гнуть свою линию. Заключала ли она контракт с дьяволом? Зачем причиняла вред этим детям? В виде какого существа она это делала? Он действовал скорее как следователь полиции, а не как судья: ему предстояло не установить правдивость обвинений, а доказать вину обвиняемой. Когда подозреваемый в воровстве предстал перед Хэторном восемью годами ранее, тот сразу же задал вопрос: «В какой день недели ты украл деньги у Элизабет Рассел?» И далее: «В какое время? Где эти деньги?» [10]

Бой был неравным. Несмотря на все ее провинности и иск против отчима, Гуд еще ни разу не свидетельствовала перед магистратом. В то дождливое утро она стояла перед Хэторном и Корвином, отделенная от них несколькими метрами и барьером по пояс. Такого рода

конфронтация даже серьезных мужчин вынуждала лепетать какую-то невнятицу. И тем не менее Хэторн ничего не добился. Гуд продолжала мрачно все отрицать и была так же неприветлива в суде, как до того несдержанна в чужих прихожих. Хэторн попробовал зайти с другой стороны. А что она там бормотала в доме пастора? [11] Просто благодарила преподобного Пэрриса за подаяние, объяснила она. Ее обвиняют ошибочно. Она знать ничего не знает о дьяволе. Хэторн велел подняться четырем девочкам, сбившимся в кучку. Эта женщина – та, что причинила вам вред? Мало того, что все они подтвердили – мол, да, это она, и трое из них пострадали от ее рук прямо вот в это самое утро. Так еще, как только они подошли лицом к лицу к Гуд за покрытой балдахинном кафедрой, каждая начала биться в судорогах. Хэторну пришлось отослать их. «Сара Гуд, разве ты не видишь теперь, что натворила? Почему ты не скажешь нам правду? Зачем терзаешь этих несчастных детей?» – упрекал он ее. Адские корчи продолжались, и Гуд ничего не оставалось, как признать, что с девочками что-то не так. Но при чем тут она? Как и все остальные, она знала, что Хэторн арестовал еще двух женщин. Виновата какая-то из них.

Когда Хэторн в четвертый или пятый раз спросил, кто наслал проклятие на детей, Гуд дала ответ. Она назвала Сару Осборн, арестованную тем же днем. Ее дом перевернули вверх дном в поисках улики. Пришедшие в себя девочки прояснили, что Осборн и Гуд их мучили вместе. Хэторн вернулся к вопросу о бормотании. Все-таки что именно говорила Гуд, когда уходила из чужих домов? Он подразумевал, что она либо произносила заклинания, либо советовалась со своими дьявольскими сообщниками. Вообще бормотание имело еще одно объяснение: в Новой Англии это был признак чего угодно подозрительного и пагубного. Это слово попахивало беззаконием и мятежом. Оно вело напрямиком к анархии: где начинается ворчание, там недалеко и до восстания. В понимании пленников, индейцы, удерживавшие их, бормотали. Коттон Мэзер прежде описывал это как «дьявольскую музыку».

Гуд вела себя в лучшем случае вызывающе, в худшем – попросту оскорбительно. «Ее ответы звучали очень язвительно и зло», – замечает один из судебных репортеров, переключаясь на косвенную речь и подменяя собственными комментариями голос обвиняемой [12]. Все внешние признаки были на его стороне. Замызганная, потрепанная

жизнью Гуд выглядела в полном соответствии со своей репутацией. Ребенок принял бы ее за старуху. А ведь на самом деле ей было тридцать восемь лет, три месяца назад она родила. Она продолжала отбиваться от атак своего элегантного дознавателя, которому с трудом удавалось вытягивать из нее слова. Но в итоге Сара все-таки сооблаговолела ответить насчет бормотания: «Если это так необходимо, то ладно». Она повторяла Божьи заповеди. Когда же судьи потребовали подробностей, Гуд изменила показания: это был псалом. Она помолчала, потом сбивчиво промямлила его часть («пробормотала», отметил писарь). «Кому ты служишь?» – не отступался Хэторн. «Господу, сотворившему небо и землю», – отвечала Гуд, однако неуклюже замешкалась, прежде чем произнести имя Божье. Она может объяснить, почему не ходила на воскресные службы: у нее нет приличной одежды.

Если не сама Сара Гуд в тот же день подписала себе приговор столь резкими ответами, то ее муж определенно сделал это для нее. Кто-то из присутствовавших вспомнил, как Уильям Гуд высказывал подозрение, что его жена «либо ведьма, либо очень скоро станет ведьмой». Хэторн бросился вытаскивать из незадачливого ткача подробности. Он видел какие-нибудь дьявольские ритуалы? Нет, но жена вела себя с ним враждебно. Со слезами на глазах он признал, «что она враг всему хорошему». Если зал и ахнул, то в записях это не отразилось: Иезекиль Чивер, один из писарей в тот день, не счел нужным сохранить данный факт для истории. Годы нищеты не пощадили их брак: о том, что Сара Гуд не проявила ни капли сочувствия к судьбе соседской скотины, тоже рассказал ее муж. А ночью накануне ареста жены он как раз заметил ведьмино клеймо – знак, которым, как известно, дьявол метит своих слуг, – чуть ниже ее правого плеча. Раньше его там не было. Он еще подумал: интересно, видел ли это кто-нибудь еще. Хэторн отправил Гуд в тюрьму.

Немолодую Сару Осборн, вторую подозреваемую, он допрашивал с таким же пристрастием. Как и Гуд, Осборн уже давно пыталась получить приличное наследство, в ее случае – оставшееся после смерти мужа в 1674 году. Дело двигалось медленно. Осборн тем временем снова влюбилась и вышла замуж за своего ирландского батрака. Слухи о ней ходили годами, и последние из этих лет она провела прикованной к постели. Хэторна снова ждали отрицания, хотя

и от более покладистой и не такой убогой обвиняемой. Осборн отказывалась вовлекать в свои объяснения Гуд, которую долго не видела и с которой в целом была лишь шапочно знакома. Но Сара Гуд приплела тебя, поддел ее Хэторн. Осборн не попала в ловушку. Хэторн снова обратился к девочкам. Не могут ли они подойти к свидетельнице? Каждая из четверых ее опознала. Сара Осборн была одета совершенно так же, когда щипала их и душила, указали они. Признавая свое сложное положение, Осборн вроде бы вздыхала после ареста, что она скорее пострадавшая от колдовства, чем колдунья. Это не укрылось от внимания Хэторна. Что она имеет в виду? Осборн рассказала о своем частом ночном кошмаре. Она то ли видела, то ли ей снилось, что видела, – на разницу никто не обратил внимания – похожую на индейца фигуру. Он схватил ее за шею и потащил за волосы к входной двери. О том, что делать в подобной ситуации, задумывалась едва ли не каждая женщина в Массачусетсе. В своем бестселлере Мэри Роулэндсон писала, что до похищения индейцами не раз говорила себе: лучше уж умереть, чем живой попасть в плен к дикарям^[16]. Все слышали о младенческих головках, разможенных о стволы деревьев, и о выпотрошенных беременных женщинах. И при всей своей нетерпимости к беднякам деревенские добровольно жертвовали в фонд поддержки людей, побывавших в плену у индейцев. В феврале, например, деревня собрала тридцать два фунта – половину годового жалованья Пэрриса (которое ему так и не выплатили).

И снова кто-то в переполненной молельне по собственной инициативе рассказал историю не первой свежести. Вообще между конвульсиями девочек и залпами непрошенных излияний зал суда, словно окутанный бледным светом поздней зимы, был далеко не спокойным. Даже протоколы слушаний выглядят хаотичными. Неспроста мы, отмечает один ученый XVII века, сегодня кричим: «Порядок в зале суда!» [13] Вроде бы Осборн однажды упоминала, что слышала некий подозрительный голос. «Это дьявол с тобой говорил?» – спросил Хэторн. «Я не знаю дьявола», – ровно ответила она. Ей тогда показалось, что голос предлагал не ходить на службу. Она его проигнорировала. Хэторн настаивал: «Почему же ты все-таки послушала дьявола и с тех пор не ходишь на службу?» Потому что она болела, и это знает любой, чья фамилия Патнэм. Осборн

действительно уже какое-то время пропускала богослужения, и еще дольше длилась ее тяжба с первым семейством деревни. В завещании ее бывшего мужа исполнителями значились Томас и Джон Патнэмы, ответчики по ее десятилетиями длящемуся спору. Новый муж Осборн услужливо уточнил, что в молельне она не была уже год и два месяца. В тот же день или следующий за ним жена хозяина таверны обследовала Гуд и Осборн на наличие ведьминоного клейма.

Арестовывая Осборн, констебль Херрик провел тщательный обыск [14] – рассчитывал найти любые изображения, снадобья или инструменты, имеющие отношение к колдовству. Похоже, делал он это по собственному порыву, в ордере подобных инструкций не содержалось. Особенно неловким оказался визит к третьей подозреваемой. Ее имя назвала двенадцатилетняя Энн Патнэм: индианка Титуба, рабыня пастора [15]. Она уже какое-то время, по крайней мере с Бостона, жила в семье Пэррис; возможно, работала на них и раньше, еще на Барбадосе. Интересно, что девочки из пасторского дома – рядом с которыми Титуба жила, молилась, делила трапезы и, скорее всего, спала ночами – не называли ее имени. Не назвал его и сам Пэррис, который дважды подтвердил, что Джон (бывший, как считали в деревне, мужем индианки) испек тот самый «ведьмин пирожок», следуя инструкциям Мэри Сибли. Титуба, искренне привязанная к Бетти, хорошо знавшая Писание, ни в коем случае не была обычной подозреваемой. Все рабы и слуги попадали в разнообразные неприятные истории. Титуба – никогда. Она ни разу не привлекалась к суду. Долгие годы распевая псалмы и повторяя уроки катехизиса у очага Пэррисов, она была вовлечена в каждый аспект семейной жизни, в то время как Гуды были полной ее противоположностью. Она не знала тягот жизни и не доставляла проблем членам общины. И Гуд, и Осборн жили на выселках и нечасто посещали богослужения. Ведьмы традиционно были маргиналками: отщепенками, психопатками, сварливыми ворчуньями и нервными злюками. Ведьмы были белыми. Титуба не подходила ни по одному пункту. Но была чарующей.

И снова Хэторн начал с презумпции виновности. «Зачем ты мучаешь этих детей?» – спросил он сурово. Титуба отвергла обвинение, английский явно не был ей родным («Я не мучить их совсем»). «Кто же тогда это делал?» – продолжал Хэторн. «Дьявол, как

я знаю», – ответила обвиняемая и тут же поведала притихшему залу, каков он, дьявол. В отличие от тупо молчавшей Сары Гуд, она пела соловьем – не коза отпущения, а сатанинская Шахерезада. Весьма вольно переработав пуританские первоисточники, Титуба обрушила на публику супернасыщенное 3D-кино с полноценными разнообразными персонажами, их суперсилами и подручными зверями. Она была искусна и фантастически убедительна.

Буквально накануне, когда она убирала в пристройке пасторского дома, явился высокий светловолосый мужчина в черном шерстяном пальто. Это он приказал ей мучить детей. Его сопровождали четверо подручных, в том числе Гуд и Осборн. Остальные двое были из Бостона. Высокий пригрозил, что убьет Титубу, не согласись она выполнить его приказание. Хэторн поинтересовался, не представал ли перед ней этот человек в другом обличье. И тут Титуба дала понять, что явно была звездой на кухне дома Пэррисов, где дробила кукурузу и лушила горох; чем больше она входила во вкус, тем более захватывающей становилась ее история^[17]. Девочки, которые до того бились в жутких припадках, теперь замерли и не издавали ни звука. Чудесное облегчение приписали признанию рабыни.

Итак, у посетителя была желтая птица. Он являлся в виде двух рыжих кошек, или одной гигантской черной кошки, или черной собаки, или кабана. Если она согласится ему служить, может забрать желтую птицу себе. Кошки возникли в доме Пэррисов буквально накануне вечером, сразу после молитвы. Они царапались и едва не опрокинули ее в камин, требуя мучить девочек. Пока семья молилась, в дом проникла Сара Гуд, на плече у нее сидела желтая птица, а рядом терлась кошка. Она начала торговаться с Титубой, вдобавок что-то сделав с ее ушами, чтобы Титуба не могла слушать Писание. На какое-то время рабыня оглохла. Если она жила в постоянном страхе перед Пэррисом – а бить слуг и рабов считалось в порядке вещей, даже у пасторов, – то еще больше трепетала перед незнакомцем в шерстяном пальто. Он приходил четырежды и угрожал отрезать ей голову, если она о нем кому-нибудь расскажет. Призрачные видения Гуд и Осборн немилосердно гоняли ее туда-сюда: то беги к доктору, чтобы ущипнуть шестнадцатилетнюю Элизабет Хаббард; то мчись к Патнэмам, насылай проклятие на двенадцатилетнюю Энн. Они приказали Титубе убить Энн Патнэм ножом, и этому мгновенно нашлось подтверждение: из

зала сообщили, что точно, Энн в свое время жаловалась, что ее сверхъестественные мучители пытались лишить ее головы! На той дождливой неделе Титубе пришлось много где побывать, даже слетать в Бостон. Она оказалась прекрасной сказочницей, и незамысловатые повествовательные конструкции придавали ей шарма. Наверняка помогал и акцент. Она очень четко и убедительно описывала полупрозрачных кошек. Кроме того, она была любезной: ее допрос длился в пять раз дольше допроса Сары Гуд. Никто не обратил внимания, что предыдущий день, когда у Титубы состоялся разговор в пристройке, или утро, когда она якобы терроризировала Элизабет Хаббард, она вообще-то провела в заключении. Никто также не спросил, почему таинственный посетитель обратил внимание Титубы только на двух из четырех затронутых колдовством девочек, и никто не указал, что эти встречи произошли, когда припадки уже какое-то время продолжались. Никто не хотел ее перебивать. У них наконец появилось хоть что-то.

Хэторн пожелал узнать, каким образом Титуба перемещалась по окрестностям. «Я сижу на палке, Гуд и Осборн – сзади», – объяснила она. Они втроем держались друг за друга. Нет, она не может сказать, летели они сквозь деревья или над ними – все происходило слишком быстро. Время и расстояние вообще не играли роли. Видимо, Титуба была миниатюрной женщиной: она несколько раз просила судей поверить, что Гуд и Осборн силой принуждали ее к полетам. Заодно Титуба прояснила еще пару загадок. Тот волк, который преследовал Элизабет Хаббард? – трансформировавшаяся Сара Гуд. Покрытая мехом тварь с крыльями и длинным носом, которая грелась у очага Пэррисов? – Сара Осборн. Она уверяла, что не знает слов, чтобы описать это существо, но справилась прекрасно. Она не может назвать подручного высокого посетителя, но знает женщину из Бостона – потому что узнала ее капюшон с белой полосой. Титуба не скупилась на визуальные подробности и не колеблясь отвечала на все вопросы Хэторна. Если он упоминал какую-нибудь книгу, она тотчас ее описывала. Если он спрашивал про дьявольские обличья, она охотно о них рассказывала. У нее было целое утро, чтобы пообщаться с Гуд и Осборн. У нее были недели, чтобы наблюдать за Бетти и Абигейл, беспокоиться и заботиться о них. Она обожала девочек и уважала хозяина, слегка его побаиваясь: священнослужителю надлежало

внушать больше любви, чем страха, своим детям и больше страха, чем любви, своим слугам [16]. Титуба отчаянно нуждалась в том, чтобы вопрос скорее решился. Ее жизнь грозила вот-вот в корне перемениться. В течение всего этого представления никто не вздремнул ни на секунду. Только в самом конце девочек снова начало колотить. «Ты видишь, кто это с ними делает сейчас?» – спросил Хэторн. Сара Гуд, уверила его индианка. Девочки согласились. Они продолжали стенать, но Титуба как будто потеряла дар речи. Она не могла больше сложить ни одной фразы. «Я теперь слепа, я не могу видеть», – объявила она, и слушание 1 марта завершилось молитвой.

К вечеру Титуба и Сара Осборн уже сидели в салемской тюрьме. Этот день всех выбил из колеи. За отбытием судей последовали более обыденные дела. Назначенное на час дня собрание началось с опозданием. Жители деревни все еще спорили о своих обязанностях перед городом. Противоречия, решили они, остаются неразрешимыми. Фермеры постановили ходатайствовать в суде о полной автономии и назначили для этого специального констебля. Также они проголосовали против предложения города пожертвовать средства дорожного фонда на поддержку деревенской бедноты. Такую роскошь, как благотворительность, деревня позволить себе не могла.

А вечером, когда стемнело, двоих приятелей, бондаря и разнорабочего, напугал неясный, настойчивый и какой-то потусторонний звук. Подойдя ближе, Уильям Аллен и Джон Хьюз обнаружили на земле «странного и необычного зверя» [17]. Когда они еще приблизились, он растворился в серебристом лунном свете, а на его месте материализовались две или три женские фигуры, сразу же улетевшие в ночь. Примерно в это же время в поместье у доктора Григса заволновалась проходившая там лечение Элизабет Хаббард. «Сара Гуд стоит на столе рядом с тобой!» – крикнула она Сэмюэлу Сибли, мужу уже знакомой нам Мэри, который навещал там больную. Поразительно, но Гуд была босиком, с голыми ногами и голой грудью. «Я убью ее!» – взревел Сибли, хватая свою прогулочную трость. Этой тростью он ударил призрачную попрошайку по руке. Рассказ Хаббард легко подтвердился: констебль Джозеф Херрик тем вечером привел Сару Гуд на свою ферму, чтобы на завтра переправить ее в тюрьму Ипсвича. Каким-то образом вспыльчивая заключенная умудрилась

проскочить мимо охранников и выскользнула в темноту, прихватив с собой своего ребенка, но оставив ботинки и чулки. Утром жена Херрика обнаружила глубокие порезы на руке Гуд, от локтя до запястья. Накануне вечером ничего подобного не было. Удары трости Сибли, очевидно, достигли цели.

Заместитель Херрика наверняка с облегчением избавился в Ипсвиче от этой подозреваемой – за несколько часов пути она его измотала. Сара Гуд сидела на подушке за седлом и очень мешала двигаться вперед. Трижды она спрыгивала с лошади и пыталась сбежать. Я не ведьма, всхлипывала она, и никогда в таком не признаюсь. У них есть только слова Титубы. Абсурдно верить ладно говорящей рабыне, возмущалась Гуд и одновременно боялась, что кто-нибудь действительно может ей поверить. Она проклинала магистратов. Испуганная, сбита с толку, она пыталась покончить с собой. Сложно было сказать, кого больше ужаснуло гипнотическое выступление Титубы. В среду 2 марта власти заключили Гуд в ипсвичскую тюрьму – весьма нездоровое место даже по ее невысоким стандартам, грязное и зловонное. Вечером Джон Хьюз гостил у четы Сибли, где наверняка обсуждались выходки Сары и его встреча с крылатой тварью. Он ушел около восьми, и в дороге до дома его сопровождал незнакомый белый пес. Хьюз запер двери, лег в кровать – и яркая вспышка осветила его комнату, после чего рядом с изножьем обнаружился толстый серый кот. Двадцатидвухлетний бондарь Уильям Аллен тоже провел беспокойную ночь: слабо светящаяся Сара Гуд внезапно опустилась на его кровать, сев прямо ему на ноги. Когда он дернулся, она исчезла, и свет исчез вместе с ней. Такое ощущение, что Титуба посредством своей речи распылила в воздухе какие-то галлюциногены. Именно это жуткое психоделическое признание, а не вошедшее в легенду вуду стало ее вкладом в события 1692 года.

Кого на следующий день могла обнаружить у себя в комнате Энн Патнэм – младшая, как не Дороти Гуд, пятилетнюю дочку бродячей Сары? Этот крошечный бесенок колотил, царапал и душил Энн, требуя подписать дьявольский пакт. А тем временем Хэторн продолжал допрашивать подозреваемых в тюрьме, где Титуба продолжала изливать откровения. Это длилось четыре дня. Дошла она и до соглашения с дьяволом. «Он мне сказать, он Бог, и я должна ему верить и служить ему шесть лет, и он даст мне многие хорошие

вещи», – поведала она [18]. Что еще он говорил, спросил Хэторн, фактически предлагая ей ответ: вот оно, первое упоминание о сатанинской сделке. Он также предлагал признаться в договоре с дьяволом Гуд и Осборн, но они все отрицали. «Он сказал, что тебе нужно что-то подписать? Он дал тебе какую-нибудь бумагу?» – спрашивал судья Титубу. Да, он это сделал. Она ему ответила, что не может принять его как Бога, и попыталась убежать наверх и рассказать все преподобному Пэррису, но посетитель не позволил. Он приходил с подручными. Он велел ей мучить девочек. Он так все подстроил, что Пэррис не мог видеть ни его, ни Титубу – известный трюк. Индианка хорошо знала Библию и ориентировалась в системе образов; если она и не была покорной, то точно понимала, как выглядит и звучит покорность. В свой следующий визит – обычно дьявол являлся во время молитвы – он достал из кармана книжку, чтобы она написала там свое имя. Ее спасла миссис Пэррис, позвавшая в этот момент из соседней комнаты. От Титубы требовалось расписаться кровью, хотя она и путалась насчет того, как именно это должно было происходить. Сколько подписей уже стояло в книге? Рабыня знала в точности: девять, красным и желтым, она отчетливо видела подписи Сары Гуд и Сары Осборн. В тюрьме Гуд подтвердила, что подпись принадлежала ей. Осборн только презрительно фыркнула, услышав это.

Перед первым показанием Титубы, рассказывала она, высокий снова появился и предупредил, что она должна молчать. Пророни она хоть слово, и лишится головы. Назови она другие имена – и ей конец. Она начала нести какую-то бессвязную чушь – по крайней мере, так записано в протоколе допроса. Может она хотя бы сказать, где эти девяттеро живут? «Да, кто в Бостоне, а кто здесь в округе, но он бы мне не говорил, кто эти люди были», – отвечала Титуба. Это звучало тревожно, как и подписи кровью, и намек на заговор. Эта индианка видела нечто такое, о чем слышал и во что верил каждый в деревне: настоящий договор с дьяволом [19].

Джон Хейл, вдумчивый пастор из Беверли, жил в шести с половиной километрах от деревни. Повидавший и повешения, и тюремные допросы, он разбирался в ведьмах. Он наблюдал за первыми припадками девочек в пасторате, был на подхвате, когда Хэторн отправил Титубу в тюрьму. Магистраты допрашивали ее четыре раза, гораздо активнее, чем других подозреваемых. Три человека вели

подробные записи: от них требовалось не пропустить ни слова из ее лихорадочных речей. Титуба настаивала, что она не ведьма, хотя раньше и работала на одну. Хозяйка научила ее распознавать ведьм и избегать их чар (этот урок она, видимо, забыла). В тюрьме у нее на теле искали – и в конце концов нашли – подозрительные отметины. Если от нее пытались узнать больше, она – в присутствии Хейла и судей – начинала корчиться и пронзительно кричать: это подручные дьявола мстили ей за предательство.

Через неделю после ареста Сару Гуд с младенцем, Сару Осборн и Титубу перевели для ожидания суда в бостонскую тюрьму. Несмотря на то что в этот раз никто не пытался спрыгнуть на ходу с лошади, это путешествие заняло целый день. Учитывая взаимные обвинения, атмосфера, надо полагать, была напряженной. Пункт назначения, тюрьма Бостона с ее смрадным воздухом, грязными полами и полчищами вшей представляла собой «могилу для живых» [20]. Джон Арнольд, бостонский тюремщик, отличался жестокостью, и, как говорили, был непреклонным, как кандалы, в которые он заковывал подозреваемых. Замков на цепях не было: только кузнец мог расковать узников. При этом Арнольд открыл счета для нужд женщин, и скоро уже покупал одеяла для младенца, помещенного в каземат. Цепи свидетельствовали как о сверхъестественной силе этих женщин, так и о недостатках тюремной системы Массачусетса. Считалось, что ведьмы могут контролировать своих жертв жестами: следовательно, не сможет двигаться – не будет и колдовать. Побег из тюрем, однако, случались с поразительной регулярностью [21]. Ипсвичский заключенный спокойно уходил, просто поднимая доски у себя над головой. Сокамерники в Салеме как-то вынесли не только дверь, но и целую стену исправительного учреждения. А за год до этого двое сидельцев попросили кувшинчик пива. Когда жена тюремщика его принесла, они уже плыли к свободе на каноэ.

Если Титуба сама верила в собственные показания, то наверняка была в ужасе. Даже крепкие тюремные стены не могли защитить ее от высокого незнакомца и его обещания лишить ее головы. Ее слова не вызвали у судей сомнений. Она страдала из-за своего признания. Она раскаивалась. Давала абсолютно точные детали: они полностью совпадали с показаниями околдованных. Титуба к тому же была последовательна от начала и до конца. «Мы думали, что если бы она

лгала, то не могла бы так четко помнить все свои ответы», – позже объяснял Хейл [22]. Лжецу, думали они, нужна более цепкая память. Титуба хорошо усвоила все уроки Пэрриса, пусть даже в ее пламенном рассказе нельзя не заметить недостаток набожности: Бога она упомянула лишь однажды [23]. Она отлично держалась для человека, мечущегося между безжалостным инквизитором и дьяволом-головорезом. Ирония в том, что все могло повернуться совершенно иначе, будь она менее покладистой. Мало кто признавался в ведовстве. Признания Титубы – убедительные, исчерпывающие и фантастически красочные – изменили все. Они дали властям сигнал: вы на верном пути, парни. Удвоив количество подозреваемых, они подчеркнули необходимость срочного расследования. Они представили публике весьма опасного «работодателя». «И тогда, – спокойно писал Хейл о происшествии, которое тогда казалось скромным, локальным и (при участии старшего городского пастора) обычным до скуки, – дело пошло» [24].

Что именно представляла собой ведьма? Любой житель Новой Англии в XVII столетии мог дать ответ. Несмотря на взаимную враждебность, Хэторн и Корвин, официальные лица в суде, обвиняемые и обвинители – все представляли себе одинаковую фигуру, такую же для них реальную, как февральские наводнения, хотя и бесконечно более вредоносную. Прямо или косвенно их представление основывалось на трудах Джозефа Гленвилла, выдающегося английского академика и натуралиста. Этот выпускник Оксфорда, обладавший неоспоримым авторитетом, совершенно точно доказал существование ведьм и колдовства. Вот его определение: «Ведьма – та, кто делает (или предположительно делает) странные вещи, выходящие за известные рамки искусства и обычной человеческой природы, путем заговора со злыми духами» [25]. Сотрудничество с последними давало им силу, чтобы превращаться в кошек, волков, зайцев. Они питали особую любовь к желтым птицам. Ведьмаком мог быть и мужчина, но намного чаще встречались ведьмы-женщины. Английская ведьма обладала целым демоническим зверинцем помощников (так называемых фамильяров): ее могли сопровождать кабаны, черепахи, ласки. Предпочтение отдавалось кошкам и собакам, но всеобщими любимицами были жабы.

Литература о колдовстве так и кишит этими земноводными: жабы сожженные, взрывающиеся, танцующие, стонущие, домашние, наполняющие собой горшки, рождающиеся у людей, скрывающие в себе кошек. Шестнадцатилетняя служанка, уронившая толстую жабу в хозяйский кувшин с молоком, донесла до своих работодателей весьма недвусмысленное послание, как и намеревалась [26].

Ведьма несла на своем теле знак, указывающий на сверхъестественную связь с нечистой силой [27]. Эти знаки могли быть синими или красными, принимали выпуклую или вогнутую форму. Они могли напоминать сосок или укус блохи. Они появлялись и исчезали. В принципе за ведьмину метку засчитывалось любое темное пятно на коже, но особенно разоблачительными представлялись отметины в области гениталий. Как Титуба, ведьма подписывала контракт своей кровью, и он навеки связывал ее с господином, которому она отныне клялась служить. Дьявол нанимал «персонал» с помощью индивидуализированного подкупа. Колдовство обычно передавалось по наследству, по материнской линии. И хотя сила ведьмы была сверхъестественной, преступление она совершала против религии. Никто не сомневался, что она обязательно запнется во время чтения «Отче наш», ведь это анафема дьяволу. Она насылала чары с помощью заклинаний или мазей – плохие новости для Элизабет Проктер из Салема, служанка которой вскоре сообщит, что ее хозяйка всегда держит под рукой пузырек с неким отвратительно пахнущим зеленоватым маслом. Чтобы колдовать на расстоянии, ведьма использовала специальных куколок – это их констебль Херрик искал в посудных шкафах Осборнов и Пэррисов. Вы спросите, какая связь всего этого с дикими конвульсиями салемских девочек? Любой англичанин точно знал, как выглядит колдовское воздействие [28]. В соответствии с правовым справочником, к которому обращались тогда в Салеме, оно проявлялось бессмысленным трансом, параличом конечностей, припадками, клацающими или гротескно кривящимися челюстями, пеной изо рта, зубовным скрежетом, сильной дрожью. Автор книги дает и кое-какие важные советы: например, обнаружив подобные симптомы, обратитесь к врачу, прежде чем обвинять соседа.

Ведьмы беспокоили Новую Англию с самого ее образования [29]. Они топили быков, заставляли коров подпрыгивать на метр в высоту, швыряли в огонь кастрюли, таскали сено с телег, заговаривали пиво,

гремели ведрами и пускали чайники в пляс. Они запускали в полет яблоки, стулья, тлеющие угли, подсвечники и удобрения. Они создавали немислимых бестелесных существ: однажды это была голова мужчины и белый кошачий хвост, а между ними – пара метров пустоты, прямо Чеширский кот за пару столетий до Льюиса Кэрролла [30]. Надо добавить, что в колонии имелось немало питейных заведений. Город Салем снабжался особенно хорошо: там работало пятнадцать таверн, то есть по одной на каждые восемь десятков мужчин, женщин и детей^[18]. Ведьмы то привораживали жертв, то выводили их из строя. Внезапно Хэторн спросил, знает ли Титуба что-нибудь о сыне судьи Корвина. Скорее всего, хотел выяснить, не она ли изувечила хромого девятилетнего мальчика, хотя были и другие кандидаты: Корвин в течение короткого времени одного за другим похоронил трех сыновей. Ведьмы могли находиться в двух местах одновременно и не промокать под дождем. Они беззвучно ходили по гнилым доскам, прибывали на место слишком скоро, угадывали содержание нераспечатанных писем, ткали подозрительно тонкий лен, делали непривычно хороший сыр, знали секреты отбеливания тканей, чуяли ложь, выживали в падениях с лестницы. Ведьмы были ворчливыми, вздорными, непокорными, или необъяснимо сильными, или непостижимо толковыми. И конечно, часто совершали непростительный грех: имели больше ума, чем их соседи, – это, например, предъявил в 1656 году бывший пастор третьей из повешенных в Массачусетсе за колдовство женщин.

В сравнении со своими европейскими коллегами новоанглийские ведьмы были довольно скромны, а проделки их ограничивались обыденной жизнью. Они специализировались на мелких пакостях в хлеву и на кухне. Когда местная колдунья нарушала законы природы, эти законы в основном касались сельского хозяйства. У нее было слишком мало таланта, чтобы вызвать грозу или засуху, она ни разу не наслала на Бостон чуму и не спалила город^[19]. Другое дело континентальные ведьмы. Они ходили на руках. Длили беременность до трех лет. Переворачивали лица своих врагов вверх тормашками. Совершали международные перелеты. Приезжали на вакханалии в лесную чащу на гиенах. Похищали младенцев и мужские гениталии. Фамильярами им служили ежики. У массачусетской же ведьмы фамильяры – которых она, как мать, кормила грудью, – были

сравнительно неэкзотичны. Она не отлучалась слишком далеко от дома. И даже в своих прегрешениях оставалась пуританкой: редко блудила с дьяволом^[20], а посещая по ночам мужчин, в основном любила сворачивать им шеи. До 1692 года новоанглийская ведьма редко летала на тайные собрания, это чаще случалось с ее сестрами в Скандинавии и Шотландии. В Новой Англии знали толк в веселых бесчинствах, однако ничего такого не происходило на шабашах: там практически не было разврата, танцев или соблазнительных лакомств, да к тому же проводились они при свете дня. Явившаяся туда публика слушала псалмы! А типичное салемское меню состояло преимущественно из хлеба, вина и вареного мяса. Главной целью ведьмы, смыслом всех этих укулов и щипков была душа, а не тело [33]. И, несмотря на все свои невероятные способности, ей никогда не удавалось сбежать из тюрьмы, хотя многие менее продвинутые ее сограждане легко с этой задачей справлялись.

Среди бесчисленных доказательств существования ведьмы – когда все же требовались доказательства – было библейское наставление против нее. «Ворожеи не оставляй в живых», – приказывает книга Исход, хотя тогда много спорили о терминологии: на иврите это слово ближе к понятию «отравитель». В виде практикующих ли магию, прорицателей ли, – колдуны и колдуньи существуют столько же, сколько известная нам история. Количество их многократно возрастает, когда многократно возрастает количество литературы о них. Первая задокументированная казнь состоялась в Древнем Египте около 1300 г. до н. э. – за преступление, которое мы бы сегодня назвали «оказанием медицинских услуг без лицензии» (преступником был мужчина). Происходивший от кельтских рогатых богов и персонажей тевтонского фольклора дьявол, дальний родственник Пана, тогда еще не появился на сцене. Он пришел вместе с Новым Заветом – где, что примечательно, вообще отсутствуют ведьмы. В Библии ничто не связывает Сатану с ворожкой: эта забота значительно позже ляжет на церковь. Понадобилась религия, чтобы кто-нибудь додумался и до договоров с дьяволом (они, кстати, были более популярны в Шотландии, чем в Англии). Нельзя всерьез продавать душу, пока не будет официально установлено, что душа у тебя есть.

Образ ведьмы, как ее представляли себе в Салеме, сформировался в XIII веке, когда волшебство мало-помалу начали приравнивать к

ереси. Полностью же независимым персонажем она стала, когда широко распространившийся миф уступил место широко распространившемуся помешательству. В 1326 году папа Иоанн XXII повелел инквизиторам очистить землю от дьяволопоклонников. В следующие два столетия шла трансформация. Когда ведьма не горела заживо на костре, она – в своей континентальной инкарнации – занималась в те времена одним из двух. Либо посещала гнусные оргии, ритуалы которых оформились в Западных Альпах в начале XV века. Либо летала, иногда на метле (скорее всего, началось это в Германии). Когда в конце концов магия превратилась в ведовство, человек, им занимавшийся, – а раньше в равной мере встречались ведьмы и ведуны – стал женщиной, которая более склонна отзываться на зов Сатаны и по природе своей более порочна. Самая одиозная книга на эту тему, *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм»), собрала целую армию авторитетных классиков, чтобы постановить: «Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом»^[21]. Как часто бывает, когда дело касается женщин и власти, толкования тут уходят в область паранормального. Слишком слабая, чтобы противостоять дьявольским искушениям, женщина могла сделаться опасно, ненасытно властной. «Молот» утверждал, что, даже не имея оккультных сил, женщина – «враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожденное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха»^[22].

XV век – век Жанны д'Арк – стал свидетелем великого противостояния Иисуса с дьяволом. Могущественный бог Реформации требовал такого же всемогущего врага – им и назначили ведьму. По причинам, казавшимся тогда очевидными, без нее дьявол не мог совершать того, что Лоусон называет «ядоносными действиями». Лихорадочное преследование ведьм началось в конце столетия, после публикации «Молота», превратившего женщин в «необходимое зло»: судебным преследованиям всегда сопутствовала литература о колдовстве. И хотя поклонение Сатане стало удобным инструментом в борьбе с конкурирующей ветвью христианства – католики швыряли это обвинение в протестантов так же энергично, как протестанты отшвыривали его обратно, – все соглашались, что ведьм надо казнить^[23]. Ведьмы, со своей стороны, были идеальной объединяющей силой. Они мирили католиков и протестантов, лютеран и

кальвинистов. Изгнание дьявола оставалось единственной римско-католической монополией. К тому же у колдовства не имелось определенного места обитания, его нельзя было назвать ни сугубо английским, ни исключительно европейским явлением.

Какой стране отдать победу в номинации «самая крупная охота»? Тут очень жесткая конкуренция [34]. В Германии долго не применяли казни, зато потом как с цепи сорвались. Один инквизитор из Лотарингии хвастался, что за пятнадцать лет очистил землю от девятисот ведьм. Итальянский инквизитор превзошел рекорд коллеги: на его счету была тысяча смертей за год. В одном немецком городке умудрились лишить жизни четыре сотни за день. А в Великобритании между 1580 и 1680 годами расправились почти с четырьмя тысячами. Через несколько лет после Салема как минимум пять обвиненных ведьм погибли в Шотландии по показаниям одиннадцатилетней девочки. В английском графстве Эссекс, откуда происходили многие массачусетские поселенцы, казнили с особым усердием, хотя осуждали на казнь там размеренно и планомерно, а не как в Салеме, волнами. В длинный список жертв также попали дьявольский петух, мэр одного немецкого города и несколько британских священнослужителей. Английских ведьм в основном вешали, французских – сжигали. Это стало юридической проблемой для нормандского острова Гернси, где в 1617 году обнаружили трех ведьм. В итоге их повесили в соответствии с британским законом, а потом сожгли в соответствии с французским.

Образ ведьмы перекочевал из Англии в Северную Америку практически неизменным. Вместе с ней прибыла и прочая нечисть, присущая англосаксонскому фольклору. Связанные с договором элементы – печать дьявола, книга, контракт – были представлены и в протестантстве. А вот шабаши, как и полеты, пришли с континента: английские колдуньи не проявляли интереса к метлам. Та самая шведская девочка, которая свалилась с метлы, также спешила на отвратительную сходку под открытым небом, чтобы вписать свое имя в сатанинскую книгу [36]. Когда она упала, дьявол ринулся на помощь, чтобы исцелить травму, которая причиняла ей «все возрастающую боль в боку»^[24]. (В Новой Англии он не проявил такого великодушия: Энн Фостер в 1692 году осталась без помощи.) Вообще дьявол, когда не принуждал вас заключить договор и не оказывал медицинскую

помощь, был крайне занят. Он насаживал жертву на крючок осторожно и незаметно, особенно специализируясь на пороках. Он уверял скептиков, что колдовства не существует. Он хорошо знал Библию и цитировал из нее в стратегических – ужасных – целях. Он убаюкивал прихожан во время проповеди. Он мешал научному прогрессу. Будучи одаренным врачом, он знал о медицине гораздо больше простых смертных. Он был ученым из мужей во всей округе. Также он соблюдал жесткую трудовую дисциплину: быстрый и стремительный, он был вездесущ и без устали вербовал наемников. Он знал секреты каждого. При этом обладал колоссальным опытом – шесть тысяч лет, шутка ли! Как замечал Уильям Перкинс, один из первых пуританских богословов, он мог заставить вас поверить в клевету на вас же самих (многие встревоженные жители Массачусетса задавали себе вопрос, который к лету 1692-го приобрел особенно актуальное звучание: могут ли я быть ведьмой и не знать об этом?). Все эти идеи новоанглийские переселенцы импортировали оптом – прямо из работ Гленвилла, с которым переписывался Инкриз Мэзер, и Перкинса, у которого списывал Коттон Мэзер. Когда колонисты обзавелись собственным правовым кодексом, то первым преступлением, караемым смертной казнью, там значилось идолопоклонство. Вторым шло колдовство. «Если мужчину или женщину уличат в колдовстве, то есть в общении с духами, то его или ее должно казнить», – гласит свод законов 1641 года, ссылаясь на Исход, Левит и Второзаконие. За колдовством следовали богохульство, убийство, отравление и распущенность.

Хотя в этом своде законов дьявол и не назывался по имени, вскоре он уже творил свои обычные мерзости по всей Новой Англии. Первый в этих местах человек, признавшийся в заключении сделки с Сатаной, молил его о помощи с изматывающей работой по дому [37]. Тут же материализовался помощник, готовый очистить камин от золы и поля от кабанов. В данном деле оплошавшую служанку из Коннектикута следовало покарать не столько за причиненный ущерб, сколько за ересь, так что в 1648 году ее обвинили в «дружбе с дьяволом». Коттон Мэзер, который не мог устоять перед катастрофой, неважно, естественного или сверхъестественного происхождения, превратил этот случай в поучительную историю [38]. В ранних новоанглийских делах о колдовстве не фигурировали метлы, сатанинские сборища или бьющиеся в конвульсиях девочки. Там встречались заколдованные

свиньи и странствующие коровы, нарушение правил приличия и границ частной собственности. Они были нацелены на чересчур навязчивых знакомых или просителей, таких как Сара Гуд. Большинство таких дел включало какой-нибудь застарелый гордиев узел непростых отношений, без которого никак в маленьком городке. На многих обвинениях лежал налет сказочности: прядение слишком большого количества шерсти, невозможного без помощи потусторонних сил; рекордно быстро законченная работа по дому, заклинание животных, слишком участливое внимание к болезни соседа, угощение отравленными лакомствами.

За годы, прошедшие после принятия кодекса, в Новой Англии было осуждено более ста колдунов и колдуний, примерно четверть из них были мужчинами. Взбесившиеся дети Гудвинов, восставшие против религии, были в ответе за самое последнее массачусетское дело. Виновницей оказалась мать соседской прачки, которую старшая из девочек Гудвин обвинила в воровстве. Женщина пришла в ярость и отругала Марту – у той тут же начались припадки. Всю следующую неделю трое ее братьев и сестер корчились и вопили вместе с ней. На суде обвиняемая не смогла продекламировать «Отче наш» по-английски, она знала молитву (и говорила) только по-гэльски. При обыске в ее доме нашли куколок. Через переводчика она сделала признание, хотя и несколько туманное, о сделке с дьяволом^[25]. (Еще за несколько лет до того муж обвинил ее в колдовстве, выступив в роли, которая скоро станет в Салеме привычной.) Эту ведьму, по совместительству ирландскую католичку, повесили 16 ноября 1688 года. По дороге на виселицу она предупреждала, что с ее смертью припадки у детей не прекратятся. И оказалась права: они лишь усилились. Марта Гудвин еще какое-то время продолжала пинать пасторов и скакать на своей воображаемой лошадке.

Один голландец, посетивший Бостон в конце XVII века, отмечал, что «никогда еще не бывал в месте, где столько бы говорили о колдовстве и ведьмах» [39]. Слово «ведьма», означавшее в том числе и диагноз, так и звенело в воздухе. Первые поселенцы эмигрировали из Англии, когда помешательство на ведьмах достигло там своего апогея. Большинство из них были из самых зачарованных округов. Недавно приехавший в город незнакомец мог взглянуть на конвульсии ребенка и – лишь из доброжелательства и сердоболия – рассказать его или ее

семье, что рядом живет ведьма. Они могли не соглашаться и убеждали его, что соседи – образец благочестия, но он знал лучше: «Твоя соседка – ведьма, и она рассорилась с твоей женой и сказала в сердце своем, что твоя жена – гордячка и поплатится за свою гордыню ребенком» [40]. Когда Сару Гуд, Сару Осборн и Титубу в марте взяли под стражу, в тюрьме они присоединились еще к одной обвиненной ведьме, томившейся там с прошлого октября [41]. Волшебство хорошо прижилось в Новой Англии, на этой дикой пустынной земле, населенной дьявольскими призраками французов и индейцев. Так же хорошо оно уживалось с пуританством, вероисповеданием, которое поглощает тебя всецело, лишает ощущения безопасности и жаждет конфликта, если не настоящего катаклизма, – так как само появилось на свет, можно сказать, благодаря гонениям. И тем не менее к 1692 году процессы в Новой Англии шли на убыль, как и в метрополии. Коннектикуту ведьмы досаждали сильнее, чем Массачусетсу [42]. Там казнили многих в начале 1660-х, потом смягчились и больше никогда за колдовство не вешали. Отдельные случаи еще время от времени возникали, но эпидемических всплесков больше не было.

Новая Англия тоже не проявляла особого желания осуждать на смерть. «Мы склонялись к более гуманным решениям» [43], – писал Джон Хейл после спорного помилования 1680 года, когда суд отказался осудить женщину за увечья, которые нанес прикинувшийся ей демон. Судьи проявляли осторожность, магистраты отклоняли иски и склоняли присяжных на противоположную сторону. Одну осужденную ведьму обязали выплатить штраф за ложь, другую выпороли за болтовню с дьяволом. Женщину из Плимута, клявщуюся, что соседка явилась к ней в образе призрачного медведя, тщательно допросили [44]. «Какой у того медведя был хвост?» – спросил расчетливый магистрат. Она не смогла ответить – зверь стоял к ней мордой. У медведей, напомнили ей, не бывает хвостов. За эту выдумку ей предложили выбор: либо порка, либо публичное извинение. Из ста трех досалемских дел в Новой Англии обвинения предъявили примерно в четверти случаев. Всего в Массачусетсе до 1692 года были повешены только шесть ведьм. В первый день слушаний, когда дьякон из бостонской конгрегации Пэрриса передал деревенскому пастору знаменитую книгу Уильяма Перкинса, никого, кроме мучительницы детей Гудвинов – о чем отдельно уведомили трех женщин в

ипсвичской тюрьме – вот уже более четверти века не казнили за колдовство.

В десятилетия, предшествовавшие 1692 году, яростный спор о том, существуют ли на самом деле ведьмы, полыхал в Британии, где казни практически прекратились. Дискуссия эта интересовала лишь элиту. Ведьма стала предметом дебатов академиков и образованного духовенства. Скептики высказывали свои сомнения уже за сто лет до Салема, однако Джозефу Гленвиллу, писавшему в конце 1670-х, по-прежнему казалось, что все умные люди обязательно на его стороне. Существование ведьм считали идеей, которая объединяет всех: старых и молодых, мудрых и не очень, евреев и мусульман, христиан и язычников. Представлялось настолько же очевидным, что злой дух способен перемещать мужчин и женщин по воздуху, как то, что ветер способен расплющить дом. Первые шажочки в сторону от веры были робкими. Предстояло выступить против самого Перкинса, убедительнее которого никто не защищал реальность колдовства. Конечно же, есть масса всяких мошенников и жуликов, говорил он. Но наличие самозванцев не означает, что настоящих чародеев и магов не существует! Наоборот, подделки доказывают, что имеется и оригинал: а иначе что бы они подделывали? Коттон Мэзер эхом повторял этот аргумент, как и многие другие выдержки из Перкинса. Магию нельзя обвинить во всех несчастьях. Однако некоторые вещи иначе объяснить невозможно^[26]. Сомневаться в действенности колдовства, отмечал Перкинс, повторял Мэзер и верил весь Массачусетс, – это как сомневаться, что днем светит солнце [46].

Эту идею Перкинса – мы не должны отрицать существование явления только потому, что не можем его понять, – Гленвилл начал развивать дальше. А еще мы не знаем, рассуждал он, как именно функционирует душа – и что? И почему же Библия предупреждает нас о ведьмах, если их на самом деле нет? У каждого народа есть слово для этого понятия. Как все они умудрились дать имя фикции? К тому же вокруг столько признаний. Тут, как часто бывает, количество становится доказательством: «У нас есть свидетельства тысяч видевших и слышавших, и не только от легковерной черни, но и от людей мудрых и уважаемых, причем не имеющих никакого интереса сговариваться и единогласно лгать», – утверждал Гленвилл [47]. Казалось непостижимым, что «воображение, самая неповторимая вещь

на свете, способно бесконечно воспроизводить одну и ту же фантазию во всех странах и во всех временах». Доказать трудно, но ни в коем случае не невозможно. По той же логике, полагал член Королевской академии, один из самых проницательных умов века, как можем мы доказать, что Юлий Цезарь основал Римскую империю? (В версии Мэзера это было равноценно тому, чтобы поставить всю историю Великобритании в один ряд с приключениями Дон Кихота.) Не верить значило свести историю к небылице^[27].

Да, образы – а вместе с ними конвульсии, трансы, вопли и удушения – все было поразительно знакомо. Житель Новой Англии знал, как выглядит ведьма, как сегодня мы узнаем лепрекона или вампира, хотя (предположительно) никогда их не встречали. Это еще ничего не доказывает. Если вы не видите грабителей на большой дороге, это еще не значит, что их не существует, заявлял Мэзер. Скептики настаивали, что колдовство – абсурд и глупость, фантазия, по словам одного из них, распространяемая «мелкими жуликами». Но в том-то и дело, возражал Гленвилл. Колдовство настолько неестественно, нелепо и невозможно, что просто обязано быть реальным. Такое нельзя придумать! К невозможности коллективного заблуждения добавили железный аргумент, взятый прямо с титульного листа «Молота ведьм»: «Не верить в колдовство есть величайшая из ересей». Скептик семнадцатого века был вынужден занять позицию соглашателя. «Вульгарные люди смеются над такими вещами», – негодовал Мэзер в 1702 году, нападая на «больно умных остряков, сидящих в кофейнях», прихлебывающих латте либералов своего времени [48]. Но трезвомыслящие люди не шутили о невидимом мире, особенно когда дело касалось свидетельских показаний. Мэзер очень близко подошел к более обширной теме из книги своего отца 1684 года «Удивительные предзнаменования», полной немислимых знаков и чудес, своего рода оккультной версии «Шоу Рипли: Хотите верить, хотите нет!»^[28] Без мистики нет веры. Отрицать колдовство – значит отрицать религию, а отсюда всего шаг до еще более опасного вывода: отрицать колдовство – значит проповедовать его.

Но что же насчет образа коварного искусителя с опытом работы шесть тысяч лет, мастера перевоплощений, способного заставлять вещи появляться и исчезать, знавшего все ваши секреты и вынуждавшего вас верить в небылицы про вас самих? Тут туман

сгущается. Перкинс придавал дьяволу конкретную форму, однако не давал описаний. Никто в Новой Англии, похоже, не имел четкого представления, что он такое и как выглядит. Ему еще не приделали крыльев летучей мыши и раздвоенного хвоста, хотя в одном из салемских свидетельств нечистый выставлял свое копыто, а в другом оказывался гибридом обезьяны, человека и петуха. Не было даже понятно, мужчина он или женщина. Одна обвиненная ведьма интересовалась, не мог ли он притвориться мышью или стремительной черепахой. Если он имел физическое воплощение, то новоангличанину представлялся «черным человечком», или «здоровенным черным громилой», или «черным кабаном». В более или менее официальной версии 1692 года дьявол предстает темнокожим существом не выше трости, с прямыми черными волосами и в шляпе с высокой тульей [49]. Хотя у него наблюдалась явная аллергия на Писание – та шведская девочка упала с метлы, потому что во время полета произнесла имя Божье, – оставалось неясным, на каком языке говорил Сатана. Этого не знал даже Коттон Мэзер. Но он точно был вездесущ. Все вокруг кишело его приспешниками. На свете больше дьяволов, чем людей, предупреждали Мэзеры. Мы вдыхаем их вместе с воздухом [50].

Мало того что его адские армии роились повсюду, так дьявола еще и бесконечно кто-нибудь призывал. Избив и выставив свою жену на январский мороз, один муж из Хейверхилла рявкнул, что она была «не чем иным, как дьяволом в женском обличье» [51]. Молодая женщина, громко рассмеявшаяся поздней ночью и сразу же обнаруженная в чужой постели, была осуждена как «маленькая лживая бестия». Мужчина из Ипсвича показал, что в его склонном к насилию соседе «столько от дьявола, что жить рядом с ним просто опасно». Монстра часто поминали в пылу ссоры – к черту в те времена посылали не реже, чем сегодня посылают в самых разных направлениях, – хотя это и не было необходимым условием его появления [52]. К тому же дьявол хорошо приспособился к не очень дружелюбному климату Новой Англии: само собой, индейцы поклонялись Сатане, так же как и квакеры (что оправдывало захват квакерской земли: именно на ней в 1692 году стояла салемская тюрьма). Своим «духом противоречия» жители деревни Салем, согласно вердикту суда от 1675 года, сами предложили помощь дьяволу. По мнению как минимум одного

массачусетского священника, терпимость к другим религиям надлежало рассматривать как сатанинскую идею. Морить голодом пасторов, предупреждал Коттон Мэзер, означает открыть Сатане путь к овладению нашей землей^[29]. Иностранец в необычной шляпе – дьявол [53]. Он фигурирует в качестве соответчика в большинстве обвинительных заключений и занимает почетное место в множестве проповедей – хищный волк, угрожающий пасторскому стаду. Проповеди Пэрриса, обстоятельно, но не чрезмерно нагруженные проделками Сатаны, не стали исключением. 3 января 1692 года Пэррис заявил, что деревенская церковь, похоже, стоит на прочном основании. И предупредил, что «главная цель дьявола – ее опрокинуть» [54].

В своей новоанглийской ипостаси Бог, по наблюдениям нескольких пасторов, иногда нарочно насыляет на землю дьяволов, дабы заткнуть рты скептиков. Именно такой урок Мэзер извлек из эпизода с детьми Гудвинов. Он поклялся широко использовать это преступление и, с помощью «Удивительных предзнаменований», раз и навсегда решить проблему. По-отечески похлопав ее по корешку, он отправил в большое плавание свою книжицу – служанку великих британских фолиантов, какой она ему виделась, – чтобы убедить человечество: дьяволы до сих пор на свободе. О маленькой шведской девочке и ее воздушном происшествии, о неанглийских тайных сборищах на лугу, о подписанном кровью договоре и о человеке в шляпе с высокой тульей Массачусетс узнал от Мэзера, который стащил все это у Гленвилла. Неудивительно, что Массачусетсу досаждают ведьмы, замечает Мэзер, цитируя одного последователя Гленвилла, который в некоей трансатлантической круговой поруке тоже цитирует его. «Где дьявол проявит самую лютую злобу, как не там, где его ненавидят, и ненавидят люто?» – вопрошает Мэзер [55]. Приход дьявола – это почти знак почета, еще одно доказательство, что жители Новой Англии – избранный народ. Нечистый, словно призрачная молния, касается крыши дома пастора. Нельзя сказать, что ему совсем не рады: если рядом дьявол, то и бог недалеко. В книге «Откровение» сказано, что он явится в окружении «демонов из ада» [56], – а Мэзер уже давно предрекал апокалипсис, которого в Новой Англии ожидали еще с 1650-х [57]. И в 1692 году дьявол получил наконец повышение. Он стал сумасшедшим маньяком,

вознамерившимся разрушить Царство Божие, чего никогда раньше не пытался провернуть в Массачусетсе.

Когда североамериканские ведьмы начали летать, в Европе борьба с нечистой силой сошла на нет [58]. Голландия отменила казни в 1610 году, Женева – в 1632-м. Во Франции Людовик XIV закрыл все дела о колдовстве через пятьдесят лет, хотя кое-кого еще отправляли на костер и в 1691-м. В век Бойля, Ньютона и Локка (все они, кстати, верили в колдовство) преследования ведьм по всей Европе прекратились. Существовало некоторое количество текстов, ставивших магию под сомнение, хотя вы и не смогли бы прочитать соображения ведьмоскептика, выпущенные в Бостоне до 1692 года: вера и жестко контролируемая печать надежно защищали мировоззрение массачусетского поселенца. К 1692 году новоанглийская ведьма отличалась от своей европейской коллеги тем, что была более реальной. Что вы могли прочитать тогда в Массачусетсе, так это тирады, проклинавшие колдовство, которые Коттон Мэзер метал в сомневающих, в основном незримых – это все равно что изучать литературу восторженных креационистов, даже не подозревая о существовании Дарвина. Мэзер с предельной детальностью разбирал дело Гудвинов. Он касался только эпизодов, которые наблюдал лично или за которые мог всецело ручаться. Они признавались неоспоримыми фактами, несогласных же он попросту игнорировал [59]. И больше уже никогда таким людям не доверял.

Молитва, соглашались все массачусетские пасторы, была единственным действенным средством против дьявола. И Пэррис в 1692 году использовал ее по максимуму. Масштабные антиколдовские говенья проводились по всей колонии с 1651 года. Пэррис теперь организовал целую серию – в своем доме, в деревне и в соседних конгрегациях. В пятницу 11 марта группа священников собралась в пасторате, чтобы весь день провести в молитвах. Девочки большей частью вели себя тихо, хотя в конце каждой молитвы, заметил Хейл, отец троих детей в возрасте до семи лет, «они двигались и говорили странно и нелепо». Светловолосую Абигейл Уильямс, наиболее пострадавшую из всех, скрутило припадком: ее руки и ноги свернулись в крендель [60]. В какой-то момент после этого Пэррис решил разделить детей и отослал свою дочь. Возможно, из

практических соображений: семья не хотела расставаться с Абигейл, служанкой. Девятилетнюю Бетти поселили у Стивена Сьюэлла, городского судебного секретаря, которому вскоре придется день и ночь возиться с корчащимися молодыми женщинами. Этот их дальний родственник был благородным человеком. Сьюэллы сами воспитывали троих детей, старшему не исполнилось еще и четырех. А припадки Бетти продолжались, приводя опекунов в отчаяние. В конце месяца к ним в дом пожаловал «высокий черный человек», о котором рассказывала Титуба, и предложил Бетти все, чего она только не пожелает. Он готов даже перенести ее в город мечты – и это, очевидно, не Салем^[30]. Это дьявол, объяснила миссис Сьюэлл, сама пасторская дочь [61]. Если он вернется, девочка должна сказать ему, что все его слова – ложь.

Вся деревня говорила только о колдовстве, утро начиналось со сводок о том, что происходило ночью и как чувствуют себя пострадавшие. Это был плохой момент, чтобы вслух сомневаться или вдруг оказаться пророком. Где-то между днем, когда бостонский тюремщик щелкнул замком на камере трех салемских подозреваемых, и 12 марта новый призрак начал щипать Энн Патнэм – младшую. Отчаявшийся отец обратился к своему брату, Эдварду Патнэму, и Иезекилю Чиверу (который в свое время без спросу позаимствовал чужого коня), служившему судебным писарем. Будучи дьяконом, Эдвард Патнэм уже участвовал в кампании по признанию первоначальных обвинений в колдовстве. Субботним утром 12 марта они вдвоем решили выяснить, кто теперь мучает Энн. Мучительницей оказалась прихожанка с безупречной репутацией. Прежде чем ехать несколько миль на юг, они остановились на ферме Патнэмов, чтобы поговорить с Энн. Вероятно, двенадцатилетняя девочка ошибается? Может ли она описать, во что женщина была одета? К сожалению, в тот день Энн могла слышать ее, но не видеть. Призрак ослепил ее до вечера и обещал еще вернуться. И да, призрак при этом представился.

Марта Кори была одна дома, на юго-западе Салема. Улыбаясь, она пригласила посетителей войти. И предвосхитила их вопрос – зря. Патнэм и Чивер едва уселись, как хозяйка объявила: «Я знаю, зачем вы пришли. Вы пришли узнать, не ведьма ли я» [62]. Нет, не ведьма. «Я не могу помешать людям болтать обо мне всякое», – пожалала плечами Кори. Эдвард Патнэм рассказал, что его околдованная племянница

назвала ее имя. К этому Кори была готова или думала, что готова: «Но она сказала, как я была одета?» Гостей настолько ошеломило, что она в точности повторила их вопрос, что они попросили ее повторить. Нет, девочка не смогла ответить, потому что «ты ослепила ее и сказала, что она не увидит тебя до темноты, чтобы она не смогла сказать нам, какая на тебе одежда». Услышав об этой маленькой уловке, Кори не смогла сдержать улыбки. Нет повода беспокоиться, заверила Марта своих гостей. Она – набожная женщина, «верующая во Христа и с радостью посещающая церковь, чтобы слушать Слово Божие», о чем оба мужчины должны прекрасно знать. Дьякон напомнил Марте, что одно лишь провозглашение веры не очистит ее имени. Ведьмы веками проникали в церкви. Похоже, ни одна из сторон не упомянула о единственном очевидном пятне на репутации Кори: до своего первого брака она родила в городе мальчика-мулата, теперь уже подростка.

Чивер и Патнэм не стали вытаскивать на свет историю пятнадцатилетней давности, потому что в тот день на Кори появилось новое пятно. Она серьезно относилась к своей вере и радовалась возможности поговорить на эту тему. Она считала себя «евангельской женщиной». И вот теперь она должна объяснять, почему месяц назад распрягла лошадь мужа, пытаясь не дать ему поехать на слушание. Да потому что это казалось ей неприличным: как из подобного мероприятия могло выйти что-нибудь хорошее? В этом она оказалась права. Ее муж рассказал ей тогда, что девочки опознавали призраков по одежде – опасная информация. Чивер и Патнэм указали на серьезность обвинения. Марту это не сильно обеспокоило: она твердо намеревалась разбить в пух и прах досужую сплетню. Да она, может быть, вообще не верит, что вокруг полно ведьм – рискованное заявление и в лучшие-то времена, совершенно невозможное сейчас. Титуба призналась, напомнили гости. Доказательство было налицо.

Кори немного отступила, однако продемонстрировала при этом слепоту другого рода. Она пообещала «открыть глаза магистратам и пасторам» – чрезвычайно неосторожное высказывание. Гости еще некоторое время разговаривали с хозяйкой, рассудительной и непреклонной, немного склонной к чтению нотаций. Она оказалась и весьма внимательной слушательницей, перефразировав апокалиптическое утверждение их пастора, будто дьявол явился и ходит меж ними в страшном гневе. Что касается Титубы, Гуд и

Осборн, то она не то чтобы удивится, если они и вправду окажутся ведьмами. «Они ленивые и нерадивые, чего от них еще ждать-то», – сказала Марта раздраженно. Вот она – это совсем другое дело. Уютно устроившись в коконе своего благочестия, она думала, что неуязвима. По пути домой мужчины заехали к Патнэмам и обнаружили, что Энн совсем успокоилась. Но вечером припадки возобновились. И продолжались весь следующий день, когда другой неопознанный призрак проник в комнату. Энн не знала ее имени, хотя точно видела, что женщина с бледным серьезным лицом сидела в молельне на скамье, которую раньше занимала ее бабушка.

Через два дня Марта Кори ехала на север, в дом Патнэмов, куда ее вызвал, скорее всего, Томас Патнэм. Возможно, он хотел предъявить обвинение прямо ей в лицо. Не успела она слезть с лошади и войти в помещение, как Энн начала задыхаться. Придушенным голосом она обвинила вошедшую, после чего язык вывалился у нее изо рта и остался зажатым между зубами. Ее кисти и ступни делали вращательные движения. Когда она снова обрела дар речи, то указала на канарейку, клюнувшую Марту между указательным и средним пальцем. «Я подойду и посмотрю», – объявила она [63]. «Ну давай», – отвечала Кори, потирая ранку. Птичка исчезла, а Энн лишилась зрения. Приблизившись к обвиняемой, она рухнула на дощатый пол. После чего обвинила Кори в том, что она на той неделе ослепила еще одну женщину в молельне. И для наглядности закрыла лицо руками, и их уже не могли от него отнять. Она описала призрачный вертел, на который был нанизан человек, поджаривавшийся на огне под чутким надзором Марты. Никто больше вертела не видел, но все о нем слышали от детей Гудвинов. В этот момент Мерси Льюис, девятнадцатилетняя служанка Патнэмов, вышла вперед и начала тыкать в видение палкой. Оно исчезло, затем снова появилось. Она вновь начала тыкать в него палкой. «Не делай этого, если хочешь жить!» – крикнула Энн, но было поздно. Мерси отлетела назад от страшного удара. «Ты ударила Мерси Льюис железным прутом», – проинформировала Энн непризрачную Марту, которая наверняка была в шоке, как и все остальные. Она не шевелилась, не видела никакого вертела. Между тем девочки так мучились, что Патнэмы потребовали от Кори уйти. Состояние Мерси ухудшалось. Когда она тем вечером сидела перед пылающим камином, ее стул вдруг поехал прямо в огонь,

словно его тащили невидимые руки. С трудом трем взрослым удалось спасти девушку. Один из помощников заметил на ее коже следы укусов. Припадки у Мерси продолжались до одиннадцати вечера.

Старшая Энн Патнэм [64], чьи дочь и служанка страдали от козней нечистой силы (уж эти две девицы точно не подпадали под определение, которое Коттон Мэзер в 1692 году дал женщинам: «люди, не поднимающие в мире никакого шума» [65]), сказала свое веское слово четыре дня спустя. Она была тем самым ребенком, который приехал в Салем вместе с преподобным Бэйли, первым деревенским пастором, когда он женился на ее старшей сестре. Теперь ей было тридцать, и за эти годы она потеряла ту самую сестру и брата. Прошлой весной также умерла ее мать. А не так давно она еще и проиграла важнейшее дело в суде. После десятилетней тяжбы ее лишили возможности претендовать на какую-либо долю в огромном отцовском поместье, куда входило несколько островов, луга и паромная переправа. За тринадцать лет она родила семерых детей, дочка Энн была старшей. Потеряв в декабре восьминедельного младенца, сейчас женщина снова ждала ребенка. Ко всем этим тяготам добавилась еще одна. По ее словам, 18 марта она почувствовала смертельную усталость, «ухаживая за моей несчастной страждущей дочерью и служанкой. В середине дня я прилегла отдохнуть, и сразу же меня начали душить». Вскоре материализовался призрак Марты Кори и стал жутко ее терзать: если бы не мужчины в доме, ее разорвало бы на кусочки. Между пытками Кори подсовывала ей «красную книжечку и черное перо» и требовала, чтобы Энн вписала туда свое имя.

Ордер на арест Марты Кори вышел на следующее утро, в субботу. Ее не имели права задержать до окончания дня отдохновения^[31], так что она могла посетить молельню одновременно с теми, кто ее обвинял. Нет сомнений, это стало настоящей сенсацией: нечасто прихожанам доводилось молиться бок о бок с настоящей ведьмой во плоти. От ее рук пострадало еще несколько человек, в том числе племянница Пэрриса и служанка доктора Григса. Субботним вечером Джайлс Кори, семидесятилетний старик, никогда не служивший примером для подражания другим гражданам, сидел около камина рядом с евангельской Мартой. Она была третьей его женой, они вступили в брак семью годами ранее. Она предложила ему идти спать. Он решил сначала помолиться, но не смог не только вымолвить ни

слова, но даже рта раскрыть. Марта это увидела и помогла ему, и морок прошел [66]. Ее арест, судя по всему, здорово подстегнул его память. Через пять дней он признался городскому пастору, что на той неделе на ферме Кори происходило некое «творение чудес», как называл это Уильям Перкинс в своей книге, которая лежала в кабинете Сэмюэла Пэрриса. Его быка поразила странная болезнь. И кошка странно себя вела. Без всякой необходимости Марта предложила ему прекратить страдания животного. И тут он вспомнил, что жена последнее время не ложилась, когда он уже шел спать. «Я думал, она стоит на коленях перед очагом в молитве, но ничего не слышал», – откровенничал взволнованный супруг [67]. Неуслышанные слова оказались почти такой же страшной уликой, как бормотание. С чего это женщине поздней ночью тихо опускаться на колени перед очагом? Кори предположил, что она могла произносить заклинания. Не менее вероятно, что его жена в тот момент как раз осознала, что слишком много лишнего наговорила своему дьякону пару недель назад.

4. Один из вас – диавол

Две ошибки: 1. Понимать все буквально; 2. Понимать все символически [1].

Блез Паскаль

Деодат Лоусон, предыдущий деревенский пастор, первым попробовал осмыслить происходящее. Он приехал под вечер 19 марта, через несколько часов после выпуска ордера на арест Марты Кори, и оставался в Салеме чуть больше недели. Живя теперь в Бостоне, Лоусон общался с бывшей паствой Пэрриса. Он часто бывал в гостях у известных пасторов, в том числе и у Коттона Мэзера. В Салем он не приезжал уже четыре года, но неплохо знал фермеров с их симпатиями и антипатиями: в конце концов, если бы не их интриги, он бы до сих пор был с ними. Увиденное поразило бывшего пастора. Через три недели, когда он выплеснул свое удивление на бумагу, творившееся в Салеме можно было с полным правом назвать «редчайшей историей века» [2].

Лоусон не вернулся бы в деревню, если бы не настойчивые приглашения Пэрриса, чрезмерно загруженного работой на кафедре, и не только [3]. Ему лишь изредка удавалось готовиться к проповедям той весной, а с конца марта до середины сентября, когда он целыми днями пропадал на слушаниях, пастор не сделал вообще ни одной записи. Кстати, жалование он по-прежнему не получал. Силясь справиться с проблемами, обрушившимися на его семью, просиживая долгие часы в суде, он, наверное, чувствовал себя человеком, пытающимся потушить пожар с помощью свернутой в трубочку газеты. Сообщения о салемских событиях быстро долетели до Лоусона – тем более что случилось все в доме, где он не так давно жил. О пришествии дьявола уже судачил весь Бостон. Лоусон спокойно отметил, что разлад среди фермеров начался, «когда меня от них отстранили» [4], но никого ни в чем не винил и оставался желанным гостем этих вздорных людей, к которым, по его словам, вернулся из беспокойства за добрых друзей. Он приобрел некоторые базовые медицинские навыки в Англии, где двадцать лет назад служил (по

крайней мере номинально) королевским врачом. Он начал делать экспертные записи. Он во многом был идеальным кандидатом для этой работы, к тому же имел личный интерес. Одна из первых пораженных колдовством заявила, что именно колдуны забрали жену и новорожденную дочку Лоусона в 1689 году, и теперь их духи требовали отмщения. Если его семью принесли в жертву «злым деяниям сил ада», то он жаждал выяснить все. Как и озабоченные члены бостонского суда, которые настойчиво рекомендовали ему поучаствовать в расследовании.

В субботу Лоусон отправился в заведение Натаниэля Ингерсола, совмещавшего постоялый двор с таверной. Не успел он распаковать свои вещи, как в комнату вошла Мэри Уолкотт, дочь капитана деревенского ополчения. Джонатан Уолкотт, сосед Пэррисов и Патнэмов, раньше служил дьяконом у Лоусона. По странному совпадению Мэри Сибли, мастерица ведьминых пирожков, была тетей Мэри Уолкотт, как и Энн Патнэм – старшая, в доме которой Мэри и жила. Шестнадцатилетняя девушка несколько минут говорила с пастором, а когда повернулась к двери, чтобы уйти, вдруг застыла как вкопанная. Ее кто-то укусил! День клонился к вечеру, и в комнате было уже темно. Со свечой в руке Лоусон осмотрел Мэри, которую вспоминал затем скорее ребенком, а не молодой женщиной. И обнаружил две четкие цепочки укусов. Что-то сомкнуло челюсти на ее запястье, оставив следы зубов с обеих сторон.

Тем же ранним вечером Лоусон шагал по дороге к пасторату, к северу от таверны, вместе с женой Ингерсола. В гостиной на первом этаже, возможно, уже началась воскресная молитва. Пэррису даже не потребовалось описывать все тревожные события последних месяцев – Абигейл устроила для гостя весьма яркое представление. Бледная девочка носилась по комнате, «размахивая руками, словно пытаюсь взлететь, и вскрикивая “уиш, уиш, уиш!”» [5] Напрасно Ханна Ингерсол старалась ее успокоить. Прикованная к одному месту, Абигейл указала рукой в пространство. «Разве вы ее не видите? – удивилась она. – Да вот же она!» Они что, не замечают старую Ребекку Нёрс? Вот же она, стоит перед ними, как на ладони! Не постеснявшись присутствия двух пасторов, Нёрс посмела протянуть Абигейл книгу, от которой одиннадцатилетняя девочка решительно и неоднократно отшатнулась. «Это дьявольская книга, я знаю!» – крикнула она [6].

Нёрс стала уверять оцепеневшего ребенка, что даже не надо подписывать, достаточно просто дотронуться до обложки. Лоусон впервые слышал о темных делишках Ребекки Нёрс, благочестивой матери семейства, бабушки и прабабушки, которая в тот день появлялась еще в нескольких местах. Именно ее призрак видела тогда Энн на скамейке старой миссис Патнэм. Тут Абигейл подбежала к камину – тому самому, около которого Титуба встретила крылатого монстра, – вытащила из него тлеющие головешки и стремительно разбросала их по разным углам дома. Лоусон было подумал, что она хочет прыгнуть прямо в камин, что уже много раз, как он позже узнал, пыталась проделать до того. Тем же самым вечером у другого камина (в нескольких километрах от пастората) некая темная сила заставила замолчать Джайлса Кори, когда он хотел помолиться.

По просьбе Пэрриса на следующий день проповедовал Лоусон. Тексты их утеряны, но вряд ли они хотя бы вполовину так же занимательны, как их восприятие публикой. На скамьях сидели пять постоянно корчившихся девочек и женщин, а неподалеку – Марта Кори, с ужасом ожидавшая ареста за колдовство. Судьи Хоторн и Корвин тоже присутствовали, как и по меньшей мере один из двух городских пасторов. Лоусон начал службу, тут же прерванную несчастными страдальцами. Вообще, пасторы были привычны к шуму: им приходилось проповедовать среди топота ног по дощатому полу, щебета птиц на стропилах, кричащих младенцев, блюющих собак и неожиданно умирающих прихожан. Конвульсии же застали Лоусона врасплох. Такого он не видел никогда. Все успокоилось, когда запели псалмы, после чего он встал, чтобы начать проповедь. Вдруг в тишине прозвенел голос. «Теперь встань и говори свое слово!» – приказала Абигейл Уильямс. А через несколько минут его речи раздался другой голос. «Теперь довольно», – объявила Батшева Поуп, сорокалетняя матрона, околдованная недавно [7]. Привыкший к порядку Пэррис наверняка сторал со стыда. Женщины не говорили на службах, совсем. Штраф за перебивание пастора составлял пять фунтов или два часа общественных работ. Только квакерские дамы раньше позволяли себе подобные, причем пугающе одинаковые комментарии [8]. «Преподобный! Ты слишком долго говоришь!» – вступала одна. «Преподобный, сядь! Ты уже сказал больше, чем умел», – продолжала другая. Стоя посреди грубо сколоченной

молельни, племянница Пэрриса теперь в той же манере повелевала Лоусону замолчать: «Это очень долгая речь».

И дальше она вела себя не лучше. Пастор с кафедры зачитал план дальнейшей службы. «Я и не знала, что у тебя был план, – заявила Абигейл [9]. – Если ты о нем упоминал, то я запомнила». Потом она снова прервала проповедь, чтобы привлечь внимание общественности к поразительному зрелищу. Надо думать, все глаза и так уже буравили Марту Кори. Абигейл перенаправила внимание паствы вверх. «Посмотрите-ка, матушка Кори сидит на балке, – закричала одиннадцатилетка и ткнула рукой в потолочные стропила, – и кормит свою желтую птичку с руки!» Юная Энн Патнэм указала на кое-что еще, более опасное: канарейка села на шляпу Лоусона, висевшую на вешалке рядом с кафедрой. Взрослые бросились утихомиривать обеих девочек. Это был не первый и не последний случай подобного поведения. Немало проповедей Пэрриса в 1692 году, как позднее жаловался один прихожанин, было принесено в жертву «отвлекающему, тревожащему шуму», который то и дело поднимали околдованные [10].

На следующий день Марта Кори стояла перед молельней точно так же, как ровно два года назад, когда ее принимали в полноправные члены церкви. Сейчас помещение было забито под завязку, зрители едва не падали с галереи и ступенек кафедры. Николас Нойес, внушительных габаритов пастор города Салема, открыл дневное слушание «очень адекватной и прочувствованной молитвой», как позже напишет об этом Лоусон. Магистраты расселись за трапезным столом. Поначалу мягко – все-таки Кори были не только членами церкви, но и состоятельными землевладельцами – Хэторн задавал ей вопросы. Зачем она мучила этих людей? Если не она, то кто? Отвечая, Марта Кори попросила разрешения помолиться, но судьи ей отказали. Она настаивала. «Мы послали за тобой не для того, чтобы ты молилась», – жестко проинформировал ее Хэторн: они собрались тут, чтобы говорить о колдовстве [11]. Кори утверждала, что в жизни не имела дела с волшебством, снова называла себя «евангельской женщиной». И обращалась к Богу, дабы он «открыл глаза магистратам и пасторам», и тогда они бы поняли, кто на самом деле виновен. Хэторн рассердился: получается, он недостаточно хорошо видит? Постепенно становясь все более язвительным, он поднял вопрос,

мучивший каждого присутствовавшего: если она не ведьма, то как узнала, что Энн Патнэм спросит про ее одежду? Едва Кори открыла рот, чтобы ответить, ее тут же перебил писарь Иезекиль Чивер. Лучше не начинай со лжи, предупредил он. Патнэм тоже высказался. «Ты лжешь», – сообщил дьякон, пока она пыталась объяснить. Ее муж уже дал показания на предыдущих допросах. Хэторн повернулся к Джайлсу Кори: говорил ли он жене про одежду? Нет. «Не утверждала ли ты, что это твой муж тебе рассказал?» – поддел он обвиняемую. Либо она не нашлась что ответить, либо Пэррис не расслышал ее слов из-за шума. В записях ответа нет.

Даже присутствуй Кори на слушании Титубы, она не ожидала бы такого тона от Хэторна. С индианкой он был строгим, теперь же сделался жестоким. Судья напомнил ей, что она стоит перед представителями власти. «Я ожидаю правды, – провозгласил он. – Ты обещала». Тот факт, что она во время визита к ней дьякона предвосхищала его вопросы, был крайне тревожным. Хэторн твердил и твердил об этом, требуя объяснений. Девочки несколько раз его прерывали, чтобы указать на мужчину, шепчущего ей на ухо. «Что он тебе сказал?» – грозно спросил Хэторн. Кори никого не видела и не слышала. И тем не менее отважилась и высказала свое мнение: «Мы не должны верить всему, что говорят эти невменяемые дети». От ее слов девочки задергались еще активнее. Хэторн немного поспорил с храброй подозреваемой насчет значения слова «невменяемые», которое она произнесла трижды за несколько минут. По своей природе, заметил он, невменяемость проходит и изменяется. Состояние же девочек совершенно стабильно. Только одна Марта и верит, что они не в себе. «Все присутствующие считают, – напомнили ей и Хэторн, и городской пастор, – что детей околдовали».

Она ничего не могла им сообщить о вертеле, книге, канарейке или подозрительной мази, обнаруженной у нее дома. Как и в дальнейшем, незнание в суде приравнивалось к неповиновению. Хэторн потребовал от нее признания. «Я бы призналась, если бы была виновной», – ответила Кори, которая выглядела непреклонной, но не хладнокровной: она кусала губу и мяла пальцы в течение всего дознания, самого жесткого из предварительных слушаний. Она очень долго стояла на ногах, ее постоянно перебивали свидетели, вносящие уточнения и считавшие себя пострадавшими. Пэррис записывал

урывками, в моменты затишья между вспышками словоизлияний. «А теперь будь добра, скажи мне правду, – прогремел Хэторн, – почему ты сказала, что магистраты и пасторы слепы и ты откроешь им глаза?» В такой формулировке вопрос показался Кори абсурдным. Она засмеялась. Хэторн продолжал безжалостно давить, и в итоге подозреваемая, в свою очередь, задала не менее абсурдный вопрос: «Может ли невиновный быть виноват?»

Суд, похоже, ожидал от нее демонстрации экстраординарных способностей – ей нечего было предложить суду. Ты говоришь, что мы слепцы, не отступал Хэторн. «Раз ты говоришь, что я ведьма», – парировала Кори. Он попросил ее разъяснить – она ведь упрямо обещала это сделать. А если она отказывается, то у него есть еще один вопрос: «Чем ты ударила служанку Томаса Патнэма?» – «Я никогда в жизни ее не била!» – крикнула Кори. Двое свидетелей не согласились. Может, у нее нет ни железного прута, ни фамильяра, ни договора с дьяволом? Нет. Она что, действительно надеется избежать наказания? «Я не имею никакого отношения к колдовству», – поклялась Марта. В зале заволновались, а Хэторн вспомнил о слушаниях 1 марта. Почему она пыталась не пустить туда мужа? «Я не думала, что от этого будет какая-то польза», – ответила она. С длинных узких скамей поступил другой ответ: Марта Кори просто не хотела разоблачать остальных ведьм. Она даже улыбнулась – это же надо так извратить ее слова! Хэторн сделал ей выговор: это ей так смешны страдания девочек? «Вы все против меня, и я ничего не могу с этим поделать», – заключила Кори. Она что, не верит, что вокруг шныряют ведьмы? Она не может знать наверняка. Но Титуба же призналась, напомнил Хэторн. «Я не слышала ее речей», – спокойно ответила Марта.

Публика расвирепела. Обвиняемая делалась все более дерзкой («Если вы все решили меня повесить, что я могу?»), девочки совсем разошлись. Они визжали, гримасничали и передразнивали Марту. Она не евангельская женщина, хохотали юные жертвы колдовства. Она евангельская ведьма! Присутствующие тут же сообщили Хэторну, что, когда подозреваемая кусала губы, на предплечьях и запястьях ее обвинительниц появлялись следы зубов. С этого момента охрана стала внимательнее наблюдать за Кори. Действительно, каждый раз, когда она сцепляла руки, девочки дергались. Когда она переступала с ноги на ногу, они непроизвольно и очень громко топали. Если

облокачивалась на перекладину барьера – а стояла она уже намного больше часа, возможно, около двух, – они скрючивались в агонии. А сорокалетняя Батшева Поуп, хотя и не выдвигала жалоб до возвращения Лоусона, вдруг почувствовала, что ведьма проникла ей во внутренности, словно пытаясь вырвать их из ее тела. Взыв от боли, она швырнула в Марту свою муфту. В зале площадью десять на восемь с половиной метров нападавшие и их жертвы стояли в неловкой близости, не более чем в полуметре друг от друга. На таком близком расстоянии, при переполненных скамейках, в мутном свете и среди нервных шепотков, эти судороги и вопли воспринимались особенно зловеще. Муфта не долетела до цели. Поуп наклонилась и сняла с ноги ботинок. Он прилетел Марте прямо в голову. Вряд ли она могла с легкостью защищаться: ее руки к этому времени, похоже, были связаны, чтобы обезопасить жертв.

Хэторн разрешил обвинителям допросить Кори. Их набралось уже десять человек, примерно поровну девочек и женщин. Вопросы, как снаряды, сыпались со всех сторон. Почему Кори не присоединилась к остальным ведьмам, собиравшимся перед молельней? На какое время она заключила договор с дьяволом? (Спрашивавшие сами за нее ответили: на десять лет, из которых шесть она уже отслужила.) Хэторн втиснул сюда же вопрос из катехизиса. Кори ответила правильно, хотя, по мнению Лоусона, как-то странно. По совету девочек власти осмотрели ее руки. Не осталось ли между пальцев следа от клюва канарейки? Булавка, которой она колола одну из жертв, оказалась у последней в волосах. Еще до окончания слушания преподобный Нойес заявил, что убежден: Кори колдовала прямо у них на глазах.

Хэторн же был страшно разочарован. Он ждал признания, а его и близко не наблюдалось. Имелись лишь бессмысленные вопли да топот. Подозреваемая казалась то озадаченной, то вполне уверенной в себе. Дело-то, напомнил он, яйца выеденного не стоит. Она разве не видит, что пораженные ведут себя совершенно так же адекватно, как и их соседи? Кори не видела. Они не смогли доказать, что я ведьма, заявила она в лицо салемскому правосудию, которое – как Нойес, с самого начала не сомневавшийся в ее виновности, – было уверено, что именно этот факт они сейчас неопровержимо доказали. Через некоторое время констебль уже вел самопровозглашенную евангельскую женщину в

городскую тюрьму. Следующие шесть месяцев она проведет в кандалах, ожидая суда.

Хотя больше в тот день пораженные Марту Кори не видели, покоя им тоже было не видать. Энн Патнэм – старшая, проснувшись на следующее утро, обнаружила у себя посетителя. На рассвете на нее набросилась Ребекка Нёрс, одетая в одну льняную ночную рубашку. В руке она держала маленькую красную книжечку. Целых два часа две женщины боролись, при этом Нёрс отрицала власть Господа и Иисуса и угрожала вытрясти из Энн душу. Тем временем по деревне летала пятилетняя дочка нищей Сары Гуд, впиваясь зубами то в Мэри Уолкотт, то в младшую Энн Патнэм. Обе потом предъявили свежие укусы ее миниатюрного ротика. Одним своим взглядом крошка Дороти Гуд наслала на девочек ужасающие спазмы. Она душила их и колола, заставляя расписаться в дьявольской книжке, которых в деревне вдруг расплодилось огромное множество.

Видимо, в тот же день к дому Нёрс направилась делегация [12]. Хотя Ребекка и Фрэнсис Нёрс не принадлежали к числу первых поселенцев, они заняли особое положение в деревне, купив ферму в сто двадцать гектаров у одного бостонского пастора, которому она досталась в наследство. Почти за пятьдесят лет брака Нёрсы вырастили восьмерых своих детей и мальчика-сироту из квакеров. Это был процветающий, сплоченный клан и крепкий брак. Все их дети выжили. Они не давали ни малейшего повода думать, что имеют друг к другу претензии. Плотник Фрэнсис Нёрс считался одним из самых активных граждан в Салеме: служил присяжным и констеблем, участвовал в оценке собственности, измерял границы участков, улаживал земельные споры. Он заседал в комиссии, которая позвала сюда Пэрриса, хотя их отношения с того момента ухудшились: не так давно Нёрс заседал в комиссии, которая постановила удерживать жалованье Пэрриса. Богатые и весьма уважаемые Нёрсы были тесно связаны с Сибли и большей частью общины, о чем свидетельствует состав собранной в конце марта делегации. В нее входили трое членов другой известной в деревне семьи и Питер Клойс, свойственник Нёрса. Никто из них не имел никакого отношения к пораженным девочкам или мужчинам, подавшим первые жалобы. (Также в делегации была Элизабет, сестра судьи Хэторна.) Кто-то – скорее

всего, Пэррис или Хэторн – предложил остальным выведать у Ребекки Нёрс, что она уже знает о недавних событиях, и понаблюдать за ее реакцией на их неприятные новости.

Придя в просторный дом Нёрсов, они обнаружили семидесятиоднолетнюю Ребекку в кровати, совершенно больную. Она уже больше недели никуда не выходила, но уверила пришедших, что в своей немощи чувствует себя лишь ближе к Богу. Она сразу же спросила про несчастных девочек, в частности о дочке и племяннице Пэррисов, своих ближайших соседей. Она ни разу не навещала их в пасторате. Да, упущение, но на это были причины: в молодости у нее тоже случались припадки. Она боялась, что они вернутся, объяснила Ребекка, что она может заразиться. Она очень горюет и молится за соседей, ведь ей известно, как сильно они мучаются: говорят, на них страшно смотреть. Она также обеспокоена: ведь невинных людей, таких как она сама, обвинили в колдовстве. Стараясь быть как можно мягче, насколько возможно быть мягкими, говоря очень громко – Нёрс практически не слышала, – гости сообщили, что ее имя было названо. Старая женщина некоторое время сидела потрясенная. А в конце концов сказала, что «невинна как нерожденное дитя». Посетители ушли, убежденные, что она понятия не имела, зачем они пришли, пока они сами об этом не сказали.

Если делегаты намеревались вернуть ее честное имя, то вскоре у них появилось препятствие. Возможно, на следующий день преподобный Лоусон пришел к Энн Патнэм – старшей [13]. Она лежала в постели, вокруг толпились посетители. Среда в Новой Англии была днем выпечки – сдобный аромат свежего хлеба приходил на смену острому, кисловатому запаху влажной золы. Энн особенно обрадовалась, увидев своего бывшего пастора, – она его очень любила. Муж с женой пригласили Лоусона помолиться вместе с ними, пока Энн была в состоянии это сделать. Она молилась, но недолго: вскоре начался приступ. В конце молитвы муж попытался пересадить Энн с кровати к себе на колени. Руки и ноги бедной женщины так одеревенели, что ее не удавалось усадить. Она продолжала дико дергаться, махать конечностями, и в то же время спорила, зажмурившись, с Ребеккой Нёрс, которую больше никто не видел. «Уходи! Уходи! – кричала она Ребекке. – Какое зло я причинила тебе в жизни?» Энн знала, чего хочет Нёрс. Ты этого не получишь, объявила

она призраку, с которым в своем трансе дебатировала на тему Судного дня. Нёрс утверждала, что такого стиха в Библии нет. Энн пыталась его произнести, ее рот странно кривился, дыхание прерывалось, конечности дергались. В итоге ей все же удалось озвучить несколько слов. Она говорила об известной третьей главе Откровения, чтение которой заставило бы Нёрс уйти, и обращалась с мольбой к пастору. Лоусон колебался. Ему сделалось некомфортно из-за орудующих прямо у него под носом сил; ему не хотелось выпустить на волю еще больше этих сил; ему было страшно, потому что тут пахло библиомантией – гаданием на Библии. Однако, видя страдания своей дорогой подруги, длившиеся уже целых полчаса, он решился пойти на этот небольшой риск. Не успел Лоусон дочитать первый стих, как глаза Энн распахнулись. Она полностью пришла в себя. Такое уже бывало, сообщили окружавшие кровать люди. Тексты, которые она называла в своих припадках – причем без всякого видимого порядка или повода, – приносили мгновенное облегчение. Ордера на арест Ребекки Нёрс и пятилетней Дороти Гуд не заставили себя ждать.

В десять часов следующего утра старая Ребекка Нёрс стояла перед Хэторном и Корвином [14]. Хэторн сперва обратился к племяннице Пэрриса и Энн Патнэм – младшей. Не повторят ли одиннадцати- и двенадцатилетка свои обвинения? Абигейл утверждала, что тем же самым утром Нёрс ее избила. Энн взвыла. Хэторн пригласил остальных зарегистрировать свои жалобы. Вышли две девочки и бывший констебль. «Ты не имеешь отношения к этому колдовству?» – спросил судья, впервые задавая открытый вопрос. Не дав ей ответить, мать Энн Патнэм заголосила: Нёрс привела к ней черного человека и соблазняла ее отречься от Господа! «О Боже, помоги!» – крикнула Нёрс, воздев руки к небу. Как только она так сделала, девочки, задыхаясь и корчась, повалились на пол. Она что, не видит, сколько причиняет боли, когда размахивает руками? – спросил Хэторн.

По большей части в тот четверг он склонялся к милосердию. Перед ним стояла самая сомнительная из кандидаток в подозреваемые. Его сестра, вероятно, даже поручилась за нее. К тому же, быть может, Ребекка сама не знала, что ведьма – быть может, ее ввели в заблуждение; он допускал, что и сам не понимает, как относиться к этим зыбким видениям. Однако доказательства были неопровержимы. Титуба – которая продолжала дирижировать представлением из

бостонской тюрьмы – притворялась, что любит Бетти Пэррис, а сама ее терзала. Знается ли Нёрс с нечистой силой? Как и Кори, она не видела ни черного человека, шепчущего ей в ухо, ни птиц на стропилах, на которых указывали пораженные. Хэторн воззвал к чувству стыда присутствовавших: как грустно, что достойных членов церкви приходится судить за колдовство! «Очень грустно, да», – эхом отозвалась метательница ботинок Батшева Поуп и забилась в конвульсиях. Это вызвало неудержимую цепную реакцию. Хэторн попытался выяснить, считает ли Ребекка эти припадки театральной постановкой. Она колебалась. Хэторн поменял в загадке полюса. Если Ребекка Нёрс думает, что девочки притворяются, то «должна смотреть на них как на убийц». Звучало крайне серьезно. Он уже представлял себе, как будет преодолевать снисходительность судов прошлых лет. Речь шла о смертных приговорах.

От усталости или отчаяния в какой-то момент Нёрс уронила голову на грудь. Голова Элизабет Хаббард тут же поникла. Абигейл Уильямс предупредила, что если голову Нёрс немедленно не выправить, то шея Элизабет переломится. Несколько добровольцев бросились исправлять позу старухи. Шестнадцатилетняя девушка сразу очнулась. Вскрикнула Мэри Уолкотт, кузина Патнэма, обнаружив и продемонстрировав свежие укусы. В зале нещадно кусались и щипались. Старшая Энн Патнэм вдруг одеревенела, муж взял ее на руки и унес. Воцарился хаос. Лоусон не застал ее ухода, так как ушел еще раньше, после двух часов слушания, чтобы готовиться к проповеди. Визг и рев доносились до него из молельни. Даже стоявшие почти бок о бок Хэторн и его полуглухая подозреваемая с трудом слышали друг друга, чему у остальных быстро нашлось альтернативное объяснение: Нёрс не реагировала на вопросы судьи, потому что черный человек в это время шептал ей в ухо.

Многие в зале всхлипывали от страха, однако глаза старухи оставались сухими. Хэторн посчитал это любопытной деталью и явной уликой – по слухам, ни одна ведьма не могла плакать (точнее, могла уронить лишь три слезинки и лишь из левого глаза) [15]. Жители деревни тоже были в шоке от ее безразличия. Хэторн продолжал блуждать вокруг да около, заводя допрос в тупик. Почему она не приходила к Пэррисам? И чем конкретно болела? «Ты веришь, что пораженные подверглись злым чарам?» – спросил он наконец.

«Думаю, да», – согласилась она, наблюдая за творившимся в зале. Лоусон был ошеломлен вывернутыми конечностями и безумными речами ничуть не меньше, чем деревенские, которые шептали, что «им страшно сидеть рядом с подвергшимися воздействию». Он практически ощущал, как колотятся сердца, как встают дыбом волосы, как страх щекочет глотки. Что бы там ни происходило, оно, похоже, действительно заразно, предположил пастор в четверг в своей дневной проповеди. Ребекка Нёрс туда не пришла. Кое-кто видел, как она проезжала мимо молельни вместе с неопознанным черным человеком. Она же, направляясь в городскую тюрьму Салема, видела совершенно другую картину.

До сих пор на пришедшую в деревню беду реагировали в основном действиями, не пытаясь анализировать ситуацию. Лоусон хотел это изменить. Местные жители жаждали успокоения и разъяснения – и несколько часов в забитой людьми некрашеной молельне пастор работал по обоим направлениям. Он очень качественно подготовился, прекрасно понимая, что сидит на пороховой бочке: его слушали судьи и пасторы, семьи обвинителей и обвиняемых [16]. Продолжая мысли Пэрриса, Лоусон допустил, что среди них действительно орудует разъяренный дьявол, и тут же рассказал краткую биографию Сатаны (заодно продемонстрировав знание иврита и греческого). Если отбросить хвостовство эрудицией, то гибридное существо, которое он описал, – с «неуловимостью змеи, свирепостью дракона и силой льва» – походило на двоюродного брата мохнатого страшного зверя, которого Титуба встречала в гостиной Пэррисов. Ни для кого не стало сюрпризом, что этот зверь страстно желал «рвать на части, обольщать, истреблять»: чем благонравнее народ, тем яростнее Сатана его терзает. Лоусон прочитал отдельную молитву за коллегу, находившегося в отчаянном положении. Преподобный Пэррис всегда заслуживал духовной поддержки своих прихожан, но особенно она нужна ему сейчас, в этих жутких обстоятельствах.

Лоусон позволил себе выдвинуть еще пару соображений о причинах столь пристального внимания Сатаны к Салему. Фермерам стоит задуматься: а не выделил ли Господь именно их деревню под это дьявольское рандеву в знак «священного недовольства, чтобы загасить кое-какие очаги раздора, тлеющие среди вас»? На скамьях в неясном

сероватом свете сидели трое из тех, кто подписал в 1687 году в городе Салеме письмо, рекомендовавшее жителям деревни самим разбираться в своих дрязгах. Они не могли с ним не согласиться. Лоусон также заклеил заклинания и предрассудки: он знал о ведьмином пирожке. И понимал, что деревне нужны ответы. Однако такие эксперименты лишь доставляли дьяволу удовольствие. Не забыл он упомянуть и о чуме: Сатана «распространяет зараженные атомы в эпидемиях», дабы сеять разрушение более эффективно. Кроме того, Лоусон предостерегал от ложных обвинений и преждевременных выводов и заключал: есть только одно противоядие от змеиного яда – молитва!

В этой провокации виновен каждый, наставлял он паству. И каждый должен пройти курс серьезного самоанализа. Все местные жители – а не только те, кто каждый день просыпается в холодном поту от криков пораженных, – должны заглянуть в свои сердца и углубить свою веру. Легион дьяволов пусть натолкнется на сонм молитв. Текст лебединой песни Лоусона успокаивал, но ее мелодия походила на марш: Сатана пришел, хорошо вооружившись. Пока он собирает свои отряды, деревня должна подготовиться к духовной битве. Надо укрепить себя каждой частицей божественной брони – это испытание будет тяжелее всех прежних. Они должны, они просто обязаны утрашиться. И в то же время пастор умолял судей делать все возможное, чтобы «выявить и обуздать Сатану». Им надлежит «внушать нечестивцам страх и вершить над ними суд». Лишь мельком коснувшись вопроса о том, может ли Сатана позаимствовать внешность у невиновного, он призвал к тщательному расследованию и жесткому наказанию.

Возможно, серьезный самоанализ и развернулся в ближайшие дни, но то же можно сказать и об укусах с прочими истязательствами. В четверг муж Марты Кори признался городскому пастору, что подозревал жену в колдовстве [17]. Кори был третьим мужчиной, который предположил, что женат на ведьме. Ребекка Нёрс, чей муж единственный из всех не выступил против нее, продолжала мучить юную Энн Патнэм, по полчаса колошматя ее невидимой цепью. На нежной коже двенадцатилетней девочки вспухали круглые розовые рубцы. В деревне и окрестностях на прошлой неделе не говорили почти ни о чем, кроме показаний Нёрс, проповеди Лоусона и ареста Дороти, дочери Сары Гуд [18]. Лоусон и старший городской пастор

Джон Хиггинсон даже пошла вместе с Хэторном и Корвином в тюрьму опрашивать малышку. Она демонстрировала фантастическую способность причинять вред одним взглядом и умудрялась проделывать этот трюк даже в момент, когда несколько мужчин держали ее голову. Дороти призналась, что у нее тоже есть фамильяр – маленькая змейка, любившая кормиться у основания ее указательного пальца. Она вытянула руку и показала красное пятнышко размером с укус блохи. Это черный человек дал тебе змейку? – поинтересовались судьи. Вовсе нет, ответил пятилетний ребенок, которому предстояло следующие девять месяцев провести в кандалах. Змейку ей дала мама.

На фоне этих «ужасов, волнений и потрясений» Лоусон в своей проповеди 24 марта призывал всех к сочувствию и состраданию [19]. И хотя два пастора постоянно советовались, хотя прибегали к одной и той же системе образов, у Пэрриса, проповедовавшего в молельне тремя днями позже, был совершенно иной посыл. В то воскресенье он запутался с определением дьявола. Это может быть падший ангел или дух, князь злых духов или просто «низкие и дурные люди, худшие из них, своей подлостью и нечестивостью очень напоминающие дьяволов и злых духов». Где Лоусон обращался к Иову, там Пэррис предпочитал Иуду. Он выбрал отрывок из Иоанна, 6: 70 – если уж дьявол пробрался в ряды Его учеников, то «и здесь, в маленькой церкви Христовой», конечно, тоже водились дьяволы. Он перешел к неистовым обвинениям. «Один из вас – дьявол», – объявил Пэррис своим встревоженным прихожанам, совершив удивительный кульбит и выдав умозаключение, которое вызвало в зале нервную дрожь. «Мы либо святые, либо дьяволы. Писание не допускает середины», – возвестил он. И заодно отменил все сомнения касательно другого животрепещущего вопроса. Хэторн хотел понять, может ли дьявол принимать форму невинного человека, и пастор был непреклонен: не может. Пэррис не делал различия между теми, с кем нечистый заключил сделку, и теми, чьи тела он просто решил позаимствовать.

Его замечания прозвучали жестко, особенно для некоторых. Не успел Пэррис зачитать текст – «Иисус отвечал им: „Не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас – диавол“», – как сорокачетырёхлетняя Сара Клойс вскочила и бросилась вон из молельни. К удивлению присутствовавших, она громко бахнула входной дверью – либо сама, либо предоставила ветру сделать это. Тяжелая дверь с грохотом

захлопнулась, скрежетнув металлической задвижкой. Сара пропустила слезное признание Мэри Сибли тем днем, но успела услышать вполне достаточно: она приходилась младшей сестрой Ребекке Нёрс. Ее муж был в той делегации. Сару провожали десятки внимательных глаз, хотя пройдет еще три недели, прежде чем намеки на заговор из проповеди Пэрриса свяжут с ее побегом из молельни. Большинство считало, что она выскочила из зала в ярости, и только одна остроглазая одиннадцатилетка заметила, как Клойс поклонилась дьяволу прямо у входа в дом молитв.

Некоторые опасения всплыли на поверхность до отъезда из деревни Лоусона. Возможно, утром 25 марта Джон Проктер, шестидесятилетний владелец таверны и фермер, разговорился с мужем Мэри Сибли. Проктер остановился пропустить кружку-другую по пути в город, где собирался подхватить свою служанку Мэри Уоррен, которая скоро станет одним из самых необычных свидетелей обвинения. Человек откровенный, серьезный и прямолинейный, Проктер не выносил всех этих историй про колдовство. Он бы скорее заплатил Мэри, прорычал он, чем позволил ей прийти на слушание. Почему? – удивился Сибли. У Мэри тоже были припадки, объяснил пожилой человек, но он быстренько с ними разобрался: велел ей сидеть за веретеном и пригрозил, что побьет ее, если она снова вздумает шалить. Теперь она устраивала свой дурацкий спектакль, только когда его не было поблизости. Он собирался «вышибить из нее дьявола» [20] – и частично преуспел: Мэри вскоре предположит, что девочки притворяются. Если эти симулянтки намерены продолжать в том же духе, сообщил Проктер своему потрясенному собеседнику, то все местные жители в итоге окажутся обвиняемыми в колдовстве. Девчонок надо повесить! Как и подобает бдительному гражданину, Сибли передал этот бред слово в слово своему пастору.

Наутро после громкого ухода со службы Сары Клойс зять Ребекки Нёрс, тридцативосьмилетний Джонатан Тарбелл, пришел в дом к Томасу Патнэму. У него имелось несколько вопросов к женской половине семейства. Допросы и рассказы о допросах стали таким частым явлением в салемской деревне, что непонятно, когда там успевали готовить обеды. В доме, набитом доброхотами и маленькими детьми, Тарбелл спрашивал Патнэмов: Энн-младшая была первой, кто назвал его тещу? В конце концов, девочка вначале лишь обратила

внимание, что ее мучительница – бледная женщина, сидевшая на скамье ее бабушки. Она ее не опознала. Мерси Льюис, служанка, ударившая призрака, защищая юную Энн, подтвердила, что на Ребекку Нёрс первой указала Энн-старшая. В свою очередь, Энн-старшая заявила, что это сделала Мерси. Похоже, никто не желает брать на себя ответственность, заметил Тарбелл. В тот же день группа молодых людей обсуждала новые обвинения, выпивая в заведении Ингерсола. Несколько пострадавших девиц были тут же. Вдруг одна из них закричала, что жена Проктера, Элизабет, находится в комнате. Она ведьма. Ее следует повесить! Тогда один из парней, заявив, что он ничего такого не видит, обвинил девицу во лжи. Жена Ингерсола тоже ее отчитала: это не смешно. Юная особа сказала, что оговорилась, и сделала весьма сильное признание: она так поступила ради «развлечения, у них должны быть какие-то развлечения» [21]. В тот же день двое молодых людей, помогающих ухаживать за пострадавшими Патнэмами, рассказали: они слышали, что семейство приписывало эти слова, сказанные в таверне, девятнадцатилетней Мерси Льюис.

Вскоре после этого Лоусон вернулся в Бостон и начал писать отчет о пришествии дьявола. Он пропустил пост в четверг 31 марта, который фермеры провели в молитве за пораженных. Весь следующий месяц обвинения так и летали по деревне и за ее пределы, и количество их неумолимо росло. В марте были обвинены пять ведьм. В апреле будут обвинены двадцать пять. Следующее слушание бостонский магистрат проведет уже перед более многочисленной публикой и в более комфортабельной молельне Салема. В числе первых арестованных новой волны будут Сара Клойс и Элизабет Проктер.

Отчет Лоусона о салемиких ведьмах был опубликован почти сразу же после написания – 5 апреля. Такую тягу к изложению событий на бумаге можно объяснить не только активностью предприимчивого книготорговца, хотя Бенджамин Харрис именно таким и был (он разрекламировал десятистраничный памфлет как рассказ очевидца о «загадочных нападениях из ада») [22]. Эта тяга являлась типично пуританской склонностью, рефлексией буквально и логически мыслящих людей, бесконечно ищущих, помешанных на выявлении причинно-следственных связей. Святое Писание обеспечивало

твердую основу законодательству Новой Англии и служило его главным текстом: здесь можно было отыскать все ответы. Человек находил здесь подкрепление, восстанавливался и обновлялся с помощью пассажей этого текста, известных всем и каждому. Столкнувшись с моральной или практической дилеммой, вы могли обратиться к любой священной странице [23]. В то же время Бог был молчалив и раздражающе непостижим. Разгадывать его волю, расшифровывать его послания – все это и составляло дело жизни пуританина, пытавшегося понять ужасную, непроходимую тайну самых темных глубин своей веры: человеку еще до рождения суждено либо спасение, либо проклятие – так к какому лагерю принадлежу я? Эта загадка не давала пуританину расслабиться, он постоянно смотрел внутрь себя, непрестанно беспокоился. Задолго до своих мартовских тезисов Лоусон уже был ревностным, беспощадным исследователем, компульсивным самокопателем.

Постоянное наблюдение стояло во главе угла всего предприятия, шла ли речь о небесах, самом себе или соседях. Это слово фигурировало во всех церковных документах. Пастор обязательно был еще и стражем, и смотрителем [24]. Все вместе прихожане объединялись в одно «священное наблюдение» друг за другом. Мало что проходило незамеченным, как неизбежно узнавала пара, у которой ребенок появлялся через пять месяцев после свадьбы. Так что у деревенских имелись все причины фыркать с недоверием, когда их пытались уверить, что никто не видел, как в салемском городском порту причаливал корабль. Все находилось под наблюдением: кроме смотрящих за изгородями и пшеницей, община также содержала специальную команду десятников. Десятник наблюдал за семьями и тавернами, куда вмешивался, если вино лилось слишком бурным потоком (правда, рисковал при этом получить по голове стулом или железной подставкой для дров). Он являлся налоговиком и служащим полиции нравов, стражем порядка и информатором. Он проверял любого, кто выходил на улицу после десяти часов вечера. Он поощрял домашние уроки катехизиса и ловил сыпавшиеся с балкона молельни орехи. Он следил за передвижениями индейцев, а также, по воскресеньям, за уклонявшимися от обязанностей прихожанами. Городской проверяющий сам дважды в неделю подвергался проверкам. Безопасности слишком много не бывает, и незащищенный народ –

разместившийся на неудобном краешке непредсказуемой дикой земли и напряженно щуривший глаза в темноту своих гостиных, в глубину лесов, в неприветливые души сограждан – очень хорошо это знал.

Спасение зависело от добродетели общины в целом – вот почему Мэри Сибли и Иезекиль Чивер извинялись перед всей деревней, вот почему нерешительность в выявлении ведьм могла сойти за содействие дьяволу. «Если сосед избранного святого согрешил, значит, святой согрешил тоже», – напоминал пастве Мэзер. В результате вам становилась известна масса интимных подробностей о своем соседе: его гардероб, его ссоры, нрав, наследственность и особенности поведения, запасы сидра и клеймо на ухе его коровы. Особенно внимательно следили за детьми, чьи моральные устои еще не укрепились и временами очень удивляли. Тотальная слежка не всегда имела негативные последствия. Если бы прохожий не заглянул одним осенним вечером в бостонские окна Мэзеров, он бы не заметил, что чепчик на их дочери, оставшейся дома в одиночестве, загорелся [25] и через несколько секунд вся она запылала бы, как факел^[32].

Массачусетский пуританин знал – или смиренно надеялся, – что за ним присматривают. Если вы живете в городе на холме, то по определению как бы стоите на сцене. Этот пристальный пригляд не смущал поселенцев. Он делал их – по словам Уильяма Стаутона, бывшего вице-президента доминиона, который помогал колонии самоопределиться и впредь поможет ей определиться с салемиским колдовством, – цивилизацией, от которой ожидают великих свершений. «Если какой-либо народ в мире имеет в глазах небес преимущества и привилегии, – провозгласил Стаутон, – то мы и есть этот народ» [26]. Можно сказать и так. У современного же историка менее возвышенный подход. Продолавшие путь длиной почти в пять тысяч километров жители Новой Англии «добровольно рискнули жизнью и имуществом и оказались в диких землях, где каждое воскресенье от трех до шести часов сидят на скамьях в грубых, мрачных бараках, чтобы слушать правильно проповедуемое им Слово Божие» [27]. Другими словами, комбинация сложилась идеальная. Пуританин был бдителен и осторожен. Вера заставляла его держать ухо востро и быть начеку. В общем, если вы хотели бы пожить в состоянии нервозности и нестабильности, в постоянном ожидании нападений и ударов стихии – готовясь к вторжению самых разных

врагов, от «прожорливых волков ереси» до «диких вепрей тирании», как гласит повествование 1694 года [28], – то в Массачусетсе XVII века, в этом жестоком завывающем диком мире, вам бы понравилось.

В отношении того, что Мэзер в марте называл «укором небес», то тут Господь не скупился. С самого прибытия пуритан в эти края, то есть с 1630 года, Всевышний насылал на них неумные дожди и губительную плесень, гусениц и кузнечиков, засуху, оспу, пожары. Несколько десятков лет он выражал им исключительно недовольство. Через два поколения колонисты де-факто обрели независимость от Англии, что в 1684 году вынудило короля Карла II аннулировать их хартию, считавшуюся документом почти сакральным, и десятилетия благоденствия закончились [29]. Поселенцы были строптивцами и мятежниками, они чеканили собственные деньги, игнорировали законы о мореплавании, притесняли квакеров. Они, казалось, считали, что английское право не распространяется за океан. Они вознамерились основать самоуправляемую республику, пока никто не видит. Через несколько лет корона отправила в Массачусетс своего губернатора, дабы он разобрался со «злоупотреблениями на местах» и «мелкими разногласиями» между колониальными администрациями, а также координировал вопросы, связанные с обороной [30]. Приехавший возглавить правительство доминиона в 1686 году Эдмунд Андрос быстро установил абсолютную власть на всей территории от Мэна до Нью-Джерси. Он запретил городские собрания и отменил массачусетское законодательство. Он поставил под вопрос гегемонию и земельные притязания пуритан, а однажды в марте заставил бостонскую конгрегацию прождать на улице несколько часов, отобрав у них молельню для англиканской службы. Многим новоангличанам он виделся и волком ереси, и вепрем тирании.

В марте 1689 года Андрос при полном параде проследовал через весь Салем с многочисленной свитой. Приняв вызов, он спросил главного городского пастора, энергичного Джона Хиггинсона, не принадлежит ли по праву вся земля Новой Англии королю [31]. Хиггинсон, речь которого современник называл «проблеском небес», был слишком тактичен, чтобы дать гостю прямой ответ, указав, что может выступать только как священник. Андрос безжалостным тоном напомнил, что речь идет о деле государственной важности, поэтому у него есть все основания услышать ответ. Хиггинсон предположил, что

земли принадлежат тем, кто их завоевал, и тем, кто выменял их у индейцев. С огромными потерями два поколения переселенцев покоряли эту пустошь. Они усмирили «далекую, каменистую, безжизненную дикую землю, сплошь покрытую кустарниками и лесами», как описывали ее первые приехавшие сюда эмигранты [32]. Салемский пастор и королевский губернатор еще какое-то время обменивались пустыми репликами о Боге и англичанах. Король, настаивал Хиггинсон, не был заинтересован в североамериканских землях до приезда поселенцев. На что Андрос взорвался и предъявил священнику еще один ультиматум, пусть и опередив график на восемьдесят семь лет^[33]: «Вы либо подданные, либо мятежники».

Андрос продержался до апреля 1689 года, а потом колонисты устранили его военным переворотом [33]. Мятеж, инициированный бостонскими пасторами, возглавили люди, многие из которых через три года займутся уничтожением ведьм. Еще до мятежа Инкриз Мэзер тайно отплыл в Лондон – едва избежав ареста, – чтобы рассказать короне о претензиях колонии и просить о новой хартии. Переговоры заняли почти три года, в течение которых у Массачусетса вообще не было никакой политической власти. Лишь в апреле 1692 года она начала складываться из того, что пастор Топсфилда назвал колониальными «страхами и невзгодами». Один возмущенный государственный чиновник недаром заметил, что Массачусетс был так же близок к установлению жизнеспособного правительства, как к постройке Вавилонской башни: социально-экономические вопросы лежали в руинах. Многие боялись, что корона неизбежно их накажет и начнет насаждать на американских территориях англиканство. Массачусетс ощущал себя крайне уязвимым, тем более что катастрофы в Колонии залива воспринимались как судебные постановления. Каждый раз, когда Господь хмурил брови – неважно, проявлялось ли это градом, чумой, заносчивыми британскими чиновниками или нашествием ведьм – он, все понимали, делал это не без причины.

Переселенцы, таким образом, готовились в 1692 году ко многому, помимо набегов индейцев и реальной угрозы со стороны французов. Они готовились к хартии, которая восстановила бы их права, и к возвращению совершенно необходимого, обладавшего колоссальным авторитетом Мэзера. Они готовились получить объяснения своим

несчастьям и избавление от них. Одно время Коттон Мэзер и другие ждали еще и второго пришествия. Учитывая все катастрофы, обрушившиеся на Новую Англию, оно, казалось, было уже на пороге. Случаи колдовства в Салеме еще больше укрепили людей в мысли, что времени осталось совсем мало; по расчетам Мэзера, золотой век должен был наступить уже через пять лет. Такая определенность указывает еще на одну особенность мышления человека XVII века. Описанный прозаиком как «причудливое сочетание несочетаемых вещей и понятий»^[34] [34], этот образ мысли, словно безумное лоскутное одеяло, состоял из обрывков эрудиции и предрассудков^[35]. Естественное легко переходило в сверхъестественное – один знаменитый священник, например, узнал о том, что его жена родила, не от повитухи, но непосредственно от Бога, – так что медицина плавно размывалась и перетекала в астрологию, а наука – в чепуху.

Многие представители духовенства баловались алхимией, при этом яростно нападая на оккультизм: народная магия – это одно, а элитная – совершенно другое. Это как перестраховка из разряда «на бога надейся, а порох держи сухим»: даже исключительная набожность не сможет помешать тебе однажды предложить кому-то ведьмин пирожок. Как любой народ, сгибающийся под тяжестью собственного предназначения, пуритане страшно увлекались предсказаниями будущего. Астрологические альманахи распродавались мгновенно^[36] [36]. В Гарварде в 1683 году из-за затмения перенесли церемонию вручения дипломов. Как ни крути, пуритане были очень далеки от бытового реализма: Господь говорил с ними с помощью раскатов грома, дыхания дракона, блеска комет. Показательно, что там, где другие ждали громов небесных, Сэмюэл Сьюэлл, брат которого забрал к себе маленькую Бетти Пэррис, вел особенно скрупулезный учет радуг: утешающие радуги, благородные радуги, идеальные радуги; радуга, выходящая прямо из книги Откровения. Сьюэлл водрузил на ворота перед своим домом резные головы ангелов в качестве защиты. В тревожном мраке религия порой становилась переходной формой от рассудка к предрассудку.

Колония залива, возможно, была самым высокообразованным сообществом во всемирной истории до 1692 года [37]. Редкость, когда так много людей способны разобрать предложение, имея так мало

книг. Большинство подрастающих девочек в салемской деревне умели читать, даже если и не могли написать собственного имени (юная Энн Патнэм, кстати, принадлежала к тем немногим, кто мог). В этом обществе самые грамотные оказывались и самыми педантичными. Новоанглийское духовенство коллекционировало доказательства существования сверхъестественных сил в том числе для того, чтобы противостоять крепнущим силам рационализма. Инкриз Мэзер собрал богатый урожай чудес и предвестий в своих «Удивительных знамениях» 1684 года, за которыми последовали «Памятные знамения» его сына, – объемистом томе, благодаря которому новости о шведском полете и сатанинском спасении достигли Новой Англии. Этакая смесь видений, одержимостей, землетрясений, кораблекрушений и летающих канделябров, «Удивительные знамения» были поразительным гибридом фольклора и всесторонних знаний, призванным порадовать священнослужителей, запросивших в 1681 году собрание «невероятных случаев колдовства, одержимостей дьяволом, ярких примеров Божьей кары» [38]. Эти «простые истории о чудесах» служили политическим целям, подтверждая божественную благосклонность к миссии Новой Англии перед лицом королевских посягательств.

Пуританин не упускал ни одной детали, которая могла бы оказаться знаком или символом. Когда он направлялся с ружьем на болота, чтобы подстрелить птицу к ужину, и за ним увязывалась лучшая из его свиней, то это, конечно, что-то значило [39]. Яростный град, побивший окна новой кухни Сьюэлла, нес провидческое послание (Мэзер уверил своего расстроенного друга, что повреждения были репетицией апокалипсиса). Жажда смыслов свидетельствовала о заикленности на причинно-следственных связях, их толкования входили в обязательную программу повседневной жизни пуритан. Комета никогда не была просто кометой. Прожженное белье наполнилось смыслами. Когда дети Гудвинов корчились и стонали, их отец точно знал, что это наказание за его грехи. Если Пэррис и прочитал божественный укор в конвульсиях своих детей, то вслух он этого не сказал. Окружающие, однако, всё и так поняли. Коттон Мэзер сделал подобное заключение, когда другая его дочь – опасным местом был дом Мэзеров – упала в огонь.

Человеческая хрупкость несла ответственность за суровую местную погоду – стучащий зубами, отмороживший пальцы массачусетский пуританин имел все основания верить, что он слишком много грешил [40]. Нескромное поведение приводило к значительному количеству последствий: так, Инкриз Мэзер считал, что война короля Филипа началась из-за чрезмерного увлечения в колониях шелком и париками. Один священнослужитель из Коннектикута решил, что причина его вдовства крылась в том, что он слишком уж сильно наслаждался сексом с женой. Многие винили в смерти детей свою избыточную к ним привязанность. Небрежение становилось первой рабочей версией всех объяснений – тем более что эти люди страдали от чувства собственной неполноценности. Они не были набожными, как их отцы, идиллическое время прошло. Осипшего кембриджского пастора ругали за плохую проповедь. Не оттого ли у меня болит левое колено, думал Инкриз Мэзер на тридцать четвертом году своего шестидесятичетырехлетнего пасторства, когда ведьмы начали летать над головами, что я недостаточно добросовестно служу Господу? (Как минимум шестнадцать часов каждого дня он проводил у себя в кабинете.) Не бывает слишком много осторожности: однажды Коттон Мэзер случайно забыл произнести имя дочери в утренней молитве – вскоре выяснилось, что часом ранее нянька случайно ее задушила. В 1690 году, увязав страдания Новой Англии с ослаблением семейных привязанностей, Сэмюэл Пэррис вынес этот вопрос на собрание священников в Кембридже. Решение было простым: массачусетское духовенство должно делать все от него зависящее, чтобы «опрашивать, наставлять, предупреждать и наказывать» каждого из прихожан «в соответствии с его семейными обстоятельствами» [41].

Этот бесконечный поиск причинно-следственных связей вел пуританина двумя на первый взгляд противоположными путями. Прежде всего, он делал из него полного энтузиазма сутяжника. До 1690-х в Колонии залива не имелось адвокатов. Не было там места и случайностям. Любая мыслимая обида обязательно доходила до суда, куда, судя по всему, чуть что шли большинство жителей Массачусетса, ведомые одной соблазнительной идеей: если происходит что-то плохое, если ситуация выходит из-под контроля или оборачивается разочарованием – то кто-то где-то непременно в этом виноват^[37].

(Кстати, большая часть информации о правоверных салемских фермерах дошла до нас именно благодаря судебным протоколам, своеобразному каталогу их неблагоприятных поступков. Это одновременно и впечатляющий конспект крупных и мелких правонарушений, и дань гипертрофированной вере в причину и следствие.) Жители Массачусетса XVII века были не больше склонны к злодеяниям, чем все остальные, просто они больше любили судиться. Даже переписывая официальные протоколы, они оставались дотошными бухгалтерами и любителями сводить счета. Люди, привыкшие давать показания, те, чье спасение зависело от публичного покаяния, – конечно же, из них получались превосходные свидетели. Никогда не было недостатка в желающих рассказать, что говорилось, или о чем они слышали, будто оно говорилось в прошлом поколении. Постоянная слежка друг за другом могла выглядеть совсем иначе в суде. Коттон Мэзер, призывая в 1692 году паству оставаться друг для друга зоркими сторожами, видимо, имел в виду нечто другое, чем жена Уильяма Кентлбери, залезшая на дерево и приглашавшая подругу присоединиться к слежке за соседкой (которая вытолкала ее мужа со своего участка, зашвыряв его разнообразной утварью) [43].

И тем не менее, как бы поселенцы ни были бдительны, многое все же у них пропадало – от кобыл и изгородей до добродетели. Долги и пьянство возглавляли список судебных претензий, недалеко от них ушло нарушение границ во всех формах. Что неудивительно, ведь параметры пожалованных поселенцам участков определялись примерно так: «начинается от пня и тянется к востоку на двадцать метров, до столба» или «с востока ограничивается довольно большим черным или горным дубом, стоящим на взгорке у дороги» [44]. Даже когда границы были четко обозначены, домашние животные их игнорировали. Вольно пасущиеся свиньи десятилетиями сеяли в Новой Англии раздор: соседская хрюшка постоянно топтала ваш горох. Даже невозмутимая Ребекка Нёрс одним воскресным утром пришла в ярость, увидев в саду непрошенных парнокопытных гостей, и попросила сына принести ружье (дело Ребекки в итоге осложнилось тем, что владелец скотины вскоре после этого скончался). Прося деревню починить его прогнившую, разваливающуюся изгородь, Пэррис называл ее «возмутительницей спокойствия» между ним и соседями [45]. Каждую весну скот любого из них отправлялся гулять

на соседскую сторону. Из года в год в Салеме обсуждалась пасторская изгородь, что – вместе с боязнью нечестивости, голода и вторжений – уместило новоанглийскую проблему в три емких слова.

Такое впечатление, что замки в Массачусетсе XVII века вообще не работали: границы там то и дело нарушались, а в дома вламывались. У салемских фермеров имелись основания поддерживать страх собственных жен оставаться в одиночестве: женщина подвергалась риску нападения соседа, когда ее муж отлучался в погреб за сидром. Осознанно или нет, мужчины регулярно ныряли в чужие кровати (интересно, что на протяжении 1692 года женщины-привидения очень часто беспокоили мужчин по ночам, притом что в реальности нередко случалось как раз обратное). Особенно опасными местами были темные сараи. Одна девушка из Ньюбери заявила насильнику, заманившему ее в хлев, выбив свечу из ее руки, что «скорее даст забодать себя коровам, чем будет осквернена таким придурком, как он» [46]. Подобные стычки обладали мощным разрушительным потенциалом: злые слова спорящих часто превращались в еще более ожесточенную перебранку между их родственниками, которые несли эстафету дальше, от поколения к поколению. Таким образом, вражда Патнэмов с несколькими семействами из Топсфилда за десятилетия приобрела силу цунами, а семья Ребекки Нёрс бесконечно судилась с теми же Патнэмами за землю. Суды, основанные на английском праве, работали весьма эффективно и молниеносно. До тюрьмы доходило редко. Обычно все заканчивалось заманчивой отработкой или возмещением потерь – ну или новым иском.

Наказания были весьма оригинальными, а вот преступления – не очень. Слуги регулярно подвергались словесному и физическому насилию. Они мстили, опустошая погреба, крадя утварь или подбрасывая камни в хозяйские постели [47]. Прежде чем убежать вместе с конем и ботинками хозяина, один слуга сообщил своей госпоже, что она «обычная шлюха, сука с горящим хвостом и жаба попрыгучая». Мало кто подходил к делу настолько творчески, как та девушка, что бросила жабу в кувшин с молоком. Салемского торговца Томаса Мола постоянно вызывали в суд – у него была крайне раздражающая квакерская привычка работать в день отдохновения и требовать того же от прислуги (это видели в окно его лавки) – в 1681

году он оказался там за избивание рабыни. Мол нанес ей тридцать или сорок ударов хлыстом по обнаженной спине. Она потом две недели харкала кровью. Зачем было так жестоко бить девушку, ведь он мог просто ее продать? – спросили его. «Потому что она хорошая служанка», – объяснил Мол, который тихо пересидел события 1692 года, зато после уже не выбирал выражений.

Что суду не всегда удавалось, так это находить смысл в происходящем. Порой в безрассудном поиске причин лучшим объяснением оказывалось вмешательство потусторонних сил. Порой, как указывала группа самых выдающихся священников Новой Англии, оно было единственным объяснением [48]. И бесспорно, наиболее универсальным. Если это не дело рук Сары Гуд, то как еще объяснить падёж деревенского скота? Магия отлично связывала болтающиеся концы, отвечая за что угодно случайное, пугающее и недобрососедское. Как обнаруживал Сэмюэл Пэррис, магия отклоняла божественное правосудие и рассеивала личную ответственность. Дьявол не только давал отдохнуть от причинно-следственных связей, но и предельно ясно выражал себя: при всей их порочности, в его мотивах имелся смысл. Не приходилось спрашивать, чем вы вызвали его недовольство – что было приятнее, чем аналогичная ситуация с гневом небес, – или безразличие. А когда дьявольские махинации проявлялись именно так, как вы ожидали, то быстро становились тем, что вы видели. Своей очевидной наблюдаемостью колдовство сокрушало логические тупики. Оно подтверждало причины недоброжелательства, нейтрализовало пренебрежение, облегчало тревогу. Оно давало железобетонное объяснение, когда все шло прахом буквально к чертям собачьим.

В деревне Салем никто не жил в одиночестве. Но неожиданно – после предостережения Деодата Лоусона и зажигательной проповеди Пэрриса – все оказались еще менее одинокими, чем когда-либо. Начался разгул мрачных видений. Вечером 6 апреля, по сообщению Пэрриса, Джон Проктер пришел в пасторат и напал на его племянницу. То же самое он проделал в доме Патнэмов. В ту же среду в нескольких километрах от них двадцатипятилетний фермер по имени Бен Гульд проснулся и обнаружил стоящих у своей кровати Джайлса и Марту Кори [49]. Они дважды больно ткнули его в бок и вернулись

следующей ночью, уже вместе с Проктером. Еще несколько дней Гульд от боли не мог надеть на ногу ботинок. Он стал первым из ряда молодых мужчин – обвинителей. Теперь мужчины тренировались в колдовстве на других мужчинах, правда, предпочитали воздерживаться от этого в присутствии судей. Не отбивали они и атак привидений на общих встречах – кроме единственного, но показательного исключения. Проповедь Пэрриса 10 апреля прервал Джон Индеец, пасторский раб. Джон не хуже всех остальных знал, что Титуба уже пять недель в тюрьме. Полупрозрачная Сара Клойс опустилась рядом с ним на скамью и вонзила в него зубы с такой силой, что выступила кровь. А заодно набросилась на одиннадцатилетнюю Абигейл. После проповеди, в таверне Ингерсола, молодая служанка Патнэмов снова забилась в конвульсиях. Придя в чувство, она не смогла опознать нападавшего. Ей тут же предложили список кандидатур – у всех на устах были одни и те же имена [50]. Это, случайно, не старая Ребекка Нёрс? Не гордячка Марта Кори? Беспроигрышный вариант – Сара Клойс, на ее арест уже был выдан ордер. Тем временем в сорока километрах от места происшествия, в Бостоне, Коттон Мэзер призывал прихожан очнуться от грешного сна, готовиться к приходу дьявола, после которого придет Господь, ведь «великая революция» уже не за горами [51].

Слухи о мистических событиях в Салеме достигли Бостона по нескольким каналам. Либо из-за того, что Хэторн и Корвин запросили подкрепления, либо потому, что подкрепление ощущало себя в состоянии самостоятельно расследовать эти любопытные случаи, либо же из-за того, что в деле о колдовстве впервые появился подозреваемый-мужчина, но исполняющий обязанности заместителя губернатора Томас Данфорт сам приехал в Салем вести предварительное слушание 11 апреля. С ним прибыла делегация официальных лиц, в том числе бостонский судья и торговец Сэмюэл Сьюэлл. Будучи одним из самых знаменитых в колонии чиновников, шестидесятидевятилетний Данфорт десятилетиями способствовал благополучию Гарварда, занимая должность университетского казначея и управляющего. Одновременно с этим он служил в законодательном собрании Массачусетса. В свое время Данфорт боролся за хартию и участвовал в свержении Андроса. Он представлял собой впечатляющую фигуру. По какой-то из тех же причин, что

привели Данфорта в Салем, апрельское слушание перенесли в менее убогую и лучше освещенную городскую молельню [52], почти вдвое превосходившую размерами деревенскую, с новой просторной галереей и стильными модульными скамьями [53].

В тот понедельник Данфорт назначил Пэрриса судебным писарем, и пастор вынужден был записывать рассказ собственного раба о событиях, происходивших в собственном доме. Ему пришлось нелегко. Вообще слова регулярно лились для салемских стенографистов чересчур быстрым потоком [54]. Вооруженные пером и чернилами, совершенно негодными для быстротечной какофонии зала суда, они перескакивали от прямых цитат к парафразам, от неопознанных голосов из зала к привидениям, в половине случаев не отмечая перемену говорящего. Кляксы на страницах свидетельствуют о тяжести их труда: в таких условиях сложно быть аккуратным [55]. Они сами себя исправляли. Они обобщали и интерпретировали (Пэррис описывал случившиеся перед ним припадки как «жуткие», «ужасающие», «страшные», «отчаянные» или «мучительные»). Томас Патнэм постфактум придавал блеска показаниям свидетелей. Иногда было проще дать перу отдохнуть, указав, что обвиняемый не сказал ничего существенного, что колдовство в целом очевидно, что его свидетельство сводится к нагромождению лжи и противоречий. Писари отмечали детали, казавшиеся им наиболее важными (дерзость, смех, сухие глаза), опуская, на их взгляд, несущественное (отрицание вины). Логика обвинений побеждала нелогичность алиби. То, что оказывалось на бумаге, часто было не тем, что писавший слышал, но тем, что запоминал или во что верил. И мало кто проявил столько педантизма, как фиксировавший показания Титубы. 11 апреля, в беспокойной деревенской толпе, Пэррис не всегда мог как следует слышать и видеть. Ошибки прокрадывались в его записи.

Томас Данфорт дирижировал своеобразным хором, где каждая из одержимых – а к девочкам присоединились три взрослые женщины – вела свою партию [56]. Быстро выяснились кое-какие факты. К Джону в пасторат сначала пришла Элизабет Проктер, а позже и Сара Клойс – они вместе кололи и кусали его среди бела дня, душили несчастного раба чуть ли не до смерти, заставляя расписаться в их книжке. Данфорт, гораздо более солидный, чем Хэторн, действовал менее жестко. Он с ходу отменил случай колдовства в 1659 году, дважды

отклонив вердикт присяжных. Теперь он хотел удостовериться: Джон узнаёт обеих своих мучительниц? Конечно, ответил раб и указал на одну из них, Сару Клойс, стоявшую, как на сцене, в центре зала. Клойс в жизни хлебнула горя: она бежала от нападения индейцев и годами прозябала в нищете, оставшись вдовой с пятью детьми. Жизнь ее выдалась намного более трудной, чем у ее старшей сестры Ребекки Нёрс. «Когда я причиняла тебе зло?» – возмутилась она. «Очень много раз», – отвечал Джон. «Ах ты, лжец несчастный!» – закричала Сара.

Ее слушание шло более туго, чем слушание ее сестры, на котором она почти наверняка присутствовала. Говорили в основном девочки. «Абигейл Уильямс! – вызвал Данфорт, которого заранее ввели в курс дела. – Ты видела, как в доме мистера Пэрриса пирует компания?» Она была первой, кто произнес это слово: «Да, сэр, это у них было *таинство*». Шабаш проходил в день всеобщего поста. Клойс и Гуд исполняли роль дьяконов во время этой службы, которая велась прямо за пасторатом. Уже второй раз сообщение о дьявольском сборище исходило из пастората. Снова и снова Пэррису предстояло выслушивать истории о ведьмах, устроивших пикник у него на заднем дворе. Это могло укрепить его позицию в общине (так как указывало на добродетельность пастора) либо, наоборот, стать его позором. В любом случае у него имелся повод вздрогнуть от такого неожиданного внимания к его подтопленному, плохо огороженному пастбищу. Итак, председательствовал у них белый человек, перед которым трепетали все ведьмы. И тут Абигейл сообщила кое-что еще более тревожное, чем даже кровопитие: там было около сорока ведьм! В этот момент Клойс попросила воды и рухнула на свое место, «как человек в смертоносном припадке», отметил Пэррис [57]. Прошло ровно десять лет с того дня, когда рассерженный гончар предупреждал, что деревня никогда не сравнится с городом, если ее жители не прекратят свою грызню.

Затем Данфорт обратился к сорокаоднолетней Элизабет Проктер, недавно забеременевшей шестым ребенком, – о чем она, вполне вероятно, еще даже не знала. Тут магистрат столкнулся с затруднениями. Одна из девочек заявила, что никогда раньше не видела Элизабет. Две другие лишились дара речи. Когда племянницу Пэрриса спросили, нападали ли на нее Элизабет, она засунула в рот кулак. Племянница доктора впала в затяжной транс. То ли девочки

потеряли нить происходящего, то ли стали жертвами какой-то более серьезной силы. Возможно, их пугал Данфорт: отец двенадцати отпрысков, он знал, как разговаривать с детьми. Один только Джон Индеец оказал ему услугу. Полуобнаженная Элизабет Проктер, признался он, душила его. Дважды Данфорт спрашивал, уверен ли тот, что это была именно она. Джон был уверен. Постепенно большинство девочек собрались и представили дополнительные подробности о дьявольской книжке Элизабет.

Вероятно, именно тогда – слова прилетали со всех сторон – племянница Пэрриса и Энн Патнэм – младшая подались вперед, чтобы ударить обвиняемую. Кулак Абигейл волшебным образом разжался в воздухе. Кончики ее пальцев скользнули по капюшону женщины, и девочка взвыла от боли. Пальцы были обожжены! В дальнейшем, когда эти две юные особы не бились в припадках, они переключали внимание аудитории с Джона на других: «Смотрите! У нее сейчас случится припадок!» – объявляли Абигейл и Энн, и у пораженной действительно случался припадок. В другой раз они предупреждали: «Сейчас мы все упадем!» – и семь-восемь девочек в бреду грохались на пол. За эту пророческую силу подружек скоро назовут «девочками-провидицами» [58]. Вот они показывают на деревянную балку под потолком: на ней балансирует Элизабет Проктер, жена колдуна. А скоро, предупреждают они, сам Проктер, который называл их заявления форменной чепухой, заставит метальщицу муфт Вирсавию Поуп взлететь. И в тот же момент ноги Поуп оторвались от пола. Что ты на это скажешь, грозно спросил Данфорт у Джона Проктера, внезапно ставшего подсудимым. Не дав ему ответить, Абигейл указала на двух женщин постарше. Проктер собирается напасть на них, закричала она, и обе они начали корчиться от боли. «Видишь, дьявол обманывает тебя, – предупредил Данфорт случайного подозреваемого. – Дети смогли увидеть, что ты собираешься сделать, до того, как женщина пострадала». Он настоятельно посоветовал Проктеру признаться, что с ним играет Сатана. «Увы, увy, увy», – написал тем вечером бостонский магистрат Сэмюэл Сьюэлл в своем дневнике на латыни; к этому языку он обращался, когда речь заходила о чем-то деликатном вроде чувственных мечтаний о жене или критических замечаний тестя. И лишь после добавил веское слово «колдовство».

Проктер был единственным, кто пытался восстановить хоть какое-то здравомыслие. Грубоватый, хотя и добродушный, он был сверстником Данфорта. Жена Элизабет, которая была намного его моложе и родила пятерых из одиннадцати его детей, помогала в таверне. Проктеры также владели фермой в 280 гектаров. Джон, не теряя времени, сообщил всем желающим слушать – включая мужа женщины, которую только что заставил взлететь, – что если Пэррис даст ему несколько минут наедине с Джоном Индейцем, то он «быстренько вышибет из того дьявола» [59]. В общем, этот задира себе не изменял. Его угроза не могла понравиться Пэррису, который давно уже не верил, что дьявола можно из кого-то выбить. Однако некоторые в зале придерживались точки зрения Проктера. Салемский фермер Эдвард Бишоп ближе к вечеру привез Джона Индейца обратно в деревню на лошади. У раба начался жестокий припадок, и он вцепился зубами в сидящего впереди него всадника [60]. Бишоп ударил его хлыстом, и чары рассеялись. Джон пообещал, что впредь такого не повторится. Уж точно нет, уверил его Бишоп и поклялся подобным образом разобраться со всеми околдованными.

На следующее утро в городской молельне Пэррис пытался своей твердой, уверенной рукой составить правдивый отчет об удивительных событиях вчерашнего дня. Однако в зале царил хаос. Джон и Абигейл рычали и кружили вокруг него. Мэри Уолкотт, шестнадцатилетняя горничная Патнэмов, сидела рядом и спокойно вязала, хотя иногда ее взгляд вдруг стекленел. Выйдя из транса, она подтвердила сказанное ранее Абигейл: Джон Проктер сидит на коленях у судебного исполнителя! Джон Индеец ее поправил: Проктер сидел верхом на собаке пастора под тем самым столом, за которым Пэррис совершенствовал свои стенографические навыки. Джон выманил животное – предположительно, это оно сожрало ведьмин пирожок – из-под трапезного стола и закричал на невидимую Сару Клойс: «Ах ты, старая ведьма!» – после чего забился в таких диких конвульсиях, что четверо мужчин долго не могли его удержать [61]. Продолжая вязать, Мэри Уолкотт ненароком подняла от спиц глаза и равнодушно заметила, что чета Проктер и Сара Клойс дружно мучают Индейца. Абигейл и Джона вынесли из зала. Мэри осталась, Пэррис зачитывал исполнителю свой отчет. Когда он закончил, она указала рукой с вязаньем через всю комнату – оказывается, там собрался шабаш в

полном составе: Гуд с дочкой, Проктеры, Нёрс, Кори, Клойс. Всех, кого она называла, в тот же день морем переправили в бостонскую тюрьму, в том числе и Проктера, которого, видимо, взяли под стражу без предварительного ареста. Джайлс Кори доехал с Мартой до салемского парома, но дальше двигаться не мог: у него закончились деньги. Он поклялся присоединиться к жене на следующей неделе – он не выполнит этого обещания. В понедельник его тоже возьмут под стражу.

Начали складываться некие базовые правила игры, некоторые из них можно назвать беспрецедентными. Причастные к колдовству могли оказаться мужчинами или женщинами, молодыми или старыми, странствующими нищими или процветающими фермерами, уважаемыми прихожанами или аутсайдерами. Как вскоре поймет Джайлс Кори, выражать сочувствие осужденной супруге – даже если ты до того ее оклеветал – небезопасно. Указать на виновность второй половины более приемлемо: Уильям Гуд, например, так и не попал под следствие. За скептиками начинали пристально следить. Имея возможность наблюдать и за обвиняемыми в колдовстве, и за их обвинителями с более близкого расстояния, чем кто-либо помимо Пэррисов, Джон Индеец вполне мог решить, что есть смысл назвать имена других раньше, чем другие назовут твое имя. Очевидно, безопаснее быть околдованным, чем обвиненным. Подозрения росли и множились всю неделю, которая в остальном выдалась до мурашек тихой. Все словно зависло в неподвижном ожидании. Допрос Данфорта, во время которого девочки сообщили о ведьмовском шабаше, стал своего рода молнией. Теперь пришел черед грома, от раскатов которого даже собака под столом молельни, гревшая ноги своего хозяина, не была застрахована.

Все чаще и чаще кто-то еще видел призрака, на которого указывали девочки. В деревне Салем резко улучшилось зрение. И память. Когда утренние ласточки объявили о приходе весны, констебль Херрик задержал еще четырех ведьм [62]; в последующие дни он сбился с ног, собирая свидетелей и арестовывая подозреваемых. Данфорт придал процессу легитимности, но ни в коей мере его не изменил. Единственным ощутимым результатом стало то, что Хэторн, приняв эстафетную палочку у старшего товарища, пересмотрел свою

вступительную речь: в апреле она сделалась более нейтральной, чем в марте. Возможно, он почувствовал, что теперь играет на более высоком уровне.

Первым из четырех очень разных подозреваемых в молельню в восемь часов того апрельского утра вошел Джайлс Кори, за которым тянулся шлейф ярких семидесяти лет жизни. И хотя его свидание с женой на пароме выглядело кое для кого явным доказательством пособничества дьяволу, все же Кори оказался очевидной мишенью по другим причинам [63]. Когда он годом ранее стал членом салемской городской конгрегации, было упомянуто о его скандальной репутации. Полстолетия назад Кори крал со склада пшеницу, льняное полотно, табак и кое-что еще (склад принадлежал отцу судьи Корвина). Кроме того, он перевозил на каноэ лес в то время, когда должен был дежурить на посту, а потом врал об этом в суде. Еще он поссорился с местным школьным учителем и облил его грязной водой; привлекался к суду за скандалы и нарушение общественного порядка. А в 1676 году зверски избил палкой вора, нанеся ему около ста ударов, после чего утверждал, что дезориентированный молодой человек, мол, сам упал. Парень через несколько дней умер от полученных травм.

Вырывая из земли изгороди односельчан и угрожая их лошадям, Кори действовал в злобной манере Сары Гуд. Однажды он предупредил соседа, что если его изгородь не сгорит в этом году, то обязательно сгорит в следующем. В общем, деревья соседа после этого перестали плодоносить (соседом оказался отец зятя Кори. Донес о проклятии двадцатипятилетний муж его дочери, свидетельствуя против Кори). Другой свойственник сообщил, что Кори украл дрова, сено, плотницкие инструменты и двенадцать бушелей яблок. Кроме того, колдун его еще и проклял: у бедняги вышла из строя мельница. За эти годы Кори приобрел сорок гектаров сельскохозяйственных угодий, чего даже самые дружелюбные люди не добивались без крепких слов и уязвленного самолюбия. По всем свидетельствам – включая то, которое дал в суде отец Хэторна, слушавший дело о нападении, – Кори был «очень склочным и вздорным плохим соседом». Его имя часто всплывало в связи с пропадавшими кобылами и мертвыми свиньями. К семейству Кори в Салеме уже давно относились с некоторой враждебностью, их дом считался «нехорошим».

Когда пятнадцать лет назад из-под крыши жилища Проктеров вырвались языки пламени, подозрение сразу пало на Джайлса Кори. Он только-только отбился от другого обвинения, как вдруг кто-то предположил, что поджог – наверняка «дело рук некоего зла». Кори никак не отреагировал на намеки на колдовство, но сумел доказать, что тем вечером находился в постели. Его оправдали. Естественно, он сразу же подал в суд на Джона Проктера за клевету. Однако обманно добродушная натура Проктера проявилась во всей красе, когда вскоре эти двое встретились на дороге (Кори тащил вязанку дров), и он поддел соседа: «Как, Джайлс, ты опять за свое? На твоей телеге – мои дрова!» Кори признал, что это так. После чего они помирились за бокалом вина, подшучивая друг над другом и провозглашая «безграничную любовь» друг к другу, как вспоминал один свидетель. Что же, это было весьма кстати: этим мужчинам предстояло в будущем делить одно очень тесное помещение.

Много всяких старых счетов всплыло на поверхность на слушании 19 апреля. Кори отбивался, как мог. «Кому из вас причинял боль этот человек?» – спросил Хэторн [64]. Четыре девочки сделали шаг вперед. Кори все отрицал. Он не вступал в контакт с дьяволом. «А какие у тебя были искушения?» – потребовал ответа Хэторн. «В жизни никаких не было», – хмуро промолвил Кори. Так же он отреагировал, когда трое свидетелей сообщили со своих скамей, что тем самым утром он подвергся приступу паники в своем хлеву. «Что тебя напугало?» – обратился к нему Хэторн. «Понятия не имею, о чем речь», – заявил обвиняемый, и у обвинителей тут же начались жуткие корчи. Чтобы защитить их, судья велел судебному распорядителю связать Кори руки. Разве недостаточно колдовать в другое время, пожурил он колдуна, «обязательно заниматься этим еще и теперь, перед лицом властей?» Джайлс Кори выглядел глубоко оскорбленным. «Я несчастное создание и не могу ничего тут поделывать», – ответил старый драчун, и в голосе его вдруг послышались интонации, способные вызвать сочувствие. Это стало одной из самых удивительных трансформаций той весны.

Так, стоя со связанными руками, Кори пытался объясниться. Он не помнил, чего испугался в коровнике. И не знает ничего о зеленой мази, которую нашли у арестованной Марты. Ее дала соседка, мужа которой, как оказалось, Кори обзывал «проклятым чертовым

жуликом». Другие свидетельствовали о не менее грубых непристойных выражениях. Судя по всему, Кори одно время подумывал о самоубийстве и хотел при этом подставить своего родственника – что неудивительно для любого, чьи родственники давали против него показания в суде. Но ты сказал, у тебя не было искушений, поддел его Хэторн. «Я имел в виду, искушений колдовством», – уточнил обвиняемый. «Если ты соблазняешься самоубийством, то не устоишь и перед соблазном колдовать», – осадил его Хэторн, в значительной степени предвосхитив ужасный конец Кори, если раскрутить события в обратном направлении.

Другой подозреваемый в тот вторник – и единственный из четырех, кто в прошлом уже обвинялся официально в колдовстве, – оказался более неуступчивым. Жительница города Салема, возможно лет пятидесяти, Бриджет Бишоп ранее попадалась на мелком воровстве [65]. Она отчаянно дралась с бывшим мужем; однажды появилась на людях с окровавленным лицом, в другой раз – в синяках по всему телу. В 1677 году предстала перед судом за то, что назвала мужа «старым жуликом» и «старым дьяволом» в день отдохновения, а за восемь лет до того их обоих высекли за такое же нарушение. После повторного проступка их заставили целый час стоять в «день наставлений»^[38] на рынке, спиной к спине, с кляпами во рту, ко лбу каждого прилеплена бумажка, объясняющая суть провинности. Вскоре после этого муж Бишоп умер при подозрительных обстоятельствах. Прошло восемь месяцев, и вот она – в напряженных отношениях с соседями и приемными детьми, по уши в долгах – обвиняется судом в колдовстве. Один раб вел лошадей через ноябрьский лес, когда они вдруг запаниковали и бросились в замерзающее болото. Потрясенные зеваки объявили, что животные заговорены. Через неделю этот раб вошел в хлев и обнаружил там прозрачную Бриджет Бишоп, балансирующую на потолочной балке. Она исчезла, когда он схватился за вилы.

Эти видения, как и ссоры Бишопов, были достаточно свежи в памяти жителей, чтобы обвинители до сих пор называли ее Бриджет Оливер, по имени прежнего мужа. «Говорят, ты наколдовала первому мужу смерть», – заметил Хэторн, снова погружаясь в водоворот слухов. «С позволения вашего благородия, я ничего об этом не знаю», – ответила она, качая головой. Пэррис решил, что она сделала

это с уважением. Чивер – что с гневом. Если учесть, что она уже не первый раз отвечала на одни и те же вопросы, надо признать, она говорила необычайно терпеливо. В записях обоих мужчин сказано, что девочки дергались с каждым поворотом ее головы. Когда она воздела очи к небесам, моля о помощи, их глаза чуть не вылезли из орбит. Бишоп утверждала, что не знает ни дьявола, ни своих обвинительниц. На самом деле она никого здесь не знала, так как никогда не жила в деревне. Обвинительницы не согласились. У кузины Патнэмов Мэри Уолкотт имелось еще более веское свидетельство. Когда призрак Бишоп опустился на нее, она закричала. Ее брат проткнул мечом плащ ведьмы. Мэри слышала звук разрываемой ткани. Есть ли у тебя дыра в плаще, спросил Хэторн у подозреваемой. Нет, сказала та. Хэторн потребовал провести досмотр, в ходе которого обнаружилось два разрыва. Констебль Херрик, обивщик мебели в свободное от служения закону время, задал собственный вопрос: как Бишоп смогла однажды утром проникнуть в его спальню? (Массачусетские ведьмы снова доказали свою непохожесть на всех прочих: она явилась туда, по словам Херрика, чтобы спросить, нет ли у него штор на продажу.)

Возможно, Бишоп вела себя дерзко, чтобы не сказать провокационно, опрометчиво позволяя себе делать скептические замечания. Она не знает, что творится с девочками, и никогда не разрешала злым духам разгуливать в ее, Бриджет Бишоп, виде. Она не ведьма и понятия не имеет, что такое ведьма. Однако ей не повезло оказаться лицом к лицу с человеком безупречной логики. «Откуда же ты тогда знаешь, – прищурился Хэторн, – что ты не ведьма?» Она не поняла, что он имеет в виду. «Откуда ты можешь знать, что ты не ведьма, если ты не знаешь, что такое ведьма?» – настаивал судья. Бишоп разозлилась. Если бы она была ведьмой, Хэторн бы на себе это почувствовал. Судья расценил это высказывание как угрозу и хорошенько его запомнил. Разве она не в курсе, что другие сегодня уже признались? Она была не в курсе. Тут вскочили, брызгая слюной, двое мужчин: они же специально ей об этом сообщили! «Вот, мы только что поймали тебя на прямой лжи!» – торжественно объявил Хэторн.

Перед тем как допросить Бишоп, в тот вторник судья успешно разобрался с двумя подозреваемыми. Одной из них была хорошенькая Мэри Уоррен – та самая, из которой Проктер не так давно вышиб начавшиеся было припадки. Хэторн же попытался выудить из нее

правду. Неудивительно, что рабыня не питала теплых чувств к избившему ее хозяину. За освобождение от обидчика она в свое время вывесила благодарность на столбе в молельне – так обычно все делали. Этот столб служил для сообщества своеобразной доской объявлений: отсюда вы узнавали, кто сегодня охраняет территорию или кто неправильно обучает детей, которых из-за этого следует взять слугами в чей-нибудь дом. Проктеры страшно рассердились за такой вынос сора из избы. Импульсивная двадцатилетняя Мэри, подверженная мощным эмоциональным срывам, ушла из лагеря своих сверстниц. Во время своего восстановления она из жертвы превратилась в подозреваемую, по пути, видимо, обвинив своих друзей в обмане. Вскоре она признается в колдовстве, потом снова и снова будет примыкать к пострадавшим от колдовства. Складывается ощущение, что она хотела играть все роли сразу.

Мэри подошла к барьеру – и околдованные сразу начали задыхаться, не в силах говорить, когда Хэторн спросил, причиняла ли Уоррен им вред. Служанка доктора Григса на мгновение справилась с собой, чтобы подтвердить: мол, да, причиняла. К ней присоединились Джон Индеец и Вирсавия Поуп, метательница муфт. «Недавно ты была околдованной, теперь сама колдуешь. Как это получается?» – задал вопрос судья [66]. Мэри задохнулась и закружилась. Казалось, она сама никак не определится, к какой стороне примкнуть. Потом какое-то время она стояла остолбенев, далее впала в раскаяние, рыдая и заламывая руки. Уоррен обещала сказать все, хотя оставалось неясным, перед какой из сторон девушка извинялась и что хотела рассказать. При каждой попытке заговорить она содрогалась. Хэторн несколько раз велел вывести юную подозреваемую из зала, чтобы дать ей прийти в себя. В конце концов священники и судьи допросили ее в частном порядке.

Мэри Уоррен сделалась более разговорчивой после ночи в тюрьме. На следующий вечер после того, как она вывесила свою благодарственную записку, Элизабет Проктер подняла служанку с кровати и сообщила ей, что является ведьмой – вообще салемиские ведьмы были склонны представляться официально, по всей форме, сразу же презентуя все свои профессиональные достижения^[39], – о чем, честно говоря, Мэри могла бы и сама догадаться, потому что хозяйка слишком много читала. У Элизабет имелось несколько книг,

одну из которых она всегда носила с собой в кармане. Сюда же Мэри приплела и Джайлса Кори, одежду которого сумела описать в деталях, совершенно поразив этим ведущих допрос мужчин. Кори сводил с ней счеты по вполне приземленной причине: она не так давно посоветовала своему господину поднять цену на луг, который Кори надеялся купить. Она описала такую же спорную сделку с темными силами 21 апреля. Отвергая подсказки допрашивавших, она все же признала, что подписала некий зловещий фолиант, который ей подсунули ее хозяева, поившие ее за своим столом сидром. От ее пальца на книге осталась странная черная клякса. Понадобилось три дня, чтобы вытащить из нее эту информацию: Мэри плакала, что ее «порвут в клочья», если она выдаст тайну. Проктер действительно третировал девушку наедине, хотя если он и угрожал сжечь ее, утопить или протащить сквозь изгородь, как она утверждала, то вряд ли делал это из магических побуждений. Он явно полагался на ее благоразумие. Он признался ей, что жена доводит его до белого каления. Эти его откровения, эта близость давили на девушку. Кроме того, у Мэри в душе жил еще один страх. Она поддалась на требование Проктера подписать книгу, потому что он сказал, что иначе не будет спасать ее при следующем припадке, если она упадет в огонь или воду. Здесь она слово в слово цитировала Пэрриса, когда он советовал, как родителям следует подталкивать детей к опасностям и сразу спасать, чтобы таким образом их обучать.

Вторая подозреваемая Хэторна стала настоящим подарком небес. Четырнадцатилетняя Абигейл Хоббс, известная на всю округу разбитная девица из соседнего Топсфилда, жила прямо на границе с деревней. Подросток с самым непуританским детством в пуританском обществе, она весело проводила ночи в лесу и дразнила свою мачеху, доводя ее до отчаяния. Несколько недель назад подружка стала упрекать пришедшую в гости Абигейл за грубость. У нее что, вообще нет стыда? Хоббс велела ей придержать язык, а то она устроит скандал. Она хвасталась своей неуязвимостью и ничего не боялась, так как продала душу дьяволу. Ее свидетельские показания были в духе Титубы. И она запустила настоящую снежную лавину. Вы двигались в правильном направлении, если во время вашего выступления пострадавшие девочки сидели тихо как мыши: когда показания давала Абигейл, ни одна не шелохнулась. «Я скажу правду, – начала она

[67]. – Я была очень злобной». Да, она говорила с дьяволом. И согласилась за красивую одежду щипать девочек. Ее к этому принудили собаки, кошки и некие полулюди. Она подписала несколько контрактов, первый – в лесу среди бела дня, но не в Топсфилде. Абигейл дала Хэторну один важный адрес: Каско-Бей, в ста тридцати километрах к северу, в провинции Мэн, где тремя годами ранее она пережила нападение индейцев. И назвала несколько новых имен, в том числе матери того топсфилдского констебля, который отнял свинью у не уплатившего налог фермера. Ей не хватало таланта, который был у Титубы, – подмечать детали, но это компенсировал кот, из лап которого она приняла книгу. Только когда Абигейл выдохлась и, казалось, потеряла способность слышать, девочки впервые закричали. Выпучив глаза, обвиняемая вдруг ослепла, хотя и сумела напоследок выдать: это попрошайка Сара Гуд заставляла ее молчать.

Хэторн мог только чувствовать невероятное облегчение. Его слушания затягивались и двигались уныло, в замкнутом пространстве, с изматывающими остановками и нудными повторами. Показания складывались по обрывкам и кусочкам. В конце концов, у Хэторна была своя семья и личные дела, а эта кутерьма с ведьмами угрожала поглотить всю его жизнь. Абигейл же словно подсветила некоторые моменты и будет продолжать в том же духе из тюрьмы. На следующий день она рассказала, как именно проделывала свои колдовские трюки: дьявол снабжал ее шипами, которые она вставляла в разные деревянные предметы. А она, случайно, не втыкала иголки жертве в живот? Ну да, втыкала! И хотя на собственном слушании она еще ничего не знала о тайных сборищах, на следующий день, побывав в тюрьме, уже обладала необходимой информацией. Она посещала большой слет ведьм, где ела красный хлеб и пила красное вино. Всего прошло девять служб, заявила она, подтвердив показания Титубы, и рассказала об одной встрече, которой та не упоминала. Собирались они на запущенном пастбище Пэрриса.

На следующий вечер новое и особенно наглое видение пришло мучить младшую Энн Патнэм. И днем позднее тоже. Утром 21 апреля, перед лекцией своего дяди, Абигейл Уильямс на улице подошла к Бенджамину Хатчинсону, приемному сыну Ингерсола, который был почти на десять лет старше ее. Он шел мимо таверны отчима и нес вилы. Девочка указала ему на подозрительного маленького человечка

на обочине тропы. Он, как она рассказала, обладал удивительной силой и успел натворить дел: убил трех женщин и обратил девять салемских ведьм! Он мог стрелять из тяжеленного мушкета одной рукой! «Где он?» – вскричал отважный Хатчинсон. Абигейл показала, он метнул свои вилы. Девочку затрясло, но она пришла в себя как раз вовремя, чтобы заверить молодого человека: цель поражена. Она слышала, как порвался плащ незваного гостя. Где-то через час в таверне одиннадцатилетняя жертва колдовства снова нашла Хатчинсона в главном зале: она ни капли не стеснялась просить защиты у взрослых мужчин и легко завладевала их вниманием. «Там он стоит», – сообщила она Хатчинсону, и он начал направо-налево махать своим оружием, будто играл в какие-то странные жмурки. Тем временем видение приняло форму серого кота – молодой человек продолжал бой. Наконец Абигейл объявила, что он победил. Призрачная Сара Гуд, попрошайка, унесла животное прочь.

Была середина дня. Двое поспешили на лекцию Пэрриса. Чуть раньше четырех Абигейл еще раз нашла Хатчинсона в таверне, теперь ее сопровождала его кузина, Мэри Уолкотт. Едва девочки рассказали, что одна женщина из Топсфилда укусила Мэри, как обеих их начало колотить. Придя в себя, они указали на стол: на нем стоял муж ведьмы! Хатчинсон ткнул вилами туда, где, по его мнению, находились ребра мучителя. Тут ему сообщили, что в помещении полно привидений, среди которых индеец и «большая черная женщина». К молодому человеку присоединился его друг, и они как безумные начали колоть вилами воздух, следуя указаниям околдованных девиц: в этом новом мире, если девчонка тыкала пальцем в пустоту, сразу становилось понятно, что там привидение, а вы просто слепец. Песчаный пол пропитался кровью. А на холме снаружи Мэри и Абигейл заметили шабаш, причем три ведьмы были мертвы.

21 апреля вышли ордера на арест девяти подозреваемых ведьм, большинство из них – в Топсфилде. Обвинения перешли административные границы, местное происшествие переросло в региональный кризис. Среди схваченных еще до выходных оказались жена богатейшего торговца Салема, вторая сестра Ребекки Нёрс, родители Абигейл Хоббс и черный раб. Топсфилдский констебль послушно арестовал собственную мать. Наветы множились с такой скоростью, что становилось сложно держать в памяти всех

подозреваемых. Даже для педантичного преподобного Хейла салемская Бриджет Бишоп и топсфилдская Сара Уайлдс слились в одного персонажа. В течение следующих семи недель были названы пятьдесят четыре имени.

Именем Томаса Патнэма были подписаны первые жалобы середины апреля. Двадцать первого числа он почувствовал необходимость присутствовать на слушаниях лично, вместе с салемскими судьями. Выразив благодарность за их «великий вклад и неравнодушие», он молил магистратов продолжать «терроризировать злодеев» [68] и обещал им всестороннюю помощь жителей деревни. Он предлагал свою поддержку и благословение, но и кое-что еще. События разворачивались стремительно: он уже знал ошеломительные последние новости, которые пока не дошли до внимания магистратов. Плетется заговор, предупредил Патнэм, «до того сложное положение, что у нас зазвенит в ушах». С формулировками ему помогли пророки Иезекииль и Иеремия, а также преподобный Лоусон, который ввел звон в ушах и терроризирование злодеев в свою проповедь в конце марта^[40].

Именно Патнэм написал письмо, где предлагалось «обращать внимание на того, кто стоит за кулисами», – весьма своевременный режиссерский ход. Он обладал тягой к драме: жертвы колдовства, по его словам, были непременно «прискорбно одержимы» или «ужасающе мучимы». Всего он состряпает больше ста двадцати доносов, почти треть от общего числа. Он будет лично свидетельствовать против семнадцати подозреваемых. По неведомой причине в тот четверг ему понадобилось добавить в слушания барабанной дроби. Возможно, этой технике он научился у Мэзеров: предсказал апокалипсис – рано или поздно, будь добр, организуй его. Патнэм ни слова не сказал о своей страждущей жене и дочери или о собственных неудачах: у него недавно сбежала овца, умерли корова и любимая лошадь, а еще он проиграл одно спорное дело о наследстве более молодому сводному брату. Нет, он говорил за всю общину, по крайней мере исподволь давал понять, что скоро это будут делать и другие. Сведя свою речь к темным предзнаменованиям – Иеремия, предрекающий грозящую катастрофу, – он не стал вдаваться в сенсационные детали. Томас Патнэм предоставил «девочкам-

провидицам» сообщить «пронзительные и убийственные» новости – режиссер был гением.

5. Колдун

Так страшен был вид этой фигуры, которая – я готов был в том поручиться – только что возникла из ничего, что я сперва бросился бежать прочь, а потом бросился бежать к ней. Но страшнее всего было то, что никакой фигуры там не оказалось [1].

Чарльз Диккенс^[41].

Намеки Патнэма показались судьям загадочными, и напряжение длилось целых два дня. Хэторн был готов воспринять их буквально и уже инициировал дополнительные аресты. За последние полтора месяца проявилась масса противоречий – он успешно игнорировал каждое из них [2]. Когда возникало сомнительное обвинение – например, в какой-то момент кто-то оговорил жену доктора Григса, – оно само собой рассасывалось. Так, в неразберихе растворился высокий мужчина из Бостона, о котором говорила Титуба. На его месте возник коротышка из провинции Мэн.

Хэторн ни разу не попросил бойкую Абигейл Хоббс представить суду обещанную ей дьяволом красивую одежду. Не разделял околдованных девочек и не опрашивал их по отдельности, как рекомендовали все судебные инструкции. Не пытался сравнить следы зубов с реальными зубами, а то обнаружил бы интересные результаты: так, у одного из обвиняемых, по словам очевидца, не было «ни единого зуба во рту, чтоб укусить» [3]. Похоже, Хэторна совершенно не интересовало, почему – несмотря на жестокие уколы, укусы, удушения и удары – пораженные колдовством сохраняли прекрасное здоровье. Он верил в реальность их видений, даже когда сам не мог представить себе немолодую прихожанку во всех ее юбках, оседлавшую потолочную балку. Он смотрел на нашествие ведьм, как Коттон Мэзер: оно «направлялось воображением, однако не могло называться воображаемым»^[42] [4]. Когда девочки противоречили сами себе, когда неуклюже путались в показаниях, Хэторн не обращал на это внимания и просто отметал факты, не укладывавшиеся в его особенное дело. Ни

кусаемые ими кулачки, ни слишком своевременные трансы, ни утверждение Мэри Уоррен, что девочки притворяются, не заставили его задуматься. Все указывает на то, что обвинитель упорно двигался к заранее определенному финалу.

Рядом с Хэторном на слушаниях в суде и на допросах в тюрьме сидел преподобный Николас Нойес [5], пухлый бескомпромиссный поэт^[43]. Уже десять лет, как свой человек в Салеме, Нойес был приятным собеседником, жизнерадостным и остроумным, а также владел лучшей в округе библиотекой, что в Массачусетсе считалось очень престижным. Будучи сыном эссекского окружного судьи, сорокапятилетний пастор чувствовал себя в суде в своей стихии. Он водил дружбу с Патнэмами и близко общался с братьями Сьюэлл. Он играл существенную роль в процессах, «прощупывая» подозреваемых перед дачей показаний, оценивая доказательства, высказывая свое экспертное мнение и не давая подозреваемым вставить слово. В какой-то момент он провел в зале суда эксперимент со сжиганием бумажных фигурок. Он останавливал любого подозреваемого, пытавшегося цитировать в свою защиту Писание. Ни Нойес, ни Хэторн, судя по всему, не любопытствовали, почему, когда Бишоп ночью навалилась на свою жертву в постели, едва его не задушив, его жена, спавшая рядом, ничего не увидела и не услышала. Или почему уносимые дьяволом дети никогда не пропадали из своих домов. Кое в чем не было логики. Кое в чем не было смысла. Зачем, например, Титуба села на палку и полетела на встречу, проходившую на ее же заднем дворе?

Хэторн безжалостно допрашивал подозреваемых и автоматически отправлял их в тюрьму. Если в прошлом вы совершили преступление, он раскапывал его с помощью «быстрого перекрестного допроса», рекомендованного при соответствующих обстоятельствах [6]. Каждый подозреваемый, представший перед ним 22 апреля, отправился ожидать суда в тюрьму – вне зависимости от того, заявлял он о собственной невинности или признавался в колдовстве. С одной стороны, Хэторн не хотел искушать судьбу. В салемских домах эхом рикошетили «скорбные вопли их детей и слуг», по выражению Мэзера [7]. Симптомы были ужасающе, душераздирающе достоверны, беснование остановило всю жизнь в округе. А ведь земля как раз оттаяла, и у фермеров начинался самый хлопотливый период в году. Пришло время пахать и сеять, готовить почву для посадки зерновых,

стричь овец и мыть шерсть. С другой стороны, у Хэторна имелись причины судить с осторожностью. Колдовство считалось самым тяжким преступлением. Его было легко увидеть и трудно доказать. Существовало три возможных сценария: девочки околдованы; девочки притворяются; плетется некий заговор. Ситуация была непонятной и, как всегда бывает с непонятными ситуациями, казалась одновременно необъяснимой и очевидной. Хэторн выбрал сценарий с колдовством и сосредоточился на его выявлении. Не все разделяли его убеждение. Во время стремительного расследования некоторые из первых подозреваемых согласились, что на девочек что-то повлияло, но не считали, что дело в колдовстве. Хэторн продолжал процесс так, словно ему лучше знать. В конце концов, что еще может говорить ведьма в суде? Более того, у него в руках – причем уже семь недель – имелось неопровержимое свидетельство, исключительное доказательство колдовства. «Ведьмы нередко признаются», – писал британский судебный эксперт, к мнению которого чаще всего обращались в Салеме [8]. Титуба сфабриковала дело для Хэторна. Крошка Дороти Гуд и дикарка Абигейл Хоббс стали ему опорой.

И все же Хэторна грыз маленький, но неприятный червячок сомнения. Получив загадочное послание Патнэма, 22 апреля он провел эксперимент [9]. В ту пятницу в Салеме прошли два необычных собрания. Причем слушание Хэторна оказалось менее сенсационным, что о многом говорит. Настоящий же аншлаг случился в деревенской молельне, все скамьи и галереи были так забиты народом, что не было видно окон. В этой давке обвинители щурились и тянули шеи, пытаясь что-либо разглядеть. Вооружившись полным списком подозреваемых, Хэторн без вступительного слова велел приставу ввести первую из них. «Мерси Льюис, – воззвал он к девятнадцатилетней девушке, стоящей в первых рядах, – ты знаешь ту, что стоит у барьера?» Все растущее количество ведьм, должно быть, тревожило судью. Либо же несоответствия в показаниях начали его беспокоить: возможно, он вызвал служанку Патнэмов, потому что ранее она колебалась. Мерси казалась зачинщицей в стане девушек постарше. Подозреваемую она опознать не смогла^[44]. Хэторн обратился к следующей обвинительнице – скорее всего, юной Абигейл, племяннице Пэрриса. Та словно онемела.

Положение спасла младшая Энн Патнэм, верно опознав Деливеранс Хоббс, мачеху Абигейл Хоббс. Энн заявила, что эта женщина из Топсфилда мучила ее. Повернувшись к обвиняемой, Хэторн прогнал ее по уже привычному кругу вопросов: зачем она третировала этих людей, как начала колдовать; кто, если не она, их околдовал? Он уже пробовал запутать девочек. И, преуспев, продолжал это делать. Тем временем в полумраке подозреваемая начала выводить собственную партию. Она тоже потерпевшая! В этом самом зале неделей ранее она тоже видела птиц, котов, собак и человеческое привидение – которое, кстати сказать, было не кем иным, как Мерси Льюис, служанкой Патнэмов. Далее Деливеранс Хоббс отклонила все наводящие вопросы Хэторна. Привидение не давало ей книги и не требовало ничего подписать. Последовали пререкания по поводу интерпретации фактов, и Хэторн все более раздражался – история выходила из-под его контроля. Он все время подстрекал Хоббс, сомневаясь, что за несколько дней она из мучительницы превратилась в мученицу. Девочки утверждали – двое младших возбужденно указывали на потолок, – что Хоббс на самом деле не у барьера, где они вообще не могли ее видеть, а у них над головами, на потолочной балке. Хэторн ухватился за это объяснение и вернулся к привычной линии допроса подозреваемой. Ее обвинительную ремарку в адрес Мерси Льюис судья просто проигнорировал.

Что Хоббс может сказать о привидении у них над головами? Кто угрожал ей расправой в случае, если она признается в сделке? Хэторн забрасывал женщину из Топсфилда вопросами. «Я ничего не сделала», – произнесла она и снова начала все отклонять. Если в зале произошло что-то, повлиявшее на ее поведение, то Пэррис этого не записал. Хоббс могла решить, что бесполезно пытаться переиграть Хэторна – многие обвиняемые признавались, что магистраты их подавляли. Она и раньше проигрывала в схватках с приемной дочерью. Теперь она выпалила, что Сара Уайлдс, мать топсфилдского констебля, пару ночей назад принесла ей книгу, перо и чернила; а она, Деливеранс Хоббс, околдовала девочек при помощи иголок и видений; а еще она познакомилась с «высоким черным человеком в шляпе с высокой тульей». Так у Хэторна появилось признание. И скоро появится многое другое. В течение следующих суток Хоббс внесла в заговор логику, которая связала деревенские нападения, предсказания Патнэма,

черного человека, о котором рассказывала Титуба, и злое указание Абигейл на леса провинции Мэн.

Кроме того, Хоббс умудрилась наполнить смыслом кровавую бойню, случившуюся за день до того у Ингерсола [10]. После дачи показаний Хэторн спросил у нее в приватной беседе, не чувствовала ли она боли в четверг. Она рассказала, что почувствовала резкий укол в правый бок, который болел до сих пор. Судьи приказали нескольким женщинам осмотреть ее. Хоббс разделась за закрытыми дверями, на боку у нее красовалась колотая рана. Теперь ей сообщили, как она ее получила: видимо, именно она была женщиной, которую в таверне ударил кинжалом Хатчинсон, действовавший по подсказке Абигейл. Из той битвы воскрес Уильям Хоббс, представший перед Хэторном двадцать второго числа. Он уверял, что невинен, как новорожденное дитя. Тогда как, спросил Хэторн, он объяснит свою способность валить людей с ног взглядом? Тут Абигейл закричала, что Хоббс собирается напасть на Мерси Льюис, которая сразу же начала дергаться. Может ли обвиняемый действительно отрицать соучастие в преступлении? – потребовал ответа судья. «Я могу отрицать это до конца моих дней» [11], – поклялся фермер средних лет, один из первых поселенцев Топсфилда, человек, жена которого только что призналась в колдовстве, а непокорная дочь свидетельствовала против него, утверждая, что он не читал дома Писание. Он что, не знал, что его дочь ведьма? Хоббс этого не знал. Он согласился, что некая потусторонняя сила терзает девочек. «Ты думаешь, они околдованы?» – спросил Хэторн. Этого Хоббс сказать не мог. Констебль Херрик в тот же день отвез родителей Абигейл и еще шестерых подозреваемых в тюрьму^[45].

На следующий день судьи допрашивали Деливеранс в тюрьме. Это не могло происходить вдали от ушей других узников, заточенных в тесном переполненном помещении. Женщина из Топсфилда дополнила свое признание рассказом еще об одном сборище в Салеме в ту пятницу. Созванные дьявольской трубой, ведьмы опустились на деревню и провели что-то вроде пародии на божественную литургию. Деливеранс в итоге назвала одиннадцать имен. Вообще цифры редко совпадали, но стабильно росли – от девяти, названных Титубой, до двадцати трех либо двадцати четырех (о которых слышал Деодат Лоусон) и до сорока у Абигейл [13]. В более поздних отчетах будет

фигурировать цифра сто, которая потом увеличится до трехсот семи, а в итоге и до ошеломительных пятисот – это почти все население деревни. Ведьмы собрались на пастбище Пэрриса, не слишком заброшенном для их сатанинских целей, которые раскрыла Хоббс: им надлежало околдовать каждого из жителей деревни, хотя делать это следовало постепенно. Племянница Пэрриса вышла из пастората как раз вовремя, чтобы увидеть ведьм за длинным столом, с кружками в руках. Для своего таинства они приготовили «красный хлеб и красное как кровь вино» [14]. Деливеранс Хоббс подтвердила, что присутствовали все ранее обвиненные, только опустила имена тех, кто уже признался.

Что особенно важно, Хоббс разъяснила ситуацию с событиями на границе с провинцией Мэн, упомянутую ее приемной дочерью, и с визитером, посетившим Энн Патнэм – младшую незадолго до того, как ее отец сочинил свое перегруженное смыслами письмо. Это был пугающий призрак в темном плаще. «А что, пасторы тоже колдуны?» – спросила у него Энн [15]. Он набросился на нее, начал душить и почти разорвал на куски, и только потом представился. Нечестивец уже умертвил нескольких женщин и – очевидно, являясь секретным агентом французов и индейцев, – перебил какое-то количество служивших на границе солдат. Это он убил ребенка и жену Лоусона. Это он околдовал племянницу Пэрриса. Заодно призрак признался в своей ужасной миссии: ему, призванному учить детей бояться Бога, теперь предстояло «уговаривать несчастных созданий отдавать свои души дьяволу». Ведьмы и колдуны не только представлялись своим жертвам, но еще и рисовались перед ними – так, любой злодей из фильмов про Джеймса Бонда подробно расписывает попавшим в его лапы, как он собирается их пытать.

Некто проткнутый вилами рядом с таверной Ингерсола, жалеющий себя пастор из рассказа Энн Патнэм, служитель на ведьмовском шабаше и властитель дум, стоявший за разговором из письма Томаса Патнэма, – все они оказались одним человеком. Это не какой-нибудь рядовой колдун, предупреждала Энн. Дитя Новой Англии, она обладала очень хорошо развитым чувством иерархии. Апрельский визитер Энн хвастался, что занимает более высокое положение, чем остальные из этой шайки. И что более силен, потому что он заклинатель (вскоре непрощенный гость явился к Абигейл и

перечислил те же регалии). По совместительству он оказался еще и маленьким черным человечком, жившим в лесах, сильным, хитрым и всеведущим [16]. Он был знаком каждому. Кровожадный заклинатель раньше являлся юной Энн четырехлетним малышом. Мерси Льюис узнавала в нем своего бывшего работодателя, у которого служила в 1680-х; Абигейл Хоббс – одного из известных граждан города Каско, Мэн, до набега индейцев в 1688 году; Хэторн – бывшего свояка. И все в деревне Салем – где он не совершил ни одного таинства над прихожанами, которые так и не возвели его в сан, – знали его как своего бывшего пастора. 30 апреля вышел ордер на арест предшественника Лоусона. Через неделю, когда констебль доставил Джорджа Берроуза в Салем с дальних окраин провинции Мэн, посадить его за решетку было уже невозможно: в тюрьме не осталось свободных мест.

Под усиленной охраной Берроуза поместили в верхней комнате одной из городских таверн. Несмотря на наличие у заключенного сверхспособностей, к нему разрешили пускать посетителей – у уверенного в себе красавца-пастора остались друзья в округе Эссекс. Элизер Кисер, которого уговаривал нанести визит узнику капитан местного ополчения, отнекивался как мог. Сорокапятилетний кожевник был в ужасе и верил, что Берроуз «возглавляет всю компанию обвиненных в колдовстве». Под давлением он все же рискнул и пошел поглазеть на сверхчеловека. Берроуз пристально посмотрел ему в глаза. Позже вечером в камине непроглядно темной комнаты Кисера вдруг заплясали двенадцать светящихся медуз. Разволновавшись, он позвал служанку. Она в изумлении уставилась на причудливых существ, рассекающих в гигантском камине. Жена Кисера ничего не увидела, что доказывало их «дьявольскую природу».

Пока Кисер приходил в себя возле своего очага, Берроуз нанес еще один призрачный визит в дом Патнэмов, где – в своей телесной ипостаси – никогда не был желанным гостем: в конце концов, он в свое время занял место зятя Энн Патнэм – старшей, преподобного Бэйли. 8 мая Берроуз сообщил двенадцатилетней Энн, что две его бывших жены скоро явятся, чтобы наговорить ерунды. Она не должна обращать на них внимания. Конечно же, две белые как мел дамы в льняных погребальных одеяниях не заставили себя ждать: нынче духи свободно разгуливали по деревне среди ведьм и колдунов. Покраснев

от злости, «словно кровь того и гляди брызнет у них из глаз», призраки потребовали справедливого суда. Берроуз должен «отправиться в ад». При этих словах пастор исчез. Его жены рассказали, что их убил он. Одна распахнула свой саван и показала смертельную рану под левым плечом. На следующее утро Энн видела еще двух мертвецов – супругу Деодата Лоусона и его маленькую дочь, с которой когда-то дружила. Их тоже прикончил Берроуз. Именно эти преступления имела в виду Абигейл, когда две недели назад вербовала Хатчинсона с его вилами.

Никто даже не обсуждал, почему Берроуз позволил Энн побеседовать со своими разговорчивыми, мстительными мертвыми женами: он вообще вел себя загадочно. Ни слова больше нет в записях и о верном капитане ополчения, который настоял на визите кожевника к Берроузу, уверяя Кисера, что ему нечего бояться, ведь их бывший пастор – «дитя Божье, избранное дитя Божье, и Бог докажет его невиновность» [17].

Глядя на вещи, которые дьявол обещал своим жертвам в обмен на душу, мы можем предположить, о чем мечтала девочка XVII столетия: красивые наряды, поездки за границу, модные журналы, отдых, золото, муж, помощь в работе по дому [18]. Ее желания мало отличались от желаний любой другой взрослеющей деревенской сироты, вынужденной жить в блеклом пейзаже, где природа капризничает, а скотина забредает в огороды раздражительных соседей, которые являются на порог, чтобы излить злобу на взрослых. Пока эти девочки осмеливались мечтать, они мечтали – сидя в заметном снегом медвежьем углу Новой Англии – о путешествиях в экзотические края, о фантастических красках. Салемские показания, начиная со свидетельств Титубы, – это лихорадочные видения поразительной интенсивности. Они полны синих птиц и канареек, желтых собак, красных крыс, красного мяса, красного хлеба, красных книг. И все же лишения не были беспредельными. Даже несмотря на регулярные посты, колония не голодала. Ни одна дочь, племянница, кузина, служанка или рабыня не грезилась о сочной отбивной с тыквенным соусом, или о сладком яблочном пудинге, или о тарелке жареного миндаля в сахаре. Юные девы изголодались по многообразию красок, экспрессионистские сполохи которых врываются в их показания, отчаянно призывая материализоваться рубиновые башмачки.

Двенадцатилетняя Энн Патнэм – младшая и одиннадцатилетняя Абигейл Уильямс были самыми младшими из подвергшихся дьявольскому заклятию. Девятнадцатилетняя Мерси Льюис, служанка Патнэмов, и двадцатилетняя Мэри Уоррен, колеблющаяся служанка Проктеров, – в числе самых старших. Ни одна из четырех обвинительниц не оставила дневника. Как и вообще ни одна пуританская девочка. Даже если предположить, что она имела бумагу и умела писать, у нее фактически не было такой возможности в течение дня: юная пуританка проводила дни, обихаживая скотину, сматывая клубки пряжи, взбивая масло, пропалывая сорняки, стирая белье и делая свечи. Только в присутствии дьявола она осмеливалась вслух рассказывать о своих желаниях, и мы узнаем о них из записей судебных клерков – которым они выданы под давлением и по прошествии какого-то времени^[46]. В тех редких случаях, когда слова девочек доходят до нас напрямую, пострадавшие говорят языком, словно у кого-то позаимствованным. Сомнительно, что племянница Григса действительно сказала, что матрона из Андовера «так мучительно терзала» ее, что «ни один язык не может этого выразить» [20]. Особенно если учесть, что Мэри Уолкотт теми же словами обвиняла ту же женщину, и обе девушки провозгласили ее «самой ужасающей ведьмой». (Томас Патнэм, мастер художественного слова, сочинил обе жалобы.) Помимо чрево вещания, у околдованных девочек оказалась еще одна необычная способность: маленькие и кроткие разделялись с большими и сильными. В истории не так много неуправляемых молодых женщин: за исключением Жанны д'Арк и нескольких малолетних правительниц, сложно назвать другой исторический период, в котором бы доминировали девственницы-подростки, племя традиционно уязвимое, молчаливое и бесправное. С самого начала салемские девы заставили себя слушать. И их голоса быстро стали решающими. К апрелю костяк из восьми юных особ приобрел статус оракулов. Дергаясь и извиваясь, они играли роль охотничьих собак, провидиц, народных целительниц, морального авторитета и мучениц за правду.

От многих духовных лиц мы знаем, как выглядела идеальная девочка-пуританка. Она была чистым сплавом скромности, набожности и неустанного трудолюбия [21]. Она говорила редко и мало. Она дважды в день читала Писание. Она почитала отца своим

властителем и судьей: он обладал абсолютной властью. В свои двадцать с небольшим она подчинялась ему, как подчинялась бы мужу, будь она замужем. Отец был главой семьи, ее душой, ее правителем. Часто он оказывался активным, вовлеченным родителем. Он неусыпно бдел у кровати больного чада, беспокоился о его теле и душе. Нетрудно представить себе, как глубоко ощущалось его отсутствие. Многие из околдованных девочек потеряли отцов, в основном из-за индейских набегов. Это лишало их уверенности в будущем – таяла надежда выйти замуж и получить наследство – и заставляло страдать от нехватки мужского внимания. Одна из таких пострадавших в 1693 году умоляла молодого человека, пришедшего ее проведать и собравшегося пожелать ей спокойной ночи и уйти, остаться; она умрет, если он уйдет. Другая напрямую спросила у дьявола, который слишком уж активно апеллировал к семье девушки: «Хорошо; а что, если у меня нет отца?» Матери были не так заметны, но так же полновластны. Молодежь, не проявляющую к ним почтения, могла ждать петля, «и да будут они висеть, и вороны с орлами будут клевать их тела», предупреждал Инкриз Мэзер. Однако при всем этом акценте на дисциплине, при всей нетерпимости к юношескому своеволию, XVII век знал много нежности. «Прельщайте детей Новой Англии бояться Бога», – назидал Коттон Мэзер, специалист по «мягкой силе». Лоусон тоже не поощрял излишней строгости и формализма в воспитании юного поколения. Даже Пэррис, хоть и более жесткий, чем его предшественник, ратовал за то, что телесные наказания предпочтительны «не из гнева, а из родительской любви». В Новой Англии имелся закон, карающий за неповиновение родителям: лицо старше шестнадцати лет, ударившее или обругавшее своего отца, должно быть казнено. Но этот закон ни разу не применялся.

Мать, в 1680 году отпуская от себя дочь, напоминала ей, что нужно быть почтительной, послушной, рассудительной. Следует регулярно молиться и – главное – усердно трудиться, чтобы с улыбкой на устах превзойти в трудолюбии самых трудолюбивых [22]. Ленивый ум уже рассматривался как инструмент дьявола^[47]. Если судить по Мэзеру, внимание к духовному состоянию подрастающего поколения, не ослабевающее с самого начала, усиливалось, когда это поколение достигало возраста Энн Патнэм – младшей и Абигейл Уильямс, – когда дети становились и более способными на благоразумие, и в то же

время менее благоразумными. Четырнадцатилетие было по закону чертой, за которой уже можно было привлекать к ответственности, в том числе за клевету. По достижении этого возраста человеку следовало остепениться и «забыть детские шалости», напоминал один отец своему сыну, направлявшемуся в Гарвард [24]. У мальчиков семилетнее обучение обычно начиналось в этом возрасте. На примере четырнадцатилетней Абигейл Хоббс мы можем видеть, что постоянное заламывание рук насчет любого непослушания – призывы покончить с легкомыслием и яростные нападки на чернокнижие – несколько не соответствуют пуританскому идеалу. Хоть среднестатистическая массачусетская дочь XVII века и была ежедневно занята пряжей и шитьем, она все же иногда появлялась в тавернах – местах, где оковы приличий ослабевали даже для духовных лиц; где занимающийся коллекторской деятельностью констебль мог услышать, что кто-то легче согласится быть повешенным, чем сдаст деньги на жалованье пастору; где напропалую флиртовали – с применением оружия и без.

Сон идеальной женщины – благочестивой, работающей и до неприличия покорной – был так же священен, как аптечка XVII века. Что отличало новоанглийскую юную деву, так это ее кошмары. Однажды ранним вечером зимой 1696 года Самюэл Сьюэлл вернулся в свой прекрасно обставленный дом, у дверей которого его поджидала крайне взволнованная жена. Оказалось, что пятнадцатилетняя Бетти Сьюэлл вдруг разрыдалась после ужина, напугав своих братьев и сестер. В ее не по годам развитом мозгу без конца крутилась строчка из Евангелия от Иоанна, некоторые высказывания Мэзера не давали ей покоя. Она каким-то образом заключила, что попадет в ад, молитвы ее не будут услышаны, грехи не будут прощены (опять же – судим по записям ее отца). Бетти уже не в первый раз делалось так страшно [25]. В семь лет ее ужасали тревожные сцены Судного дня из Книги Исаии. Так же реагировал ее брат, когда ему, одиннадцатилетнему, посоветовали готовиться к смерти.

Дабы помочь Бетти в этом столкновении с Иоанном (стих 8: 21), Сьюэлл послал за знаменитым Сэмюэлом Уиллардом, пастором третьей Бостонской церкви. Уиллард помолился за Бетти, запутавшуюся в собственных мыслях и не скоро пришедшую в себя. Через полтора месяца она разбудила отца на заре и сказала, что ее ждет ад. «За что будем молиться?» – спросил Сьюэлл безутешного

подростка, дрожавшего около его кровати. Получив редкую возможность вслух рассказать о своем желании кому-то вне дьявольского слуха, Бетти попросила Бога «даровать ей новое сердце». В слезах, стоя на коленях, отец и дочь молили небеса о помощи. Бетти так и не нашла утешения. В августе ее спровадили в Салем восстанавливаться к дяде Стивену, который несколько лет назад принимал у себя другую метавшуюся в агонии девочку, девятилетнюю Бетти Пэррис (Сьюэлл, кстати, не связал сдавленные рыдания одного ребенка с пронзительными криками другого). Бетти Сьюэлл плакала весь ноябрь. Она негодная. Она не любит народ Божий так, как следует. Нет никакой надежды на ее спасение, сообщила она отцу.

Нельзя сказать, что эти страдания вовсе не приветствовались. «Я бы всем богатствам мира предпочел, чтобы мои дети молились и рыдали в углу оттого, что не могут еще больше любить Господа», – заявлял один пастор в одном известном тексте [26]. Не только Бетти Сьюэлл испытывала жестокие терзания – они были неотъемлемой частью пуританского воспитания^[48]. Идея, что жизнь – это паломничество от греха к прощению, не сулила ничего хорошего в годы становления личности. Всегда находилось время поразмышлять о собственной порочности, о смерти и вечных муках в аду. Те немногие детские книги, которые имелись тогда в Новой Англии, рассказывали поучительные истории благочестивой жизни и смерти маленьких детей: о девочке четырех лет, оплакивающей свою бессмертную душу, или о мальчике, раскаивающемся в своей грешной девятилетней жизни. Спазмы отчаяния часто душили поселенцев: новоангличанин XVII века лучше, чем кто бы то ни было, знал, что все мы в чем-то виновны. В деле о ведьмах 1688 года как-то забылось замечание Джона Гудвина о том, с чего начались страдания его дочери: за несколько недель до явления призрачного коня эта девочка-подросток жаловалась, «что она совершенно ничего не понимает о своей душе и без толку теряет бесценное время». В передышках между страшными конвульсиями шестнадцатилетняя девушка из Гротона советовала собравшимся поглазеть на нее, чтобы они использовали свое время лучше, чем она.

Благочестие напрямую зависело от грамотности: преимущественно в религиозных домах матери учили детей, слуг и

рабов читать. К письму приступали во вторую очередь, если приступали вообще. Элизабет Пэррис умела писать, и этот навык она, скорее всего, передала всем обитателям пастората. Деревенские девочки легко разбирали предлагаемые им дьявольские книги. Мэри Уоррен могла писать достаточно хорошо, чтобы оставить сообщение о своем (недолгом) выздоровлении на столбе в молельне. Юные умы были до краев набиты изречениями и образами из книги, которую знали лучше всего. А тревожность после проповедей и зловещие видения продолжались, как то и предполагалось: когда ты юн, не так-то просто обуздать своих коней апокалипсиса и блюющих кровью драконов. Большой ошибкой считалось не заикнуться на собственном плачевном состоянии души, а почувствовать себя в безопасности. Снова пуританская мораль показывала свои шипы: увериться в своем спасении означало быть его недостойным. Один современный ученый заметил: «Не боишься – значит, ты точно или погиб душой, или глуп, или и то и другое»^[49] [27].

Страх, похоже, особенно довлел над религиозным детством. Сложно сегодня сказать, росли ли в набожных семьях более нервные дети по сравнению с другими – дневники ведь вели только священники. Очевидно, однако, что девочки в доме салемского деревенского пастора чувствовали особое давление, потому что, во-первых, стандарты у Пэрриса были весьма высоки, а во-вторых, вся деревня пристально за ними следила. У них образовался собственный маленький «град на холме». И пусть даже Пэррис не практиковал бесконечных упражнений, как Мэзер, он тем не менее не мог выйти из дома без какой-нибудь притчи, не мог, завидев ребенка, не сделать ему внушения. Дни рождения своих детей он рассматривал как повод для «язвительных замечаний и острых вопросов» [28]. Каковы дела их земные? Как они их исполняют? Пятилетней Кэти он сообщил, что она должна готовиться к его неизбежной смерти и заодно предупредил, что ей как сироте придется взять себя в руки и ожидать еще более тяжелых испытаний^[50]. Как любое гонимое меньшинство, пуритане уделяли чрезвычайное, исключительное внимание своему потомству, от которого зависело их дальнейшее выживание. Писали об этом предмете они с каким-то маниакальным рвением.

В комплекте с видениями апокалипсиса и яркими описаниями ада (если вам невыносима зубная боль продолжительностью в одну ночь,

представьте, каково это – миллионы лет поджариваться на негаснущем огне!) шли страшные сказки – вроде истории Мэри Роулендсон, которая была своего рода порно с мучениками для впечатлительных юных существ [31]. Все знали пару-тройку историй с расчлененкой и похищениями. Особенно это касалось бившихся в припадках салемских девочек, как минимум половина из которых были беженками или потеряли родителей в «последней войне с индейцами». Юная Мерси Льюис, служанка Патнэмов, пережила целых две трагедии: в три года, когда индейцы-вабанаки сожгли ее город в провинции Мэн и забрали женщин и детей, и в шестнадцать, когда она осиротела в очередном налете (сделку с Сатаной она заключила прямо перед этим). Ребенок двух лет мог наизусть рассказывать истории из Писания. А трехлетка уже достаточно разбирался во взрослых тревогах, чтобы из своей колыбельки предупреждать о скором наступлении французов, воевавших с Англией после 1689 года.

Ужас бурлил у самой поверхности, периодически вырываясь наружу. Сосед, объявившийся на пороге с повязанным вокруг головы ковриком, мог так перепугать детей, что они с воплями неслись через весь дом к матери. А рядом с домом малышей манил целый каталог опасностей. При всей своей маниакальной бдительности новоанглийский родитель был крайне ограничен в средствах защиты любимого чада. Дети глотали булавки, попадали под копыта и ножи, проваливались под лед и бревна на реке, падали в колодцы, камины, пруды и корыта. Неспроста родителям снились кошмары о собственных детях. (Сэмюэлу Сьюэллу в 1695 году приснилось, что все его дети, кроме одного, умерли [32]. В итоге он похоронит восьмерых.) Хотя местные дети были здоровее английских, их часто уносили болезни: мать в Салеме обычно теряла двух или трех отпрысков. Ребекка Нёрс являла собой удивительное и, возможно, непростительное исключение из этого правила.

Крайне экономный в отношении имен, пуританин одаривал ими скупно и часто использовал по многу раз: сразу несколько детей в семье могли носить имя родителя. Нередко имя умершего брата или сестры переходило к следующему потомку^[51]. Этого вполне могло хватить, чтобы почувствовать себя заменимым, а новые рождающиеся братья и сестры завершали дело. К двенадцати годам Энн Патнэм шесть раз теряла внимание матери, переключавшееся на младших детей. Она

сидела около крошечных трупов и ходила на похороны, самые недавние были в конце 1691 года, когда хоронили ее сестру шести недель от роду. Частота не делала эти мероприятия менее эмоциональными: дети Сьюэлла плакали, не таясь, вернувшись с погребения их маленького брата [33]. Любая девочка в деревне могла в красках описать мертвеца, лежащего в гробу.

В каждодневном труде, в платье цвета земли, девочка из Новой Англии была точной миниатюрной копией своей матери. Окруженная братьями и сестрами, она наблюдала круг бесконечных рождений, кормлений и похорон – все это ждало ее в будущем. Роды не только отнимали у множества детей мать, но и оставляли стигматы вины в душе ребенка, убившего родительницу своим появлением на свет. Тогда на сцену выходила та, которая могла превратить жизнь в ад земной: злая мачеха. Она непременно меняла расстановку сил в семье и усложняла вопросы наследования [34]. Преподобный Бэйли вместе с семейством Патнэм настаивал, что мачеха Энн Патнэм украла у приемных дочек наследство, которое их отец собирался им оставить. Проблема началась с похорон отца и продолжалась десять лет (Энн получила двадцать фунтов от поместья стоимостью 1400 фунтов). Вдовцы очень быстро женились снова – кто-то должен был заниматься детьми и домом. Многие мачехи были ненамного старше своих новых «отпрысков». Деливеранс Хоббс вслух вопрошала небеса, за какие грехи ей ниспослана Абигейл, которая, облив новую жену отца водой, заявила, что таким образом провела обряд крещения своей мачехе-язычнице. Коттон Мэзер отослал дочь подальше от вспыльчивой второй супруги. На момент ареста Джорджа Берроуза у него дома в Мэне было семеро детей младше шестнадцати лет. Жена забрала свою единственную дочь и ушла, а пасынков и падчериц бросила, предоставив им самим заботиться о себе.

Дочь Мэзера была далеко не единственной, кто воспитывался в чужой семье. Ни Мерси Льюис, осиротевшая служанка Патнэмов, ни Мэри Уоррен, осиротевшая служанка Проктеров, склонная к драматизации, не имели дома. Из самых первых обвинительниц у себя дома жили только Энн Патнэм и Бетти Пэррис. По причинам, понятным в то время, но с тех пор так и не нашедшим адекватного объяснения, треть детей в Новой Англии проживали вне своих семей – обычно в качестве слуг или учеников, нередко уже с шести лет (у слуг

не было контрактов, ученики чаще всего работали по семь лет). В итоге в большинстве семейств жило по несколько неродственных юных душ. Мальчики обучались торговле, девочки – тому, что преподносилось как «искусство, ремесло и секреты домашнего хозяйства» [35]. Всех отправляли на воспитание к взрослым, но не к родителям: считалось, что вне дома набираешься большего ума-разума. Детей «отдавали на обучение» в самые разные слои социального спектра [36]. Предприимчивый муж Ребекки Нёрс, например, начинал слугой, как многие будущие пасторы и минимум один судья по процессу о колдовстве. Часто молодое поколение оказывалось в не более привилегированных семьях, чем собственные. Некоторые покидали отчий дом в слезах (один из сыновей Сьюэлла упал в обморок при одном только упоминании о такой перспективе). В суррогатной семье действовали другие порядки, предъявлялись другие требования. Отделение от дома ощущалось – или, возможно, призвано было ощущаться – как подготовка к более травматичному опыту в будущем. На худой конец, устройство на обучение дисциплинировало молодую поросль в самую пылкую, горячую, дурманящую, откровенно бунтарскую, дьявольски трудную пору жизни. «Переходный возраст, – по мнению одного ученого, – это первый опыт безумия чувств» [37].

Отдавать детей в обучение означало подвергать их новым опасностям. Девочки-служанки отбивались от потных рук и нежеланных объятий озабоченных свинопасов, от мужчин в доме и гостей дома – иногда в ужасающе раннем возрасте. Изолированные, наполовину осиротевшие, они редко имели возможность просить защиты у тех, кто умел обращаться с вилами или молиться за них на заре. Дочки одного салемского магистрата (старшей было шесть) два года подвергались сексуальному насилию со стороны своего хозяина. Когда же их перевели в дом к некоему уважаемому члену церкви, насилие продолжалось, пока старшей девочке не исполнилось десять лет. В судебных записях полно самых разных домогательств – от поцелуев украдкой до прямых нападений [38]. Это происходило, когда женщины приносили постиранное постельное белье, или арендовали каноэ, или спешили помочь в родах жене нападавшего. Девятнадцатилетний слуга пытался изнасиловать десятилетнюю горничную, работавшую в том же доме. Женщины возвращались

вечером домой и натыкались на кучи одежды на полу – в их кроватях лежали незнакомые мужчины. Они кусали нападавших за носы. Один массачусетский мужчина сидел в клетке, а вокруг шеи у него красовалась бумажная лента с надписью: «Этот женатый мужчина блудодействовал в собственном доме с горничной» [39].

Насилие проявлялось и по-другому. Хозяева и хозяйки били девочек-служанок за неуважение, неаккуратность, брань, мрачность, дерзость. За недостаточную заботу о хозяйках. За такое страшное преступление, как лень, которая – учитывая объемы работ, которые им надлежало выполнять, – уж точно была понятием относительным. Раздраженный муж защищал жестокое отношение своей жены к прислуге. Девочка убегала из дома после наступления темноты, слишком долго спала, так и не выучилась доить корову или козу, была неряхой, ей нельзя было доверить даже покормить свиней: «Она такая толстая и рыхлая, что не пригодна почти ни к какой работе» [40]. Один проповедник из Ньюберипорта стегал кнутом свою служанку за малейшую провинность, привязывая ее язык к большому пальцу на ноге. Когда служанка уронила головой ребенка, преподобный Тэчер, друг Пэрриса, избил ее палкой из орехового дерева. Слуги сбегали, их быстро возвращали. Скрыться было сложно^[52]. Все большего успеха они добивались в судах, которые чаще вставали на их сторону.

В 1690-х, когда вокруг росло неповиновение, проблемы подрастающего поколения Новой Англии выглядели в повестке дня колонии до смешного мизерными. Десятилетиями Массачусетс славился своими проступками. Лондон обвинял переселенцев в стремлении к независимости и наказывал соответственно. У нас не было выбора, стонал один известный в Колонии залива торговец, ругая кабальные торговые законы: если соответствовать всем требованиям англичан – подобным ограничениям, которые погубили бостонский бизнес Пэрриса, – то «эта несчастная плантация разорится» [42]. Выгнав Андроса, колонисты жили в подвешенном состоянии, угрюмо ожидая, что жизнь наладится. Но она упрямо не налаживалась. Далекое правительство, для которого они были непонятны, было совершенно непонятно им. Не из-за того ли, задавался вопросом автор трактата 1691 года, что они – «непослушные, неучтивые, изворотливые дети», Бог все время посылает на их головы катастрофы и разрешает «кровожадным варварам мучить их и терзать»? [43] Покинувшие свою

страну, постоянно бранимые за неповиновение, уязвимые, непокорные жители Новой Англии хотели сохранить самоуважение, пытались примирить стремление к автономии с требованиями невежественной власти, которая оказалась не столько благодетельным защитником, сколько обычным вымогателем под предлогом защиты.

Слуги и дети в доме по-разному впитывали разговоры родителей между собой. Они разносили сплетни и ворошили соседские обиды – своеобразная форма дочерней или сыновьей лояльности. Как всегда, слуги охотно поглощали секреты – и к психологическим трудностям добавлялась еще одна: эти дети-слуги знают слишком много. Хотя Джон Проктер и поколачивал Мэри Уоррен, он тем не менее обсуждал с ней земельные сделки и жаловался на свою буйную жену. Она чуть не довела его до самоубийства! Служанка – а семь из тринадцати околдованных девочек были домашней прислугой – знала, где хранятся деньги, где сбито постельное белье, а где тлеют очаги раздора. Она могла, в свою очередь, нагонять страху на хозяйских детей. Весной 1678 года преподобный Джон Хейл обнаружил, что одна из его горничных, Маргарет Лорд, ворует у него [44]. Ночами она выносила из дома добычу: муку, масло, драгоценности, деньги, овсяную крупу, свечи, шелк и цветную тесьму. Хозяйка дома приперла ее к стенке, и та проявила такую агрессию, что миссис Хейл почла за лучшее спрятать все кухонные ножи. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что двенадцатилетняя Ребекка Хейл все время знала о воровстве. Все дети в доме об этом знали. Маргарет угрожала бросить Ребекку в огонь или повесить на стропилах сарая, если ребенок проболтается. Она сажала ее в ведро и опускала в колодец. Она сказала, что владеет книгой, с помощью которой может вызвать дьявола, и он убьет ее маленькую сестренку. Размахивая топором, она вслух размышляла, стоит ли прикончить миссис Хейл. Дети умоляли этого не делать. Другого малыша Хейлов она угрожала обжечь раскаленным утюгом. Ребекка, однако, оказалась не таким уж слабым соперником. «Я ей сказала, что, если она меня убьет, убийцу обнаружат», – говорила она в своих показаниях. В ответ Маргарет дала понять, что не все довольны работой колониальных правоохранительных органов: «Она сказала, что в Англии – да, а здесь дело будет не так легко раскрыть». Другие детали этой эпохи террора

всплыли в мае, когда одна из сообщниц Маргарет предстала перед салемскими магистратами по обвинению в колдовстве.

Пасторы посвящали проповеди господам, которым следовало давать человеколюбивые указания, и слугам, которым следовало бодро их исполнять [45]. Семь лет – не вечность, напоминал один представитель бостонского духовенства членам своей аудитории, отданным в обучение. Что же до юных горничных, то если они будут хорошо себя вести, хозяйки начнут считать их своими родными дочерьми – а что может быть желаннее! В любом случае не каждая служанка, вызванная в темную комнату, видела плавающих в камине светящихся существ, на которых возбужденно указывал ее хозяин. И не каждую вызывали, чтобы это подтвердить. Дерзкие горничные и непочтительные дочери задыхались от тирании взрослых и доказывали, что они кто угодно, только не безмолвные, бесшумные создания из проповеди Мэзера. Будучи у себя дома или в других домах, они отказывались от чувства вины, стыда, отвращения к себе – и намеренно попадали в беду, хотя и редко делали это с безмятежностью Абигейл Хоббс. Девочки-подростки дерзили папашам, как одна дочь восемнадцати лет, которая крикнула отцу: «Умоляю тебя, успокойся, отец: ты что, глухой?» [46] Хейл описывал воровку Маргарет как «невероятно лживое и упорствующее в своей лжи существо» [47]. Она пришла в сарай, когда должна была быть в молельне, и оставалась там до двух ночи. А ее сообщницы залегли в свинарнике, чтобы пугать детей. Одна из горничных Мэзера забеременела. И конечно, несмотря на родительскую гиперопеку, кучу работы и негостеприимную атмосферу, девочки собирались в местной таверне, откуда их могли забрать хозяева и где заодно можно было привлечь внимание какого-нибудь подходящего молодого человека в долгие часы между слушаниями по делу о колдовстве. Через два дня после того, как бостонский тюремщик заковал в кандалы Гуд, Осборн и Титубу, в Плимуте единогласно проголосовали за исправление детей, «которые чересчур подвержены чувственности, несдержанности, медлительности, пьянству и играм» [48].

Женщины тоже беспокоили Новую Англию с момента ее основания. Они забирали себе ведущие роли еретиков и бунтовщиц. Начиная с Энн Хатчинсон, харизматичного религиозного лидера, которая подбивала женщин уходить с церковной службы и оспаривала

доктрину, они говорили что думали – и это трактовалось как «нарушение мира и спокойствия». На процессе 1640 года Энн Хиббинс цитировала Ветхий Завет и говорила, что этот текст призывает мужчин заботиться о своих женах. При этом она использовала и противоположную тактику: шестнадцатью годами ранее Энн отказалась в суде отвечать своим обвинителям, мотивируя это тем, что Господь требует от женщины молчания. Игнорируя многочисленные приказы покинуть Массачусетс, Мэри Дайер, острая на язык квакерша, тоже была повешена. Члены салемской церкви утверждали, что она надеялась жить достаточно долго, чтобы растерзать отца судьи Хэторна. Женщина в Новой Англии не имела политических прав. Она не могла голосовать или быть присяжной. Официально лишённая голоса, она тем не менее находила немало способов заявить о себе и демонстрировала решительную потребность высказываться. В судебных записях она грубит, вопит, спорит, ругается, визжит, сплетничает и плюется^[53].

Женщины Массачусетса просто игнорировали священников, которые отлучали их от церкви. Они сообщали магистратам, приговаривавшим их к повешению, что предпочитают быть обезглавленными. Они пили, пока «уже не могли отличить алкоголя от чернил». Одна женщина вернулась из Салема такой нетрезвой, что было непонятно, как она держится на ногах [49]. Они вытаскивали мужчин из таверн и практически вышибали из рыночных инспекторов душу. Они били и расцарапывали лица своих мужей, а одна как-то раскроила супругу череп кружкой сидра. Они набрасывались на овдовевших пасторов вдвое старше себя, как обнаружил растерянный Коттон Мэзер через три месяца после смерти своей жены. Они рвали в клочки ордера на арест прямо перед вручавшими их стражами порядка. Две женщины устроили драку, когда одна обозвала другую «вшивой шлюхой», а другая рассмеялась, что у той всего одно платье, и, невзирая на вцепившуюся в ее юбку дочку, огрела обидчицу палкой. Они швыряли камни в своих свекровей и кидались на зятьев. Они регулярно оказывались в суде, и эта тенденция усилилась в 1690-е, когда (не беря в расчет салемские события) дамы принимали участие в различных преступлениях более активно, чем в любое другое десятилетие. А когда они не скреблись поздно ночью в ваше окошко и

не летали туда-сюда светящимися шарами, то умудрялись душить своих мужчин и лишать их способности двигаться.

Хотя считалось, что женщины больше восприимчивы к колдовству из-за более слабой воли, убедительных доказательств этому не имелось. На каждого Джайлса Кори, не послушавшего жену и переседлавшего своего коня, находилась обворожительная Мэри Уоррен, которая выигрывала в споре с хозяином насчет того, могла ли она посетить слушание дела о колдовстве. Прирожденные кудесницы, женщины превращали молоко в сыр, а нить – в кружево. Могли сотворить пудинг из мха. Управляли тавернами, помогали в работе мужьям, торговались с ремесленниками. Давали советы мужьям по земельным сделкам и представляли их в суде. Бостонский судья Сэмюэл Сьюэлл доверил управление хозяйством жене, которая, по его мнению, «лучше, чем я, соображает в таких делах» [50]. Женщины подавали иски на своих отцов, братьев, пасынков, оспаривая право на недвижимость. В стране, где физической работе не было конца, а рабочей силы не хватало, они могли не сомневаться в собственной ценности: отсутствующие, больные или сидящие в тюрьме женщины дорого стоили хозяйству. Матери возносили молитвы, когда отцы были слишком заняты для этого: Мэзер даже указал на библейский прецедент. Пока группа мужчин из Ипсвича подавала петицию на право построить молельню, их жены возвели ее самостоятельно.

Как всегда, общество оказалось наиболее эластичным в период нестабильности. Во время войны короля Филипа, когда индейцы истребляли целые города, женщины соорудили бастионы вдоль реки для защиты Бостона от вторжения. В 1690 году Бостон позволил тридцати прекрасным дамам пилить лес и производить калийные соли. В тот год почти половина всех трактиров в городе управлялась женщинами. Во время одного налета в 1692 году женщины из гарнизона Уэллса, штат Мэн, ударили по врагу. Другие напали на охрану, после чего избивали, обезглавили и расчленили тела двух связанных пленных вабанаки. Некая смышленная горничная из Дорчестера спрятала детей под медными тазами, когда однажды в июльское воскресенье у нее на пороге возник индеец, а потом швырнула ему в лицо полную лопату раскаленных углей. Ханна Дастин томагавком зарубила своих похитителей-индейцев, после того как они у нее на глазах убили ее новорожденное дитя. Прежде чем

бежать, она сняла с них скальп – по крайней мере, так утверждал Коттон Мэзер [51]. «Рассказы пленников» славили этих опасных женщин и их бесстрашные деяния [52]. В пору ужасного опустошения они взяли на себя роль истребительниц драконов.

Хотя пасторы и не часто обращались к роли матери, они все же внимательно следили за женской добродетелью. И у них имелись для этого веские причины: большинство любой паствы составляли дамы. 20 % паствы Мэзера приходилось на вдов. Ни одна пуританка не страдала от нехватки поводов для самобичевания, однако есть основания полагать, что женщины считали свою веру более суровой к ним, чем мужчины, даже если и не всегда выставляли это напоказ, как Бетти Сьюэлл. Именно женщина обычно настолько убеждена в собственной греховности, что готова утопиться в луже, именно женщина переживает, что согрешила против Святого Духа, именно женщина боится, что пребывает «в более плачевном состоянии, чем любая жаба» [53]. Она воспринимала религию очень лично. «Меня поражает, что такое молодое существо, как я, всего двадцати лет от роду, может нести в себе столько греха и вины», – обличала себя одна особа в 1727 году. Мужчины винили свои грехи в разрушении своих душ. Женщины винили свои души, то есть, можно сказать, самих себя. Преподобный Тэчер в ужасе отмечал, что его супруга была «готова обвинить себя во всех смертных грехах» за то, что во время беременности споткнулась о стул^[54]. А одна девочка семи лет не могла есть из страха быть проклятой.

Задолго до того, как салемский пасторат пронзили первые девичьи крики, женщины царили в «рассказах пленников», повествовавших о похищениях их индейцами и воспламенявших воображение читателей. Эти истории, богато приправленные страшными подробностями и трещавшие от рвущихся наружу сексуальных подтекстов, выставляли против сатанинских дикарей самого сомнительного врага: отважную женщину, которая сталкивалась со всеми возможными трудностями и все их преодолевала. Переосмысленные как религиозная аллегория, эти мелодрамы не имели бы такого успеха, действующий там героимужчины. Их протагонистов побивали камнями и оставляли умирать во льдах, как отмечает Ханна Свортон, описывая мучительный кошмар, который вырвал ее из Каско-Бей в 1690 году (то же нападение пережил и Джордж Берроуз). Историю Свортон о том, как

демонические индейцы таскали ее за собой по горам и болотам, доносил до прихожан Мэзер, сначала с кафедр, а в 1697 году – и в печатном виде. (Кое в чем рассказы пленников расходились с традиционными волшебными сказками: они наизнанку выворачивали историю о спасенной принцессе и восхваляли сообразительную, нестигаемую женщину, а не беспомощную барышню). Единственное, что портит картину этой феминистической героини, – в салеменной дьявольской мясорубке 1692 года и одухотворенные жертвы, и их гонители в подавляющем большинстве были женщинами. Однако следует отметить: впервые в Новой Англии женские голоса прозвучали настолько мощно, что призрачные показания двух мертвых жен перевесили в суде слова священника с хорошо подвешенным языком и гарвардским дипломом.

Бостонские власти выдали ордер на арест Джорджа Берроуза 30 апреля. Он тогда жил в ста десяти километрах к северу от Салема, в Уэллсе, на границе с Мэном. Хотя констебль Мэна и Нью-Гемпшира неся на всех парах, у него ушло несколько дней на доставку пастора в деревню. Он прибыл 4 мая. Хэторн и Корвин выпустили пятнадцать ордеров, пока ждали его прибытия, вдвое увеличив количество подозреваемых в колдовстве: в этом сезоне у вас была более чем серьезная причина для беспокойства из-за пятен на вашей совести или бородавки на груди. Один из дядьев младшей Энн Патнэм, поговаривали, все время держал коня оседланным [54]. Голословные утверждения снова переползали за городские границы. Среди арестованных в начале мая было несколько человек из Беверли. Салеменные судьи трудились не покладая рук, чтобы оформить все жалобы, все показания и всех заключенных. Они, должно быть, чувствовали себя такими же затравленными, как и вытасченный из своего дома священник, которого против воли привезли каменистыми лошадиными тропами в его бывший приход.

Пока Берроуз двигался на юг, а Деливеранс Хоббс устраивалась в тюрьме на улице, которая сегодня в Салеме называется Вашингтон-стрит, Хэторн и Корвин допрашивали нескольких новых подозреваемых, обвиненных деревенскими девочками. Пятидесятивосьмилетнюю Доркас Хоар хорошо знали в суде [55]. Эта многоопытная гадалка предвещала смерть и недуги и славилась тем,

что появлялась всегда прямо перед тем, как человек заболел. Много лет назад она без спросу позаимствовала у Хейла книгу предсказаний. Когда он это обнаружил, она принесла свои извинения. Это было еще до того, как она стала сообщницей той самой вороватой служанки Джона Хейла – которая, кстати, так обожала Хоар, что называла мамой. Служанка потом изводила дочку Хейла, угрожая, что старая Доркас Хоар убьет или заколдует ее, если Ребекка расскажет о воровстве. Теперь Ребекка Хейл представила убедительный список колдовских проделок Хоар: старая ведьма чего только не творила в доме Хейлов. Такой необычно выглядевший персонаж, как она, конечно, отлично подходил на данную роль: женщина средних лет с седым ежиком и конским хвостом из темной массы волос длиной едва ли не полтора метра. Пастор даже называл их вороньим гнездом. Муж Хоар, рыбак, неожиданно умер прошлой зимой. Когда понятия пришли осмотреть тело, она начала оскорблять их, топая для пущего эффекта ногами. Они просто бессовестные негодяи, если принимают ее за убийцу! Как и Сара Гуд, Доркас Хоар нищенствовала, лишившись по суду права на наследование обширного поместья.

Лишь только она вошла в молельню 2 мая, девочки приветствовали ее конвульсиями. Оказывается, она признавалась им в убийстве мужа и хвасталась, что вдобавок прикончила еще и одну бостонскую леди. К хору обвинителей присоединился новый голос. Как и Мерси Льюис с Абигейл Хоббс, восемнадцатилетняя Сюзанна Шелден выросла на границе с Мэном, откуда индейцы дважды угоняли ее семью, в результате чего она потеряла отца, брата и дядю. Изувеченное тело брата нашли со снятым скальпом. В 1688 году оставшиеся в живых Шелдены поселились в Салеме, и деревня их поддерживала. Выяснилось, что Доркас Хоар приходила и к Сюзанне вместе со своей книжкой и двумя черными котами. Хоар все отрицала, и девочки закричали, что у нее в теле бьется синяя птица. Судебный маршал яростно потряс кулаком. Кое-кто видел, как по помещению пролетел бледно-серый мотылек.

В тот весенний понедельник перед Хэторном предстали две самых его боевых подозреваемых. Когда девочки описали кошек Доркас Хоар, книжку и черного человека, шептавшего ей на ухо, она взорвалась: «Ах вы лгуны! Господь запечатает рот лжецам». Хэторн отчитал ее: «Ты не должна так говорить в суде». Хоар осталась

непреклонна: «Я буду говорить правду, пока живу». Хэторн осудил ее «необычайную наглость», которая побледнела на фоне выступления Сюзанны Мартин, вдовы кузнеца [56]. Миниатюрная семидесятиоднолетняя женщина из Эймсбери не могла всерьез воспринимать эти слушания. Ее уже однажды, много лет назад, обвиняли в колдовстве. Тогда ее муж подал в суд за клевету и выиграл, хотя обвинения продолжались. Говорили, что Мартин с помощью колдовства довела одну женщину до безумия и убила младенца, который родился чертенком. Из более тривиальных поступков: она обвинила одного мужчину в воровстве и открыто спорила со своими детьми. Она рисковала своим местом в молельне. Сюзанна Мартин дважды была лишена наследства – сначала мачехой, потом мужем племянницы, судилась, но безуспешно. Восемь обвинительниц забились в лютых пароксизмах, когда Мартин подошла к барьеру 2 мая, но Энн Патнэм все же исхитрилась и бросила в нее перчатку. Старушка рассмеялась. «Что?! – задохнулся Хэторн. – Тебе смешно?» – «Ну нельзя же не смеяться над этой дурью», – пожала она плечами. Хэторн нахмурил брови: «Дурь? Страдания этих людей?» – «Я никому не причиняла страданий», – ответила Мартин, и Мерси Льюис повалилась на пол к ее ногам.

Это вызвало у Мартин, собранной и уверенной в себе, новый приступ смеха. «Ты что, не считаешь, что они заколдованы?» – спросил Хэторн. «Нет, не считаю», – был ответ [57]. Судья потребовал от женщины более внятного объяснения. Возможно, они сами занимаются черной магией, предположила обвиняемая. Он помнит ведьму из Эндора? Она тоже притворялась святой – дьявол ведь может принять какую угодно форму. Язвительность Мартин вызвала в зале еще больше волнения и улюлюканий. «Ты сегодня долго добиралась до суда, ночами у тебя быстрее получается», – поддела ее горничная Патнэмов. «Нет, дорогуша», – сказала старая женщина, подпуская в процесс редкую нотку сарказма. Если они собираются бросать в нее перчатки, то она будет метать в них слова. «Ты не сочувствуешь пораженным?» – поинтересовался Хэторн. «Нет», – сказала она. Считалось, что, если ведьма дотронется до своей жертвы, ее чары ударят в нее же, как электрический разряд. Судьи велели пораженным подойти к Мартин. Четверо повиновались, а Джон Индеец поклялся,

что убьет колдунью. И тут же, отброшенный ее недюжинной силой, рухнул на пол.

Вся община уверена в твоей виновности, сообщил ей Хэторн. «Пусть верят во что хотят», – фыркнула она. Ей зачитали длинный список необъяснимых до этого времени^[55] происшествий. Мартин не только заколдовывала коров и топила быков, но и сама превращалась в черного кабана. А восемнадцать лет назад она как-то прошла несколько миль пешком в самую слякотную пору и даже не запачкала обуви (как ей это удалось, волновался обвинитель. Она должна быть по колено в грязи после такой прогулки! Пожилая дама объяснила это прозаически: она просто не любит мокнуть и пачкаться. Быстрые перемещения в пространстве – особенно если казались похожими на перелеты – вызывали подозрение. Так двигались индейцы. Преступление Сюзанны Мартин было хуже: тяжелые промокшие юбки сковывали женщин, она же спокойно выпуталась из своих). Одной ясной лунной ночью она сделалась огненным шаром. Превратила собаку в бочонок. Это она – обернувшись кошкой – впрыгнула к мужчине в окно и душила его в кровати. Больше, чем кто-либо другой, старушка вынуждала мужчин признаваться, что они до смерти напуганы – в поле, в лесу, ночью в собственных постелях. Она правда уверена, что девочки притворяются? – уколол Мартин Хэторн. Она не может сказать наверняка. Но она так думает? «Я не смею лгать, даже во спасение своей жизни», – сказала женщина, снова признав, что конкретно, по слухам, на этот момент стояло на кону. К такому же выводу пришел и кое-кто еще: впервые на этой неделе констеблям не удалось поймать подозреваемого. В понедельник салемский торговец Филип Инглиш буквально испарился. Будучи зажиточным человеком, он сумеет целый месяц провести в бегах.

Хэторн запланировал допрос Берроуза на 9 мая, и призрак священника в предвкушении этого события просто взбесился. Если он не колдовал над камином Кисера, то соблазнял Мерси Льюис модным журналом – она клялась, что журнала не было в кабинете Берроуза, когда она у него работала, – и уносил ее с собой на безумно высокую гору. Под ней простиралась «все царства на земле». Они будут твоими, обещал призрак, стоит только продать свою душу (Берроуз, видимо, хорошо учил Льюис: эти описания она почти без изменений позаимствовала из того места в Евангелии от Матфея, где дьявол

искушает Христа; этот же текст Лоусон цитировал в своей проповеди 24 марта). Кроме того, Берроуз напал на племянницу доктора, одну из немногих обвинительниц, кто прежде его не встречал. Незнаком он был и тридцатилетней Саре Биббер [58]: к ней просто подошел мужчина в темном пасторском облачении, ущипнул и предложил сопровождать его, когда она направлялась в деревню на утреннее слушание. Он не представился ни заклинателем, ни колдуном: она только в молельне сообразила, что это был за мрачно одетый кавалер.

За день до слушания Берроуза Пэррис провел в деревне причастие, предупредив, что те, кто вкусил от угощения дьявола, не могут пить из чаши Господа. Все лето он напоминал прихожанам, что в мире всего две стороны. «Либо вы на одной, либо на другой», – повторял он без всякой необходимости [59]. Домашние Пэрриса хорошо знали, что каждый член сообщества уже был либо за него, либо против. Деревня находилась в эпицентре вселенской битвы, которую дьявол и его войско будут вести, пока у них хватит сил. К осени пастор уже сравнивал эту осаду с библейскими испытаниями и в упоенье перечислял врагов от Ирода до Людовика XIV, семью годами ранее отменившего Нантский эдикт и лишившего французских протестантов свободы вероисповедания – пуританский дьявол, конечно, обожал все французское: королей, драгунов, священников и моду. Пэррис делал выговор любому, кто сомневался в заговоре. «Если существовали когда-нибудь колдуны и колдуньи, заключившие договор с нечистым, то тут, в Новой Англии, их видимо-невидимо», – возвещал он. Эти адские чудовища населяли самые обжитые города и самые далекие пределы. Они эволюционировали из своих традиционных обликов. Где раньше вас донимала «глупая невежественная бабка», там теперь за поселенцами охотились высокообразованные, с виду благочестивые маги обоих полов – а это самое опасное положение дел.

Менее чем через сутки Джордж Берроуз вошел в то же щерившееся стропилами помещение. На нем был строгий черный костюм с жилетом, но не было отличительного белого пасторского воротничка. Читавший здесь проповеди трижды в неделю на протяжении двух лет священник знал здесь каждую дощечку и вряд ли сохранил об этом здании приятные воспоминания. Девятью годами ранее в молельне он долго и тщетно пытался решить спор с Джоном Патнэмом. В ходе той встречи Патнэм предложил своему

маршалу требовать долг со своего бывшего жильца. Берроуз отмахнулся. Ему нечем заплатить, кроме разве что собственного тела. Далее он бросил противнику вызов: «Ладно, и что ты будешь со мной делать?» [60] Маршал обернулся к Патнэму. «Что мне делать?» – спросил он, немного робея перед представителем духовенства. Томас Патнэм сделал знак своему брату Джону, они посоветовались на улице. Вернувшись, Джон твердо заявил: «Маршал, бери его под стражу». Заключенный провел ночь в заведении Ингерсола, и в итоге здравомыслящий хозяин таверны спас положение: он умудрился убедить Патнэмов, что долг оплачен. Берроуз наверняка не собирался больше возвращаться в деревенскую молельню ни в каком качестве.

Хэторн и Корвин подошли к этому слушанию совершенно иначе, чем ко всем предыдущим. К 9 мая они собрали массу формальных свидетельств и усилили свои ряды двумя дополнительными судьями. Первый – сорокалетний Сэмюэл Сьюэлл, круглолицый, с маленькими блестящими глазками, тонкими губами и непослушной копной каштановых с проседью локонов. В доме его брата Стивена неподалеку от городской молельни жила дочка Пэрриса. Вторым дополнительным судьей был Уильям Стаутон, бывший во времена доминиона вице-президентом Массачусетса. Присутствие двух этих людей говорило о серьезности ситуации и ее деликатности. Берроуз и Сьюэлл знали друг друга еще в Гарварде. Они общались в прошедшие годы, Сьюэлл одалживал Берроузу деньги. Хэторн и Корвин знали бывшего пастора по поездке в Мэн в 1690 году.

Внук окончившего Кембридж приходского священника из графства Саффолк, Берроуз рос в Мэриленде, куда иммигрировали его родители [61]. Семья была маленькой и переезжала регулярно. Джордж, единственный ребенок, переехал с матерью в Массачусетс, где она в 1657 году вступила в церковь Роксбери. Отец, служивший в торговом флоте, разъезжал по побережью. Берроуз окончил Гарвард в 1670 году, через год после Сьюэлла и Бэйли, первого деревенского пастора (он чуть-чуть разминулся с Пэррисом, который прибыл в университет уже после его отъезда). Родители вернулись в Англию, сын остался в Америке. По крайней мере поначалу он присоединился к массачусетскому истеблишменту. Сьюэлл еще в 1691 году – то есть всего за восемнадцать месяцев до того, как судить его – специально ездил слушать лекции Берроуза. В 1674 году, женившись и отслужив

школьным учителем, Берроуз примкнул к церкви Роксбери. Вскоре он стал священником и принял кафедру в Каско, процветающем поселении, чуть меньшем, чем деревня Салем (сегодня – часть Портленда, штат Мэн). Это не была работа мечты. Отношения между Восточным Мэном и пуританскими правящими кругами были весьма напряженными. Работе священников, пытающихся объединить очень разношерстную паству, постоянно мешали всякого рода чрезвычайные ситуации. На огромной территории, посреди бесконечных болот и сельхозугодий, Берроуз проповедовал собранию англикан, баптистов и пуритан, жителям приграничной полосы, торговцам-мореходам, только что прибывшим иммигрантам. Пограничные городки перешли под юрисдикцию Массачусетса примерно в то же время, когда Берроуз перебрался в Роксбери, и в процессе перехода променяли свободу вероисповедания на военную защиту. Однако это не избавило их от необходимости обращаться к властям провинции за своей скудной долей ресурсов. Массачусетс приносил плоды скупой и неохотной, несмотря на то что у многих членов колониальной элиты – включая салемских судей – имелись серьезные финансовые интересы в рыбной отрасли и деревообрабатывающей промышленности провинции Мэн. Власти снова и снова отреклись от уязвимых приграничных территорий^[56]. В 1690 году Корвин и Хэторн рекомендовали Массачусетсу отозвать своих солдат, и результат был катастрофическим.

Каско не мог предложить Берроузу организованную церковь и посвятить его в сан. Дом ему также предоставить не могли – индейцы уничтожили жилище предыдущего пастора. Зато городок предоставил ему восемьдесят гектаров своей лучшей земли, с трех сторон огороженной скалистым берегом с шикарными видами на океан. Здесь, на мысу, он выстроил дом. Нападения продолжались – вабанаки в Мэне превосходили англичан в соотношении 6:1, – однако Берроуз не двигался с места. Ему было лет двадцать пять, когда индейцы снова обрушились на Каско в августе 1676 года и сровняли городок с землей. Берроуз сумел вывести группу из десяти мужчин, шести женщин и шестнадцати детей на покрытый буйной зеленью остров, где они какое-то время жили, питаясь рыбой и ягодами, пока их не эвакуировали в безопасное место. После этой атаки семья трехлетней Мерси Льюис бежала во временное пристанище в Салем. Берроуз

обосновался в тридцати километрах к северу, в Солсбери. Там он перебивался случайными заработками как временный пастор, пока жители деревни Салем не пригласили его к себе и не поселили у Патнэмов.

Непоколебимость Берроуза доставила немало неприятностей Патнэму, когда бывший пастор вернулся в Салем и предложил свое тело в уплату долга. С той же решительностью он снова поселился в Каско в 1683 году. Приход тепло приветствовал его возвращение^[57]. Через шесть лет Каско – уже обогнавший по размеру салемскую деревню – снова подвергся осаде, на этот раз в ходе того, что затем станет известно как война короля Уильяма. Напряженность в отношениях между французскими и английскими поселенцами чувствовалась задолго до того, как Англия объявила Франции войну в мае 1689 года. В сентябре больше четырехсот французов и индейцев обрушились на маленький город. Берроуз участвовал в семичасовом бою, завязавшемся на территории поля и прилегающего сада; капитан бостонского ополчения очень его хвалил за неожиданное выступление. Эта атака дорого обошлась плохо экипированным поселенцам: двести пятьдесят человек были убиты или взяты в плен, тогда же пятнадцатилетняя Мерси Льюис потеряла родителей. Семья Берроуз взяла ее к себе и, должно быть, наблюдала ее страдания даже в большей степени, чем впоследствии Хэторн. Эти нападения наводнили Салем беженцами. Вновь овдовевший, так и не рукоположенный Берроуз перебрался ниже по побережью и бросил якорь в Уэллсе, в ста двадцати километрах севернее Бостона, оказавшемся теперь на границе. Все, что восточнее, было уничтожено.

Застроенный двухэтажными гарнизонными домами с толстыми стенами, простершийся по обоим берегам реки, богатой осетром и лососем, красивый Уэллс считался самым хорошо укрепленным городом в провинции Мэн. И это оказалось очень кстати, так как лето 1691 года свелось к длительной осаде. Берроуз провел его за чередой застав, в то время как близлежащие поселения сгорели. Очевидец писал о вабанаки: «Все знают, что, если быстро не подоспеет помощь, они ни одного зверя во всей провинции не оставят в живых» [63]. В затяжной июньской осаде они уничтожили весь уэллский скот и вытоптали все поля (благодаря колонистам-бизнесменам индейцы были хорошо вооружены [64]). Только бедный индеец, по замечанию

очевидца, не имел пары ружей). В конце июля Берроуз подписал унижительное прошение о провизии к Массачусетскому совету и затем, в сентябре, снова умолял выделить им какую-нибудь одежду. Они были в лохмотьях, без соли; запасов кукурузы оставалось на полгода. Они каждый день ожидали атаки врага. Индейцы схватили одного семнадцатилетнего парня, выбравшегося за хворостом. Зима оказалась ужасной и становилась только хуже: на рассвете 5 февраля 1692 года сто пятьдесят индейцев разграбили и сожгли процветающий городок Йорк, ближайший к Уэллсу. Позже тем днем Берроуз представил властям провинции апокалиптический отчет о событии. Пока в восьмидесяти километрах к югу выползали на свет божий первые обвинения в колдовстве, индейцы вырезали или гнали по снегам в сторону Канады десятки йоркских пленников. Они убивали овец, коров и лошадей. Поговорив с одним сбежавшим юношей, Берроуз нарисовал адскую картину со «столбами дыма, пляской безжалостного огня, издевками армии язычников, криками, стрельбой, избиениями (несмотря на мольбы мужчин, женщин и детей, горько рыдающих и предельно смиренных) и угоном оставшихся в плен, не щадя никого» [65].

Это разорение напомнило ему эпизод из Второй книги Царств, где Давид и его народ обнаруживают, что все их семьи взяты в плен из города Секелага. Глядя на почерневший, сожженный до основания город, «поднял Давид и народ, бывший с ним, вопль, и плакали, доколе не стало в них силы плакать». Вспомнив еще и про разрушение Иерусалима, Берроуз переключился на Плач Иеремии: «Я смотрю, и горечь наполняет душу мою за всех дочерей моего города». Он считал это разрушение божественным укором. «Господь все еще являет нам свое недовольство», – пишет он за три месяца до своего ареста. «Он, который простирал свою длань, дабы помочь нам, теперь восстает против нас». Заканчивает же пастор вариацией божественного обещания избавления из книги Иеремии, которое, как он надеется, совет Массачусетса поддержит: «Если вы останетесь в этой стране, Я буду созидать вас, а не разрушать; Я насажу вас, а не искореню». Берроуз подчеркивал «плохие условия и постоянную опасность», в которых приходилось выживать поселенцам. Уэллс будет следующим, и вскоре ему не останется ничего другого, кроме как сдаться. В атаке на Йорк среди прочих погиб и известный гражданин. Шубаэль

Даммер, единственный рукоположенный пастор в Мэне, двоюродный брат Сьюэлла, вышел в то пятничное утро из дома и был убит прямо на пороге – «варварски лишен жизни, раздет донага, изрублен и изувечен», – сообщал очевидец [66]. Жену Даммера похитили. Она не выжила.

Коттон Мэзер тоже писал о Йорке – в статье про падение нравов в Новой Англии. Подробности и зверства совпадали. Вырезанные семьи, пленники под угрозой быть зажаренными живьем. Сердца, поучал Мэзер, должны кровоточить об этой бойне. Но прихожанам также следует пробудиться и внять предостережению Йорка. Где Мэзер прибегал к аллегории, Берроуз подавал сигнал бедствия, хотя и украшенный библейскими аллюзиями. Как Сара Гуд, он был одновременно свиреп и беден, священнослужитель с ружьем, движимый заботой об интересах общества проситель. Он вполне мог заметить, что ненавидимый Андрос лучше защищал Мэн, чем некомпетентное доморощенное правительство, которое его сбросило. Восстание и последовавший хаос только подстегнули врагов [67]. Бостон отвел свои войска, оставив мужчин вроде Берроуза умолять власти о защите. Некоторые даже подавали петиции королю после бостонского переворота, утверждая, что при переходном правительстве «в Новой Англии нет ни мира, ни порядка, ни безопасности» [68].

Хэторн и Корвин очень аккуратно выстроили дело против Берроуза, собрав свидетельские показания шестнадцати человек [69]. Также они предприняли шаги, чтобы допросить подозреваемого лично. Это происходило у Ингерсола, и на этот раз шестидесятилетний владелец таверны, не понаслышке знакомый с ужасами нападений в Мэне, которые заставили и его семью бежать на юг, не ударил палец о палец, чтобы защитить своего бывшего пастора. В какой-то мере нам приходится конструировать обвинения по отрицаниям Берроуза. Самое первое было самым тяжким, оно однозначно весило никак не меньше, чем убитые жены. Когда, полюбопытствовали судьи утром 9 мая, Берроуз последний раз причащался? Провинция Мэн не могла похвастаться высокой плотностью населения – там построили дома менее четырех тысяч британских переселенцев. Они не всегда горели желанием подвергать себя дорожным опасностям ради дня субботнего, в который много чего прекращалось, но точно не засады индейцев.

Пусть вынужденно, но Берроуз оказался менее правоверен, чем его инквизиторы. К тому же он либо был непонятлив до саморазрушения, либо Пэррис, который записывал показания, заставил его выглядеть таковым. Когда он в последний раз причащался? Так давно, что уже и не помню, ответил бывший пастор, однако в минувшую субботу он посетил утреннюю службу в Бостоне и дневную в Чарлстауне. Он оставался полноправным членом церкви Роксбери. Он крестил только старшего из своих детей – вместе с давними салемскими прихожанами. Пэррис не записал, что пастор жил далеко от любого места, где мог бы гипотетически крестить остальных^[58].

Допрос резко сместился от религии к оккультизму. Вторая жена Берроуза жаловалась на ночные посещения. Что насчет ужасного существа, которое скатилось с крыши, пронеслось мимо камина и пролетело по лестнице? Раб клялся, что это был белый теленок. В другой раз что-то затрещало около кровати и задышало на Сару Берроуз, когда она лежала рядом с мужем. Едва он проснулся, как оно дематериализовалось. Берроуз отрицал, что в его доме обитают призраки, хотя – у него имелась странная привычка поднимать раздражающие темы – он не может не сказать, что жабы там водились. Похоже, его едва ли не развлекало это действие. У него не было особых причин считать себя уязвимым: ведьмы – это же женщины с угрюмым нравом и в плачевных обстоятельствах. И их чаще оправдывали, чем осуждали. В Массачусетсе пасторов не судили за колдовство; у него имелись защитники. Всего три месяца назад он сидел, голодный, в зараженном вшами гарнизоне, окруженный снегами и очень опасным врагом. Дважды он едва не расстался с жизнью. Он видел страшные сцены; он не понаслышке знал про отрезанные носы и уши, вставленные в рот. У него не хватало времени на дьявольских жаб.

Дальше речь пошла о мертвых женах. Надо признать, что некоторые основания летать после смерти над Салемом, проклиная Берроуза, у его женщин имелись. Патнэмы были далеко не единственными, кто утверждал, что все те недели, когда бывший пастор квартировал у них в доме, «он был очень груб со своей женой» [70]. В провинции Мэн Сара Берроуз жила в страхе, не имевшем ничего общего с заколдованными белыми телятами. Супруг бранил ее безжалостно и контролировал маниакально. Он утверждал, что слышит каждое слово, которое она произносит в его отсутствие.

Рассказывали, что однажды он собирал клубнику с Сарой и ее братом, а на обратном пути вдруг исчез. Сара с братом его не дозволись и поскакали домой. Он каким-то образом их обогнал – пешком, с корзинкой ягод. А потом устроил жене выволочку за гнусные вещи, которые она о нем говорила за его спиной. Даже дьявол такого не может знать, запротестовал шурин, на что Берроуз таинственно заметил: «Мой бог являет мне ваши мысли»^[59] [71].

Через неделю после родов жены Берроуз как-то раз заставил ее стоять на ногах, а сам долго и со вкусом ее отчитывал. Когда дочь обвинила его в последовавшем недомогании женщины, он обрушился и на нее (в ночь перед слушаниями Берроуза, по утверждению Шелден, призрачный маг сообщил ей, что он убил двоих собственных детей; обвинение вполне могло показаться правдоподобным людям, знавшим эту семью, где дочери всегда вставали на сторону своей мачехи). Хотя бывший пастор не душил своих жен и не резал, как предполагали некоторые, эти несоответствия остались незамеченными – выбор выражений был интересным. Берроуз хранил секреты, что плохо вписывается в общество, повернутое на слезке друг за другом. Вскоре всплыло, что он пытался заставить замолчать женщину, которой пожаловалась его дочь. Если его жена не выживет, соседка не должна была никому рассказывать об имевшей место выволочке. Берроуз, возможно, плохо обращался и с Мерси Льюис: в ее воспоминания о бывшем нанимателе прокрадывался особый градус насилия. Она не подпишет его книгу, сообщила она ему, «даже если он бросит меня на сто вил». Мстительные женщины были в Салеме 1692 года повсюду.

В общем, вырисовывается довольно внятный портрет если не зловещего черного человека, похищавшего девушек и заставляющего их подписывать дьявольские книжки, то, во всяком случае, мужа-тирана. Пока Берроуз с первой женой жили у Патнэмов, они так страшно ругались, что сами иногда приглашали хозяев разрешить спор (это могло быть простой вежливостью: ругаться приватно не было никакой возможности, даже в просторном доме Патнэмов). И снова лукавый Берроуз пытался сохранить все в тайне. Он заставлял жену подписать соглашение о том, что она не будет раскрывать его частных дел, – это само по себе выглядело подозрительно, особенно во времена, когда подписание каких угодно документов попахивало

дьявольщиной. В то майское утро 1692 года он это осознал. Судьи хорошо подготовились: он действительно потребовал от жены поклясться, что она будет писать своему отцу только те письма, которые он одобрит? Берроуз отрицал обвинение, представлявшее особый интерес для Хэторна: Сара Рук, вторая миссис Берроуз, недавно летавшая по округе в своем саване, была вдовой его родного брата^[60]. Ее отец жил в Салеме, где собирался вскоре стать председателем большой коллегии присяжных.

Салемский маршал ввел невысокого черноволосого Берроуза в молельню, где ему велели смотреть только на судей. Сюзанна Шелден, беженка из Мэна, похоронившая больше родственников, чем любая другая девочка, и несколько месяцев назад потерявшая отца, припомнила свою беседу с двумя мертвыми женами. Судьи попросили Берроуза посмотреть в лицо обвинительнице, стоявшей от него в паре метров. Когда он повернулся, все или почти все пораженные с криками повалились на пол. Пэррис не смог точно сосчитать, сколько их извивалось у его ног. Что, поинтересовались судьи, Берроуз обо всем этом думает? Он согласился, что перед ними «нечто удивительное и унижительное» [72]. Он ничего в этом не понимал. Он, не колеблясь, начал цитировать Писание – вот в библейских чудесах он ориентировался лучше, чем кто-либо на этих слушаниях. Пэррис, правда, не нашел нужным внести это в свои заметки, а преподобный Нойес и вовсе постарался быстро пресечь. Берроуз обратил внимание на одну странность в поведении обвинителей: «Может, кто-то из вас заметил, что, когда они начинают произносить мое имя, у них это не получается». Но это никого не заинтересовало.

Дальше пошли совершенно иные свидетельства. Несколько мужчин заявили о недюжинной силе бывшего пастора. О ней ходили легенды, особенно с учетом того, что он был телосложения не крупного, даже «весьма тщедушного», по оценке статного Коттона Мэзера [73]. Берроуз мог поднять бочку патоки двумя пальцами. Он одной рукой стрелял из семифутового дробовика. Пока товарищ бегал к форту за помощью, он один разгрузил целое каное провизии. В сентябре 1689 года, когда невероятно сильный и смелый лидер пришелся ко двору, многие восторгались его стойкостью: как раз в том месяце пастор заслужил похвалу за свою роль в битве у Каско. «Никто из нас не мог делать того, что он», – вспоминал сорокадвухлетний

салемский ткач, попытавшийся поднять ружье, но – даже двумя руками – не сумевший его стабилизировать [74]. То, что тогда внушало благоговейный трепет, сейчас казалось колдовством. Кто-то слышал о похождениях Берроуза от других, кто-то – от него самого. Он демонстрировал такой же поразительный талант хвастаться, как и его призрак. И если раньше он приветствовал бы эти рассказы, то теперь стал отпираться от своих успехов (да я просто прижимал ружье к груди, только и всего). То, что крылось за этими воспоминаниями, грозило стать самым серьезным обвинением против него. Он вышел из всех нападений индейцев без царапины. Абигейл Хоббс, Мерси Льюис и Сюзанне Шелден повезло меньше. Многие из тех, кто мог бы свидетельствовать о непомерно тяжелом мушкете Берроуза, не могли этого сделать в силу того, что были мертвы. Ни в коей мере не приятный человек – вокруг домашней жестокости разгоралось немало страстей, – Берроуз умудрялся совмещать абьюзивное поведение дома с чудесными подвигами за его пределами. Все доказательства сводились к одному заключению: он был плохим человеком, но очень хорошим колдуном.

Хотя прямо со слушания Берроуза увезли в бостонскую тюрьму, он продолжал нагонять страх на публику, присутствовавшую на процессах всю ту неделю. Он, наверное, все еще был в пути, когда на слушание на следующий день приковылял беззубый и седой Джордж Джейкобс [75], долговязое тело которого опиралось на две трости. Джейкобсу было не меньше семидесяти, а может, и ближе к восьмидесяти, соседям он казался глубоким стариком. Этот процветающий салемский фермер выглядит настоящим старым мерзавцем. Он язвит и смеется в лицо инквизиторам. Когда судьи представили обвинительниц, Джейкобс пригласил девочек высказаться и с нетерпением ждал их рассказов. Племянница Пэрриса дала показания. Джейкобс расхохотался. На просьбу объяснить он спросил у допрашивающих: «Ваши превосходительства, вы все! Неужели вы во всё это верите?» Он не мог поверить в их доверчивость. Он бросил им вызов: он признается в колдовстве, если они смогут это доказать!

Как Джордж Берроуз и бескомпромиссный Джон Проктер, Джейкобс тоже был жесток со своим слугой, скорее всего, бил его. Шестнадцатилетний юноша позже расскажет, что хозяин угрожал его

утопить. Обвинение срезонировало. Много лет назад Джейкобса судили за то, что он утопил несколько лошадей, загнав их в реку с помощью ловушки из камней и палок (он утверждал, что просто пытался прогнать вломившихся на территорию его собственности животных). За два дня слушаний выяснилось, что призрак Джейкобса бил девочек его костылями. Некоторые девочки предъявили булавки, которые он втыкал в их руки. Сара Чёрчилль, бывшая его служанка, призывала старика признаться. «Ты слышала когда-нибудь, что я умею колдовать?» – спросил он, глядя не на нее, а на магистратов, как ему было велено. «Я знаю, что ты жил как злодей», – упрекнула его Сара, и этого оказалось достаточно.

Участвовал ли Джейкобс в семейной молитве, поинтересовались Хэторн и Корвин. Нет, не участвовал. Дом без молитвы считался домом с привидениями; магистраты начали давить на старого фермера, чтобы заставить его объяснить такое наплевательское отношение. Он не молился с семьей, объяснил Джейкобс, потому что не умел читать. Это не являлось препятствием. «Ты можешь произнести „Отче наш“? – спросили его судьи. – Давай-ка мы послушаем». Все понимали, что эти строчки – что-то типа оберега, от которого злые силы должны бежать как от огня. Джейкобс сделал несколько попыток, но каждый раз запинаясь. Такое приключалось почти с каждым свидетелем, появлявшимся перед Хэторном и Корвином: как саркастически заметит через неделю другой колдун, сам проваливший задание [76], обвиняемые выглядят не менее заколдованными, чем их обвинители^[61]. С другими словами проблем у Джейкобса не возникает. Он подшучивает над судьями. Он боится, что не может помочь им с этим допросом. Они могут сжечь его или повесить – он все равно ничего не знает о колдовстве. Он не больше виновен, чем сами инквизиторы. «Обложите меня налогами как колдуна. Можете заодно обложить меня налогами как старого хрена, – ворчал он. – Я никому вреда не причинял». Мерси Льюис, которую старый фермер избивал до синяков, которую заставлял расписаться в своей книжке, которой предлагал золото и всякие красивые вещи – еще до того, как она узнала его имя или заметила его непризрачную сущность, – предложила более убедительное объяснение: женщины в 1692 году были опаснее, чем могли предположить мужчины, заявлявшие, что они влетали к ним в спальни и грузно наваливались им на грудь, давя на

них часами. «Я всем сердцем верю, что Джордж Джейкобс – самый ужасный колдун», – клялась Льюис [78]. Вместе с еще девятью ведьмами Джейкобс на минувшей неделе проследовал, как и Берроуз до него, в бостонскую тюрьму, где старый фермер, избивавший девушек костылями, и бывший пастор, тиранивший своих жен, получили возможность получше узнать друг друга. Берроуз вполне мог заметить треугольное ведьмино клеймо, которое официальные лица обнаружили чуть ниже правого плеча старика.

После заключения пастора под стражу обвинения посыпались как из рога изобилия: слушания едва успевали проводиться, показания едва успевали записываться. Мерси Льюис взяла на себя роль главной свидетельницы и стала самой активной среди обвинителей. В итоге оказалось, что на нее насылал чары пятьдесят один человек. Обладая хорошей памятью, девушка вплетала в свои рассказы псалмы и проповеди и оставила после себя самые образные свидетельства. (Беженка из Мэна Сюзанна Шелден была склонна к раскрытию убийств. В ее показаниях ведьмы обычно вскармливали грудью птенцов, бесшерстных котят, поросят и черепашат. Энн Патнэм-мать вела побочную историю о мертвых младенцах. А ее дочь бесперебойно поставляла новых подозреваемых.) В какой-то момент Льюис переехала в семью констебля Джонатана Патнэма, где недавно потеряли новорожденного малыша – как считалось, из-за колдовства. Мэри Уоррен, горничная Проктеров, колебалась в показаниях со дня возвращения Берроуза в Салем, когда, по слухам, она сказала, что в словах любой из пораженных девочек не больше смысла, чем в речах безумной дочери Кисера [79]. Через неделю она снова сменила курс: эта юная особа стала самой сенсационной свидетельницей обвинения. Она вытаскивала из своего тела булавки. Плевалась кровью в молельне. Язык вываливался у нее изо рта на такое долгое время, что весь чернел. Ее ноги сжимались, и самые сильные мужчины не могли их разжать. Судебный писарь не стал вдаваться в детали этой необычной сцены: взрослые мужики пытаются развести колени двадцатилетней девушки.

Фантомы и призраки перемешались. Старшая Энн Патнэм сообщила о нескольких молочно-белых фигурах около ее кровати. Двое были духами, но третий оказался Джоном Уиллардом, ее темноволосым соседом. Уиллард поначалу, очевидно, помог

изобличить нескольких подозреваемых, но вскоре утомился от девочек и заявил, что их всех нужно повесить. В виде призрака он признался Энн в убийстве как минимум тринадцати жителей деревни, каждого из них она назвала по имени. Длинный перечень невнятных объяснений заставил всех пересмотреть свои домашние невзгоды и загадочные происшествия, которых всегда в избытке. По всему округу Эссекс вдруг начали находить особый смысл в каждом приступе колик, в проблемах с мочевым пузырем, онемении конечностей, глухоте и вообще в любом сбое – в том числе в неожиданном проявлении доброты.

Не все беды были от летающих ведьм. Сара Чёрчилль, главная обвинительница Джорджа Джейкобса, покинула заседание 10 мая в слезах, заламывая руки. Свою беду она принесла к племяннице Ингерсола. Она никогда не притрагивалась к дьявольской книжке, рыдала девушка, хотя и поклялась до этого в обратном. Ее показания – «абсолютная ложь и неправда» [80]. Наперсница ей не верила. Всхлипывающая Чёрчилль настаивала. Почему, ради всего святого, ты солгала? – спросила старшая подруга младшую. Потому что судьи угрожали запереть ее в салемском подземелье вместе с Берроузом, объяснила Сара. Она лучше оговорит себя, чем окажется закованной в черной дыре с колдуном. Проблема, стонала она, скорее в недоверии, чем в доверчивости. Если бы она один-единственный раз сказала преподобному Нойесу, что подписала книжку, он бы ей поверил, «но если бы сотню раз сказала правду, – то нет».

В конце мая восьмидесятиоднолетний салемский фермер Брэй Уилкинс готовился к поездке в Бостон, когда к нему приехал муж его внучки [81]. Может ли Уилкинс за него помолиться? Молодой человек – это был Джон Уиллард, сосед Патнэмов, – не находил себе места. Его обвинили. Уилкинс, как мог вежливо, пытался от него отделаться. Они давно уже не ладили: клану Уилкинсов не нравился Уиллард. Ну и кто должен явиться, именно когда Брэй Уилкинс через несколько дней сядет за стол в Бостоне, как не этот молодой человек? Вот он бросает недобрый взгляд на патриарха семьи – и в следующие дни старик мучается от страшных болей в мочевом пузыре. После наполненного болью возвращения в Салем – Уилкинс чувствовал себя так, «словно побывал на дыбе» – он пожаловался Мерси Льюис. К маю девушки сделались настоящими охотницами на ведьм; родители больных детей

устраивали к ним паломничества. Пусть им было всего одиннадцать или двенадцать, но под чутким руководством Пэрриса они могли объяснить, почему несколько голов скота в соседней общине замерзли насмерть шесть лет назад. Мерси ясно как божий день видела, что муж внучки Уилкинса давит старику на живот.

В тот месяц колдовство забрало свою первую жертву. В начале мая Дэниэл, семнадцатилетний внук Брэя Уилкинса, тоже бредил насчет Джона Уилларда. Дэниэл, возможно, был среди тех, кто знал, что Уиллард избивает свою жену. И уже мог слышать слухи о колдовстве. Он заявил, что Уилларда надо повесить. Через несколько дней подросток заболел и вскоре уже не мог ни есть, ни говорить. Врач назвал причиной болезни сверхъестественные силы, и явившаяся на вызов Мерси Льюис согласилась с этим диагнозом. Около постели Дэниэла на заре она видела прозрачного Уилларда, который пытал несчастного, измученного мальчика. Мальчик задышался. На следующий день Льюис, Мэри Уолкотт и Энн Патнэм – младшая сообщили, что Уиллард давит парню на горло и грудь и душит его. Призрак пообщался с тремя девицами. В субботу 14 мая он объявил им, что намерен скоро убить Дэниэла, «если сможет» [82]. Сейчас ему не хватает сил, так что он обратится к Берроузу за поддержкой. Во вторник призрак поклялся, что убьет юного Уилкинса той же безлунной ночью. Через три часа юноша испустил последний вздох. «Смерть от колдовства», – записал Пэррис напротив его имени в деревенской приходской книге.

Виновник обнаружился в шестидесяти пяти километрах от деревни, ему удавалось целую неделю прятаться от правосудия. Побег говорил в пользу его вины: парень наделал столько шума в караульной будке, что пришлось заковать его в кандалы. Встревоженный маршал подгонял судей с расследованием, чтобы избежать жертв в дальнейшем. Хэторн и Корвин тщательно допросили подозреваемого. «Что ты скажешь об этом убийстве и применении колдовства к своим родственникам?» – спросили они [83]. Уиллард настаивал, что ни одному человеческому существу не желал зла. Тогда вслух зачитали показания девочек. Текст звучал знакомо, вплоть до обвинений в избиении жены. Несколько родственников – а почти все, кто свидетельствовал против Уилларда, были членами его семьи – вспомнили о палках, которые он ломал, колотя супругу. Он бросил ее

умирать под лестницей, она уже не чаяла прийти в себя после побоев. В течение всего слушания по залу летали духи, группируясь вокруг Уилларда. Верит ли он, что девочки подверглись воздействию колдовства? «Да, я правда в это верю», – сказал Уиллард и стал следующим, кто опасно запнулся – целых пять раз, – произнося «Отче наш».

Очень тихо на той неделе умерла в тюрьме Сара Осборн, хрупкая деревенская женщина, боявшаяся жестоких индейцев, еще в феврале вытащенная больной из своей постели и с тех пор почти не упоминавшаяся. Нужно было обладать более сильным духом, чтобы выжить, проведя девять невероятно холодных недель и два дня в сырой зловонной клетушке, с плохим питанием и в тяжелых оковах. 10 мая бостонский тюремщик увозил тело Осборн по Корт-стрит, и никто бы не стал спорить с названием, которое этому местечку дали в 1686 году: «преддверье преисподней» [84]. Тогда эту смерть не связали с делом о ведьмах. Хотя именно ее, а не юного Уилкинса следует признать первой жертвой колдовства.

6. Преддверье преисподней

Существование ада моим слабым умишком постичь гораздо проще, нежели существование рая. Без сомнений, это потому, что ад кажется более земным [1].

Фланнери О'Коннор

В идеологически сложный момент у группы детей начинают проявляться признаки некоего расстройства, которое полностью выбивает землю у них из-под ног. Растерянные семьи лихорадочно пытаются выяснить диагноз. Тем временем симптомы под наблюдением усугубляются, и болезнь распространяется по округе. Группа экспертов – в данном случае пасторов – подключается к расследованию, самой популярной становится самая непроверяемая версия, голословные обвинения сыплются со всех сторон, и вот уже семьдесят человек оказываются запертыми в непрветриваемых тюремных камерах, их обвиняют в преступлениях, которые они даже не вполне могут себе вообразить. Такое случается, и не только в XVII столетии. Чего точно нельзя было ждать от 1692 года, так это какого-либо решения проблемы [2]. Хэторн мог вести следствие и помещать под стражу подозреваемых. Но ни он, ни любой другой из массачусетских магистратов не мог перейти к следующим шагам – слушаниям большой коллегии присяжных и формальным обвинительным заключениям, – пока действующий губернатор не разрешит судебные разбирательства по салемским делам. Умеренный либерал восьмидесяти девяти лет, временно занимавший эту должность, похоже, решил потянуть время. Шестнадцать лет назад он отменил смертный приговор одной обвиненной ведьме из Ньюбери (той самой женщине, с которой Джон Хейл говорил после помилования). Колония балансировала между правительствами – или, точнее, «между правительством и его отсутствием» [3]. Она ждала хартию, которая, все знали, уже была на пути к ним. Она ждала нового губернатора. Все замерло в этом режиме ожидания. «Салем – одна из немногих драм в истории человечества с завязкой, кульминацией и

развязкой», – отметил Артур Миллер в 1953 году [4]. Сейчас как раз разворачивался второй акт, когда паника набирала силу, а тюрьмы округа Эссекс лопались от гремящих цепями колдунов и колдуний.

Избавление – или, по крайней мере, некая судебная помощь – явилось на заре 14 мая в неожиданном виде здорового мужика, бывшего пастуха из Мэна^[62]. Сэр Уильям Фипс, новый массачусетский губернатор, проплыл мимо россыпи островов и высадился в чудесной гавани Бостона вечером в ту субботу [5]. Еще не сойдя на берег, он ощутил горьковатый запах новоанглийской хвои. Город, построенный на склонах трех холмов – с красивыми церквями, широкими пристанями, двухэтажной ратушей и рынком, где в изобилии располагались хорошие магазины и ряды торговцев всякой всячиной, – почти со всех сторон окружала вода. При этом Бостон был достаточно компактен, чтобы легко пройти его из конца в конец, если у вас, например, потерялась корова. Кирпичные здания с двускатными крышами уже вырастали среди тесного лабиринта деревянных домиков. Однако вы по-прежнему скорее могли встретить кабана, чем экипаж на его узеньких улочках. Вся временная администрация собралась на набережной встречать Фипса: приветственные крики толпы желающих засвидетельствовать ему свое почтение отскакивали от мощеных дорог, им вторили радостные пушечные выстрелы. Вместе с новым губернатором прибыл Инкриз Мэзер и переосмысленная хартия колонии. Этой троице предстояло спасти Массачусетс, «потрясенный и разбитый край» [6], от последовавшей после свержения Андроса анархии, от «тысячи недоразумений и затруднений» [7], которые донимали ее народ.

Крепкий мужчина сорока одного года, проследовавший в ратушу в компании нескольких сотен ополченцев с флагами – кто с мушкетами и пиками, кто в нагрудниках или тяжелых кожаных камзолах, – казался не очень подходящим для этой задачи [8]. Дородный сын кузнеца с приятным лицом, Фипс провел ранние годы в дальних пределах провинции Мэн. В двадцать два года он переехал в Бостон и сделался корабельным плотником. Неотесанный и сверх всякой меры амбициозный, он не стал довольствоваться одним лишь статусом одного из первых «людей, которые сами себя сделали», в американской истории. В то время, когда Сэмюэл Пэррис открывал по соседству свой магазин, Фипс решил испытать удачу и отправился в Вест-Индию на

поиск затонувших сокровищ. Результатом первой экспедиции стали лишь два мятежа, первый из которых он подавил фактически голыми руками. Третья же принесла немало золота, серебра и драгоценных камней, найденных у берегов Гаити. Путешествие финансировали британские толстосумы, и Фипс привез в Лондон тридцать тонн серебра. Кейнс, писавший столетия спустя, называл это предприятие «одним из удивительнейших свидетельств невероятного успеха». Добыча Фипса изменила финансовое будущее Англии, спровоцировав бум на рынке акций и став фундаментом для Банка Англии. Во времена, когда пятьсот фунтов стерлингов считались целым небольшим состоянием, одна только доля Фипса составила одиннадцать тысяч^[63].

Этот подвиг принес ему награды и посвящение в рыцари, однако не добавил ни капли лоска его манерам. Фипса можно сравнивать с Ясоном, добывшим золотое руно, как и сделал один священник перед выпускниками Гарварда в 1688 году, но он оставался жителем приграничья, грубым пройдохой, который действует с помощью мускулов и зычного голоса, драматично перегибает палку, энергично проламывает головы и получает выговоры от всех подряд – в том числе от престарелого временного губернатора, которого приехал сменить. Лет десять назад констебли пытались разогнать его людей, буянивших поздно ночью в одном бостонском баре. Фипс за них вступился. Когда констебли пригрозили, что доложат о происшествии властям, он прорычал, что «плевал на чертова губернатора, у него-то всяко побольше власти», хотя обычно так открыто своего превосходства не демонстрировал [9]. Когда его привели в зал суда, он швырнул свои бумаги в судей (на том процессе, где Фипса приговорили к штрафу, присутствовал Стаутон, которому теперь предстояло стать его заместителем на посту губернатора). Изрыгаемые бывшим пастухом проклятья и ругательства произвели впечатление даже на бывалых моряков. Фортуне оказалось не под силу сдержать в узде его аппетит к взяткам и шантажу.

Потребовалось немало трудов, чтобы превратить агрессивного искателя приключений в ангела, но выдающийся новоанглийский мифотворец справился с задачей. Позже прибытие Фипса в Бостон в этот критический момент было описано как «чудесное падение с небесной колесницы» [10]. Хотя его современники поперхнулись бы,

услышав подобное кощунство, еще больше вопросов вызывала своевременность этого прибытия. «Мы со дня на день с нетерпением ждем сэра Уильяма Фипса», – писал Сэмюэл Сьюэлл почти четыре месяца назад, когда у девочек в доме Пэррисов начались первые приступы. Новый губернатор же отправился в плавание только через несколько недель^[64]. Хартии, которую он вез с собой, было уже полгода – полгода, которые низвели Массачусетс до состояния «бедствующей, ослабленной, разрушенной местности» [11].

Несмотря на всю свою неутомимость, Фипс, можно сказать, имел привычку опаздывать. Научившись читать и писать лишь в двадцать два года, он не чувствовал себя уверенно ни в одном из этих занятий^[65]. Скорее всего, он не мог отличить голландский текст от английского, а может, и (но это не точно) был не в состоянии прочесть приказ о собственном назначении в декабре 1691 года. Там говорилось, что отныне он исключительным королевским правом назначается губернатором. По старой хартии эта должность была выборной. В марте 1689 года Фипс спешил из Лондона в Бостон с новостью о Славной революции в Англии, в ходе которой Вильгельм III сверг Якоба II – король-протестант сменил на троне короля-католика. На корабле Фипс бахвалился, что лично сместит Андроса, ненавистного королевского губернатора. Приехав же, он обнаружил, что опоздал с этим на полтора месяца. Год спустя Фипс принимал в северной церкви крещение от Коттона Мэзера, обеспечивая себе таким образом политическое будущее. В этом случае задержка с ритуалом не вызвала ни у кого вопросов [12]. Просто раньше, объяснил Мэзер, в Мэне не было пастора, имевшего право провести обряд.

В 1690 году Фипс возглавил объединенную операцию – морских и сухопутных сил – против Квебека, столицы французской Канады. Слухи о союзе индейцев-вабанаки с французами терзали Новую Англию и продолжают это делать впредь: шептались, что враг намерен уничтожить колонию до последнего поселка. Фипс уже побеждал французов в Новой Шотландии, правда, этот успех был несколько омрачен мародерством его солдат. Экспедиция 1690 года планировалась второпях и несколько раз откладывалась – в итоге французы встретили его войско мощным огнем. Он пожертвовал сотнями жизней в этой жутко дорогой кампании, которую в Лондоне называли «позорным и трусливым поражением» [14]. Так что Фипс

сыграл роль и в финансовой истории Северной Америки: не имея средств, чтобы заплатить солдатам и матросам или объявить призыв, колония выпустила бумажные деньги. В результате началась сокрушительная инфляция. Экономика лежала в руинах, торговля замерла, ожидалось ответное нападение французов, повсюду фактически царил анархия. «Несчастливые люди, – писал один приезжий о Бостоне, – готовы сожрать друг друга» [15]. Ничто из этого не помешало Фипсу поплыть в Лондон и просить Вильгельма III финансировать его попытку изгнать французов из Северной Америки раз и навсегда. Торговля мехами и рыбная промышленность Мэна были под угрозой (Англия тоже очень пожалеет, считали поселенцы, если французы наложат свою лапу на массачусетские верфи). Именно в той поездке Фипс и Инкриз Мэзер объединились, чтобы вместе вести переговоры о новой хартии.

В какой-то момент этим весенним субботним днем, пока Фипс возвращался из бостонской верфи, на небе вдруг словно погас свет. Город погрузился в тишину. С балкона ратуши новый губернатор произносил речь: Господь послал его спасти эту страну, где все давешние законы и свободы скоро обретут – и вдруг он остановился. Стало темно. Нет, он не посягнет на священный день Господень. Овации и крики поддержки подождут до понедельника. При свете факелов ополченцы сопроводили его в особняк из красного кирпича на углу сегодняшних улиц Салем и Чартер, в прекрасно оборудованный дом с фантастическим видом на гавань. Люди продолжали толпиться за углом у дома Инкриза Мэзера, которому Фипс был обязан своим назначением. В понедельник утром власти снова собрались в ратуше и погрузились в шестичасовые дебаты, следует ли возобновить речь Фипса с того, на чем она прервалась, или же ему стоит начать заново. Политика и религия все время друг об друга спотыкались. В той церемонии был приведен к присяге и шестидесятилетний Уильям Стаутон, ветеран с двадцатилетним опытом государственной службы при четырех режимах. Он стал заместителем губернатора.

Хартия, опубликованная двумя днями позже, не оправдала возлагавшихся на нее в колонии – становившейся отныне провинцией – надежд. Колонистам предстояло заплатить за самоуправство: корона расширляла границы Массачусетса, но урезала его привилегии. Новая хартия уничтожала политический фундамент первых десятилетий,

вводя религиозную терпимость ко всем (кроме католиков). Любой мужчина с достаточным доходом мог голосовать, невзирая на членство в церкви. Колонисты потеряли право выбирать своего губернатора – назначение Фипса было компромиссом, которого добился в Лондоне Инкриз Мэзер. Наверняка провинция закрывает глаза на то, что это решение навязывает ей корона, коль скоро в губернаторское кресло садится пуританин из Новой Англии, резонно аргументировал Мэзер, знавший, что король предпочитает ставить у руля в Массачусетсе военных. В то же время многочисленным советникам монарха нужен был в новых землях тот, кто лоббировал бы их экономические интересы. В итоге Фипс устроил все стороны, в том числе и потому, что не принадлежал ни к одной из них. Кроме того, у него вообще не имелось политического опыта. Он заменил, по словам Мэзеров, «группку людей, у которых не было иной цели, кроме как обогатиться на руинах процветавшей недавно плантации» [16]. Провинция могла отныне рассчитывать на более серьезную оборону: вакуум во власти оказался более травматичным, чем королевское вторжение, чем «иноземный демон» Андрос [17]. А самое главное, хартия положила конец трем годам гнетущей неопределенности.

Инкриз Мэзер был готов агрессивно продвигать документ в массы; он знал, что подтасовывает факты и обещает с три короба^[66]. Его соотечественники могли поинтересоваться, почему он не добился большего. Так вот, настоящее чудо, заявил священник, что ему удалось многое отстоять. Да, автономия осталась в прошлом. Но губернатор и его заместитель – свои люди. После навязанного короной англиканского аристократа Массачусетс получил в руководители своего уроженца, крещенного Мэзером. Да, у нового документа есть недостатки. Но разве полбуханки хлеба не лучше, чем ничего? – вопрошал пастор в своей весенней проповеди. Права собственности подтверждены, религиозные права гарантированы, политические свободы и регулярные собрания восстановлены. Губернатор теперь не может самолично принимать законы или в одностороннем порядке поднимать налоги, как делал это Андрос, при котором суды были фикцией и изымались огромные деньги, у которого было больше власти над жителями Новой Англии, чем у короля над англичанами. Моля и стыдя, Инкриз Мэзер призывал соотечественников радоваться своей доле, быть признательными и смиренными детьми, слушаться

своих суверенов. Последнее, что нужно сейчас Массачусетсу, – это «поколение неблагодарных бормотунов» [18]. Переметнувшийся на сторону победителей Коттон Мэзер рекламировал достоинства хартии прихожанам второй церкви, крупнейшей в Бостоне. Не так давно он уже напоминал своей полуторатысячной пастве, что Господь пощадил их три года назад. Он спас салемицев от тех, кто объявил их «народом, годным лишь на то, чтобы стереть его с лица земли» [19]. Пастор тогда имел в виду скорее англичан, а не индейцев.

Сквозь пропаганду прорывался рык недовольства. Люди ослушались Бога, как заключил Коттон Мэзер в проповеди на День благодарения за благополучное возвращение его отца, и вели себя как «грифы и гарпии» [20]. Тем, кто проявлял «неослабное внимание» к соотечественникам, не следовало платить бесчестьем. К этим безгрешным страдальцам он причислил пасторов, магистратов и гражданских лидеров всех мастей, которые работают не покладая рук, повсюду сталкиваясь с неблагодарностью людей, о которых заботятся. Каждый из слуг народа «должен носить с собой по два носовых платка: одним стирать с лица трудовой пот, другим – плевки презрения». Он напоминал слушателям об их везении и обширных привилегиях. Они должны избегать раздоров, образующих опасные «бреши в ограде, которую Бог выстраивает вокруг нас», позволяя проникать сквозь них дьяволам, примеров чему с недавних пор было не счесть.

Образовалось два противоборствующих лагеря: те, кто не был согласен ни на что, кроме возврата к прошлой хартии (в основном ортодоксы), и те, кто предпочитал неэффективному новоанглийскому режиму восстановление доминиона (преимущественно торговцы). Многие считали, что колонию обделили и нечто было утеряно безвозвратно – вечный плач консерваторов. Междувластие взяло свое: не все торопились бросаться в объятия новой администрации^[67]. Выдающиеся граждане, поддерживавшие хартию, сердились на Фипса, который частенько не ладил с законом в своей доангельской инкарнации. В городе с населением восемь тысяч человек слышалось ворчание – к восторгу оставшихся там сторонников Андроса. Инкриз Мэзер не докладывал об этих разочаровывающих обстоятельствах в Лондон, вместо этого отправив туда 23 июня сообщение, что «народ очень доволен новой хартией» [22]. Фипс со своей стороны приобрел

достаточное количество проблем, причем не только с недовольными поселенцами, но и с индейцами, терзавшими границу, – опустошительный набег, описанный Берроузом, имел место чуть больше трех месяцев назад, – и с французскими корсарами, терзавшими побережье. Восстановление порядка, отчаянная нехватка матросов, стратегия противостояния французам и индейцам – вот что было его насущной головной болью, а еще пустая казна Массачусетса. Правительство обратилось за кредитом к безотказному Сэмюэлу Сьюэллу, который выручил Берроуза несколько лет назад.

Фипс, покинувший Лондон в тот самый день, когда бостонские тюремщики защелкнули кандалы на первых трех подозреваемых, никак не ожидал столкнуться здесь еще и с нападением сверхъестественных сил. Невозможно сказать, как он отреагировал на эту неожиданную засаду, которая больше походила на очередной раздражитель, чем на срочное дело государственной важности. Охота на ведьм не сулила ничего похожего на славу добытчика затонувших сокровищ или индейских скальпов. Покорение Канады, богатой мехом, рыбой и ценными металлами, оставалось у него в приоритете. Он не был склонен к размышлениям и написанию писем, а сюжетные повороты его карьеры по большей части ловко завуалированы фантазиями Мэзера. Фипс сосредоточился на реорганизации правительства. Ему предстояло произвести множество назначений, от шерифов до судей, и большое количество людей ждали с ним встреч. Он упомянет о салемском «запутанном деле» своим британским начальникам только в середине октября, когда и он сам, и Мэзеры будут вынуждены переосмыслить бешеный натиск невидимого мира. По приезду, отмечал Фипс пять месяцев спустя, «я обнаружил, что провинция страшно измучена чудовищным колдовством или одержимостью дьяволами, которая разразилась в нескольких городах. Несчастные люди подвергались сверхъестественным пыткам: кого жгли серой, в кого втыкали булавки, кого-то бросали в огонь и в воду, кого-то вытаскивали из дома и много миль носили по воздуху над деревьями и холмами»^[68] [23]. Фипс опирался исключительно на слухи. Ни он, ни Мэзер лично не наблюдали подобных феноменов.

Хотя новый губернатор упомянул одержимость Сатаной в октябре, об этом тем временем говорили редко^[69]. Коттон Мэзер предпочитал пугать Фипса параллелями с бедой, ранее обрушившейся на Швецию

[24]. Во время того нападения «адская команда» по меньшей мере из семидесяти ведьм гонялась в компании котов и птиц по центральной Швеции за тремя сотнями детей от четырех до шестнадцати лет, используя самые разные средства передвижения. Они собрались на зеленом лугу, где перед ними предстал сам Сатана, и кровью написали свои имена в его книге. Шведские ведьмы грозили убийствами судьям и пытали священников, один из которых никак не мог понять, откуда взялась непроходящая головная боль. Мэзер отмечал, что люди, выявлявшие шведских злодеек, так хорошо выполняли свои обязанности, что сразу же награждались «особенной улыбкой Бога», о чем не упоминается ни в едином источнике [25]. (Он, однако, не сказал, что те семьдесят были приговорены к смерти, а признались из них только двадцать три человека. И что сотни шведских детей позже покаялись во вранье. Он должен был заметить: то, что началось с банальных проклятий, очень скоро расцвело в сатанинский культ. В Швеции группка детей тоже целила в множество семей, причем очень часто – в собственные.)

Именно от шведского колдовского кризиса пустил корни головокружительный инцидент в воздухе – почти как у Энн Фостер. И именно на той неделе, когда Фипс вернулся в Америку, Марта Кэрриер и Энн Фостер упали с высоты, когда летели на тот легендарный луг Пэрриса, и Фостер подвернула ногу. Примерно в это же время Кэрриер толкнула на собрании двенадцатилетнюю соседскую девочку [27]. Ребенок потом слышал бесплотный голос этой женщины в роще: Кэрриер угрожала ее отравить. Ордер на арест Марты Кэрриер, первой осужденной из Андовера, вышел 28 мая. Через три дня по иронии судьбы она предстала перед Хэторном по обвинению в колдовстве в отношении Абигейл Уильямс и Энн Патнэм – младшей, которых раньше в глаза не видела.

Хэторн и Корвин отложили слушания в середине мая по случаю приезда Фипса. Тут как раз подоспел и шквал новых обвинений. Началась облава на обширную семью Джорджа Джейкобса, старого шутника, который предлагал суду сжечь его или повесить, если будет доказана его вина, но при этом носил ниже правого плеча красноречивый ведьмин знак [28]. Когда салецкий констебль арестовывал невестку Джейкобса, полубезумную женщину с

младенцем на руках, трое ее старших детей в слезах бежали за матерью, пока она не скрылась из виду. Милосердные соседи взяли сироток к себе. Их дядя, также живший неподалеку, этого сделать не мог: он тоже был обвинен и бежал вместе с сыном старого Джейкобса. Женщинам такого рода побег было совершать сложнее. Одаренная и душевная семнадцатилетняя внучка Джорджа Джейкобса оказалась в тюрьме.

Судебная нагрузка Хэторна и Корвина была титанической: 18 мая девять человек признались в девятнадцати эпизодах колдовства [29]. В ту среду Мэри Эсти, младшую сестру Ребекки Нёрс, выпустили из тюрьмы, где она провела минувшие три недели. Она не фигурировала ни в одном из последних показаний (в делах о преступлениях, наказуемых смертной казнью, не могло быть поручительств). Ее муж, бондарь из Топсфилда, успел поработать на всех гражданских должностях, от члена городского управления и сборщика налогов до дорожного инспектора и члена большой коллегии присяжных. Он знал, как работает система. Он бился, чтобы убедить суд в ошибочности прежнего свидетельского показания, и ему не так сложно было поверить, зная его кроткую жену. Один свидетель бурно возражал. Через два дня после освобождения Эсти горничная Мерси Льюис оказалась при смерти [30]. Ее хозяйка позвала Энн Патнэм – младшую, которая приехала вместе с племянницей Пэрриса (похоже, девочки всю весну вообще не разлучались). У постели Мерси они описали одно из своих типичных видений: Эсти с подручными зверски душат их подругу. Все потому, объяснили они, что Мерси, которая теперь еле дышала, отказывалась снять с Эсти подозрения. К раннему вечеру 20 мая насквозь просвечивающая Мэри Эсти предупредила девушку, что она не переживет этой полуночи. Под только что народившимся месяцем маршал помчался в Топсфилд, где заново арестовал пятидесятивосьмилетнюю мать семерых детей. Когда ее заковали в цепи в бостонской тюрьме, Мерси Льюис полностью выздоровела.

В те же дни Сюзанна Шелден, дважды беженка из Мэна, рассказала, что, когда городской торговец Филип Инглиш, который уже несколько недель избегал ареста, пришел к ней с книжкой и ножом, он угрожал убить нового губернатора, «злейшего своего врага» [31]. Шелден не единственная увидела связь между двумя заговорами. Коттон Мэзер сделает то же самое. Дьявол, предупреждал священник,

стремился «потопить счастливый правительственный корабль, которым Господь всемогущий милосердно надоумил Их Величества одарить нас» [32]. Оба тайных сговора легко выстраивались в линию: пять человек, которым предстоит стать судьями на процессе о колдовстве, объединяются и выгоняют Андроса, этот мятеж частично готовится дома у Мэзера. Хэторн снимает письменные показания по этому делу, Сьюэлл отвечает критикам. Оправдания звучат знакомо: одетые в красные камзолы поклонники короны, вторгшиеся в Новую Англию, варварски обращаются с ее жителями. Их лидер вламывается в колониальные молельни. Он сотрудничает с французами. Он подкупает индейцев – один из них клялся, что Андрос дал ему книгу с изображением Девы Марии; мол, всех, у кого такой не было, надлежало убить. Андрос собирался принести поселенцев в жертву их «врагам-язычникам», для чего вызывает еще больше красных камзолов. Он готовится уничтожить все поселения в Новой Англии, начиная с Бостона.

На заре 23 мая Натаниэль Кэри, обеспеченный капитан дальнего плавания средних лет из Чарлстауна, приплыл с женой в деревню Салем [33]. В последние дни до них доходили тревожные сообщения о том, что Элизабет Кэри, которой было чуть за сорок, обвиняется в колдовстве. По совету друзей они прибыли в Салем, где могли довольно легко решить проблему: пораженные не опознали Элизабет, так как никогда ее раньше не видели. Судьи впахнули огромное количество слушаний в расписание того понедельника. Пообщавшись с ними, Кэри организовал себе отличное место в молельном зале и оттуда зачарованно наблюдал, как официальные лица вводят заключенных, останавливают их в паре метров от скамьи и приказывают смотреть на Хэторна и Корвина. Маршалы оставались рядом с обвиняемыми, подняв и зафиксировав их руки, чтобы не давать колдунам и колдуньям прибегать к чарам. Едва ли это имело какой-то смысл. Абигейл, маленькая племянница Пэрриса, вместе с тремя девочками постарше стояла между судьями и подозреваемыми. Если взгляды арестантов обращались в сторону пораженных, последние начинали голосить. Когда они затихали, судьи провозглашали, что их лишили дара речи. Кэри пытался уловить разницу между «молчать» и «оцепенеть» и не мог. Пэррис объяснил, что рты девочек запечатаны сверхъестественными силами. «Кто из вас

подойдет и дотронется до заключенного у барьера?» – спросил Хэторн. Самая смелая повалилась на пол, не сделав и трех шагов. Хэторн приказал ей двигаться вперед и провозгласил, что она исцелится после проведения «испытания касанием» [34]. «Я видел, что судьи хорошо понимают, как это работает», – сухо заметил Кэри. Сам он не обнаруживал никаких изменений в поведении девочек. Они свободно ходили по залу, несколько раз подходили к его жене, чтобы узнать ее имя. Импровизированный зал суда был весьма беспокойным местом. По ходу процесса Кэри обсудил свое затруднительное положение с Джоном Хейлом, которого знал много лет. Пастор из Беверли порекомендовал ему лично поговорить с обвинительницей Элизабет – он, мол, это организует. Кэри командовал кораблями; он кое-что знал о том, как донести до кого-то свою точку зрения. Он доверился Хейлу.

Обвинительницей Элизабет оказалась Абигейл Уильямс. Однако Пэррис не разрешил им разговаривать в своем доме, как обещал Хейл: его племянница встретится с четой Кэри только в таверне Ингерсола. Кэри пришли в шумное заведение, которое обслуживал Джон Индеец. Дни суда стали для пивной настоящим благословением: поглазеть на свершение правосудия стекались толпы любопытствующих, а судебные исполнители получали щедрые скидки на спиртное. Джон представился одним из околдованных. За чашу сидра он поведал супругам свою историю и показал свои раны. На одном из предыдущих слушаний исполнители связали веревкой руки подозреваемого в колдовстве. Тут же магически соединились и руки Джона, а веревка впилась в плоть. Он ни в коем случае не связывал свою напасть с Титубой, признавшей себя ведьмой, которая уже почти три месяца сидела в тюрьме, как он рассказал супругам Кэри. В середине беседы в таверну ввалилась компания девочек, которые «рухнули на пол, как свиньи», отметил Кэри. Похожие на трупку слабоумных акробатов, они не разлучались с перерыва в судебном заседании. Кто-то позвал нескольких женщин, чтобы их унять. Время застыло, все робко ждали, что провозгласят юные особы. Придя в себя, они закричали в один голос: их мучила Элизабет Кэри! Моментально из соседней комнаты, где заседали судьи, вышел маршал. В руках у него был ордер на арест. При попустительстве ли преподобного Хейла или без оно, но супруги Кэри угодили в ловушку.

Приехав в Салем, чтобы вернуть свое честное имя, Элизабет Кэри оказалась под допросом. Хэторн и Корвин, судя по всему, не отступили от привычного им порядка: они велели матроне из Чарлстауна встать, широко развести руки и отвернуть голову, чтобы не мучить девочек. Две из них ее обвинили. Она сказала, что ни разу в жизни их не видела. Ее муж спросил, может ли он хотя бы подержать руку своей жены. Хэторн отказал. Элизабет начала плакать. Может ли муж вытереть слезы на ее глазах и пот на ее лице? Это Хэторн позволил. В помещении было душно, Элизабет почувствовала, что сейчас упадет в обморок. Можно ей опереться на мужа? Хэторн рявкнул, что «раз у нее хватило сил истязать этих людей, то хватит сил и постоять». Капитан корабля возмутился такой жестокости, Хэторн велел ему либо молчать, либо покинуть здание. А далее появился не кто иной, как спотыкающийся Джон Индеец, всего пару часов назад попивавший сидр с Элизабет Кэри, тогда еще совершенно невосприимчивый к ее нечеловеческим способностям.

Хэторн обратился к околдованным. Кто напустил чары на Джона? Девочки сразу увидели склонившуюся над ним Элизабет Кэри. Хэторн снова прибег к испытанию касанием, которое теперь применяли повсеместно. Если вдруг этот тест не давал результата, судья требовал, чтобы подозреваемая нажимала сильнее, и еще сильнее, пока результат не появится. Нередко подозреваемой завязывали глаза. Прикосновение ведьмы, как считалось, позволяло ядовитым частицам, которые она выпускала из глаз, вернуться в ее тело; завязанные глаза позволяли этому произойти, не причинив вреда пораженному. К ужасу некоторых подозреваемых, Нойес тоже подхватил эту практику. Итак, Хэторн приказывает Элизабет дотронуться до Джона, но ни в коем случае на него не смотреть, судебные исполнители осторожно направляют ее руку. Джон с силой дергает эту руку, оба падают. Увидев свою жену неуклюже распростертой на полу рядом с рабом-индейцем, Кэри, шокированный, закричал: он надеется, что Господь отомстит бессердечным судьям! Ничего больше капитан произнести не успел – огласили постановление о заключении Элизабет под стражу. Ему с большим трудом удалось вытребовать для нее комнату на эту ночь. Ночь, которая была бы бессонной, даже имейся там кровать. Кровати там не имелось.

Вместе с Мэри Эсти и шестью другими женщинами Элизабет Кэри отправилась на следующий день в бостонскую тюрьму. Это была уже вторая доставка туда ведьм после возвращения Фипса. Он запомнит, что в тот понедельник распорядился заковать в цепи всех подозреваемых, но, исходя из записей тюремщицы – очень скрупулезных, ведь все расходы по содержанию обвиняемой, от соломы и одеял до цепей, ложились на нее саму, – руки и ноги заключенных уже и так были скованы. Пуританское наказание призвано было быть публичным, исправляющим и скорым; ему требовались зрители. Преступника приговаривали «сидеть в колодках на всеобщем обозрении целый час в следующий день наставлений, если позволит погода» – не для его удобства, а для удобства зрителей [35]. Вся община должна страдать из-за деяний злодея, а искупление его греха крайне необходимо для душевного спокойствия каждого ее члена.

Бостонская тюрьма в мае была переполнена: там держали большинство обвиняемых в колдовстве. Это каменное здание громко заявляло о себе уже издали – вокруг стояла густая вонь от разлагающихся отходов и гниющих ран [36]. Вместе с заключенными страдали и соседи. Посетители не ожидали подолгу. В жуткой тесноте арестанты пугали друг друга и прохожих. На незастекленных окнах стояли железные решетки, сквозь которые человек мог протянуть руку, чтобы взять передачу или дотронуться до руки близкого. А мог получить плевков и издевательств, и некоторые приходили сюда именно с этой целью. Когда одна семнадцатилетняя служанка в мае пришла в тюрьму по какому-то поручению, салеменная попрошайка Сара Гуд узнала ее и попросила табаку. Тело арестованной едва прикрывали остатки полуистлевшей одежды. Девушка швырнула ей в лицо пригоршню древесных опилок: «Вот достойный тебя табак!» Гуд ее прокляла, и эффект был таким же, как пятью месяцами ранее у детей Пэрриса: подросток еще несколько недель бредил и падал в обморок.

В тюрьмах было невыносимо холодно, особенно в середине зимы, и власти иногда не могли придумать адекватную причину для содержания там узников. В 1678 году они отправили стучащего зубами заключенного (осужденного за нападение на констебля) домой. В декабре 1685 года отец Хэторна отослал одного конокрада на Барбадос

слугой, уверенный, что если тот останется в тюрьме, то замерзнет насмерть еще до суда. Ветер насквозь продувал ветхое строение, влажность от близости океана проникала всюду. И хотя зима в 1692 году была еще холоднее предыдущих, никто не отправлял ведьм на Барбадос. Милосердие было в большом дефиците. (Вспыльчивый бостонский тюремщик, как говорили, внешне напоминал человека, но демонстрировал «свирепость и грубость тигра» [37]. Он дважды укреплял свое учреждение бревнами и дополнительными замками.) По закону заключенному полагались льняное волокно или пенька для сна и хлеб с водой для еды. Никто не рассчитывал, что какая-нибудь Титуба или Сара Гуд проведут за решеткой месяцы в условиях, которые превращали зловонный, зараженный вшами загон – совершенно точно не предназначенный для длительного пребывания – в «могилу для живых». В самом продвинутом из подобных заведений Новой Англии свергнутый Андрос и его генеральный прокурор могли в 1689 году ожидать, что во время дождя в камере будет как минимум пятнадцать сантиметров воды. Почти все время в темноте, все время голодные, подозреваемые ведьмы поставили печальный рекорд. Тратя немало денег, некоторые родственники – включая топсфилдского констебля – регулярно совершали поездки длиной в целый день, чтобы снабжать заключенных родственников едой, питьем и свежим постельным бельем. Дочери одной осужденной женщины из Ипсвича дважды в неделю привозили к ней своего слепого отца.

Салемская тюрьма была ненамного лучше. В помещении площадью тридцать семь квадратных метров имелось неосвещаемое подземелье, где Джордж Берроуз провел весну и лето. Наверняка он чувствовал себя «погребенным заживо», как и один чиновник из администрации Андроса в более просторной камере. В прошлом тюрьму называли «зловонным местом, воздухом которого не должен дышать христианин» [38]. Пасторский сын, вынужденный гнить там какое-то время, думал, что умрет от холода, будучи и так «почти отравленным вонью собственного дерьма и всего окружающего». Ни один человек, утверждал он, не может вынести «этого чумного смрада». За два с лишним морозных месяца он не сделал ни глотка свежего воздуха. Уильям Дантон, городской плотник, возглавлял салемское пенитенциарное учреждение [39]. Похоже, он исполнял все неприятные гражданские обязанности: ловил мальчишек, пытавшихся

пораньше сбежать с собраний в молельне, вызывался быть понятым, собирал налоги. Дантон жил с семьей в здании на Вашингтон-стрит, где его жена продавала заключенным напитки. Охрану значительно усилили после того случая год назад, когда она нечаянно помогла заключенным бежать, уйдя за пивом (побеги до сих пор совершались, но далеко ли убежишь с четырехкилограммовыми кандалами на ногах?). Именно шестидесятичетырехлетнему Дантону выпала малоприятная задача – искать на телах ведьм и колдунов характерные отметины и ковырять булавкой пятна на коже. Невозмутимый Джордж Джейкобс ничего не почувствовал – еще одно доказательство вины.

Натаниэль Кэри сумел уберечь жену от бостонского заточения. Богатые пользовались особыми привилегиями – не только из-за того, что персонал в тюрьмах был по-особому падок на взятки: бостонский тюремщик лишь подтверждал мнение, что такие люди могут больше получить с вверенной им территории, чем с сотни лучших английских пашен. Когда Филипа Инглиша в конце концов взяли под стражу, он заплатил четыре тысячи фунтов, чтобы жить не в тюрьме, а в доме тюремщика. Элизабет Кэри утром 24 мая перевезли через реку в кембриджскую тюрьму, поближе к дому. Ее муж сомневался, что она переживет следующий день, когда в провинции начался пост, призванный дать отпор Сатане. Тяжелые кандалы на ногах женщины привели к конвульсиям. Много раз Кэри требовал их снять. Много раз ему сообщали, что она должна оставаться в кандалах, даже если это опасно для ее жизни, – его жена представляет страшную угрозу общественной безопасности.

К концу мая в тюрьмах сидело минимум шестьдесят подозреваемых, больше, чем когда-либо до того в Массачусетсе. Те, кто замерзал зимой, начали изнемогать от весенней жары. Ситуация становилась критической и требовала принятия срочных мер, как требовали их и узники. Чуть раньше была подана петиция с требованием освобождения благочестивой Ребекки Нёрс, ее подписали тридцать девять жителей деревни. Она наверняка знала об этом от регулярно навещавшей ее семьи и от вновь прибывших заключенных, в числе которых оказалась ее повторно арестованная сестра. Поток жалоб тем временем не истощался. Через две недели после своего приезда Фипс распоряжением, в котором упоминаются душные тюрьмы, но не множество ведьм, учредил особый суд по салемским

делам [40]. Он назначил девять судей, для кворума на любой сессии хватало пяти. Большинство из них имели подобный опыт, все состояли в губернаторском совете. Это были торговцы и землевладельцы, самые видные люди Массачусетского залива. Деньги и влияние давали им право сидеть на лучших местах в церкви. Среди них не водилось склонных к насилию охотников за сокровищами. Однако бед они вскоре натворят не меньше, чем целый сонм ведьм – разрушительниц церквей.

Одно из несомненных достоинств колдовства – следование некоторым ясным и непреложным законам. Оно передавалось по наследству, в основном по материнской линии. Подпорченные репутации упрямо оставались таковыми: проступки забывались, а клеймо позора – нет. Одна шотландка предпочла быть сожженной, чем жить с титулом оправданной ведьмы [41]. Семья от нее отказалась, друзья предали. Не имея возможности брать воду из общинных колодцев, оправданная женщина из Чарлстауна вынуждена была пить из луж. Бриджет Бишоп, время от времени воровавшая, так и не смогла сбросить с себя взятое ранее имя. Для большинства обвинителей она осталась Гуди Оливер. Бостонский тюремщик, оглашая ее расходы два шиллинга и пять пенсов в неделю, называл ее «Бриджет Бишоп по кличке Оливер». Несмотря на то что у Массачусетса появился новый губернатор, статус в большой степени тоже передавался генетически. Общественные лидеры порождали общественных лидеров [42]. По крайней мере, некоторые члены городского управления в любом городе воспитывались отцами – членами городского управления; в Салеме таких было почти три четверти. Почти все судьи по делам ведьм были сыновьями торговцев или пасторов. Коттон Мэзер, Джон Хэторн, Джонатан Корвин и Уильям Стаутон пошли по стопам своих отцов. Ослушаться выдающегося, хорошо образованного родителя было так же трудно, как того, кто тридцать лет назад предсказал, что свинья околеет еще до рассвета, и, к несчастью для себя, оказался прав.

Создав первый в Америке суд *Oyer and Terminer* (с французского, буквально – «заслушивать и решать»), Фипс собрал «людей самых благоразумных и честных, каких только можно найти» [43]. Никто из этих людей не имел юридического образования. У двоих был пасторский опыт. Трое окончили Гарвард. По крайней мере пятеро

были торговцами, а один – непрофессиональным медиком. Большинство занимали множество самых разных гражданских должностей. Предприимчивый Бартоломью Гедни, в свое время навещавший девочек в пасторате и посетивший ряд предварительных слушаний, владел салемскими верфями и несколькими лесопилками в Мэне. Будучи жителями города Салем, Хэторн и Гедни убедили суд в неразрывной связи – и полном созвучии – со слушаниями прошлых четырех месяцев. Они сидели друг подле друга в первом ряду первой салемской церкви, откуда вместе внимали наставлениям Хиггинсона и Нойеса. Они присутствовали на рукоположении Пэрриса; они принимали беспрестанный поток жалоб от жителей деревни. Стивен Сьюэлл, обладатель красивого круглого почерка, чернильницы и гусиного пера, подвизался судебным писарем. Он вел документацию и брал бумаги на ночь домой, где, вероятно, также по-прежнему жила дочка Пэрриса. Сам Пэррис теперь снова проповедовал. Возглавлять суд Фипс поставил вице-губернатора Уильяма Стаутона, который несколько недель назад ездил в Салем на слушание дела Берроуза.

За свои труды судьи получали примерно столько же, сколько именитый директор школы, или вдвое больше, чем одна выжившая в индейском набеге 1694 года получила за десять скальпов, которые привезла в Бостон. Это не особенно волновало магистратов, людей весьма состоятельных. Никто не оспаривал выбор Фипса. Он подобрал безупречных исполнителей на роли судей. Во времена, когда все менялось (даже привычный для Новой Англии лексикон: колония стала провинцией, маршалы – шерифами, двадцать восемь ассистентов – советниками), такая стабильность успокаивала. Это были лидеры Массачусетса, поездившие по миру, представлявшие его гражданскую, экономическую и военную власть, сыновья (иногда также и зятья) его первых семейств, люди с устойчивым положением и благородным именем, причем каждое из имен фигурировало в новой хартии Новой Англии. Вместе они владели тысячами гектаров земли в Новой Англии. Почти у всех имелся опыт рассмотрения дел о ведьмах, хотя, конечно, и не такого размаха, как в 1692 году.

Только что приведенных к присяге судей требовалось проинструктировать. Одна из сложностей заключалась в том, что им предстояло квалифицировать преступления как по английским, так и по массачусетским законам, которые существенно различались.

Естественно, они попросили помочь доступного им эксперта. Четыре из девяти членов суда – в том числе и шестидесятисемилетний Джон Ричардс, бостонский торговец, как раз и обратившийся за советом, – были добрыми друзьями Коттона Мэзера. Он лучше, чем кто-либо, разбирался в административных тонкостях. Он радостно поверял своему дневнику в том месяце, что не только губернатор – один из его ближайших друзей и лично им крещенный, но и «все советники провинции – ставленники моего отца; и мой тесть, и несколько родственников, и несколько собратьев из моей церкви – все среди них» [44].

Одиннадцать новых ордеров были выданы еще до того, как собрались присяжные. Истцы были лишь наполовину знакомы с большинством обвиняемых, которых называли только по фамилиям. Однако из списка подозреваемых, составленного 28 мая, одно имя резко выделялось, его знал каждый: это был Джон Олден шестидесяти шести лет [45], бостонский моряк, капитан с крутым нравом и торговец, старший сын в семье основателей Плимута. Олден, один из самых отважных солдат Массачусетса, недавно вернулся из Мэна, где участвовал в переговорах о возвращении пленных жителей Йорка. Он был членом той же церкви, что и три участника суда над ведьмами, и особенно близко общался с Сэмюэлом Сьюэллом, так как уже давно вел дела с его тестем. В общем, предприимчивый Олден, обвиненный несколькими жителями деревни, предстал 31 мая в импровизированном зале салемского суда перед своими друзьями и коллегами.

Только что назначенный королевский прокурор Томас Ньютон тоже приехал на слушание, дабы выяснить, с чем суду, назначенному для заслушания и решения, предстоит столкнуться на первом заседании, назначенном на 2 июня. Ньютону выпало устанавливать порядок разбирательств. Возможно, пару ценных советов ему дал Стивен Сьюэлл: он лучше всех ориентировался в салемских действующих лицах и сути дел. Главный судья Стаутон уже вызвал восемнадцать «честных законопослушных мужчин» на роль большой коллегии присяжных и сорок восемь мужчин – обычными присяжными [46]. Все они представляли соседние общины. Всем им предписывалось явиться в ратушу в ближайший четверг в восемь утра. Слово «колдовство» в повестках отсутствовало, однако все знали, о

чем пойдет речь. Это были ветераны судебных заседаний, отобранные из знакомой когорты местных лидеров. В их пользу говорил опыт, а не беспристрастность – они обладали бесценным знанием обо всех членах сообщества. Дел помимо колдовства им поручать не будут.

Томас Ньютон, англиканин и практикующий юрист, был в колонии человеком относительно новым и, как и бывший деревенский пастор Деодат Лоусон, светским. Опять же, как и Лоусона, его ошарашило развернувшееся перед ним действо. Вероятно, ради него Хэторн снова устроил тест обвинительницам и разрешил Олдену прийти на слушание без конвоя. Капитан вошел в деревенскую молельню с мечом на боку и занял место среди публики. Хэторн велел девочкам опознать своего мучителя. Поколебавшись, они указали на другого военного. Не обошлось, как позже заметил Олден, без некоторого мухлеза со стороны взрослых (он, кстати, оставил записи о своем слушании – такое удалось немногим). Как и до этого, темнота в молельне усложняла процесс. Олдену приказали выйти на улицу, где девочки окружили его и начали глумиться. Одна, скорее всего Энн Патнэм – младшая, высмеивала его за недостаток почтения. С его стороны было крайне дерзко не снять шляпу перед судьями!

Юные леди впитали многочисленные жалобы на Олдена, приходившие из Массачусетса и Мэна, где он проводил очень много времени: было подсчитано, что он минимум шестнадцать раз с конца 1688 года выезжал на границу. Капитан очень хорошо знал эти места. Его тесть в свое время владел в Мэне лесопилками, а сам Олден доблестно сражался в войне короля Филипа. Он торговал с вабанаки и подписал договор, который косвенно повлек за собой нападение на Йорк. Он снабжал гарнизоны в Мэне. Он предпочитал, как давно уже подозревали, продавать оружие, а не освобождать пленников, ставя собственные бизнес-интересы выше общественных. Его даже обязали ездить в приграничные регионы с ограниченным количеством боеприпасов. Конечно, Олден не считал индейцев-вабанаки лишь «медведями и волками», как было написано в его февральских инструкциях по обмену йоркских пленных. Вполне предсказуемо, что околдованные девочки обвинили храброго капитана в продаже боеприпасов врагу. Он спал, хохотали они, с индейскими женщинами! А еще их нервировал его меч – так что Олдена, к его огорчению, освободили от оружия. Маршал вывел его из помещения дожидаться

допроса, возможно, в таверну Ингерсола [47]. Являлись ли обвинения в спекуляциях правдой, нет ли, но он знатно обогатился в Мэне, среди густых туманов и кровожадных индейцев, где другие теряли свои семьи.

Несколько часов Олден провел в ожидании, пока Хэторн допрашивал Марту Кэрриер, обвиненную племянницей Пэрриса и восемнадцатилетней Сюзанной Шелден. Семья Кэрриер славилась своим буйным нравом, и Марта всячески поддерживала эту репутацию. Когда Хэторн спросил о призрачном черном человеке, с которым она общалась, по обвинению девочек, Марта издала смешок. Она не видит здесь никаких черных людей, помимо самого темноволосого магистрата в черной мантии. Она, как требовалось, смотрела ему в глаза с момента, когда зашла в зал. Хэторн потребовал, чтобы она повернулась к девочкам, но при этом не смела насыпать на них свои чары. «Они начнут притворяться, – сказала она (это слово было употреблено впервые), – если я на них посмотрю». Находящаяся в трансе Сюзанна Шелден, эксперт по насильственным смертям, спросила, как Кэрриер смогла убить тринадцать человек. Девочки дрожали, описывая мечущихся по залу призраков, жаловались на булавки в теле, которые те втыкали в них. Что, Кэрриер не видит призраков? – поинтересовался Хэторн. «Если я скажу, вы мне все равно не поверите», – фыркнула она [48]. Девочки закричали, что Марта лжет.

Еще даже не было сказано ни слова о ее полетах или завербованных. Еще ее дети не поведали, что дьявол пообещал их деспотичной матери, что «она будет царицей ада» [49]. А генеральный прокурор уже потерял дар речи от всех этих девичьих видений, булавок и конвульсий. Девочки бродили по залу, «откровенно плясь на людей» [50]. «Какой позор, что вы воспринимаете всерьез этих ненормальных», – заметила Кэрриер еще до того, как приступ у девиц достиг такой силы, что кое-кто начал опасаться за их жизнь. Хэторн приказал связать Кэрриер руки и ноги и вывести ее из помещения. Ньютон мог слышать, а мог и не слышать в этом хаосе, как Мэри Уолкотт, два месяца назад показывавшая укусы на своем запястье Деодату Лоусону, говорит судьям, будто Кэрриер хвасталась, что она уже сорок лет как ведьма. Марте Кэрриер было тридцать восемь.

Джон Олден вернулся в молельню во второй половине дня. Чтобы его было лучше видно, Хэторн велел ему встать на стул, еще одно унижение для капитана: юные девочки, похоже, весьма успешно дрессировали взрослых мужчин. Маршал связал ему руки. Однако рот Олдену было заткнуть не так просто. С какой это стати, возмущался он со своей нелепой трибуны, ему заявляться в деревню Салем и причинять боль людям, которых он вообще не знает и никогда не встречал? Бартоломью Гедни, пятидесятидвухлетний салемский торговец, начал уговаривать его признаться. Олден ответил, что не собирается радовать дьявола ложью. Он потребовал от собравшихся, чтобы ему предъявили хотя бы крошечное доказательство того, что он занимался колдовством. Хэторн объявил испытание касанием. Одна из заколдованных девочек пришла в себя, стоило Олдену дотронуться до нее пальцем. Среди удивительных вещей, которые Ньютон наблюдал в тот день, больше всего его удивило то, что последовало дальше. Со своего места в переднем ряду Гедни заявил, что знает Олдена уже много лет. Они вдвоем ходили в плавания. Они были партнерами по бизнесу. В свое время Гедни защищал своего меркантильного коллегу от обвинений в соотрудничестве с иного рода врагом. Теперь он сообщал Олдену [51], что «всегда считал его честным человеком, но тут видит причину изменить свое суждение». Он не может не принять во внимание результаты испытания касанием. Это был пик кризиса: рушились или ставились под сомнение десятилетние дружбы и привязанности. Сэмюэл Сьюэлл, член той же бостонской молитвенной группы избранных, тоже предпочел не вставать на защиту Олдена. А ведь его семья доверяла отважному капитану свои суда, на которых он бороздил океан. Да, в сознании людей действительно происходил некий тектонический сдвиг.

Олдену нечего было сказать бывшему коллеге, кроме того, что ему очень жаль. Он верит, что Господь вернет ему честное имя. А он, со своей стороны, «как Иов, доколе не умрет, не уступит непорочности своей». Он был из тех, кто, оставшись на пару минут с пленниками индейцев, возвращал их к вере, убеждая, что, в то время как их захватчики лишили их возможности молиться, они страдают во имя Христа. Итак, ему приказывают смотреть на обвинительниц. Он повинуется – девочки мигом валятся на пол. Почему же тогда, спрашивает подозреваемый, его взгляд так же пагубно не влияет,

например, на Гедни? Старый друг не удостоивает его ответом. Олден открывает горячую полемику о тяжкой участи невинных душ, но его грубо прерывает преподобный Нойес, который сам раздражается длинной речью. Что капитан судна знает о Божественном провидении? Капитан еще раз обращается к Гедни. «Уверяю тебя, – настаивает он, – в том, что они обо мне говорят, нет ни слова правды». Лишенный своего меча, со связанными руками, тем же вечером он отправляется в бостонскую тюрьму.

Это был длинный и тяжелый день. «Я наблюдал вещи настолько странные, что в них не поверит никто, кроме видевшего все своими глазами», – сообщил секретарю провинции пораженный Томас Ньютон [52]. Эти вещи полностью изменили его мнение: теперь он не сомневался, что Олден был так же виновен, как и все остальные. Он боялся, что в заговоре замешаны знатные люди. Долгий день слушаний заставил Ньютона пересмотреть свою стратегию по этим делам. Одни только имена осужденных вызывали у пораженных приступы удушья, транс, вой. Девочки подолгу лежали без движения, как мертвые. Это очень замедляло процесс. Он изначально послал за девятью подозреваемыми, но теперь понимал, что они не смогут столько отдать под суд. Он подал секретарю две просьбы: во-первых, чтобы признавшихся – Титубу и служанку, работавшую на большую семью судьи Корвина, – конвоировали отдельно от обвиненных; во-вторых, чтобы ему доставили судебный протокол по делу о колдовстве Бриджет Бишоп 1680 года.

В тот же день, на одном дыхании и почти ничего не исправляя, Коттон Мэзер сочинил вдумчивое письмо в семи частях. Ему так не терпелось зафиксировать свои мысли на бумаге, что он даже не стал сверяться со своей прославленной библиотекой. Суд, назначенный для заслушания и решения, будет заседать через два дня, и пастору поручено кое-что для суда прояснить. Правосудие нередко обращалось за советом к духовенству, так что Джон Ричардс, старейший из магистратов, без колебаний направил запрос своему пастору [53]. У других определенно тоже имелись вопросы. В минувшее воскресенье Сэмюэл Уиллард – единственный бостонский пастор, который мог сравниться своей влиятельностью с Инкризом Мэзером, – из кожи вон лез, растолковывая прихожанам, кто такой дьявол и как его распознать. Уиллард утверждал, что старый искуситель соблазняет, причиняет

страдания и творит свои черные дела с помощью колдовства [54]. Он не упускает возможности вербовать новых пособников. И весьма ловок в этом, обещая им – Уиллард цитировал Евангелие от Матфея, 4: 8, как до того делала Мерси Льюис, – «все царства мира».

Как и большинство его коллег, шестидесятисемилетний Ричардс занимал множество постов. Он был членом городского управления и капитаном ополчения, не уклонявшимся от тягостных задач. Ричардс поехал в 1681 году в Лондон обсуждать условия хартии – миссия, которую Уильям Стаутон умудрился провалить, увязнув за границей в колониальном подхалимаже: вопрос о нарушениях в Массачусетском заливе поднимался в той поездке разве что случайно. Давно уже входивший в число самых влиятельных членов северной церкви, Ричардс больше любого другого прихожанина выделял денег на жалованье пасторам. В свою очередь, Коттон Мэзер консультировал его по церковным вопросам, в которых Ричардс оставался неколебимым консерватором. Ричардс также был его близким и доброжелательным соседом по Норт-Энду и даже приютил в своем величественном кирпичном особняке семью Мэзер, когда их дом сгорел. Коттон тогда был подростком, а десятью годами позже Ричардс проводил церемонию его венчания. Понятно, что с тех пор пастор был к его услугам; желания Ричардса, заверил его Мэзер, всегда для него закон. Он предложил свой взгляд на мистические происшествия. Вся провинция держала пост и молилась от имени судей, отдавая себя в их добродетельные руки. Мэзер снова пустился в свои любимые аналогии, снова приплел сюда шведскую историю «колдовства колоссального масштаба, совсем как у нас». У него уже давно появились опасения, что дьяволы творят больше злодеяний, чем все привыкли считать. «Истерия последнего времени» давала великому искусителю множество возможностей явиться перед человеком и спросить: «Хочешь, я сделаю для тебя то или это?» [55] Согласившись принять простую услугу, невинная душа легко попадала в ловушку. «И все же я должен смиренно просить вас, – предупреждал Мэзер громко и ясно, посылая аудитории очень внятный сигнал, – чтобы, занимаясь этим делом, вы, достойнейшие из достойных, не возлагали на „призрачные свидетельства“ больше, чем они могут выдержать».

Здесь он коснулся болезненной проблемы, с которой салемиские судьи бились с самого начала: может ли дьявол притвориться

невинной душой – и можно ли судить обвиняемого на основании «свидетельства», которое видно лишь некоторым? Мэзер отвергал эту идею, которая приводила в замешательство судей еще в Ньюбери в 1676 году. Тогда они не решились осудить подозреваемую, похожую на человека, совершившего злодеяние. Дьявол и раньше прикидывался невинной овечкой. Тех, кто был замечен в «коварстве, зависти и злобе», легко было принять за пособников Сатаны, хотя они могли отродясь его не видеть и уж тем более никаких пактов с ним не подписывать. Сразу же предполагать за кем-то вину, предостерегал Мэзер, означало играть нечистому на руку.

Он предлагал некоторые подсказки. Заслуживающее доверия признание ценилось на вес золота, хотя, как предупреждал пастор, доверие доверию рознь. «Бредящий ум или недовольное сердце» умеют ловко притворяться. Что касается выбивания признаний, то он не может оправдывать пытки, а вместо них рекомендует хитрые и стремительные перекрестные допросы либо же традиционные методы: может ли обвиняемый прочитать по памяти «Отче наш»? Особенно интересно, что Мэзер, в прошлом страдавший от заикания, возлагал большие надежды на тактику «сбей с толку шепелявую ведьму». Он также доверял объективным уликам – например, колдовским куклам. Ведьма также могла использовать собственное тело как куклу и причинять страдания жертве, скажем, дотрагиваясь до самой себя. И хотя он лично никогда не видел ни одной «ведьминой печати», хороший врач уж точно мог ее распознать^[70]. Он одобрял испытание водой: дьяволы накачивали своих пособников ядом, который позволял им держаться на воде^[71]. Мэзер не упоминал ни испытание касанием, ни «дурной глаз».

На каждом шагу он выбирал снисходительность. Чем сажать на цепь всякую мерзкую ведьму, не лучше ли подумать о более мягком наказании? Наверняка это может повлечь за собой «некое торжественное, открытое, публичное и искреннее отречение от дьявола», достаточное, чтобы изгнать старого искусителя с их земли. Тут Мэзер осекся: он писал человеку старше себя, к тому же благодетелю его семьи. Кланяясь и расшаркиваясь, он извинился, что слишком забегают вперед. Он будет молиться, чтобы Ричардс и его почтенные коллеги успешно разрешили это «тернистое дело». Он слегка перескакивал с одного на другое, но был предельно четок в

одном. Коттон Мэзер не верит «призрачным свидетельствам», видимым только пострадавшим. Так невинного можно грешным делом отправить прямо в лапы дьявола. Никого нельзя осудить за преступление, совершенное в чьем-то воображении.

Мэзер замолвил словечко и за невидимый мир – этого можно было ожидать от человека, который некогда общался в своем кабинете с сияющим крылатым ангелом в белых одеждах, а в дальнейшем будет неоднократно отмечать, что небеса дают ему советы, успокаивают его и озаряют. «Наших дорогих соседей действительно мучают, убивают и заставляют иметь дело с необъяснимыми вещами, которые впоследствии оказываются реальными», – уверял он. Было совершенно справедливым казнить человека, «который на глазах у других пронзит мечом сердце своего соседа». Другими словами, убеждал Мэзер судей, они вполне могут доверять своим глазам. Видимые повреждения – шрамы у Джона Индейца, следы укусов у Мерси Льюис – нельзя игнорировать. У Ричардса имелись все основания поделиться крупными пасторской мудрости Мэзера с коллегами, которые в следующие несколько недель штудировали прошлые дела о колдовстве [57]. Они читали «Руководство для членов большого жюри» Ричарда Бернарда и трактат об общем праве Джозефа Кебла, изучали Гленвилла, Бакстера, Перкинса и, конечно, «Памятные знамения» Мэзера. Им надлежало соблюдать законы Англии – в прошлом они уже заплатились за уклонение от них. Ричардсу потребовалось мнение церковника не из-за нехватки правовых инструкций, а потому что пожилой судья знал: у него в руках власть. Его пастор говорил об этом деле уверенно, как никогда прежде. Ричардс и его коллеги представляли лучшие умы Америки. События в Салеме поставили их в тупик.

Прошлые дела с вынесением смертных приговоров слушались в Бостоне. Учитывая количество подозреваемых и свидетелей, сейчас имело смысл проводить слушания в ратуше города Салема, просторном двухэтажном кирпичном здании, стоящем на открытой площади. Ричардс отправился туда на следующий день после того, как Мэзер завершил свое письмо, чтобы присутствовать при открытии утреннего судебного заседания. Пока шериф составлял список большой коллегии присяжных, девять подозреваемых Ньютона – семь

женщин и двое мужчин – вернулись в Салем. Мы не знаем, как этих арестованных переправляли и где разместили в уже переполненной тюрьме, но их присутствие сразу же почувствовалось в деревне. В среду, во время переезда из тюрьмы в тюрьму, призрачная Ребекка Нёрс явилась к Энн Патнэм – старшей. Она хвасталась многочисленными убийствами, а целый рой вившихся вокруг старой женщины призраков радостно подтверждал эти заявления. Энн-младшая сообщила о нескольких привидениях.

Должно быть, деревня гудела от предположений. С какой ведьмы Ньютон начнет? Если Патнэмы думали, что это будет Нёрс, то они ошибались. Ньютон пока не стал трогать гениальную преступницу, представлявшую наибольшую опасность, – ее он оставил плавиться в бостонской тюрьме. Не начал он и с первой обвиненной ведьмы, против которой продолжал собирать улики. Его выбор пал не на признавшуюся ведьму и даже не жительницу деревни Салем. Ньютон был хладнокровным госслужащим, проницательным и решительным. Он действовал как опытный прокурор и начал с дела, которое со всех сторон выглядело простым, могло бы облегчить ход дальнейших процессов и подать всем ясный сигнал. Сотрудничество со следствием целесообразно, напоминал он обвиняемым. Вина легко установима, успокаивал он нервничавших присяжных. Признание вины не заставит себя ждать, демонстрировал он судьям. Гвоздь программы мог подождать.

С приезда Ньютона в Салем одно имя попадалось ему постоянно. Он слышал его даже от девочек, которые раньше его не упоминали. Даже в цепях его первая обвиняемая заставляла своих жертв страдать. Она посетила сборище на пастбище Пэрриса. Она убила шестерых человек, в том числе собственного мужа. Одна признавшаяся ведьма указала на нее. Ее дело можно было рассмотреть без обращения к «призрачным свидетельствам». Она угрожала судье, уверяя Хэторна, что, если бы была ведьмой, он бы почувствовал это на себе. У нее было мало родственников, и ни один из них не был настолько боевым, как у Нёрс. Ньютон мог собрать против нее целую кучу улик с прошлого суда над ведьмами. Пока судьи и другие официальные лица ездили в Салем, Ньютон готовил обвинительный акт против Бриджет Бишоп, в котором ей вменялось использование черной магии против пяти девочек. То, что будут говорить о женщине из Чарлстауна в 1693

году, в равной степени относилось и к этой злобной, ничтожной нарушительнице общественного порядка, к воровке, разгуливавшей повсюду с дырой в пальто, которая полностью совпадала по форме и месту с раной, нанесенной ее призраку. «Если здесь и есть ведьма, то это она» [58].

В четверг с рассветом на Салем начали опускаться духи. Вскоре в галерее второго этажа салемской ратуши стала собираться толпа. Первый этаж занимала школа; в большом зале наверху поставили скамейки [59]. Судьи восседали на высоких стульях за длинным столом. Чуть позже восьми утра Ньютон предстал перед главным судьей Уильямом Стаутоном. Готов ли прокурор поклясться, спросил Стаутон, что «будет использовать весь свой опыт, дабы действовать честно и верно от имени Их Величеств, как и надлежит правосудию, невзирая на личные предпочтения и привязанности, да поможет ему Бог»? [60] Ньютон ответил утвердительно. Стивен Сьюэлл поклялся честно служить судебным писарем. Судебный пристав, скорее всего шериф, привел к присяге восемнадцать членов большой коллегии присяжных – все они были влиятельными в округе людьми, призванными определять, являются ли представленные доказательства достаточными для продолжения разбирательства. Предъявив улики против Бишоп, Ньютон обвинил ее в том, что она «наносила повреждения, истязала, иссушала, изводила, истощала и всячески мучила» деревенских девочек [61]. Без лишней суеты девочки подтвердили свои показания. Возможно, Ньютон воспользовался также показаниями из предыдущего дела Бишоп: ее судили не только за преступление, но и за личные качества. Большая коллегия присяжных – во главе с бывшим шурином Берроуза – обвинила Бишоп по пяти пунктам.

Одновременно с этим ее подвергли дотошному и унижительному досмотру. Либо под контролем хирурга-мужчины, либо по его указанию несколько женщин внимательно изучали тела шести подозреваемых своего пола – искали ведьмин знак [62]. Некоторые проверяющие были опытными акушерками, хотя это ни о чем не говорило. Научные труды XVII века по деторождению, если и были доступны, предпочитали опускать детали, и занимавшиеся родовспоможением люди – чаще всего пожилые женщины из известных семейств – знали о функциях человеческого тела

сравнительно немного. К тому же акушеркам не дали четких инструкций, что именно искать. Укус блохи, бородавка, родинка, любая выпуклость или пятнышко могло сойти за дьявольскую отметину. Группа женщин из Коннектикута однажды с той же целью три раза осматривала одну подозреваемую, но они так и не смогли понять, что же нашли: не было никакой уверенности, что ее анатомия отличалась от их. В том же Коннектикуте свидетельница тщательно исследовала тело только что снятой с виселицы повешенной, после чего заявила, что если отметины на теле жертвы имеют сверхъестественную природу, то тогда и она сама, осматривающая ее, ведьма. Знание анатомии было в Новой Англии настолько примитивным, что однажды на вскрытии 1676 года сердце, извлеченное из трупа, было принято за желудок [63].

Акушерки щупали и надавливали в самых чувствительных местах, измеряя их восприимчивость с помощью булавок или иголок; и лучше было надеяться, что после укола семисантиметровой булавкой у вас пойдет кровь. Одна квакерша, подвергнутая этой неделикатной процедуре, клялась, что пострадала от рук членов церкви больше, чем от вынашивания и рождения пятерых детей [64]. Салемские досмотрщицы никак не могли между собой договориться, но все же нашли нечто обличающее: у трех подозреваемых Ньютона обнаружилось «неестественные наросты между гениталиями и анусом»^[72] [65]. Это было аномальное разрастание плоти в нетипичном месте, и у всех трех женщин оно размещалось совершенно одинаково, что по какой-то странной логике указывало на их причастность к миру колдунов и ведьм. По крайней мере, некоторых проверяющих Бишоп (оказавшаяся в числе этих троих) знала лично.

Когда судьи заняли свои места, распорядители ввели Бриджет Бишоп в зал. Секретарь назвал ее имя [66]. Она вышла вперед и подняла руку, подтверждая свою личность. Были зачитаны пункты обвинения. Что она может сказать в свое оправдание? У Бишоп не было выбора, кроме как защищаться самостоятельно. В Новой Англии тех времен не любили адвокатов (точнее, адвокаты не любили Новую Англию тех времен. Их ценность начали осознавать лишь семью годами ранее, когда в Лондон пришел запрос на нескольких честных поверенных, если такие, конечно, вообще существуют)^[73] [67].

Ньютон был единственным квалифицированным юристом в зале. Считалось, что невиновная сможет лучше кого-либо сама себя оправдать, а виновная, предоставленная сама себе, не сможет скрыть правду. Бриджет Бишоп было под шестьдесят, последние полтора месяца она просидела на убогом пайке в затхлой промозглой камере, да и до тюрьмы жизнь не слишком ее щадила. Перед строгим судом стояла грязная изможденная женщина с кислым лицом, и воздух вокруг нее тоже казался кислым. Невиновна, сказала она. «Подсудимая, кто будет тебя судить?» – спросил тогда клерк, и Бишоп ответила стандартной формулой: «Мой Бог и моя страна».

По закону судебные дела должны были скрупулезно протоколироваться. Стивен Сьюэлл сидел перед судьями, яростно окуная перо в чернильницу и неистово скребя им по бумаге – совсем как Пэррис на предварительных слушаниях. Ничего из того, что Сьюэлл записал в тот день – или во время последующих разбирательств 1692 года, для которых дело Бишоп стало прецедентом, – до нас не дошло. Дошли, однако, скопившиеся за тридцать лет показания против Бишоп. Ее уже ранее судили и оправдывали. И хотя сейчас ситуация представлялась гораздо более серьезной – ей никогда прежде не доводилось стоять перед столь внушительным собранием, – она не верила, что была ведьмой. После ее слов к присяге привели свидетельниц, клявшихся говорить «правду, всю правду и ничего, кроме правды». Одна рассказала, что ее как-то раз унесло прямо от прялки на реку, где Бишоп грозила ее утопить. Вторая сообщила об убийствах, которыми Бишоп хвасталась. Третья описала явившегося ей духа одной из жертв ведьмы. Многие – в том числе маленькая Бетти Пэррис и младшая Энн Патнэм – перечисляли свои страшные муки во время апрельских слушаний. Прикосновение Бишоп привело девочек в чувство, свидетельствовали остальные, обеспечивая таким образом ключевое условие, взятое из библейского Второзакония: для вынесения приговора необходимо не менее двух свидетелей преступления. Деливеранс Хоббс клялась, что Бишоп била ее железными прутьями, чтобы заставить отречься от признания. Они вместе были на «общем сборе ведьм» на поле Пэрриса. Присяжные выслушали показания местного жителя, который ударил ножом призрачную Бишоп, после чего на пальто реальной Бишоп появилась прорезь. Никто не сомневался, что они обе – единое целое.

В принципе, количество подозреваемых, которым можно было предъявить наведение чар на соседей и причинение вреда деревенским девочкам, почти ничем не ограничивалось. Одну только Бишоп несколько раз могли обвинить во лжи во время предварительных слушаний. Ее история представляла собой такую богатую золотую жилу для прокурора, что некоторые показания даже не стали слушать. Сюзанна Шелден заявляла, что Бишоп была ведьмой уже больше двадцати лет; что она стояла на коленях и молилась черному человеку в шляпе с высокой тульей; что змея (фамильяр ведьмы) вползала «в ее лоно». Ньютон не стал использовать эти сведения. Суд наверняка слышал и о более прозаических случаях: Бишоп не только обвинялась Хэторном в воровстве четыре года назад, но и провела тогда несколько недель в тюрьме. Городской мельник утверждал, что она украла у него медный лист. Потом Бишоп его вернула и дважды на коленях молила его о прощении. На разбирательстве ее дела в 1688 году она все это отрицала. Она споткнулась о медный лист в углу своего сада во время прополки. И никогда не извинялась. Эта действовавшая всем на нервы женщина в тот раз довела Хэторна до отчаяния.

Суд слышал и другие обвинения, не имевшие ничего общего с демоническими заговорами, красными книжками и мелкими кражами. Ньютон вызвал одного матроса, который вспомнил, как однажды в субботу проснулся на рассвете и увидел стоящую у его кровати Бишоп. Она улыбнулась, стукнула его по голове и растаяла в окне. В тот же полдень она заставила яблоко подняться с его ладони и пролететь несколько метров по комнате [68]. А двенадцать лет назад она, «изрыгая ругательства и угрозы», гоняла сына шляпника Сэмюэла Шаттака вокруг дома, из-за чего он ударился головой и лишился разума (ничего не подозревавшую семью просветил один гость: едва посмотрев на ребенка, он сообщил, что где-то по соседству живет ведьма). Она заплатила сыну мельника, с которым сцепилась в 1688 году, деньгами, которые потом исчезли. Из-за ее колдовства его повозка провалилась в яму на дороге, которая неизвестно откуда взялась и потом исчезла. Она заколдовала мешок кукурузы. Она просачивалась сквозь запертые двери и окна. Ни одно из этих обвинений не являлось недавним, многие крутились вокруг ее прошлого дела. В одном из них были замешаны три поколения. Это были старые, вновь разворошенные, уже не первый раз воскрешенные

из небытия обвинения, на которые, похоже, была щедра Новая Англия. Они против всяких законов природы с годами делались все более живучими.

Бишоп знала, что за ее спиной шепчутся и считают ее ведьмой. Не могла она не знать, что нервирует людей еще и по другой причине. В апреле салемский маршал упомянул об одном ночном визите, в июне присяжные слышали еще как минимум о пяти. У Бишоп, судя по всему, имелась привычка порхать по спальням молодых мужчин, лишая их способности двигаться и говорить, – подобные симптомы обычно приписывались особому виду колдовских чар. Распутница или кокетка, она разжигала воображение мужчин, которые запоминали мельчайшие детали ее гардероба. Много лет назад она пришла к сыну мельника и проявила к нему откровенную симпатию – гораздо более откровенную, чем позволяли приличия, свидетельствовал он, описывая следом ее ярко-красное пальто с разноцветной окантовкой, которое Бишоп сбросила, прежде чем прыгнуть в его кровать. Сэмюэл Шаттак утверждал, что она частенько к нему заглядывала под какими-то надуманными предлогами и была при этом «мила и обходительна» [69]. Она регулярно прижималась губами к губам беззащитных молодых мужчин. И хотя теперь, 2 июня, обвиняемая не выглядела эффектно – Сьюэлл видел ее лишь «старой женщиной», – когда-то она могла быть очень привлекательной^[74].

Салемский портной Джон Лаудер рассказал об одной долгой схватке с Бишоп в лунном сиянии. Когда они столкнулись позднее, она заявила, что понятия не имеет об этом будуарном происшествии и вообще не собирается нести ответственность за сны мужчин. В скором времени к заболевшему Лаудеру субботним днем явился жуткий посетитель: в окно впрыгнул черный монстр. У очередного кузена каминного гоблина из рассказов Титубы было лицо человека, тело обезьяны и ноги петуха. Существо объявило, что пришло властвовать над Лаудером. Взамен же готово исполнить любое его желание. «Ты дьявол, я убью тебя!» – воскликнул портной и попытался схватить тварь за горло, но руки его лишь скользнули по воздуху [70]. В итоге Лаудер описал несколько кругов по комнате с летающей обезьяной и поранил руку. Существо бросилось вон из окна и тут же снова проникло в дом сквозь запертую дверь веранды. Оно выманило портного наружу. И там, преследуя монстра и громко вопя: «Все

доспехи Господа да будут между мною и тобой!» – Лаудер заметил Бишоп в ее саду. Гоблин же взмыл над плодовыми деревьями и эффектно исчез в вихре из грязи и фруктов – Бишоп не раз уличали в особой привязанности к змеям и яблокам.

На слушании 19 апреля она качала головой, не веря своим ушам, и горячилась, отвечая на вопросы, призывала публику за нее вступить (публика безмолвствовала). В случае с украденным листом меди она оспаривала перед судьей показания свидетеля. Сейчас, когда Лаудер выступил с рассказом про сыпавшего яблоками гоблина – из-за него, между прочим, портной на целых три дня онемел! – она опять не выдержала. Хотя у нее и не было адвоката, она имела право сама задавать вопросы своим обвинителям. Да она даже не знает этого Лаудера! Ей напомнили, что вообще-то их сады граничат и соседи уже много лет конфликтуют. Тут она наткнулась на своего рода «уловку-22»^[75] XVII столетия. Свидетельствование против самого себя тогда еще не считалось проблемой. Сомневаться в правдивости показаний было рискованно. Как один судья высказал ранее одному подозреваемому, его «ответ сочтен слишком дерзким и непристойным для человека, который так очевидно виновен» [71].

Среди обретших новую жизнь обвинений против Бишоп одно затмило все прочие. И было, кстати, самым древним. Семнадцать лет назад она наняла двух рабочих, чтобы они снесли стену ее дома. Так вот, в этой стене оказались замурованы несколько лоскутных куколок, все без голов и утыканные иголками. От Бишоп потребовали объяснений, но она не смогла сказать ничего путного. Теперь, 2 июня, она пыталась защищаться не больше, чем тогда. Ее вынуждали признаться, она продолжала настаивать, что невиновна. Одно дело – грубая ложь в суде, бормотание и угрозы, многочисленные проклятья, убийства и визиты в спальни. И совершенно другое – куколки, прореха в пальто, новость о том, что у Бишоп есть сверхъестественный знак на теле: у Ньютона появились материальные улики. К тому же он получил бонус. Вероятно, за день до разбирательства, когда Бишоп ехала под конвоем мимо пустой ратуши, она посмотрела на это величественное здание, с верхнего этажа которого тут же отвалилась доска. Позже эта самая доска появилась в совершенно другом месте^[76].

Дело двигалось быстро и гладко [72]. Хотя обвиняемая могла повлиять на выбор присяжных, она не могла спрашивать, что они

думают. В отсутствие адвокатов не имело смысла обсуждать процессуальные вопросы. Не было ни предварительной проверки компетентности и непредвзятости присяжных, ни перекрестных допросов свидетелей. Судьи представляли обе стороны, опрашивая как подозреваемую, так и ее обвинителей. Дача показаний свидетелями шла как по маслу – не только из-за того, что большинство из них уже были всем известны, но и потому, что Бишоп совершенно не сопротивлялась. Околдованные девочки, хотя и встревоженные, вели себя относительно тихо. В своих записях, сделанных позже на основе судебных документов, Мэзер предполагает, что суд не знал, что делать с таким количеством зла. По той же причине он не посчитал нужным описывать обвинения, которые изначально привели Бишоп в зал суда: «Не представилось случая доказывать факт колдовства, так как оно было очевидно и известно всем присутствующим» [73].

Магистрат XVII века не колеблясь рассказывал присяжным о своих соображениях по делу и подсказывал, как оценивать показания [74]. Он мог посоветовать признать подсудимого виновным. Если достаточные улики отсутствовали, годилось и серьезное подозрение. Огромный вес имела репутация – вот почему в суд поступило такое количество якобы не относящихся к делу свидетельств против Бишоп. Если вина казалась вероятной, но не на 100 % очевидной – до принятия стандарта «разумного сомнения» оставалось еще почти двести лет, – приговор могли соответствующим образом скорректировать. Вас могли осудить за менее серьезное преступление, чем то, в котором обвиняли изначально. В завершительном выступлении Стаутон подвел итог делу, напомнил присяжным, что им следует подтвердить показания свидетелей, и дал коллегии пару советов в тот июньский день. Присяжные не должны принимать во внимание крепкое здоровье девочек. Имеет значение только намерение Бишоп. Суду не нужно доказывать, что колдовство сработало, достаточно доказать, что к нему прибегали. В этом, объяснял трезвомыслящий и многоуважаемый главный судья, и есть смысл закона. Подобное заключение крайне удивило по меньшей мере одного из присутствовавших. Оно бросало вызов Мэзеру (и его советам от 31 мая), авторитетному английскому эксперту Перкинсу и судебной истории Новой Англии.

Скорее всего, уже к середине дня Стаутон получил вердикт присяжных. У них не было признания, но было много чего другого. Доказательств более чем хватало. Председатель коллегии встал, чтобы огласить решение: за использование колдовства против пяти деревенских девочек 19 апреля и «в разные другие дни до и после» Бишоп объявляется виновной [75]. Гоблин в яблоне, визиты в спальни мужчин и куколки – вот что, видимо, сыграло роль. Однако большая коллегия присяжных судила за применение колдовских чар против пострадавших. Истории минувших времен невозможно было подкрепить фактами. А вот девичьи корчи в зале суда наблюдали все. По не очень типичной для салемских процессов логике суд признал Бишоп виновной в наведении чар на деревенских девочек, которых она даже не знала, в отличие от городских мужчин, которых она знала^[ZZ].

Обреченная Бишоп вернулась в тюрьму, где около четырех часов дня женщин подвергли еще одному детальному осмотру. От бывшего уплотнения у нее не осталось и следа – а значит, она в течение дня успела пообщаться со злым духом. На самом деле метки таинственно исчезли у всех трех подозреваемых. Выпуклость на теле Ребекки Нёрс к середине дня скукожилась до маленького участка сухой кожи. Такое видоизменение доказывало его дьявольскую природу: очевидно, ведьма таким образом вскармливала демоненка (на предварительном слушании Хэторн спросил, есть ли у нее на теле дефекты. «Никаких, кроме старости», – ответила старуха). У Сюзанны Мартин, надменной крошечной вдовы из Эймсбери, утром груди были полными, а к середине дня похудели и сделались плоскими. Значит, она в течение дня тоже покормила фамильяра. Нёрс пришла в бешенство; самая опытная акушерка не согласилась с коллегами: аномалии на теле Нёрс могли быть вызваны трудными родами [77]. Они уже много лет причиняли ей неудобства. Она не посещала мужские спальни, не превращалась в гоблина и не скидывала одним взглядом доски с административных зданий. Тем не менее за применение против четырех деревенских девочек «определенных отвратительных практик, называемых колдовством и волшбой», 3 июня суд вынес ей приговор [78].

Тем временем в деревне Хэторн и Корвин продолжали выписывать ордера и выслушивать жалобы. Салемский констебль на той же неделе обнаружил новую подозреваемую и, вытащив ее из-за

прялки, срочно доставил к властям. Найти сорокалетнюю Энн Доливер было чрезвычайно просто – она проживала вместе с детьми в доме своего отца, главного пастора города Салема, семидесятишестилетнего Джона Хиггинсона, мужчины с круглым лицом и клювоподобным носом (муж Доливер, морской капитан из Глостера, к этому времени бросил семью) [79]. Доливер была не только пасторской дочкой, но и пасторской внучкой, и пасторской правнучкой. Трое мужчин, подписавшие ордер на ее арест, а также и следователи по ее делу, были прихожанами ее отца. Ее родной брат был недавно назначен магистратом. Как и Абигейл Хоббс, Доливер приходилось тяжело из-за проблем с мачехой. Эта сломленная затяжной меланхолией женщина, по словам одного из жителей Салема, казалась «тронувшейся умом» [80].

Видимо, из почтения к семье – дочь пастора в глазах суда оставалась «миссис Доливер» – Хэторн допрашивал ее мягко и в частном порядке. Занималась ли она когда-нибудь колдовством? «Только не с намерением причинить кому-нибудь вред», – прозвучал тревожный ответ [81]. Она, наверное, была совсем простой и очень наивной. Она спала в лесу. Она убегала из дому, чтобы не сталкиваться с мачехой. Девочки уговорили ее рассказать еще кое-что странное. Хэторн поинтересовался, есть ли у нее куколки. Есть две, из воска. Она сделала их почти четырнадцать лет назад, когда решила, что на нее саму наслали чары – чувствовала характерные щипки (похоже, тогда все знали, как должны ощущаться эти ведьмовские трюки). Она читала в книге, что таким образом можно отразить колдовство.

И на бумаге, и в жизни ее отец был твердым как скала и прямым – человеком, который «мягко стелет, да жестко спат» [82]. В прошлом он весьма решительно высказывал свое мнение: нападал на квакеров, на некоторые пункты доктрины, на засилие пьянства, на злоупотребления властью королевского губернатора, на буйства деревенских. Он почти не говорил о дьявольщине в своих проповедях, которые, в отличие от зажигательных выступлений Пэрриса или Мэзера, не нагнетали тревожного ожидания нападения зла. Шестью годами ранее, смирившись с тем, что он так и не увидит задержанное жалованье пятьсот фунтов, которое задолжал ему город, Хиггинсон предложил Салему не выплачивать этот долг, но позаботиться о его взрослых детях. Город согласился, хотя, возможно, и менее радостно,

чем это казалось вначале. Хиггинсон стал не последним пастором в 1692 году, дочь которого обвинили в колдовстве. Похоже, он ничего не имел против процессов, даже когда они затронули его лично. У него не нашлось слов, чтобы высказаться о сложившейся ситуации, хотя этот человек обладал непререкаемым авторитетом в общине, которой усердно служил тридцать два года. Еще недавно бесстрашно боровшийся с Андросом и умиривший разгневанных строптивых баптистов, в 1692 году уважаемый пастор промолчал. Позже он объяснит, что страдал «от слабости, вызванной немощной старостью» [83]. И ничего не скажет о дочери, заключенной в тюрьму 6 июня.

Через три дня главный судья Стаутон отдал распоряжение шерифу Салема доставить Бриджет Бишоп в пятницу с восьми утра до полудня к назначенному месту казни, «где должно повесить ее за шею, дабы непременно умертвить» [84]. После шерифу надлежало убедиться, что все сделано на совесть. Шериф, добавил Стаутон – в необычном выборе слов слышался некоторый страх, что преступница сбежит, – отвечает за исполнение приговора головой.

Утром 10 июня Джордж Корвин – племянник судьи Корвина, заодно приходившийся зятем одному из судей по делам ведьм и племянником другому, – забрал Бишоп из тюрьмы [85]. Ее везли в открытой двухколесной повозке по сегодняшней Сейнт-Питер-стрит, далее по Эссекс-стрит на запад, через центр Салема и потом круто повернув на север по Бостон-роуд – пешком этот путь занимал порядка пятнадцати минут. Важно было покончить с осужденной ведьмой максимально публично: колдунья ехала на смерть как пример всем остальным. Целый батальон маршалов и констеблей сопровождал процессию, пока она грохотала колесами, пересекая приливную протоку, поднималась вверх по крутому склону и въехала наконец на каменистый выступ, окаймлявший высокое пастбище над городом. Здесь со свежесколоченной виселицы свисала веревка. Внизу простирались поля, болота, бухты, скалы и сверкающий на солнце океан.

До наших дней не дожило ни одного свидетельства казни, хотя свидетелей было достаточно. Желавших поглазеть на казнь квакерши в 1659 году пришло столько, что мост, по которому они возвращались в Бостон, не выдержал их веса и рухнул^[78]. Давка, возникшая на

нравоучительной лекции перед повешением одного убийцы в 1686 году, чуть не обрушила галерею первой церкви. Тогда присутствовали пять тысяч человек, некоторые ради такого дела преодолели восемьдесят километров пути, а собираться народ начал за неделю до мероприятия. Женщины-преступницы интриговали публику еще больше, а Бишоп вызывала особый интерес: кому не охота поглядеть на настоящую ведьму? Такого не случилось уже четыре года, с тех пор как в парке Бостон-Коммон за колдовство против детей Гудвинов была повешена Мэри Гловер. Мало того что подобного рода события были настолько жуткими, что притягивали как магнит; они к тому же считались чем-то вроде элемента нравственного воспитания. На такие мероприятия брали с собой детей (прилежные школьники знали слова «скверна», «назидание», «поругание», «умерщвление», «избавление»). Там ощущалась атмосфера праздника.

Пасторы охотно исповедовали приговоренных, которые на эшафоте стабильно служили свидетельством пользы семейной дисциплины или мудрости суда, а еще предостережением для публики: мол, не надо идти нашим несправедливым путем. Мало что могло сравниться по силе воздействия с этими последними отчаянными проявлениями раскаяния. Предсмертные сожаления одного пирата о том, что он отверг родителей, поддался пороку и связался с плохой компанией, произвели впечатление. Ведьма, однако, не заслуживала такого обращения. Ее пример не вызывал у зрителей ни благоговейного страха, ни душеспасительного стыда. Их мучила лишь неизвестность: признается ли колдунья в последние минуты своей жизни?

У подножия виселицы судебный пристав зачитал смертный приговор Бишоп. Хочет ли она что-нибудь сказать? Она настаивала на своей невиновности, даже когда поднималась по лестнице. И не доставила толпе такого удовольствия, как ведьма из Коннектикута, которая, раскаявшись в грехах, «умерла у всех на виду, к великому удовлетворению собравшихся» (она первой в Новой Англии призналась в сделке с дьяволом) [86]. Хотя Джон Хейл и не был пастором Бишоп, он – видимо, по ее просьбе, – сказал несколько прощальных слов. Один салемицкий лавочник презрительно фыркнул: он бы ни за что не стал молиться на ее казни; Хейлу в этом замечании послышался упрек. Вне всяких сомнений, лавочник выразил мнение

многих: она вступила в сговор с дьяволом, и он бы с радостью дал против нее показания (как сделала его жена). Мы не знаем, присутствовал ли там Пэррис, хотя трудно представить, что хоть один из местных священников пропустил бы это действие – а особенно тот, кто подписал четыре пункта обвинительного приговора Бишоп. Многие из ее обвинителей стояли в толпе зрителей, и по крайней мере некоторые из околдованных девочек, и почти вся деревня. Явились и неожиданные гости. Некая салемская матрона видела, как дьявол помогал Джорджу Джейкобсу вскарабкаться на перекладину виселицы. Мэри Уолкотт тоже видела Джейкобса: он побил ее своими призрачными костылями. Члены суда были в это время в Бостоне на заседании совета при губернаторе.

Мы не знаем, какими были последние слова Бишоп, кто обвязывал юбки вокруг ее щиколоток и связывал руки за ее спиной, кто помогал подняться по лестнице, закрывал ей лицо или накидывал петлю на шею. Найти палача было не так просто. Не исключено, что шериф Корвин сам привел приговор в исполнение, и она повисла, отчаянно забилась в петле, судорожно задергалась, и в итоге, между небом и землей, затихла навсегда. Бриджет Бишоп умерла от медленного удушья, и агония могла длиться около часа. Необязательно все проходило в тишине. Иногда из глотки повешенного вырывались душераздирающие стоны, а однажды публика испытала шок: в 1646 году преступница, повисев какое-то время, спросила у своих палачей, что они собираются делать дальше. Кто-то вышел вперед «и затянул узел, и тогда она вскоре умерла» [87]. Годом ранее в Нью-Йорке приговоренный был все еще жив, когда его сняли с виселицы – пришлось пустить в ход топор; некоторые зрители истошно кричали. Иной раз ветер разносил скрип, издаваемый раскачивающимся на виселице телом, по всей округе, пока толпа понемногу разбредалась. Тело Бишоп было видно даже с дальнего конца города Салема. Она умерла до полудня. Корвин распорядился закопать труп неподалеку – эту деталь он внес в свой протокол, но потом вычеркнул: видимо, таких инструкций ему не давали [88]. Сложно представить, чтобы кто-нибудь захотел забрать тело. Муж Бишоп, судя по всему, самоустранился. У нее еще была двадцатипятилетняя дочь от предыдущего брака, но ей определенно стоило тогда держаться подальше от происходящего.

Жители обоих Салемов вздохнули с облегчением. Они избавились от головной боли и злостной грешницы. Все вместе они словно прошли через некий ритуал очищения и успокоения. Они избавились от страха: больше никто не будет без приглашения вторгаться в их спальни. Как будет отмечаться гораздо позднее, это вещи «болезненные и уродливые, но подобные скандалы идут на пользу обществу» [89]. Мудрые магистраты, которым пел осанну Мэзер в своей проповеди, прославляющей хартию, – государственные мужи, призванные очистить леса от индейцев и моря от пиратов, – начали очищать воздух от зла. Хартия предписывала им «убивать, истреблять, уничтожать и покорять» любого, кто попытается посягнуть на Массачусетс. Неправильное было исправлено, разумное возвращено – в одном случае вполне буквально. Десять лет назад Бишоп вытащила одну женщину из кровати и едва не утопила. Эта женщина вскоре впала в безумие – «большая неприятность для нее самой и всех ее окружающих» [90]. С арестом Бишоп состояние этой женщины стало улучшаться. А уж когда ведьма повисла на веревке, ее жертва чудесным образом вернулась в норму после десятилетнего помешательства. Казнь сама по себе сработала как заклинание по всему округу Эссекс, где – как отметил Мэзер – многие «чудесным образом пришли в себя». В течение нескольких недель затем не было ни обвинений, ни арестов. У пострадавших девочек пропали все симптомы, ведьмы в тюрьмах оказались нейтрализованы. Оба Салема посчитали, что теперь они в безопасности.

И еще один человек имел все основания подумать так о себе. На следующий день после казни Бишоп отряд из пятисот индейцев-вабанаки и французских солдат обрушился на Уэллс, штат Мэн, с воплями, стрельбой и огненными стрелами, «грозная свора огнедышащих драконов напала на них, чтобы поглотить», как позже описывал это Мэзер [91]. Больше двух дней пятнадцати колонистам удавалось держать оборону. Вабанаки все же взяли одного пленника. На глазах у поселенцев, прикрывшись мушкетами своих союзников, они раздели несчастного, кастрировали, сняли с него скальп, сделали надрезы на пальцах, засунули в раны горящие угли – и лишь тогда оставили умирать. Джорджу Берроузу не пришлось этого наблюдать, он не был со своими прихожанами в страшной двухдневной осаде. Он

в это время сидел в безопасности, в полной темноте бостонского подzemелья.

Остаток лета был, как позже писал Мэзер в своем дневнике, «очень скорбным периодом для всей страны» [92].

7. Теперь, говорят, их уже больше семисот

Природа дала женщине столько власти, что закон очень мудро предоставил мало [1].

Сэмюэл Джонсон

Губернатор Фипс был точен, когда называл салемских судей лучшими и умнейшими. Хорошо образованные, много повидавшие мужчины, цельные натуры, они не понаслышке знали, как работает суд – неизбежная остановка на пути к успеху в Новой Англии^[79]. Многим в свое время приходилось принимать непопулярные решения. Некоторые бывали на процессах в Лондоне. Они жили в чудесных кирпичных особняках и стрельчатых домах многоуважаемых городов. На правосудие, конечно, давил груз главенства доказательств, но при этом правосудие пользовалось определенными преимуществами XVII века. Английский судебный процесс того времени был дознавательным^[80] – этокой неформальной, сумбурной и скоропалительной полемикой в свободной форме, лучше всего описанной как «относительно спонтанная перебранка между обвинителями и обвиняемыми» [2]. Стандартные требования к доказательствам были во всех отношениях расплывчатыми. Подозреваемая не представляла себе, какие против нее будут даваться показания, пока не входила в зал суда, где ее могли обвинить вообще не в том преступлении, за которое привлекли. У нее было право защищаться, но не было гарантии, что ее услышат. Заверения в невиновности почти не брались в расчет. «Я не вор», – настаивал обвиненный в краже спустя два поколения после Салема [4]. «Ты должен это доказать», – отвечал судья. Авторитетный трактат о праве рекомендовал допрашивать под присягой оппонентов обвиняемых, потому что такие люди «будут повсюду совать свои носы» [5]. Так как только свидетели давали показания под присягой, их слова имели больше веса. Слухи вполне годились в качестве доказательств – вот почему Сэмюэл Шаттак мог свидетельствовать, что его гость

догадался, что Бишоп заколдовала его сына. Этот гость утверждал, что где-то рядом живет сварливая ведьма. Только тогда Шаттак вспомнил о ссоре своей жены с Бишоп, которая стремительно выходила из дома, что-то бормоча. Вскоре его сын заболел. Незнакомый гость здесь сыграл роль гадалки, которая откуда-то знает, что вы недавно потерпели неудачу, – и неизменно оказывается права. Колдовство всего лишь поставляло виновных, иногда еще до совершения преступления, часто – через много лет после. А в 1692 году проснулось немало дремавших старых обид. В общем, не стоило вам тем летом сниться вашим соседям.

Не менее пятерых мужчин разбирали в суде дело Бриджет Бишоп. Мы можем с уверенностью идентифицировать лишь троих. Они смотрели на происходящее по-разному. Все оканчивали Гарвард – с промежутком примерно в десять лет. Каждый пробовал себя в более мирской профессии, чем та, которой обучался^[81]. Грузный и благожелательный Сэмюэл Сьюэлл единственный из них троих оказался настолько любезен, что оставил после себя дневник. О салемских ведьмах бесконечно много говорили, но чрезвычайно мало писали. Сьюэлл вообще ничего не записывал в июне и первой половине июля. Он начнет распространяться о Салеме позже. Будучи отцом, который посвящал каждое утро духовному кризису своего чада-подростка, он всегда беспокоился, что приносит «много вреда и мало добра», и пытался изменить это соотношение [6]. Он старался избегать осуждения друзей и пришел в ужас, когда в 1701 году Коттон Мэзер – которого было хорошо слышно на улице – во весь голос устроил ему разнос в книжной лавке (на следующий день Сьюэлл попробовал задобрить разгневанного друга оленьим окороком, но потерпел неудачу). Даже письменное напоминание о возврате долга выходило у него сердечным. Он сравнивал себя – не в свою пользу – с собственной тещей. Он двигался с осторожностью – недаром коллеги называли его приспособленцем. Он не выступал против власти, и это временами расстраивало его самого. Он остался недоволен собой, однажды уступив под давлением Уэйту Стилли Уинтропу, своему близкому другу и коллеге по салемскому процессу, и согласившись в последний момент помиловать пирата. Судить за колдовство Сьюэллу не доводилось никогда.

Через два дня после казни Бишоп Сьюэлл занял свое место на скамье в бостонской старой южной церкви, дабы послушать дневную проповедь Сэмюэлла Уилларда [7]. К нему присоединились несколько других судей. Рядом сидели Уэйт Стилл Уинтроп, наследник одного из семейств основателей Массачусетса, и Питер Серджент. То, что говорил в тот день Уиллард, одновременно и успокаивало, и тревожило. Ссылаясь на Первое послание Петра, 5: 8, он напомнил прихожанам, что им следует «трезвиться и бодрствовать», потому что дьявол ходит между ними, «как рыкающий лев, ища, кого поглотить», и самую страшную свою злобу выместит на самых благочестивых. Уиллард соглашался с Мэзером: чем меньше у Сатаны остается времени, тем более он делается жесток. Дьявол, отмечал Уиллард, может обернуться кем угодно, и никаких пактов ему для этого заключать не нужно. Пастор апеллировал к милосердию и состраданию. Некоторые вещи, считал он, лучше оставить на волю Божью.

Подобное заявление – что кто-то может колдовать без соглашения или контракта – казалось главному судье Стаутону маловероятным. Шестидесятилетний Стаутон, самый старший из трех окончивших Гарвард судей, обладал даром выпутываться из противоречивых ситуаций, которые нередко поглощали менее могущественных мужчин. Он был гораздо более непреклонным, чем Сьюэлл, и гораздо больше знал о правоохранительных органах. Законодательство Массачусетса аккуратно и четко перечисляло преступления, но утрачивало эти качества, когда речь заходила о судопроизводстве. С одной стороны, судей поощряли быть снисходительными. С другой – правонарушения, подрывавшие целостность общества, требовали быстрой расправы с нарушителями. Провинция тем временем столкнулась с кризисом беспрецедентного масштаба. Никогда еще здесь не сталкивались с эпидемией колдовства. Даже те, кто не питал теплых чувств к пуританскому истеблишменту, были ошеломлены. Один приятно удивленный нью-йоркский англиканец полагал, что Коттон Мэзер оказался провидцем, когда двумя годами ранее предрек, что Сатана планирует вырвать колонию из рук пуритан. Сейчас, конечно, представлялось очевидным, что нечистый уже недалек от своей цели – стереть с лица земли население Массачусетса. За решеткой сидели сто с лишним подозреваемых, в основном – членов

церкви, старейшин и дьяконов, сообщал этот ньюйоркец. В тюрьме гниет пастор и дочь другого пастора. Имя жены третьего называли в суде. Эти подлецы предают друг друга с такой скоростью, что «теперь, говорят, их уже больше семисот» [8]. (Это не было правдой, хотя действительно в тюрьме находилось больше ведьм, чем было осуждено в Новой Англии за всю ее предшествующую историю.) Людям вроде Стаутона казалось, что все, во что они верили, теперь под угрозой. Этот страх молниеносно распространился по провинции. 22 июня в Коннектикуте учредили суд над колдунами и колдуньями – специально для того, чтобы разобраться с собственной локальной эпидемией.

Соблюдать законы Новой Англии считалось священным долгом. Судьи подходили к нему со всем тщанием, читали авторитетные юридические труды и следовали букве закона. И все же не обходилось без разногласий. Через пару дней после повешения Бишоп пятидесятитрехлетний Натаниэл Солтонстолл, третий судья – выпускник Гарварда, вышел из состава суда, назначенного для заслушания и решения. Этот родившийся в Ипсвиче внук одного из самых первых лидеров Колонии залива регулярно заседал в массачусетском суде. Не так давно он вместе с Инкризом Мэзером лоббировал интересы Новой Англии в Лондоне. Прежде он служил на границе Мэна и был чрезвычайно популярным капитаном в ополчении. Принципы подводили его раньше и, возможно, подвели снова. В 1687 году он отказался сотрудничать с Андросом, отсидев за такое оскорбление пятнадцать дней в тюрьме. Неясно, имелись ли у него претензии к приговору или казни Бишоп. Свидетель лишь говорил потом, что судья «оставил суд и был крайне недоволен его действиями» [9]. Его место никто не занял.

Хотя Солтонстолл и покинул судейскую скамью, никаких заявлений для публики он, видимо, не сделал. Если вы выражали недовольство действиями суда, какой-нибудь призрак мог вдруг принять ваш облик. Сегодня вы задаете неудобные вопросы – а завтра отбиваетесь от обвинений. Мэзер и так уже нервно оглядывался через плечо, гадая, когда же дьявол начнет свой маскарад по его, Мэзера, части (долго ждать не пришлось). Констебль из Андовера заартачился, отказывался производить последующие аресты, так как сомневался в обвинениях, – и оказался в тюрьме. Естественно, в какой-то момент

начали поговаривать и о призраке Солтонстола. Как никогда прежде стали актуальны слова, которые произнес Бакстер, перефразировав апостола Луку, а Пэррис потом подредактировал: «Если ты не за Христа и Его деяния, то ты против Него».

Скептицизм если и являлся на свет, то делал несколько крошечных шажков и тут же нырял в норку, испугавшись собственной тени. Никто не заявил во всеуслышание, что тридцатилетняя Сара Биббер, которую дух Берроуза сопровождал на слушание и которая теперь самозабвенно корчилась вместе с пострадавшими девочками, – известная скандалистка и лживая интриганка. И никогда еще рты не закрывались так неожиданно и плотно, как когда доходило до встречных исков. До 1692 года клевета была привычным в Новой Англии поводом обращаться в суд. На одном из ранних процессов о колдовстве в Массачусетсе одна женщина получила двадцать ударов плетью за то, что назвала другую ведьмой. В Салеме женщина, про которую говорили, будто «она ведьма, а если еще и нет, то однажды ею станет, так что лучше уж повесить ее раньше, чем позже», подала в суд за клевету и выиграла дело [10]. Нередко в суде сталкивались двое мужчин, потому что один бросил обвинение в адрес жены другого. Муж Сюзанны Мартин, которую привлекли за колдовство в 1669 году, после ее процесса выиграл дело о дискредитации супруги.

Фрэнсис Нёрс в прошлом успешно судился из-за дискредитации и клеветы. Однако ничего не стал предпринимать в 1692 году, когда слишком велика была вероятность осечки. Теперь здесь главенствовал принцип Мэзера: «Если сосед избранного святого согрешил, значит, святой согрешил тоже». Не считалось позорным донести на своего односельчанина: в 1692 году лучше было обвинить, чем попасть под подозрение в соучастии. Недонесение о преступлении само по себе считалось преступлением [11]. Более того, выступая информатором, вы приносили пользу обществу. Злословие, раньше приводившее к искам о клевете, в 1692 году превратилось в обвинения в колдовстве.

И все-таки сомнение прокрадывалось в души. Через три дня после казни Бишоп Фипс встречался со своими советниками, в том числе с главным судьей Стаутоном. Им требовались какие-то ориентиры. В следующие несколько дней проходило совещание двенадцати священников. По итогам Коттон Мэзер подготовил совместное заявление, выпущенное 15 июня. Хотя тексты вроде бы приходили ему

во сне, «Отчет по итогам совещания пасторов» [12] был продуманным документом из восьми пунктов, над которым он серьезно работал^[82]. В двух пунктах Мэзер признавал масштабы бедствия и пел хвалебную песнь мудрому правительству. Еще два посвящались призывам к «исключительной осторожности». Он затрагивал процессуальные вопросы: в зале суда по возможности должно обеспечить тишину и непредвзятость. Практики типа испытания касанием, уязвимые для «дьявольских уловок», должны проводиться осторожно. То же относилось и к «черному глазу», который ни в коем случае не следовало считать абсолютно надежным доказательством. Мэзер снова держался золотого стандарта английских авторитетов, Перкинса и Бернарда. Сейчас он звучал осторожнее, чем двумя неделями ранее в письме к Джону Ричардсу, перескакивающим с одного на другое.

В выражениях, которые наверняка очень тщательно выбирались, Мэзер напоминал судьям, что осуждение не должно строиться исключительно на призрачном свидетельстве, которое могут слышать только подвергшиеся чарам. Он говорил об этом раньше и будет настаивать в течение всего лета. Против подозреваемых в ведовстве необходимо использовать и другие соображения, «так как не подлежит сомнению и очевидно», что дьявол может обратиться невинным, даже добродетельным человеком. В исковерканном предпоследнем абзаце Мэзер задавался вопросом: можно ли было разрешить данную катастрофическую ситуацию, если бы суд вообще не брал в расчет эти показания? И наконец, с помощью размашистого «тем не менее» – этот оборот присутствует в каждом заявлении Мэзера того года на тему колдовства – он лихо разворачивается на 180 градусов. Его «очень критическая, исключительная предосторожность» через пять абзацев превращается в призыв к «скорому и решительному преследованию». Священники поддерживали судебное преследование тех, кто «вел себя возмутительно с точки зрения заповедей Божьих и нравственных законов английской нации, требующих поиска колдунов и ведьм». Однако при всех этих метаниях знаменитый пастор весьма однозначно высказался о двух вещах: во-первых, они имеют дело с чем-то экстраординарным; во-вторых, занимающиеся этим магистраты Новой Англии не менее экстраординарны. Наконец Мэзер несколько раз извинился за собственную непоследовательность.

Другие священнослужители выглядели более убедительно. В июне баптистский проповедник Уильям Милборн подал два прошения в Массачусетскую генеральную ассамблею. Он раньше некоторое время служил в Сако, штат Мэн, и, возможно, был возмущен случившимся с Берроузом. (Вообще, следовало остерегаться своих друзей. Защита Милборна могла вызвать подозрение, что Берроуз – баптист, а баптисты считались еретиками, почти такими же опасными, как квакеры.) «Несколько уважаемых людей с незапятнанной репутацией», указывал Милборн, сидят в тюрьме по обвинению в колдовстве [14]. Они совершили вымышленные преступления. Он призывал судей пренебрегать показаниями, способными ввести в заблуждение: есть чудовищный риск отправить на смерть невиновных. Милборн появился в приходе с дипломом юриста и опытом китобоя. Также он был известным нарушителем спокойствия из семьи нарушителей спокойствия, конфликтовавшим и с прихожанами, и с политическим руководством^[83].

Фипс приказал арестовать Милборна – еще один показатель кризиса 1692 года: эти двое когда-то были союзниками, сообща готовили восстание против Андроса. 25 июня проповедника вызвали в суд, дабы он объяснил свои «крамольные, скандальные записки» [15]. За впечатляющие «рассуждения об устройстве государственного правосудия» судьи предложили ему выбор между тюрьмой и убийственным штрафом двести фунтов (в эту же сумму Коттону Мэзеру в свое время обошелся дом с участком). С тех пор о Милборне ничего не известно. Через два дня после его ареста – а к этому времени стало понятно, что священники в Новой Англии, может, и не согласны с магистратами, но полностью делегируют им право разбираться с колдовством – суд, назначенный для заслушания и решения, вызвал еще восьмерых подозреваемых.

Пуританский пастор с апокалиптическим образом мышления, назначенный короной прокурор, разрабатывающий план обвинения, и массачусетский фермер, задумавшийся о внезапной смерти своей коровы, – все они оказались заняты одним и тем же. Каждый включил «аналитический турборежим» с ускорением работы мозга и учащением пульса. Как разобраться в зловещем и необъяснимом, не избив собаку, которая только притворяется собакой, а на самом деле –

ребенок? В поисках закономерности, которая где-то да должна была обнаружиться, каждый отважно шагнул в зону на стыке веры и паранойи, где не бывает совпадений и где имеется слабость к глобальным и смутно различимым проектам. И каждый сделал это так, как способен сделать только фундаменталист, прокурор или подросток, – с абсолютной уверенностью в том, что он неоспоримо, слепо прав.

Более никто из подозреваемых в колдовстве не мог сравниться с Бриджет Бишоп в сверхъестественной активности и пристрастии к чужим спальням. Зато кое-кого еще вполне реально было привлечь к ответственности за всяких желтых птичек, кошек и преследующих жертву волков. Пять признавшихся ведьм – в том числе собственная дочь – указали на Бишоп. Муж обратил внимание на странную отметину у нее на плече. Она вскармливала фамильяра своим пальцем. Ее имя появилось в дьявольской книжке. Она прилетела верхом на палке на пасторский луг, чтобы участвовать в «адском сборище» Берроуза. Томас Ньютон представил обвинительное заключение против салемской попрошайки Сары Гуд, с удовлетворением отметив, что показания околдованных жертв и признавшихся ведьм о шабаше совпали [16]. Ньютон полагался на собственное подробное описание дела Титубы, аккуратное и логически выверенное: Гуд посещала пасторский дом. И что-то бормотала себе под нос. И дети заболели. Более того, только жертвы и пособники могли видеть ведьм. Гуд видела Осборн, чьи силы не равнялись ее. Гуд, заключил генеральный прокурор, «должна, следовательно, быть ведьмой». Кусочки пазла складывались идеально.

Не успела собраться коллегия присяжных, как Сара Гуд снова взялась за свои проделки. 28 июня Сюзанна Шелден корчилась перед присяжными, пока давала показания: всего два дня назад Гуд колола ее, щипала и чуть не задушила насмерть. Она так плотно сцепила девушке руки, что двое мужчин вынуждены были поспешить ей на помощь: судя по всему, уже четвертый раз за две недели запястья восемнадцатилетней жертвы намертво склеились. В один из таких дней на яблоне обнаружили метлу. Между припадками Шелден рассказала о невидимых руках, стащивших со стола блюдо, – она видела, как Гуд выносила его из дома. Горничная Проктеров тоже извивалась перед присяжными; Шелден объяснила, что Гуд напала и

на нее. Сара Биббер клялась под присягой, что Гуд наслала чары на ее четырехлетнего ребенка. Пэррис клялся, что девочки невыносимо страдали на мартовских предварительных слушаниях. Члены большой коллегии присяжных выдвинули по крайней мере три обвинения против Гуд, и суд начался незамедлительно. Она выглядела дряхлой старухой, хотя была одного возраста с Биббер. Ее одежда давно превратилась в лохмотья. Если раньше она лишь бормотала как ведьма, то теперь еще и выглядела соответственно. Сара Гуд с февраля сидела в тюрьме вместе с грудным младенцем и какое-то время – с умирающей Осборн.

Сара Гуд никогда не упускала возможности высказать, что думает – собственно, в первую очередь именно поэтому она сейчас стояла перед группой судей в черных мантиях. Более вероятно, что она выдала длинную и утомительную речь для протокола, чем вяло и безнадежно отрицала свою вину. В любом случае признание вины уже не имело никакого смысла. Предъявление обвинения и судебное разбирательство, вклинившиеся между корчами девочек и потоком доказательств, растянулись на два дня. В итоге присяжные вынесли вердикт «виновна». Что не очень удивило одного бостонского наблюдателя, который прокомментировал формальный, шаблонный подход к делу в Салеме: «Одно и то же свидетельство, сработавшее однажды, будет работать и дальше» [17].

Ни Джон Хейл, ни Деодат Лоусон (оба присутствовали) ничего не написали о Саре Гуд. Коттон Мэзер тоже этого не сделал. Обуза для общества, опасная смутьянка, она не заслуживала их внимания. Ее обвинение строилось в основном вокруг призраков. А вот две следующие ведьмы (в течение недели большая коллегия присяжных прослушала восемь дел, малая – пять) действительно представляли интерес для Мэзера. Никто из сообщников не вплел в свои показания Сюзанну Мартин, острую на язык семидесятиоднолетнюю женщину из Эймсбери, которая с усмешкой говорила, что девочки не подверглись действию чар, а сами занимались черной магией. Однако сама Мартин уже однажды обвинялась в колдовстве. Свидетели сообщали, что она нянчила бесенка во время процесса над Бишоп. Как и тогда, Ньютон мог апеллировать не только к околдованным девочкам, но и к целой веренице пострадавших мужчин. В общей сложности констебли обнаружили дюжину таких. Этим мужчинам не

требовалось прибегать к эпилептическим припадкам, чтобы выразить свою позицию. Они давали показания прямолинейно и убедительно, и никто их не перебивал.

Мартин тоже донимала мужчин в их постелях. Она кусала пальцы и превращалась в черного кабана. Женщина вообще специализировалась на животных: судьям довелось услышать рассказы об утопленных волах, сведенных с ума коровах, отравленной скотине, летающих щенках, превращенных в бочонки собаках, котках-убийцах. Мартин неплохо разбиралась и в других странных вещах – ведь у нее для этого было несколько десятилетий. В течение двух лет одного мужчину из Солсбери все время куда-то таскали демоны. На полгода они даже лишили его дара речи. Теперь он клялся, что на их адских сборищах, где ему предлагали подписать книжку в обмен на «все самое лакомое в мире – людей, вещи и места, которые он только мог себе представить», – он видел Сюзанну Мартин [18]. Другой мужчина, пятидесяти трех лет, субботней ночью много лет назад не мог найти дорогу домой, хотя был от дома недалеко и шел при ярком лунном свете, – и возложил ответственность за это происшествие на Мартин. Прямо рядом с принадлежащим ей полем он упал в канаву, которой, он точно знал, там отродясь не было.

Сюзанна Мартин спорила о местах на скамьях в церкви. Она жестко торговалась, ругалась со своим зятем; презирала тех, кто свидетельствовал против нее в 1669 году, и теперь многие вспоминали об этом в красках. Когда столяр из Солсбери во время того разбирательства предположил, что она ведьма, Мартин пообещала, что «некая дьяволица скоро его похитит» [19]. На следующую ночь ему, спящему, вцепилась в горло кошка-убийца. После был случай с женщиной из Солсбери, давшей показания большому жюри. Мартин после процесса появилась перед ней, пока та доила корову, и прокричала: «За то, что ты ославил меня в суде, я превращу тебя в самое ничтожное создание на земле». Через два месяца ни с того ни с сего эта женщина начала нести околесицу. Врачи объявили, что она заколдована, и такой она осталась на два следующих десятилетия^[84].

Сложно сказать, что из чего следовало: Мартин, как Бриджет Бишоп, была слишком напористой, потому что уже раньше отвечала перед судом, или она прежде оказалась в суде из-за того, что была слишком напористой? Порочный круг: обвинение в колдовстве

автоматически делало вас подозрительно похожим на колдуна или колдунью. Видимо, единственной реакцией на необоснованные обвинения оказалось сквернословие – тогда понятно, почему Мартин не стеснялась в выражениях. Однажды замеченная, она теперь как магнитом притягивала к себе обвинения: 1692 год был хорош для того, чтобы оживить дела давно забытых дней. Когда возникают вопросы, мы ищем ответы. А когда доходит до осуждения, любой из нас может оказаться мишенью. Как только Бриджет Бишоп рассказала сыну мельника, какие о ней ходят слухи, с ним начали твориться странности. Мы не знаем, что говорила Мартин в суде 29 июня обвинителям и магистратам, но она точно оставалась непреклонной весь процесс. «Главное, в чем она убеждала, – отмечал Коттон Мэзер на основе не дошедших до нас документов, – так это в своей добродетельной и благочестивой жизни». Он расценивал это как кощунство. Присяжные согласились и выдали вердикт «виновна». Спустя несколько месяцев, изучив материалы дела, Мэзер написал последнее слово о Сюзанне Мартин, которую никогда в жизни не видел и впредь не увидит: «Эта женщина была одним из самых бесстыдных, грубых и злобных существ на свете».

Еще два дела на той же неделе спровоцировали вполне естественную злобу и сверхъестественные выходки. В показаниях против Элизабет Хау из Топсфилда присутствовало полное собрание сказочных чудес: прыгающие свиньи, отравленная репа, самоопустошающиеся сосуды, исчезающие столбики изгородей, вызывающие амнезию яблоки [20]. Две важные особенности отличали ее случай от дела Мартин. Отравившийся репой вол принадлежал одному ее зятю, прыгающая свинья – другому. В мае, когда назвали ее имя, Хау попросила первого зятя о помощи. Не может ли он сопровождать ее в Салем? Муж ее был слеп и не мог предпринять такую поездку, а отправляться в одиночку ей не хотелось. Тут Хау пришлось испытать и на себе, как трудно рассеять облако подозрения, которое, раз поднявшись, быстро распространяется по округе. Я бы с готовностью пошел, сказал зять, при любых других обстоятельствах, но здесь я провожу черту. Он поторговался с ней еще немного: «Если ты ведьма, скажи, как долго это уже продолжается и что ты натворила, – тогда я пойду с тобой». На следующий вечер его свинья,

подпрыгнув на метр в высоту, «обернулась вокруг себя, взвизгнула, повалилась наземь и издохла».

В своем описании суда над Элизабет Хау Коттон Мэзер не заметил, что у пятидесятипятилетней женщины есть серьезное преимущество над предыдущими подозреваемыми: в ее защиту свидетельствовали не менее двенадцати человек, в том числе и два пастора. Она всегда была доброй христианкой, всегда держала слово, честно трудилась, свято верила в Бога. Нельзя сказать, что семья ее мужа совсем от нее отвернулась. Свекор Элизабет девяноста четырех лет рассказывал, как преданно она заботилась о его слепом сыне, как нежно водила его за руку. Она занималась их фермой и воспитывала шестерых детей. Башмачник из Ипсвича свидетельствовал, что Хау не сказала ни одного худого слова о своих обвинителях, которые, она считала, больше вредили себе, чем ей. Сигналы тревоги звучали на все лады. Помощник пастора из Роули вызвался пойти вместе с Хау к десятилетней девочке, которую она якобы заколдовала. Ребенок ничего про нее не говорил, ни во время своих конвульсий, ни после. Девочка даже смогла взять Хау за руку в присутствии священника. Обижала ли ее эта женщина? «Нет, никогда», – ответила она [21]. Потом священник сидел вместе с девочкой на крыльце, а ее брат закричал из окна верхнего этажа: «Скажи, что матушка Хау ведьма, скажи, что она ведьма!»

Салемские присяжные в тот же день слушали истории про заколдованное сено и заговоренную веревку, когда в зал вошла Сара Уайлдс [22]. В ее деле явно ощущалось присутствие недобрых родственников. Она была легкой добычей, так как слишком быстро вошла в семью, где еще оплакивали предыдущую жену Уайлдса. Женщины в Новой Англии, хотя и обреченные сидеть дома, при этом были географически мобильны – их забирали из родных мест и привозили в незнакомые поселения. Топсфилдский констебль, несколько недель назад арестовавший и доставивший в Салем мать и дочь Хоббс, был сыном Уайлдс. «Я много думал с тех пор, – рассказывал суду двадцативосьмилетний Эфраим Уайлдс, – не будет ли то, что я их схватил, поводом обвинить мою мать». Тяга к возмездью казалась вероятной; когда он арестовывал Хоббс, то «почти видел месть в ее глазах, она так злобно на меня смотрела» [23]. В то время еще казалось, что можно выйти из зала суда помилованным,

поэтому нет сомнений, что Хау и Уайлдс отстаивали свою невиновность. В целом остроумные возражения подозреваемых были чем-то средним между прямолинейностью Жанны д'Арк: «Людей и раньше вешали за правду», и вопросом удивленной Элли, вернувшейся в Канзас: «Неужели мне никто здесь не верит?» В обвинении против обеих женщин не фигурировало ни демонических шабашей, ни сделок с дьяволом. У обеих имелись защитники. Уайлдс к тому же была полноправным членом церкви. Однако летающие свиньи, заколдованное сено и распоясавшиеся косы произвели неизгладимое впечатление на суд. Присяжные признали обеих женщин виновными в колдовстве.

Мэзер не стал писать еще про одно дело той среды, не упомянул о подозреваемой, в адрес которой никогда не звучали эпитеты «бесстыдная, грубая и злобная». Никто раньше не обвинял в колдовстве Ребекку Нёрс. Она вообще до этого не появлялась в суде. И никто – с появления на ее пороге маршала с ордером несколько недель назад – не запускал такой мощной кампании по защите, какую развернул сейчас огромный и влиятельный клан Нёрсов. В этой семье зятя спешили на помощь, а не подталкивали к признанию обвиненных в колдовстве тещ. Фрэнсис Нёрс активно ходил по деревне, от дома к дому, с петицией, где утверждалось, что его жена (на которую жаловались пять девочек и две взрослые женщины) на самом деле, как она заявила в марте, невинна «как нерожденное дитя» [24].

Петицию подписали тридцать девять жителей деревни, но это не уберегло его жену от тюрьмы или двух грубых физиологических осмотров. Сэмюэл Сибли, муж испекшей «ведьмин пирожок», тоже поставил свою подпись, как и семеро Патнэмов (в том числе один из самых первых обвинителей Нёрс), отец одиннадцатилетнего околдованного ребенка и трое из четырех членов церкви, которые пришли тогда к Ребекке, чтобы предупредить о грядущем аресте, – среди них и сестра судьи Хэторна. Пэррис твердо держался противоположной стороны, ведь его племянница была одним из четырех лиц, давших против Нёрс показания. Ни одно дело еще так остро не разделяло общину^[85].

Фрэнсис Нёрс начал наносить и более точечные удары. 29 июня жюри услышало свидетельские показания не только против его жены,

но и против ее обвинителей. Один селянин клялся, что горничная доктора Григса врала, что была на собрании в предыдущем месяце. Соседка, много недель просидевшая у постели Ребекки, указала на несколько противоречий в рассказе Сюзанны Шелден. Ведьмы волокли Сюзанну по траве и перетаскивали через каменные стены животом вниз, как змею. Ой, нет, она сама перелезла через стену. Она летела в Бостон на палке. Ой, нет, ее нес по воздуху дьявол. Пара из Беверли, у которой горничная Патнэмов работала несколькими годами ранее, сообщала, что девятнадцатилетняя девушка весьма вольно обращалась с правдой. Фрэнсис Нёрс без труда посрамил коварную Сару Биббер: несмотря на огромную любовь своих соседей, она, скорее всего, сама бы сейчас обвинялась в колдовстве, если бы вовремя не присоединилась к бьющимся в конвульсиях девочкам. У нее были отвратительные отношения с мужем. Она хотела, чтобы ее ребенок заболел. Она грязно ругалась и впадала в истерику, когда ей перечили. Трое деревенских назвали ее «неуправляемой и буйной духом». Целеустремленные Нёрсы подтвердили то, что подтверждалось всеми обвинениями в колдовстве: никто не без греха.

Дело против Ребекки Нёрс практически не касалось сверхъестественного: ее супруг сделал все возможное, чтобы отцепить от себя этот убийственный ярлык. Родители предполагаемой жертвы свидетельствовали, что их ребенок умер исключительно от «злокачественной лихорадки». Они не говорили о подозрениях в колдовстве. Даже Натаниэль Патнэм, который вел с Нёрсами нескончаемую битву за землю, свидетельствовал в защиту Ребекки, хотя именно его племянник инициировал обвинения. Патнэм знал эту благочестивую женщину многие годы. Она создала хорошую набожную семью, дала детям хорошее воспитание и образование. Хотя у нее и были разногласия с соседями, он никогда не слышал ни полслова о волшбе. Сама обвиняемая, как могла, старалась вернуть происходящему хоть немного здравого смысла. Перед повторным заседанием суда она подала прошение. Ее подвергли двум инвазивным медицинским осмотрам. Опытная акушерка из числа проверявших – «самая пожилая, грамотная и благоразумная из них» – не согласилась с остальными [26]. Может ли суд предоставить профессионала? Нёрс предложила несколько имен. Две ее дочери подтвердили, что мать

годами страдает от осложнений после родов, хотя «женщины-присяжные, видимо, боятся, что это может быть что-то еще» [27].

В вибрирующем от напряжения зале суда девочки-страдалицы демонстрировали свои недуги присяжным. Их губы уже были исколоты булавками, в одном случае – заколоты ими вместе. Энн Патнэм вытаскивала еще одну из своей руки на слушании Хау. Во время процесса над Ребеккой Нёрс Сара Биббер обхватила колени руками и завывала от боли: ведьма уколола ее! К несчастью для Биббер, дочка Нёрс не спускала с нее глаз и видела, как Сара доставала булавки из одежды и сама себя колола. В какой-то момент судебные приставы ввели в зал Абигейл и Деливеранс Хоббс. Нёрс знала эту парочку из Топсфилда по тюрьме. Что они здесь делают? – поразила ее. Этот вопрос ей еще припомнят. И он уж точно не ослабит показаний об оккультном шабаше, где Нёрс проводила службу, восседая, как утверждала племянница Пэрриса, на самом почетном месте, рядом с дьяволом.

Кое-кто ненавязчиво дал задний ход. Энн Патнэм – старшая была в числе инициаторов обвинений против Нёрс. Она спорила о Писании с призраком Ребекки в присутствии Деодата Лоусона. Муж вынес ее на руках с мартовского слушания Нёрс, где Энн вдруг словно одеревенела. В эту среду, однако, ее не замечали в окрестностях салемского суда. В деле Нёрс не фигурировало летающих яблок и упоминалось в лучшем случае всего одно проклятие: она ругала заблудшую свинью. Ее семья занимала определенное положение в обществе, и луч надежды пробивался сквозь тучи. После короткого совещания – подсудимая, видимо, оставалась в зале, не очень разбирая возню и крики у себя за спиной, – присяжные вернулись на свои места [28]. Стаутон спросил, каков их вердикт. Зал затаил дыхание. Старшина присяжных встал и объявил подсудимую невиновной. Радостные крики облегчения со стороны Нёрсов утонули в чудовищном реве обвинителей. С улицы им вторило эхо. Не все ожидали, что Нёрсы одержат верх, в особенности судьи, которые не скрывали своего раздражения. Один во всеуслышание заявил, что разочарован. Другой поклялся повторно засудить Ребекку, что легко мог сделать.

Стаутон повернулся к присяжным. Он не собирается навязывать им свое мнение. Но учли ли они реакцию Нёрс на появление

Деливеранс Хоббс? При виде ее у узницы вырвалось что-то вроде «Она одна из нас». Хоббс сама призналась, что ведьма. Сказав это, не призналась ли Нёрс, интересовался Стаутон, что и она тоже ведьма? Возможно, это было саморазоблачение? (Судьи не стеснялись ставить под вопрос решения присяжных, хотя чаще они оспаривали – и изменяли – обвинительные вердикты. В оправдательных приговорах сомневались крайне редко.) Расстроенные сотворенным ими скандалом, присяжные попросили разрешения на повторное совещание. Невозможно представить себе ужас, сковавший семью Нёрс, и особенно потрясенную, слабослышащую подсудимую, которая стала инвалидом задолго до того, как попала в тюрьму два месяца назад.

За закрытыми дверями присяжные изо всех сил пытались разобраться в возгласе Ребекки Нёрс. Она имела в виду, что они с Хоббс сестры по несчастью, вместе томящиеся в заключении, или сестры-ведьмы? Двенадцать мужчин никак не могли договориться – суд ждал не просто решения, но единогласного решения. Старшина был озадачен. «Я не знал, как понимать ее слова», – объяснял он позже [29]. Сами по себе они не казались уликами. Присяжные снова расселись по местам, чтобы кое-что прояснить. Нёрс стояла у барьера. Старшина повторил спорную фразу. В соответствии с записями она сказала: «Что? Эти люди теперь свидетельствуют против меня? Мы же были все вместе» [30]. Что именно, спросил он, Нёрс имела в виду? Она стояла молча, словно в каком-то оцепенении, ни на что не реагируя. Жюри ждало объяснений, но их не получало, «вследствие чего, – делился позднее шестидесятилетний старшина, – эти слова стали для меня главным свидетельством против нее». Присяжные совещались в третий раз. Они огласили судье Стаутону обвинительный вердикт.

Фрэнсис Нёрс начал на них давить: как можно объяснить этот разворот на 180 градусов, когда двенадцать мужчин только что согласились, что для осуждения недостаточно улик? И Ребекка Нёрс довольно скоро объяснила свои слова, посоветовавшись с человеком, сведущим в законах. Она подала суду прошение: ее высказывание не подразумевало ничего, кроме того, что мать и дочь Хоббс были, как и она, арестантками. И это ее поразило. Как может один обвиняемый преступник законно свидетельствовать против другого? (На самом

деле может, если они сообщники.) Она лишь имела в виду, что упомянутые женщины, с которыми она делила все тяготы этого позорного чудовищного заключения, стали ей подругами. Она представить себе не могла, что можно как-то иначе воспринять ее ремарку. Почему потом молчала? Так ведь она «плохо слышит, к тому же была в отчаянии» [31]. Не уловив, что ее слова неправильно поняли, она не имела возможности все разъяснить. Еще на допросе в марте у нее возникли проблемы с четким пониманием задаваемых ей вопросов, и вряд ли у нее одной (конечно, она не слышала магистратов, ухмылялись ее обвинители. В это время ей на ухо что-то шептал дьявол!). Она оставалась глуха не только к происходившему, но и к нюансам собственного положения. По мнению присяжных, Ребекка явно свидетельствовала против себя.

Фрэнсис Нёрс, не теряя времени, запросил у суда стенограмму заседания. Сьюэлл предоставил все, что мог. Кое-какие из показаний были только устными, как, видимо, в случае с Хоббс – у него не оказалось никаких записей [32]. Вооружившись заявлением своей жены и подписями жителей деревни, Нёрс подготовил новую апелляцию, обратившись к губернатору Фипсу с просьбой об отмене приговора. В это время преподобный Нойес организовал еще одно появление на публике Ребекки Нёрс. В следующее воскресенье он привел ее в молельню, где она десятилетиями возносила молитвы. Это был день причастия, и народу к грузному чопорному пастору пришло много. Остаться ли осужденной ведьме членом конгрегации? В такой формулировке ответ на этот вопрос был очевиден. Священный долг церкви чистить свои ряды; Нёрс осквернила их всех своими преступлениями. После таинства салемские верующие единогласно проголосовали за принятие официального постановления об отлучении от церкви, что редко случалось до 1692 года [33]. Оно не имело юридических последствий – прихожанин отлучался за попрание законов Божьих, а не человеческих. В нормальных обстоятельствах такое наказание назначалось временно. Грешник мог раскаяться, получить отпущение своего греха и вернуться в лоно церкви. Ведьма не могла.

Днем 3 июля салемские старейшины заняли свои места в первых рядах молельни. Нёрс стояла в центральном проходе со скованными руками. Пастор Ребекки объявил ее нечистой – его речь могла

затянуться надолго и сулила многократное перечисление всех подробностей ее преступления. Далее он зачитал некую версию оскорбительного приговора, вынесенного Энн Хиббинс и Энн Хатчинсон полвека назад: «Я здесь и сейчас именем Иисуса Христа и Его Церкви передаю тебя во власть Сатаны и его деяний». Это был страшный приговор, невыносимое унижение для женщины, вся жизнь которой вращалась вокруг ее веры. Соседи теперь клеймили ее ведьмой, а две ее сестры сидели, закованные в цепи, в Бостоне. К тому же Нойес отлично умел унижать. Он исключил Нёрс из конгрегации – чистая формальность, учитывая адрес тюрьмы, по которому она теперь находилась. Однако для ее мужа, отважно бившегося с системой, это стало ударом – ведь он сумел продемонстрировать, что многие его жену никоим образом не отвергли. Хрупкая семидесятиоднолетняя женщина, еще в марте уверявшая своих визитеров, что чувствует большую близость к Всевышнему в болезни, чем ощущала в здравии, отныне вынуждена была покинуть свой приход, словно прокаженная. Никогда больше ей не разрешат принимать причастие. Нойес обрек ее душу вечно гореть в аду.

Суд, назначенный для заслушания и решения, действовал по отношению ко всем пятерым подозреваемым, чьи дела рассматривались в конце июня, как к Бриджет Бишоп тремя неделями ранее. За эти прошедшие недели судьи повесили одну ведьму и консультировались со священниками, которые дали свои рекомендации. Тогда как они предостерегали от «шума, многолюдья и открытости», сале́мская ратуша вибрировала от криков. Служители церкви осудили использование в качестве доказательств испытание касанием и дурной глаз. Также они выразили сомнение насчет легитимности призрачных свидетельств, этот вопрос все время их тревожил. В конце июня, когда судебные заседания возобновились, массачусетское духовенство поставило этот вопрос в повестку одного из них [34]. Может ли дьявол притвориться невинным человеком, преследуя свои дьявольские цели? Если да, то те, кто насылал проклятия, делали это помимо своей воли. Судьи тем временем шли дальше. В конце концов советы священников сыграли роль замечания мальчика из сказки, который предпочитает верить собственным глазам, а не суждениям толпы. А король-то голый! – закричал он. Конечно,

король был гол. Но он продолжал идти с гордо поднятой головой, а паж нес за ним шлейф невидимой разноцветной накидки.

Пуританский пастор появлялся на людях, одетый с ног до головы в черное. В салемском суде недостатка в этих строгих одеяниях не было. Деодат Лоусон вернулся и побывал на нескольких июньских процессах. Пастор из Уотертауна, оказавшийся пасынком Джонатана Корвина, специально приехал в Салем, чтобы поглядеть на удивительные события. Уезжал он совершенно сбитым с толку. Единственный урок, который ему удалось извлечь, – что надо ступать осторожно и демонстрировать окружающим свое добросердечие. Пэррис приходил в суд каждый день. Они с Джоном Хейлом свидетельствовали против обеих ведьм из Топсфилда, Сары Уайлдс и Элизабет Хау. Нойес тоже вряд ли пропустил хотя бы одно заседание: несколько недель он допрашивал свидетелей, собирал улики и подвергал сомнению данные показания. Вместе с булавоочной фокусницей Сарой Биббер девочки-жертвы держали внимание зала – они по-прежнему «вдруг немели, глохли, слепли и порой лежали на полу, как мертвые», описывал один наблюдатель [35]. Глаза закатывались, конечности дергались – неоспоримое доказательство реальности злодеяний. Однако к июню пораженные сами стали инструментом в более опытных руках – созданная ими пьеса уже поглотила своих создательниц. Их могли отодвинуть в сторону или поправить. Судьи открыто отругали одну девочку за ложь. Другая обвинила Сэмюэла Уилларда, пастора трех судей на процессе и одного из подписантов письма Мэзера от 15 июня. Все это паляще жаркое, необычно засушливое лето Уиллард, один из самых уважаемых людей в Бостоне, проповедовал о дьяволе. Он мастерски умел выявлять ложные признания и вымышленные свидетельства: жертва могла забыть о собственном злодеянии и, соответственно, являлась невиновной. Позиция Уилларда была предельно ясной. В награду он получил обвинение в колдовстве. Судьи выгнали обвинившую его юную особу из зала суда и заявили, что она «перепутала пастора с кем-то другим» [36].

Как стало ясно из кратковременного оправдательного приговора Ребекки Нёрс, присяжные самостоятельно пришли к заключению. Пораженные, конечно, завизжали в ответ. Но официально вердикт под вопрос поставила судейская коллегия. Именно главный судья

вмешался и указал двенадцати мужчинам на, вероятно, не замеченную ими улику. Он привлек их внимание к ключевой детали. И вполне мог по-своему растолковать им молчание Нёрс. В его власти добиться ответа от растерянной подсудимой, чье дело он сам не рассматривал. Его недовольство ощутимо давило на присяжных, фактически находившихся в зависимом положении у «высокоуважаемого суда», которому они представляли свое решение. Не стоило спрашивать, в чьих руках было правосудие в Салеме.

Шестидесятилетний Уильям Стаутон успешно продолжал миссию Джона Хэторна, который был на десять лет его моложе, – втаптывать в грязь души и вдребезги разбивать алиби. С собой он принес в зал суда больше юридического опыта, чем имелось у кого-либо в провинции [37]. Занимая пост вице-губернатора, в новой администрации он подчинялся только Фипсу. Бледный и длиннолицый, высоколобый, с глубоко посаженными глазами и множеством подбородков, он входил в число старейших членов суда. Прекрасный оратор, настойчивый и всеми обожаемый, он обобщал свидетельские показания в конце процесса и инструктировал присяжных. Мы не имеем представления, как звучал голос Стаутона, но знаем, что он впечатлял слушателей. Можно предположить, что это был резкий и высокий скрипучий «новоанглийский тембр». Если вам требовалось быстрое и напористое разрешение конфликта (уладить спор о месте для молельни, обменяться пленными с вабанаки или призвать к порядку строптивного чиновника), вы обращались к Стаутону. Этот человек, отлично знавший и старое, и новое законодательство Новой Англии, в течение долгих лет разбирался с любыми юридическими затруднениями [86]. Особенно он был востребован в случаях, когда разгорались нешуточные страсти. Английские официальные лица неоднократно жаловались на нехватку в Массачусетсе компетентных государственных служащих – при этом выделяли Стаутона, называя его редким исключением. Он знал, как действовать с особой осторожностью, глуша взрывы, элегантно лавируя между личными амбициями и органами управления. Он сгладил ситуацию, когда на совещании Уильям Фипс сообщил вице-губернатору Нью-Гемпшира, что тот «наглый, самовлюбленный жалкий выскочка» [38].

Стаутон, закоренелый холостяк, был вторым сыном одного из первых в Массачусетсе магистратов, колониальной знаменитости,

попечителя Гарварда, основателя Дорчестера – милого городка примерно на двести домиков, живописно дремлющего в буйной зелени между двумя лениво текущими реками. С точки зрения социального положения никто из гарвардских однокурсников не мог тягаться со Стаутоном. Он получил степень в Оксфорде, потом на полставки проповедовал в Дорчестере, но не внял многочисленным просьбам возглавить местный приход. Прекрасно образованный молодой человек с обширными связями был лакомым кусочком: ему поступило шесть привлекательных предложений пасторства – он отклонил их все, выбрал политическую карьеру и молниеносно взлетел к ее вершинам. Молодой успешный политик поселился в дорчестерском особняке, окруженном необъятными пастбищами, лугами, садами, кукурузными полями и солончаками.

В возрасте тридцати шести лет Стаутон – первый из своего поколения – выступил с нашумевшей речью на выборах 1668 года в Бостоне, фактически ставшей докладом «О положении в стране»^[87] и быстро дошедшей до лидеров города. Очень спокойно и со знанием дела Стаутон до блеска отполировал миф об основании Новой Англии. Сама Новая Англия была этим тронута: его речь все еще цитировали двадцать четыре года спустя. Не он первый заговорил об американской исключительности, но он – через сорок восемь лет после прибытия сюда «Мейфлауэра» – сумел лучше прочих облечь идею в слова. Они были первенцами Господа, его любимцами, его избранниками. «Могло ли быть сделано для нас более того, что сделано?» – вопрошал Стаутон, рассуждая о божественном ожидании и отцовском примере, неудобной теме для поколения, предпочитавшего упиваться собственной никчемностью. Колонисты, напоминал соотечественникам Стаутон, – это отборное зерно. На них пролился ливень небесных благословений и ожиданий, милостей, преимуществ, привилегий, свобод. Собираются они процветать или же истлеть в дикой пустыне? Воспользовавшись случаем, он передал смертным Божью волю: Бог голосовал за иерархию. Соотечественники Стаутона мудро покорялись своим «мирским и духовным пастырям». Однако он (это было типичной песней всего «второго поколения» колонистов) приходил в отчаяние, потому что его народ сделался менее бдительным, «менее восприимчивым к проповеди и закону». Не обошлось и без обязательной тысячелетней нотки: Господь скоро

«закончит свои великие деяния в этом мире». Оратор неопределенно кивал в сторону врагов, затаившихся где-то на среднем плане в сумерках. Антихрист и его отродье уже в пути, и сказано, что грядет битва не на жизнь, а на смерть. Задолго до Пэрриса Уильям Стаутон настаивал: «Сейчас такое время, когда каждый, кто не с Христом, – против него» [39]. Третьего не дано.

Достигнув сорокалетия, Стаутон посвящает себя государственной службе и торговле землей – типичная заманчивая комбинация, особенно когда две с половиной тысячи квадратных километров земли в Коннектикуте можно купить за пятьдесят фунтов плюс пальто [40]. Вместе со своими английскими партнерами (обычно он кооперировался с ближайшим политическим союзником Джозефом Дадли, недолго занимавшим пост президента колонии) Стаутон все 1680-е азартно осваивал земельные угодья. (Один королевский агент брюзжал, что невозможно было предъявлять право короны на земли, потому что владельцами этих земель неизменно оказывались массачусетские судьи)^[88]. Улаживая споры вокруг земель индейцев в 1681 году, Стаутон и Дадли прибрали к рукам более 800 гектаров могучего соснового леса. Через пять лет они возглавили предприятие, (безуспешно) попытавшееся присвоить сорок тысяч гектаров вдоль берега реки Мерримак.

За два десятилетия, прошедшие с его назначения судьей до обращения к салемамским присяжным по делу Ребекки Нёрс, Стаутон наглядно продемонстрировал: может, и не бывает людей, занимающих нейтральную позицию, зато определенно существуют люди, которые процветают при любом режиме. В начале войны короля Филиппа он отплыл в Лондон в числе первых колониальных агентов, призванных в течение столетия защищать независимо мыслящую колонию от обвинений в неподчинении и перегибах. Он не понаслышке знал о нравах своих соотечественников. В глазах англичан они были, как выразился один чиновник, незрелыми юнцами, причем юнцами невоздержанными и ограниченными^[89]. Стаутон тогда мало чего добился. Ему стыдно было слушать доклады о правонарушениях в колонии и начавшиеся дискуссии об аннулировании хартии. Он вернулся в Бостон (к этому времени Берроузу пришлось уехать из Каско, а первому салеамскому пастору – оставить кафедру) и был

принят весьма холодно. Умеренный на взгляд англичан, американцам он казался соглашателем.

В следующие несколько лет Стаутон проявлял чудеса акробатической ловкости. Его фактически сочли предателем, когда в 1684 году корона отозвала массачусетскую хартию. Даже Инкриз Мэзер объявил его врагом народа [43]. Стаутон занял пост вице-президента при временном правительстве доминиона, не вняв возражениям Уилларда и Мэзера, которые стояли в оппозиции к этому режиму (однако не сел на десять месяцев в тюрьму, в отличие от менее гибкого Дадли). Он также сотрудничал с Андросом, когда в декабре 1686 года губернатор в алом одеянии прибыл обуздать сбившуюся с пути Новую Англию.

Обнаруживая дар, благодаря которому он однозначно заслуживает места в истории и который наверняка держал семейство Нёрс в напряжении весь июль, Стаутон сумел тремя годами позже посодействовать отстранению королевского губернатора, в совете которого заседал и суды которого возглавлял. Именно он первым обратился к Андросу сразу после переворота, сообщив бывшему начальнику, ныне заключенному, что «он может сам себя благодарить за постигшую его катастрофу» [44]. За год до начала припадков у девочек Пэрриса Стаутон помогал сделать видимыми страдания народа при режиме, который они свергли. Бесчинства, захваты собственности, унижения, злоупотребления властью достигли такого масштаба, что уравновешенный человек надолго выходит из себя при упоминании Андроса даже десяток лет спустя [45].

В работе «Обоснование революции в Новой Англии», единственном самооправдательном документе, к которому приложил руку Стаутон, он славит освобождение колонии от многолетнего ига. Оказывается, «подлый самодур», которому он служил, полностью игнорировал мнение собственных советников [46]. Андрос допустил упадок Гарварда, создал частное законодательство (а потом его игнорировал), запретил собрания граждан, произвольно собирал подати. Правосудие замерло в руках коррумпированной администрации, которая ставила своих присяжных, потешалась над установленным порядком и тянула из людей взятки. Ходили слухи, что Андрос подкупал вабанаки, дабы они нападали на колонистов; что снабжал их порохом и пулями; что обратил их в католицизм. Это был

саботаж^[90]. На самом деле индейцы сами убеждали поселенцев, что Андрос вступил в сговор с французами и ирландцами, чтобы уничтожить Бостон. И конечно же, аннулируя права на землю, Андрос подрывал спекулятивные предприятия и отнимал собственность у близких друзей Стаутона, лишал их права обращаться в суд и распределял их земли между своими приближенными^[91].

С точки зрения Лондона, поселенцы не признавали никакой власти, плохо управляли колонией и страдали от бесчисленных расколов. Англиканская церковь всегда считала, что гнев пуритан выражался в «битье окон да пачканье дверей и стен навозом» [47]. Жители Новой Англии были беспомощны, не могли сами себя защищать и при этом активно продавали порох и снаряжение французам и индейцам. Не делай они этого – и вабанаки бы уже давно молили о мире. Это был саботаж. Неважно, кто поднес спичку, но новый конфликт, ставший известным как война короля Уильяма, разгорелся моментально. Капитан Хиггинсон, сын салемского пастора, еще в 1689 году был вполне успешным дельцом. Потом торговля захирела, и он постоянно терпел убытки [48]. Из шестидесяти небольших торговых судов у Салема осталось только шесть. Хиггинсон полагал, что ни один другой город в Массачусетсе не пострадал так жестоко.

Стаутон, оказавшийся в немилости после свержения Андроса, своим новым взлетом был обязан Мэзерам. Тут потребовался его недюжинный артистизм. За шесть бурных лет этот человек успел послужить четырем разным режимам. Можно назвать его чемпионом своего времени по количеству уходов в отставку, отказов подчиняться, уклонений от обязанностей и переходов на сторону противника – выражаясь языком Новой Англии XVII столетия, он как бы играл одновременно роль и Моисея, и советника фараона на протяжении всех лет египетского плена. Определенно семье Нёрс пришлось серьезно напрячься, чтобы предугадать его действия. Дефицит квалифицированных кадров в Массачусетсе играл Стаутону на руку. К 1692 году в его послужном списке значилась каждая высокая должность, какую только могла предложить колония, и, вероятно, он уже присматривался к губернаторскому креслу, на которое, учитывая свою квалификацию, однозначно имел больше оснований претендовать, чем Фипс. И даже взобравшись на эту вершину, он до

конца жизни оставался главным судьей. Государственные посты прицеплялись к нему намертво, как репей.

Вторые поколения обычно более ортодоксальны, чем их отцы, а новые режимы обычно более деспотичны; и тем и другим есть что доказывать. Будучи благородным доктринером, Стаутон тем не менее понимал, как важно бывает проворно подстраиваться под обстоятельства. Вполне возможно, это было связано с потрясением из далекого детства: его отец Израэль опубликовал памфлет, где ратовал за более представительное массачусетское правительство. Последовала незамедлительная атака губернатора Уинтропа, отца Уэйта Стилла, который назвал Стаутона «червем» и «подрывателем основ государства» [51]. Израэль Стаутон написал трусливое покаянное письмо, призывавшее власти сжечь его оскорбительную, ошибочную книжонку. Его на три года отстранили от государственной службы. Сын не собирался наступать на отцовские грабли. Один английский чиновник одобрительно отмечал, что Стаутон поддерживает пуританских священников, однако – такой гибкий человек – без сомнений, заботится о соблюдении интересов короля [52]. Еще он был набожным, в высшей степени компетентным слугой своему народу, и Мэзеры, не колеблясь, поменяли свое мнение о нем на прямо противоположное. В конце 1691 года Коттон напомнил своему отцу: «Мистер Стаутон – настоящий друг Новой Англии, стремящийся любыми способами исправить промахи прошлого правительства» [53]. Следовало восстановить его доброе имя.

Если что-то и пятнало репутацию Стаутона, то точно не поспешные перебежки на сторону противника и не скопление титулов. В 1688 году, когда Пэррис читал свою первую проповедь в Салеме, Стаутон поехал в Мэн договариваться об обмене пленными с вабанаки. Дело это он с треском провалил и разгневал индейцев. В последовавших ответных нападениях погибло шестнадцать поселенцев. Тут возник резонный повод сравнить два поколения: отец Стаутона, капитан ополчения, в 1637 году вырезал индейское племя и вернулся в Дорчестер с триумфом. В 1692 году Мэзеры и новая хартия спасли его сына от фиаско в том же Мэне.

Уильям Стаутон, про которого говорили, что он «никогда без боя не уступает ни одного пункта», был человеком вспыльчивым. Бывал он и высокомерным. Он держал планку моральных стандартов на

определенной высоте с 1668 года, когда впервые напомнил своим соотечественникам, что – будучи избранными – они могут не сомневаться: Сатана неуклонно следует за ними по пятам. Он не верил, что Господь позволил бы праведникам совершать зло против их воли. Он не признавал доводов, что подозреваемые, которым приписывали призрачных двойников, могли оказаться невиновными. Если девочки видели, как Ребекка Нёрс душил Энн Патнэм – младшую, значит, Ребекка Нёрс – ведьма. Он уже судил такие дела в прошлом и был одним из тех, кто послал Гловер на смерть за колдовство против детей Гудвинов. Он давно предупреждал о невидимом враге – теперь, к июлю 1692 года, враги, похоже, повсюду. В сотне километров от Салема, в Ланкастере, один мужчина вернулся домой и обнаружил тела своей жены и троих детей в луже крови – их изрубили томагавками. Ночные нападения начали терзать соседний Глостер в середине лета, когда несколько ночей подряд в новолуние около городского гарнизона слышались шаркающие шаги [54]. Вскоре материализовалась дюжина мужчин, одетых кто как французы, кто как индейцы. Они говорили то на английском, то на иностранном языке, были неуязвимы для пуль, вывели из строя все орудия и растворились в кустах, не оставив следов. После двух недель кошмара Глостер попросил подкрепления, однако отряд из шестидесяти ополченцев тоже не преуспел. Пули оказывались в стволах деревьев, как иголки на процессах – в фартуках девочек. Салем трясло от страшных новостей, но ничто не могло сбить с курса неутомимый клан Нёрсов. Они напряженно ждали ответа из Бостона на свое прошение.

Стаутон впечатлял даже врагов, на коллег он давил своим бешеным темпераментом, горделивой осанкой и вольным потоком идей. Для человека вроде Фрэнсиса Нёрса это был весьма серьезный противник. Безупречно исполнительный Сэмюэл Сьюэлл часто брал сторону главного судьи. Сьюэллу, наверное, принадлежал рекорд посещаемости зала суда. Да и жившие рядом с салемской ратушей Хэторн и Корвин, похоже, вовсе не уходили с заседаний. Пятидесятидвухлетний Бартоломью Гедни, состоятельный землевладелец из Салема, имевший интересы в Мэне, также ратовал за примирение с Англией. Он также сотрудничал с Андросом, пока не примкнул к его врагам. Будучи врачом, Гедни любил изысканные вещи. Скорее всего, он был одет лучше остальных судей; у него,

редкого счастливи́чика в городе Салеме, даже имелось бархатное седло [55]. Все трое салемских мужчин ясно дали понять, кому они благоволят, во время предварительных слушаний. Уважаемый человек Джон Ричардс обратился к Коттону Мэзеру и получил ответ. Уэйт Стилл Уинтроп во времена Андроса тоже оставался его советником вплоть до восстания [56]. Государственная служба не слишком отвлекала его внимание от имущественных вопросов, судебных тяжб и вопросов моды^[92]. Он не был энергичным или оригинальным мыслителем, к тому же обычно терял присутствие духа в обществе представительных мужчин. Судья Питер Серджент, сказочно богатый бостонский торговец, остается для нас загадкой – возможно, потому, что держался на расстоянии от зала суда Уильяма Стаутона.

Как и некоторые его коллеги, 6 июля 1692 года Стаутон был в Кембридже на торжествах по поводу вручения дипломов Гарварда [57]. Это был шумный праздник, где пафосные речи на латыни, греческом и древнееврейском мешались с зазывными криками уличных торговцев. Здесь, вероятно, потчевали лососем и каперсами, апельсинами и ананасами. О склонности к излишествам можно судить по дошедшему до нас факту: выпускникам позволялось выпить не более одиннадцати литров вина. Ректор университета Инкриз Мэзер в то утро вручил бакалаврские дипломы шестерым молодым людям. Отец как минимум одного из них на празднике отсутствовал: среди новоиспеченных выпускников был сын Джона Олдена, деятельного торговца, в то время сидевшего в тюрьме за колдовство. (Брат парня тоже не смог прийти: он оставался в плену у индейцев, отцу не удалось его вызволить.) А в деревне Салем семейство Нёрс устроило собственный праздник без важных гостей и лакомств: через несколько дней после отлучения от церкви губернатор Фипс отменил решение судьи Стаутона и помиловал Ребекку Нёрс.

Фипс в тот период готовил новую экспедицию в Мэн, закупал провизию и возвращал несколько сотен ополченцев на действительную службу. Он передал полномочия на время своего отсутствия Стаутону. Вице-губернатор, вне всякого сомнения, с самого начала собирался сменить на посту буйного полуграмотного губернатора. Особенной симпатии между ними не наблюдалось, у них едва не доходило до драки в прошлом, и впредь это повторится. (Стаутон сейчас подчинялся человеку, которого несколько лет назад по

тайному приказу должен был арестовать в случае измены. Подозревали, что Фипс обманывает корону, и Стаутон считал это вполне вероятным) [59]. Снимая обвинения с Нёрс, губернатор Фипс выразил сомнения если не в колдовстве, то в способности суда его доказать. Он не был одинок. В середине июля один видный голландский торговец напрямую писал Инкризу Мэзеру о своем недоумении по поводу происходящего [60]. Конечно, бог снова наказывает Новую Англию. Но идея договора с дьяволом ему кажется невообразимой, как и предположение, что ведьмы могут на расстоянии истязать своих жертв или обрушить церковь. В то же время околдованные ведут себя так, «словно утратили рассудок и никак не могут прийти в чувство». Если они попросту не умалишенные, может, тогда одержимые? Может, Мэзеру стоит каким-то образом указать всем на их «суеверия и ошибки»?

Узнав о помиловании Нёрс, во многих деревенских домах выдохнули с облегчением. Во многих, наоборот, поднялся шум. Таково было возмущение со стороны ее обвинителей, что кто-то из салемских судей – Хэтторн или Гедни – стал убеждать Фипса пересмотреть свое решение [61]. Женщин клана Нёрс не так легко было удержать за решеткой. Одни усматривали в этом доказательство мощной поддержки, другие – беззакония. Никакое другое семейство не вызывало таких потрясений – напомним, Мерси Льюис чуть не умерла в мае, когда из тюрьмы выпустили (ненадолго) Мэри Эсти. Нёрсов ждал еще один удар: вскоре после объявления о помиловании оно было отозвано. Неясно, когда именно это произошло. Салемское правосудие, должно быть, представило Фипсу нечто убедительное. Будучи и.о. губернатора, Стаутон мог ухватиться за возможность восстановить вердикт своего суда. 17 июля он составил приказ об исполнении смертного приговора: Сара Гуд, Элизабет Хау, Сюзанна Мартин, Ребекка Нёрс и Сара Уайлдс признавались виновными в «ужасающем преступлении колдовства», и салемскому шерифу поручалось подготовить все к их казни [62]. На этот раз Стаутон дал ему неделю на подготовку: пятерых женщин следовало повесить утром следующего вторника.

Просматривается некоторая ирония в том, что Стаутон – хладнокровный человек, считавший жителей Новой Англии взбалмошными детьми благодетельного отца, – всю жизнь прожил

холостяком. Немного нашлось бы в колонии мужчин, меньше его имевших дело с девочками-подростками или, раз уж на то пошло, с женщинами вообще^[93]. С того дня, когда он истово проповедовал, что пришло время «объявить, с кем мы, и выбрать сторону», Стаутон долгие годы показывал себя хамелеоном-приспособленцем, легко прогибающимся в любую сторону [63]. Однако в 1692 году этот человек сделался невероятно непреклонным и бескомпромиссным. После свержения Андроса он осуждал методы права, которыми пользовалась старая администрация: она творила судебный произвол, раздувала обвинения, игнорировала уважаемые петиции и устраивала «безжалостные гонения» [64]. Она задерживала подозреваемых на долгий срок, не предъявляя обвинений, и заранее выносила вердикты. Она проводила слушания, которые были «необоснованно суровыми и свирепыми и очень несправедливо заманивали в ловушку бесхитростных, неопытных людей» – возмущался будущий главный судья по процессу о ведьмах, заставивший присяжных изменить свое решение по делу Нёрс и приговоривший ее к смерти.

Ранним душным утром 19 июля салемский шериф и его заместители погрузили пятерых женщин в деревянную повозку. Повозка в сопровождении вооруженной охраны медленно двигалась в сторону запада, по Эссекс-стрит. На сегодняшний взгляд, повозка, катившаяся через центр Салема – мимо молельни, домов Хэторна, Стивена Сьюэлла и Корвина, мимо глазающей улюлюкающей толпы – везла пять плохо одетых женщин, бесцветных и немолодых, с одинаково связанными руками. На самом же деле они представляли собой весьма разношерстную компанию. Злопамятная Сара Гуд в свои тридцать девять (день рождения ей пришлось отмечать в тюрьме) оказалась самой молодой. Ее пятилетняя дочь осталась закованной в бостонской тюрьме, где Гуд потеряла младенца, родившегося незадолго до ареста. Ребекка Нёрс семидесяти одного года и саркастичная вдова из Эймсбери Сюзанна Мартин были самыми старшими. Пять женщин провели самые страшные недели своей жизни рядом, но не все они были знакомы прежде. Ни одна не принадлежала к приходу Пэрриса. Одна была нищей, одна – обеспеченной. Гуд и Мартин обеднели вследствие судебных тяжб за наследство. Мартин была одинокой вдовой. Муж Сары Гуд быстро

согласился, что его жена – ведьма; Фрэнсис Нёрс долго и упорно пытался доказать, что его супруга ведьмой не является. У них, осужденных за ряд разнообразных преступлений, имелось мало общего, помимо пола и неопрятного внешнего вида. Все, кроме Ребекки Нёрс, раньше бывали в суде, что сделало их уязвимыми. Галилею тоже пришлось отвечать на обвинения в том, что он пропускал мессу, еще до того, как у него начались проблемы из-за телескопа.

«Вдова Гловер приговорена к повешению», – записал в своем дневнике Сэмюэл Сьюэлл 16 ноября 1688 года. Пять ведьм, едущих на казнь, – такого бы не пропустил никто [65]. Ну или не должен был пропустить. Все ждали цокота копыт и стука колес. Все наблюдали одну и ту же картину. Но многие видели ее по-разному. Когда пять женщин смотрели друг на друга, то видели невинных, пусть и разной степени безгрешности. Мартин в свое время задавалась вопросом, занимался ли магией кто-нибудь, кроме «пострадавших» девочек. Неделями эти женщины проходили самую мучительную из психологических пыток: «вы не те, за кого себя принимаете, – вы те, за кого вас принимаем мы», – внушалось им. Что видели люди, стоявшие на улицах Салема, наблюдавшие, как повозка ковыляет до окраины города и поворачивает на мост, к северу? Кто-то – безобидных, несчастных, растрепанных старух. Многим казалось, что вот она, разгадка набивших оскомину тайн, помеха спокойной жизни, бельмо на глазу. Перед большинством же предстали пять могущественных колдуний. Раздуваясь от собственной праведности, эти люди не сомневались: так выглядит правосудие. Они нашли то, чего искали, и пришел конец чарам, неопределенности, скверне. Как сказала Марта Кори о первых подозреваемых: неудивительно, что дьявол выбрал именно их, ибо они ленивы, нерадивы и зловредны. Многие сторонники Ребекки Нёрс считали остальных четырех ее попутчиц виновными. Некоторые наверняка съезжились от страха, когда проезжала процессия мимо них. Некоторые с удвоенной силой клялись в своей вере: если Ребекка Нёрс угодила в дьявольские силки, то кто мог чувствовать себя в безопасности?

Хорошему магистрату, назидал Стаутон в 1668 году, хватает смелости идти за своей совестью. Его долг – всегда оставаться настороже, дабы вовремя распознавать козни Сатаны, перенаправлять

гнев Божий, охранять единство верующих и искоренять зло. Он знает, что Господь ниспосылает на Новую Англию испытания. Во время ужасных страданий великая миссия пилигримов забуксовала. Стаутон оказался прав насчет сил зла, постоянно маячивших на горизонте. Двадцать четыре года назад он заявил, что магистраты, объединившись с духовенством, смогут свидетельствовать: «наша любовь к Новой Англии, наше рвение, наше мудрое, нежное и верное исполнение этого великого долга – следить друг за другом и порицать друг друга – нисколько не уменьшились» [66]. Теперь перед ними простирался океан, зеленели леса и болота, пестрел крышами благочинный Салем – и они верили, что вернули в свою обитель благодать и сровняли зло с землей. Говоря от имени толпы, карабкающейся по крутому склону, Мэзер это подтвердил. Эти пятеро, напишет он позже, – ворожеи, «нагло испрашивающие у Бога доказательств своей невиновности» [67]. Последняя тень сомнений растаяла в жарком утреннем воздухе. Лишь пелена враждебности осталась висеть над городом. Мы понятия не имеем, о чем тогда думали околдованные девочки.

Возможно, у этой скорбной процессии, ползущей в гору под прицелом сотен глаз, был еще один смысл. Хотя в тот душный вторник все не выглядело таким очевидным, как сегодня. Пятьдесят три года тому назад какой-то небрежный массачусетский клерк провел границу Топсфилда по территории деревни Салем. В результате часть Юго-Западного Топсфилда оказалась, по мнению некоторых, частью Северного Салема. Вспыхнула ожесточенная битва – в основном за ценный и уже тогда, как отлично знал Пэррис, дефицитный ресурс: древесину [68]. Средней новоанглийской семье в год требовалось от тридцати до сорока вязанок дров, то есть больше сорока соток леса. Вокруг этого вопроса когда-то разгорелась и с тех пор не утихала вражда между семействами Патнэм из Салема и Таун из Топсфилда. Однажды топсфилдские мужики начали валить лес, а салемский фермер из рода Патнэмов лишь беспомощно стоял и смотрел. Вскоре на оспариваемом клочке земли появились люди Патнэмов с топорами. Суды в округе Эссекс снова и снова выслушивали жалобы Патнэмов. Четырежды они выносили решение в пользу Таунов. Благодаря такого же рода непримиримой семейной вражде в деревне Салем постоянно сменялись пасторы: одна группировка делала все, чтобы убрать кандидата другой.

Ребекка Нёрс выросла в Топсфилде. В девичестве – как и Сара Клойс, и Мэри Эсти, обе в тот удушливый вторник находившиеся в тюрьме, – она носила фамилию Таун. Многие из тех, кто жаловался теперь на Нёрс, в прежние годы махали топорами на земле ее брата. Семьи Хау и Эсти состояли с ними в родстве: Элизабет Хау и Ребекка Нёрс были свояченицами. Муж Сары Уайлдс помогал установить спорную границу. В 1660 году он примкнул к лагерю Нёрсов, Таунов и Эсти в деле о пропавшей кобыле, гнедой с черной гривой, которая позже нашлась не в том амбаре. Все они занимали земли, на которые претендовала деревня Салем [69]. Просматривается ли здесь связь? Безусловно, четверо мужчин, отважившиеся поднять бурю, выдвинув первые обвинения в колдовстве, не могли предположить такого исхода: один из них был зятем Нёрс. Ни слова не говорилось о давней распре, вылившейся в доносы и свидетельские показания, хотя Новая Англия уже слыла местом, где умолчания были в порядке вещей даже в период самых яростных атак. Половина всех жалоб на ведьм, поданных до июля, поступила, однако, от Томаса Патнэма. Его дочь обвинила каждую из женщин с лицами землистого цвета, щурящихся сейчас от яркого солнца. Последнюю жалобу Патнэм подал 1 июля. Абигейл, племянница Пэрриса, также исчезает со сцены к этому моменту. Какая-то проблема явно разрешилась, хотя, быть может, и не та, которую хотели решить судьи. В июле на первый план вышли другие сложные взаимосвязи.

Уже второй раз угрюмое шествие остановилось на уступе. Тропинки там не было, и осужденным, скорее всего, пришлось самим пройти последние несколько метров по каменистому склону к вершине холма, где стояли простые дубовые виселицы [70]. Учитывая немощь обреченных, вряд ли они проделали это быстро. Когда их юбки скрутили веревками вокруг щиколоток, а капюшоны надвинули на глаза, все пять женщин настояли на своей невинности. Нойес вступил с ними в жесткую полемику. Его словно заклинило на признаниях – ведь они были крайне важны как в гражданском, так и в церковном правосудии. Наверняка Сюзанна Мартин не оставила без внимания его нападки. Мы точно знаем, что Сара Гуд не промолчала. Все время, пока она брела по склону и вслепую взбиралась вверх по лесенке, Нойес напоминал о ее великой нечестивости. Она ведьма, и сейчас самое время в этом признаться. Он недооценил свою

оппонентку в лохмотьях. Прямо с эшафота Сара Гуд возвестила: «Ты лжешь! Я не больше ведьма, чем ты колдун» [71]. Женщина, лишившаяся наследства, дома и ребенка, крепко выругалась. «И если ты заберешь мою жизнь, – добавила она, – Господь обратит твое питье в кровь». Эти слова были хорошо знакомы человеку, которого вдохновляла книга Откровения^[94]. Никогда еще Сара Гуд не звучала как настолько могущественная ведьма.

Палач столкнул каждую женщину с верхней ступеньки. Толпа отшатнулась, когда они начали стонать и хрипеть [72]. Ведьмы оставались на всеобщем обозрении достаточно долго, чтобы произвести впечатление, но не дольше. Лето выдалось чрезвычайно жарким. Их похоронили очень скоро, под камнями там же, на горе (по крайней мере, первоначально)^[95]. Проклятие Сары Гуд еще долго висело в воздухе; Сьюэлл никак не мог выбросить его из головы. В этом он не был одинок. После первого повешения колдовские нападения и обвинения прекратились, однако второе привело к целому шквалу тех и других. В центре города Салема мужчины повсюду встречали летающих духов, быстрых, словно птицы. На следующий день в деревенском пасторате не только у племянницы Пэрриса, но и у миссис Пэррис – впервые – начались припадки. К счастью, Хэторн и Корвин не ослабили своей хватки. Они три дня допрашивали старую Энн Фостер, совершившую тот знаменитый перелет из Андовера. Она раскрыла мельчайшие детали заговора и добавила к сногсшибательному рассказу ведьмину печать – нечеткую зеркально отраженную букву «С». Некоторые увидели в этом знак божественного чуда: не успели они казнить пятерых ведьм, как Господь уже посылает им новую банду, члены которой признаются в своей порочности и открывают миру свои зловещие замыслы [73].

В конце недели в приходе показался новый преступник – восемнадцатилетний юноша, бесстрашный и привлекательный. Он жил в Андовере. Хэторн добился от него большего, чем Нойес – от Сары Гуд. «Иногда, – признавался сконфуженный молодой человек, – дьявол науськивал меня вредить жене пастора» [74]. Он сворачивал из носового платка фигурку и представлял себе, что это – миссис Пэррис. Как он начал сотрудничать с дьяволом? Это всё проделки его матери. Она не только летала в Салем вместе с Энн Фостер на крайне ненадежной палке, но еще и превратила его в колдуна. Находясь в

тюрьме, она недавно приходила к нему в виде кошки. Дьявол пообещал ей место царицы ада – должность, у которой не имелось библейского аналога, но которая отлично укладывалась в иерархические представления о мире подростка из Новой Англии.

8. На этих адских сборищах

Сомнение – неприятное состояние, но уверенность – это абсурд [1].

Вольтер

К концу июля стало ясно: дьявол не собирается прибегать к своим обычным трюкам, охотясь за случайными одиночками. Теперь, когда он обосновался в Массачусетсе и широко раскинул сети, у него зрели грандиозные планы [2]. Он вознамерился низвергнуть церковь и уничтожить округу. Начали вырисовываться определенные схемы, и знакомые, и поразительно новые. Отпустить шпильку в адрес околдованной девочки или слишком часто навещать в тюрьме супругу или супруга означало риск навлечь на себя обвинения. Сомневаться в реальности колдовства, законности улик или мудрости суда приравнивалось к ереси. Чем больше вы сопротивлялись, тем глубже себя закапывали. Скрыться от обвинений не представлялось возможным. Ручательства двух пасторов не могли спасти обвиненного прихожанина. Возраст, состояние, пол, членство в церкви – ничто не гарантировало неприкосновенности. Известных мужчин обвиняли наряду с бездомными пятилетними девочками. Многие в те дни напряженно ожидали стука в дверь.

Обычно обвинения зарождались в сельской глубинке – в первую очередь в благочестивых домах с четким распорядком – и оттуда распространялись по городам. В обратном порядке они не мигрировали. Слуги обвиняли хозяек, но хозяйки слуг не обвиняли [3]. Когда подростки указывали на сверстников, чаще это были молодые люди противоположного пола. Жены не обличали мужей, хотя ранее и осматривали их, спящих, искали дьявольскую метку. Мужья не подавали исков по защите чести и достоинства, чтобы оправдывать своих жен. Крайне мало рабов оказалось на скамье подсудимых, и ни одного индейца. Несмотря на отвратительное поведение, квакеры тоже избежали этой участи. Члены семей расходились во мнениях. Все чаще выяснялось, что под одной крышей, а то и в одной с вами постели сопит ваш обвинитель^[96]. Старые дружбы испарялись в один миг,

иные отношения беспорядочно разбивались. Один деревенский житель умудрился и обвинить Джона Проктера, и выступить в его защиту; его отец подписал петицию в пользу Ребекки Нёрс и при этом пожаловался на Элизабет Хау [4]. Салемские процессы словно заново активировали и санкционировали сомнения, до того тихо томившиеся в погребках местных жителей. Часто они касались мелочей, однако, как заметил Мэзер, большое складывается из мелочей [5]. Близость границы несла в себе реальную опасность. До 1692 года женщин в Новой Англии судили за супружеское насилие не реже мужчин: жестокие мужья и несговорчивые жены то и дело признавались виновными [6]. Околдованные женщины бились в припадках, а мужчины, которые вышли на сцену, только когда начались процессы, рассказывали о вызывающих оцепенение визитах в их спальни (только Энн Патнэм – старшая осилила и то и другое). Молодые мужчины в целом страдали с наибольшим воображением, и их показания отличались особой экстравагантностью. Отныне, если у вас что-то начинало болеть, вы точно могли назвать виновную в этом ведьму. И Стаутон никого не миловал. Никогда раньше, ни в Северной Америке, ни в Англии, суды не добивались абсолютного показателя обвинительных приговоров [7].

11 мая старый шалун Джордж Джейкобс предостерегал свою семнадцатилетнюю внучку никогда не признаваться в колдовстве. Сделать это значило, по его словам, расписаться в собственной гибели. Он ошибался. За единственным исключением никто из признавшихся не получил обвинительный приговор. Абигейл Хоббс, Титуба и Маргарет Джейкобс отсидели в безопасности тюрьмы вместе с девятью другими самопровозглашенными ведьмами – это отличалось от всех прецедентов. И хотя в прошлом подвергшиеся заклятию часто оказывались под медицинским наблюдением, никогда раньше они не играли роли толкователей – только судьи и пасторы могли распознавать колдовство. В 1692 же году эту роль взяли на себя и пострадавшие девочки, которые обращались к неким провидческим силам, умевшим ставить точный диагноз; после вкрадчивого апрельского письма Томаса Патнэма эти силы день ото дня становились все более зримыми для каждого.

В конце июля один салемский житель обратил внимание, что Бог явил свою милость: за целый год не было зафиксировано ни одного

случая черной оспы [8]. Господь, однако, послал им новое испытание. Для этого он, судя по всему, выбрал в качестве карающего ангела благонамеренного андоверского фермера, который отчаянно пытался спасти умирающую жену, за двадцать лет родившую ему десятерых детей. Сначала Джозеф Боллард предъявил претензию своему сорокадевятилетнему родственнику. Не имеет ли он какого-нибудь отношения к необычным «болезненным ощущениям», которые с весны донимают Элизабет? [9] Родственник баловался предсказанием судьбы и черной магией, но помочь не смог. Он ничего об этом не знал. Боллард обратился к властям, которые, вспомнив испанскую практику начала XVI века, посоветовали ему послать лошадь за салемами провидицами. Почти наверняка здесь не обошлось без племянницы Пэрриса и Мэри Уолкотт. Около постели Элизабет Боллард девочки начали корчиться в конвульсиях. Прямо или косвенно они указали на хрупкую Энн Фостер, андоверскую вдову семидесяти двух лет, ту, что в свое время попала в аварию при полете.

Вскоре констебль доставил Фостер в деревню Салем – на лошади, что гораздо труднее, чем лететь по воздуху. Фостер, соседка Болларда с южной окраины города, была вдовой древнего дружелюбного андоверского фермера. 15 июля ее подвергли первому из нескольких допросов. Начались они сразу после того, как Стаутон приговорил к смерти пять ведьм, а закончились через два дня после казни. Сперва старушка отрицала всякую причастность к колдовству. Но вскоре начала рассказывать суду сказку в духе Титубы [10]. Дьявол явился к ней в виде экзотической птицы. Он обещал ей богатство и дар сглаза. Потом она полгода его не видела, но соседка, Марта Кэрриер, общалась с ней от его имени. Спрашивал ли кто-нибудь Фостер о хворающей Элизабет Боллард, неизвестно.

По указанию Кэрриер она с помощью куколок заколдовала нескольких детей и кабана. Кэрриер сообщила ей о майском дьявольском шабаше и организовала перелет. Всего на лугу, где председательствовал преподобный Берроуз, собралось двадцать пять ведьм и колдунов. Через три дня из салеменной тюрьмы от Фостер прилетело дополнение – о забарахлившей в полете палке и аварии. Она упомянула, что на сборище присутствовали и двое других мужчин, а еще она подслушала, как другая ведьма сказала, что всего их триста пять. Нечисть собиралась уничтожить деревню. Стаутон назначил

повешение на следующее утро; день выдался суматошным для судей, времени оставалось мало. Джон Хейл спросил, может ли он остаться с подозреваемой подольше. Его интересовало несколько деталей. На чем Фостер летала в Салем? Сколько длился перелет? Где конкретно проходила встреча? Именно Хейл первым услышал про хлеб и сыр в кармане Фостер, об этом ничего нет в судебных документах. Он также узнал, что она ужасно боится – ведь Джордж Берроуз и Марта Кэрриер убьют ее за раскрытие их секретов. Оба они сидели в кандалах тут же, неподалеку. Их призраки ранее являлись с острыми предметами и намеревались ее зарезать (зять Фостер перерезал ножом горло ее дочери. А сама она происходила из общины, которая – в отличие от Салема – подвергалась набегам индейцев). Признание в колдовстве могло спасти вам жизнь, но требовало от вас больших усилий.

И наедине с Хейлом, и перед судьями Фостер демонстрировала полную готовность сотрудничать. Довольно скоро, однако, обнаружилось, что она не была с ними до конца откровенна. Похоже, в аварию, помимо них с Кэрриер, попал еще и третий пассажир, тихо сидевший за спиной Фостер. Об этом 20 июля проболталась сорокалетняя Мэри Лэйси, недавно арестованная в Андовере [11]. Лэйси жила на севере города. При обыске в ее доме нашли связки тряпья и перьев, подозрительно похожие на куколок. Фостер также утаила некоторые детали леденящей кровь церемонии. Дьявол окунал их головы в воду, по шесть раз – это было своего рода крещение; отныне они принадлежали ему. Обряд проходил у ближайшей реки, куда он принес Мэри на руках. 21 июля Энн Фостер в четвертый раз предстала перед магистратами – объяснить, почему она рассказала не все. Здесь открылась сенсационная подробность: Мэри Лэйси, восполнившая недостающие кусочки истории, приходилась ей дочерью.

21 июля был день наставлений, первый после коллективной казни. Погода оставалась необычно жаркой и сухой. Судьи говорили свысока, со снисхождением, переходящим в глумление. «Матушка Фостер, – начал один, скорее всего Хэторн, – ты помнишь, что мы трижды говорили с тобой, и помнишь ли ты теперь, в чем ты призналась тогда?» Маршал вслух зачитал текст ее признания. Она поклялась в правдивости каждого слова. Судья ее похвалил. Она может рассчитывать на большее милосердие, чем другие, потому что

признала свое участие в «великом злодеянии». Но вряд ли она была до конца с ними откровенна. Почему не сказала, что с ней летала ее дочь? Как давно ее дочь – ведьма? Фостер занервничала. «Ты не знала, что твоя дочь ведьма?» – давил Хэторн. Нет, не знала и теперь ошеломлена. Она опознает сообщников, если увидит их? На поле тогда собрались две компании ведьм? Она только помнит, что на сборище была Кэрриер. Тут на помощь пришла Мэри Уоррен: призрак подтвердил, что Фостер сама завербовала свою дочь.

Власти считают, что это произошло примерно тринадцать лет назад. Правильно? «Нет, и я знаю о том, что моя дочь ведьма, не больше, чем о том, когда умру», – ответила андоверская вдова с той же твердостью, с какой ранее говорила о подробностях своего неудачного полета в Салем. Ей снова напомнили, как важно снять с себя этот груз: «Не будет тебе спокойной совести без чистосердечного признания», – убеждал один из судей. Фостер поклялась, что если бы знала еще что-то, то рассказала бы. Тогда магистраты вызвали ее младшую дочь. Не успела Мэри Лэйси войти в молельню, как закричала на мать: «Мы предали Иисуса Христа, и дьявол поглотил нас. Как нам теперь очиститься от скверны?» Фостер начала еле слышно молиться. «Какому богу молятся ведьмы?» – поддел ее судья. «Не знаю, помоги мне Господь», – ответила сбитая с толку старушка. Тем временем ее дочь раскрывала всё новые детали того полета и сатанинского крещения – отличительного знака андоверского ведьмовского сообщества: страх перед баптистами там не уступал страху перед нападениями индейцев. Мэри Лэйси заявила, что ее мать сидела на палке впереди, и подробно описала сатанинскую церемонию. Вопросы провоцировали ответы, и в итоге она выложила карту про «царицу ада».

Судебные служащие вывели двух женщин и ввели в зал их дочь и внучку. Боллард заодно обвинил и миловидную здравомыслящую восемнадцатилетнюю Мэри Лэйси – младшую в том, что она околдовала его жену. Мэри Уоррен тут же начало трясти, и Лэйси-младшей велели прикоснуться к ее руке. Конвульсии у двадцатилетней горничной Проктера сразу прекратились. Сначала от подростка из Андовера не было толку. «Где моя мать, которая превратила меня в ведьму, о чем я даже не догадывалась?» – закричала она, и этот вопрос был еще более тревожащим, чем тот, что прозвучал в июне; тогда одна

из подозреваемых спросила, может ли она быть ведьмой и не знать об этом. Младшую Лэйси попросили улыбнуться горничной Проктеров, не причинив ей при этом вреда. У нее не получилось: Уоррен рухнула на пол. «Теперь ты признаёшь, что ведьма?» – спросили у Лэйси. Она могла лишь согласиться, хотя и исходила, по-видимому, из другого определения. Будучи непослушным ребенком, юная Мэри доставляла родителям много проблем, убегала из дома на два дня и постоянно давала матери повод желать, чтобы черт ее побрал. Но она упорно повторяла, что не подписывала никаких пактов. Судьи напомнили ей: если она хочет быть спасенной Иисусом, если ожидает милости, то должна сознаться. «И тогда она заговорила», – внес в протокол судебный писарь. Девушка оказалась более щедрой на подробности, чем ее мать или бабушка. Вообще для Салема характерно, что от молодого поколения, включая Коттона Мэзера, исходят особенно красочные рассказы. Мэри Лэйси – младшей уже приходилось пускать свою фантазию в полет. Похоже, юному существу легче было описывать сатанинские эскапады, когда оно уже знало или верило, что дьявол его поработил. В записях осталась лишь кроха ее самоощущения. «Я всегда была непослу...» – на этом ее речь обрывается вместе со страницей. В общем, эта девушка оказалась достойной соперницей хитрой Абигейл Хоббс.

Она словно продолжает именно с того места, где остановилась Абигейл; невозможно поверить, что они не встречались. Дважды в ночи Мэри будил странный шум. Это происходило на прошлой неделе, за неделю до того, шестнадцать месяцев тому назад – детали менялись по ходу дела. Первый раз дьявол явился в виде коня, второй – в виде «круглой серой штуковины». А он приходил, когда ты убегала из дома? – спросили магистраты, желая соединить воедино сверхъестественные преступления и подростковые проделки. «Нет, – ответила Мэри, – но он внушал мне мысли не слушаться моих родителей». Он приказал ей навести порчу кое на кого, в том числе на Элизабет Боллард (наконец-то прозвучало это имя). Мэри творила чары с помощью куколок. В свой рассказ она включила мать и бабушку, Марту Кэрриер и подростка Ричарда, сына Марты. Как именно она поклонялась Сатане? «Он велел молиться ему и служить и говорил, что он мой бог и господин», – ответила молодая Лэйси. Сделка становилась все более привлекательной: согласись она – и не

будет ни в чем нуждаться. Мэри назвала еще одного сына Кэрриер и добавила кое-что интересное. «Требует ли от тебя дьявол чего-то, кроме как причинять людям страдания?» – спросил магистрат. Конечно! Ведьмам надлежало активно вербовать себе пособников. Плюс они должны были отрекаться от своих церковных ритуалов – такая перспектива подрывала самый фундамент Новой Англии.

Мэри Лэйси – младшая открыла, как человек может весь день сажать пшеницу и одновременно общаться с дьяволом и почему соседи не замечают его кульбитов. «Иногда мы оставляем свои тела дома, а иногда перемещаемся вместе с телами, – объясняла она, – и дьявол пускает людям туман в глаза и не дает им нас увидеть». К тому же она осветила более важный вопрос. «Может ли дьявол вредить, вселившись в любого человека без его согласия?» – спросили судьи, видимо, надеясь, что подросток сейчас разрешит их нерешаемую правовую проблему. «Когда кто-то ударит призрака или духа мечом или дубинкой, возникнет ли рана на теле его хозяина?» Лэйси подтвердила: да, возникнет. У ее матери и бабушки имелись подобные повреждения. Признание дало немедленный результат: сверившись с показаниями призрака, Мэри Уоррен подошла к Лэйси и взяла ее за руку. На этот раз у горничной Проктера не возникло ни тени неприятных ощущений.

Только тогда Мэри Лэйси – старшую вернули в зал. Словно придумав удачную подпись к потрясающей картинке, один из судей провозгласил: «Вот несчастное дитя, никудышная мать и бабка». Большого и не требовалось, чтобы спровоцировать эмоциональный взрыв. «О, мама! Почему ты снова и снова отдавала меня дьяволу?» – вопрошала девушка, и слезы катились по ее щекам. Мэри Лэйси – старшая извинилась. Дочь поквиталась с ней: мать так часто призывала дьявола ее забрать, что это желание исполнилось! «О, мое сердце сейчас разорвется. О, моя мать отдала меня дьяволу», – всхлипывала она. Девушка молила Бога сорвать маски со всех ведьм. В зал вернули ее бабушку. В деревенской молельне перед Хиггинсоном, Гедни, Хэторном и Корвином стояли три поколения ворожей. Самая молодая продолжала: «О, бабушка! Почему ты отдала меня дьяволу? Зачем склонила меня ко тьме? И нет, бабушка, не отрицай. Ты в свое время была очень плохой женщиной».

Тут либо к делу подключился новый следователь, либо Фостер сдалась под натиском своей внучки. Суд теперь обращался к ней не иначе как «старая женщина». Подросток, указали ей, и тот демонстрирует раскаяние. Эту душу еще можно вырвать из лап дьявола; бабу же ждет всепожирающий огонь и вечные муки. Самое время рассказать всю правду. С помощью внучки Фостер выложила немного дополнительных сведений. Она ведьма уже шесть лет (девушка тут же поправила: семь лет. Старуха признала, что «не знает, но, наверное, это так»). Судьи зачитали старшим женщинам признание младшей. Они подтвердили, что вместе путешествовали на шабаш [12] и подписали дьявольскую книжку красными чернилами, а колдовали с помощью куколок. Кэрриер хвасталась перед Мэри-старшей, что дьявол сделает ее царицей ада. Дочь Фостер подтвердила происшествие в воздухе. В общем, все трое отправились в тюрьму, а в Андовер полетели новые ордера на арест.

На следующий день восемнадцатилетний Ричард и шестнадцатилетний Эндрю Кэрриеры предстали перед магистратами в таверне Бидла, где содержался Берроуз [13]. Им предстояло ответить на обвинения в причинении вреда Мэри Уоррен (выпавшая из поля зрения хворая жена Болларда проживет еще пять дней). Оба были симпатичными молодыми людьми, рослыми и неглупыми. Оба отрицали, что знают что-либо о колдовстве. Подозреваемые прибывали быстрее, чем правоохранители успевали их оформлять, слушания не вмещались в график. Мэри Лэйси – младшая любезно протянула руку помощи: она стала отвечать за парней. Они летали с дьяволом, по его указанию Ричард воткнул железное веретено в колено жертвы. Еще одного человека они зарезали, и он умер. Мать Мэри заявила, что не принимала участия в этом нападении. Дочь поправила ее: «Мама, ты была там, и не отрицай». Мэри-старшая в итоге подтвердила несколько имен и описала орудие пытки, а также эпизод, когда ведьмы жгли жертву курительной трубкой. Ее дочь, в отличие от матери, совершенно не колебалась: она подхватывала каждое предположение Хэторна и начинала его развивать. Ричард Кэрриер, однако, не поддавался ее увещаниям и отрицал все, от ночных полетов до эпизода с трубкой. Тоном, указывающим на определенную степень близости, Мэри подстегивала его. Они же вместе убивали! Он что, не помнит их разговоров во время полетов? А как же планы

завербовать брата и убить жену Болларда? В этот момент околдованных затрясло. У Мэри Уоррен пошла ртом кровь. Приставы поспешили увести мальчиков в соседнюю комнату.

Вернувшись, они уже не выглядели такими строптивыми. Первым появился Ричард и признал вину несколькими короткими фразами. Он целый год служил черному человеку. Впервые они встретились в городе, когда незнакомец предположил, что Ричарду страшно скакать домой в темноте, и предложил его проводить. В конце концов юноша стал выполнять его приказы. Дважды он летал на пастбище Пэрриса. Дьявол крестил его вместе с другими пятью. Ричард выразил готовность мучить Элизабет Боллард. Когда в зал вошел Эндрю, старший брат сообщил ему, что признался. Младший словно преобразился: если ранее он «без конца заикался и запинаясь», то теперь говорил вполне связно. Он подписал договор с дьяволом в июне. Они встретились ночью в одном андоверском саду. Оба молодых человека доказали, что им можно верить. Благодаря этим ясноглазым помощникам судьи вскоре добрались до взрывоопасной сути дела.

Двумя месяцами ранее, когда большинство обитателей деревни стригли овец, взбивали сладкое весеннее молоко в масло и сеяли кукурузу, гигантский рой ведьм кружил над ярко-зеленым лугом Пэрриса. Возможно, вы даже слышали трубу, которая их созывала: ее зычный голос разносился на многие мили. Потом были гром барабана и великий шум – это нечисть много часов слеталась отовсюду, даже из Коннектикута, на разнообразном воздушном транспорте. Не каждый из участвовавших мог точно сказать, как именно добрался до Салема. Андоверские ведьмы преодолели путь за несколько минут. Мэри Лэйси – старшая, как мы знаем, сидела на неисправной палке со своей матерью и Мартой Кэрриер. Ричард Кэрриер не помнил даты собрания, но, когда ему освежили память, согласился, что летел в деревню вместе с Мэри Лэйси – младшей. Их доставило до места назначения нечто странное и громоздкое: приняв форму коня, дьявол нес подростков на шесте, лежавшем на его плечах. Один фермер прибыл на ветке дерева. Большинство перемещались по трое-четверо на палках. Энн Фостер и Марта Кэрриер оказались на месте первыми и устроили пикничок, другие андоверцы постепенно присоединялись. Фостер насчитала всего двадцать пять ведьм. Ричард Кэрриер сообщил

примерно о семидесяти, Мэри Лэйси – младшая – о сотне. Дьявол явился черным человеком в шляпе с высокой тульей; очередной импорт из Швеции. Один из участников заметил ногу с копытом.

Началась сатанинская церемония, заправляли ею женщины. Ребекка Нёрс сидела во главе стола, рядом с дьяволом. Бормоча заклинания, она и Элизабет Проктер стали раздавать вино и хлеб ярко-красного цвета. Нёрс заверила Абигейл Хоббс, что вино – это кровь «и оно лучше нашего вина». Племянница Пэрриса подтвердила, что видела, как собравшиеся ели и пили. Что подавалось? «Они говорили, это наша кровь, и они пили ее дважды в тот день», – рассказывала она, вводя в сюжет линию о вампирах. Хлеб же был «красный, как свежая плоть». Один из участников мероприятия наблюдал, как Марта Кэрриер разливала вино. Лэйси-младшая вспомнила, что хлеба не хватило. Кому-то пришлось воровать еду, кто-то, как ее бабушка, прозорливо захватил с собой собственную. Не все, однако, присоединились к трапезе. Даже на конгрессе черных сил образовались очаги сопротивления, несмотря на фалангу из ста пяти призрачных бойцов с мечами, выстроившуюся неподалеку. Шестнадцатилетний Эндрю Кэрриер выпил из глиняного кубка, но ничего не ел. Он сидел слишком далеко и не слышал, что говорил дьявол во время обряда. Абигейл отказалась от сладкой булочки и вина, ее мать отказалась от предложенного бокала. Энн Фостер держалась обособленно. Мерси Льюис, особенно непокорный новобранец, плевала в тех, кто протягивал ей красный хлеб. «Я не буду это есть!» – вопила она. Некоторые из попробовавших напитков говорили, что на вкус он горький.

Преподобный Берроуз проводил службу в присутствии двух других мужчин. Несмотря на повторные допросы, никто не смог их опознать, хотя по крайней мере один из них был пастором. Чета Кори, Проктеры, Джон Уиллард и еще несколько подозреваемых присутствовали на шабаше, в том числе и четыре женщины, теперь уже повешенные. Кое-кто из мужчин выглядел очень привлекательно. Берроуз пребывал в прекрасном расположении духа. Дьявол достал свою книгу, и все ее подписали – кто кровью, кто чернилами из древесной коры, окуная в них либо пальцы, либо палочки и перья. Только один из присутствовавших заартачился – и тут же об этом пожалел: явились «жуткие твари, стало шумно, послышались крики,

которые до безумия его напугали» [14]. Большинство подписавшихся обращали внимание на подписи других. В основном контракты заключались на шесть-восемь лет; к концу лета этот срок стал увеличиваться. И хотя в мелочах имелись расхождения – никто не мог сравниться в припоминании невероятных деталей с Мэри Лэйси – младшей, обладательницей лучшей в своей семье памяти, – в главном, то есть содержания контракта, все показания совпадали. Двигаясь от дома Пэрриса до города Салема, они должны уничтожить все церкви в Массачусетском заливе, а на их месте основать царство Сатаны, где его новоиспеченных воинов ждут счастливые дни и лучшие времена.

Помрачение рассудка было всеобщим; желание является нам во множестве обольстительных вариаций. Дьявол редко неопределенно улыбается с далекой вершины цветущим царствам у подножия. Он подкупает конкретикой. Он предложил Ричарду Кэрриеру новую одежду и коня, а его брату – дом и землю. Нуждающемуся фермеру с большой семьей он обещал заплатить все его долги, а плотнику из Андовера – сделать его капитаном ополчения. Дьявол посулил четырнадцатилетнему Стивену Джонсону пару французских осенних ботинок, а другому подростку – хороший костюм [15]. Он заверил андоверскую девочку тринадцати лет, что простит все ее грехи, пленив ребенка черным псом. Одну жительницу из Боксфорда он соблазнил классическим: как насчет мести твоим врагам? Искушения могли различаться по половому признаку. Пятидесятипятилетняя женщина получит «сколько угодно удовольствий и спокойствия», так ей недостающих (он соврал: она становилась лишь несчастнее. Многие, повесив голову, отмечали, что дьявол не выполнял своих обещаний, будто его отказ от обязательств нивелировал сделку). Склонная к лицедейству Мэри Лэйси – младшая могла рассчитывать на славу, о которой иначе не стоило и мечтать. Дьявол распространял вокруг манию величия: несколько человек слышали, как Марта Кэрриер хвасталась обещанным титулом царицы преисподней. Она будет править вместе со священником. Исчадь ада, прикинувшееся Берроузом, обещало полное освобождение от страха. Другому новобранцу оно предложило нечто еще более поразительное. Мало того что будут низложены все церкви в округе, так еще и все люди сделаются равны! Почему бы не отменить Судный день, а вместе с ним

стыд и грех? Ни один из признавшихся не сказал, что отдал свою душу просто так, без награды.

Через два дня после того, как братья Кэрриер изложили свои горькие версии событий, Джон Проктер попросил доставить ему в тюрьму бумагу. Будучи первым арестованным по этому процессу мужчиной, он находился в заключении с апреля. Постепенно к нему присоединилась бóльшая часть его семьи. Прямо на полу камеры, гремя кандалами, он составил петицию [16]. Он тоже опрашивал подозреваемых. Грубоватый трактирщик, раньше заявлявший, что неуправляемым девчонкам не повредит хорошая порка, теперь иначе смотрел на вещи. Да, пять человек сознались на той неделе. Он говорил с каждым – все они дали ложные показания. Как, 23 июля задавался вопросом напрочь лишенный фантазии салемский фермер, он мог посетить дьявольское таинство, если в тот момент сидел на цепи в тюрьме? Среди тех пятерых, кто участвовал в шабаше, были и братья Кэрриер. Проктер знал, что с ними произошло. Судебный писарь зафиксировал, что мальчиков вывели из зала «с руками и ногами, связанными ненадолго» [17]. Проктер обнаружил, что это было некоторым преуменьшением. Эндрю Кэрриер неспроста вдруг сделался таким разговорчивым: в соседней комнатке подростки «ни в чем не признавались, и тогда их стали стягивать веревками с головы до пят, пока у них кровь носом не пошла». Только после этого молодые люди признались в том, чего никогда не делали. Проктер был взбешен, потому что с его сыном сделали то же самое. Пытка продолжалась бы и дальше, не вмешайся сжалившийся пристав^[97].

Если бы Проктер присутствовал на слушаниях, то смог бы рассказать кое о чем еще: правоохранители придавали андоверским фактам необходимую им форму. Показания Мэри Лэйси – младшей пронизаны множеством недомолвок и логических скачков, подсказок и предположений. Судьи дразнили ее освобождением из-под стражи так же соблазнительно, как дьявол – славой. К августу все свидетельства в общих чертах совпали, и признания тоже стали более конкретными. Относительно разночтений – что ж, судьи списывали их на уловки Сатаны. Слишком гладкие истории выглядели бы в создавшихся обстоятельствах подозрительно, ведь дьявол сбивал своих слуг с толку. Казалось совершенно логичным, что Мэри Лэйси – старшая не могла ответить на дополнительные вопросы: дьявол, она боялась, похитил ее

воспоминания. Пока она поднималась по ступенькам к залу суда, другой подозреваемый решил признаться. Оказавшись же внутри, она не нашла нужных слов. Враг рода человеческого «вынимает их из моей головы», – объяснила Лэйси [18].

Проктер знал, что разбирательство его дела и дела Джорджа Берроуза назначено на 2 августа, и торопился с петицией. Обращаясь к пяти виднейшим бостонским пасторам, включая Инкриза Мэзера и Сэмюэля Уилларда, он предупреждал о страшной судебной ошибке, которая вот-вот произойдет. Он говорит не только от своего имени, но и от имени других узников. Все они невиновны. И никто не может рассчитывать на справедливость. Они посоветались и не нашли другого возможного объяснения: дьявол ожесточил против них сердца магистратов, священников, присяжных и народ. Проктер писал с присущей ему прямоотой: подозреваемых приговорили еще до того, как они вошли в зал суда Стаутона. Их земли уже изымают [20]. Он знал о собственной ситуации, но не стал ее упоминать: после его ареста Джордж Корвин захватил ферму Проктеров в шесть гектаров, начал продавать и забивать скот. Он конфисковал все имущество семьи, опустошая бочки пива ради бочек и горшки супа ради горшков. Он оставил их маленьких детей без крошки хлеба. Проктер умолял либо назначить новых судей, либо перевести процесс в менее пристрастное место. Публика в салемском суде такая же кровожадная, как магистраты. Может хоть кто-нибудь из пасторов приехать в Салем, чтобы увидеть все собственными глазами?

Он не восставал против суда, как Кэри, или против обвинений, как Олден. Он не поносил околдованных девочек. Когда все остальные просили себе славы, счастья и французской осенней обуви, он требовал лишь справедливого суда. Он направил свое письмо людям, от которых ждал сочувствия: трое принадлежали к первой бостонской церкви, среди паствы которой не было судей по делам о колдовстве (по иронии судьбы, там раньше находился бостонский дом Пэрриса). Он добавил еще несколько строк, чтобы вывести из душевного равновесия своих адресатов. Тот факт, что дьявол нагло их копирует, устраивая свои пародии на крещение и причастие, – высший им комплимент [21]. Но сами они начинают напоминать своих врагов. Суд Стаутона, утверждал Проктер, действует как группа инквизиторов, их поведение «очень похоже на папские зверства»^[98]. Это тоже было ночным

кошмаром пуританина; Коттон Мэзер никогда не упускал возможности вставить в рассказ о дьявольском сборище слова вроде «принуждение». Его отец приписывал исключительно католицизму безрассудные преследования ведьм. Похоже, суд попал под наваждение сил, с которыми боролся [22].

Если перехитрить дьявола было крайне трудно, то еще более непосильной задачей, как обнаружил прямодушный Джон Проктер, оказалось достучаться до наглухо закрытого разума. Если он и получил ответ, то точно не в виде перенесения разбирательства в другое место. Он предстал перед салемским судом по плану, через двенадцать дней. Но для своей петиции он выбрал правильных адресатов. Ощутимое сопротивление или, по крайней мере, недовольство возникло среди самых известных представителей духовенства. Это были бостонцы, к которым магистраты станут обращаться за помощью, эксперты по невидимому миру, с которым большинство из них были знакомы не понаслышке. Инкриз Мэзер в 1684 году опубликовал программную книгу, которой «Памятные знамения» его сына как бы отвешивали почтительный поклон. Старший Мэзер уже давно и открыто размышлял о правомерности различных обвинений в колдовстве. «Верно также, – отмечал он, – что мир полон сказочных историй о всякого рода столкновениях с дьяволом и вещами, с его помощью сотворенными, которые выходят за границы возможностей тварей Божьих» [23]. Ведьмы могли превращаться в лошадей, волков или кошек с не большей вероятностью, чем творить чудеса. Уиллард, как известно, в 1671 году описывал свои наблюдения за конвульсиями и криками собственной шестнадцатилетней служанки, назвав их «странным и необычным знамением Господа», но избегал слов «колдовство» и «одержимость». Каждый из пяти пасторов, которым писал Проктер, в 1688 году молился вместе с Джоном Гудвином. Трое благословили «Памятные знамения». Большинство одобрило к публикации салемскую проповедь Лоусона^[99].

Пока в Салеме пасторы, магистраты, присяжные и остальной люд шагали в ногу, на что жаловался Проктер, бостонское духовенство пришло в беспорядок. На следующий день после казни Ребекки Нёрс несколько пасторов собрались в доме капитана Джона Олдена (сам он уже седьмую неделю сидел в тюрьме). Как и Сьюэлл, Олден был

давним членом третьей церкви Уилларда, единственной бостонской конгрегации, поставлявшей и подозреваемых, и судей для процессов о колдовстве. К священнослужителям присоединилась группа известных в Бостоне людей. Вместе они начали читать молитвы и хором распевать псалмы о здравии отважного морского капитана. Сэмюэл Сьюэлл лично прочитал проповедь. Присутствие в комнате судьи колдунов и ведьм указывает либо на некий расчет, либо на некоторую неразбериху в пасторских рядах: когда они просили Бога вмешаться в дело Олдена, молились ли они о справедливом суде или о невиновности узника? В любом случае они как минимум желали обратиться к Всевышнему от его имени. В тюрьме Джон Проктер умолял преподобного Нойеса о каком-нибудь утешении – и получил решительный отказ, «потому что он не хотел сам стать колдуном». Друзья Олдена провели в молитве все время от полудня до заката 20 июля и завершили 103-м псалмом: «Господь творит праведность и правосудие для всех угнетенных» [25]. По крайней мере некоторые молитвы были услышаны: тем вечером пролился живительный, долгожданный дождь.

Между собой священники все еще ожесточенно спорили о проблеме, которая вынудила салемских магистратов просить совета у восемнадцатилетней девушки. Может ли дьявол вселиться в кого-то без его ведома и согласия? Они еще в конце июня ставили этот вопрос на обсуждение. К утру 1 августа, когда служители культа собрались в просторной библиотеке Гарварда на втором этаже, он требовал скорейшего решения [26]. Их участие в молитве за Олдена, как можно предположить, указывает, что кое-кто действительно понимал: может пострадать невиновный. На августовскую встречу пришли восемь пасторов, в том числе трое из адресатов Проктера. Инкриз Мэзер вел собрание, в комнате было накурено. Все согласились: в августе ответ на вопрос, можно ли быть ведьмой и не знать об этом, – «да» (в июне салемские судьи ответили «нет»). В то же время священники несколько лукавили. Хотя такое и могло произойти, но было «редким и экстраординарным событием». Нападки на невиновного – необычная вещь, «особенно для гражданского судопроизводства». Другими словами, безгрешный человек редко оказывается в суде. Это утверждение придавало законную силу судьям и любым их действиям. А заодно и обеспечивало пасторам лазейку, через которую они могли

бы, если понадобится, вытащить кого-нибудь из заключения и оправдать.

По крайней мере, некоторые из этих людей потрудились, чтобы отдельные дела никогда не дошли до суда. Пусть негласно, но они признали правоту Джона Проктера: ведьмы в Массачусетсе были, но суд Стаутона никого не миловал (более циничная версия: в Массачусетсе были ведьмы, но не среди их друзей). Через два дня после новой волны андоверских арестов жена капитана Кэри умудрилась освободиться от своих трехкилограммовых цепей в Кембридже. Следует отметить, что в отчете Сьюэлла нет ни возмущения ее побегом, ни страха, что ведьма-убийца, которую ему с коллегами следовало сурово наказать, свободно бегаёт по окрестностям Бостона. Несколько салемских мужчин уже испарились (Джон Олден исчезнет в середине сентября и спрячется в Даксбери). До следующего заседания суда Джошуа Муди, ещё один из адресатов Проктера, поспособствует ещё одному побегу [27].

Несмотря на многочисленные ордера на арест сорокаоднолетнего Филипа Инглиша, в мае его разыскать не удалось [28]. Этот массивный, грузный мужчина, самый видный из салемских судовладельцев, какое-то время отсиживался за мешками с грязным бельем в одном бостонском доме, где власти не смогли его обнаружить^[100]. Инглиш (Филипп л'Англау, родившийся на нормандском острове Джерси) разбогател в Салеме, где к 1692 году приобрел четырнадцать зданий, склад, верфь и флотилию. Тридцатидевятилетняя Мэри, его прекрасно образованная жена, происходила из семьи первых поселенцев. Ее арестовали 21 апреля, в день, когда Томас Патнэм отправил свое злое письмо. До того пара занимала изысканный особняк с множеством фронтонов, один из самых роскошных в городе Салеме. У них имелся обширный штат прислуги – предприимчивый Инглиш перевез слуг из Джерси в Массачусетс. Он активно торговал с французскими, испанскими и вест-индскими портами. Два десятка его судов бороздили прибрежные воды от Новой Шотландии до Виргинии. Инглиш был лидером общины, хотя и толковал свои обязанности констебля, как ему было удобно, – это агрессивному бизнесмену пришлось объяснять суду несколькими годами ранее. Вплоть до июля он сидел на городской церковной скамье рядом со Стивеном Сьюэллом. Инглиш вел бизнес с

судьей Сьюэллом, а также сдавал жилье родственнику Иезекиля Чивера, подвизавшегося в суде секретарем.

Инглиш, искрясь азартом, мог предложить уголок земли одного соседа другому и взорваться негодованием, когда позже его обвиняли в мошенничестве. Он слыл одним из самых неутомимых сутяжников в Новой Англии, воинственным и хищным. По некоторым подсчетам, он минимум семнадцать раз подавал иски за прошедшие два десятилетия и слепо верил в массачусетское правосудие. Откровенно успешный иммигрант с непростительно независимым характером, Инглиш говорил с акцентом, был уроженцем англиканского острова, принадлежавшего католической стране, и жертвовал обществу беженцев-гугенотов (которому благоволило правительство доминиона, но не местные жители). Режим Андроса нравился ему больше, чем режим Фипса, отчасти потому, что он уважал профессионализм. Он проделал уже знакомый нам путь наверх, из присяжных в констебли и в члены городского управления – на последнюю должность город избрал его в марте. Инглиша можно было обвинить во множестве грехов, но вряд ли среди них оказалось бы колдовство – если не считать, конечно, его волшебного умения делать деньги.

Томас Патнэм подал первую жалобу на Филипа Инглиша от имени четырех деревенских девочек, но Сюзанна Шелден, восемнадцатилетняя сирота, фактически в одиночку повела кампанию против четы Инглиш. Филип перегибался через скамьи, чтобы ущипнуть ее во время собраний; кусался и угрожал перерезать ей горло; совещался с духом в шляпе с высокой тульей; утопил человека в море. И это именно он собирался убить губернатора. Шелден видела у Мэри Инглиш на груди желтую птицу. Она уже двадцать лет как ведьма. В июне, через полтора месяца после выхода первого ордера, Инглиш присоединился в тюрьме к своей жене. Его имя регулярно звучало в суде все это время. И хотя в непризрачной реальности он делал дела с несколькими из судей, в призрачном мире постоянно общался с Берроузом и Проктером.

Возможно, дело Инглиша также должно было – или так все думали – слушаться 2 августа. В любом случае, когда всплыли детали дьявольского шабаша, салемский делец и его жена начали консультироваться с преподобным Муди. Этот пожилой священник был чрезвычайно мягким и умным человеком. Он служил на границе –

и как пастор, и как капеллан в армии Фипса, – а еще сталкивался со сверхъестественным. Он снабжал Инкриза Мэзера историями для его книги и в свое время тоже преследовался властями за безбожие. Восемь лет назад, при правлении доминиона, он отказался проводить обряд причастия в Нью-Гемпшире по канону англиканской церкви. Друзья пробовали уговорить его «чудесным образом исчезнуть из провинции». Он не послушал их и был приговорен к полугоду заключения за пренебрежение законами его величества (и находился под стражей три месяца – дольше, чем теперь сидел Инглиш). В конце июля Муди, вместе с Уиллардом посетивший Инглишей, процитировал Евангелие от Матфея, 10: 23, где есть такие слова: «Когда же будут гнать вас в одном городе, то... бегите в другой». Этот прозрачный намек вызвал, однако, полемику у четы узников. Муди спросил – вероятно, это происходило 31 июля, – услышали ли они его посыл. Инглиш попросил уточнить. Пастор настаивал, что нужно бежать. Инглиш колебался. Он уже знал, что такое жизнь в бегах. У него есть принципы. Его бизнес уже в плачевном состоянии. «Господь не позволит им меня тронуть», – якобы сказал он. Жена возразила мужу. Он что, действительно верит, спросила она, что шесть повешенных были ведьмами? Нет, он в это не верит. Тогда что помешает им казнить и самих Инглишей? «Прислушайся к совету мистера Муди», – умоляла она. Обычно выступавший за дисциплину Муди, по-видимому, настаивал, что если Инглиш не перевезет свою жену в безопасное место, то он это сделает вместо него. Он уже организовал их отъезд из Массачусетса с помощью нескольких бостонцев. Заключение бежали.

Через несколько дней большая коллегия присяжных услышала в показаниях, что Инглиш убил сына своего соседа с помощью колдовских чар (сосед мог еще поведать, что по дороге домой от друга, которому он рассказал о притязаниях Инглиша на его землю, у него началось такое жуткое носовое кровотечение, что кровь не только пропитала носовой платок, но и испачкала гриву лошади) [29]. Шестнадцатилетний салемский слуга клялся, что муж с женой грозились разорвать его на куски. К тому моменту, когда он давал показания, беглецы были уже за много километров от Салема, по дороге в Нью-Йорк, где, по слухам, губернатор Бенджамин Флетчер предложил им убежище. Это вполне возможно, хотя Флетчер приехал в

город не раньше 30 августа. Нью-Йорк сыграет в этом кризисе ключевую роль, но позже. Две колонии тесно взаимодействовали, пусть и не очень сердечно – их потребности слишком сильно расходились. Флетчер потом заметит, что североамериканские колонии «в плане интересов и симпатий имеют столько же общего, сколько христиане с турками» [30]. У ньюйоркцев не было особого желания распространять свою благосклонность на новую массачусетскую администрацию.

Филип и Мэри Инглиш задали бостонскому духовенству те же вопросы, что неделей ранее в весьма красноречивых выражениях поставил перед ним Джон Проктер. Ответы же получили иные. Этот побег удался, потому что их услышали умеренные, влиятельные священники, люди, которые могли тихо обойти систему, публично ими поддерживаемую. Но Олдены, Кэри и Инглиши смогли освободиться по той же самой причине, которая заставляла многих спотыкаться, заикаться и забывать все, стоя перед салемскими магистратами. Даже в 1692 году богатство имело значение. С самого начала основатели Новой Англии постоянно твердили об иерархии. В 1630 году, еще на борту корабля, Джон Уинтроп заявил, что Господь в мудрости своей позаботился, чтобы «во все времена одни были богаты, другие бедны, одни стояли высоко у власти, другие – внизу, им подчиняясь» [31]. И хотя все служат одному Богу, напомнил Стаутон своей аудитории в 1668 году, «есть слуги высоких, а есть – низких рангов и возможностей» [32]. Те, кто наделен большими способностями, больше преуспевают. Мы не рождаемся равными и не умираем таковыми. Ради чего тогда всю жизнь равными притворяться?^[101]

Своя элита была даже у слуг (Титуба в этой иерархии копошилась на самом дне). В невидимом мире высшие духи распределялись по чинам: херувимы и серафимы, архангелы и ангелы. Низшие духи тоже не являлись на свет равными: среди них встречались ничтожные и доминирующие особи, могучие злодеи и простые гоблины, некоторые лучше других оснащенные и приспособленные к существованию. «У них имеется собственная монархия», – отмечал Коттон Мэзер, которая по-обезьяньи копирует видимый мир. И Филип Инглиш, и «сам себя сделавший» губернатор Массачусетса, и даже Джон Ричардс, судья по колдовским делам, в свое время приехавший в колонию слугой, – все

они служили яркой демонстрацией подвижности финансовой иерархии. Кастовая же система была по большей части статичной и бессменной. Вы могли сомневаться, где ваше место во Вселенной, но вряд ли когда-нибудь забыли бы о своем положении в обществе. Распределение мест в соответствии со статусом в молельне, вызывавшее вражду и склоки, удары коленями и тычки под ребра, являлось лишь одним из проявлений этой системы. Ее соблюдение было делом такой важности, что Уоберн потребовал назначить комиссию по рассаживанию. Одна женщина в Ньюбери, сидевшая у стены, «совершенно неподобающим ее полу образом елозила и вышагивала» по полутораметровой скамье, беспокоя прихожан, чтобы донести до всех свою позицию [34]. Тот, кто занимал чужие места, платил большие штрафы^[102]. У андоверского фермера средних лет, кормившего большую семью, были основания мечтать о равноправном обществе, и были причины считать такое общество дьявольским. «Тот, кто выступает за равенство в каком-либо обществе, в итоге посетит хаос», – предостерегал один ипсвичский пастор [36]. Пэррис неспроста проявлял повышенную чувствительность к классовому вопросу: на Барбадосе он относился к безусловной элите [37]. Власть и собственность на острове были сконцентрированы в очень небольшом количестве рук. Неудивительно, что пасторская дочь с ее припадками привлекла к себе внимание, которого не смогла бы добиться ни одна другая девочка в деревне.

Статус всегда выставлялся напоказ: дома, в распределении мест за столом, на улице. Деревенские девочки хорошо знали, кто пользуется в обществе авторитетом, а кто нет, – и знали, кто чего стоит. Хвастаться внешним видом было привилегией богатых; дьявол обещал шелка и дорогие одежды не только за то, что его слуги заявляли, но и за то, как выглядели. Только джентльмен мог позволить себе обшитое золотым галуном пальто. Выходить за пределы дозволенного в одежде являлось преступлением, за которое мужчины отвечали перед судом не реже женщин^[103] [38]. Правила нарушались регулярно. Энное количество женщин выступали ответчицами по искам о незаконном ношении шелковых чепцов – такие чепцы были привилегией тех, чьи мужья владели поместьями стоимостью не менее двухсот фунтов. В эту категорию не входили жены Джона Проктера, Сэмюэла Пэрриса или Томаса Патнэма (зато входила мать Николаса Нойеса, которая успешно

отбивалась от обвинений в том, что одевается не по рангу. Количество подобных исков говорит не столько о великолепии пуританских одеяний, сколько о буйстве новоанглийской зависти). Социальное положение определяло и ранжир выпускников Гарварда. Коттон Мэзер был вторым после своего кузена, внука тогдашнего губернатора. Стаутон занимал первое место. Старший сын Хиггинсона был первым в выпуске 1670 года, Берроуз – последним. Алфавитного порядка в качестве альтернативы учета студентов не существовало до 1769 года.

Правосудие распространялось равномерно, но наказания зависели от социального положения. Если совершенное джентльменом преступление не было особенно чудовищным, его не подвергали порке. Хозяин и его сообщник-слуга получали разные сроки заключения. Осужденный в 1684 году преподобный Муди потребовал, чтобы его не сажали в тюрьму общего типа, ведь «там так холодно и мерзко, что жестоко отправлять меня туда, учитывая мое образование и стиль жизни» [40]. В итоге он отбыл наказание в частном доме. Для того чтобы люди знали свое место, существовали специальные законы, регулировавшие уровень роскоши. То же происходило и на процессах по делам ведьм, только они разрушали социальные рамки. Обычно слуги-индейцы не валялись на земле с женами капитанов дальнего плавания, а девочки-подростки не учили образованных ученых мужей юриспруденции. И вместе с тем каждый из бежавших в 1692 году обладал большим состоянием или близкой дружбой с пастором, способным ему помочь – что, в общем-то, одно и то же. Колдовство тоже оказалось иерархичным и патриархальным. Ведьмы черпали свои силы от фигуры, иерархически стоящей над колдуном. Энн Патнэм – младшая ранее назвала его «заклинателем». Это был мужчина, никогда в своих многочисленных превращениях не менявший пола [41].

Энн Фостер могла на огромной скорости носиться над округом Эссекс, но, будучи всего лишь вдовой андоверского фермера, пусть и преуспевающего, не могла бежать из тюрьмы. Один житель городка Роули вытащил из ипсвичской тюрьмы свою невестку. Ее быстро поймали, он заплатил штраф. Когда вышел ордер на арест шестнадцатилетней Элизабет Колсон, обвиненной деревенскими девочками в мае, ее нигде не оказалось [42]. По слухам, она, намереваясь уехать из Массачусетса, пряталась в Бостоне или Кембридже. В начале сентября констебль и его люди нашли ее в доме

бабушки в Рединге (ее мать, бабушку и тетю к тому времени уже задержали). Пришедшие за Элизабет одним субботним утром блюститители порядка обнаружили, что дом заперт на все замки. Пока они вызывали подкрепление и пытались попасть внутрь, услышали, как хлопнула задняя дверь. Из дома выбежала девушка. Вооруженные палками мужчины бросились за ней через соседское поле. Почти нагнав Элизабет, один из них, задыхаясь, спросил, зачем она убегает, он ведь все равно ее поймает. Не отвечая, девчонка бежала что есть сил, насколько ей позволяли длинные юбки, спотыкаясь, падая и снова вставая, время от времени делая движение рукой, словно отгоняя преследователей. Обессилевшие констебли выпустили собаку – та стала прыгать вокруг беглянки, но не нападала на нее. Погоня закончилась каменной стеной на краю чащи. Когда туда прибежал констебль, Элизабет словно испарилась. Он стукнул палкой по кустам – и навстречу ему вылетела огромная кошка, которая смотрела ему прямо в глаза. Тогда он попытался ударить ее своей палкой – кошка взвилась на дерево и была такова. Не стоило труда догадаться, что на самом деле это не кошка, а превратившаяся в нее Колсон. Это был дерзкий рывок, охота на лису, в которой победила лиса. Двое взрослых мужчин в недоумении чесали затылки. И все равно Элизабет Колсон через десять дней оказалась в кембриджской тюрьме. В то же время местонахождение Мэри и Филипа Инглиш, похоже, ни для кого не было секретом. Но никто не преследовал пару с палками и собаками, как других беглецов от неминуемой смертной казни.

Однако не блюстители закона были злейшими врагами подозреваемых. Когда власти пришли за Мартой Тайлер, дочерью андоверского кузнеца, она не пыталась удрать через заднюю дверь [43]. Набожная шестнадцатилетняя девушка не совершала ничего, в чем следовало бы покаяться. Во всяком случае, так она считала до поездки в Салем, в которой ее сопровождал брат или сводный брат. Все три часа пути он подстрекал ее сознаться в колдовстве. Марта умоляла его перестать – она ничего о колдовстве не знает. По приезде в Салем брат с Джоном Эмерсоном, пастором из Глостера, привели ее в какое-то помещение. Эмерсон увидел рядом с ней дьявола и отогнал его рукой. Теперь на нее давили уже двое мужчин. Пастор был безжалостен: «Ну что же, я вижу, ты не признаешься! Ладно, я оставляю тебя. И тогда тебе конец – конец твоей душе и телу, конец

навсегда». Этот школьный учитель кое-что знал о том, как вытаскивать признания из подростков. Брат велел Марте прекратить лгать. Она ведьма. «Дорогой брат, – молила она, – не говори так, ведь я солгу, если признаюсь, и кто тогда ответит перед Господом за мою ложь?» Он стоял на своем: ее сопричастность установлена, и «Господь не допустил бы, чтобы столько добрых людей так ошибались, а она будет повешена, если не сознается». Марта капитулировала. Она предпочла заточение в подземелье психологическому насилию – как другие предпочитали признание долговому стоянию на ногах, отсутствие сна, беспощадные нескончаемые допросы. Многие больше не знали, чему верить. Многие начинали верить в то, что им говорили.

Чем меньше времени оставалось до августовского заседания суда, тем сильнее, казалось, ускоряется ход времени. Тревога разрасталась. Уже большое жюри собралось в городе Салеме, куда стекалось большое количество людей, а Хэторн и Корвин все продолжали свои слушания в деревне. В ту субботу, когда Элизабет Кэри бежала из тюрьмы, они допрашивали Мэри Тутейкер: эта повитуха овдовела полтора месяца назад, когда ее тридцатисемилетний муж, обвиненный в колдовстве целитель из города Биллерика, умер в тюрьме. Ее старшая дочь уже призналась. Притом что младшей сестрой Мэри была Марта Кэрриер, судьи наверняка допрашивали ее с особым пристрастием. Она отвергла их обвинения и минимум двадцать раз обещала себе, что лучше умрет на виселице, «чем признается в чем-нибудь, кроме своей невиновности» [44]. Но может быть, думала она теперь, содрогаясь, это говорил дьявол? Не имея рядом ни властного пастора, ни родственника, женщина истязала себя. Она не может признаться, потому что невиновна, или потому что дьявол лишает ее дара речи? Иногда он вмешивается в ее молитвы. Не могла ли она случайно вступить с ним в сговор? Она двигалась осторожно, ощупью, стараясь угодить властям, не исказив истину. Твердо стоять на своей невиновности, она поняла, означало быть виновной во грехе упрямства. Околдованные девочки тем временем кувыркались вокруг нее. Она призналась. Сжимая в руках посудное полотенце, Мэри Тутейкер наслала проклятие на страждущего андоверца. Она была убеждена – или убедила себя, – что ведьма, что стала ею чуть меньше двух лет назад. Дьявол обещал ей с сыном счастье.

Во время своего дознания 30 июля Тутейкер выдала имена одиннадцати сообщников, включая родную сестру, племянника, дочь и Берроуза, собрания которого дважды посещала на пастбище Пэрриса. Ее пример нагляднее других демонстрирует, откуда брались все эти признания. У нее начались судороги и приступы удушья. Ее постоянно одолевали сомнения. Она *думает*, что была на этих собраниях. Она *думает*, что подписала книгу. Она *думает*, что их цель – низвергнуть церковь. Она *думает*, что слышала трубу. Она не может точно определить, какая сила ей мешает. «Дьявол так коварен, что, едва она начинает открывать правду, он ее останавливает», – отметил судебный писарь. Дьявол вводит ее в заблуждение с помощью Писания. Каким стихом? – спросил магистрат. Псалмом, где есть слова «Да постыдятся враги мои», ответила Тутейкер. А это заставляет ее немилосердно желать смерти своим обвинителям.

Ее подход к собственной вере был не менее назидательным. Приливная волна благочестия сталкивалась с отливом сомнений. Еще более удручали Мэри мысли о ее крещении. Она не стала с тех пор значительно лучше. Этой весной ее парализовал ужас перед индейцами, она все время просыпалась от кошмаров, в которых отбивалась от нападений. И вот на пике ее тревог возник смуглый мужчина. Он защитит ее, а потом она должна будет ему молиться. Она с готовностью согласилась. Возможно, как дошло до нее теперь, она все время имела дело с Сатаной! Было много неясного с тем, кто на самом деле враг и может ли он также воплотиться в тебе. В конце концов Мэри Тутейкер заключила сделку с дьяволом, потому что он обещал «избавить ее от индейцев», об этом избавлении она упомянула трижды. Сделка оказалась невероятно выгодной. Через двое суток после ее признания в колдовстве индейцы напали на Биллерику.

Когда вы называете себя «стадом в диких землях», вы фактически приглашаете в гости хищников [45]. Множество их охотилось на Новую Англию с ее основания – или, по крайней мере, к таким атакам все были готовы. По словам Мэри Роулэндсон (которой, возможно, написать их помог пастор), индейцы были «ненасытными волками», «рычащими львами и кровожадными медведями». В трудах Мэзера коренные американцы регулярно оборачивались тиграми, а дьявол – тигром или рычащим львом. Квакеры у него вели себя как «лютые

волки». Они вместе с французами и индейцами составляли дьявольский зверинец Новой Англии с его львами, тиграми и медведями. Энн Патнэм – старшую околдовали на майском слушании, она тогда словно одеревенела. Только за пределами молельни ей стало лучше, удалось вырваться из «лап рычащих львов и зубов бешеных медведей» – эти слова она позаимствовала из проповеди Лоусона от 25 марта. По мере того как размывались границы между физическим и духовным, то же происходило и с беснующимися хищниками (Пэррис, выступая с проповедью в мае, смешал в ее тексте Людовика XIV, его католических приспешников и дьявола, подстрекателя ведьм и колдунов. И был далеко не единственным, кто думал так же – хотя по крайней мере два из трех этих пунктов находились очень далеко от прихода)^[104]. В большинстве высказываний вы могли без ущерба для смысла заменить слово «индейцы» на слово «католики». И в том и в другом случае подразумевалась угроза для страны^[105].

Индейцы, естественно, также были «ужасными колдунами и адскими заклинателями». И неудивительно: эти дикие места считались чем-то вроде «дьявольского логова». Со времен Моисея тут припеваючи проживал князь тьмы. Вряд ли ему понравилось, что толпы пуритан понаехали в «уголок мира, где он бесконтрольно правил много веков». На самом деле он в ярости, утверждал Мэзер, которому не давала покоя зоологическая тема. Индейцы, волки и дьяволы представляли собой «драконов дикой земли». Вступить в ряды англиканской церкви, считал Мэзер, – это то же самое, что попасть под заклятие. Квакеры были прокаженными в дьявольской ловушке. Их религию он полагал приносящей не больше пользы, чем «жабий сок». Учитывая символическое сочетание угнетаемой группы людей с неприветливым климатом, до создания оси зла оставался один шаг.

Ответом на сдавленный писк страха стал грозный рык обвинений. Когда в Бостоне случился пожар, говорили, что виноваты баптисты. Кто перегрыз глотки овцам, пасшимся на общинном пустыре в Кембридже? Волки, но в конце 1691 года имело смысл на всякий случай выгнать французов. В 1689 году, агитируя против Андроса, Мэзер упоминал (вымышленный) папистский заговор десятилетней давности, все еще живший в головах новоанглийских поселенцев. Новая война с индейцами виделась «частью заговора, призванного нас

унизить» [46]. Мэзер приписывал провал квебекского похода Фипса присутствию в Бостоне англикан: именно это разозлило Бога. К тому же для жителя Новой Англии – с его чувством собственной священной миссии и упором на праведность – повсеместные заговоры были так же естественны, как договорные обязательства. Как сказал один индеец-осведомитель, колонисты «доверчивы, словно дети»^[106] [48]. Они чувствовали себя в ловушке со всех сторон. У пуритан имелась врожденная англосаксонская любовь к конспирологии, а так как центром их жизни была религия, то любой заговор автоматически становился дьявольским. Преподобный Муди в 1688 году говорил о «необъяснимых интригах», которые плелись вокруг. Сэмюэл Уиллард и Джон Хиггинсон, люди умеренных взглядов и осторожные, горячо убеждали, что клика заговорщиков-папистов уже нацелилась либо скоро нацелится на Массачусетс. Задолго до того, как призрачные французы наводнили Глостер, поползли слухи, что в Массачусетс направляется отряд ирландцев, чтобы установить в Новой Англии католицизм. Естественно, сатанинские оборотни-вредители служили еще одной цели: враги Новой Англии были друзьями ее церкви. Они заполняли церковные скамьи. Общие страхи становились серьезной причиной объединиться, особенно после сезона политических бурь. «О, не спорьте больше, – молил в 1690 году Мэзер, – но немедленно сомкните ряды против ваших сплотившихся врагов»^[107] [49].

Свергнувшая Андроса колониальная элита утверждала, что губернатор строил козни, намереваясь передать колонию в руки «иностранной державы» (в этом заговоре тоже фигурировали грозные красные камзолы и если не шляпа с высокой тульей, то корона). Коттон Мэзер обращался к тем же страхам в 1690 году, когда говорил в проповеди: Новая Англия пребывает в состоянии «бедственном и опасном, какого никогда еще не знала» [50]. Его обращение призывало к порядку и дисциплине. Погрязшие в грехах и недовольствах, они притянули к себе «целые армии индейцев и галльских кровопийц». Власти не сумели защитить свое стадо. Без хартии Новая Англия отдана на милость диким зверям. Проповедь Мэзера о колдовстве, вероятно, звучала как его тирада против королевского губернатора – об этом можно судить по его августовскому обращению, касавшемуся салемского кризиса. Он оптом позаимствовал образы индейцев у Мэри Роулэндсон: по пути на свои «адские рандеву» дьявольские монстры

выволакивали «несчастливых людей из жилищ и многие мили тащили их по воздуху над деревьями и холмами» [52]. Как именно выглядела «армия дьяволов»? Представьте «несметные полки жестоких и кровожадных французских драгун», – пугал Мэзер прихожан, и они понимали, о чем речь. Однако имелось очевидное различие. Когда речь шла о разбойниках-индейцах, о «кровавых варварах-язычниках», как Стаутон именовал французов, вы были мучительно беспомощны [53]. С ведьмами же можно бороться. 1 августа, во время нападения на Биллерику, индейцы в куски изрубили двух женщин, их младенцев и дочек-подростков тринадцати и шестнадцати лет. Судьи в тот же день приехали в Салем – кажется, той изнурительно жаркой неделей туда вели все дороги.

Суд, назначенный для заслушания и решения, заседал в августе с новым главным прокурором. По политическим причинам Томаса Ньютона заменили на Энтони Чекли – друг судьи Корвина, он был на двадцать пять лет старше своего предшественника [54]. Ньютон представлял собой уравновешенного, учтывого и добросовестного госслужащего, хотя и не имел юридического образования. У Чекли было больше опыта работы в суде. Он уже ранее судил на колдовском процессе, а также служил главным прокурором в правительстве доминиона. Он переправил в Салем как минимум восьмерых подозреваемых. Среди них не было вдов, целителей или злоязычных нищенков. Чекли планировал заняться четверьмя мужчинами, один из которых пытался избежать ареста (Джон Уиллард), другой просил власти поменять место рассмотрения дел (Джон Проктер). К ним присоединился Джордж Джейкобс, который в свое время смеялся: «Из меня волшебник – как из коня учебник», и преподобный Берроуз, заклинатель. И снова было совершенно ясно, с чего следует начать. В десять часов утра 2 августа Стаутон открыл заседание делом Марты Кэрриер, язвительной царицы ада, спутницы Энн Фостер по андоверскому перелету, женщины с такими криминальными наклонностями, что она умудрилась стать ведьмой за два года до собственного рождения; женщины, которая предположила, что девчонки притворяются и вообще сошли с ума; женщины, которую обвинили собственные сыновья и которую в последний раз видели 31 мая, когда ее со связанными руками и ногами выводили из зала суда с

того беспокойного слушания, откуда тогдашний прокурор вышел с отвисшей от изумления челюстью.

Большое жюри только собиралось, когда по Массачусетсу пошли разговоры о мощном землетрясении, несколько недель назад разрушившем Ямайку [55]. Погибла треть населения острова, город Порт-Ройал полностью ушел под воду. Дома снесло с лица земли, горы перевернуло. Бедствие, казалось, имело библейский масштаб, особенно в пересказе Коттона Мэзера: затонули сорок кораблей, но ни одного – из Новой Англии. Пуританский пастор на Ямайке выжил. Мэзер уже решил читать в тот четверг из книги Откровение. Он спешно вставил это новое бедствие в проповедь 4 августа. Землетрясения тоже имели дьявольское происхождение: это дьявол бесится, потому что знает, что ему недолго уже осталось.

Бостон соблюдал в тот четверг всеобщий пост. Читаемые по таким поводам проповеди строились по определенной схеме, сопоставлявшей грехи с невзгодами: паству предупреждали, что грядут еще более страшные несчастья, если грешники не одумаются. Мэзер эффективно работал с новостями. Народ Ямайки «брошен в разверстую пасть стонущей земли, и многие сотни погребены заживо». Дальше, предвидел он, будет хуже: «Вы всё чаще станете слышать о явлениях дьявола, и о бедных людях, страдающих от странных проклятий, одержимых адскими чудовищами» [56]. Обращаясь к салемским событиям, он выложил детали, которые никогда не звучали в судебных показаниях, – в том числе назвал практики столь примитивные, что до них не стал бы опускаться самый коварный злодей: кражу денег, перелетающих прямо в лапы его наемников. Уже признались больше двадцати ведьм, некоторым не было еще и восьми лет. Они поносили своих родителей, продавших собственных детей дьяволу. «Даже каменное сердце разбилось бы при виде того, что мне пришлось видеть в последнее время», – причитал Мэзер, и это первый намек на то, что он приезжал в Салем [57], хотя и не посещал заседания суда, для которого, как представляется, стратегически готовил почву. Стада, стаи, тучи дьяволов кружили над «сокрушенным округом Эссекс». Манипулируя невидимыми орудиями пыток, они практически уничтожили место первой в колонии церкви. Чума, предупреждал он, распространяется по городам, и она все ближе.

Мэзер обратил внимание еще на одну опасность. Слишком много «среди нас раздражения и разногласий», – сокрушался он, кивая на скептиков, которые никогда еще в 1692 году не сидели так тихо. Он призывал к сдержанности – а то страсти и слухи бежали впереди паровоза. Он осуждал клевету и злословие – именно они изначально приглашали дьявола войти. Раскрывая карты, он единожды призвал сжалиться над обвиненными и дважды – над судьями [58]. Ведь перед ними предстал величайший в истории мира вития. Он, похоже, опутал Новую Англию тончайшей нитью, какая только может быть. Достопочтенные судьи трудятся, чтобы спасти невинных и искоренить дьявольщину; это трудное и опасное дело. Мэзер был удовлетворен качеством улик, с помощью которых магистраты до сих пор разбирались с «шайкой ведьм». Но что с теми, против кого имеются лишь призрачные свидетельства? Это такой запутанный вопрос, что уважаемым судьям впору вскричать, как царь Иосафат: «Мы не знаем, что делать!» [59] Дьявол в момент загоразживает им свет, и все они «во грехе своем, горячности и безумии калечат друг друга в темноте».

Там, где священники одной рукой помогали заключенным бежать, а другой подписывали обвинения (даже в проповеди Мэзера от 4 августа читается и предостережение, и поощрение); там, где сосед обвинял соседку, а потом подписывал петицию в ее защиту; где мировой судья мог передать допрос ведьмы властям под предлогом того, что ему это не по силам; где обвиненная ведьма не могла определить, божий или дьявольский голос звучит у нее в голове, – короче говоря, там, где все блуждали в потемках и ничего не понимали, один человек сумел сохранить абсолютно ясный разум [60]. Именно на него возлагалась опасная задача, описанная Мэзером, – изгнать дьявола, не задев по ходу дела невинных. И на 1 августа, когда Фипса полностью поглотила подготовка к новому походу на Мэн, этот человек оказался одновременно главой суда по колдовским делам и исполняющим обязанности губернатора Массачусетса. Фипс назначил его ответственным в свое отсутствие, хотя еще оставался в ту неделю в Бостоне. Превратив делегирование полномочий в искусство, он стряхнул с себя салемикие страсти, оставив их в руках своего зама и бывшего политического противника, на все руки мастера Уильяма Стаутона.

В огромной толпе, перед которой 3 августа предстала Марта Кэрриер, чернели одеяния пасторов – присутствовали Лоусон, Хейл, Пэррис и, конечно, Нойес. Мы ничего не знаем о внешности Марты, хотя, с учетом двух месяцев в душной темнице, Мэзер вполне мог оказаться прав, обессмертив тридцативосьмилетнюю женщину в образе «свирепой карги» [61]. Призванная к барьеру, она подняла руку, подтверждая свою личность. Суд обвинил ее в занятиях колдовством, «злостных и преступных». Она заявила о своей невиновности. Если она и демонстрировала такое же величественное презрение, как в мае, в записях это не отражено. Приставы ввели в зал деревенских девочек, показания которых меркли на фоне не прекращавшихся у них жутких приступов с закатывающимися глазами. Кэрриер, видимо, не проявила к ним сочувствия. Она не изменила свою майскую точку зрения. «Как неловко, что вы принимаете всерьез этих сумасшедших», – упрекнула она судей. Пятидесятипятилетний сын Энн Фостер заявил, будто Кэрриер говорила, что ей плевать, если у девочек совсем открутятся головы. Наверняка в нее сейчас со всех сторон летело множество ядовитых взглядов.

Улики против Кэрриер копились с майского слушания. Ее старшая сестра, двое детей и племянница уже признались, что посещали вместе с ней сатанинские сборища. Пришла дать показания Сюзанна Шелден со снова сросшимися запястьями, разлепить которые не представлялось возможным [62]. Томас Патнэм описывал муки своей дочки и еще четырех салемских девочек, страдавших от рук Кэрриер с мая: их конечности уже почти необратимо вывихнулись. Дочь Энн Фостер скорбно поведала, как они с Кэрриер вместе принимали дьявольское причастие. Кэрриер сгубила всю свою семью, «заманив их в дьявольские силки». Вспыльчивая и острая на язык, она была когтем, разрывающим ткань салемского общества. Она хлопала в ладоши перед носом молодых людей и желала соседям страшных бед. Эти проклятия магическим образом срабатывали: после спора о земле у кого-то распухла нога, у кого-то нарывало в паху. Двадцатидвухлетний племянник Кэрриер вернулся в Андовер с войны с зияющей глубокой раной. До ареста тети туда до самого кончика входила десятисантиметровая вязальная спица. Тетушка уверяла, что эта рана никогда не заживет, – но она чудом зажила после тетушкиного ареста (проблемы с пахом у соседа тоже разрешились). Племянник

ничего не рассказывал о планах низвержения церкви, зато мог, как утверждали, пролить свет на феномен, описанный Джоном Хейлом из Беверли: «Чем больше задержанных, тем больше заколдованных» [63]. Возможно, это было результатом не только ползучего дьявольского заговора. Отец племянника Кэрриер полтора месяца назад умер в тюрьме. Его мать и сестра сидели в заключении. Кузина созналась в колдовстве. Подозрения обрушивались, как пушечные ядра, на целые семьи, и обвинить ближнего означало избежать ядовитых осколков. Страх царил по обе стороны баррикад. Те, кто утверждал, что их близкие невиновны, тыкали скрюченными пальцами в чужих близких. Один родственник Нёрс свидетельствовал против Кэрриер.

На той же неделе предстали перед судом и супруги Проктер. Против них сохранилось крайне мало улик. То, что дошло до нас, указывает не столько на Джона, сколько на Элизабет (которая была уже на девятом месяце беременности). Перед их появлением в суде в Бостон отправилась авторитетная петиция [64]. Еще одна апелляция пришла в суд. Ипсвичский пастор Джон Уайз составил бостонский документ и, по-видимому, собирал подписи [65]. Он снова напомнил властям о привычке дьявола вселяться в невинных. Пути Господни оставались неисповедимы. Самый педантичный суд мог разглядеть лишь малую их часть: проявления милосердия подлежали контролю. Ни один из тридцати двух подписавших петицию никогда не замечал у этой пары, обладавшей «кристально чистой репутацией», ни малейшего намека на порочность. Они были хорошими соседями и набожными прихожанами. Их процесс мог бы как никакой другой заставить людей засомневаться в обвинителях, если бы кто-нибудь их слушал. Выразить скепсис означало вскоре схлопотать обвинение. Именно после того, как одна из девочек обвинила Элизабет Проктер, она объяснила, что они сочиняют свои сказки со скуки. Двое мужчин свидетельствовали, что слышали, как Патнэмы учат Мерси Льюис, что говорить в суде. Ничего из этого не имело значения. Суд признал обоих Проктеров виновными в колдовстве.

Джон Уайз, современник Пэрриса, которого тот знал со времен Гарварда, служил в Ипсвиче пастором – и размер их паствы, и условия работы были сопоставимы. Уайз прокладывал совершенно другой путь, направив свой мятежный дух на общественное благо, а не на сорок вязанок дров и восемь кубометров болотного сена. У Уайза

имелись оригинальные идеи насчет функции государства и налогообложения без представительства^[108]. Этот привлекательный мужчина с потрясающим чувством юмора без труда склонял других на свою сторону; пятью годами ранее он возглавил в Ипсвиче протесты против налоговой системы Андроса. Она нарушает свободы Новой Англии, утверждал Уайз. Он подбил на сопротивление соседние города и добрался уже до Топсфилда, когда его арестовали. Уайз, как прояснил позднее, верил, что между аристократией и монархией крайне мало различий – от каждой из них всего один шаг до тирании. За свои убеждения он двадцать один день провел в тюрьме. В суде по его делу тогда председательствовал Стаутон, который, по мнению Уайза, навязал присяжным вердикт о виновности. Также, вероятно, именно Стаутон сообщил пастору и его друзьям, что они ошибаются, если думают, что английские законы защищают их и на краю света. У них, сообщил суд, «из всех привилегий осталась одна – не быть проданными в рабство»^[109] [66].

У Уайза, чувствительного к попранию свобод и давлению на присяжных, имелась особая причина высказаться. Он не доверял власти. Он считал, что «трусость» – слово, которое трудно произнести, но также проступок, в котором еще тяжелее быть виновным. У него имелась причина бросить вызов Стаутону, к которому он, вполне возможно, продолжал испытывать некоторую неприязнь. Естественно, тон более поздних заявлений ипсвичского пастора сильно отличался от тона заявлений главного судьи. Уайз полагал, что правительство самим своим существованием обязано сообществу, которым руководит, а не наоборот. В своих рассуждениях он предпочитал «самое простое платье действительности» любому виду ораторской пышности. Уайз был невероятно популярен, паства считала его равным Коттону Мэзеру. Кажется, он вобрал в себя разумную дозу Джона Локка.

На той неделе Джон Проктер с кандалами на запястьях переписал свое завещание. Джордж Берроуз этого не сделал. Хотя «мощный людской поток» устремился в Салем на его процесс 5 августа, хотя каждая из признавшихся ведьм указала на него как на их лидера, он не терял уверенности, что все обойдется [67]. Накануне суда семь мужчин осматривали его на наличие ведьмовских отметин. Они ничего не нашли. Берроуз крепко держался за веру и призывал своих детей – которым писал «серьезные душеспасительные наставления» – к тому

же [68]. У него были сторонники, которые уговаривали одного потенциального свидетеля обвинения куда-нибудь исчезнуть в ту пятницу (времена были таковы, что он все равно пришел). Друзья навещали Берроуза в тюрьме и обсуждали его дело. Он не собирался снова, как в мае, пожимать плечами в ответ на вопросы суда. Он достаточно знал о делах в деревне, чтобы подорвать доверие к своим обвинителям. И он верил в систему. Добавляло ему уверенности также знакомство не только с некоторыми судьями, но и с главным прокурором: тринадцать лет назад Джордж Берроуз работал на отца первой жены Чекли, матери его пятерых детей. Берроуз явится перед равными. У него хорошо подвешен язык. И говорит он как его судьи – с тем же смешанным современным англо-американским акцентом образованного человека. Он мыслит образами из Писания и с готовностью их интерпретирует. И помимо всего прочего, он пастор, выпускник Гарварда. А в кармане у него лежит клочок бумаги, который укрепит его защиту.

Берроуз, которого бесчисленное количество раз уже окрестили главарем, наверняка понимал, что разбирательства его дела ждали, как никакого другого [69]. В ту пятницу после обеда зал салемского суда был переполнен. Пастор сразу взял на себя инициативу в процессе, даже давал отвод потенциальным присяжным – такого права другим обвиняемым не предоставлялось. Возможно, он также вызывал свидетелей защиты. В зале присутствовал узколицый, скуластый, почти бесплотный Инкриз Мэзер – само по себе уже событие. Берроуз мог успокаивать себя тем, что старший Мэзер в своих «Удивительных знамениях» выражал сомнение в существовании колдовства. Слишком много внимания уделялось в последнее время дьяволам.

На майском слушании дела Берроуза свидетельствовали шестнадцать человек; 5 августа желающих дать показания было почти в два раза больше. Восемь признавшихся ведьм сообщили, что Берроузу обещано царство во владениях Сатаны. Девять других свидетелей приписали невысокому мускулистому пастору – «весьма тщедушному мужчине» – подвиги, которым позавидовал бы великан. Элизабет Хаббард, племянница доктора, сообщила, что Берроуз хвастался своим положением. Он был заклинателем, «выше рангом, чем обычные ведьмы». Мерси Льюис, его бывшая служанка, вышла из транса, чтобы поделиться своим рассказом (навеванным Евангелием от

Матфея), где Берроуз перенес ее на высокую гору и обещал «могущественные и славные» царства, лежащие внизу. Нелегко отделаться от ощущения, что этот отважный и умный мужчина, очаровывавший юных деревенских дев, стоял перед судом из-за того, что пережил своих жен и мог дать отпор индейцам.

Околдованные выдавали свои истории с трудом, периодически впадая в транс, крича, что сорокадвухлетний пастор их кусает. Они могут доказать это – вот следы зубов! Они демонстрировали раны судебным приставам, которые осматривали рот Берроуза. Отпечатки полностью совпадали с зубами. Приступы удушья и дерганье конечностями тормозили процесс, суду ничего не оставалось, кроме как ждать, пока девочки придут в себя. Во время одной такой паузы Стаутон обратился к подсудимому. Что, спросил главный судья, по мнению заключенного, мучает девиц? Берроуз ответил без обиняков: он предполагает, что это дьявол. «И почему же дьявол так отчаянно не хочет, чтобы против тебя давали показания?» – поинтересовался Стаутон, и этот головоломный вопрос поставил Берроуза в тупик. Не меньше его озадачили дүхи, начавшие вдруг кружить над залом, до отказа забитым людьми. Они выбивали из колеи больше, чем призраки: теперь их видел даже кое-кто из неоколдованных. Прямо рядом с пастором девочка задрожала от ужасного видения: она смотрела, по ее словам, на его мертвых жен. Их дүхи, повернув к девочке кроваво-красные лица, требовали правосудия. Стаутон вызвал еще нескольких околдованных детей. Каждый описывал то же самое. Что, возвысил голос Стаутон, Берроуз на все это скажет? Пастор был в смятении, но сам ничего такого не видел.

Если присутствовавшие еще не знали, что Берроуз (как назовет это впоследствии Мэзер) «печально известен на всю страну варварским обращением с двумя своими почившими женами», то вскоре их на этот счет просветили. Утверждалось, что он держал их «в некоем странном рабстве» и в итоге «довел до смерти». Добавив к списку жертв жену и дочку Лоусона, одна из девочек предложила такой мотив их убийства: преподобному не нравился его салемский преемник, служивший пастве, которая плохо с ним, преподобным, поступила. Из этой мешанины обвинений наконец стало проступать некое целое: кто-то свидетельствовал, что Берроуз принуждал своих жен клясться, что они никогда не выдадут его секретов. Его бывший

шурин, владелец таверны в городе, рассказал – при этом в зале находилась вся семья – о том походе за клубникой, когда пастор вроде бы сказал, что читает мысли своей жены. Как он может это прокомментировать? – спросил Стаутон. Просто жена с братом оставили с ним своего знакомого, объяснил Берроуз. Шурин возразил. Стаутон потребовал назвать имя этого знакомого. Берроуз помрачнел, поскольку ответить не мог. В конце концов, этот священник, возможно, не обладал необходимыми для заклинателя качествами: либо он был слишком истощен тремя месяцами, проведенными в сырой темной дыре, либо кто-то сильно преувеличивал его мощь. Он заикался и колебался. Возможно ли, предположил главный судья, что этот знакомый – черный человек, во всяком случае в пересказе Мэзера, – отошел в сторону вместе с Берроузом, чтобы накинуть на него по пути что-то вроде мантии-невидимки?

Ответа Берроуза у нас нет – не потому, что он его не дал, но потому, что Мэзер не посчитал его «достойным внимания»: обвиняющие улики затмили собой все возражения. Берроуз, как можно представить, с треском провалил свою защиту. На вопрос о его сверхъестественной силе он заявил, что стрелять из мушкета, будто тот был не тяжелее пистолета, ему помогал один индеец. Было неразумно приплетать сюда помощника, которого ничего не стоило превратить в «черного человека»: Мэзер всегда неплохо умел между делом впихнуть в свои книжки демона-другого, как поступил и в этот раз. Кроме того, никто больше никогда не видел ассистента Берроуза. Когда от него потребовали объяснить, как он управлялся с бочками патоки, Берроуз обнаружил, что лишился основного козыря своей защиты. Этот фокус он проделывал четыремя годами ранее в доме своего патрона, тестя главного прокурора. Сегодня Чекли не пришел – похоже, решил дистанцироваться от бывшего зятя. Из жалкой попытки Берроуза дискредитировать своих обвинителей тоже ничего не вышло. Он был гораздо менее ловок в распространении сплетен, чем прихожане, которых он так внезапно покинул, которые подали на него в суд и сделали из пастора колдуна. Его противоречивая натура проявлялась и здесь: он инстинктивно потянулся за Писанием сразу после опустошительного набега индейцев, но не собирался доставлять удовольствия пытавшемуся запугать его чиновнику, откровенничая о крещении своих детей.

Он все время запинался и давал противоречивые ответы – но эту роскошь могли себе безнаказанно позволить только обвинители. Что касается «ухищрений, нестыковок и фальсификаций [70], – ворчал Мэзер, – не было еще заключенного, настолько подобными вещами прославившегося» [71]. Лоусона его салемский предшественник не убедил ни по одному пункту. Несмотря на припадки юных особ и обилие свидетелей, слушание двигалось быстро: Берроуз стоял перед присяжными самое большее несколько часов. Когда оправдания у него закончились, он достал из кармана свой последний, решающий аргумент и протянул клочок бумаги большому жюри. Сорокадвухлетний пастор не оспаривал достоверность призрачных свидетельств. В нескольких строчках предлагалось нечто еще более провокационное: Берроуз утверждал, что «нет и никогда не было ведьм, которые, заключив сделку с дьяволом, могли бы послать дьявола мучить других людей на расстоянии». Этот предупредительный выстрел был самым спорным из всего, что он вообще мог предложить. Если дьявольских сделок не существовало, если дьявол не нанимал субподрядчиков, значит, суд, назначенный для заслушания и решения, отправил на виселицу шестерых невиновных.

Тут разгорелась перепалка – не только из-за содержания высказывания, но и из-за его авторства. Стаутон, выпустившийся из Гарварда в год, когда родился Берроуз, сразу же узнал источник: это были строки из книги Томаса Эйди. Ведущий английский скептик утверждал, что колдовство и Библия – разные вещи. Он склонялся к мысли, что колдовство – лишь аллегория. Эйди яростно нападал на «беспочвенные фантастические доктрины», волшебные сказки и бабкины выдумки, результаты ночных видений, чрезмерных возлияний и ударов головой. Ведьмы существуют, но являются большой редкостью; Эйди полагал, что они – просто удобная уловка для плохих врачей. И не советовал тем, у кого случилось несчастье, пытаться вспомнить, кто последним приходил в их дом^[110]. Берроуз отрицал, что позаимствовал высказывание, потом скорректировал ответ: он словно нарочно выбирал самый неподходящий момент, чтобы говорить откровенно. Один гость передал ему текст рукописи. Он его переписал. На тот момент пастор уже несколько раз согласился, что Новая Англия наводнена ведьмами; слишком поздно было для такого опасного гамбита – о котором мы, к слову, знаем лишь часть истории, к

тому же в редакции Мэзера. Присяжные быстро вынесли вердикт. Он вполне удовлетворил главного судью.

Джон Хейл, покидая в тот день зал суда, почувствовал укол сомнения: речь шла о его бывшем коллеге, на чьем рукоположении он присутствовал и с кем близко работал несколько лет. Хейл отозвал в сторонку одну признавшуюся ведьму. Она клялась, что присутствовала на собрании, где Берроуз призывал своих сообщников к свержению церкви и становлению власти дьявола. «Ты посылаешь этого человека на смерть, – спокойно напомнил ей пастор. Ситуация в самом деле была нешуточная. – Если ты обвинила его в чем-то, чего не было, скажи это, пока не стало слишком поздно – пока он жив» [72]. У женщины не имелось никаких сомнений. У Хейла они явно были, но он не стал ничего доверять бумаге [73]. Коттон Мэзер сам остановился лишь вскользь на планах диверсии против церкви, которые Хейл считал истинной причиной осуждения своего коллеги. Они казались недостаточным доказательством факта колдовства. То же касалось и духов, и отличных снайперских навыков подсудимого. Мэзер подразумевал, что ни то ни другое не должно играть роли в этом деле, и так отчаянно старался, чтобы призрачное свидетельство не выползло наружу, что в итоге фактически заключил: Берроуз признан колдуном, потому что у него такой характер [74]. Инкриз Мэзер, со своей стороны, считал нечеловеческую силу Берроуза уликой: бывший пастор выделял слишком много трюков, не подвластных ни одному человеку без помощи дьявола. У старшего Мэзера дело не вызывало ни малейших сомнений. «Будь я одним из его судей, – размышлял он, – не смог бы его помиловать» [75].

Осужденный колдун не спорил. После объявления вердикта он в какой-то момент разговаривал с Хейлом. Возможно, Берроуз не уважал собственных жен, но уважал власти и не собирался пререкаться с судьями или присяжными. Улики против него оказались чрезвычайно серьезными. Единственная проблема, утверждал Берроуз, в том, что все они были ложными. Мы не знаем, как он смирился со своим положением. В прошлом в не менее тяжелых обстоятельствах он списывал все на божественное недовольство. «Строй самых прекрасных обещаний Бога и благодатных предзнаменований могут нарушить грехи его народа», – записал он семью месяцами ранее, после зверств в Йорке [76]. Вместе с обоими Проктерами, Джоном

Уиллардом, Джорджем Джейкобсом и Мартой Кэрриер судья Стаутон приговорил пастора к повешению.

9. У нас исключительный случай

ВЕДЬМА, сущ. (1) Уродливая и злобная старуха, находящаяся в сговоре с дьяволом. (2) Красивая и привлекательная молодая женщина, которая и без дьявола прекрасно обходится^[111] [1].

Амброз Бирс

Приговор организатору демонического заговора – «вождю всех обвиненных в колдовстве, или главарю их всех», как назвал его перепуганный кожевник из деревни Салем, – казалось бы, мог положить конец охоте на ведьм [2]. Ничего подобного не произошло. Признания, как лесные пожары, заволкли август и лишь ярче разгорелись в первые недели сентября. В утро, когда судили Берроуза, Инкриз Мэзер пообщался с несколькими салемскими заключенными ведьмами. Самый знаменитый пастор Массачусетса объявил, что удовлетворен их сообщениями об «адских повинностях и мерзостях» [3]. Через несколько дней десятилетний сын Марты Кэрриер признал, что он уже неделю как колдун. Его мать устроила демоническое крещение – окунала его, обнаженного, в речку, протекавшую между участками Кэрриеров и Фостеров. Он летал на сборище с тремя мужчинами и шестью женщинами, которые путешествовали на двух палках. Он не упомянул о своей младшей сестре, но к 10 августа андоверский мировой судья, допрашивавший его, уже поговорил и с ней. Эта беседа оставила у него чувство неловкости, которое вскоре перерастет в отвращение. В итоге судья передал свои записи Хэторну и Корвину вместе с заявлением о самоотводе и извинениями за «неосмотрительное принятие на себя обязанностей, к которым я совершенно не пригоден» [4]. Он надеется, что его отчет все же окажется полезным.

Эти записи действительно принесли пользу. Маленькую Сару Кэрриер привезли в Салем на следующий день. Она весело болтала с констеблями по дороге и перед слушанием с Хэторном, который уже и так знал ее историю. Она ведьма с шести лет. «А сейчас тебе сколько?» – спросил Хэторн для протокола [5]. «Почти восемь, брат

Ричард так говорит, – ответила девочка радостно. – Восемь мне будет следующим ноябрем». Сара насылала проклятие на своих жертв при помощи дротика, которое дала ей мать, и в компании тех же людей, которых называл ее брат. Хотя физически Марта Кэрриер находилась в тюрьме, она являлась дочке в образе черной кошки. «Откуда ты знала, что это твоя мама?» – поинтересовался Хэторн. «Так сказала мне кошка», – прочирикала семилетка, более уверенная в том, что она волшебница, чем в собственном возрасте.

В Салеме тоже расплодилось множество черных кошек и красных книжек, но в Андовере колдовство принципиально отличалось. Прежде всего, его там было больше. Колдовская лихорадка 1692 года охватила значительную часть Восточного Массачусетса, а также на короткое время зацепила край Коннектикута. От Салема она распространилась по двадцати четырем общинам, но ни одно место не поразила так сильно, как Андовер, по которому эпидемия катилась быстрее и яростнее и где обвинили больше ведьм, чем в обоих Салемах, вместе взятых. За месяц, прошедший между судом над Мартой Кэрриер и днем, когда андоверский чиновник не смог совладать со своим отвращением, в городе с шестью сотнями жителей обнаружилось пятьдесят ведьм. Будучи делом семейным, андоверская колдовская лихорадка оказалась не такой бессистемной. Дети указывали на бабушек и дедушек, матери – на сыновей. Брат пошел на брата, сестра на сестру. Почти все ведьмы принадлежали к пяти кланам; как и в Салеме, виновных здесь определяла горстка людей. Обвинения разлетались быстрее слухов, крики «Ты ведьма!» и «Ты виновна!» рикошетили от стен домов [6]. Кое-кто злорадно предвкушал, кого заберут следующим. Кое-кто смотрел искоса, лишь еще больше себя компрометируя.

Помимо нового актерского состава, Андовер предложил и измененный сценарий [7]. Привидения не особенно тревожили этот город. Здесь предпочитали сатанинское крещение – в реках, прудах, колодцах или ведрах с водой, – таких локаций в Новой Англии еще не встречали, хотя в Швеции это было обычным делом. Также в более зажиточном Андовере соседи обычно не насылали порчу на чужое сено или свиней; их интересовала дьявольщина, в ходу были заколдованные дротики, сатанинские таинства и сборища ведьм – вещи, которые Титубе и не снились. Именно эта женщина, всеми

забытая, уже шестой месяц сидящая в тюрьме – ни допросов, ни предъявления обвинения, – подготовила декорации для салемского действия. Андоверская же история полностью сформировалась благодаря дьявольскому антицерковному заговору авторства Мэри Лэйси – младшей. В центре его зловеще мерцало творимое Берроузом сатанинское причастие, о котором почти каждая андоверская признавшаяся что-то да рассказала. В итоге сложилась довольно стройная картина, пусть даже дьявол все еще являлся в Андовер, в зависимости от свидетеля, то жеребенком, то мышью, то мухой, птицей, кошкой, женщиной, свиньей, черным человеком, медведем. Если не брать в расчет Титубу, летать умели только андоверские ведьмы.

Что же произошло? Приговор Берроузу погрузил город в беспорядок, словно засыпав его темной пылью подозрений. Андовер располагался ближе к границе и был более уязвим перед набегам индейцев, иноверцами и оспой. Но к августу власти уже сообразили, что они ищут. После третьего заседания суда, назначенного для заслушания и решения, и вопросы, и ответы звучали знакомо. С самого начала Хэторн умело использовал наводящие вопросы. К августу он точно знал, что хочет услышать: это идеально совпадало с тем, что кое-кто хотел поведать. Сатанинский хлеб делается все краснее и краснее по мере того, как по ходу допроса разогревается свидетель. «У вас дома были горячие утюги или вязальные спицы?» – спрашивает судья дочку Фостер [8]. «Было, – говорит она, – железное веретено». – «Ты когда-нибудь скакала на палке или шесте?» – задает он вопрос внучке Фостер. Да, скакала. «Но разве дьявол не угрожает порвать тебя в клочья, если ты не сделаешь, что он говорит?» – допытывается он у женщины из Боксфорда. «Да, он угрожает порвать меня в клочья», – соглашается она. Свидетели разочаровывали его редко. Не два ли пастора присутствовало на собрании ведьм, спросил Хэторн у Мэри Лэйси – младшей, но она не ответила и не помогла ему найти этого второго.

В итоге в Салеме случилось кое-что, чего не случалось ранее. До 1692 года в Новой Англии было всего четыре женщины, признавшие в колдовстве, одна из которых, вероятно, слабо понимала, о чем говорит. В первые три месяца салемских процессов признались только восемь человек, в том числе четырехлетняя девочка, Титуба, двое

подозреваемых, которые потом отказались от своих слов, и хитрая Абигейл Хоббс. К августу признания распускались быстрее, чем насылались проклятья, и сопровождалась сценами самобичевания и заламывания рук, которые очень нравились публике и вызвали доверие. Почти все обвиненные ведьмы из Андовера признались в преступлении. Судейское понуждение к сотрудничеству – «выкручивание рук», как называл его один очевидец, поскольку за признание с вас могли снять кандалы, а за отказ грозили бросить в подземелье, – было не единственным способом добиться желаемого [9]. Пятидесятидвухлетняя женщина из Боксфорда поведала, что служит дьяволу уже семь лет. Позже она расскажет, что Абигейл Хоббс и Мэри Лэйси – младшая глумились над ней много дней, «дразнили меня и плевали мне в лицо, говорили, что знают, что я старая ведьма, и если не признаюсь, то очень скоро меня повесят» [10]. Запуганная до полусмерти, она не соображала, что говорит на суде, и почти не осознавала, что говорят ей, разобрав только страшные слова «королева Мэри». Большого давления не потребовалось – например, подобного тому, которое (хоть и не оставило свидетельств в записях) в апреле заставило Мэри Уоррен закричать: «Я скажу, я скажу!»

В начале четвертого допроса Энн Фостер судья Хэторн напомнил, что ей не стоит ожидать покоя без полного признания. Вооружившись формулой «помилование за покаяние», суд посулил ее внучке кое-что, чего никак не могла дать семья: если она признается, Господь ее простит, уверил судья заблудшего подростка. «Надеюсь на это», – искренне ответила она [11]. Семнадцатилетней Маргарет Джейкобс предложили на выбор подземелье или жизнь. В своем майском письме Коттон Мэзер советовал применять менее жесткие наказания к тем, кто отречется от дьявола; во второй половине июля никому уже не нужно было напоминать о цене неуступчивости. В искаженной салеминой реальности Стаутон миловал раскаявшихся ведьм и осуждал тех, кто отказывался признавать вину^[112]. Если вы могли спасти свою жизнь, согласившись, что действительно рассекали небеса на палке, разве не стоило согласиться?

Признание легко давалось людям, верившим в путь к спасению, подававшим при вступлении в церковное сообщество высокодуховные автобиографии и не делавшим практически никакого различия между грехом и преступлением [12]. Оно было сердцем всего

новоанглийского проекта. У него имелись форма и образ, как продемонстрировала испекшая ведьмин пирожок Мэри Сибли. По странной логике времени, если на вас указывали, значит, на то была причина. Дабы обнаружить зерно вины, не требовалось длительного самокопания. Неспокойная совесть в любом случае нашептывала: ты в руках Сатаны. Борьба с собственными убеждениями означало бороться с дьяволом. Несложно было заставить одиннадцатилетнюю девочку признаться в общении с нечистой силой, когда она уже и так «знала, что все ее существо насквозь греховно» – потому что могла сама прийти к такому выводу, даже без имевшегося у Мэри Лэйси – младшей преимущества (как мы помним, ей про дьявола регулярно напоминала мать). Ребекка Нёрс голову сломала, пытаясь понять, за какой грех ей приходится расплачиваться. Как показали события в Швеции, женщины, дети и молодые мужчины обычно признавались наиболее охотно. Добиваться признания легче было от женщин, менее уверенных в своей значимости и более убежденных в значимости магистратов. Это одна из причин, почему 19 августа шла подготовка к повешению четырех мужчин среднего возраста. Один из них совсем недавно шутил, что из него волшебник – как из коня учебник.

Кое-что еще угнетало тех, кто предстал перед салемискими властями. Мэри Тутейкер считала себя недостойной своего крещения. Оно накладывало обязанность духовно расти, которая неизбежно не исполнялась. Многие отчаянно желали быть более восприимчивыми к Писанию, но этому желанию упорно противился дьявол. Их ужасала духовная онемелость, что-то вроде того, что одна подозреваемая, когда ее призрак улетел колдовать, описала как «состояние холодной, унылой меланхолии» [13]. «Сдается мне, – жаловался Коттон Мэзер, – что в религии я всего лишь попугай!» [14] Сидя перед костром на снегу, израненная, с умирающим шестилетним ребенком на коленях, Мэри Роулэндсон раздумывала о том, что не проводила субботние дни с наибольшей пользой. Мэри Тутейкер не знала, чей, если не дьявольский, голос сомнения, недовольства и искушения звучит у нее в голове. Если вы пытаетесь молиться и ничего не получается – кто еще может вам мешать? Лучшего ответа у нее в любом случае не было. Немало раскаявшихся сетовали, что делали меньше, чем хотели, в своем служении Богу. Плотник из Андовера, возможно, имел в виду то

же духовное оупение, когда рассказывал, что дьявол мешает ему во время семейной молитвы.

Женщины вовсю раскаивались в собственной подлости, включая грехи прошлого: попытка самоубийства, кража, запой, аборт, внебрачная связь. Мать Маргарет Джейкобс в тюрьме причитала об утонувшей семь лет назад в колодце дочке, твердя, что убила ее. Обнажающие душу признания с заламыванием рук не только возвращали доброе имя, но и обещали помощь заключенным родственникам. Дамы из семейства Лэйси, вероятно, считали, что оказывают друг другу услугу, бросаясь на меч своих историй. И если вы собирались покаяться, имело смысл использовать при этом религиозную терминологию – пусть и извращенную. Это возвращало вас на путь к благодати. Отречение от дьявола давало облегчение, даже если ваше признание не имело ничего общего с выдвинутыми против вас обвинениями.

Как знают читатели детективных романов, отрицания стремятся к витиеватости и изобретательности. Признания же на удивление просты. Что может порадовать прокурора больше, чем избавление от затяжного процесса? С точки зрения судьи по колдовским делам 1692 года, признания снимали давление с хрупкого «призрачного свидетельства». Они с радостью принимались и очень обнадеживали, особенно когда из них – почти каждый раз – шрапнелью вылетало обвинение-другое, подтверждая искренность признаний. Не все были такими же осторожными, как Титуба, назвавшая сообщницами только тех женщин, кого уже арестовали. После мучительной пытки вверх тормашками Ричард Кэрриер назвал одиннадцать имен. Только в одном он остался непреклонным: он не оговорил свою мать.

Марта Кэрриер и Энн Фостер, соседки через речку и коллеги по перелетам, пошли на допросах каждая своим путем. Фостер прогнулась. Кэрриер не уступила ни в чем. Обе в свое время поселились на южной окраине Андовера, скорее уже в Миддлсексе, а не в Эссексе, в более новом и менее престижном районе. Они жили в самом дальнем от молельни уголке, но все же это был Андовер. После признаний 11 августа колдовство заползло в душу общины. Оба младших ребенка Кэрриер указали на двадцатидвухлетнюю Элизабет Джонсон – младшую, которая рассказала уже знакомую версию ведьмовского шабаша: их было около восьмидесяти, и все страстно

желали сокрушить царство Христово. Джонсон была внучкой андоверского пастора, долго занимавшего этот пост Фрэнсиса Дейна. В тот день беременная сорокалетняя дочь Дейна предстала перед Хэторном и Корвином. И хотя одного прикосновения ее руки хватило, чтобы горничная Проктеров излечилась от своих припадков, Абигейл Фолкнер – старшая не признавалась. Собственная племянница посоветовала ей это сделать «ради чести родного города» [15]. Фолкнер стояла на своем, утверждая, по словам судебного писаря, что «Господь не стал бы требовать от нее признаваться в том, чего она не делала». Она держалась даже после того, как невидимые силы утянули прелестную Мэри Уоррен прямо под судейский стол. И снова рука Фолкнер излечила служанку. Однако, возразила Фолкнер, она же спокойно смотрела на этих девочек, не причиняя им ни малейшего вреда, когда они ранее приезжали в Андовер! Это, сообщили судьи, было до того, как она начала заниматься магией.

Через пятнадцать дней она признала, что рассердилась, когда арестовали ее племянницу. Она «со злостью посмотрела» на потерпевших и надеялась, что они будут страдать, потому что из-за них рушилась ее семья. Тут колдовство снова замыкается в порочный круг: таким же образом одна женщина из Рединга призналась, что желала зла своим обвинителям. Нисколько не помогало и то, что Абигейл Фолкнер – старшая, хотя и выражала девочкам сочувствие, не проронила ни слезинки. Как не облегчало положение дел и то, что она была двоюродной сестрой Марты Кэрриер и Мэри Тутейкер, да еще свояченицей Элизабет Хау, повешенной 19 июля. Вскоре арестовали двух дочек Фолкнер (семи и двенадцати лет). Обе признались. К середине сентября две дочери преподобного Дейна, невестка, четверо внуков и несколько племянников и племянниц находились под стражей. Дейн обнаружил, что так или иначе связан не менее чем с двадцатью ведьмами [16].

Войдя после женитьбы в одно из известнейших андоверских семейств, Фрэнсис Дейн начал служить пастором, когда Сэмюэл Пэррис еще даже не родился. Одновременно он также взял на себя работу сельского учителя – большинство взрослых грамотных мужчин в Андовере умели писать благодаря ему [17]. В Андовере почти не случалось запутанных земельных споров, и войны священников не тревожили местных жителей. И все же у них имелась причина быть

недовольными своим властным старшим пастором, который болел артритом и отказывался уходить на пенсию. Из-за хромоты он мог исполнять лишь часть своих обязанностей. Город нанял молодого, более традиционных взглядов человека, одноклассника Пэрриса, на замену шестидесятипятилетнему священнику. Дейн подал в суд. В итоге Андоверу пришлось платить жалованье обоим мужчинам, соседям, разделенным двумя поколениями, делившим если не мировоззрение, то кафедру. Дейн правил твердой рукой, Томас Барнард быстро соображал. Барнард в свое время жаловался, что школа, где он преподавал до андоверского назначения, больше напоминала свинарник. В итоге тот пастор, что помоложе, обойдется городу дороже. Никто не выдвигал обвинений в адрес Барнарда и его молодой семьи, в то время как семья Дейна начала подвергаться систематическим нападениям. Ее глава не мог отделаться от ощущения, что обвинения на самом деле направлены на него: ведь теперь в Массачусетсе приговаривали к смерти пасторов. По крайней мере один член конгрегации попытался прийти ему на помощь. Перед сентябрьским заседанием большого жюри одна матрона из Андовера вспоминала свой полет на дьявольское крещение. Она сидела на палке вместе с дьяконом и еще двумя ведьмами. Она знает, может ли дьявол напасть под видом своего подручного без согласия этого подручного? – спросили магистраты. Она уверила их, что не может. Буквально в прошлый понедельник она и миссис Дейн попытались воспользоваться призраком преподобного, чтобы околдовать его. Ничего не получилось. Что этому помешало? – спросили власти. «Господь не потерпит, чтобы дьявол причинял кому-то страдания под видом невинного человека», – объяснила она [18].

Начался третий акт салемской свистопляски. Несмотря на сомнения и придирки к процедурным вопросам, темпы арестов, покаяний и приговоров резко ускорились. После 19 августа уже не будет несгибаемых Джонов Проктеров и гордых Март Кэрриер. Когда вызвали детей Кэрриер, они признались сразу. Эти чистосердечные признания затронули фундаментальную проблему Новой Англии. С какого момента можно считать себя достаточно исправившимся? Как только вы начинали исповедь, ей не было конца и края. С конца августа и на протяжении сентября салемские магистраты заседали почти каждый день, чтобы выслушивать бесконечные вариации на

тему знакомой страшной сказки. Если тюрьма общего типа не гарантировала единодушия заключенных, то срабатывали метод ведения допроса и цена сопротивления. Неясно, сама ли Энн Фостер начала рассказывать о своем полете, или сначала ей задали об этом вопрос. По ходу дела она приукрашивала свою историю. На первом слушании она даже не упоминала полет. На втором описала аварию и анонсировала подписание договора, на третьем добавила рассказ о шабаше. Жительница Андовера отрицала всякое участие колдовства, а затем прекратила его отрицать. Один фермер запоздало вставил сатанинское крещение в свое признание: дьявол окунул его голову в воду и объявил, что фермер «теперь принадлежит ему на веки вечные» [19]. Почему-то он раньше забывал сообщить об этой детали. Благо никто в точности не знал, что представляет собой ведьма; так что можно понять любопытство Хейла. Отчасти библейский, отчасти фольклорный, смутно шведский и более ощутимо индейский концепт, ведьма в июле щипалась и душила, а в августе уже рушила целые царства.

К сентябрю лишь мелкие детали все еще отказывались встраиваться в общую картину. Шел ли спор о сарае или косе? Нужна ли ведьме специальная мазь, чтобы летать? (В Новой Англии – не нужна.) Джон Уиллард был молодым или старым? – спросил Хэторн у восемнадцатилетнего Ричарда Кэрриера для проверки его свидетельства. Тот не хотел разочаровывать судью и дал осторожный ответ: «Он не старый» [20]. На вопрос, как она добиралась до сборища ведьм в Салеме, дочь преподобного Дейна сообщила, что на лошади. Но потом, отмечает судебный писарь, она изменила свой ответ, заявив, что «ее доставили туда на палке» [21]. Что подразумевается под «потом», нам остается только догадываться. Мохнатый чертенок и летающая обезьяна из рассказа Титубы исчезли вместе с революционными планами по свержению губернаторов. Синие кабаны, заколдованные волы, мертвые коровы и даже еще одна злобная прачка периодически всплывали в показаниях, но к сентябрю на авансцену вышел сатанинский заговор. День за днем, в присутствии родителей и стражей, салемские девочки помогали писать сценарий. 2 сентября со звездой программы Мэри Уоррен случился жесточайший припадок, когда она шла показать судьям «булавку, воткнутую в ладонь, и кровь, струившуюся изо рта» [22]. На глазах у суда по капору

несчастной расплзлось красное пятно; одно только упоминание имени подозреваемого могло ее убить. Невозможно было отрицать колдовство в присутствии этих девочек, равносильном присутствию трупа в зале суда. Вы могли с блеском отразить заявление соседа, на днях видевшего собаку с вашей головой, но ничего не могли поделать с леденящими кровь воплями и акробатическими этюдами, не в силах были нейтрализовать эффект от обрушения Мэри Уоррен на пол и вида ее безжизненного тела. Эти картины заставили покаяться даже уверенного в себе двадцатидевятилетнего мужчину. И признания совпадали друг с другом едва ли не с математической точностью, что очень радовало трудолюбивых салемских судей. Пройдет еще какое-то время, прежде чем это бесконечное самовоспроизведение начнет вызывать подозрения, а не видеться доказательством адского заговора. Пока же бóльшая часть Эссекса, казалось, летала над окрестностями, теснясь друг за другом, на палках.

Пока власти отмывали Андовер от налета демонического заговора, на свет выбралось кое-что еще: под некрашеными половицами пуританских жилищ гнездились целые полчища суеверий [23]. Дочь Дейна в конце концов призналась в колдовстве, но сперва категорически отвергла слухи, будто занималась так называемой народной магией. Она точно не гадала на решетке – аналоге спиритической доски в XVII веке. Через пару недель одна из невесток Дейна признала, что все-таки решеточерчением у них в доме немного занимались; сама она узнала нужное заклинание от горничной преподобного Барнарда. 11 августа свояченица Фолкнер предоставила суду целую коллекцию куколок: две из лоскутов, третью из березовой коры, и в одной из них до сих пор торчали булавки. Выяснилось, что в Андовере изобилует не только колдовство, но и народная магия – можно назвать ее блудной сводной сестрой религии, пользовавшейся огромным спросом у населения. Она уютно устроилась в пасторских домах. Хозяйства Барнарда и Дейна, Хиггинсона и Хейла – все были ею заражены. По иронии судьбы, только дом Пэрриса, похоже, оказался к народной магии устойчив.

Если традиционно женщины были волшебницами, а экзальтированные юные девы – хлебом с маслом для предсказателей судьбы, Андовер и этот уклад перевернул с ног на голову. Самым

талантливым в городе прорицателем считался сорокадевятилетний плотник из Эксета, беспутный, свободолюбивый отец семерых, что-то вроде местной знаменитости. Сэмюэл Уордуэлл всматривался в ладони и задумчиво опускал глаза долу, делая свои прогнозы. Он предрек, что жена констебля родит пятерых девочек и только потом – мальчика. Он объявил, что Элизабет Боллард станет жертвой колдовства, до того, как она ею стала. Многие воспользовались возможностью свидетельствовать против Уордуэлла, чтобы искупить собственные грехи. Никто из тех, чье будущее он так волнующе предсказывал, в свое время против этого не возражал: ни молодой человек, которому Сэмюэл напророчил падение с лошади; ни тот, кому обещал малолетнюю возлюбленную; ни тот, кто узнал, что любимая его обманет. Все они затаив дыхание внимали златоречивому плотнику. Даже в присутствии юных дочерей андоверские фермеры умоляли его приоткрыть тайны их судеб. Кузнец шестидесяти пяти лет, показавший в суде, что Уордуэлл «имел пристрастие» к прорицаниям, сам с нетерпением дожидался своей очереди [24].

Уордуэлл неохотно признался в колдовстве 1 сентября. Возможно, он слишком часто поминал дьявола. Трудно удержаться, когда бранишь бродячих животных, которые устраивают погром на твоём поле^[113]. Он признал, что встречал князя тьмы. Плотник, хозяйственные дела которого страдали, пока он занимался делами более интересными и фривольными, был тем самым человеком из Андовера, которому дьявол посулил капитанское звание в ополчении. Довольно скоро констебль вернулся на уединенную ферму Уордуэлла, чтобы арестовать его жену (они состояли в браке двадцать лет), двух старших дочерей и младенца. Семья убедилась, что один вид колдовства притягивает другой. Падчерица Уордуэлла рассказала, что весной экспериментировала с решетом и ножницами [26]. Дьявол являлся к ней с предложениями. Всего она встречалась с ним трижды, в том числе раз – на собрании в деревне, где она видела около дюжины людей, летающих на палках. Повальное увлечение оккультизмом вызвало очередной всплеск признаний: многие легко соглашались, что занимаются народной магией, о чем уже сожалели и на чем были пойманы с поличным^[114].

Протестантизм дистанцировался от магии, однако – особенно когда речь заходила об охоте на ведьм – наблюдалась тенденция к

размыванию границ. Лоусон в марте яростно нападал на большинство практик, к которым прибегали андоверцы, предупреждая об искушении «отгонять колдовство колдовством» [27]. Мэри Сибли получила за свой эксперимент чрезвычайно громкое публичное порицание. Племянница Марты Кэрриер как-то пыталась убить ведьму, налив в бутылку и отправив в печку мочу пораженного колдовством человека. Мэри Тутейкер читала книжку по астрологии. 6 сентября преподобный Хейл дал показания о регулярных сеансах прорицаний, которые проводила Доркас Хоар. Несколько лет назад он настаивал, чтобы она избавилась от книжки по хиромантии, попавшейся на глаза его детям. Хоар также училась делать предсказания по знакам вокруг радужки глаз. На ее процессе суд измерил (полутораметровый) хвост спутанных волос Доркас и постановил его отрезать. Хоар пришла в ужас: если вы отрежете мои волосы, кричала она, я заболею, а то и умру. Суд был непреклонен.

Мэзер понимал, что в непосредственной близости зла многие обращались к запрещенным «сжиганиям, бутылкам, подковам, и я не знаю, каким еще магическим ритуалам» ради облегчения [28]. В то же время пастор XVII века лучше нас видел различия между «католической чепухой» (подковами, пирожками с мочой, испытаниями касанием) и приличной пуританской теологией. Граница выглядела не столько нечеткой, сколько сквозной. Инкриз Мэзер осудил проверку ведьм путем втыкания в них булавок – увы, слишком поздно для Джорджа Джейкобса. Что, если сама булавка заколдована? Он назвал испытание водой для разоблачения ведьм пустым суеверием (его сын поддерживал эту практику). Можно ли считать «исцелением верой» обращение к девочкам с вопросом «что беспокоит этого человека?», как сделал Пэррис в середине июня, когда послал за Мерси Льюис, которая, впад в транс, диагностировала у Патнэм колдовское проклятие? Кипячение на огне локона пораженного колдовством ребенка – это лечение или суеверие?^[115] В чем разница между предупреждением Уордэлла о том, что жена Болларда заболевает, и громким заявлением старшего Мэзера – после размолвки его сына со Сьюэллом, – что на Сьюэллов обрушится беда? В 1676 году Инкриз Мэзер выделил молитвенный день, чтобы просить Бога о сокрушении непокорного лидера индейцев, короля Филипа. Это сработало, подобно чарам, на той же неделе. Как отличить молитву от заклинания – или

заклинание от алхимического бальзама, заживляющего раны на расстоянии? «Отче наш» считалась чем-то вроде «священного заговора», от которого в ужасе разбегаются духи и гоблины^[116].

Границы между оккультизмом, религией, фольклором и медициной имели обыкновение размываться, и в богатых домах это проявлялось так же бурно, как и во всех остальных. Декабрьский статут 1692 года устанавливал: нашел спрятанное сокровище – значит, применил колдовство. А ведь губернатор Массачусетса всю свою карьеру построил на таком поиске. Фипс обращался к лондонскому предсказателю, который предрек ему славное будущее – это мало чем отличалось от уверений, полученных Коттоном Мэзером в собственном кабинете от светящегося крылатого ангела. У некоторых салемских судей были книги по астрологии. Многие баловались алхимией. Все читали альманахи^[117]. В библиотеке Уэйта Стилла Уинтропа было особенно много мистической литературы, астрологических таблиц и трактатов по магии [30]. Он разделял увлечение пасторов чудесами и знамениями.

Кроме того, приходилось иметь дело со смешанными сигналами. Инкриз Мэзер ругал различные контрзаклятия, хотя и признавал, что они работают. Сэмюэл Сьюэлл обратился к пастору, чтобы узнать, благоприятный ли сейчас момент, чтобы сделать пристройку к дому. Потустороннее все время висело в воздухе где-то рядом, то одеваясь в религиозные одежды, то обходясь без них. Будущий пастор Марблхеда, когда двенадцатилетним мальчиком лежал в кровати больной, разговаривал с бесплотным существом, которое дало ему три волшебных пилюли. Мальчик, приняв их, выздоровел и впоследствии предположил, что это к нему приходил ангел. Когда молодая женщина, тоже пообщавшаяся с ангелом, начала терроризировать окружающих якобы божественными указаниями, Мэзер объявил, что к ней приходил дьявол – ради спокойствия общины. Массачусетские пасторы все еще бились над этим вопросом в 1694 году и вынесли его на сентябрьское собрание: как отличить дьявольский визит от ангельского? Слишком легко было спутать колдовство с Божественным провидением, хмурый взгляд с дурным глазом, пророчество с обоснованной догадкой, грех с пособничеством дьяволу.

Когда пришло время писать о процессах, когда пришло время натянуть его любимую шведскую сову на глобус Салема, Коттон Мэзер

дал фольклору зеленый свет. Он знал, что невидимый мир где-то существует, и не отказывался ни от чего, чтобы сделать его видимым. Он проводил научные расчеты на основе Библии, пытаясь определить дату конца света. В 1705 году он приплел историю Моисея к найденному на раскопках в Нью-Йорке зубу мастодонта. Ангельские посещения в кабинете и дьявольские визиты в гостиной говорили об одних и тех же тревогах, служили одним и тем же интересам. Сара Гуд, как считалось, накладывала заклятия на соседей. Коттон Мэзер так желал ненавистному зятю зла, что молился о его смерти три дня подряд. Его мольбы были услышаны, и пастор полностью взял на себя ответственность. Уход из жизни безнравственного молодого человека, еще недавно пышущего здоровьем, был «чудесным случаем» [31].

Пока Салем готовился казнить еще пятерых нечистых – четверо из которых были мужчинами, один из них был пастором, – дурные предчувствия начали являться к представителям власти откуда ждали и откуда не ждали. Семидесятишестилетний Роберт Пайк пропустил майскую церемонию приведения к присяге Фипса, потому что в это время собирал показания против Сюзанны Мартин, вдовы из Эймсбери [32]. Часть лета ушла у него на дело против тещи пастора из Солсбери, Мэри Брэдбери, которая, обернувшись синим кабаном, бросилась под копыта лошади, из-за чего всадник упал. Пайк, популярный член массачусетского совета, долгое время служил капитаном в ополчении и занимал самое видное положение в Солсбери. Прошлой весной он ездил в Мэн вместе со Стаутоном и Гедни вести переговоры о перемирии с индейцами. Он лично знал Берроуза и много лет назад спорил с ним. Сын Пайка был в Гарварде однокурсником Пэрриса, женатым на дочери Джошуа Муди. А дочь Роберта Пайка была замужем за одним из Патнэмов, что поставило отца в щекотливое положение, когда дело коснулось синего кабана. Обвиняли Мэри Брэдбери члены его семьи, но и она тоже была членом семьи; ее муж, коллега Пайка по городскому управлению, входил в число его ближайших друзей. Пайк был человеком набожным, начитанным, бесстрашным и твердых убеждений. Несколько десятков лет назад он попытался ввести в колонии ограничение свободы религии. Его признали виновным во лжи суду и навсегда уволили с государственной службы^[118].

В середине августа, когда в Салем хлынули толпы людей, Пайк, возможно, стал первым официальным лицом, начавшим испытывать неуверенность в правильности судебных действий. В длинном письме судье Корвину он переосмысливал логику дела. Он верил в ведьм, хотя отмечал, что в Ветхом Завете они встречаются редко (как отмечали другие, там к тому же колдовством в основном занимаются мужчины). Он ни минуты не сомневался в силе дьявола. Старый искуситель однажды взял в плен самого Господа и мучил его «отвратительными богохульными искушениями» [33]. Правда же, любого доброго человека может постичь та же участь? Если уж на то пошло, дурной характер не должен становиться поводом для обвинительного приговора. Есть, указывал Пайк, множество «невинных людей, которые при этом не святые». Особенно его беспокоили привидения: ну не возвращаются люди из могил. И как может человек находиться в Салеме и Кембридже одновременно? Пайк намекал на возможное мошенничество. Хотя лично он в него и не верит. Он согласен, что у них исключительный случай.

Это привело его рассуждения к девочкам-оракулам. Пайк еще не видел их в деле, но слышал очень много, как и все в Массачусетсе. Тут он чуть запнулся. Что бы они ни делали, это либо от Бога, либо от дьявола. Однако надо учесть, что общение с теми, кто прилюдно и бесспорно погрешен, вообще-то незаконно. Левит особо предостерегал от обращения к медиумам или духам. Почему мы предпочитаем думать, что девочек мучает Сатана, а не Бог, «особенно когда кое-что из сказанного ими – ложь и ошибка»? Пайка интересовало, кто кого подстрекает. Дьявол может действовать и без помощи человека, обратное же невозможно. Девочки-провидицы могут получать сведения только от лукавого. Как тогда можно считать их свидетельства заслуживающими доверия? То же относилось и к признавшимся, которых он первый стал критиковать. Дальше шла еще одна логическая нестыковка: обвиняемым не было никакого смысла колдовать в суде, заявляя при этом о своей невинности. «Собственный интерес, – замечает Пайк, – является лучшим ориентиром». Несмотря на всю свою испорченность, дьявол совершенно не заинтересован в очищении мира от ведьм и не ставит на своих слугах клейма. Вряд ли этот судья стал первым из живущих, кто желал, чтобы Писание было более однозначным. По его мнению,

лучше оставить жизнь виновному, чем казнить невинного. Потому что, во-первых, небеса справляются с такими делами лучше, чем люди. А во-вторых, виновного можно казнить позже, собрав больше улик, в то время как невинного «уже не вернешь из мертвых»^[119].

Если Пайк и получил ответ, до нас он не дошел. Коттон Мэзер бился над похожими вопросами 17 августа, в ту тихую неделю, когда ожидание казни поставило процессы на паузу^[120]. Член совета Джон Фостер, один из богатейших бостонских купцов, обратился к Мэзеру. Он продолжает верить, что колдуны устраивают безобразия? «Боюсь, что да», – ответил Мэзер. Прошло десять недель с тех пор, как он отправил вольный поток своих мыслей судье Ричардсу. За это время казнили шесть ведьм. Еще пять должны повесить через двое суток. И снова Мэзер предостерегал от призрачных свидетельств. Тем не менее он видел, что кое-какую пользу из них все-таки можно извлечь. Они могут, он полагал, сослужить хорошую службу для «подкрепления других предположений» [34]. Все писатели-протестанты соглашались, что дьявол использует невинных в своих целях. Словно отгоняя проклятие, Мэзер дважды упомянул, что он не удивится, если его призрак начнет досаждать его соседям. Он снова подчеркивал, что ни испытание касанием, ни сглаз не должны являться основанием для осуждения. Он снова призывал к менее жестким наказаниям. Почему бы не назначить залог, хотя бы для тех, кто сидит исключительно по призрачным обвинениям? (В эту категорию не включался преступник, против которого Господь «странным образом ниспослал иные, и более понятные, и особенно убедительные улики». Намек был прозрачен: Берроуза суд приговорил не только на основании призрачных свидетельств.) Он был бы рад, если бы случались помилования, если бы подозреваемых просто депортировали. И снова пастор не удержался в составлении письма от своего любимого «тем не менее». Не без оснований он извиняется за «бессвязность своих мыслей». С мая в них не прибавилось ясности.

Мэзер не лез в логические нестыковки, которые так беспокоили Пайка. Он, однако, добавил к своей песне новый припев – о добродетелях магистратов, «так выделяющихся своей справедливостью, мудростью и добротой», этих пронизательных мужей, к которым никто не питает «большого благоговения», чем он, Мэзер. Каковы бы ни были их личные убеждения, они не станут,

успокаивал он Фостера, руководствоваться спорными принципами. Дьявол, мастер непоследовательности, девятнадцать раз сработал по одной и той же схеме, только на двадцатый раз решив изменить курс. «Особая наша удача, – уверял пастор Фостера, – ниспосланные нам судьи, которые знают об этой опасности». Он надеялся, что Фостер укрепит их ряды, и туманно намекал, что в состав суда мог бы войти и пастор-другой. Поколение назад в Англии именно священнослужитель помог погасить вспышку колдовства (в той вспышке сгорело не меньше восемнадцати душ, в том числе душа викария). «У нас исключительный случай», – согласился он с Пайком.

На следующий день другой пастор, окончивший Гарвард, получил дурные известия. Семнадцатилетняя Маргарет Джейкобс томилась в гнусной салемской тюрьме с начала мая, когда на нее указала племянница Пэрриса. Вероятно, Маргарет была где-то неподалеку и слышала, как ее дед с хохотом уверял, что Хэторн и Корвин могут хоть сжечь его, хоть повесить – ну и про учебник из коня. Внучка, арестованная в тот же день, сразу же призналась в таверне Бидла: да, она ведьма. Она подписала дьявольскую книжку (Джейкобс, слушавший из соседней комнаты, был шокирован. Он убеждал ее не становиться пособницей в собственной смерти – этот порыв ему еще припомнят). На следующий день Маргарет обвинила одну салемскую женщину и стала постоянной участницей слушаний на той неделе. Она видела, как переливающийся всеми цветами радуги Берроуз кусает горничную Проктеров. С тех пор с нее не снимали наручников. Ее отец и дядя бежали, а полубезумная мать сидела в тюрьме, ожидая суда.

Маргарет не выдержала 18 августа. Ее деда следующим утром должны были повесить, вместе с Берроузом и Джоном Уиллардом, которых она помогла осудить. «Есть проблема с моим признанием», – объявила девушка накануне их казни; оно «все от начала до конца – ложь и обман» [35]. Тогда, на слушании в мае, пострадавшие девочки, едва завидев Маргарет, валились на пол, безумно ее пугая. И судьи предложили ей выбор. «Они сказали, если я не признаюсь, меня бросят в подземелье и потом повесят, а если признаюсь, мне сохранят жизнь», – объяснила она. Она выбрала жизнь. И с тех пор страдает «от таких ужасных мук совести, что не могу спать от страха, что дьявол заберет меня за эту ужасную ложь».

Несчастливая попросила разрешения поговорить с Берроузом, которого знала с детства. Она умоляла бывшего пастора ее простить. Берроуз, в кандалах, как всегда твердый в своей вере, помолился «с ней и за нее». Маргарет оказалась совестливой и эмоциональной юной женщиной с живым умом и доставшимся от деда хорошим слогом. Она также была одним из «фальшивых свидетелей», которых Берроуз винил в своем приговоре. Неясно, когда новость о том, что она отказалась от своих показаний, просочилась наружу из тюрьмы. Кроме нее это сделал еще только один узник – предсказатель Уордуэлл. Это не помогло Маргарет: магистраты ей не поверили. За эту перемену показаний ее поместили в душное подземелье. К счастью, она обнаружила, что лучше уж «умереть с чистой совестью», чем жить с непосильным грузом вины. Из заточения она писала отцу. Мать оставалась не в себе, но передавала приветы. Маргарет понимала, что ее семья, по сути, разрушена. Девушка была подавлена, так как не знала, когда ее повесят, и уверяла отца, что предвкушает «счастливую и радостную встречу на небесах» [36]. Она оставалась его преданной дочерью.

Остальным вечер 18 августа запомнился иначе. Берроуз, пока в подземелье успокаивал рыдающего подростка, который еще недавно клеветал на него в суде, умудрился одновременно председательствовать на шабаше в центре Андовера, где проводил таинство. Сняв шляпу, он торжественно попрощался со своими наемниками. Он велел им оставаться непреклонными и ничего не признавать. Судя по всему, он решил не объяснять им, почему не разделался с признавшимися, которые его предали. Один старый фермер спросил с надеждой, встретится ли он с Берроузом когда-нибудь еще. Призрак пастора, поколебавшись, ответил: вряд ли [37].

Ранним утром следующего дня Джорджа Берроуза, Джона Уилларда, Джона Проктера и Джорджа Джейкобса вывели из тюрьмы и велели сесть в повозку. К ним присоединилась Марта Кэрриер – попутчица Энн Фостер в полете, царица ада и несдержанная мать пятерых детей, из которых все, кроме одного, сейчас сидели в заключении, – осужденная за то, что прислуживала Берроузу, которого и не видела до суда ни разу в жизни. Элизабет Проктер, хотя и приговоренная к смерти в один день с мужем, отсутствовала: Стаутон дал ей отсрочку от казни из-за беременности. Поглазеть на первую в

Массачусетсе казнь мужчин-колдунов собралось как никогда много людей. Два боксфордских констебля, конвоировавшие одну подозреваемую на допрос в деревню, столкнулись с процессией у подножия каменистого склона. Они бросили свою подопечную в одном из ближайших домов и побежали вверх, дабы не пропустить волнующее зрелище. Как сказал Пэррис в 1689 году: «Увидеть последние шаги человека, идущего на (пусть и заслуженную) казнь, – такое может оставить равнодушным лишь индивида с сердцем из камня» [38]. В отличие от пиратов и убийц, повешения которых – и проповеди перед казнью – привлекали тысячи людей, все пятеро настаивали, пока повозка тащилась вверх по холму, что стали жертвами ложных обвинений. Они надеются, что настоящие колдуны будут скоро обнаружены. Они «заявляют, что хотят, чтобы их кровь стала последней невинной кровью, пролитой по этому поводу» [39]. Особенным достоинством поразили одного очевидца Уиллард и Проктер. Они оставались настолько «искренними, несгибаемыми и осознающими свое положение», что люди вокруг начали смахивать слезы. Они простили своих обвинителей, судей и присяжных. Они не рычали, что страдания детей продлятся после их смерти, как Гловер в 1688 году. Они молились, чтобы совершенные ими грехи были прощены.

Все это делалось перед особенно авторитетной публикой. Как Инкриз Мэзер пришел в суд, дабы увидеть вынесение приговора Берроузу, так Коттон Мэзер теперь приехал в Салем на его казнь. Присутствие Мэзера – высокого, ясноглазого, привлекательного, всегда внушительной фигуры – говорило о важности момента. По крайней мере некоторые из приговоренных звали к нему, их слова рвали душу. Не поможет ли он им духовно подготовиться к предстоящему путешествию? Неизвестно, откликнулся Мэзер или держался той же жесткой линии, что и Нойес, который принципиально не молился с ведьмами. Некоторые сердца остаются каменными.

По той же логике, которая определяла, чье дело разбирать последним, сорокадвухлетний Берроуз был повешен первым. Он спокойно поднимался по лестнице, иногда останавливаясь, чтобы, как надеялись многие, сделать слишком долго откладывавшееся признание. И снова этот невысокий темный человек – тень самого себя после трех с лишним месяцев в подземелье – повел себя необычно.

Поднявшись над толпой, в которой стояли его бывшие свойственники и прихожане, с петлей на шее, он разразился вдохновенной речью. Он прекрасно знал Писание, и у него было время для подготовки. Он превзошел сам себя. Отлично владевший искусством проповеди, Берроуз говорил серьезно и пламенно, взволнованно повышая и эффектно понижая голос в нужных местах, вызывая трепет «сродни тому, что вызывают раскаты грома» [40]. Молнии, которые он метал в ту пятницу, отметил очевидец, вызвали «восхищение всех присутствовавших» [41]. Он говорил искренне, сердца зрителей таяли, а палач стоял парой ступенек ниже. В последние свои секунды Берроуз доверил себя в руки Всевышнего. Слезы побежали по многим щекам, и тогда прозвучали заключительные, до замирания сердца знакомые строки: «Отче наш, Иже еси на небесех», и он продолжал читать не запинаясь молитву Господню – невыполнимая для колдуна задача, с которой не смог справиться никто из подозреваемых. Берроуз серьезно взбудоражил аудиторию. На несколько мгновений показалось – слезы лились даже из глаз первых лиц, – что толпа сейчас сорвет казнь.

Этот трюк, достойный истинного колдуна, требовал объяснений, и один из обвинителей их спешно состряпал. Рядом с Берроузом стоял дьявол, он ему и шептал – кто еще может проповедовать так красноречиво? Мгновение – и тело бывшего пастора обрушивается вниз. Жизнь еще не успела его покинуть, а Мэзер уже вышел вперед, чтобы загасить тлеющие искры недовольства. Он говорил твердо и, как всегда, взвешенно. Сидевший на коне долговязый светловолосый двадцатидевятилетний мужчина напомнил толпе, что Берроуза так и не рукоположили. (Это касалось также Бэйли и Лоусона, минимум один из которых присутствовал в тот день на холме, но именно умирающего на виселице пастора слова Мэзера превратили в иноверца.) Может ли дьявол выбрать лучший ход, чем притвориться «ангелом света»? Это была проверенная временем тактика. В энциклопедии сомнительных комплиментов этот можно считать одним из лучших. До последнего вдоха Джордж Берроуз должен был страдать за свои таланты. Его приговорили справедливо, заверил толпу Мэзер. Протесты утихли, как затихло висевшее между небом и землей тело. Берроуз, возможно, даже слышал часть выступления Мэзера. Дальше по ступенькам поднялись Уиллард и Проктер, за ними – Марта Кэрриер, потом словоохотливый Джордж Джейкобс, дед Маргарет.

Снятые с виселицы тела, видимо, оттащили за веревки к общей могиле, глубиной чуть больше полуметра, вырытой между скал. Если верить единственному дошедшему до нас рассказу очевидца, с тела Берроуза сняли рубашку и брюки, заменив их поношенной одеждой; не пропадать же паре хороших штанов. Человека, который одиннадцать лет назад в присутствии отца Энн Патнэм согласился поселиться среди селян и «жить и умереть в пасторских трудах среди них» [42], небрежно закопали, вместе с Уиллардом и Кэрриер, «и одна его рука, и подбородок, и ступня кого-то из них остались торчать наружу» [43].

Казнь обворожительного, красиво изъяснявшегося, с легкостью декламировавшего Писание пастора, который до конца отстаивал свою невиновность, произвела почти столько же шума, сколько мысль о том, что обворожительный, красиво изъяснявшийся, с легкостью декламировавший Писание пастор активно вербовал пособников для дьявола. Материальные факты, как признали даже Проктер и Уиллард на пути к смерти, не обсуждались. Обсуждался только вопрос ответственности. Верил ли Джон Хиггинсон, который повидал всякое за пятьдесят три года в должности салемского пастора, который отказался дать нужный Андросу ответ и который упрекал деревенских в 1687 году в «злобных высказываниях», «глубокой предубежденности и несомненной враждебности», – верил ли он действительно, что его сидящая в тюрьме дочь – ведьма? Очевидно, да. И хотя Маргарет Джейкобс созналась, что помогала осуждать невиновных, даже она считала, что над Салемом летают ведьмы. Августовские казни заставили Коттона Мэзера сесть за стол и попытаться найти смысл в случившемся. Сэмюэл Сьюэлл не присутствовал на казни, но в своем дневнике в ту пятницу, 19 августа, почти неосознанно дал бывшему сокурснику сказать последнее слово. «Мистер Мэзер, – пишет он, рассказывая о пятерых казненных, – говорит, что все они умерли по справедливому приговору. – И продолжает уже не так убежденно: – Мистер Берроуз своей речью, молитвой и настойчивыми уверениями в невиновности тронул сердца неразумных людей». Сьюэлл не позволил себе ни капли сочувствия к коллеге, который годами сидел за его семейным столом и который никогда уже не увидит его обновленной

кухни. Он не позволил даже намеку на сомнение пробраться на страницы своего дневника.

Через шесть дней после казни Берроуза Хэторн и Корвин допрашивали восемнадцатилетнюю андоверскую девушку, племянницу Элизабет Хау. Она отрицала, будто что-либо знает о колдовстве, пока не выяснилось, что ее старшая сестра уже на нее указала. Тут девушка призналась, что встречалась с дьяволом прошлой зимой, приняла сатанинское крещение, летала на палке и посещала собрание двухсот ведьм (старшая сестра подтвердила эту цифру, но предупредила, что всего Массачусетс инфицирован пятью сотнями ведьм). Восемнадцатилетняя задержанная по ходу дела втянула в историю еще двух своих сестер. Также она ответила экспромтом на несколько вопросов, которых никто не задавал до повешения Берроуза: знает ли она о каких-нибудь сидящих в тюрьме невиновных? (Да, но только об одном) [44]. А возможно ли, спросили магистраты, неожиданно сворачивая на незнакомую траекторию допроса, что околдованные девочки – сами ведьмы? «Нет, – уверила их юная особа. – Это честные люди, они помогают разоблачать ведьм». Салемские судьи – либо обеспокоенные вопросами Пайка, либо по собственным причинам – искали одобрения своих действий.

И оно пришло, вместе с потоками признаний, которые усиливались с течением лета, а палки для полетов становились все более и более загруженными. В августе было названо больше ведьминских имен, чем в июле. Еще больше их стало в сентябре – причем все признания походили друг на друга, как близнецы, и во всех фигурировал преподобный Берроуз. Сорокашестилетний Уильям Баркер и сорокадевятiletний Сэмюэл Уордуэлл, андоверский прорицатель, признались с интервалом в несколько дней. Оба были фермерами из Андовера, оба испытывали финансовые затруднения. Уордуэлл не упоминал о дьявольском шабаше, говорил только о зле, которое вызвали его действия. Он подписал контракт с дьяволом на десятки лет – документ потеряет силу, когда ему исполнится шестьдесят. Баркера завербовали позже. Он предоставил одну из самых смелых оценок многочисленности сатанинской команды – по его версии, минимум каждый второй житель салемской деревни был замешан в колдовстве – и самый впечатляющий сюжет. Ему тоже задавали новые вопросы, беспокоящие суд, и он давал на них свежие

ответы. Знает ли он о невинно заключенных? Нет. Что думает о девочках? Они оказывают неоценимую услугу. Он предостерег суд от рисков неверного толкования. Раздосадованные тем, что их раскрыли, ведьмы пытались выставить заколдованных виновными.

Пока Стаутон составлял список присяжных для следующего судебного заседания, Баркер подбрасывал дополнительные ценные сведения. Мало какая дурная слава сравнится с дурной славой в зале суда: покрасоваться в лучах воображаемых софитов – еще одно дьявольское искушение. И Баркер решил, что на него возложена особая миссия. Умоляя уважаемых магистратов и всех Божьих людей о прощении, он призывал помочь «найти в моем сердце и моем уме силы, что смогут уничтожить это недостойное поклонение» [45]. Еще он предложил свое объяснение выбора салемского луга местом inferнальной ассамблеи, которое очень понравилось властям, особенно Пэррису: дьявол намеревался истребить деревенских жителей, потому что они ссорились между собой и со своими пасторами. (Положа руку на сердце, будь это так, Сатана оказался бы перед богатым выбором новоанглийских конгрегаций.) Баркер подтвердил, что семнадцать лет назад суд уже предупреждал салемцев: своей непрерывной грызней они играют на руку дьяволу^[121]. Он также раскрыл дьявольский план, требовавший немедленного внимания всех и каждого: враг рода человеческого собрался устроить так, чтобы «не было ни дня воскресения мертвых, ни Страшного суда, ни наказания, ни стыда за грех». Он обещал сделать «всех людей равными», что в 1692 году приравнивалось к ереси.

Тем временем в Андовере, казалось, никак не могли перестать прибегать к заключениям салемских провидиц. За помощью деревенских девочек посылали по многочисленным поводам: то тут, то там они стояли в изголовьях и ногах больных. Где-то в начале сентября младший андоверский пастор Томас Барнард вызвал их с другой целью. Без объяснений он собрал семерых местных женщин в молельне. Среди них были тринадцатилетняя девочка и ее мама, а также сорокаоднолетняя дочь преподобного Дейна. Барнард помолился вместе с ними, а затем завязал им глаза. Салемские девочки задергались и попадали на пол. Барнард велел андоверским женщинам дотронуться до пораженных, и те немедленно успокоились. Всех семерых тут же арестовали и, дрожащих, увезли. «Мы все были

страшно поражены, лишены силы духа и напуганы сверх всякой меры», – рассказывали они потом [46]. Следователи угрожали им, «говорили, что мы ведьмы, и они это знают, и мы это знаем».

Признания множились, как и обвинения, что означало новые аресты и все более замысловатые свидетельства. Когда пятидесятиоднолетняя Ребекка Имс призналась первый раз, она не была крещена дьяволом; находилась у него на службе семь лет; с неохотой соглашалась, что ее сын – колдун; не называла имен. После двенадцати дней в тюрьме она сообщила, что занималась колдовством двадцать шесть лет и таки была крещена. Ее сын уже тринадцать лет как колдун. Имена на этот раз прозвучали. Пять сестер из Андовера выступили с признанием. Уже давно никто не смел спрашивать, не выжили ли судьи из ума; никто не шутил, что он такой же волшебник, как конь учебник: Мартин и Джейкобс оба были повешены. Как раньше каждый знал хотя бы одну жертву войны короля Филипа, теперь у каждого среди знакомых водилась обвиненная ведьма. В этом беспределе мужчины обвиняли женщин, девочки – старших сестер, дети – матерей. В одной семье девять из одиннадцати арестованных обвинялись родственниками. Возраст недавно обвиненных варьировался от семи до восьмидесяти; почти половина из них были подростками. Мужья продолжали с готовностью верить худшему о своих женах. Элизер Кисер, чей камин заколдовал Берроуз, теперь обвинял другого мужчину, сапожника из Манчестера.

С самого начала в записях зияли дыры. Как объяснял Стивен Сьюэлл, было просто невозможно фиксировать все на бумаге [47]. Некоторые стенографисты изначально были минималистами; немало обвинений остались не зафиксированными вовсе. С какого-то момента летом в документах практически перестали появляться отрицания. Количество процессов перегружало судебную систему, которая – ведь магистраты целыми днями слушали дела о колдовстве – поставила на паузу все менее неотложные вопросы. На всех уровнях сверху донизу начинала чувствоваться усталость. Это «трудная и хлопотливая работа», отмечал сам главный прокурор – тем хуже для него, поскольку он не получал положенного жалованья [48]. Обилие деталей оказалось чрезмерным для всех. Даже Хейл, как он писал позже, начал «утомляться от бесчисленных подробностей» [49].

Для тюремщиков и трактирщиков, в том числе для Ингерсолов, процессы означали удачу в делах. Для всех остальных – тяжелое испытание. Местные констебли работали сверхурочно, преодолевая огромные расстояния, чтобы доставлять ордера, сопровождать подозреваемых на слушания и обратно, выслеживать беглецов и организовывать доставку до тюрем. Стресс – головоломно гносеологический и вместе с тем совершенно земной – сказывался на всех по-разному. Андоверский мировой судья, беспокоившийся, что не годится для этой работы, подписал свой последний ордер на арест в середине сентября. Всего он их выдал около сорока. Мы не знаем, сомнение или утомление удержало его руку, но продолжать он отказался. Результат был предсказуем – нечто похожее произошло, когда (покойный) Джон Проктер хмыкнул, что девочек надо вернуть к их прялкам, и когда (покойный) Джон Уиллард замешкался с задержанием подозреваемых: чиновника и его жену обвинили в колдовстве. Заодно указали на его брата с непризрачной собакой-ассистентом – кое-кто видел, как он разъезжал на ней верхом. Обе семьи – братья были потомками губернатора Брэдстрита и первой американской поэтессы Анны Брэдстрит и могли перечислить уйму родственников-пасторов – бежали на север. Собаку умертвили, она стала одним из двух андоверских представителей семейства псовых, павших жертвами салемских процессов [50]. Второй пес доводил девочек до исступления каждый раз, когда на них смотрел. Его застрелили.

По всей округе не заготавливали сено, не чинили изгороди, не убирали урожай. Сады пришли в запустение, запасы дров истощились. А между тем с океана подул прохладный ветер, ночами становилось свежо. Впереди маячили самые трудоемкие недели в году. Осень – время делать сидр, сушить, солить и консервировать припасы на зиму, собирать репу и яблоки, лущить кукурузу, потрошить туши. Непросто заниматься всем этим, когда семьи разделены, в перерывах между посещениями тюрьмы – муж Мэри Эсти, например, ездил к ней дважды в неделю пять месяцев подряд, – когда вам не хватает рабочих рук, после долгих дней в суде или когда вы должны уделять внимание околдованным (или колдующим) родственникам. (Еще труднее справляться с этим, находясь в заключении. Ближайший политический союзник Стаутона жаловался ему сразу после свержения Андроса: как

же он будет управлять своей фермой, от которой зависит вся его семья, из тюрьмы?) Многие обнаружили себя на грани нищеты, распродав весь скот по сниженным ценам, чтобы поддержать заключенных родственников. Почти невозможно не пожалеть заместителя шерифа, который в конце года жаловался не только на усталость, но и на нужду. С марта он не занимался ничем, кроме ордеров, задержаний, посещений суда и перевозки вёдьм из тюрьмы в тюрьму. Эти дела «съели все мое время и не дали возможности ничего заработать для поддержания моей бедной семьи» [51]. Он был разорен. (Массачусетс считал, что платить госслужащим необязательно.) Шериф умолял Фипса и Стаутона о помощи «этой тяжелой зимой, чтобы я и мои бедные дети не лишились пропитания и избежали смерти». У него не имелось возможности служить королю и стране, тем более он, воспитывавшийся как джентльмен, был «не слишком приспособлен для работы». Шериф округа Миддлсекс и надзиратель тюрьмы в Кембридже из собственного кармана платили за лошадей и кучеров, за дрова для тюрьмы, за охрану повозок и за констеблей, которые поднимали тревогу и преследовали подозреваемых. Они посвящали уйму времени заключенным, покупали им еду. Им не возмещали этих расходов. Джон Хиггинсон – младший, пасторский сын, служивший клерком в суде, оказался в долгах исключительно из-за расходов на свое появление на публике.

Гораздо сложнее сочувствовать двадцатипятилетнему племяннику судьи Корвина, шерифу округа Эссекс. Джордж Корвин не жалел себя, громя дома обвиняемых [52]. Он имел право опустошать их после приговоров, но не всегда имел терпение ждать так долго. Когда Маргарет Джейкобс просила прощения у преподобного Берроуза, она уже знала, что Корвин разграбил поместье ее деда, стоявшее на берегу реки. Он со своими людьми раздел поместье догола, конфисковал скот, сено, бочки яблок и бушели кукурузы, лошадь, пять свиней, кровати и одеяла, два медных чайника, оловянную посуду, кур и стулья. Они даже сняли золотое обручальное кольцо с пальца матери Маргарет. Она смогла его вернуть, но теперь вынуждена была покупать провизию у Корвина. Инглиши благополучно бежали, но их особняк с фронтонами остался. Корвин без зазрения совести его обчистил, а потом оставил настезь открытым – пусть другие мародеры позабавятся. Исчезла мебель, домашняя утварь и семейные портреты –

добыча стоимостью порядка полутора тысяч фунтов. Осталась только кровать служанки. (Тут Корвин, конечно, переусердствовал: Инглиши бежали до суда и поэтому так и не были приговорены.) После казни шестидесятиоднолетней женщины в сентябре заместитель Корвина приехал в ее дом в центре Андовера. Он захватил скот, зерно и сено, посоветовав ее сыновьям поговорить с шерифом Херриком во избежание продажи остатков их имущества. Херрик – тот самый врожденный джентльмен – любезно предложил им «возможность выкупить» собственность за десять фунтов. Но в итоге согласился на шесть, если взятка будет уплачена в течение месяца.

Конфискация имущества влекла за собой еще одно осложнение. Что делать с осиротевшими детьми? Многие оказались предоставлены сами себе, а дети Проктеров – еще и без крошки еды и горшка, где ее приготовить. Вскоре после ареста Берроуза его третья жена «прибрала к рукам все, что могла», в том числе библиотеку мужа [53]. Потом продала все вещи семьи и стала жить ростовщичеством. Она уехала с дочкой на юг, бросив семерых приемных детей, старшему из которых было шестнадцать. «Мы, горстка маленьких детей, брошены одни, без всякой помощи», – писали они в прошении к властям. У них даже не осталось ничего в память об отце. В конце сентября члены андоверского совета обратились за помощью в суд Ипсвича. И прорицатель Уордуэлл, и его жена сидели в тюрьме^[122]. Что делать с их семерыми детьми? Они в «плачевном состоянии», и город ничем не может им помочь [54]. Суд постановил, что они должны быть отданы в «добрые честные семьи». Самому младшему только исполнилось пять. Самого старшего взял к себе дядя, Джон Боллард, чей брат обвинил Уордуэлла и сопровождал его до тюрьмы.

Хэторн, Корвин и Гедни посвятили колдовским делам больше времени, чем кто-либо. Они проводили слушания каждую неделю и заседали в суде весь сентябрь. Пэррис по многу раз в неделю совершал восьмикилометровые броски в город, в итоге потратив на колдовство пятьдесят дней с марта до начала сентября [55]. Он совершенно забросил домашние обязанности: теперь семейная молитва легла на плечи перегруженной работой Элизабет Пэррис. Поздно вечером отец семейства возвращался в лишившийся порядка и уюта дом, до сих пор оглашаемый воплями Абигейл. Он месяцами не писал в своей тетради с проповедями (и не жаловался на отсутствие зарплаты, хотя ему все

еще не платили). Он сопровождал племянницу в суд, где она свидетельствовала против десяти подозреваемых. Он чувствовал, что это его долг – помогать в возложенной на них всех миссии. И никто не трудился над исполнением этой миссии так неустанно, как главный судья Стаутон. Стремясь раз и навсегда очистить землю от ведьм, он назначил начало третьего заседания суда для заслушания и решения на полдень вторника, 6 сентября.

Суд на той неделе предъявил обвинение девятнадцати ведьмам – это было больше, чем когда-либо до сих пор. Причем улики стали более слабыми, а процесс ускорился: Стаутону приходилось сдерживать назревающий кризис. К тому же он столкнулся с некоторыми сложностями. Мэри Эсти, против которой свидетельствовала собственная племянница, поставила суд в тупик – а ведь суд уже однажды обнаружил, как нелегко связать эту мягкую женщину пятидесяти восьми лет с обвинениями в колдовстве. В сентябре даже надзиратели ипсвичской тюрьмы стали защищать мать семерых, образцовую арестантку, неизменно вежливую и спокойную. Примерно в тех же словах за нее вступились и бостонские тюремщики. Эсти подала петицию в суд. Ее забрали с огромной топсфилдской фермы в апреле, арестовали, освободили и снова арестовали. Ее старшую сестру (Ребекку Нёрс) повесили в июле. У них с сестрой Сарой Клойс всего три просьбы [56]. Суд не дал им ни адвоката, ни привилегии принимать присягу. Могут ли судьи сами представлять их интересы? Далее: могут ли они пригласить своих свидетелей? Топсфилдский пастор готов поклясться в их невиновности. Вторя Роберту Пайку, они спрашивали, нельзя ли судить их на основе каких-нибудь еще улик, помимо – тут примечателен выбор слов – «показаний ведьм или тех, кто, как считается, заколдован ведьмами». Женщины требовали «честного и равноправного слушания того, что говорится за нас, а не только того, что говорится против нас». Каждой своей просьбой они неуловимо осуждали суд; английское законодательство гарантировало им все вышеупомянутые права. Стаутон приговорил обеих сестер к повешению.

У него появилась еще одна головная боль, на этот раз – когда большое жюри слушало дело Джайлса Кори. Минимум семь салемских девочек подтверждали его сверхъестественные способности. («Я истинно всем сердцем верю, что Джайлс Кори –

ужасный колдун», – клялась Мерси Льюис. «Я истинно верю, что Джайлс Кори – ужасный колдун», – клялась Энн Патнэм – младшая. «Я истинно считаю, что он колдун», – клялась Элизабет Хаббард [57].) Он в виде призрака появлялся у них в кроватях, в молельне (где, кстати, занимал одно из престижных мест – удивительно, насколько часто ведьмы и колдуны почитали своим присутствием проповеди), на казни Бишоп. 9 сентября, выйдя вперед и встав напротив большого жюри, Кори поднял руку. Зачитали обвинение, он заявил, что невиновен. Далее суд поинтересовался: «Подсудимый, кто будет тебя судить?» Только после слов «Мой бог и моя страна» судьи могли продолжать. Кори уже раньше произносил их перед магистратами, но в ту сентябрьскую пятницу он молчал, застопорив весь процесс. Салемский фермер оказался не более восприимчив к требованиям главного прокурора, чем к требованиям своей жены, когда она в марте пыталась расседлать его коня (Марте суд вынес приговор днем ранее).

К счастью для Стаутона, некоторые люди еще не утратили готовности вдохновлять толпу и защищать общие интересы. 2 сентября Коттон Мэзер написал главному судье. Все хорошо знали, как истово он рвался помогать Стаутону в его непрестом, благородном деле [58]. За кулисами Мэзер уже сделал больше, чем мог подозревать Стаутон. (Это послание коренным образом отличалось от сумбурных двусмысленных писем, которые он ранее отправил Фостеру и Ричардсу.) Итак, он все лето, почти каждую неделю, постился, молясь о конце этого натиска злобных сил. Он чувствует, что пасторы обязаны поддержать суд в его чрезвычайной миссии, однако ни один до сих пор этого не сделал. Он предлагает закрыть эту брешь собой. Он уже начал кое-что писать, отчасти «дабы осветить наше бедствие со всей возможной правдивостью». Он обещает рассеять все сомнения насчет опасности для невиновных – этот абзац он подчеркнул. Он надеется «затупить пики ярости, которые мы теперь так часто обращаем друг на друга» [59]. Мэзер уверял, что будет согласовывать каждый слог своего сочинения со Стаутоном, чтобы «там не оказалось ни одного неуместного слова». (Он прекрасно знал, что не сможет ничего напечатать без разрешения.) Он собирается пересказать историю шведской эпидемии, делая упор на тех аспектах, которые больше всего похожи на салемские, – упражнение, схожее с воссозданием образа человека из его тени. Не мог бы Стаутон и его коллеги дать согласие на

издание его маленького труда, который будет напоминать людям об их обязанностях в такой напряженный момент? Так как он знает, сколько важнейших дел лежит на плечах главного судьи, то побеспокоит его лишь выдержкой из рукописи. Он может пропустить первые тридцать четыре страницы. На прощание Мэзер пожелал Стаутону «успеха в его доблестных битвах с преисподней». В отличие от Мэри Эсти он получил желанный ответ. Стаутон начал отвечать прямо на обороте письма Мэзера. И в итоге мы получили лучший обзор событий 1692 года, спровоцированный нараставшим в августе общественным протестом, в виде пропагандистского текста.

Пэррис из первых рук знал, о каких пиках ярости говорил Мэзер. Пока Стаутон продвигался вперед, деревенский пастор выглядел человеком, который отлично понимает, что низвержение церкви начнется с его дома. Он выбрал стих 17: 14 из Откровения для проповеди 11 сентября. Оглядывая поле вершащейся битвы, он резко и не скупясь крал у Коттона Мэзера. Война, в которую они втянуты, уже давно была предсказана. Это война «дьявола и его пособников» против Христа и его последователей. Они – избранный народ; они победят. Осаждаемый не только нечистыми, но и сомневающимися, Пэррис буквально размазал скептиков: те, кто недоволен судом, не лучше «мятежных и ропщущих иудеев», которые восстали против Моисея, потому что сомневались, не лучше ли вернуться в Египет, чем умереть в пустыне [60]. Выступать против магистратов – значит принимать сторону дьявола. Эта речь была призывом и к единению, и к благочестию – пламенным и, без сомнений, вдохновляющим. Сразу после проповеди Пэррис поставил на голосование вопрос об исключении из церковной общины Марты Кори, которая в марте насмеялась над его племянницей и ее сверстницами, обзывая их «бедными, невменяемыми детьми». Голосовавшие поддержали предложение, однако не единогласно.

В ту среду Пэррис посетил Марту Кори в тюрьме в компании Натаниэля Патнэма и священников, двое из которых приходились дядями заколдованным девочкам. Кори спокойно поздоровалась, уже без того энтузиазма, с которым встречала их полгода назад, когда еще надеялась на просвещенность магистратов и пасторов. Но настроена она была не менее решительно. Пэррис, который стенографировал слушание дела ее мужа, нашел ее «очень упрямой, оправдывающей

себя и обличающей всех, кто имеет отношение к ее справедливому изобличению и осуждению» [61]. Он предложил помолиться. Самопровозглашенную евангельскую женщину это не заинтересовало, и визитеры помолились сами. После чего Пэррис объявил своей огорченной прихожанке об «ужасном приговоре отречения от церкви», который отрезал ее от всех церковных привилегий и ожиданий и предоставлял ее душу Сатане – что, пожалуй, можно в сложившихся обстоятельствах считать излишним. Это было очень короткое посещение.

1 сентября, через три дня после того, как Уильям Баркер обнародовал жуткий план Сатаны сделать всех людей равными, судья Джон Ричардс женился в Бостоне. Несколько грубоватый Ричардс поселился в Массачусетсе относительно недавно, но уже добился большого успеха. В невесты он взял Энн Уинтроп, родную сестру Уэйта Стилла Уинтропа. Проводил церемонию Стаутон, присутствовал Сэмюэл Сьюэлл и, вероятно, еще двое судей; судостроитель Бартоломью Гедни был свойственником Уинтропа. Сестрой жены была миссис Джонатан Корвин^[123]. В том факте, что не менее четырех судей по колдовским делам оказались в свойствѣ и вместе проводили этот четверг, не было совершенно ничего необычного [62]. Изначально узкое основание массачусетской политической силы к верхушке совсем истончалось. Одни и те же люди служили священниками и членами городских управлений, а самые крупные в колонии налогоплательщики, ее самые легендарные имена, занимали высшие государственные, судебные и религиозные посты. Принадлежавшие к крошечной кучке избранных, они стремились сохранить свою элитарность как раз с помощью таких союзов, как союз Ричардса с Уинтроп. Это был второй брак Ричардса. В первый раз он тоже женился на женщине с фамилией Уинтроп – на тете его нынешней невесты^[124].

Те же переплетения происходили и в пасторских кругах. Жена салемского судебного писаря Стивена Сьюэлла, заботившаяся о Бетти Пэррис, была дочерью влиятельного консервативного кембриджского пастора, старого друга Мэзеров. Преподобные Нойес и Хейл были в свойствѣ, как Хейл с Джоном Эмерсоном из Глостера, как Сэмюэл Пэррис с пастором Милтона. Духовенство как класс, как и суд,

находилось где-то между понятиями «связаны тесными узами» и «состоят в родстве». Это было одновременно дружеское братство и семья^[125]. Они делили постель, когда собирались на встречи. Они подкладывали покойных родственников друг другу в усыпальницы. Николас Нойес ощущал такую близость к семье старшего салемского пастора Джона Хиггинсона, что вторгнулся в их личные дела, почти не извиняясь.

Учитывая, что главный судья Стаутон за минувшее беспокойное десятилетие успел побывать практически с каждой стороны политических баррикад, никто не ждал, что члены суда будут всегда сходиться в политических взглядах. Однако политика и бизнес – и вопрос защиты своих коммерческих интересов – спланивали судей. Едва ли не у каждого имелся серьезный приграничный бизнес. Все они понесли огромные финансовые потери в 1689 и 1690 годах, когда индейцы уничтожили их предприятия. Стаутон и Сьюэлл вместе ездили в Нью-Йорк, чтобы заручиться поддержкой перед совместной атакой на Монреаль; Хэторн и Корвин ездили в Мэн и Нью-Гемпшир осматривать пограничные защитные укрепления. В 1681 году Стаутона хотели снова отправить в Лондон, попробовать вести переговоры о новой хартии; в итоге это поручили Ричардсу – Стаутон слишком хорошо знал своих наглых новоанглийских соплеменников и отказался.

Сэмюэл Сьюэлл регулярно проводил время с большинством других судей. Стаутон и Уинтроп были в числе его ближайших друзей; но ближе всего он дружил с Нойесом. Страшно занятой шериф Корвин – 7 октября ему предстояла еще одна конфискация – приходился племянником судье Уинтропу и зятем судье Гедни. Такие связи прослеживались по всей Новой Англии, где небольшое количество семей было связано в один тугий узел. Судьи по колдовским делам – и пасторы, к которым они обращались и которым по большей части платили жалованье, – соблюдали посты и вместе спорили о смысле Откровения, вместе молились, ужинали, плавали и ходили под парусом. Они крестили, учили и оплакивали детей друг друга (Уиллард, к примеру, окрестил и похоронил семерых отпрысков Сэмюэла Сьюэлла). Они заботились о вдовах и обставляли поместья друг друга. И лично несли гроб, когда кто-то из них умирал.

Они вместе устроили заговор и свергли правительство [63]. Коттон Мэзер написал декларацию в оправдание восстания против Андроса, которая была прочитана перед огромной толпой с галереи палаты совета. Стаутон, в окружении нескольких будущих судей по колдовским делам, вынес обвинение смещенному губернатору в здании ратуши. В Лондоне Инкриз Мэзер изо всех сил лоббировал издание новой хартии – и ему потом пришлось некоторое время защищаться от обвинений в предательстве интересов соотечественников. Вице-губернатор Стаутон – по совместительству оказавшийся главным судьей и высшим государственным деятелем в Массачусетсе – очень хотел доказать, что они вернули колонию на рельсы стабильности. После того как они агитировали за переворот и мастерски плели интриги (задолго до ведьмовских шабашей), этим людям требовалось продемонстрировать, что Новая Англия сама может управляться со своими делами. Это могло отпугнуть захватчиков. Для горстки нонконформистов они неплохо встроились в жесткие рамки – прошло какое-то время, прежде чем из метрополии начали просачиваться первые намеки на недовольство. У них имелись причины ходить строем, имелась для этого и серьезная политическая мотивация. Инкриз Мэзер хвастался в 1691 году, что «нет в мире другого правительства, на которое бы один человек возложил больше обязательств, чем я возложил на наше правительство» [64]. Однако это имело примерно такое же отношение к салемамским событиям, как летающие обезьяны или каминные медузы. В октябре один критик процессов предварил свои замечания заявлением: он предпочел бы отгрызть себе пальцы, чем «добровольно начать швыряться грязью во власть или хоть как-то ее порицать» [65]. Он был прихожанином Уилларда и близким другом Сьюэлла. А скоро стал еще и свойственником Уинтропа, женившись на его родственнице.

На протяжении того знойного лета все нити сюжета держали в руках исключительно те, кто обвинял и каялся. Их рассказы хорошо укладывались в общую схему. Но с середины сентября суд стал регулярно наткаться на препятствия. Сначала в список ведьм попала жена преподобного Хейла. Мать троих маленьких детей была на восьмом месяце беременности. Хейл начал поднимать неприятные вопросы, как на разбирательстве дела Берроуза. (В ходе вынесения обвинений возникла еще одна неловкость: миссис Хейл приходилась

кузиной преподобному Нойесу.) Примерно в это же время андоверский мировой судья Дадли Брэдстрит, не найдя повода задержать очередную ведьму, отложил свое перо. Плюс ко всему Мэри Эсти подала второе прошение. На этот раз она обращалась не только к судьям, но и выше, к губернатору Фипсу. Приговоренная к повешению через неделю, она смирилась со своей судьбой. «Я прошу не за себя, – писала Эсти, – я знаю, что должна умереть» [66]. Суд делает все возможное, чтобы искоренить колдовство, но действует неправильно. Она берет на себя смелость высказать пару соображений. Может быть, судьи осторожно возьмут с пострадавших девочек письменные показания – и на какое-то время их разделят? Возможно, надо также отделить от остальных одну из признавшихся ведьм. Некоторые из них себя оклеветали.

Еще оставалось неясным, что делать со старым Джайлсом Кори, от которого суд так ничего и не добился. В конце июля в ипсвичской тюрьме он, «очень слабый телом, но при твердой памяти», написал завещание, по которому ферма в сорок гектаров отходила двум его зятьям. Джон Проктер, сосед, с которым Кори то бодался в суде, то пил мировую, повешен. Отлученную от церкви Марту повесят через несколько дней. А ее муж не собирался признаваться, не хотел доставить удовольствие судьям, перед которыми уже несколько раз представлял и отказывался произносить ключевую фразу. Упрямый по природе, он стал еще упрямее после тура по новоанглийским тюрьмам. Он знал, что все, кто оказался в стаутоновском суде, обречены. Девочки будут снова и снова нести бред про его фамильяров-черепашек и прозрачные ножи.

Этот человек, хваставшийся, что в жизни ничего не боялся, отказывался произнести требовавшиеся от него пять слов. Отказ, предупреждал Стаутон, приведет к жуткой средневековой пытке – *reine forte et dure*, что в переводе с французского значит «сильное и продолжительное мучение». Ему на грудь будут класть свинец и камни, еще и еще, пока человек не попросит пощады или не умрет. Об этом наказании вспоминали, но раньше к нему никогда в Новой Англии не прибегали. Когда им пригрозили в последний раз, в 1638 году, женщина, обвинявшаяся в убийстве своего трехлетнего ребенка, выбрала виселицу.

Возможно, 17 сентября охранники вывели Кори либо во внутренний двор салемской тюрьмы, либо через улицу, в поле [67]. Он

снял обувь, разделся почти донага и лег на холодную землю, раскинув руки и ноги. На грудь ему положили доску и стали сверху накладывать камни; предположительно в этом участвовал Даунтон, надзиратель-многостаночник. Власти действовали в строгом соответствии с законодательством. Оно требовало, чтобы на обвиняемого давило «столько веса, сколько он может вынести, и более». Кори нельзя было «давать пищу, только в первый день – три кусочка худшего хлеба, а во второй – три глотка стоячей воды, из ближайшего к тюрьме источника». пытка могла дать результаты в самые первые часы. После какого-то момента становилось слишком поздно. Вокруг образовалось плотное кольцо из зрителей, среди них был друг Кори, преуспевающий агрессивный капитан судна, приехавший с Нантакета. Он родился в Салеме и раньше служил в городском управлении. Он все прекрасно понимал (его родственник числился среди беглецов) и пытался вразумить друга.

Нет сомнений, Джайлсу Кори было что сказать между затрудненными вдохами, однако сакральной фразы от него так и не дождалась. Он раскаивался в своем упрямстве, но не отрекался от него. Второй раз за ту неделю церковь отлучила от себя человека с фамилией Кори: об этом ему, видимо, сообщили посреди истязания. Так как обвинение в колдовстве ему предъявлено не было, его отлучили от церкви как самоубийцу. В последние мгновения многодневных мучений у него изо рта вывалился язык, и шериф Корвин «своей тростью затолкал его обратно» [68]. Вскоре, где-то к полудню 19 сентября, старик испустил последний вдох. Корвин тут же поспешил арестовать его поместье – интересно, что сорок три года назад Джайлс Кори впервые предстал перед судом: его обвиняли в воровстве пшеницы, табака, бекона и других продуктов у семейства шерифа. Зять Кори остановил Корвина, согласившись выплатить чудовищный штраф.

Джордж Берроуз выиграл звание единственного выпускника Гарварда, повешенного за колдовство, а Джайлс Кори стал единственным человеком, кого в Америке раздавили до смерти. У нас нет записей о том, как Марта, которая и представить себе не могла, куда заведет тот спор о расседланном коне, узнала о случившемся, слышала ли она в камере стоны своего мужа. Другие содрогнулись, услышав об омерзительной пытке, как до этого содрогались при

известии о казни священника. О степени отвращения можно судить по письму, отправленному на следующий день судье Сьюэллу. Пока Кори задыхался под грузом булыжников, ведьмы снова напали на младшую Энн Патнэм. Они угрожали раздавить ее до смерти воскресным вечером, еще до смерти Кори. В конце концов она получила небольшую передышку, рассказывал ее отец, как вдруг материализовался некий дух. Призрачный гость выдал запутанную историю, которой Патнэм просто обязан поделиться с судьей Сьюэллом. Это был дух человека, которого Кори якобы убил несколько лет назад. Он сообщил, что, хотя дьявол и пообещал Кори, что его не повесят, бог постановил, что он умрет мучительной и заслуженной смертью. Эта беседа Энн с духом, по словам Патнэма, была необычной по двум причинам. Во-первых, он, Патнэм, сам знал жертву Кори. Так что данное сообщение – чистая правда! Во-вторых, случилось это еще до рождения его дочери. Похоже, двенадцатилетнее дитя видит не только будущее, но и прошлое.

Почему никто раньше об этом не упоминал? – недоумевал Патнэм. «Знаете, сэр, нам кажется очень странным, что никто не вспомнил об этих вещах, хотя Джайлс Кори сидел в тюрьме и так часто предстал перед судом» [69]. В прошлом жюри присяжных посчитало его виновным в убийстве, «но в процесс будто вмешалось какое-то колдовство, и суд не стал выдвигать обвинений» (Патнэм объяснил эту магию: благоприятный вердикт стоил Кори кругленькой суммы). Сьюэлл прочитал письмо сразу после смерти Кори и именно в том настроении, на которое рассчитывал отправитель. Праведники победили. Провидение, явленное воскресным вечером, успокаивало; и опять кусочки пазла сложились с приятным щелчком, хотя Сьюэлл только наполовину улавливал смысл картинки. Из письма он заключил, что это был призрак Кори и что Кори «затоптал и задавил того мужчину до смерти» (Патнэм писал, что он убил жертву, «дав ее ногами»). В 1676 году присяжные услышали, что Кори нанес мужчине сотню ударов тростью. И все равно не признали его виновным.

Марте Кори довелось побыть вдовой всего два дня. Бесцветным утром 22 сентября она проехала через весь Салем к месту, которое много позже назовут «холмом виселиц». Был день наставлений – вероятно, его выбрали специально. С ней ехали Мэри Эсти, Сэмюэл Уордуэлл и еще пять человек. Доркас Хоар, которую также должны

были казнить сегодня, к ним не присоединилась. Хоар, остриженная, лишившаяся своего знаменитого хвоста, была вполне себе жива и предпочитала таковой оставаться: пару дней назад она призналась в «чудовищном преступлении, кое есть колдовство» [70]. За нее вступились Нойес и Хейл: они апеллировали к Фипсу или Стаутону – так как точно не знали, губернатор или его зам курируют этот вопрос – об отсрочке приговора. Хейл не мог понять, почему Хоар подписала дьявольскую книжку, но проникся к ней симпатией после признания. Учитывая ее бедственное положение, может быть, ей дадут месяц, умоляли пасторы, «дабы она глубже раскаялась» и «приготовилась к смерти и вечности?». Она ведь больше не представляет угрозы. Они бросили властям крючок, заявив, что Хоар раскрывает имена своих поделщиков. И ей дали отсрочку. Сьюэлл заметил, что это первый случай, когда призналась приговоренная к смерти ведьма. Он оказался единственным.

Другие в эти дни перед сентябрьскими казнями были больше озабочены своими душами, чем жизнями. Прорицатель Сэмюэл Уордуэлл – еще один признавшийся, с которым случился внутренний переворот. Ему больше не хотелось слушать, как он якобы посещал июньскую проповедь, прокладывая себе путь к передним скамьям в молельне, когда на самом деле в тот день он плавился от жары в тюрьме. Он не колдун. Как может суд обвинять его исключительно на основании призрачных свидетельств? Однако, отказавшись от своих прежних показаний, он обнаружил, что отречься от дьявольского крещения не так просто, как от правоверного. Согласно логике времени, Доркас Хоар, объявившая себя виновной, оставалась в тюрьме, а Уордуэлл, настаивавший на своей невиновности, ехал на виселицу^[126]. Он никому не советовал следовать его примеру. Уордуэлл станет единственным, кого повесят, несмотря на признание. Прорицатель мог это предвидеть, но предпочел, как Маргарет Джейкобс, смерть жизни с нечистой совестью. Люди Корвина быстро изъяли его скот, плотницкие инструменты, восемь мер сена и зерно с двух с половиной гектаров, которое, предположительно, сами и собрали. Корвин, слегка преждевременно явившись по адресу Хоар, увез оттуда шторы и кровать.

Когда запряженная волами повозка тяжело тащилась вверх по склону тем жарким пасмурным четвергом, у нее заклинило колесо.

Починка заняла какое-то время. Заколдованные девочки объяснили: это вмешался дьявол. (На самом деле возможна более прозаическая причина: колесный транспорт был практически бесполезен вне города, на разбитых, изъезженных тропах. Эта конкретная повозка была к тому же перегружена.) До конца утверждавшая, что невиновна, Марта Кори, евангельская женщина из Салема, закончила свою жизнь горячей молитвой, прочитанной с лестницы на виселицу. Когда к толпе обратился Уордуэлл, палач, куривший трубку, выдохнул облако дыма ему в лицо. Он начал задыхаться; это дьявол его прервал, презрительно кривили губы его обвинители, которым не нравилось, что говорит этот независимый человек. Он невиновен, и ни один суд на свете этого не опровергнет. Когда Мэри Эсти поднялась на верхнюю ступень и просталась с мужем, детьми и близкими, плакало все обширное семейство Нёрс. Она говорила те же мудрые, самоотверженные вещи, о которых писала в своей петиции. Почти все присутствовавшие начали всхлипывать, когда палач опустил ей на лицо капюшон и столкнул ее с лестницы.

Глаза Николаса Нойеса остались сухими. Повернувшись к безжизненным телам, свисавшим с примитивной конструкции, он с усмешкой сказал: «Как печально видеть восьмерых посланников ада висящими здесь!» [71] Ни слова об этом нет в труде Мэзера, с которым пастор к тому моменту уже хорошо продвинулся: они умерли немного несвоевременно. Они напрочь отвергли свою причастность к колдовству, как отвергал ее в течение четырех заседаний суда каждый из двадцати семи подозреваемых, – и все были приговорены к смерти. Всех обвинили в издевательствах над девочками из деревни Салем, о которых некоторые даже никогда не слышали, а большинство никогда не видели. Многие в Колонии залива вели строгий подсчет. С меньшей тщательностью, но с большим удовольствием враги пуритан наблюдали за массачусетским безумием. Они охотно вешают друг друга как раз за те преступления – отмечали двое купцов-квакеров, посетивших в ту осень Салем, – в которых обвиняли нашу «предположительно дьяволопоклонническую секту». Действительно, они «горячо и безумно лупили друг друга в темноте», как сетовал Коттон Мэзер [72]. Охота на ведьм, похоже, заставляла их действовать в стиле существ типа католиков, французов, колдунов – то есть именно тех, кого они ненавидели.

10. Публикуется во избежание появления лживых сообщений

Ведь пророчество – это будущая история, а история – это прошедшее пророчество: в них обоих говорится об одном и том же [1].

Николас Нойес, 1698

Сто двадцать грязных, истощенных недоеданием подозреваемых в колдовстве сидели той осенью в тюрьме. Среди них были беременные и серьезно заболевшие, а были и те, кто еще недавно ухаживал за теперь уже мертвыми сокамерниками. Живя практически друг у друга на головах в убогих, гудящих от слухов ульях, они представляли собой весьма необузданную компанию. Почти половина из них признались. Невестка преподобного Дейна и свояченица Уильяма Баркера описывали абсурдные, изматывающие душу обвинения, которых «боязливый женщинам не вынести» [2]. Они согласились со всем, что им вменялось: «рассудок, доводы, права – у нас почти ничего не осталось». Сбитые с толку и униженные, они понятия не имели, что им уготовано. Должны ли признавшиеся и обвиненные ожидать одной судьбы? Одни защищали свою невиновность так же неистово, как другие каялись в сделках с дьяволом. Сатанинские наемники шипели и плевали в несогласных с судом. Они же знают, что «эти» тоже ведьмы! При этом признавшиеся постоянно подкрепляли рассказы друг друга. Однако, хотя за лето благодаря их сплоченности удалось сколотить целый дьявольский заговор, к концу сентября доверие к ним начало ослабевать. Размах кризиса тоже приводил в замешательство. Возможно ли, вопрошал Хейл с растущим беспокойством, «чтобы в таком просвещенном месте так много людей на таком небольшом участке земли вдруг в одночасье прыгнули на колени к дьяволу?» [3] Суд сталкивался с крепнущим сопротивлением. Судьям требовалась заслуживающая доверия версия вторжения, которая обосновала бы их тяжкий труд, подчеркнула бы текущую угрозу и развеяла бы сомнения. К счастью, у них уже имелся волонтер.

Еще в начале сентября Коттон Мэзер запросил у Стивена Сьюэлла стенограммы судебных заседаний. Салемский писарь согласился их предоставить, но не сделал этого. Истолковать его бездействие сложно. Суд заседал в середине месяца почти без перерывов; жена Сьюэлла носила их четвертого ребенка. Он все время принимал просьбы и жалобы, в том числе от Пэрриса, который регулярно бывал в городе, и от Нёрсов, то и дело появлявшихся у его порога. У него было и без того достаточно бумажной работы, чтобы еще и копировать судебные документы. Нетерпеливый, надоедливый Мэзер снова попытался вытянуть из не выполнявшего обещание Сьюэлла прямо перед казнями 22 сентября. Так ему, Мэзеру, будет «легче помогать в борьбе против inferнального врага», – умолял он [4]. Ему всего-то нужно шесть или – если Сьюэлл проявит снисхождение – дюжину основных дел. Такое дополнительное усилие со стороны писаря – ничто в сравнении с пользой, которую оно принесет^[127]. Мэзер напомнил, что идет на риск ради их общих друзей. Не было необходимости пояснять, что одним из них являлся старший брат Сьюэлла.

Быстро переформулировав просьбу в приказ, Мэзер поставил свои условия. Писарь должен предоставить ему документы в виде повествования. По крайней мере он должен переработать то, на что так часто ссылался. Не будет же Сьюэлл в письменной форме повторять свои слова о достоверности показаний признавшихся, о сдуревших присяжных и их интерпретации призрачных свидетельств? (Мэзер в этот момент вовсе не выглядел как человек, столь яростно на эти самые свидетельства нападавший.) Ему нужны самые убедительные фрагменты: он возьмет рассказ Сьюэлла и доведет его до ума. В конце концов, гораздо труднее разувериться в колдовстве теперь, когда одиннадцать ведьм уже повешены. (У него имелась еще одна причина броситься в драку: и Хейл, и Нойес подумывали написать собственные книги. Что бы они ни наблюдали, участники салемских процессов считали это исторически важным.) Под конец Мэзер прибегнул к тяжелой артиллерии: он трудится по поручению их губернатора и намекнул на политический резонанс.

У писаря оставалось немного возможностей и дальше откладывать это дело: на следующий день он вместе с семьей уезжал в Бостон. Возможно, он выложил стопку документов прямо тогда же, хотя сам так и не стал хроникером тех событий. В тот четверг Стивен

Сьюэлл гостил в богато убранном особняке своего брата – сплошь дуб и красное дерево – вместе со Стаутоном, Хэторном, Джоном Хиггинсоном – младшим и Коттоном Мэзером. 22 сентября, в день казни восьмерых ведьм, мужчины собрались, дабы дать отпор критике в адрес суда [6]. Все они оставались абсолютно довольны проделанной работой, даже Хиггинсон, чья родная сестра сидела в тюрьме (а еще он недавно подписал очередной ордер на арест подозреваемого из Глостера). Жизненно важно, чтобы именно судьи, а никак не Мэри Эсти или Джайлс Кори слыли героями: они тут занимаются изведением ведьм, а не сотворением мучеников. Это был день наставлений; все дружно помолились. Если им требовался одобряющий кивок Бога, то вечером они его получили: пошел долгожданный проливной дождь.

Хотя приехавший в мае губернатор Фипс нашел своих избирателей в тисках «самого ужасного колдовства или одержимости дьяволами», он полностью предоставил разбираться с вопросами эпидемии Стаутону. Сам губернатор предпочитал бороться с видимыми врагами, или во всяком случае с такими, которых можно одолеть грубой физической силой [7]. Больше игнорировать этот вопрос он себе позволить не мог и 29 сентября вернулся к «горячечной полемике» [8]. Она тормозила все остальные дела. Желающие опорочить новую хартию и администрацию воспользовались салемискими процессами, чтобы дискредитировать Фипса, который пытался задобрить недовольных. Даже если губернатор и хотел политически уклониться от проблемы, лично он не мог ее проигнорировать; когда пришла осень, он обнаружил себя родственником пострадавшего ребенка и обвиненной ведьмы. Пока он отсутствовал, в список ведьм попала его жена^[128]. Фипс осознал, что придется разбираться с судом, следующее заседание которого было назначено на октябрь.

Судьи трудились, отмечал Мэзер, «с сердечной заботой о том, как еще лучше служить Богу и человеку» – иными словами, они оказались в совершеннейшем тупике. Писк несогласия вскоре прорвался из зала суда наружу: несколько судей поделились своими опасениями с губернатором. Они боятся, что действовали чересчур жестоко. Если им снова предстоит судить на процессах, «они будут вести себя иначе» [9]. (Мы не знаем имен диссидентов. Скорее всего, это был недавно

женившийся Ричардс, или Ричардс с бостонским торговцем Питером Серджентом. Ричардс – мать которого в прошлом отбилась от обвинений в колдовстве – уже обращался за помощью. Серджента защищало громадное состояние, к тому же его, в отличие от других судей, не связывала по рукам и ногам круговая порука бизнес-интересов. Сьюэлл считался с мнением Стаутона, Уинтроп не высказывал собственного мнения. Трое салемских судей остались непреклонны.) Видные священнослужители задавали толковые вопросы по существу. Другие уважаемые граждане подверглись обвинениям, хотя при этом один известный бостонец повез своего больного ребенка за тридцать километров в Салем, внезапно превратившийся в место паломничества, чтобы его посмотрели деревенские девочки. Этим поступком он навлек на себя гнев Инкриза Мэзера. «Что, в Бостоне нет Бога, – кричал ректор Гарварда, самый прославленный пастор Новой Англии, – чтобы тащиться за советом к дьяволу в Салем?» [10] Ситуация полностью вышла из-под контроля, если бостонскому священнослужителю предпочли оракула-подростка.

И снова золотой век колдовства совпал с золотым веком литературы о нем. Оба Мэзера корпели над книжками. Инкриз Мэзер закончил первым. В понедельник 3 октября группа пасторов собралась в залитой солнцем библиотеке Гарварда, прямо над аудиторией, где большинство из них в свое время слушали лекции. Их интересовал вопрос пристойности: может ли служитель культа причащать в соседней конгрегации, оставшейся без пастора? Возникли и более насущные темы для обсуждения. Модератор Коттон Мэзер прочитал отрывок из только что законченного труда своего отца «Вопросы и ответы о колдовстве», который вырос из августовской встречи группы. В эссе имелась отсылка к работе, выпущенной в Англии в 1646 году, которую Мэзер-отец рекомендовал присяжным по делам о колдовстве. Он снова подробно остановился и подтвердил свою майскую аргументацию против призрачных свидетельств. Уже третий раз он настаивал, что, хотя дьявол и может притвориться невинным человеком, из этого у него редко что-то выходит [129]. Суды редко выносят неправильные приговоры, «так что, вероятно, никогда и не бывало случая, чтобы невинный человек был осужден, ни в одном суде на земле», разве что дьявол повлиял – в этом предложении у него сильно хромал синтаксис (зато содержалось очередное оправдывавшее

суд десятитонное «тем не менее»), если не логика [11]. Обыкновенно дьявол не устраивает так, чтобы люди наматывали километры по воздуху. Однако именно это он сделал в Швеции. Но вообще-то видимый мир так свободно не пересекается с невидимым.

Инкриз Мэзер пытался поддержать суд; он в основном занимался риторикой. Хотя невидимый мир и существует, нельзя утверждать, что салемские девочки в него вхожи. Нельзя даже утверждать, что они заколдованы. Он подозревает одержимость^[130]. (С данного момента всюду, кроме сочинений его сына, эти два слова будут появляться в одной связке.) Одержимостью легко было объяснить конвульсии, гнущиеся во все стороны конечности, пророческие заявления, попытки прыгнуть в камин и крепкое здоровье девочек. По его мнению, дурной глаз – бабкины сказки. Если бы ведьмы физически испускали из глаз яд, все попавшие в поле их зрения оказались бы поражены. (Олден раньше говорил то же самое, но впустую.) Что касается испытания касанием: «Иногда сила воображения такова, что даже прикосновение невинного и не обвиненного человека дает тот же эффект». Он отвергал эти «магические эксперименты», как отвергал ведьмин пирожок, «большую глупость» (Мэри Сибли представить себе не могла, что ее от нечего делать проведенный опыт обретет бессмертие.) Мэзер, знакомый со всеми деталями следствия, знал даже о дьявольской собаке, застреленной за нанесение вреда заколдованной девочке. «Эта собака не была дьяволом, – объяснял он, – иначе они не смогли бы ее убить». Больше ни об одной смерти в Массачусетсе он нигде в своем тексте не упомянул. Как и о том, что суд проигнорировал абсолютно все советы пастора в июне.

Что является достаточным доказательством колдовства? «Свободное и добровольное признание» оставалось золотым стандартом. И вместе с тем невинная кровь пролилась в Швеции несколько лет назад, после большой эпидемии, когда одна девочка-подросток обвинила свою мать в полетах на ночные сборища. Женщину сожгли. После чего дочка прибежала в суд, «скуля и плача». Она оклеветала маму, чтобы свести с ней счеты. Такие доказательства, как произнесение заклинаний и дар предвидения, считаются имеющими юридическую силу – а вместе с ними и демонстрация необыкновенной физической силы (оба Мэзера из кожи вон лезли, чтобы уничтожить всякие сомнения относительно виновности

Берроуза, который оставался для них особенно чувствительной темой). Когда вызывающие доверие мужчины и женщины, в здравом рассудке и твердой памяти, подтверждают такие вещи, свидетельство засчитывается. Пятидесятирехлетний Мэзер не терпел хныканья девочек пубертатного возраста. Если суды не признают показаний «человека обезумевшего или одержимого в случае убийства, кражи и других тяжких преступлений, может быть, нам не следует так поступать и в случае колдовства»^[131]. Той осенью он подал голос за милосердие: «Я бы лучше признал ведьму честной женщиной, чем честную женщину – ведьмой».

Восемь пасторов поддержали выступление Мэзера 3 октября. К моменту, когда сочинение ушло в печать, к ним присоединились еще шесть, в том числе те, чьи прихожане уже были казнены, и те, чьи прихожане ожидали суда. В то утро, когда Коттон Мэзер вслух зачитывал убедительное эссе своего отца, салемские судьи слушали показания против тридцатичетырехлетней ведьмы из Линна. Гигантские кошки яростно носились по крыше. Взрослый мужчина три ночи подряд боялся спать в собственном доме. «Что-то черное приличного размера» проскользнуло мимо женщины, когда она одевалась [13]. Судьи вызвали извивающуюся всем телом Мэри Уоррен, прикосновение руки подозреваемой ее успокоило. Двух взглядов женщины хватило, чтобы Мэри повалилась на пол. Уоррен пошла домой, ведьма из Линна – в тюрьму. Ветер переменялся, но все еще дул в двух противоположных направлениях сразу. Примерно тогда же Фипс (или кто-то из его доверенных лиц) обратился к группе нью-йоркских священнослужителей с просьбой провести для него ликбез на тему колдовства. По крайней мере некоторые из этих священников полагали, что массачусетские пасторы зашли слишком далеко.

Впервые за все время семеро подозреваемых отправились на следующий день домой под залог. Все они были не старше восемнадцати лет. Самым младшим было семь (дочке Кэрриер) и восемь (внучке преподобного Дейна). Среди старших была Мэри Лэйси, своевольная и словоохотливая восемнадцатилетняя внучка Энн Фостер. Не всех порадовало это освобождение; из бостонской тюрьмы на той неделе сбежали трое подозреваемых. Андоверский фермер Уильям Баркер, разоблачивший дьявольский план по уравниванию всех людей на Земле, воспользовался моментом, как и одна пара, уже

девять месяцев томившаяся в заключении. Шериф Корвин тут же примчался конфисковывать остатки их деревенского поместья. Он уже до этого однажды наносил туда визит и забрал весь скот – в счет уплаты их пребывания в тюрьме. На ферме осталось двенадцать детей; 7 октября старший из них сумел остановить Корвина с помощью взятки в десять фунтов. Это стало последней попыткой изъятия собственности обвиненных в колдовстве. Один бостонский купец написал тогда другу в Нью-Йорк: «Мы тут надеемся, что пик жары и злобы миновал» [14].

Весь октябрь лишь тишина пугала так же, как завывания салемских девочек. Даже мужчины, которые храбро свергали английских губернаторов и садились в тюрьму за гражданское неповиновение, замолкли. Скептики тоже сидели тихо. Бывший вице-губернатор Томас Данфорт вел то апрельское слушание, где племянница Пэрриса впервые упомянула сборище ведьм у нее на заднем дворе, где девочки нервно кусали кулаки, когда от них требовалось опознать Элизабет Проктер, где левитировала миссис Поуп, а Абигейл демонстрировала обожженную руку. С того момента крупнейшего в Чарлстауне землевладельца обуревали сомнения. Видимо, он особенно не выступал и только в середине октября высказал предположение, что вряд ли суд может продолжать без помощи народа и духовенства. Судебные методы разжигают опасную рознь. Майкл Уигглсворт, знаменитый шестидесятиоднолетний священник, автор популярного «Судного дня», 3 октября поддержал «Вопросы и ответы о колдовстве», однако еще долго не высказывался по поводу процессов. Цена была высока, а уровень доверия к умному и крепкому Стаутону – еще выше. Слишком часто несогласные и сомневающиеся оказывались в списках ведьм или штрафовались. Пятидесятидвухлетний Сэмюэл Уиллард, единственный пастор, равный Инкризу Мэзеру, всю дорогу выражал опасения. Он помог Инглишам бежать, участвовал в частной молитве за Джона Олдена. И в итоге встретил «злость, оскорбления и осуждение» – а заодно и обвинение в колдовстве [15].

В конце концов ситуация изменилась, причем внезапно. Те, кто до того тихо вздрагивал, шумно выдохнули. Начались выяснения отношений, страсти накалились. Мужья кляли себя за то, что

заставляли жен признаваться. Как только это стало безопасно, все вдруг заговорили разом, и крайне редко делали это с присущей Инкризу Мэзеру, любителю сглаживать острые углы, деликатностью. Когда обвинили одного именитого бостонца, он подал иск о защите чести и достоинства на тысячу фунтов. Коттон Мэзер признавал, что, когда случаи колдовства участились, на них словно пало заклятие, превратившее людей в «бесноватых, злобных, скандальных и неразумных существ» [16]. Когда заклятие было снято, они стали еще больше похожи на «то и дело сталкивающихся друг с другом сумасшедших» [17].

Сдвиг наступил скорее сразу по двадцати причинам, чем по какой-либо одной. Ужас слишком засиделся в гостях у Новой Англии: и система, и люди истощили свои ресурсы. Суд действовал слишком агрессивно, слишком размашисто. Дело было тонкое: в конце концов, это правительство привел к власти Инкриз Мэзер. Именно к нему судьи обратились за советом. Никто другой так не вкладывался в администрацию Фипса. И нигде в колонии не было такого квалифицированного госслужащего, как Стаутон – опять же, ставленник Мэзера. Теперь он оказался по одну сторону с более консервативными сельскими пасторами – преподобными Пэррисом, Нойесом, Барнардом и Хейлом, – которые отметали все сомнения относительно призрачных свидетельств. Кое-кого поражала нехватка у них гибкости: как могли «люди, даже и менее компетентные, образованные и опытные, чем мистер Стаутон», поверить в подобное? – удивлялся в январе лондонский корреспондент, следивший за событиями издалека [18]. Это было лишено всякого смысла и противоречило историческим фактам. Всякому, кто задавал каверзные вопросы вроде тех, что задавал в мае судья Ричардс, было непросто тягаться с повешенным пастором: речь Берроуза ошеломила всех даже сильнее, чем упрямое молчание Джайлса Кори. Монолит дрогнул.

Мало кто чувствовал себя так же ужасно, как Сэмюэл Сьюэлл, который с жаром поддерживал девиз «царства процветают благодаря согласию» и держался подальше от скандальных или конфликтных ситуаций. В начале октября его брат Стивен серьезно и надолго заболел. Невозможно было не думать о причинах недуга – наверняка вокруг хватало душевных метаний. Болезнь не отступала. В конце

месяца салемский судебный писарь пообещал, что будет усерднее служить Господу, если он пощадит жизнь своего раба. В Бостоне и окрестностях его старший брат тем временем много говорил и читал о колдовстве – предмете, о котором у каждого имелось свое мнение. Некоторые комментарии были востребованы. Большинство – нет. Квакеры предполагали, что ведьмы так и будут терзать Массачусетс, пока колонисты не покаются в убийстве своих единоверцев.

Одним дождливым пятничным утром в конце первой недели октября Сьюэлл и Сэмюэл Уиллард поехали на север за советом к уважаемому коллеге. Сьюэлл регулярно обращался к Сэмюэлу Торри, пастору из Уэнхема, за советами относительно карьеры, по правовым вопросам, даже насчет поездки в Англию. Торри, месяц назад овдовевший, был одинок; у него на кухне трое мужчин обсуждали поразивший колонию кризис. Уэнхемский пастор считал, что имели место злоупотребления. По его мнению, их можно исправить, после чего суду следует возобновить свою работу, жизненно необходимую общине. Приободренный Сьюэлл вышел в холодную морось. К утру ветер усилился. На следующую ночь ударил сильный мороз. Когда Сьюэлл сел за очень непростое чтение, пошел снег. Возможно, он уже видел предисловие Уилларда к «Вопросам и ответам» Мэзера и точно знал, что обо всем этом думает его пастор. И это было совсем не то, что хотелось услышать судье, отправившему на смерть одиннадцать человек.

Еще в начале апреля Уиллард выступил с лекцией на тему одного широко известного случая, наглядно демонстрировавшего, как Сатана может воспользоваться совершенно невинным существом: змей в райском саду был просто инструментом в его руках. Его нельзя винить за то, что он сделал «помимо своей воли и понимания» [19]. (Как Уиллард восстановил репутацию змея в Бостоне, так Хэторн в Салеме заманил в ловушку Бриджет Бишоп с помощью убийственной логики: как она может утверждать, что не ведьма, если даже не знает, что ведьма собой представляет?) Уиллард не сомневался в реальности дьявольских шалостей. Если ведьму разоблачили, ее следует уничтожить. Но Бог, который так постановил (Исход 22: 18), потребовал еще и обязательного подтверждения со стороны двух свидетелей тяжкого преступления (Второзаконие 17: 6). Учитывая суровость наказания, улик не может быть слишком много. Уиллард

страстно призывал помнить о принципе «невиновен, пока не доказана вина». К тому же не всегда требуется судебное преследование. Бог нигде не указывает, что каждое тяжкое преступление должно караться казнью. Идти этим путем равносильно «свержению правительства» и «погружению мира в хаос» – кошмару любого пуританина [20]. В предисловии к работе Мэзера можно услышать бурлившие в октябре в обществе претензии к суду: «опробитые подозрения», «непоколебимые выводы», «слишком поспешное осуждение», «наглое присвоение собственности», опасность «быть введенными в заблуждение».

Сьюэлл восхищался своим пастором. Тот гениально проповедовал и даже невыдающуюся проповедь умел произнести вдохновенно. Человек осмотрительный и уравновешенный, он не замирал за кафедрой, когда прихожанин падал в обморок. Он бежал на помощь к подростку в отчаянии: Сьюэлл обратился к нему, когда его пятнадцатилетняя дочь переживала душераздирающий кризис веры. Среди массачусетских пасторов только Коттон Мэзер превзошел бы Уилларда по части написанных книг. Когда доходило до «ангелов зла» и «адских замыслов», никто в Новой Англии не мог сравниться с пастором бостонской третьей церкви. Еще будучи молодым священником в удаленном Гротоне – находившемся в восьмидесяти километрах к западу от деревни Салем, но еще более изолированном, особенно в снежные зимы, – Уиллард оказался вынужден иметь дело с необъяснимым. В 1671 году его шестнадцатилетняя горничная вдруг начала рычать и визжать, взрываться «безудержным вызывающим смехом», «дурачки» жестикулировать «по-обезьяньи» и скакать по дому. Она завывала и валилась на пол, то задыхалась, то впадала в беспамятство. У нее случались двухдневные припадки такой силы, что шесть мужчин не могли ее удержать. И да, Элизабет Нэпп тоже видела в камине волшебных существ [21].

Все было как в Салеме, только произошло двадцать один год назад, за семнадцать лет до инцидента с детьми Гудвинов. Те дети лаяли как собаки и урчали как кошки, а Элизабет Нэпп лаяла как собака и мычала как теленок. Она перекрывала своими воплями молитву. Она дралась и плевала в лицо взрослым, которые о ней заботились. Элизабет встречалась с Сатаной. Еще до Коттона Мэзера она могла сообщить, что в мире больше дьяволов, чем людей, – и это

заявление особенно правдоподобно звучало в таком захолустье, как Гротон. Уиллард позвал врача. Тот диагностировал у Элизабет желудочное расстройство, «в результате которого газ попадает в ее мозг и вызывает странные фантазии». После повторного осмотра он отказался приходить к пациентке снова: что бы ни было причиной ее болезни, оно от дьявола.

Элизабет той зимой много посещали – Уиллард отмечал, что при обследовании симптомы усиливались и становились тем более выразительными, чем больше приходило народу, – но никто не провел рядом с ней столько времени и не вытерпел от нее так много, как сам хозяин. Он посвящал подростку целые дни, молился с ней, убеждал, утешал. Она тоже обвинила уважаемого соседа в том, что он ее заколдовал. Она тоже признала, что подписала договор с сатаной. Дьявол обещал «деньги, шелка, красивую одежду, освобождение от работы, показать ей весь мир». Он собирал для нее хворост даже после того, как она отказалась от его помощи. В промежутках между припадками она безутешно плакала. Она призналась в целом ворохе грехов: кричала на родителей, отлынивала от молитвы, думала о самоубийстве. Уиллард оставался спокойным, даже когда Элизабет открыла ему, что дьявол велел ей убить пастора и его детей, причем младшего нужно было бросить в огонь. Она то бессвязно мямлила, то разъярялась, то обвиняла, то извинялась, то «глупила и дурила», то впадала в транс, то вдруг рассудок ее светлел. Ее тоже как магнитом тянуло в камин. Она едва не нырнула в колодец. Она без конца противоречила сама себе. Это был дьявол; это был сосед; это был дьявол, переодетый в соседа; это все выдумки; она встречалась с дьяволом на ступеньках пастората; она подписала семилетний контракт кровью; она ничего такого не подписывала.

Стоило только всем прийти к мнению, что она не одержима, как однажды темным декабрьским вечером в воскресенье низкий, рычащий мужской голос зазвучал из ее тела. Это произошло в молельне, семья Элизабет бросилась к ней. Уиллард спустился с кафедры и тоже подошел. «О! А ты большой подлец», – поздоровалась она взрослым сильным голосом, не шевеля губами. У Уилларда кровь застыла в жилах. «Обескураженный и ошеломленный», он попросил зажечь свечу. Тут точно имел место некий хитрый трюк. Он некоторое время вел переговоры с неприветливым духом, засевшим в теле

девочки-подростка, убеждая дьявола явить себя. «Ты напропалую лжешь людям», – поддел дух. «Сатана, ты лжец и обманщик, и Господь однажды докажет свою правоту», – отвечивал Уиллард. Потом он призвал присутствовавших на коленях молиться у кровати Элизабет. Дьявол пророкотал, на этот раз громче: «Придержи язык, придержи язык и уйди, грязный подлец». Уиллард все детально, многословно записал, но воздержался от выводов. Можно много чего сымитировать, но такое, он был уверен, сыграть нельзя. (Деодат Лоусон говорил то же про салемских девочек: никто не может так скрутить свое тело по собственной воле.) Что касается того, действительно ли Элизабет сотрудничала с дьяволом, «я думаю, – заключил Уиллард, – что на этот вопрос ответа нет». В гораздо большей степени, чем Пэррис или оба Мэзера, удовлетворившись отсутствием у задачи решения, Уиллард на этом и успокоился. Он обратил внимание, помимо прочих любопытных вещей, на то, что губы у девушки не двигались на звуках «п» и «м». Он внимательно за ней наблюдал в самое неудобное для этого время года. Также Уиллард сделал кое-что еще более обременительное: отстранил от веры.

Элизабет в конце концов выздоровела. Никого не повесили. Скрупулезное клиническое исследование Уиллардом того, что в конечном итоге посчитали явным случаем одержимости демонами, приобрело широкую известность. Инкриз Мэзер ссылался на него в своих «Вопросах», а до этого включил его в «Удивительные знамения» (и добавил этой inferнальной атаке собственных фирменных приемов. В издании 1684 года дьявол у него «изрыгал самые страшные и омерзительные богохульства»). Через тридцать лет Элизабет Нэпп появится в эпической «Магналии» Коттона Мэзера, к тому времени ее случай станет культовым и войдет в число четырнадцати сверхъестественных чудес невидимого мира. При других обстоятельствах состояние детей из дома Пэрриса тоже могло бы вызвать исключительно сострадание, и их история не вышла бы за пределы деревеньки Салем^[132]. Уиллард никого не винил, однако вытащил из того давнего эпизода дополнительный материал для своих проповедей. Дьявол неспроста нацелился на Гротон. Местные жители должны были разобраться, что они такого натворили, чтобы сатанинское копыто ступило на их землю, и всем вместе его выпроводить. В 1692 году Сэмюэл Уиллард одним из первых в

Массачусетсе понял мучения Сэмюэла Пэрриса, которому точно так же пришлось спрашивать себя, чем он навлек такое несчастье на свой дом.

Через четыре года после случая с Нэпп на Гротон напали индейцы и сожгли часть города^[133]. Уиллард с семьей бежал в Бостон. Неутомимый пастор с голосом словно мед, уже публиковавшийся, без труда нашел работу. Он только начал сотрудничать с третьей церковью, когда в 1677 году в молельню ворвались несколько квакерш, полуодетых, с растрепанными волосами и черными от золы лицами – они учинили «величайший и удивительнейший переполох» на памяти Сэмюэла Сьюэлла [23]. Через десять лет Андрос отобрал у Уилларда приход, самый богатый в Бостоне, и отдал его англиканской церкви. Таким образом, за короткое время светловолосый священник с правильными чертами лица, уравновешенный и логически мыслящий, с глубоко философским складом ума, на собственном опыте познал, что такое вторжение – демонов, индейцев, квакеров и англикан. У него имелись причины стать консерватором, как ни у кого другого. Его кафедра была осквернена «Книгой общественного богослужения»^[134]. Его молельню обратили в пепел. Похоже, тогда он имел дело если не с дьяволом, то с неким духом под его началом.

Уиллард заседал в правлении Гарварда вместе с Инкризом Мэзером. Он с радостью поддержал его текст, ставивший под сомнение методы суда, но не подрывавший авторитет его вердиктов. Ему, однако, хотелось сказать больше, чем могло уместиться в предисловии к эссе коллеги. Еще до октября Уиллард написал несколько страниц и выбрал единственный доступный знаменитому массачусетскому пастору способ поделиться с миром своими мыслями: старый добрый самиздат. Тираж передавался из рук в руки и был посвящен Ф. И. и Дж. О. – двум обвиненным колдунам, которым священник помог бежать. Писал Уиллард, чтобы не осуждать, но просвещать. Текст представлял собой вымышленный диалог двух здравомыслящих оппонентов, работающих с одними и теми же источниками, и был напечатан анонимно в Бостоне с поддельными филадельфийскими выходными данными.

В «Некоторых разрозненных размышлениях о наших сегодняшних дебатах по поводу колдовства» некие С. и Б. – предположительно Салем и Бостон, так как бостонцы в какой-то

момент начали дистанцироваться от своих соседей-селян – соглашаются по двум пунктам. Во-первых, в Новой Англии свирепствует эпидемия колдовства. Во-вторых, оба они недовольны вероломным агрессивным судом. Уиллард снова касается вопросов, поставленных в предисловии к работе Мэзера, но идет гораздо дальше и предупреждает об опасности свержения государственной власти. Только судебное ограничение может его предотвратить. С. возражает: но тем временем добрые люди легко могут быть принесены в жертву дьяволу! [24] Б. напоминает собеседнику, что кто бы в итоге ни оказался виновен, на кону стоят более серьезные вещи. На этих страницах – а больше нигде он этого сделать не мог – Уиллард ставит под сомнение доказательства, предъявленные в суде. Сверхъестественному, уверяет Б., не место в земном зале суда. Заколдованы, одержимы или же то и другое – в любом случае девочки заодно с дьяволом. Как еще они могут делать свои жутковатые предсказания, сообщать о событиях, происходивших до их рождения, или обвинять людей, которых никогда не видели?

Б. что, правда хочет «полностью признать недействительными показания наших пострадавших?» – интересуется С. Да, Б. именно этого и хочет. Как может дезориентированный, расстроенный человек считаться адекватным свидетелем или свидетельствовать против людей, которых знать не знает? И как судьи могут доверять свидетелю, который даже не встречается с заключенным в суде, как того требует закон? («Это потому, что ведьмы валят бедняжек с ног своими отравленными глазами», – объясняет С.) Правило двух свидетелей должно быть принципиальным, напоминает Б., но С. с ним не согласен. «Если один говорит, что видел львов в Африке в прошлом году, а другой приходит и говорит, что видел там львов в этом году, – так что и время другое, и львы наверняка не те же самые, – разве не достаточно здесь свидетельства только одного из них?»

Хотя ни один из них не присутствовал на процессах, С. уверяет Б., что ни один подозреваемый не попал в тюрьму исключительно на основе призрачного свидетельства. Б. думает иначе. С. утешает его, что испытание касанием и «дурной глаз» никогда не подводят. Б. сомневается в обоих методах^[135]. Но как же крещение, сборища, обряды? – настаивает С. И снова Б. интересуется, как признавшаяся ведьма может дать правдивые показания. «Ты правда веришь, что все

обвиненные – ведьмы?» – задает он провокационный вопрос. Потому что в этом случае масштаб заговора кажется неправдоподобным. С. думает так же, в итоге Б. пытается убедить его, что обвинители либо лгут, либо введены в заблуждение. И в конце концов два спорщика хотя и со страхом, но соглашаются друг с другом не соглашаться. С. не может удержаться от прощального выпада. «Ты великолепный адвокат ведьм», – сообщает он Б., который лишь вздыхает. Он уже слышал данное обвинение. Этот ярлык прилипал к любому, кто до начала октября смел усомниться в правильности действий суда.

Насколько часто Уилларда клеймили этими словами и насколько часто выставляли на посмешище за его взгляды, стало понятно из другой работы, которая начала передаваться из рук в руки (причем количество рук было крайне невелико) 8 октября. Благодаря ей мы больше узнаем о том, чего пастор не мог высказать, но что повсюду обсуждалось в ту осень. Автором был тридцатичетырехлетний торговец Томас Брэттл, сын одного из богатейших людей Массачусетса, выпускник Гарварда, склонявшийся в сторону англиканства [25]. Брэттл писал неназванному пастору, который прямо посреди бушующей бури интересовался его мыслями. И Брэттл вдумчиво их ему поставлял. У него было на редкость удачное для этого положение: один из самых начитанных в Массачусетсе людей, он не занимал ни церковных, ни государственных постов. Хорошо зная судей, он притом не имел семейных связей с администрацией Фипса. Как многие бостонские пасторы, Брэттл занимался наукой. Но, в отличие от них, внимательно следил за процессами в Салеме. Он присутствовал при первом инструктаже, который Стаутон проводил присяжным, при превращении Мэри Брэдбери в синего кабана 9 сентября и при повешении ведьм 19 августа.

Речь Брэттла – который был почти на поколение моложе Сьюэлла, самого молодого из судей на процессах по колдовству, – выдает в нем человека, вынужденного самостоятельно изучать в Гарварде евклидову геометрию; этот предмет лежал за пределами понимания его преподавателей. Десять лет назад он сделал точные вычисления траектории кометы, замеченной над Новой Англией. Что не менее важно, для Брэттла комета была просто кометой. Он пропустил ажиотаж вокруг детей Гудвинов, потому что большую часть 1680-х

жил в Англии, в том числе работая с химиком Робертом Бойлем. Еще до этой поездки молодого человека раздражал новоанглийский провинциализм. Он полагал, что простые решения – самые лучшие, новая идея для Бостона; вообще по многим причинам складывалось ощущение, что его закинули в 1692 год из другого столетия. Но, притом что его современники-соотечественники сегодня на его фоне кажутся вымершими видами в средневековом ритуальном танце, он не был возмутителем спокойствия. Именно Брэттл предварил свои записи оговоркой, что он лучше отгрызет себе пальцы, чем очернит власть. Человека он не считал непогрешимым, и, если человек ошибся, необходимо об этом сказать. Он дистанцировался от капризных типов, будораживших Бостон. У него не было политических целей, и он не ругал новую хартию. Но порой молчание бессовестно. Приняв меры предосторожности – он надеялся, что не угодит в ловушку, выражая вслух свои мысли (преподобный Милборн был арестован за гораздо меньшее), – Брэттл поставил под сомнение каждое предположение суда Стаутона. Он тоже оставил свое письмо анонимным.

На его взгляд, на процессах нарушалось все, что только можно нарушить. Как мог Бартоломью Гедни – человек искушенный, воротила бизнеса, наживавший и терявший целые состояния, человек, долгие годы друживший с Джоном Олденом, – как мог он отвернуться от Олдена из-за того, что его касание вроде как излечило несчастное дитя от страданий? Как мог преподобный Нойес, «образованный, милосердный, хороший человек», верить в дурной глаз? Это все глупости, деревенская чепуха, которая в ходу у «людей более неотесанных и дремучих». У кого на всем теле нет ни единой необычной отметины? С каких пор неспособность заплакать стала считаться уликой? (Хэторн, Корвин и Гедни особенно упирали на этот пункт.) Более того, вся эта кипа обвинений не имеет ничего общего с колдовством. У Брэттла имелись претензии к судопроизводству: суд был предвзятым, его методы – погруженными во мрак невежества, слушания – карикатурными. Магистраты на полном серьезе утверждают, что никогда не выносили приговоров на основе одного лишь призрачного свидетельства? Это вранье! Только окончательно свихнувшийся примет его в качестве законной улики. Почему теща судьи Корвина, несколько раз обвиненная, до сих пор на свободе? Суд позволяет признавшимся ведьмам, отвергшим Бога и Христа, клясться

под присягой. Сам термин «признавшиеся» Брэттлу не нравился: свидетельства вытягивали принуждением, и часто – из самых благочестивых женщин в Новой Англии.

Он пошел намного дальше Уилларда, который не мог позволить себе критиковать суд. Брэттл подчеркивал человеческие потери: целые семьи оказались разрушены. А эти бедные андоверские мужья, поверившие наговорам деревенских детей на собственных жен! Теперь им оставалось лишь «горевать и кусать локти». Да, пятьдесят пять человек признались в участии в дьявольском заговоре. Но некоторые из них настаивали на своей невинности в течение восемнадцати часов, во время которых «к ним применялись самые жестокие, сбивающие с толку методы принуждения». Они ощущали себя на грани жизни и смерти. Брэттл разъяснил, почему большинство предпочли бы попасть в руки вражеских дикарей, чем, как позже выразился один критик, в руки своих братьев-прихожан.

Брэттл не спрашивал, как такое потрясающее недоразумение могло произойти, – его больше угнетало осознание того, к чему это все ведет. Однако соображения о том, кто виноват, у него имелись. И хотя он выходил из себя по поводу судебных методов, с особой силой он обрушился на заколдованных девочек. Кто назвал их провидицами? На самом деле, если они указывали на людей, которых не знали, то такая информация могла приходиться к ним только от дьявола (то же верно и для признавшихся, в рассказах которых полно противоречий). Если они действительно страдали, почему – здесь он намеренно шел вразрез с инструкциями, которые Стаутон давал присяжным: имеет значение только намерение колдовать, – изо дня в день выглядели неизменно «крепкими и здоровыми, цветущими и полными сил»? Что касается призрачных свидетельств, то тут в нем вскипал яростью ученый. Не нужно никакого образования в области оптики, чтобы сообразить, что «абсолютно невозможно» видеть с закрытыми глазами. Это не зрение. Это воображение. Оснований посадить в тюрьму Элизабет Нэпп не меньше, чем оснований поощрять салемиских «безрассудных слепых девиц». Вполне может оказаться, что их ввели в заблуждение. В худшем же случае они просто одержимы. Он не единственный вспомнил о Нэпп, история которой, как туча, все это время нависала над судом. Один только Уиллард не упоминал о ней ни в публичных выступлениях, ни в подпольных заявлениях, хотя вокруг не

прекращались разговоры об одержимости. Кое-кто указывал на случай Нэпп Стаутону. Главный судья говорил о ней с осуждением, «как будто, – сообщал Брэттл, – он до сих пор считает ее ведьмой».

Как и все, он очень уважал Стаутона за мудрость и принципиальность. Но, как соглашались те, кто за ним наблюдал, в этом вопросе он проявил себя грубым фанатиком, нетерпимым ко всему, что оспаривало его суждения. Вместе со Стаутоном главными движущими силами назывались салемские судьи (у Брэттла – «салемские джентльмены»). Хэторн, Корвин и Гедни – и, со своей стороны, преподобные Нойес, Пэррис и Хиггинсон – выражали недовольство, когда им задавали вопросы, даже если их задавали ближайšie друзья. Любая критика раздражала и вызывала гневную отповедь.

Брэттл считал идею беспрецедентной inferнальной атаки на новоанглийские церкви смехотворной. Он боялся иного дьявольского замысла. Поменяв соперников местами, он предположил – и все-таки крайне интересно, кто был его собеседником: к шестому абзацу Брэттл вышел далеко за рамки подстрекательства к мятежу, – что это как раз суд является «соучастником дьявольского проекта по разрушению этого несчастного края». У него не было времени делать осторожные, намеренно незавершенные выводы, характерные для Уилларда. Если людей бросают в тюрьмы только из-за жалоб пораженных, а пораженные получают информацию от дьявола, то получается, что сами судьи сотрудничают с дьяволом. И они, агенты ада, сидят в своих черных мантиях на судейской скамье. Салемские джентльмены и есть одержимые – «невежеством и безумством». Сочувствовал Брэттл не дергавшимся в конвульсиях девочкам, как власти, не много и тяжело работавшим судьям, как Мэзеры, но мужьям, что не поверили женам и сбили их с пути, а еще Джону Уилларду и Джону Проктеру, проявившим столько благородства в последние минуты жизни, а еще – самой Новой Англии^[136]. И только он один высказал несколько более глубоких опасений. Как сможет кто-либо из вовлеченных в процессы потом «вспоминать о них без ужаса и содрогания?» Эта мысль пугала его, предвидевшего, что Новой Англии никогда уже не смыть с себя это пятно.

Брэттл знал, что будущее суда – один из главных вопросов законодательной ассамблеи, начинавшейся 12 октября, через четыре

дня после его послания. Он надеялся, что ассамблея распустит суд. Если же нет, «я думаю, можно заключить, что Новой Англии пришел бесповоротный конец». Прямо перед встречей Фипс получил второе мнение, которое запрашивал в Нью-Йорке. Тамошнему протестантскому духовенству было задано восемь коротких вопросов, двигавшихся от глобального «Существуют ли ведьмы?» к частностям. Какое доказательство служило поводом к осуждению, какую роль играли безупречная репутация или предыдущие нарушения закона, было ли призрачное свидетельство достаточным для обвинения? Отсюда ясно, что являлось камнем преткновения: не только у Брэттла возникли вопросы к деревенским девочкам. Не могли бы французский гугенот и три голландских кальвиниста объяснить, как этим созданиям, ежедневно отбивавшимся от дьявольских атак, удалось сохранить такое на удивление прекрасное здоровье?

Нью-йоркские и массачусетские пасторы общались на одном языке – латыни [26]. Будучи кальвинистами, они сходились во взглядах. Ньюйоркцы показали запрос из Массачусетса одному чрезвычайно образованному идеалисту, молодому выпускнику Тринити, недавно прибывшему в город служить капелланом в английских вооруженных силах, и единственному на тот момент англиканскому священнику в провинции^[137]. Все согласились: конечно, хитрый дьявол прибег ко «лжи, чудесам, обещаниям, мнимым или реальным чувственным излишествам, славе, богатству и другим бесчисленным соблазнам» [28]. Кого-то он вовлек в сделку: именно подобный договор и определял колдовство. Что касается предыдущих правонарушений и кристальных репутаций, то тут у пасторов были новости, которые больше понравились бы покойной Саре Гуд, чем покойной Ребекке Нёрс. Плохие поступки нематериальны. Даже хороший человек может найти причину не любить соседа. А хорошая репутация мало чего стоит. И снова экспертная комиссия назвала призрачное свидетельство недостаточным для осуждения. Опирайтесь лишь на него «очень опасно». Что же до девочек, их отменное здоровье не должно вводить в заблуждение. Дьявол, объясняли нью-йоркские пасторы, мог позаботиться о том, чтобы его жертвы делались все сильнее под влиянием чар, требуя и поглощая «больше питания, чем прежде». Он работал как стероид и мог обратить вспять все следы наносимых им мучений.

Ответ пришел в тот момент, когда судья Сьюэлл читал «Чудеса невидимого мира» Коттона Мэзера. Автор спешил закончить книгу к началу октябрьской законодательной сессии и успел как раз вовремя. 11 октября и Сьюэлл, и Стаутон оценили точность его описаний, во всех возможных отношениях отличавшихся от версии Брэттла. Они также сообщили публике, что труд Мэзера выполнен по распоряжению губернатора. Фипс был на связи с ними или с самим Мэзером, когда на следующий день писал в Лондон – впервые – об эпидемии сверхъестественного, обуявшей Новую Англию. Губернатор основал специальный суд по совету Стаутона. Сам он отсутствовал в провинции почти все это время. Вернулся же Фипс в кошмар. Многие проклинают судей. Более того, дьявол начал притворяться невинными людьми. По этой причине губернатор приостановил дальнейшие разбирательства и запретил новые аресты во всех возможных случаях. Он особенно подчеркивал, что сделал это исключительно по собственной инициативе, не дожидаясь, пока его об этом попросят. Ситуация взрывоопасная. Страдают интересы короля. Скандал может сместить молодую развивающуюся администрацию. Некоторые госслужащие выходят за рамки своих полномочий, и он с сожалением сообщает, что кое-кто из обязанных служить короне наилучшим образом действовал необдуманно. Враги Фипса используют колдовство, чтобы плести против него свои интриги – дело достаточной важности, чтобы упомянуть о нем дважды. Те, кто предпочитает старую хартию и завидует его назначению, не упустят возможности очернить его имя. Он ожидает указаний их величеств.

Только теперь английские власти получили официальную информацию о колдовстве в Массачусетсе. Октябрьское письмо Фипса, помимо прочего, было насквозь лживым [29]. Он отсутствовал вовсе не так долго. К тому же создается ощущение, что писал он из Швеции, а не из Бостона: детали губернатор позаимствовал из описания шведского бедствия Коттоном Мэзером. Он настаивал, что суд руководствовался только фактическими доказательствами – это неправда, как подтверждали Брэттл, Дейн, Уиллард, Уордуэлл и позднее даже Лоусон. (Фипс все время говорил о «колдовстве или одержимости», но не мог слишком напирать на последнее, учитывая все произошедшее. Один голландский пастор потом назовет массачусетскую эпидемию «притворным колдовством или

неизвестной хворью»).) Вряд ли Фипс действовал без чьего-то настояния, причем срочного; ему регулярно писали Нёрсы. Его гораздо меньше волновала защита невинных подданных их величеств, чем собственное неустойчивое политическое положение. Он тоже чувствовал, что плетется заговор: во всем хотят обвинить его! Ради общественного порядка он запретил любые публикации на тему колдовства, «потому что я вижу вероятность разжигания неукротимого пожара» (подобное уже случилось в Массачусетсе: один энергичный печатник в 1690 году умудрился выпустить новостную листовку, чтобы не допустить появления лживых сообщений. Через четыре дня он уже сидел под стражей)^[138]. Заявление, будто Фипс ждал указаний, – бессмысленное, если не лицемерное. Письма между двумя мирами приходили, было замечено, «как рождаются слоны: примерно раз в два года» [31]. И если он действительно решил распустить суд и остановить разбирательства, то почему-то не уведомил об этом ни своего вице-губернатора, ни своих законодателей.

Запрет публикаций, кроме того, касался только тех изданий, на обложках которых не стояло имени «Мэзер». И «Вопросы и ответы о колдовстве», и «Чудеса невидимого мира» быстро ушли в печать, искусно датированные 1693 годом. «Чудеса» можно считать первой в Америке «мгновенной книгой». Она заявляла о себе как «публикуемая по специальному распоряжению его сиятельства Губернатора». Издателем был Бенджамин Харрис, который хорошо справился с «Памятными знаменами», но плохо – с новостной листовкой в 1690 году. Харрис, без сомнения, был в восторге: он узнавал будущий бестселлер с первого взгляда. Стаутон написал предисловие, в котором предстал слегка удивленным, но чрезвычайно польщенным. Какое своевременное произведение, как аккуратно и сдержанно написано! Главный судья был, в частности, благодарен за нечеловеческие усилия Мэзера, «учитывая место, которое я занимаю в суде, назначенном для заслушания и решения, все еще трудясь на разбирательствах дел лиц, обвиняемых и осужденных в колдовстве» [32]. Особенно же он ценит отсылку к окончанию тысячелетнего цикла: из этих событий колоссальной важности Мэзер извлек оптимистический намек на второе пришествие. Естественно, судья читал каждую бумажку, на основе которой работал автор.

Это был фарс, с какой стороны ни посмотри. Мэзер утверждает, что писал книгу по заданию Стаутона; Стаутон, зардевшись, чувствует себя польщенным, а в это время губернатор притворяется, что запретил печатать любые книги о колдовстве. Задуманные как пропагандистский текст, объявленные счастливым случаем, рекламируемые словами самого автора, «Чудеса невидимого мира» вышли в момент, когда выйти не могли. Тут на самом деле работали сложные взаимосвязи, пусть и не те, которые представлял себе Томас Патнэм.

Фипс, вполне возможно, действительно предпочел бы в следующие несколько недель находиться в Швеции. На него посыпались прошения самого разного толка. Он писал донесение в Лондон, а в это время девять андоверских мужчин просили за своих голодающих жен и детей. Нельзя ли вернуть их домой? Им, «раскаившимся и признавшимся», точно можно доверять, пусть их посадят под домашний арест до вызова в суд [33], поскольку они ужасно страдают: трудности тюремной жизни, голод и холод, а еще «горе и беда внутри души». Расходы тяжким грузом легли на их семьи. По долговой расписке, какую мало кто в Андовере мог себе позволить, через три дня из салемской тюрьмы вышла двенадцатилетняя девочка. Прощение другого рода пришло к Фипсу 18 октября от кое-кого из тех же мужчин и их родственников. К ним присоединился их пастор. Двадцать шесть андоверцев горячо желают, чтобы земля была очищена от ведьм. Но «больные люди» оболгали их безвинных друзей и соседей, и они признались только из-за давления близких и следователей [34]. (Пересмотрев собственную позицию, петицию подписал преподобный Барнард, а составил ее, предположительно, либо он сам, либо преподобный Дейн.) Проблемы их города лишь продолжают усугубляться, если суд не пересмотрит свои методы работы. Уже названы новые ведьмы. «И мы не знаем, кто может чувствовать себя в безопасности, – жаловались мужчины, – если дети и взрослые, находящиеся под дьявольским влиянием, будут указывать на добрых людей». Они также мягко намекнули, что суд мог бы обернуть некоторые свои действия вспять. А вдруг девочки сами – агенты дьявола? К этому хору присоединялись другие голоса, из Ипсвича и Рединга, и тоже просили за своих несчастных родных. Могут ли им

вернуть их жен? «Печально, – писал один житель Линна о своей супруге, – что несчастная немощная старуха так долго сидит взаперти в вонючей тюрьме, когда в ее обстоятельствах ей на самом деле нужна сиделка» [35]. К тому времени она провела в заключении почти пять месяцев.

Взяв с собой Брэттла, Инкриз Мэзер твердо решил расследовать ситуацию. В салеменной тюрьме, борясь с приступами тошноты, они многое узнали и о методах правосудия, и о человеческом воображении. Восемь удрученных, пристыженных, неухоженных и очень голодных женщин рассказывали одну и ту же историю. Заключенные никого не заколдовывали, не подписывали договоров, не посещали соборищ, не принимали дьявольских крещений. Зато были до безумия напуганы. Эти признания, рыдали они, «выдумка от начала до конца». Особенно безутешной выглядела тридцатилетняя невестка Уильяма Баркера. Дознаватели постоянно твердили, что «она знает, что они ведьмы, и должна признаться, она знает, что их крестили, и т. д.». В конце концов она сдалась и теперь невыносимо страдала от стыда. Не меньше страдала шестнадцатилетняя Марта Тайлер, та самая, которую заставляли признаться собственный брат и пастор. Чтобы спасти свою бессмертную душу (а заодно и жизнь, как напоминал ей брат), Марта согласилась со всеми голословными обвинениями. Арестантки горько сожалели, что подставили других.

Но как – в октябре на женщин обрушился новый шквал вопросов, на этот раз от более дружелюбных следователей, – как они придумывали такие красочные детали? Брэттла тоже волновали эти частности, хотя вопросы он задавал несколько иные, чем преподобный Хейл, интересуясь механикой полета Энн Фостер. Разъяснения дала одна пятидесятипятилетняя жительница Андовера, летавшая на палке на собственное сатанинское крещение, – и это было все равно что наблюдать, как Злая Ведьма Запада постепенно меняет облик и превращается обратно в мисс Галч^[139]. Когда ей велели назвать дату дьявольского крещения, она выбрала один из дней двенадцать лет назад, после рождения ее последнего ребенка. Она тогда была больна и в меланхолии «и решила, что он подойдет не хуже любого другого» [36]. Но почему она сообщила, что Сатана явился в виде кошки? Убеждая женщину, что она ведьма, магистраты требовали от нее рассказать, как выглядел дьявол. Перед арестом она видела около дома

кошку – это первое, что пришло ей в голову^[140]. Большинству женщин завязывали глаза при испытании касанием Барнарда, об этом эксперименте младший пастор теперь жалел. Одна сорокадевятилетняя арестантка до сих пор сомневалась по этому поводу. Она убеждала посетителей, что никогда не говорила с дьяволом и никого не заколдовывала. А вот ведьма она или нет, решить она не могла. Завывания девочек до сих пор звенели у нее в ушах, она не могла их игнорировать. Еще три женщины-заключенные, помоложе, рассказали совершенно другое. В своих свидетельствах они настаивали на полетах, удушении жертв и втыкании колючек в куколок. Прямо перед гостями служанка Джорджа Джейкобса вдруг начала биться в конвульсиях – это, объяснила сокамерница, ее истязает Маргарет Джейкобс. Не зря Сэмюэл Сьюэлл написал в тот день двоюродному брату в Англию: «Нам нужны ваши молитвы, чтобы бороться с колдовством» [38].

И вот в эту изменчивую, мутную, суровую среду Коттон Мэзер выпустил свои «Чудеса невидимого мира». Отлично понимая, через какую «трясину и грязь» ему придется пробираться, он предварил сочинение данью уважения собственной смелости [39]. Было, однако, крайне важно сделать подходящие выводы из «колоссальных и необыкновенных событий, происходящих с нами». Он сделал это только потому, что никто больше не вызвался. (Несколько недель назад Мэзер пообещал, что его труд ни в коей мере не помешает публикациям Нойеса или Хейла, которых он фактически обогнал на финишной прямой.) Он обнародовал свои намерения «расстроить все планы дьявола, замышляющего против Новой Англии»; познакомить за границу с его опусом; предотвратить появление «лживых сообщений». Он ничего не сказал об оправдании действий суда, но и необходимости такой не было: это ясно читалось на каждой странице его творения и в восторженном предисловии Стаутона.

Две книги Мэзеров пошли каждая своим путем. Если отец занимался абстрактными материями, защищая невиновных, то сын упивался мистикой, уличая ведьм. Он испытывал не меньше гордости, наблюдая за дьявольской атакой на Новую Англию, чем когда видел, что девочка Гудвинов не может прийти в себя от книги его авторства. Он писал, чтобы доказать: катастрофа вполне реальна – лучше всего он умел предвидеть худшее – и не менее важно, что буря была

предсказана. Больше сорока лет назад одна приговоренная ведьма напороочила «страшный заговор колдунов против нашей страны, и тогда был заложен фундамент колдовства, и не раскрой мы его вовремя, все наши церкви, скорее всего, уже были бы разрушены»^[141] [40]. И это происходит сейчас, в точности как предсказывалось! Единственный способ проверить правильность предсказания, как знала Доркас Хоар, – посмотреть, сбудется ли оно. Она в свое время предупреждала, что многие дети умрут. Только семьи, пережившие потери, помнили ее слова. В 1676 году Инкриз Мэзер быстро сориентировался и прибег к истории войны короля Филипа для доказательства своих пророчеств – весьма динамичное и эффективное использование страха. Опасно, когда одни и те же люди занимаются и предсказаниями, и историей.

Мэзер утверждал, что не удивится, если колдовство распространится еще дальше, чем подозревалось – вряд ли он походил на человека, желавшего потушить пожар. В своем сочинении он придал лоска экспертам, собственной проповеди от 4 августа и знаменитому делу тридцатилетней давности в Англии, схожему с салемским, за исключением, возможно, воспламенившейся жабы. Он не просто так выбрал этот случай: обвинение там строилось на призрачном свидетельстве. Только во второй части своей книги Мэзер с энтузиазмом принимается за дело, которое, как он уверяет, описал потому, что ему это поручили, – такое же лукавство, как удивленное вступительное мурлыканье Стаутона. Мэзер либо получил меньше документов, чем рассчитывал, либо нашел в них меньше того, что подходило под его повествовательные нужды. Порой кажется, что он разукрашивает судебные отчеты узорами, которых нет в сохранившихся бумагах: запах серы; льющиеся рекой деньги; уголок материи, оторванный от невидимого привидения; булавки, которые судьи лично вытаскивали из тел девочек. В остальном он придерживался имевшихся у него показаний, при этом определенно над ними поколдовал. В «Чудесах» нет ни помилования Нёрс, ни петиции Эсти, ни выступления свидетеля в защиту Элизабет Хау. Зато автор вставил туда все истории о призраках, нужные для утешения публики, постоянно напоминая, что полеты и договоры играли при вынесении приговора исключительно второстепенную роль.

Он выражал пылкую надежду, что некоторые из обвиненных окажутся невиновны. Они заслуживают «самой сострадательной нашей жалости, если не будет убедительно доказано, что они ее недостойны» [41]. Это было лукавством. Через шестнадцать страниц он пишет о Джордже Берроузе: «Как бы я был счастлив не знать имени этого человека». Самые его инициалы вызывали у Мэзера отвращение (только Берроуз оставался настолько могущественным магом, что его имя нельзя было произносить). Он играл крайне важную роль в этой истории, был ее ключевым элементом и идейным вдохновителем. Дальше автор признает: правительство в особом порядке просило его включить данный случай в книгу – возможно, так и было на самом деле. Разворот на 180 °, продемонстрированный в описании дела Берроуза, – ничто в сравнении со всей остальной книгой. Раньше Мэзер осуждал испытание касанием и дурной глаз, а также отвергал призрачные свидетельства и призывал к крайней осторожности в суждениях. В «Чудесах» же он предполагает, что прикосновение руки, визуальные эффекты, полеты на палках и тающие на глазах договоры – часть богохульной имитации Христа дьяволом! Как же изощренно насмеяется зверь над церковными таинствами!

Выполнив свои обязательства, Мэзер вставляет в свое сочинение еще несколько «неповторимых диковин» [42]. Тут как тут краткое описание шведских событий, предтеча событий новоанглийских. Рыжая борода и длинные носки с подвязками, принадлежащие дьяволу, не поехали через океан. Остались дома и сатанинские гульбища с плясками. Самые примечательные абзацы Мэзер типографически выделил. Жирным шрифтом набрано все, что вызывает прямые ассоциации с Салемом. Так что слова «страждущие дети», «порезанный палец», «заколдованные инструменты», «свободные признания», «пыталась, но не смогла убить судей» сразу же бросаются в глаза. Еще он включил сюда недавнюю шведскую историю про маленькую девочку, которая призналась в колдовстве, любимицу семьи Мэзер, и письмо Томаса Патнэма об обвинении Джайлса Кори в убийстве^[142]. Мэзер утверждал, что работал над этой книгой как ни над одной другой. Если так, то обещанного Стаутону шедевра не вышло: текст сумбурный, неудобочитаемый, местами отчаянно бессвязный и, конечно, с ошибками. Но как добиться большего, когда Сатана не дремлет, играет с ними и вбрасывает в

процесс фальшивки? Дьявол сгорает от зависти к мудрости новоанглийских магистратов. Дьявол лопается от злости из-за их нового замечательного правительства. Призрачное свидетельство, может, и недостаточная улика для обвинения, но пренебрегать им тоже нельзя.

Как бы быстро ни работал Коттон Мэзер, «Чудеса» явились примером выражения слишком многого слишком поздно. Задуманные во имя обоснования позиции, опубликованные во имя предотвращения лжи, эти страницы читались как бескомпромиссное оправдание действий суда. С середины сентября до середины октября, пока Фипс взвешивал, стоит ли распускать суд или распространить слухи об этом, ситуация значительно изменилась. Была еще одна проблема. В то время как Мэзеру-отцу не нравились процессы, сын, похоже, хотел их ускорить. Коттона Мэзера беспокоила не расправа над невинными, а риск, что виновные смогут избежать наказания. Он сразу оказался под огнем критики – не только потому, что лебезил перед судом, но и потому, что проявил тот юношеский тип непочтения, к которому Новая Англия была особенно чувствительна: неуважение сына к отцу. Мало того что он не поддержал отцовскую книгу, так еще и подрывал его авторитет. Среди массово циркулирующих в тот год по провинции обвинений ни разу не было случая, чтобы отец указал на сына или сын на отца. «С тех пор меня третируют с такой греховной и злобной грубостью, какую я предпочел бы навсегда забыть», – жаловался Мэзер вскоре после публикации «Чудес» [44]. На него обрушился водопад «злости, насилия и осуждения». В лицо ему говорили приятные вещи, но за спиной страшно злословили. А ведь он всего лишь хотел снизить разногласия в критический момент! Как можно говорить, что он противится отцу и остальным священникам Новой Англии, когда его критики сами в упоении сажая друг друга на кол? Бедняге, на его взгляд, ничего не остается, кроме как умереть (ему было двадцать девять).

Он объяснял, что они с отцом координировали усилия, чтобы обеспечить полный охват темы и аудитории. Коттон Мэзер просто переживал, что «Вопросы и ответы», опубликованные в одиночку, повредят суду и «задушат дальнейшее свершение правосудия навсегда». Он очень боялся открытой атаки на магистратов, чья работа может сделать их уязвимыми для самых «безрассуднейших толп» (и

еще раз добавил «безрассуднейших» в конце, для убедительности). Сын и отец делили кафедру во второй церкви [45]. Они виделись ежедневно и работали бок о бок. До того, находясь по разные стороны Атлантики, они вместе трудились, чтобы обосновать необходимость переворота: один из них на месте призывал беспокойную колонию к сдержанности, второй – давил на жалость в метрополии. Разве могли они отринуть эту слаженную хореографию теперь? Более правдоподобным кажется, что Коттон Мэзер считал обе книги логическим продолжением одного неоднозначного утверждения. Его «Отчет по итогам совещания пасторов» был документом в высшей степени гибким, одновременно демонстрирующим расположение к судьям и милосердие к обвиненным. «Вопросы и ответы» Инкриза стали мольбой о «крайней осторожности»; «Чудеса» Коттона – разросшимся до невероятных размеров «тем не менее»^[143]. Он считал, что сделал шаг в сторону осуждения виновных, а его отец – в сторону защиты невинных. Разве они говорят не об одном и том же?

«Чудеса» публиковались, как полагал Мэзер, под защитой Стаутона. Этого оказалось недостаточно. Инкриз поспешил на помощь; администрация Фипса не могла позволить себе раскол в текущем положении дел. Как только рукопись ушла в печать, возможно, всего за несколько часов до выпуска Инкриза Мэзер задним числом написал послесловие к своим «Вопросам и ответам», чтобы создать более тесную связь между двумя книгами. Возможно, с ним лично поговорил Стаутон. Старший Мэзер оставался совершенно уверенным, что его землю атакуют ведьмы. Признания, которые он слышал во время посещения заключенных, его в этом убедили окончательно. Он не собирался отрицать колдовство, только хотел внести ясность в методы его искоренения, и никоим образом не собирался бросать тень на почтенных судей. Они заслуживают «сочувствия и молитв, а не порицания» [46]. Он безмерно благодарен своему сыну, утверждавшему, что никто не был осужден исключительно на основании призрачных свидетельств. Инкриз Мэзер, как и Коттон, особо отметил Берроуза, которого – единственным из колдовского сообщества – назвал по имени. Пастор заслужил казни через повешение. Берроуз, убеждал читателей Мэзер-старший, совершал вещи, которых ни один человек, «если только дьявол не на его стороне, совершить не может».

С высоты своего положения Инкриз Мэзер заметил, что знает о слухах: якобы две книги спорят друг с другом. Какие странные вещи порой приходят в голову людям! Он просматривал «Чудеса» перед публикацией. Он не стал ее поддерживать только по причине отвращения к кумовству. Если он скрывал недовольство поспешной публикацией сына, то делал это весьма убедительно. В одном отец и сын полностью сходились: какая бы судьба ни ждала суд по делам о колдовстве, общественный порядок не должен пострадать. Судьи – и правительство, которое процессы поставили под удар, дав критикам новой хартии повод для атаки, – не должны оказаться скомпрометированными. Инкриз Мэзер ни слова не сказал о судопроизводстве. Только позже, в дневнике, Коттон Мэзер признает, что, хотя он и пел осанну судьям, их методов принять не мог. Это был сложный компромисс. В конце концов, суд возглавлял самый серьезный в Массачусетсе авторитет в области права, главный судья, нацеленный выполнить свою миссию, уверенный, что он на стороне ангелов, и радовавшийся, что молодой Мэзер стремился своей книгой не только развеять сомнения, но и, в усердии своем и мудрости своей, «усилить защиту от inferнального врага, который настиг нас, как потоп» [47]. Большую часть этого предложения Стаутон позаимствовал у самого автора книги.

Насколько резко переменился ветер, ясно из проповеди Сэмюэла Пэрриса от 23 октября. В то воскресенье он представил публике сентиментальные рассуждения о примирении. Он долго работал над этим обращением и вложил в него много личного. Мы ничего не знаем про обстоятельства, в которых он писал, – продолжались ли конвульсии Абигейл, вернулась ли Бетти Пэррис от Сьюэллов, как двое здоровых детей Пэрриса переживали кризис, в котором не играли никакой роли, как поживала Энн Патнэм – младшая. Легче Мэзера меняя тон, Пэррис решился от слов перейти к объятиям. В качестве подспорья он выбрал Песнь песней Соломона и предложил пастве восторженный каталог поцелуев: страстные поцелуи, священные поцелуи, предательские поцелуи, прощальные поцелуи, поцелуи в знак повинования, одобрения, примирения. Поцелуй означает любовь и доброжелательность. Поцелуи сладки между друзьями «после нескольких чарок» [48]. Такие образы были вполне типичны:

божественная любовь совершенно естественно переходила в полное погружение тела в благодать^[144]. Однако ничто не могло нагляднее продемонстрировать стремительный разворот Пэрриса от решительного выступления 11 сентября, чем это непривычное радужное назидание. Оно обладало настолько тонизирующим эффектом, насколько вообще этого можно ожидать от пастора, чьи дом и приход перевернуты вверх дном, а скамьи в молельне опустели; которому приходится иметь дело с неотесанными прихожанами, потому что прочих он потерял навсегда. Только в выводах Пэррис не изменил самому себе. Бог послал Христа в мир, чтобы он нес нам свою любовь. Кто стал бы от него отрекаться? «Его поцелуи – самые желанные, – вещал Пэррис. – Если вы им не поцелованы, значит, вы будете, должны быть прокляты им». От этих проклятий выли даже дьяволы.

Тремя днями позже законодательная ассамблея вынесла на рассмотрение декларацию, полную противоречий. Сатана блуждает по Массачусетсу «в великой ярости и змеином коварстве» [49]. Полноправная комиссия сделала все возможное, чтобы его остановить. «Несмотря на неустанные попытки этих почтенных джентльменов», эпидемия не ослабевает. Колония все еще пребывает под «гнетущими тучами тьмы». Не пришло ли время для дня поста, дабы обратиться за божественным указанием? Видится весьма разумным устроить встречу группы пасторов с советом при Фипсе для проработки плана действий. Им мучительно не хватает мудрости, а дьявольская ярость угрожает «полным уничтожением этого несчастного края». Голосование за принятие декларации означало прямую атаку на суд, назначенный для заслушания и решения. Сессия выдалась крайне напряженной: вопрос разделил ассамблею практически поровну. После агрессивных дебатов документ был принят большинством голосов, тридцать три против двадцати девяти. Кое-кто из тех, кто поздравлял Коттона Мэзера с выходом книги, делал это искренне.

Сьюэлл, голосовавший против декларации, предполагал, что суд немедленно сложит с себя полномочия. Не все с ним согласились. Ассамблея занималась этим вопросом лишь косвенно; следующее заседание суда по-прежнему планировалось провести через шесть дней. Стаутон давил на Фипса, находя решение неоднозначным. Коттон Мэзер, возможно, говорил в тот четверг в защиту Стаутона в

своём выступлении о непоколебимости. Оба они согласились, что падение суда станет дестабилизирующим фактором, признанием ошибки и приглашением в гости еще большего количества колдунов и ведьм. Оба верили, что работа суда не окончена. Стаутон регулярно ездил в Бостон, пытаясь вытянуть ответ из Фипса. Однако, хоть он и был вице-губернатором и главным судьей, у него ничего не выходило. Эти двое никогда не были близки, но в этой ситуации прямодушный и грубоватый губернатор, казалось, совершенно подавлен собственным заместителем, человеком, искусным в политическом маневрировании и интеллектуально выше Фипса минимум на голову. После одной из таких попыток 28 октября, в сильный шторм, Стаутон до нитки вымок по дороге из Дорчестера. Уже не в первый раз он нашел приют у Сьюэллов и послал домой за переменной одежды. Возможно, он не распознал в страшном ливне знака, а стоило: в его отсутствие на следующий день Фипс официально распустил суд, назначенный для заслушания и решения.

А петиции все приходили и приходили. Десять обвиненных ипсвичских ведьм молили об освобождении. Вряд ли до разбирательств их дел дойдет этой зимой, а они уже замерзают. Вскоре они «погибнут от холода» [50]. Некоторым было под восемьдесят. Одна из женщин была беременна, другая кормила двухмесячного младенца. Отец некоей арестантки из Челмсфорда в одиночку заботился о ее детях двух и пяти лет. У него совсем не осталось средств к существованию. Молодой человек из Ипсвича внезапно отозвал свое майское свидетельство против Элизабет Проктер. 27 января она родила прямо на полу салемской тюрьмы. Младенец получил имя Джон – в честь погибшего отца. Приговоренной к казни в августе Элизабет дали отсрочку только из-за беременности, теперь же дата повешения была не за горами. Заключение дочь преподобного Дейна обратилась с прошением о помиловании прямо к Фипсу [51]. Она в заточении уже четыре месяца. Ее обвинители признали, что солгали; она беременна (и думает, что иначе ее бы уже давно повесили). Она совершенно невиновна, дома ее ждут недееспособный муж и шестеро детей. 14 декабря на свободу вышел отец Абигейл Хоббс, после того как двое топсфилдских соседей внесли за него двести фунтов залога.

Однако не все успели разочароваться в девочках-провидицах. Из Глостера за ними посылали и в начале ноября. Еще три ведьмы были арестованы 7 ноября, включая невестку Хиггинсона. Вдобавок к старым обвинительным заключениям появлялись новые. В последний день 1692 года Элизабет Колсон – та, которая заставила констеблей хорошенько побегать за ней по полям и сбила с толку даже их собаку, – в конце концов была помещена под стражу в Кембридже. Элизабет Хаббард продолжала сотрясаться в конвульсиях и обвинять ведьм весь ноябрь. Мэри Уоррен, исципанная, исколотая и регулярно утаскиваемая под стол, продолжала давать показания против подозреваемых в январе 1693 года.

В один особенно темный и морозный декабрьский день члены массачусетского совета организовали новый суд для рассмотрения оставшихся дел подозреваемых в колдовстве. Большинством голосов главным судьей выбрали Стаутона. К нему присоединились трое из его бывших коллег по суду для заслушания и решения, а также Томас Данфорт, который в апреле получил первое упоминание о сборе ведьм. 22 декабря Фипс привел к присяге только что учрежденный суд высшей инстанции. Каждый из его членов поклялся, как подытожил Сьюэлл, «беспристрастно вершить правосудие, руководствуясь нашими лучшими навыками» [52]. В соответствии с новой хартией декабрьская коллегия присяжных состояла из людей, которым квалификационный отбор позволяло пройти благосостояние, а не членство в церкви. Таким образом, судьям становилось сложнее ими манипулировать. Хотя эти люди не были лично вовлечены в дела деревни Салем, кризис все же коснулся и их: одни присоединялись к обвинениям, другие состояли с ведьмами в родстве. Едва собравшись, присяжные запросили помощи у судейской скамьи. Что им делать с призрачными свидетельствами? [53] Ничего, был ответ. В начале января суд рассмотрел пятьдесят два дела и оправдал всех обвиняемых, за исключением троих. Двадцатидвухлетнюю внучку преподобного Дейна осудили, а его дочь – нет. Присяжные признали вдову прорицателя Сэмюэла Уорделла виновной, а его дочь – невиновной (обе они обвиняли мертвого мужа и отца). Суд освободил Маргарет Джейкобс, ее заявление в суде сохранилось. Она единственная называет своих обвинителей «одержимыми».

Стаутон упорно придерживался ценности призрачных свидетельств. Он считал себя предводителем крестового похода, который намеревался во что бы то ни стало завершить своей победой. Он спешно подписал три новых ордера на казнь в дополнение к пяти для тех, кто уже был осужден в 1692 году; среди них Элизабет Проктер, Доркас Хоар и Мэри Лэйси – младшая. Стаутон запланировал повешение на 1 февраля и приказал рыть могилы. Похоже, главный судья всерьез намеревался доказать, что английское право достигло берегов Северной Америки и достанет провинившихся даже на другом конце земли. Фипс тем временем посоветовался с главным прокурором Чекли, который опасался, что больше не способен отличать виновных от невиновных. Губернатор отменил приказ о казни и оправдал восемь приговоренных ведьм. Неизвестно, от кого Стаутон об этом узнал, но точно не от Фипса. Он пришел в бешенство: «Мы уже почти очистили от них нашу землю!» [54] Он не знал, кто помешал свершиться правосудию, но пророчил, что обвиняемые отдадут Новую Англию прямо в лапы дьявола. В негодовании покидая зал суда, Стаутон бросил сквозь зубы: «Господи, сжался над этой колонией». Это последняя запись слов главного судьи о колдовстве. Он не явился в суд 2 февраля, и Данфорт занял его место. Среди подозреваемых, представших перед судом в следующие несколько дней, была восьмидесятилетняя вдова, бабка быстроногой девушки из Рединга. Она едва произнесла пару слов в свою защиту. Против нее свидетельствовали тридцать человек. С теми, кто переходит ей дорогу, случаются паранормальные вещи – в точности, как она предскажет. «Если и есть на свете ведьма, – отмечал Лоусон, присутствовавший на процессе, – то это она» [55]. Ее оправдали.

21 февраля 1693 года Фипс был готов объявить, что эпидемия закончилась, и дал понять, кого имел в виду в том своем письме в Лондон, намекнувшем, что некоторые госслужащие выходят за рамки своих полномочий. На одном человеке целиком и полностью лежит вина за то, что процессы 1692 года были «слишком жестокими и не опирались на правильный фундамент» [56]. Это – судья, который не так давно ушел из зала суда, «взбешенный и полный гнева». Стаутон – человек безрассудный, сверх меры крутого нрава; возможно, даже коррупционер. Он санкционировал незаконный захват имущества и распоряжался захваченным, не ставя Фипса в известность и не получая

его согласия. У Фипса давно уже появились вопросы к его методам работы; Стаутон продолжал вести процессы, несмотря на многочисленные предупреждения и поднявшийся шум. Там, где раньше Фипс следовал мудрому совету своего вице-губернатора, теперь он, похоже, изнемогал от Стаутона ровно так же, как от всей истории с колдовством. Создавалось ощущение, будто он жалуется родителям на проделки одаренного старшего брата, их любимчика. Фипс останавливает процессы до тех пор, пока не появится кто-то, лучше подкованный в области права, сообщает он и добавляет, что в этом решении его поддержали Инкриз Мэзер и нью-йоркские пасторы. (Все это время Стаутон бойкотировал собрания совета, отговариваясь тем, что упал [57].) Фипс вмешался решительно – в точности тот спаситель, какого позже будут воспевать Мэзеры. «Черная туча, угрожавшая разрушить провинцию», уверял он члена кабинета министров их величеств, теперь позади. Учитывая угрозу жизням, собственности, репутациям и официальному бизнесу, вздыхал Фипс, «эта история стала для меня настоящим мучением!». Но теперь все было хорошо. Интересы их величеств вне опасности. «Народ, ранее разделенный и сбитый с толку разными мнениями относительно происходящего, теперь снова един», – ликовал он.

Фипс и его совет объявили по всей колонии четверг, 23 февраля, днем благодарения. Благодарить следовало, помимо прочих счастливых событий, «за избавление от врагов с помощью препятствия, выставленного против ужасной атаки колдунов» [58]. Власти снова сфокусировались на изначальном «источнике всех наших бед» – французах. Начались компенсационные выплаты жителям Эссекса: колдовские процессы стоили колоссальных денег. Пришлось повысить налоги, чтобы заплатить по счетам трактирщикам, констеблям, тюремщикам, кузнецам. Год фальшивых свидетельств, фальшивых признаний, фальшивых друзей, фальшивых противоречий и фальшивых книг, напечатанных для предотвращения фальшивых выводов, закончился. Тюрьмы опустели. Обвинения прекратились. Большинство насланных ведьмами хворей сошли на нет. Уже 3 апреля 1693 года Фипс называл события 1692 года, которым он положил конец, «мнимым колдовством» [59]. В тот месяц письмо, восхвалявшее его терпимость, отправилось в путь из Лондона в Новую Англию, этот далекий террариум. К адресату оно попало в июле. Фипс к тому

времени был как никогда прежде убежден, что немножко панибратства не повредит [60]. Он, в конце концов, остановил суды и в одиночку спас Новую Англию от гибели.

Однако кое-кто продолжал цепляться за недавнее прошлое: не просто же так октябрьское голосование показало настолько близкие результаты. Коттон Мэзер по-прежнему волновался, что для искоренения ведьм сделано недостаточно. Когда он приехал в Салем в сентябре 1693 года, то совершенно не удивился, услышав, как одна верующая предсказывает новый всплеск колдовства – наказание за то, что суд распустили, не дав ему завершить свою работу [61]. Хорошо информированные кроткие люди боялись того же самого. Будь времена более стабильными, утверждал Джон Хейл, началась бы вторая волна судебных процессов. «Однако, памятуя о том, в какой хаос и смятение нас все это погрузило, было решено, что безопаснее недобдеть, чем перебдеть», – заключил он [62]. Они предпочли покончить с этим делом. Ошибки можно будет исправить позже. «Так что история оборвалась довольно внезапно», – отмечает Хейл, который хорошо знал, что и началась она схожим образом. Пытаясь вместе с Пэррисом поставить диагноз, именно он наблюдал за первыми приступами у Абигейл и Бетти. Он же слушал несокрушимое, как скала, признание Титубы. Он давал показания против Доркас Хоар и Бриджет Бишоп. Он вытягивал из Энн Фостер подробности полета и крушения. «Я потребовал рассказать, что они ели», – вспоминает Хейл. Тогда Фостер объяснила про хлеб и сыр, а также описала освежающий ручей.

Это благодаря Хейлу Фостер рассказала, что жутко боится Джорджа Берроуза и Марты Кэрриер, тогда еще не ставших царем и царицей ада. Она думала, они ее убьют – так угрожали привидения. Она пережила их обоих. Но ненадолго. Фостер умерла в тюрьме 9 декабря 1692 года, став одной из последних жертв истории с колдовством. Ее сын заплатил шесть фунтов десять шиллингов – цену хорошей коровы, – чтобы забрать тело матери. Титуба, первой подписавшая дьявольский договор, вышла на свободу последней. Женщина, написавшая сценарий этого года, введшая в судебные процессы полеты на палках и зверьков-фамильяров, осветившая Новую Англию фейерверком своего признания, но ни разу с тех пор не вызванная на допрос и даже ни разу больше в суде не упомянутая,

предстала перед присяжными за сделку с дьяволом 9 мая 1693 года. Суд не стал предъявлять ей обвинений [63].

11. Это темное, странное время

И что самое ужасное – у каждого свои причины [1].

Жан Ренуар

Деятельность Стаутона остановилась неожиданно; возвращение к нормальной жизни заняло гораздо больше времени и стоило дорого – как экономически, так и морально. Сады и погребя, изгороди и поленницы – все было принесено в жертву правосудию, которое поглотило невероятное количество часов. Двадцать пять лет назад салемские фермеры предупреждали, что хозяйство страдает, когда мужья уезжают на битву с захватчиками. Оно также страдало, когда жены уезжали обследоваться на дьявольские отметины. Повезло семьям, куда – заплатив страшно высокую цену – возвращались родные, причем иногда обвиненные этими же самыми семьями. Гноившиеся раны соседской вражды вытеснялись более серьезными проблемами; обычный холод затмила эпидемия. Их засосало в эту колдовскую воронку, но теперь предметом споров стало не преступление, а наказание. Призрачное свидетельство прекратило существование. Но вера в колдовство никуда не делась.

Возникло много неловкостей. Что, например, делать с той женщиной, которую вы обвиняли, стоя от нее в паре-тройке метров, а теперь она снова ходит по своей ферме, прямо через ручей? Оправданные ведьмы неожиданно расселись по соседним с вами скамьям в молельне. Как обнимать шестилетку, которая недавно клялась, что ее мать, теперь уже мертвая, превратила ее в ведьму? Мэри Лэйси – старшая теперь снова готовит и прядет лен рядом с восемнадцатилетней дочерью, которая публично выговаривала ей: «О, мама, за что ты отдала меня дьяволу?» [2] По крайней мере некоторым из жителей Эссекса наверняка пришлось выдержать немало ожесточенных споров на тему заповеди «Не лжесвидетельствуй». Немало было предательств: предавали родители, дети, соседи, супруги, свойственники, эталоны благочестия. Возможно ли снова как ни в чем не бывало слушать преподобного Нойеса, который затыкал

рот обвиняемым, или преподобного Барнарда, организовавшего андоверский сюрприз с испытаниями касанием, или преподобного Хейла, дававшего показания против своих прихожан? Каково Фрэнсису Дейну проповедовать пастве, которая упекла за решетку практически всю его семью? Почти 10 % жителей Андовера попало в число обвиняемых [3]. Должно быть, взгляды на улицах города отводились теперь довольно часто. Какие перспективы на семейную жизнь у девушки, мать которой повешена за колдовство, обвинив перед этим дочь?

Было потеряно доверие, были потеряны состояния. Недавно вернувшийся в Бостон Джон Олден не пошел на причастие 18 декабря [4]. Друзья, может, и молились за него в его отсутствие, однако он вполне мог полагать, что они же и продали его с потрохами. Жена преподобного Уилларда имела на эту тему неприятный разговор со Сьюэллом – она считала, что он за это в ответе. Через несколько месяцев он пришел к Олденам. Он сожалел. Он очень рад возвращению доброго имени капитана. Это был редкий жест: во всяком случае, поначалу взаимные обвинения предшествовали объяснениям и намного превосходили число извинения. Семьи Нёрс и Тарбелл продолжали бойкотировать церковные службы в Салеме; хлопавшая дверьми и прерывавшая проповеди Сара Клойс выжила, но двух ее старших сестер повесили. Она поселилась с мужем в Бостоне. Филип Инглиш вернулся после девяти месяцев обвинений в разоренный дом, до нитки обобраный мародерами [5]. Вскоре он начал ездить из Салема в Марблхед на англиканскую службу. Даже если не брать в расчет религиозные предпочтения, сложно было представить, что он когда-нибудь снова станет молиться рядом со Стивенном Сьюэллом. Инглиш начал подавать прошения о возмещении ущерба в апреле 1693 года. Двадцать пять лет спустя он все еще продолжал этим заниматься.

В то воскресенье, когда Олден не пришел на службу в третью церковь, Деодат Лоусон проповедовал в Чарлстауне. Он говорил о семейной дисциплине, напоминая отцам семейств об их обязанностях перед детьми, слугами, рабами. Лоусон предостерегал от отвлекающих внимание вещей и механического выполнения обязанностей. Родители не должны быть чересчур формальными и нудными. Пасторы бывают такими же нерадивыми, как их прихожане, и, что называется, «в людях

– ангел, дома – черт» [6]. Почему-то он особенно сетовал о детях «двенадцати, четырнадцати или шестнадцати лет», заброшенных и испорченных. Разве не стала эта юная поросль причиной давешних бед Новой Англии? Неудивительно, что Сатана смог запугать их, и «подчинить себе, и склонить на свою сторону». Родители оставили своих чад – это привело к растерянности, протесту, неподчинению и дьявольским контрактам. Лоусон опубликовал проповедь в 1693 году, вооруженный одобрением Инкриза Мэзера и посвящением Сьюэллу. Этот текст наверняка расстроил Пэрриса. Лоусон несколько отошел от своего недавнего утверждения, будто благочестивый дом уязвим более прочих.

У пастората деревни Салем имелись свои причины для самокопаний: там жили пятеро обвинителей и четверо заколдованных, больше, чем где-либо еще. Пэррис понимал, какой груз его семейство взвалило на плечи общины (можно лишь догадываться, о чем думали местные жители, каждый раз проходя мимо его злосчастного, всеми обсуждаемого луга). Через несколько недель после проповеди Лоусона Пэррис предложил выделить шесть фунтов из своего жалования за 1692 год «на помощь соседям и попытку обрести согласие» [7] и выразил готовность сделать то же самое в следующем году. (Пастор не смог удержаться и добавил, что сделал это пожертвование, хотя ему произошедшее тоже дорого обошлось.) Он не пытался взять обратно Титубу, принесшую ему столько позора и столько расходов. В то время, пока суд сворачивал дела, тюрьмы пустели и семьи воссоединялись, она оставалась за решеткой. В конце 1693 года кто-то оплатил ее тюремные издержки, то есть фактически купил рабыню. Она уехала из Массачусетса.

Некоторым так и не удалось вернуться к нормальной жизни. Метка «ведьма» никуда не девалась, человек всю жизнь нес на себе некую «не поддающуюся определению особенность»^[145] [8]. Перед смертью Джон Проктер предостерег: подозреваемых осудили еще до разбирательств их дел. Осужденными они остались и после вынесения оправдательных приговоров. Его вдове пришлось хуже всех: в своем завещании он не упомянул Элизабет, и напрасно она тягалась с родней. «Они говорят, – сообщала она суду [9], – что по закону я мертва». У приемных детей было достаточно причин не желать знать свою темпераментную, «меченую» мачеху. (В итоге она переехала в Линн и

там снова вышла замуж.) Дочь преподобного Дейна, также помилованная по причине беременности, вернулась к больному мужу и шестерым ожидавшим ее детям. И жила «как преступница» [10]. Жизнь обвиненной в «отвратительнейшем из всех грехов, на которые только способен род человеческий», превратилась в руины, и ее семья, как она опасалась, могла снова оказаться под подозрением. И это, как она выражалась, «неистребимое клеймо позора» было не единственным тяжким бременем таких, как она. Крепкие сыновья Марты Кэрриер пережили пытки. Признавшись в полетах на шабаш, они помогли отправить на казнь собственную мать. А осиротев, обнаружили себя родственниками женщины, вошедшей в историю с титулом «царица ада».

В то время как казни ведьм излечили некоторых от насланных хворей, судебные процессы изувечили многих других. Сара Клойс, проведя пять месяцев в кандалах на руках и ногах, вышла из тюрьмы совершенно одряхлевшей. Мэри Инглиш вернулась из ссылки калекой и умерла в 1694 году в возрасте сорока двух лет. Как минимум четверо подозреваемых умерли в тюрьме. Маленькая Дороти Гуд до освобождения просидела в миниатюрных кандалах восемь с половиной месяцев. Только что родившаяся сестренка умерла у нее на глазах, а мать (против которой она свидетельствовала) с гордо поднятой головой отправилась на виселицу. Рассудок Дороти повредился, и весь остаток жизни ей требовался уход. У Мэри Эсти и Сюзанны Мартин осталось по семеро детей. В целом салемиские процессы оставили огромное количество детей сиротами.

История с колдовством требовала хорошей памяти и строгого учета, однако в 1693 году людям не хотелось ни того ни другого: даже те жители деревни, которые прежде никогда ничего не забывали, вдруг сделались жертвами жестокой амнезии. А если кто-то и искал причины случившегося, то в первую очередь спрашивал: что принесло к нам эту «чертову компанию дьяволов или ведьм»? [11] Их потомки будут призывать чтить старшие поколения, а не извиняться за сломанные жизни. Андоверу и Салему не должна достаться дурная слава Швеции. Новая Англия не собирается войти в историю как «Новая Ведьманглия»! Пройдет какое-то время, пока люди поймут, что нельзя за час пролететь по воздуху на большое расстояние и вернуться обратно (в частности, потому, что вы не сможете дышать, как в 1697

году заметит Джон Хейл). Еще больше времени пройдет, пока кто-то признает, что было загублено двадцать невинных душ. Хейл отправится в могилу, убежденный в обратном.

Утверждение Брэттла, что, когда люди ошибаются, совершенно необходимо на это указывать, тоже не нашло сторонников. Стыд затмевал чувство вины, и мало кто соглашался, что нет ничего более достойного, чем признать свою ошибку. В итоге один только неуправляемый губернатор Фипс позволял себе показывать пальцем. Он по-прежнему ругал своего главного судью-крестоносца. Стаутон же не считал необходимым защищать свои решения, да никто от него этого и не требовал. Признавшиеся отрекались от своих историй, некоторые говорили, что все придумали, чтобы сохранить себе жизнь. Некоторые обвинители и свидетели, как выяснилось, были «людьми распущенными и злоязычными» [12]. Кто-то признался, что солгал; кто-то настаивал, что ничего из собственных показаний не помнит. Складывалось ощущение, что все вдруг проснулись и старались стряхнуть с себя остатки коллективного потустороннего сна.

Мэзеры продолжали предрекать второе пришествие и вычислять его дату; Коттон в середине 1693 года пообещал, что оно случится буквально через пару-тройку лет. В той же проповеди он осудил салемские «беспрецедентные заклęcia и одержимости» [13]. Два этих слова теперь шли в одной упряжке. Ведьмы превратились в «ангелов зла». Лишь изредка кто-нибудь поминал обманщиц или «больных существ», «злых и подлых личностей, которые притворялись заколдованными, одержимыми или сумасшедшими» [14]. Недружественное поведение соседей снова стало самим собой, безо всякого двойного дна; жены могли снова вытаскивать мужей из питейных заведений и не обвиняться за это в колдовстве. Вы могли вести себя непотребно, даже откровенно отвратительно или вовсе как буйнопомешанный. Женщины снова тревожили мужчин во сне и превращались в кошек – как делали и раньше, как будут делать едва ли не до XX столетия, – но больше не оказывались из-за этого в суде. Отмечалось, что в годы, следовавшие сразу после процессов, женщинам вообще нелегко было предъявить обвинение в чем-либо. Деревенские чесали в затылках по поводу заколдованных каминов, ходячих деревьев и перемещающихся в пространстве блюд, но по большей части проявляли в отношении подобных странностей

осмотрительность, которая вылилась в новое специфическое правило Новой Англии: есть вещи, о которых лучше не говорить. После пика резонансного колдовского кризиса 1692 год оставил после себя оглушительное безмолвие. Разумеется, бóльшая часть того, о чем в Эссексе всячески старались забыть, – это именно то, о чем хотели бы знать мы.

Кое-какие ошибки были немедленно подправлены. В июне 1693 года Джон Рак, старшина присяжных, стал опекуном осиротевших, брошенных сыновей Джорджа Берроуза. Он сразу всех их покрестил. В тот же месяц вдова Джорджа Джейкобса, язвительного сгорбленного колдуна, вышла замуж за вдовца Сары Уайлдс, парии из Топсфилда. Их бывшие супруги вместе ехали под конвоем в тюрьму в середине мая. Вдова Джона Уилларда, прятавшаяся после его побоев под лестницей, в 1694 году вышла замуж за одного из Таунов^[146] [15]. Многое осталось по-прежнему. Вышедшей из тюрьмы Мэри Тутейкер некуда было возвращаться: ее дом в Биллерике уничтожили индейцы. Через два года они вернутся и зарежут Мэри, а ее двенадцатилетнюю дочь возьмут в плен. Осенью 1693 года в Мэне началась новая кровавая бойня. Массачусетские девочки продолжали прерывать проповеди и корчиться в припадках. Той же осенью Коттон Мэзер разбирался с новым случаем одержимости, первым из двух, с которыми ему пришлось столкнуться после Салема.

Единственные метлы, игравшие роль в охоте на ведьм, – те, которыми мужчины потом заметали минувший год под ковер. Власти, четыремя годами ранее из кожи вон лезшие, дабы оправдать необходимость свержения королевского губернатора, теперь не считали нужным оправдываться. 31 мая каждый из членов суда над ведьмами был переизбран в массачусетский совет, Стаунтон – с огромным отрывом, Сьюэлл – с бóльшим количеством голосов, чем Солтонстолл, который покинул должность. (Хэторн, Сьюэлл и Корвин продолжали сидеть рядом на судейской скамье и двадцать лет спустя.) Фипс своей грубостью и бестактностью продолжал отталкивать всех массачусетских избирателей. К 1693 году многие согласились с характеристикой, данной ему нью-йоркским губернатором: «машина, которой может управлять любой фанатик, презренье мудрецов и забава глупцов» [17]. Это положение дел вскоре позволило вице-губернатору, чья популярность не угасала, сесть прямо в губернаторское кресло.

Главный прокурор Чекли, сначала преследовавший ведьм, а потом посоветовавший Фипсу прекратить процессы, сохранил свой пост как минимум еще на десятилетие.

Жители Новой Англии, имевшие маниакальное пристрастие к скрупулезному ведению записей, не любили, когда что-то падало «в могилу забвения». Исключение они сделали для 1692 года – совсем как с годами пасторства Берроуза, когда Томас Патнэм переписал деревенскую приходскую книгу, опустив моменты, которые «горьки для каждого из нас в прошлом или могут оказаться невыгодными в будущем» [18]. После этой записи от 27 января 1692 года – затяжной прыжок сразу в 7 декабря, через все аресты и процессы^[147]. Стремление забыть было так же велико, как девять месяцев до этого – решимость помнить. Пэррис педантично записывал все деревенские смерти. В этот список включены две, которые он отнес к жертвам колдовства, и одна, которую относили к колдовству другие. Однако там не упоминается Джайлс Кори или кто-нибудь из повешенных жителей деревни. Одна семья просто отрубила ветвь обвинителя от своего фамильного дерева [20]. Другие маскировались, изменяя написание собственных фамилий, благо вариантов для этого существовало множество. Никто не записал, где именно проходили повешения. (Похоже, это было на треугольнике, который сегодня образуют улицы Проктор, Поуп и Бостон.) Сто пятьдесят лет дух Джайлса Кори будет бродить по полю, где, как считается, он был задавлен до смерти. Памятник событиям 1692 года будет установлен еще через сто пятьдесят лет.

Сьюэлл фактически обходит события в своем дневнике и заполняет пропуски лишь пять лет спустя. Посвященные 1692 году страницы дневника милтонского пастора, который записывал каждый удар грома и каждую свою стрижку, потеряны. Даже критики процессов, даже люди, открыто и честно фиксировавшие каждую мелочь колониальной жизни, – Томас Данфорт, например, принадлежал и к первым, и ко вторым, – не оставили никаких свидетельств. Летние проповеди Уилларда исчезли из опубликованного корпуса его текстов и записной книжки внимательного прихожанина. Писем Уэйта Стилла Уинтропа от 1692 и 1693 годов нет в его семейной переписке. В том, что описывалось как «ретроспективные заметки на полях», Мэзер уложил рассказ о

процессах в несколько страниц [21]. Все его записи о 1692 году – более поздние. (Он был так нацелен в своем письме на грядущие поколения, что о себе говорил в третьем лице – еще один признак зыбкого, внетелесного переживания.) Тот, кто интересуется правдивыми историями о привидениях, мог бы спросить, что случилось с официальным журналом судебных записей, который находился в ведении Стивена Сьюэлла и который он наверняка не выпускал из рук. Это умолчание станет свидетельством реального заговора 1692 года^[148].

Даже те, у кого имелись все основания считать, что с ними обошлись непростительно несправедливо, не раскрывали рта. В прошении о возмещении ущерба дети четы Кори отмечают, что их отца раздавили камнями. О матери они лишь позволяют себе сказать, что ее «тоже лишили жизни, хотя и иным способом». Слово «ведьмы» отсутствует в тоннах пастеризованных заявлений о компенсациях. Вместо этого семьи употребляли словосочетания «пострадавшие 1692 года», имея в виду родных, переживших «недавние неприятности в Салеме», вызванные «силами тьмы» в «это темное и странное время».

Как и пасторская изгородь, его отношения с деревенскими жителями казались испорченными безвозвратно. Не успел Фипс известить Лондон о том, как он потрясающе справился с колдовским кризисом, а Пэррис уже пригласил пятерых священников на встречу с весьма недружелюбно настроенными представителями клана Нёрсов в пасторате 7 февраля [22]. Ему требовалось заманить их обратно под свое крыло: отказ почтенного семейства участвовать в таинствах подрывал моральный дух всей конгрегации. После молитвы он расспросил их о проблемах. Они не горели желанием общаться. Пэррис предложил им вернуться через две недели. Он отлично знал их позицию: эти трое неожиданно пришли к нему рано утром, и они долго говорили в его кабинете (на этот раз он позаботился о том, чтобы развести стороны конфликта). Прося девочек называть имена ведьм, Пэррис, не стыдясь, использовал те же предрассудки, что и производители ведьминых пирожков. Как он мог клясться в суде, что кого-то можно вылечить прикосновением или повергнуть на землю взглядом? Если бы не он, бушевали сын и зять погибшей женщины, каждый в течение часа, Ребекка Нёрс сейчас была бы жива. Они

считают Пэрриса «великим обвинителем». Мужчины отказались принимать от пастора причастие, пока он не извинится.

Пэррис, вооруженный кипой литературы о колдовстве, не видел причин пересматривать свои взгляды и оставался непреклонным. «Недовольные братья», как он их назвал, вернулись на следующий день. Муж Сары Клойс первым вошел в кабинет пастора в сопровождении полноправного члена церкви. Пэррис настаивал на присутствии второй незаинтересованной стороны. Обе стороны верили, что решают свои разногласия в соответствии с предписаниями Матфея (глава 18), согласно которым для процедуры обжалования требовалось два свидетеля; таким образом конфликт плавно переходил в правильное истолкование трех стихов Писания. В конце марта 1693 года мужчины принесли петицию, без подписей и даты, призывавшую церковный совет определить границы «наказуемого побуждения» – два слова, которые большинство жителей округа Эссекс в тот год старательно не ставили рядом. Раздосадованный тем, что они консультировались с другими священниками, Пэррис спросил, кто именно присоединился к документу. Нёрсы сказали только, что говорят от имени многих в провинции. Пэррис сунул петицию в карман. «Я сообщил им, что обдумаю это», – пишет он. Прошел год с той провокационной проповеди, где он заявил: «Один из вас – дьявол!» – после чего Сара Клойс выбежала из молельни. В тот же день в Бостоне Коттон Мэзер и его жена потеряли новорожденного сына – в этой смерти Мэзер обвинил колдовство^[149].

Когда делегация во главе с овдовевшим Фрэнсисом Нёрсом пришла к нему в апреле, Пэррис сообщил, что не может говорить, поскольку спешит на частную молитву. На следующей неделе он, прикрываемый с флангов разнообразными Патнэмами и собственными дьяконами, все-таки встретился с недоброжелателями. Вынув их петицию из кармана, Пэррис зачитал ее вслух. Как они называют подобный документ? Потому что он назвал бы его клеветой. Нёрсы предъявили другую копию, на этот раз с сорока двумя подписями. Пэррис заявил о мошенничестве. Все подписи сделаны одной рукой! Хоть кто-то вообще подписал это – ошеломительное обвинение в свете обстоятельств – по собственной воле? И кстати, перед кем он отчитывается – перед недовольными селянами или перед недовольными прихожанами? Потому что это дело целиком и

полностью духовное. Стороны препирались до ночи, и их силы были равны. Ни одна семья не действовала так энергично, как Нёрсы, в части убедительных петиций и эффектных выступлений. И никто так непреклонно не добивался справедливости и точности, как Сэмюэл Пэррис, который – посвятив девять месяцев жизни тщательному фиксации свидетельств – теперь обвинялся в изготовлении фальшивок (он, кстати, был гораздо более добросовестным хроникером, чем многие, включая Томаса Патнэма).

Через месяц в пасторате состоялось большое собрание. Если дети Пэррисов еще бились в конвульсиях, то сейчас у них имелась на то причина: воинственные мужчины с хмурыми лицами громко топали по их дому, где велись бесконечные жестокие дебаты. Уже хорошо знакомые с режимом, при котором извинения редко принимались и ни к чему не приводили, который обвинял с помощью библейских цитат с точным указанием цитирования и требовал полного подчинения, дети привыкали к тяжелым шагам за дверь. В четверг, после молитвы, Пэррис повернулся к бунтовщикам. Чего им надо? Они попросили публично огласить свои претензии. Пастору удалось сдержать их натиск. Последовал совершенно нехристианский переход на личности, и ничто не напоминало о поцелуях, которые Пэррис еще в октябре так нежно продвигал в массы. Оппозиционеры обратились к Фипсу и властям провинции. Это не помогло. Осенью 1694 года они написали бостонскому духовенству. Уиллард дал указание Нойесу, Хейлу и Хиггинсону убедить Пэрриса уладить болезненную ситуацию с советом пасторов. Слово «колдовство» в этой переписке не использовалось.

Коттон Мэзер был той осенью в городе Салеме и, конечно, вновь и вновь повторял: Пэррис затевает скандал [24]. (Именно в тот его приезд призраки стащили бумаги Мэзера. Вернувшись домой, он узнал, что его молодую соседку Маргарет Рул истязали восемь демонов. На вопрос об исчезнувших бумагах семнадцатилетняя девушка ответила, что слышала, как демоны хвастались, что украли их.) Пэррис объяснил враждебное отношение деревни своим благонамеренным коллегам. Он никогда не был обструкционистом, однако всегда настаивал на порядке. Несогласные регулярно его оскорбляли. Он старался вернуть их своими проповедями; дверь церкви, настаивал пастор, оставалась открытой. («И вы, мои овцы, я

полагаю, слышите мой голос» – это не звучало для Нёрсов как приглашение и еще меньше походило на оливковую ветвь как знак примирения.) Он считал, что перепробовал немало «добрых, сердечных подходов». А тем временем отступники не хотят вернуться к божественному причастию. Его невзгоды, уверял Пэррис, нельзя сравнить ни с чем. Это был тупик. Нёрсы не станут заявлять своих претензий, пока Пэррис не назначит совет. А Пэррис не назначит совет, пока они не заявят своих претензий.

Во второй половине дня 13 ноября 1693 года Пэррис, так и не договорившийся о характере процедуры, вслух зачитал своим критикам собственные жалобы. Их у него набралось семнадцать. Нёрсы нарушают договоренности. Они подают плохой пример. Они недисциплинированы, недоброжелательны и все время обличают. Они ругают общину дома и поносят ее за его пределами. Они клеветают на своего пастора и донимают его в собственном доме. Распространяют слухи – в том числе пишут губернатору, в суд и бостонским пасторам, – что Пэррис «немиролюбив». Они заявляют, что он уже больше года не дает им молиться на своих скамьях в молельне, хотя прошло уже много времени с «разразившегося ужасного несчастья с ведьмами». Собрание продолжалось до вечера. Через две недели Пэррис сообщил Нёрсам, что церковь отклонила их требование созвать совет. Они должны принять во внимание, что в Писании говорится о примирении, и предложил несколько отрывков. Прошел целый год.

Через пару недель после того, как Фипс наконец получил от короны ответ на свое февральское письмо 1693 года относительно процессов – королева Мэри подписалась под расплывчатым текстом, в котором одобряла внимание, с каким губернатор отнесся к кризису, и советовала в будущем действовать против любых вспышек колдовства или одержимости с «величайшей осторожностью и всей возможной бдительностью», – семь пасторов снова призвали Пэрриса уладить конфликт [25]. Весь день 5 июля 1694 года он молился, держал пост и размышлял с верными сторонниками о своей проблеме. Он также отверг призыв пасторов. По прошествии времени они поинтересовались, правильно ли были поняты, и обрисовали простую стратегию примирения. Пэррис должен решить вопрос до наступления

зимы. В Бостоне начали возводиться англиканские и баптистские колокольни. Ровно два года назад Мэри Эсти взошла на эшафот.

Рука Пэрриса, делавшая записи в приходской книге, в эти месяцы теряет твердость, почерк становится все неразборчивее. Стресс он испытывал чудовищный, на него немислимо давили, добиваясь улаживания разногласий. Днем 18 ноября 1694 года он зачитал в молельне заявление, утвержденное несколькими его коллегами, – первое публичное признание, что в 1692 году были допущены ошибки, названное «Молениями о мире» (оно состояло из девяти пунктов – в противоположность его семнадцати жалобам). То, что эпидемия колдовства разразилась в его доме, Пэррис считал «весьма горьким упреком и смирявшим гордыню промыслом Божиим». В его семье имелись и обвинители, и обвиняемые; он признавал, что «Господь справедливо плевал мне в лицо». Он осудил суеверные практики, к которым другие прибегали в его отсутствие. Соглашаясь, что ошибался в своем «подходе к этим загадочным событиям», он допускал, что был не прав насчет призрачных свидетельств: дьявол может творить зло «в виде не только невиновных, но и благочестивых людей». Девочки, видевшие, как их мучает Ребекка Нёрс, говорили правду, – как и Ребекка Нёрс, утверждавшая, что она ни при чем. Тут по залу, должно быть, пробежал шорох: Нёрс была мертва и отлучена от церкви. Ему не следовало полагаться на ставившиеся девочками диагнозы. Он сожалеет обо всех неразумных словах, которые произнес с кафедры, и обо всех ошибках, которые совершал в записях показаний, – он не вызывался делать эту работу. Он выражает соболезнования всем пострадавшим и униженно молит у Бога прощения за «все мои ошибки и злоупотребления в таком серьезном деле». И о том же молит своих прихожан. Могут ли они оставить позади «всю горечь, и ярость, и гнев, и крики, и злословие», чтобы двигаться дальше в любви?

Пэррис выразил желание, чтобы прихожане «сердечно, искренне и до конца» простили друг друга – это не то же самое, что принести извинения. И добавил оговорку, которая всегда сводит на нет подобные требования: он просил прощения за нарушения, которые совершил по мнению прихожан, а не по его мнению. Как приглашение к миру тем не менее заявление было важным шагом. Зять Нёрс, очевидно тронутый, предположил, что, сделай пастор это признание хотя бы вдвое раньше, можно было бы избежать массы неприятностей. Общее

собрание назначили на 26 ноября. Несогласные сидели все вместе, к ним присоединились несколько человек со стороны. От них стали требовать дать объяснения своего выхода из церкви. Нёрсы показали бумагу, но снова отказались отдать ее в руки пастора: они не собирались обнародовать свои обвинения против него, пока не предстанут перед соответствующими властями. Пэррис добился своего.

26 ноября 1694 года, более чем через два года после падения суда по делам ведьм, Пэррис с кафедры зачитал уничижительную обвинительную речь о своем пасторстве. Фрэнсис Нёрс сидел с оригиналом в руках и следил, чтобы преподобный ничего не пропустил. Итак, Пэррис насаждал атмосферу обвинений. Девочки не давали никому молиться, и оскорбленные семьи предпочитали посещать те службы, где они действительно могли слушать проповедника. Из-за голословных обвинений они боялись за свою жизнь. Теперь они отказываются принимать причастие от человека, который не в ладах с доктриной, не демонстрирует сочувствия к ближнему и применял недоказанные методы к «заколдованным или одержимым». (Они вынудили Пэрриса выглядеть слегка сумасшедшим, совершенно оторвавшимся от остального духовенства. Однако они ни разу не обвинили его в организации кризиса.) Он свидетельствовал против обвиненных. Его записи судебных заседаний полны неточностей, его доктрина невнятна, самооправдания оскорбительны. Закончив, Пэррис задал совершенно ненужный вопрос, было ли дело исключительно в нем. Да, так и было. Отказывались ли прихожане принимать причастие от кого-либо другого? – поинтересовался дьякон. Нет, не отказывались. Среди лихорадочного шепота и общей суеты Пэррис второй раз заговорил о своих «Молениях о мире». Удовлетворены ли они его замечаниями? После горячего обсуждения Тарбелл ответил, что им нужно немного подумать. Через четыре дня они пришли в пасторат и потребовали созыва церковного совета. Извинения Пэрриса были сочтены слишком расплывчатыми.

Не от одного Пэрриса требовали той осенью объяснить свои действия. В ноябре 1694 года Уильям Фипс отплыл в Лондон, чтобы ответить на обвинения в ненадлежащем исполнении должностных обязанностей [26]. Они варьировались от растраты средств до угрозы

насилием. За два с половиной года губернаторства он не угодил ни одной бостонской фракции. Стаутон устроил в его честь прощальный ужин – виновник торжества его бойкотировал. А беды Пэрриса все продолжались. В апреле 1695 года в деревне собрался примирительный комитет, в который вошли Уиллард, оба Мэзера и пасторы из бывшей бостонской конгрегации Пэрриса. Они обнаружили промахи во всех отношениях. Пэррис делал «необоснованные и неверные шаги» в «недавний темный период смятения». Ему следует выразить сочувствие клану Нёрсов. Если прихожане все же не планируют продолжать поедать друг друга – тут снова вступила в силу рекомендация 1687 года от салемских старейшин, которые затем стали судьями на процессах о колдовстве, – они должны принять его извинения. Если окажется, что примирение невозможно, он должен уйти.

Через месяц другая группа пасторов высказалась более недвусмысленно. Пэррису пора уходить. (По крайней мере у него ситуация сложилась получше, чем у Фипса, который умер вскоре после приезда в Лондон. Стаутон – который проделал волшебную работу, собрав против него массу доказательств, – стал исполняющим обязанности губернатора и занимал эту должность почти без перерывов до самой смерти.) Проведя свадебную церемонию Мэри Уолкотт в апреле, Пэррис прочитал свою последнюю в Салеме проповедь 28 июня 1696 года. Через несколько недель в возрасте сорока восьми лет скончалась Элизабет Пэррис. Ее муж, уже третий пастор, потерявший жену в этом доме, похоронил ее в деревне – там до сих пор стоит могильный камень^[150]. Большинство членов общины поддерживали Пэрриса, который отказался уезжать из Салема, не получив жалованья. Они уже потеряли трех пасторов, потеря четвертого только осложнит ситуацию. Они подали петицию, чтобы он остался [27]. Последовал иск, за ним – встречный иск. В июле 1697 года дело рассматривали трое третейских судей, из них двое судили на колдовских процессах. Семья Нёрс пожаловалась им, что Пэррис ведет паству по пути «опасных ошибок и проповедует такую жуткую безнравственность», что должен быть изгнан из профессии. Он игнорировал одни обвинения и давал ход другим. Его клятвы были ложью. Обе стороны доходили до гипербол: критики Пэрриса утверждали, что он «принес самое огромное за все времена горе не

только этой деревне, но и всей этой стране» [28]. Третейские судьи решили не в его пользу. Пэррис вернулся в Стоу, отдаленное поселение, где проповедовал раньше. Там, сразу же впутавшись в диспут о жалованье, он продержался год.

12 августа 1696 года Сэмюэл Сьюэлл, дородный и краснолицый, с редующими седыми волосами, был ужален острым замечанием. Совершенно неожиданно его друг, родившийся в Амстердаме, заметил, что Сьюэлл, не задумываясь, поверил бы, если б кто-нибудь сказал, что перетащил на спине бостонский район Бикон-Хилл, а потом вернул на законное место. Легковерие судей по делам о ведьмах и заявления «глупцов», веривших в договоры с дьяволом, уже давно его, бостонского констебля, поражали [29]. Смысл сказанного был предельно ясен. Необъяснимо атлетичного Джорджа Берроуза повесили почти ровно четыре года назад. Этот комментарий запустил процесс, откладываявшийся, возможно, из-за затяжного падения Пэрриса. С каким бы трудом оно ни было добыто, чего бы ни стоило его пастве, но извинение Пэрриса все еще оставалось единственным признанием неправильных действий. В воздухе висело темное марево стыда.

Сьюэлл был не единственным, кто вздрагивал при упоминании незавершенного дела. В воскресенье 16 сентября 1696 года Стаутон, совет и массачусетская ассамблея собрались на молитву в бостонской ратуше. Службу проводили пять пасторов. Когда очередь дошла до преподобного Уилларда, он набросился на представителей власти. Погибли невинные люди. Почему никто не издал официального указания, чтобы просить Божьей милости? Накопившийся коллективный грех особенно сильно давил в удручающие времена, когда Бог насылал на Новую Англию неурожаи, рои мух, эпидемии, засады индейцев, провальные кампании против французов. Предсказание Мэзера, что новый тысячелетний цикл запустится в 1697 году, начинало казаться не соответствующим действительности. Та зима стала самой свирепой на памяти колонии. Бостонскую гавань сковало толстым льдом. Торговля замерла, и цены на зерно взлетели до небывалых высот. Еды не хватало. Желание припомнить события 1692 года все возрастало.

В середине ноября Сэмюэл Сьюэлл поехал на север разбираться с одним обескураживающим делом [30]. Еще до того, как Томас Мол построил в городе Салеме маленькую молельню для квакеров, он счел своим долгом сообщить преподобному Хиггинсону, что его проповеди – ложь. Такое ощущение, что этого ушлого купца нарочно послали в Новую Англию, чтобы раздражать власти: в обществе, где было крайне мало возможностей проявлять инакомыслие, он использовал каждую из них. Это Мол предпочитал бить рабыню вместо того, чтобы продать ее; это Мол бранил Хейла, когда тот молился за Бриджет Бишоп у виселицы, – она же убила одного из детей Мола!^[151] В 1695 году он напечатал в Нью-Йорке книгу, где в пух и прах разнес Массачусетс за преследования квакеров, и с восторгом отмечал, что она вызвала «серьезный переполох». Стаутон приказал обыскать его дом. Шериф Корвин провел обыск, изъяв тридцать экземпляров вредной книжки, арестовал ее автора и доставил его в салемскую тюрьму, теперь гораздо менее людную, чем некоторое время назад. Книги сожгли^[152].

Когда в ноябре дело дошло до суда, Мол предстал перед ним и за свою богохульную публикацию, и за буйное, вызывающее поведение во время предварительного слушания. Сьюэлл присоединился к двум другим судьям, и началась нервотрепка. Не облегчало положение и то, что Мол – человек, являвшийся на слушание с Библией под мышкой и свободно обращавшийся к ним как к «несправедливому высокому суду», – приравнял преследования квакеров к охоте на ведьм. Власти настолько же отвратительны, насколько выставляли таковым Берроуза. Они боролись с колдовством с помощью колдовства. Он насмеялся над деревенскими девочками с их абсурдными провидческими способностями. Как кто-либо мог подумать о них как об «истинных Христовых мученицах»? Потом Мол пошел еще дальше – поднял на смех магистратов. Пять раз заключенный под стражу и дважды высеченный, он ничего не боялся. Как смеют они сидеть тут и судить его и порицать его проступки, когда сами приговаривали к смерти невинных? Эти ханжеские душонки скорее позволят своим детям стать «жуликами и шлюхами», чем квакерами. И вуаля! Дочь преподобного Хиггинсона превращается в ведьму.

Далее Мол обратился к присяжным. Суд, напомнил он им, навлек на провинцию гнев Господень. Как могут они преследовать его за «пресловутую коварную ложь», когда сами убивали невинных и ни

разу в том не покаяться? Они утратили всякое доверие. Не было нужды подчеркивать, что все события происходили в одном и том же помещении. В 1696 году свободно высказываться или публиковаться было не проще, чем раньше, – но стало сложнее получить обвинительный приговор. Мол к тому же прибег к новаторскому способу защиты, который мог сработать только той унылой зимой. Да, его имя появилось на оскорбительной книге. Но присяжным придется пообщаться с нью-йоркским издателем. Иначе как доказать, что слова «Томас Мол» на обложке имеют больше отношения к стоящему перед ними человеку, чем человек – к своему призраку?

Присяжным, призывал он, следует все очень хорошо взвесить. Они же не хотят взвалить на себя такой же груз вины, под которым стонут другие присяжные из округа Эссекс? Любое решение – только их решение, судьи – всего лишь их приказчики (язвительный намек на пересмотренный вердикт Ребекки Нёрс). Шокировав судейскую скамью, двенадцать мужчин объявили Мола невиновным. Как это возможно, взорвался коллега Сьюэлла, если прямо перед ними лежит одиозная книга Мола! Присяжные терпеливо объяснили, что посчитали улики недостаточными. Издатель поместил на обложку имя Мола. Простые смертные не могут с точностью утверждать, что именно под этим подразумевается. Судья, брызгая слюной, кричал, что Мол, может, и избежал людского суда, но не избежит суда Божьего. Бывший подсудимый триумфально парировал: присяжные спасли его от нечестивых людей, творивших нечестивые дела.

В декабре явно назрела необходимость публичного заявления: условия походили на те, что в свое время спровоцировали всеобщий ужас перед ведьмами; Новая Англия снова находилась «на грани разрушения» [31]. Задача подготовить текст соответствующего документа легла на Коттона Мэзера. Он продолжал настаивать, что хотя и не может поддержать принципы работы судей, но говорить о них может только с почтением (в этом заявлении снова не обошлось без «тем не менее»). Они были осторожны, благочестивы, терпеливы. Они держали себя намного лучше обычных людей, которые оказались целиком и полностью в плену бредящих умов и озлобленных сердец. Он составил целый перечень пороков, в которых надо покаяться в день поста, поместив «отвратительные колдовские ритуалы» где-то в середине, между злоупотреблением алкоголем, ругательствами и

непослушанием детей – так мы прячем стыдный предмет среди всякой мелочовки на кассе в аптеке. Они, судьи, успокаивали бурю, пришедшую из невидимого мира, и это «привело к ошибкам, вследствие которых большие беды обрушились на невинных людей, и (как мы опасаемся) навлекло на нас вину, о чем мы все скорбим» [32]. К черновику Мэзера другие добавили фразы вроде «пренебрежение отправлением правосудия». Совет, в котором заседали все салемские судьи, взорвался яростью – Сьюэлл еще никогда не видел его настолько разбушевавшимся. «Отвратительные колдовские ритуалы» могут остаться в списке, но судебные ошибки необходимо из него исключить. Сьюэллу выпало переписать документ. В итоге значительно сокращенная прокламация не включала в себя ни ссылок на несправедливость правосудия, ни слов «колдовство» или «волшебство». Массачусетс раскаивался в любых ошибках, допущенных всеми сторонами в «недавней трагедии».

Эти препирательства вместе с обвинениями Мола оказали давление на Сьюэлла – как и глава из Откровения, к которой он мысленно обращался в эти недели, пока снег белым одеялом укрывал Бостон. Сьюэлл протаптывал сквозь него дорогу через два дня после дебатов, спеша к своему пастору: и его жена, и двухлетняя дочь Сара заболели. Бывший судья ведьм в ту зиму настолько же поддался чувству вины, насколько присяжные в деле Мола не склонны были поддаваться имевшимся доказательствам. На той же неделе одна бостонская женщина упрекнула его в вынесении вердикта, в который – он точно знал – его тогда «заманили угрозами» [33]. На рассвете следующего утра Сара Сьюэлл неожиданно умерла на руках няни. Семья горевала, маленькое тельце еще лежало в доме, шестнадцатилетний сын Сьюэлла читал на латыни из Матфея, глава 12. Его отец содрогнулся, когда зазвучал седьмой стих, про осуждение невинных^[153]. Это «до ужаса напомнило салемскую трагедию», – пишет он, впервые наедине с собой употребив слово «трагедия» в отношении истории с колдовством. После похорон он какое-то время пробыл один, под землей, в невероятном холоде, беседуя с мертвыми в семейном склепе. Сара была вторым ребенком, которого он похоронил в 1696 году. В течение пяти последних лет Сьюэлл терпел утраты одну за другой. Он был в отчаянии.

14 января 1697 года колония держала всеобщий пост покаяния. Все работы остановились, чтобы общины могли умолять Бога «простить все ошибки его слуг и народа» и отдельно упомянуть Салем [34]. Когда пастор проходил мимо Сьюэлла по дороге на кафедру в тот день, судья передал ему записку. Возможно, к этому его подталкивали; Сьюэлл ощущал недовольство Уилларда все это мрачное время. Его ранило пренебрежение других, он чувствовал себя отверженным. Посреди службы пастор кивнул Сьюэллу, стоявшему у своей скамьи со склоненной головой. Перед всей конгрегацией, перед раздавленной горем женой и детьми Сьюэлла пастор вслух зачитал его слова. Учитывая «непрекращающиеся удары, которые Господь посылает на него и его семью», Сьюэлл четко осознает вину, которую заработал во время суда над ведьмами [35]. Он молит Бога простить ему грех и больше не наказывать никого, не насылать беды на Новую Англию за его проступок^[154]. Когда Уиллард закончил читать это единственное насыщенное предложение, где присутствовали «вина», «стыд» и «грех» – три слова, которых старательно избегал Пэррис, – Сьюэлл поклонился в пояс и после этого занял свое место.

Можно предположить, что это было мучительно для человека, который пасовал перед критикой и плохо переносил одиночество. Это был акт публичного раскаяния, которого, он знал, Стаутон по меньшей мере не одобрит. Главный судья после этого стал относиться к нему с пренебрежением. Очевидно, он считал, что в извинениях нет необходимости и вполне достаточно указа о проведении поста. В свое время, осуждая администрацию Андроса, Стаутон указывал на необоснованные, вводящие в заблуждение юридические процедуры [36]. Оказавшись потом в немилости, он объявил себя «способным исправить ошибки предыдущего правительства» [37]. В 1697 году он не считал нужным возвращаться к беспорядочным конфликтам или юридическим промахам. В тот вечер Сьюэлл аккуратно переписал текст своей записки в дневник. В паре кварталов от него Мэзер за собственным столом беспокоился из-за «немилости Божьей» [38]. Может ли она «коснуться моей семьи из-за того, что я не проявил достаточного напора, чтобы остановить судей, когда неумолимая буря из невидимого мира атаковала страну?». Эта страница сочтена чувством вины. На следующее утро он молился и получил божественные уверения, что возмездия не будет.

Другие тоже воспользовались постом, чтобы облегчить душу. Двенадцать салемских присяжных – в том числе несколько считавших Ребекку Нёрс невиновной, пока Стаутон не предложил им пересмотреть решение, – в тот день просили прощения у Бога и у тех, кого обидели. Больше они никогда не станут делать «таких вещей при таких обстоятельствах ни для кого на свете» [39]. Пытаясь оправдаться, они признали, что находились «под властью сильного и всеобщего заблуждения». Они принимали плохие решения. В их заявлении заметны легкие нотки упрёка. Никто не постарался просветить их насчет этого запутанного дела; другие вместе с ними проливали невинную кровь. Коттон Мэзер в тот день проповедовал на тему конгрегации северной церкви и включил в проповедь приветствие магистратам и пасторам, пострадавшим за праведную службу. После этого с ним заговорил Роберт Калеф, бостонский торговец и констебль. Они уже какое-то время состояли в переписке. Мэзер определяет колдовство как контракт с дьяволом. А что, интересовался Калеф, является его источником? Мэзер, безусловно, знал, что Калеф внес залог за Томаса Мола. Но он не мог себе даже представить, каких бед еще натерпится от этого несносного сорокавосемилетнего торговца шерстью из Бостона.

В 1693 году Калеф начал работать над книгой «Еще больше чудес невидимого мира», само название которой уже было провокацией. Закончил он ее в 1697 году, а напечатал позже, в Лондоне. Раньше Калеф уже распространял непристойный листок, где Мэзер обвинялся в попытке устроить новый Салем – тем, как обращался с семнадцатилетней Маргарет Рул, сообщившей о пропавших бумагах Мэзера. Калеф предполагал, что оба Мэзера обесчестили девушку. Они ничего такого не делали, убеждал его Мэзер. Он не спрашивал, сколько ведьм набросились на Маргарет. Он подчеркивал, что она *не* должна называть имен. Его отец ни в коем случае не дотрагивался до ее живота. Зачем, если чертенок, наставший на нее заклятие, сидел, как она говорила, на подушке? (Этим строчкам он уделил нехарактерное внимание, правя и вычеркивая больше обычного [40]). Один друг Мэзера предоставил Калефу заметки пастора, где описывались бредовые высказывания Маргарет и ее левитация. Калеф их обнародовал – сплошной стыд, ведь прошло пять лет после Салема. Мэзер осудил автора пасквиля с кафедры и едва не добился, чтобы его

арестовали за клевету. Каллеф соглашался, что ведьмы существуют, но утверждал, что Писание не предлагает надежных способов их опознания. Вешая ведьм, вы ни в коей мере не доставляете дьяволу неудобств. Люди, считал он, должны воздерживаться от вмешательства в божественные дела. Они обычно все портят.

Непосредственные баталии велись не с совестью, а с честью: обычно было легче договориться, чем добиться оплаты по счетам. Когда Джордж Корвин умер снежным весенним днем 1696 года, Филип Инглиш, очевидно, пригрозил украсть его тело [41]. Он его вернет, ревел бывший беглец, только в обмен на часть поместья стоимостью полторы тысячи фунтов, конфискованного покойным шерифом^[155]. Вид собственной коровы с обрезанным хвостом, разгуливавшей по участку Корвина, приводил Инглиша в бешенство. Его много раз потом вызывали в суд за неуплату церковного налога (и в конце концов он оказался из-за этого в тюрьме) и за подрыв авторитета членов салемского правления (куда его самого избрали за несколько недель до обвинения). Он называл пасторов и судей грабителями. Он отказывался молиться в молельне, «зараженной» пуританами. Салемская церковь была «церковью дьявола». Он продолжал поносить духовенство и в 1722 году, когда суд вынес ему обвинение за то, что он назвал Николаса Нойеса – уже двадцать один год как лежавшего в могиле – убийцей. По семейной легенде, на смертном одре Инглиш проклинал Хэторна.

Естественно, никто не делал столько попыток анализировать события, сколько Коттон Мэзер. По своему обыкновению он подступал все ближе и ближе к сцене, помещая себя в Салем чаще, чем в 1692 году: читатель его более поздних заметок предположит, что он сам посещал судебные заседания. Учитывая, как активно он ставит себя в центр событий, можно понять, почему его вскоре начнут считать их виновником. Хотя на самом деле он предлагал любое посредничество, отвергал призрачные свидетельства, не был ни на одном слушании и не выдвигал обвинений^[156]. На сей раз причинно-следственная связь не представлялась слишком важным вопросом: первопричина нашествия ангелов зла интересовала Мэзера меньше, чем его практическая польза. Для того чтобы извлечь ее из этих «колоссальных и необыкновенных событий», он и написал «Чудеса невидимого мира». Он никогда не жалел ни об одной их странице, несмотря на

неприятности, которые доставила ему «заклейменная книга». Никогда он не усомнился и в «незапятнанной верности» судей. Он выяснил кое-что, долго ему не открывавшееся: политические соображения грубо изуродовали соображения морали. У Мэзера в конце 1692 года или вскоре после появилась одна теория. Не было ли это вторжение ангелов зла, размышлял он в дневнике, «задумано адом в противодействие моим жалким попыткам направить души людей к райским вратам?» [43]. Авторство этой идеи он приписывал другим людям^[157].

Мэзер привнес нечто большее, чем простое объяснение, в свою версию жизнеописания Уильяма Фипса, вышедшую в 1697 году сказку, призванную оправдать провальную администрацию и людей, из которых она состояла. Там он повесил ответственность за салемскую эпидемию на увлекающуюся заклинаниями и предсказаниями молодежь. Книжки про всякие суеверия отравляли неокрепшие умы и призывали дьяволов «самым поразительным образом» [44]. Он все еще настаивал на дьявольских договорах, но оставил идею ведьмовских шабашей. К счастью, Фипс приехал в самый критический момент и сформировал авторитетный суд. Судьи действовали эффективно – возможно, даже слишком. Однако на кону стояло свержение правительства: Сатана пытался вырвать у них из рук с таким трудом добытую новую хартию. Мэзер перевыпустил июньский «Отчет по итогам совещания пасторов», по крайней мере его фрагмент. На этот раз он опустил предварявший книгу призыв к оружию, как и завершавшую рекомендацию «обвинять быстро и энергично». Пастор, писавший в политических целях, с восторгом сообщал, что его враги были «серьезно расстроены публикацией» [45].

Он не забыл о Швеции, хотя больше не говорил про улыбку Бога, которую когда-то обещал судьям по колдовским делам в награду за их труды. Вместо этого он предположил, что и там тоже все закончилось недоумением. Как могли в Колонии Массачусетского залива справиться лучше, когда королевство Швеция и то не смогло ничего поделаться со своим колдовством? (Вообще-то оно смогло. Дети солгали.) Как и присяжные, он указывал пальцем на дьявола и зашоренность людей. «Целые толпы свидетелей» могли поклясться в том, что видели [46]. Закончить с этим предметом ему оставалось лишь парафразом любимого раннехристианского автора: «Дьяволы

могут заставить человека видеть вещи, которых не существует, так, словно они существуют». Каждый был жертвой.

Мэзер не выражал сожалений – все его сомнения отражены в дневнике и никогда не покидали его страниц. Однако он не мог стоять в стороне от данного вопроса – тот все время беспокоил его, как шатающийся зуб. Он не даст опуститься занавесу в пьесе «История о колдовстве» и будет годами всячески поддерживать к ней интерес, о чем в итоге пожалеет. Стаутон выбрал путь молчания и избежал позора. Мэзер вписал себя в повествование. В своей «Магналии» 1702 года – эпической истории Новой Англии, куда вошло и житие Фипса, – он целый том посвятил чудесам. Он подробно рассказал о случае Гудвинов. Он встроил в салеменскую эпидемию индейских вождей. Он давно подозревал, что их «ужасные волшебники и адские заклинатели» сыграли существенную роль в этой «необъяснимой войне» [47]. Одна казненная ведьма, утверждал пастор, видела их на шабашах вместе с отрядом французов. Они сообща замыслили уничтожить Новую Англию.

Когда «Магналия» вышла из печати, пастор из Беверли Джон Хейл выпустил совершенно иной рассказ о процессах. Он пять лет ждал, что кто-нибудь еще попробует разобраться в этом эпизоде. Никто этого не сделал. Хейл, пусть и не замечавший воровства в собственном доме, был на редкость хорошо квалифицирован для подобной задачи. Он видел изначальное смятенное состояние девочек. Он провел бесчисленные часы в зале суда, на слушаниях и казнях, рядом с Пэррисом и Нойесом, и пользовался их доверием. Он свидетельствовал против трех женщин. Теперь же он просто старался как-то примирить непреложную правду о гибели невинных с убеждением о справедливых действиях судей. «Но такова была тьма, – причитал он, – муки и плач заколдованных, и власть более ранних прецедентов, что мы двигались как в тумане и не могли разглядеть пути» [48]. Он отчаянно пытался избавиться от чувства вины – нужно больше делать для облегчения участи тех, чьи поместья и репутации лежат в руинах, – и установить необходимые безопасные способы обнаружения колдовства. Он ближе всех подошел к признанию ошибок, однако его бросало из стороны в сторону. Скорее всего, они оказались слишком яростными в своих обвинениях, но и в будущем не должны быть чересчур снисходительными. Хейл намекает, что у него

имелись «особые причины» обратиться к этой теме, пока он жив: может, он уже осознал, что осудил одну женщину, приняв ее за другую; может, и нет. Он основывался на тех же соображениях, что и Мэзер, за исключением индейцев, политической повестки и личной обиды. Хейл признал одну вещь, которую никому из нас не было бы легко признать: события 1692 года заставили его «более тщательно рассмотреть и поставить под вопрос принципы, сформированные в течение всей жизни, и продолжать ставить их под вопрос, и отвергнуть многие из них». Он неловко прокрадывается мимо наполовину высказанной мысли: скорее вера в колдовство, чем сами ведьмы, взбаламутили Салем.

Кризисы порождают два типа мемуаров: «я не виноват, меня там не было» и «если бы меня там не было, все сложилось бы намного хуже». Салем получил только первый вариант. Герои себя не раскрывали. Джон Хиггинсон, старший пастор города, написал предисловие к труду Хейла, в котором тоже указывал на Сатану. Двадцать человек встретили «трагический конец» [49]. Некоторые из них, возможно, невиновны. Некоторые из тех, кто избежал суда, возможно, виновны. Он признавал сомнительность судебных действий, несмотря на абсолютную безгрешность судей и присяжных. Позднее он полностью отмежевался от процессов. «Я мало на что влиял, – писал он, ссылаясь на возраст (ему тогда было семьдесят шесть), – и не имел возможностей (ни физических, ни умственных) разбираться в происходящем и судить о нем». Хиггинсон ни против кого не свидетельствовал, но был лично вовлечен в процесс. Он проводил в зале суда молитвы. Он знал каждую деталь каждого заседания. Его сын много дней записывал показания, а дочь провела часть 1692 года в заключении. Записи Хейла – смелое высказывание на опасную тему, которое он решил не публиковать при жизни. Однозначно по задумке автора, «Скромное исследование природы колдовства» увидело свет только в 1702 году, через год после смерти Стаутона.

Примечательно мало следов неодобрения сохранилось среди властей или относительно их действий^[158]. Родители все так же посылали детей учиться к преподобному Нойесу. Коттон Мэзер читал надгробную проповедь на похоронах Муди спустя пять лет после того, как Муди помог бежать Инглишам. Сьюэлл в 1697 году посвятил

апокалиптический трактат Стаутону, который, в свою очередь, посвятит себя отпору набегам индейцев и разрушению планов французов. Ставший главным судьей (снова), советником и вице-губернатором, Стаутон еще несколько лет служил верховным главнокомандующим вооруженными силами колонии, а также исполнял обязанности судьи по делам судоходства. Чтобы его заменить, потребовалось бы несколько человек. Сьюэлл находился у его постели 4 июля 1701 года. «Молись за меня!» – были последние слова шестидесятидевятилетнего судьи к своему старому верному коллеге [51]. Он протянул руку, когда его гость уходил, и Сьюэлл ее поцеловал. Через три дня Стаутон умер. Уиллард читал надгробную проповедь, в которой, возможно, слишком долго говорил о нежелании усопшего покаяться. Порой даже лучшие из людей дразнят Бога, заметил он, так что «хоть Бог и любит их самих, все равно не одобряет поступков, которые они творят» [52].

Через два дня после визита Сьюэлла Стаутон закончил свое завещание. Начиналось оно стандартно: «Нижайше прошу о прощении и верю в прощение всех моих грехов, больших и малых, в сердце и в жизни» [53]. Этот документ – образец просвещенной щедрости: если судить человека по его последним желаниям, Стаутон был так же сострадателен, как и методичен. Он никого не забыл, от своей экономки и швейцара у дверей совета до Гарвардского колледжа, которому оставил землю, четырехэтажное здание и стипендиальный фонд. Он поддержал одного бедствовавшего и достойного стипендиата. Он пожелал, чтобы несколько комнат Стаутон-Холла были всегда зарезервированы для студентов-индейцев, причем бесплатно. Вместе с тем он выделил отдельные средства на образование индейцев. Большую сумму Стаутон завещал школе Дорчестера, большой земельный участок – милтонским бедным. Целое столетие он оставался самым крупным меценатом Гарвардского колледжа [159].

А Мэзер и Мол продолжали свою битву: Мэзер возлагал ответственность за войну с индейцами на квакеров, Мол – ответственность за колдовской кризис на «Чудеса», эту «массу темной, запутанной, эфемерной материи» [54]. Туча никак не рассеивалась, требования возмещения ущерба и восстановления репутаций множились. Как обычно, делалось различие между «ошибками и

оплошностями» в процессах и «старанием и добросовестными устремлениями почтенных судей», как выразилась группа просителей, обратившихся за помощью [55]. (Священники подавали петиции за осужденных, хотя среди подписантов не оказалось ни одного салемского пастора – ни из города, ни из деревни.) На этой земле лежало проклятие. Там, где недавно ведьмы были объяснением недовольства Бога, теперь таким объяснением стало бездарное отправление правосудия. Как предупреждал Брэттл, непросто освободиться от чувства вины. Рана гноится, а воспоминания об оскорблении наносят больше вреда, чем само оскорбление, – 1692 год доказал это со всей очевидностью.

Через двенадцать лет после того, как Энн Фостер, ее дочка и внучка показывали друг на друга пальцем, Майкл Уигглсворт, священнослужитель из Молдена семидесяти трех лет, человек щепетильный и чувствительный, написал Инкризу Мэзеру о своих опасениях^[160]. Этот престарелый политик когда-то учил Сьюэлла и обоих Мэзеров. Как очень часто случается, желание справедливости выросло из ощущения несправедливости. В тот год фермам Новой Англии угрожала засуха, и Уигглсворт боялся, что «у Господа с нами спорная ситуация – насчет наших действий во времена колдовства» [56]. Судьи были обмануты дьяволом или «дьявольскими уловками». Они пролили невинную кровь, за которую так и не взяли на себя ответственность. Он понимает, что это запретный вопрос, но выбора нет. Особенно его возмущает разграбление угодий, такого никогда не бывало при расследовании предыдущих дел о колдовстве. (Не то чтобы до 1692 года встречалось много состоятельных ведьм^[161].) Неспособность выплатить достойные компенсации семьям осужденных в «предполагаемом колдовстве» усугубляла стыд; проклятие не будет снято, пока суд не загладит свою вину. Он торопил Мэзера разобраться с ситуацией. (Пятью годами позже Филип Инглиш и еще двадцать человек все еще громко требовали компенсаций, при этом не забывая уважительно кивать в сторону судей. Инглиш подал иск о возмещении без малого тысячи двухсот фунтов. В 1718 году он получит триста.) Ни один судья не выступил с заявлением, как предлагал Уигглсворт. А тот единственный, кто это сделал, довольно скоро пожалел о своей смелости: когда в 1720 году Сэмюэл Сьюэлл

увидел, что пишется в книгах по истории, он пришел в ужас [57]. Его унижительное признание сохранится в памяти потомков!

Оставалась еще одна проблема. 25 августа 1706 года Энн Патнэм – младшая стояла перед конгрегацией деревни Салем, ожидая принятия в полноправные члены церкви. Ей было двадцать семь. Родители умерли, оставив на ее попечении девять братьев и сестер. Замуж Энн не вышла. В более благоприятные времена она подверглась нападению минимум шестидесяти двух ведьм и колдунов. Среди них – ее бывший пастор, теперь мертвый; соседка, теперь мертвая; юная Дороти Гуд, теперь сошедшая с ума. Она свидетельствовала под присягой против семнадцати из девятнадцати повешенных. В течение восьми месяцев вся община ловила каждое ее слово. Сейчас она стояла тихо, а новый пастор – с той самой кафедры, в которую она, как безумная, когда-то тыкала пальцем, указывая на желтую птичку во время проповеди Лоусона, – зачитывал ее признание. Бывшая провидица просила прощения у односельчан, родственников которых обрекла на арест или осуждение. Она глубоко сожалеет, что стала причиной такой беды. В частности, Энн приносит извинения семьям Нёрс, Эсти и Клойс, ряды которых в деревенской молельне к 1706 году сильно поредели. Они были невиновны. Энн дважды напомнила собравшимся, что действовала в тесной связке «с другими». Тот, кто писал текст ее заявления, явно держал перед глазами извинение присяжных: как и они, Энн признавала, что вела себя «невежественно и неосознанно» [59]. Она тоже не могла «ни понять, ни вынести таинственного морока, насланного силами тьмы и князем, господствовавшим в воздухе». Трижды в этом коротком выступлении она указывает, что была «инструментом» в его замысле.

Не требовалось дальше искать виновника. Это он – их постоянный и безжалостный спутник, так неумолимо присутствовавший в воздухе, которым они дышали, обитатель каждого массачусетского городка – вынуждал их творить такие вот вещи. В салемской деревне, как и везде, он снова выполз на передний план, все о нем говорили. В особенно пылком обращении Мэзера 1693 года дьяволы так и кишат повсюду, «наблюдая, желая, пытаюсь нас пожрать» [60]. А тем временем ситуация мало-помалу менялась. Ведьмы и колдуны постепенно превращались в мучениц и мучеников. Пройдут годы, прежде чем кто-нибудь спросит: а чей это был морок;

прежде чем кто-нибудь посмеет предположить, что судьи сами были подручными главного мага, что их, а не деревенских девочек следует считать «глупыми слепцами», одержимыми, пусть лишь «невежеством и безрассудством» [61]. Но это все равно не давало ответа на вопрос: что же все-таки произошло?

Требования возмещения становились все более эмоциональными, и в 1710 году массачусетские законодатели учредили комитет по обработке прошений и реабилитации салемских пострадавших. (И все равно они продолжали считать, что просто осудили не тех подозреваемых ведьм и колдунов.) В октябре 1711 года большинству жертв вернули добрые имена, а некоторые семьи получили компенсации тюремных издержек, но ответственности никто так на себя и не взял. Новое постановление оправдывало тюремщиков, констеблей и шерифов. О судьях в нем не говорилось. Многие спорили с логикой комитета, которая оставляла открытыми старые раны и всюду добавляла новых оскорблений. Мэзер специально приехал в Салем, «дабы попытаться излечить там всякую склонность к раздорам» [62]. Абигейл Хоббс была вознаграждена за свое эпатажное признание. У Уильяма Гуда, обвинившего собственную жену, дела шли особенно хорошо. Требования возмещения убытков не прекращались, но никто из причастных к этим убыткам не бежал с позором. Мы знаем, что только один свидетель раскаялся, уже на смертном одре, и признал, что его показания против Бриджет Бишоп безосновательны [63]. Искать виновных казалось бессмысленным, как казалось невозможным искать смысл в событиях 1692 года. Мало кто был невиновен – за исключением разве что повешенных.

До того как Пэррис допустил, что их околдовали, до того, как они превратились в провидиц или мучениц, до того, как кто-либо заподозрил их в «подлом мошенничестве», Абигейл Уильямс и Бетти Пэррис считались одержимыми демонами [64]. К этому же диагнозу они вернулись, когда выросли в молодых женщин^[162]. По всем параметрам ранние салемские симптомы совпадали с симптомами Элизабет Нэпп, детей Гудвинов и двух юных особ, к постелям которых Мэзер поспешил уже после Салема. Мы никогда не узнаем, что вызвало недомогание девочек, было ли это больше связано с состоянием их душ или с тяжелой каждодневной работой,

родительским вниманием или невниманием. Ощущение покаяния, бормотание и кривлянье, изъязвленная кожа и вывернутые конечности, извивы языков и выгибание спин, бред, исступление, «гневные обвинения против воображаемых людей» – все это, однако, точно совпадает с тем, что невролог XIX века Жан-Мартен Шарко, а вслед за ним и Фрейд называли истерией [65]. Где в XVII столетии видели дьявола, мы сегодня склонны узнавать перегруженную нервную систему. Что недавно называли истерией, мы зовем сегодня конверсионными расстройствами, при которых тело как бы дословно переводит эмоции в соматические симптомы. Сублимация страданий может проявить себя физически, взяв тело в заложники. Зарисованные Шарко истерические конвульсии до мелких деталей походят на сцены, шокировавшие Деодата Лоусона.

Условия способствовали этой вспышке. Разговоры в окружавшей Бетти и Абигейл среде ходили тревожные, гневные, апокалиптические. Дом, и так холодный, погружался в еще больший холод. Хмурые члены церкви входили и выходили из пастората, выражая крайнее недовольство. Бетти и Абигейл никуда не могли скрыться от этих разгневанных мужчин в темные и унылые месяцы начала 1692 года, когда смерть ощущалась рядом, а обвинения в колдовстве множились [67]. Сыграло роль и то, что девочки жили в небольшом, герметичном пространстве, отлично подходящем для театрального представления (и неплохой детективной истории) – гораздо реже обвинения в колдовстве исходили из больших городов. В изолированном сообществе, в тесном доме, люди, гипотетически ставшие причиной отчаяния девочек, были в то же время единственными, к кому девочки могли обратиться за помощью. Визит ли Сары Гуд, послание с кафедры священника или какой-то внутренний надрыв – что-то их сломало.

Их состояние похоже на форму так называемого эмоционального ларингита, когда истерию сопровождает ощущение нехватки воздуха. Девочки выражали в припадках то, чего не могли выразить в словах или чего никто не слышал в их словах^[163]. Мэзер и Сьюэлл ошибались насчет предпочтения молний бить по пасторским домам^[164]. Но Пэррис был прав, когда заметил, что дьявол метит в самых благочестивых. Истерия предпочитает пристойные, чинные дома, где трения прячутся глубже: понятно, почему под крышей у салецкого

пастора оказалось больше жертв колдовства, чем где-то еще [68]. (Удивляет, что их не оказалось еще больше. Двое детей Пэрриса не участвовали в колдовских играх – и полностью забыты историей.) Девочкам всю жизнь велено не вертеться и сидеть тихо – хорошо воспитанные, послушные Бетти и Абигейл начали корчиться и вопить. Они не могли выпускать пар, как делали громкоголосые, бесконечно замышлявшие шалость, плохие девочки Абигейл Хоббс и Мэри Лэйси – младшая, которые, кстати, вполне могли верить, что подписывали пакты с дьяволом, – и не исключено, что сделали бы это, если бы им предложили. В пасторате же легче было иметь видение, чем мнение.

Конверсионное расстройство тоже уважает глубинку, женщин (особенно молодых) и тех, кто лишился отцов. Оно нередко навевается в монастыри, школы и больницы – заведения с тесными связями и эмоционально заряженной атмосферой. Фрейд отмечает, что смысленный ребенок с тонким восприятием страдает первым. Симптомы очень заразны, особенно, конечно, если ребенок происходит из самой уважаемой семьи в городе. (Таким же образом благочестивые люди чаще замечают дьявола. Одержимость редко случается при отсутствии активной набожности.) Ведьмин пирожок вывел на сцену полноправный член церкви, что потребовало жесткого вмешательства Пэрриса. Самые праведные члены сообщества – и более ортодоксальные пасторы – скакали во время дьявольской церемонии по пасторскому полю. Девочки, вероятно, знали о деле Гудвинов. Взрослые знали определенно. И когда взрослые говорят, что ты заколдована, вряд ли сразу же избавишься от симптомов. Уколы на твоих руках могут начать причинять больше дискомфорта – так, начинает чесаться кожа головы, когда кто-то говорит про вшей.

В самом сердце общины Бетти и Абигейл уже завладели ее восторженным вниманием, о чем очевидно мечтали другие. Мэри Роулэндсон была откровенна. «Еще до того, как я узнала, что такое страдание, – признавала она в своем захватывающем приключенческом триллере, – я временами была готова его желать» [70]. Вряд ли она оказалась единственной в Новой Англии женщиной, мечтавшей об испытании, которое сможет доказать ее святость. Элизабет Нэпп плакала не только из-за того, что вела духовно несостоятельную жизнь, но и оттого, что «работа была ей

невыносима» [71]. Никто не наказывал заколдованную девочку и не посылал ее за хворостом. Элизабет Хаббард больше не посылали по страшным поручениям, во время одного из которых за ней погнались волки; немало золушек в итоге освободились от своих обязанностей. (Энн Патнэм – старшая первая из заколдованных взрослых женщин оказалась настолько истощена именно потому, что девочки, от труда которых она зависела, забились в припадках. У нее имелся повод горевать, но гореванию в Массачусетсе XVII века практически не оставалось времени. Где-то еще оно проявлялось полным отчаянием.) Родители смотрели на своих «пораженных» чад с нежным беспокойством, братья и сестры – наверняка со злой ревностью. В другой подобной вспышке юная девушка сделала вывод, что родители отдавали ее бившимся в конвульсиях сестрам «гораздо больше любви и жалели их больше, чем когда-либо раньше» [72]. Очень скоро у нее появились те же симптомы, что у них.

В обвинениях заколдованные описаны «зачахшими, истощенными, истраченными и измученными» [73]. Никто из увидевших девочек не заметил бы первых трех пунктов: еще никогда в жизни их так не баловали. Безусловно, это само по себе было искушением, приглашением к симулированию болезни. Один свидетель защиты заметил, что заколдованная девочка начинала корчиться каждый раз, «когда мать говорила с ней жестко» [74]. Элизабет Нэпп не только оставалась здоровой на фоне все усиливавшихся агоний, но и набрала вес. (Как и пасторам, девочкам требовалась аудитория. В 1693 году юная заколдованная возжелала внимания самого губернатора. Элизабет предупредила, что ей не станет лучше, пока в Бостоне не соберется конклав пасторов и дружно за нее не помолится – еще одна версия поездки в град золотой.) Она дала понять, что остается еще много поводов для самобичеваний и духовной растерянности, а также дьявольских искушений, от которых необходимо освободиться; подобную тоску испытывали дети Сьюэлла и Гудвинов, когда рыдали о растраченной впустую жизни. И без того за каждым кустом прятался в засаде индеец, в каждом дворе маячил призрачный француз^[165]. Каждый ребенок имеет близкую связь с монстром, живущим у него внутри. Но и взрослые могут, проснувшись, обнаружить у себя не привычную гладкую руку Генри Джекила, но смуглую, шишковатую лапу Эдварда Хайда.

Действительно ли заколдованные ощущали щипки и уколы? Считается, что кожа у человека в истерии необычайно чувствительная, особенно поздно ночью [75]. На ней легко остаются синяки. Кроме того, деревенский житель XVII века вполне мог ощущать метафорические укусы и кинжальные удары. От хорошей проповеди ожидалось, что она пронзит вас до мозга костей. Коттон Мэзер называл зимы «щиплющими и пронзающими»^[166]. Ему казалось, что в зимнем дне больше часов, что давало больше времени для размышлений. Пуритане изъяли из календаря все праздники и получили рабочий год триста дней. Это способствовало их невероятной продуктивности, а заодно обрекало, как отмечалось, на «самую скучную жизнь в истории западной цивилизации» [78]. У девочек вообще не было передышек во время самых унылых, самых замкнутых месяцев в году, когда небо низко, а семья – гнетуще близко.

Верили ли они на самом деле, что видели Деливеранс Хоббс на потолочной балке, а Джона Проктера – на коленях пристава? Они просидели всю зиму безвылазно дома, вокруг – пепельно-серое небо, засыпающее землю снегом, внутри – побеленные стены и ноль украшений. Известно, что визуальная монотонность может провоцировать галлюцинации (интересно, что здесь не было обонятельных галлюцинаций и очень мало было бестелесных голосов). Не так уж и сложно нафантазировать что-либо в лихорадочном беспокойстве. Девочка, состоявшая в очень близких отношениях с миром неведомого и хорошо подкованная в Писании, фантазировала с особой готовностью. Молитва делает вымышленные образы четче, дабы дать привилегию вымышленному миру над реальным, в котором подросток уже ориентируется [79]. Вероятно, не случайно самые образованные деревенские девочки с особым азартом участвовали в действе. Также и в Швеции – умная, острая на язык одиннадцатилетняя сирота оказалась в эпицентре кризиса [80]. В голове у нее бились искореженные версии девичьих страхов, сцены из Писания, прилипчивые домашние проблемы, бурлящее варево из грехов и ошибок, осколки снов и ночных кошмаров, ошметки сплетен и политических метаний – настоящий Шагал с котами у дверей и соседями в саду. В каком-то смысле заколдованные втянулись в «чтение вслух по ролям» – всю жизнь просидевшие на литургической диете из тигров и драконов, они стали отвечать черными кошками и

дикими зверями. Другими словами, как сказал один современный историк о нашем синхронизированном воображении, «у Девы Марии в XVII веке было больше шансов явиться французскому крестьянину, чем жителю среднешотландской низменности» [81]. Более того, «заколдованные» заставляли вымысел звучать в унисон с собственными реальными историями. Сюзанна Шелден пережила нападение индейцев – и сообщала об ужасных зверствах там, где Энн Патнэм – старшая видела мертвых младенцев. Обе они предъявили миру изображения своих тревог. Это правда, как указывал Брэттл, что нельзя видеть с закрытыми глазами. Но что мы видим, когда закрываем глаза, – и кто может подтвердить это или опровергнуть?

Когда девочки постарше начали биться в конвульсиях, в игру вступили дополнительные силы. Пятеро из тех, кто вскоре станут самыми яркими обвинительницами, впервые вышли на сцену лишь после напористого свидетельства Титубы. Все они были служанками и достигли возраста, когда подростки с восторгом бросаются из засады на взрослых, когда зависимые условия приводят к бунту. У них могла иметься программа, которой они следовали более осторожно, чем Абигейл Хоббс. Они уже познали проблемы, пока незнакомые девочкам помладше, уже углубились в чашу греха и соблазнов, которую так искусно обрисовала Элизабет Нэпп. Они лучше улавливали конфликты, требования, секреты и авансы взрослых, лучше чувствовали волков в овечьей шкуре. Играл ли тут роль элемент сексуальности? Можно как угодно расценивать уколы, клевки и щипки, брошенные в пространство вилы, выгнутые с намеком спины и яростно сжатые колени. До нас не дошло ни одного конкретного свидетельства. В основном на ведьм в их постелях жаловались мужчины. Но что в юности не сопряжено с эротическими страхами и вожделением? [82] Битва за душу мечущейся и стонущей молодой женщины, конечно же, щекотала нервы кое-кого у ее кровати. А мужские отзывчивые руки никак не могли быть нежеланными. В 1693 году Маргарет Рул прогнала собравшихся вокруг ее ложа женщин, но не мужчин. Особенно активно она останавливала одного молодого посетителя: схватив его за руки, девушка усадила юношу обратно на место.

Истерия заразна и все время требует внимания. Экстравагантные самобичевания вполне естественны для подростков. Как, должно быть,

нелегко неудовлетворенному, обездоленному девятнадцатилетнему существу вроде Мерси Льюис упустить шанс попасть в свет софитов! [167] Разве кто-нибудь когда-нибудь раньше слушал затаив дыхание каждое ее слово? Джордж Берроуз точно не слушал. Для девочек, лишившихся отцов, заколдованные справились прекрасно: они завоевали общество и сочувствие всех мужчин, каких знали (кроме Джона Индейца, до Андовера не было ни одного обвинителя-мужчины). У многих имелись причины для травмы; некоторые совершенно точно разыгрывали спектакль. Театр – давнее убежище для несчастливого детства. Возможно, когда Мэри Уолкотт пришла поздравить преподобного Лоусона с возвращением в деревню, она принесла с собой послание бывшего прихожанина. Также возможно, что она явилась к нему в дом как предзнаменование грядущих чудес: это была одна из двух девочек, на чью способность видеть призраков Пэррис особенно полагался. Девушки постарше вступили в продуманный сговор друг с дружкой и с некоторыми взрослыми. Иначе телепатические сцены в зале суда организовать было нельзя. Сюзанна Шелден не сама связывала себе запястья. Младшая Энн Патнэм и Элизабет Хаббард не поодиночке догадались, что Берроуз – заклинатель, выше по званию, чем простой колдун, – невиданное прежде в Массачусетсе разделение. Несмотря на адские муки, племянница Пэрриса сумела как-то добраться до таверны и очень кстати обнаружить там молодого человека с рапирой, который смог спасти ее от призрака.

Мы никогда не узнаем, какого размаха достигла эта эпидемия фальши и лицемерия. Смелые пророчества множились, как указания гениального режиссера. Не составляло большого труда их сочинять, по крайней мере настойчивому ребенку, обладавшему даром хорошо складывать слова. В 1720 году аналогичный случай колдовства вспыхнул в пятидесяти километрах к западу от салемской деревни [83]. В центре находилась начитанная одиннадцатилетка с цепкой памятью, верная младшая сестра, секретный контракт и лестница для сцен с полетами. Оказывается, не так уж сложно щипать себя за лоб или впиваться зубами в собственную руку. Когда ты запускаешь через весь молельный зал свою муфту, а вслед еще и ботинок, – скорее всего, ты сводишь счеты, а не страдаешь от заклятия или истерии. И до нас до сих пор доносятся недвусмысленные намеки: обвинительницы

пытались развернуть вспять собственные обвинения. Девочки признавали, что жаждали веселья [85]^[168]. В кои-то веки они не дрожали от страха перед своими хозяевами, а сами командовали парадом – или так казалось; один судья сломал свою трость, пытаясь достать ею призрака. В этом отношении Салем также переворачивает привычные условности. Это назидательная сказка, но поставленная с ног на голову: дитя плохо себя ведет, а наказан за это окружающий его мир.

Галлюцинации ли, фантазии ли – но так, в переработанном виде, пораженные колдовством дети предъявили миру все, что впитали от взрослых: угрозу вторжений, исторические пророчества, библейские образы, местные сплетни. Они знали, что в плаще Сары Гуд имеется дырка, а у Деливеранс Хоббс – рана в боку, полученная до мнимой поножовщины в таверне. Они знали имена выдающихся, неприятных или враждебных членов других сообществ, включая строптивых топсфилдских подростков. Вопрос не в том, почему они пересказывали абсурдные сказки, но почему именно в 1692 году им поверили. Легче понять реальные или придуманные видения подростков, чем фантастические бредни окружающих их взрослых. («На самом деле, – считает современный психиатр, – даже с психически здоровой девочкой-подростком может быть что-то не в порядке» [86].) То памятное первое свидетельство Титубы фактически не имело никакой религиозной основы, к тому же было весьма расплывчатым. Взрослые преобразовали подростковые беды, добавив к ним повестку дня (Патнэм), осуждение (Хэторн), одержимость (Мэзер со своей фиксацией на Швеции), наделив девочек силами, о которых те, вероятно, и не подозревали^[169]. Волшебные истории – это ведь тоже коллективные упражнения, бабушкины сказки, на которые мужчины навели лоск. И сохранили их тоже мужчины. Хэторн задавал юным девам наводящие вопросы и частично подсказывал ответы, вкладывая в их уста знакомую, но извращенную историю, перекроенную из священных текстов, звучавших с массачусетской кафедры. Совпадение ли, что именно Хэторн в 1689 году снимал под присягой письменные показания о якобы плетущемся Андросом заговоре – зловещем плане уничтожить Бостон, захватить все города Массачусетса и принести колонистов в жертву врагам-язычникам? Хэторн тогда обнаружил, что Андрос ради своей выгоды подкупал

индейцев, раздавая им золотые кольца, деньги и тексты, которые, как он утверждал, «лучше Библии» [87]. Этот «чудовищный план» все время пробивается сквозь салемиские свидетельские показания – политический заговор, переименованный в заговор религиозный. Слепые суеверия повлекли за собой обвинения. Поспешные политические решения плюс внимательный, выверенный, информированный анализ ситуации повлекли за собой аресты.

В этой ситуации уж слишком явно из-за условной занавески торчат носы ботинок Томаса Патнэма. Перед тем, как в тот слякотный понедельник в конце февраля сесть на лошадь и ехать подавать иск о колдовстве, он вполне мог считать себя проклятым: проигрыш двух дел о наследстве, потеря земли, детей, коровы. Ему оставалось держаться лишь за пресловутые «сложные взаимосвязи» и попытаться что-то выиграть из них. Его выводили из себя топсфилдские соседи. Остроумное замечание Генри Луиса Менкена о пуританском гении, «привлекающем мощные силы закона на помощь в личной вражде», – это про него [88]. В то же время у Патнэма дома была обожаемая, чуткая, отчаянно бьющаяся в конвульсиях двенадцатилетняя дочка. Вскоре помрачение рассудка зацепит и его жену. Сложно поверить, что Патнэм с самого начала вынашивал долгосрочную стратегию. Он, конечно, усугублял положение вещей и в частных беседах, и на бумаге, громоздя наречия и вставляя восклицательные знаки в письма к властям. Он пожаловался минимум на тридцать пять человек, свидетельствовал против семнадцати и расшифровал больше сотни записей допросов. Судя по всему, он записывал все свидетельские показания своей дочери, Мерси Льюис и Мэри Уолкотт. Его пастор разделял его взгляды, «веря в дьявольские обвинения и с готовностью отказываясь от какого бы то ни было милосердия», – говорили потом его противники [89]. Сложно сказать, кто был чьей марионеткой – бьющиеся в припадках дети или начавшие крестовый поход родители.

Конвульсии можно было списать на колдовство, но историю творила судейская скамья. В зале суда женщины играли второстепенные роли, что до некоторой степени происходило и изначально: волшебство позволяло мужчинам атаковать других мужчин с помощью жен или дочерей (интересно, что никто так и не обвинил Фрэнсиса Нёрса). Все трое городских судей испытывали финансовые затруднения, и февральская жалоба Патнэма вполне могла

застигнуть их в желании с кем-нибудь поквитаться. Хэторн из кожи вон лез, пытаясь подогнать улики под свои идеи и натянуть политические пристрастия на каркас соответствующей легенды. Только через несколько недель возникли улики другого рода, когда девочки вывели на сцену замученных мертвых жен. Таких пришельцев с того света в Новой Англии еще не было. Дальше произошло то, чего мужчины боятся больше всего: нашествие диких зверей и коварных, опасных женщин, мешающих дышать. Суккубы – удушающие, прыгающие в вашу постель существа женского пола – стары как мир и присущи всем культурам. Этот жуткий монстр – Бишоп очевидно становилась именно им в постелях несчастных мужчин – и дал нам слово «ночной кошмар»^[170] [90].

Пасторы добавляли истории апокалиптических обертонов, укрепляя контекст и выуживая из него много назидательного. В их устах колдовство звучало знакомой притчей об искушении и избавлении. Они видели некий план там, где никакого плана не было, но в момент, когда вокруг плелись заговоры и похищались тела, делали это не из невежества. Массачусетская элита читала все, что могла прочесть, и кое-что – слишком пристрастно [91]. Как скажут о любившем логику ипсвичском пасторе Джоне Уайзе, такие люди – не столько хозяева, сколько жертвы собственного образования^[171]. Они читали и перечитывали тонны литературы о колдовстве. Они анализировали свод законов. Они знали историю. Они работали во имя чистого здравого смысла. Они не то чтобы были некомпетентны, но барахтались в информации, «отравленные, – усмехался Калеф, – собственным образованием»^[172] [92].

Новая Англия стала напоминать Швецию в основном потому, что об этом позаботился Коттон Мэзер^[173]. Шведская эпидемия началась с двух девочек, девяти и одиннадцати лет [93]. Она проделала путь от шалости до ереси и разрослась – благодаря сатанинским пактам и ведьмовским сборищам – до дьявольского плана по свержению королевства. Мэзер упустил и еще одно сходство: власти сами творили эту историю, приглашая в зал суда жителей с полупустыми тележками фольклора и взаимных претензий, чтобы доверху нагрузить их политикой и религией. Детали, которые Мэзер решил не импортировать – рыжая борода дьявола; яркий разноцветный шарф, повязанный вокруг высокой тульи его шляпы; плотские утехи на

шабаше, перевозимые кошками ведра молока, золотое ведьмино масло, – так никогда и не доехали до Массачусетса. Мэзер сделал акцент на другой аналогии, когда описывал шведский эпизод. «Национального бедствия нет, – цитировал он пришедшее из-за океана сообщение, – но некоторые больные люди воспользуются печальным промыслом в собственных целях, как воры, когда горит дом или город, крадут все, что могут» [96].

Он опустил остальную часть предложения, где признается правдивость преданий и обоснованность слухов. Люди оказываются в суде, потому что виновны, пусть даже и не в том преступлении, в котором их обвиняют. Если бы салеменной деревне предложили голосованием выгнать кого-нибудь с острова, они без сомнений выбрали бы Сару Гуд, а вскоре могли бы избавиться и от Сары Осборн. Как в начале списка оказалась Титуба, непонятно. Возможно, она обладала слишком большой властью над девочками. Также она внешне выделялась на фоне общины, где были рабы, но почти не было индейцев, и здорово умела рассказывать волшебные сказки. Круг быстро стал расширяться: судебная машина запустила производство страха, горестей и антипатии – хрящевой ткани общинной жизни. У кого нет претензий к соседу? В Новой Англии 1692 года имелось не меньше поводов обвинить кого-то в колдовстве, чем донести на кого-то во Франции времен нацистской оккупации: зависть, незащищенность, политические разногласия, неразделенная любовь, прошедшая любовь. Слишком неуправляемые семейства почувствовали свою уязвимость, как и мужья, избивавшие жен. Некоторые представляли перед судом только из-за отказа принимать участие в действе. (Элизабет Проктер, вероятно, принесли в жертву за прегрешения ее мужа – иначе трудно объяснить эти искусанные кулачки на ее предварительном слушании [97]. Девочки не ожидали, что придется свидетельствовать против нее.) Люди непривлекательные и всюду сующие нос, недотроги и обладатели скверного характера – все они плохо уживались друг с другом. Это верно и для столпов общества, констеблей, присяжных, охранников и их жен – в общем, тех, кто говорил людям вещи, которых они предпочли бы не слышать. Джон Олден слишком свободно общался с индейцами Мэна – и слишком много на этом зарабатывал. Он уехал из Эссекса, потому что не чувствовал себя там в безопасности. Колдовство предоставило возможность искоренить все

зло сразу. Человек не мог отстоять в суде порабощенную волю или ущемленное эго. Зато он мог наэлектризовать помещение рассказами о погубленных животных и танцующих стогах сена.

Хотя в обвинениях и прослеживается некоторое постоянство по части унижений, какого-то выраженного шаблона в них не видно. Многие из произошедшего в Салеме в 1692 году было заложено десятилетиями раньше, когда искры ненависти летали над топсфилдской границей, или в 1679 году, когда Патнэмы схлестнулись с Брэдбери, или в 1683-м, когда Берроуз покинул свою паству. Чем дольше на это смотришь, тем глубже падаешь в кроличью нору, пытаешься разглядеть в токсичных событиях прошлого больше, чем они в состоянии раскрыть. Если провести достаточно много времени в Салеме XVII века, начинаешь видеть вещи, которых, может, там и нет – например, гиперпрозорливого любителя историй о громких заказных убийствах, или знаменитого пастора в только что отремонтированной бостонской кухне, или, если уж на то пошло, судью по делам ведьм.

Больше половины повешенных в 1692 году женщин прежде уже подвергались обвинениям. Матери Ребекки Нёрс, Мэри Эсти, Элизабет Проктер и Мэри Инглиш были, по слухам, ведьмами. У Сэмюэла Уордуэлла имелся дядя-квакер, у Олдена – связи в среде квакеров, Нёрсы воспитывали квакерского сироту. Абигейл Хоббс продала своих родителей с радостью, на которую способен только четырнадцатилетний подросток. Она развязала яростную борьбу, в которую втянула кланы Уиллардов и Уайлдсов, хотя внутрисемейное предательство процветало задолго до 1692 года. Филип Инглиш и свояк Джорджа Джейкобса были избраны членами городского управления Салема за несколько недель до того, как получили обвинения в свой адрес; любые выборы порождают как победителей, так и неудачников, желающих мстить. По мере роста кризиса множились и причины называть новые имена. Обвинять стало менее опасно, чем возражать против обвинений. Чувство вины играло активную роль во множестве доносов, прорываясь сквозь любое количество закрытых дверей. Именно этим можно объяснить, почему молитва и само слово «молитва» резали теперь слух, почему многие шарахались от собственной тени. Чувство вины, возможно, провоцировало воскресные напасти: либо вы были дома вечером (когда Лаудер повстречал летучую обезьяну), либо в молельне

повздорили с кем-то, кто выбил вас из колеи (и потом оказался в вашей кровати прямо в своем воскресном платье), либо там же, в молельне, вы слышали что-то ужасное.

Назвала ли старшая Энн Патнэм Ребекку Нёрс из-за давнего спора вокруг земельных границ? Из-за того, что муж Ребекки противостоял Пэррису, а раньше – Джеймсу Бэйли? Из-за того, что Нёрсы – хотя и относительно недавно приехавшие – отхватили большой кусок деревенской земли? Оттого ли, что Ребекка происходила из невыносимо гармоничной семьи? Или потому, что приняла причастие в молельне города Салема, хотя занимала в деревенской молельне бывшую скамью Патнэмов? Прозвучало бы ее имя, посещай она занемогших девочек в пасторате, чего не делала из боязни заразиться? [98]

Антипатии и искушения пишутся невидимыми чернилами: мы никогда ничего не узнаем. Все были на грани срыва. Колдовство распространяло тревогу в это беспорядочное время, как угроза атомной войны провоцировала слухи во времена маккартизма. Даже те, кто точно знал, что невиновен, верили в существование дьявольского заговора. Могла ли старшая Энн Патнэм назвать Ребекку Нёрс только потому, что Нёрсы процветали, а Патнэмы – нет? Тетушка Эм не может высказать в лицо мисс Галч все, что о ней думает, потому что мисс Галч владеет половиной всей собственности в их городке. Колдовство же позволяло доброй христианке говорить откровенно. В Салеме мужчины, а не женщины жаловались, что их заставляют молчать, душат и парализуют в постелях – и именно мужчины в своих показаниях рассказывали самые нелепые небылицы^[174].

Если отбросить старых врагов, скептиков, маньяков, склочников, дочек ведьм, насильников и хулиганов, выскочек и баловней судьбы, останется только Джордж Берроуз^[175]. Из пяти повешенных мужчин – а каждый мужчина, попавший в тюрьму, был в итоге казнен – большинство имели в родне ведьм. Берроуз проделал самый длинный путь и сыграл самую выдающуюся роль. Из его семьи никого больше не обвинили. В доме Мэзера, как и на ферме Патнэма, к нему испытывали особую неприязнь. Какое же преступление совершил пастор? Он не претендовал ни на чье наследство. Он не собирался ни у кого отбирать землю. Он не был связан ни с одной из подозреваемых

женщин. Однако Патнэмы давно таили на Берроуза обиду, ведь он занял на деревенской кафедре место их родственника. Пастор был тяжелым человеком и скрытным, беспокойным постояльцем, и точно не без вины виноватым. Против него свидетельствовало больше людей, чем против кого-либо еще, и вряд ли мотивы у всех совпадали. Мэзер утверждал, что его специально просили включить случай Берроуза в «Чудеса». Он был очень рад угодить: отвращение так и капает с его пера. Сьюэлл, может статься, не простил Берроуза за наглость выжить в Мэне, в то время как единственный рукоположенный тамошний пастор – кузен Сьюэлла – погиб.

Хэторн тоже не любил мэнского пастора, своего бывшего зятя, опасного человека – по другой причине. Из-за таких вот людей, как Берроуз, массачусетские общины оставались без защиты. Трижды проявленный им героизм, похоже, не произвел впечатления на судей, которые, вполне вероятно, не смогли простить ему собственных промахов. В 1690 году они отвели ополчение из Мэна – в результате Каско сгорел дотла. Есть предположение, что, осуждая Берроуза, судьи оправдывали самих себя [101]. Берроуз в 1691 году просил прислать на границу войска и командующего. Нет сомнений: ему было что рассказать. Доминион защищал Мэн лучше, чем пришедший на смену Андросу режим. В течение нескольких недель после переворота границу, оставленную войсками, перешли индейцы, и поселенцы не без оснований сочли, что их бросили на съедение волкам. Берроуз действительно кажется небрежным в своих религиозных убеждениях, но не меньше он провинился и в политическом смысле. У него имелись причины сожалеть о падении режима Андроса. Если он говорил это вслух, то говорил открыто. В любом случае у нас слишком мало свидетельств того, что Берроуз был наводящим страх баптистом, каким предстал после смерти, – как и свидетельств того, что Титуба была темнокожей. Берроуз вполне мог критически высказываться перед своим внезапным отъездом из Мэна – и наверняка его прихожане ожидали ответных действий властей.

В общем, как ни посмотри, сила характера не особенно кому-то помогала. Те, кто задавал неудобные вопросы судьям, даже не проявляя открытого неуважения к власти, оказались повешенными. Те, кто признался, виселицы избежали – за одним-единственным исключением. (Здесь Новая Англия отличилась не только от Швеции,

но и вообще от всех задокументированных судов над ведьмами.) Больше пятидесяти человек себя оговорили, некоторые – только чтобы спасти свою жизнь. Однако несложно поверить в собственную монструозную силу, когда один твой взгляд сшибает ребенка с ног. Нечто таилось в темных глубинах – пусть даже то, что удавалось из омуты извлечь, оказывалось не совсем колдовством. Иногда на поверхность всплывало лишь гнетущее чувство, опасение, что человек невосприимчив к вере. Кто-то или что-то ему мешало. «План дьявола, – заметил Коттон Мэзер в 1695 году, – внушить вам отвращение к вам же самим» [102]. Граница между угрызениями совести и договором с дьяволом пока еще не обозначилась.

Юные обвинительницы цеплялись за имена, которые были у всех на слуху: предполагаемые ведьмы; семья пастора; женщина, чью дочь когда-то зверски убили. (Им помогали взрослые. Инкриз Мэзер писал в 1684 году: «Очевидно, что личная неприязнь некоторых людей основана на предрассудках их родителей» [103].) В Андовере лихорадочная охота на ведьм началась в известной мере из-за трений внутри самого города: он был на грани распада на две части, конфликт поколений накалял страсти в обществе, которому стало тесно на одной земле. Но такое могло бы произойти в любом городе, пастор которого одобрял испытание прикосновением. Когда колдовской кризис достиг Андовера, судьи уже усовершенствовали методы обнаружения ведьм. Признания ни в коем случае не требуют пыток, хотя пытки обычно приносят желанные ответы. Одни радовались, что не придется сидеть в одном подземелье с Берроузом, другие – что избегут позорных публичных слушаний. Многие просто хотели угодить вышестоящим чинам. По тону прошений о возмещении убытков можно понять, с каким почтением деревенские относились к властям. Не только Джон Хейл чувствовал, «что благоговение, которое я испытывал к этим убеленным сединами, ученым и благоразумным людям, заставляло меня впитывать их принципы» [104].

Магистрат тоже способен заставить вас поверить в ложь о вас же самих. При наличии внушаемого свидетеля и авторитетной личности не так трудно внедрить в голову правильные, удобные воспоминания. При грамотном руководстве взрослого ребенок будет клясться, что воспитатель в детском саду зарезал нескольких кроликов, слона и жирафа или «превратил его в мышку, когда он летел на самолете к

бабушке» [105]. Никому не спалось спокойно в тюрьме XVII века, а депривация сна тоже приводит к галлюцинациям. Откуда Энн Фостер брала детали своего фантастического полета? Перед тремя красиво говорившими, хорошо одетыми мужчинами она воспроизводила уже знакомые ей образы. Сатанинское крещение тоже вызывало доверие, хотя и нечасто встречалось в Массачусетсе, над которым до 1692 года не пролетело ни одной ведьмы. Что касается катастрофы в воздухе – чего летящий человек может бояться больше, чем этого? Фостер могла даже не знать, что подобные вещи уже случались, как говорили, в Швеции. Ей не требовалось придумывать больную ногу. Вы не нашли бы в Новой Англии ни одной семидесятидвухлетней фермерши, у которой бы ничего не болело.

Что действительно выделяет Салем из других подобных историй, так это не обвинения, а приговоры. В другие времена несущих бред женщин тоже называли ведьмами, а мужчины тоже видели во сне дьявола – и никого это не волновало. Откуда же эти беспощадные казни 1692 года? Мэзер намекает, что свою роль сыграл случай Гловер, когда прачка всем наглядно продемонстрировала собственные колдовские способности. Кое-кто в суде, назначенном для заслушания и решения, выполнял приказы лучше, чем формулировал их; кое-кто легко гнул перед более сильной волей. Хэторн, Корвин и Гедни – главная движущая сила – действовали в интересах ортодоксии, которые удачно совпадали с их личными интересами. Они знали возмутителей спокойствия, так как деревня годами обращалась к ним за помощью в разрешении споров. Когда «злобные высказывания и неприглядные помыслы», «глубокая предубежденность и несомненная враждебность» деревни трансформировались в колдовство, эти люди содействовали трансформации [106]. Пэррис, Нойес, Барнард и Хейл активно их поддерживали. Все знаки указывают на то, что они находились под воздействием Уильяма Стаутона, представителя более старшего поколения, годящегося молодому Мэзеру в отцы.

Вопрос, почему Стаутон – больше десяти лет гнувшийся во все стороны политический акробат – проявил полное отсутствие гибкости в отношении ведьм, вплотную подводит нас к загадке Салема. Не сохранилось никаких документов. Разобраться в неуступчивости Стаутона сложнее, чем в технических деталях полета Фостер на шабаш. И первое, и второе в какой-то степени следовало из их веры.

Вопреки принятой правовой позиции Стаутон приветствовал призрачные свидетельства, отринув всю предшествовавшую судебную практику. После стольких стремительных политических переобучений он вдруг остановился и застыл намертво – не сдвинуть. Одно вполне может объяснить другое. Потребовалась сильная рука – и Стаутон предложил свой сжатый кулак. В прошлом он оказывался в немилости и совершенно не собирался снова туда возвращаться^[176]. Вместе с двумя другими судьями ведьм Стаутон в свое время активно сотрудничал с «чужеродным инкубом», как называли правление доминиона^[177]. Теперь же всем этим мужчинам представилась возможность реабилитироваться, показать характер, изобличив нового захватчика. Теперь они стали праведными стражами порядка, «поднимающими знамя против врага из преисподней». Будучи единственным, кто мог легко замедлить или изменить ход салемской истории, Стаутон предпочел этого не делать. Он твердо верил в призрачные свидетельства в 1693 году, как верил в 1692-м, по крайней мере, так он заявлял. Он работал под началом вечно отсутствовавшего, слабого губернатора, почти не проявлявшего интереса к процессам. От Хэторна Стаутону досталась ситуация, которая вышла из-под контроля задолго до приезда Фипса и в которую новый губернатор влезать не желал. Уже потом – как в истории с наполовину прочитанным майским назначением – он неуклюже пытался и доказать Массачусетсу свою набожность, и убедить Лондон в своей компетентности.

Стаутон же хотел продемонстрировать не только собственную решимость, но также и легитимность нового правительства. Он не хуже других понимал, что короне колония представляется слабой, дерзкой и неорганизованной. Они и так уже дорого заплатили за уклонение от законов Англии. Преследуя ведьм, он, с одной стороны, искупал грехи дома, а с другой – транслировал эффективность руководства Новой Англии за рубежом: колонисты могут сами управлять своей колонией благочинно, в стиле Старого Света. Они не бунтующие безответственные подростки, в конце концов. Они привлекают к суду провокаторов. Они могут кое-что показать заносчивым английским чиновникам, презрительно фыркающим, что в Массачусетсе нет закона, судов, правосудия и правительства [108]. Кризис дал большому количеству людей – Барнарду, Нойесу, Коттону Мэзеру, нескольким девочкам-подросткам, массачусетским властям и самой колонии –

шанс утереть нос «старшему брату», всегда готовому напомнить им слова короля: мол, Новая Англия существует исключительно благодаря чьей-то милости и благосклонности^[178]. То, что им дано, может в любой момент быть отобрано – для совсем еще молодого сообщества это заявление было как гвоздем по стеклу.

Новая хартия восстановила судебную систему, которую Андрос превратил в карикатуру и от которой зависела теперь новая администрация. Колония все еще приходила в себя от этих «варварских обычаев». Стаутон мог задаться целью доказать, что Новая Англия не «место, где никто не понимает и мало кто пытается понять законы и методы Англии», как выражался Андрос [109]. Им было что терять и очень хотелось исправить репутацию бунтовщиков. Направлять гнев народа в нужное русло – важное умение: люди, которые сбросили с трона деспота, не имели желания встречаться с разъяренной толпой. Как предупреждал смещенный чиновник доминиона в 1689 году, те, кто убрал Андроса, «похожи на юных заклинателей, вызвавших дьявола, с которым теперь не могут справиться» [110]. Разумеется, новоанглийское духовенство в свое время продвигало сказку о другом, более раннем безжалостном захватчике, в красном камзоле и со зловещими планами, который, как говорили, глумился: мол, пуритане «годятся только для того, чтобы смести их с лица земли» [111]. Теперь они просто передали это «звание» шайке ведьм, мечтающих установить «пожалуй, более отвратительный культ Сатаны, чем мир когда-либо видывал» [112]. Им не требовалось придумывать эту историю, они просто в ней участвовали. Процессы позволяли вывести пятна позора с их одежд.

Духовенство не могло оказать значимого сопротивления разгулявшемуся правосудию. Все знали, что священники раздували мехи мятежа против прошлой администрации, что проповедовали восстание, что ловко подстегивали толпу [113]. Они не могли теперь подложить свинью правительству, которое сами ценой больших усилий привели к власти. Оправдывать суд означало оправдывать новую хартию: они тоже желали показать себя в лучшем свете не Бостону, но Лондону, на который Мэзер нацеливал свои «Чудеса». Три года анархии и пять лет правления доминиона стоили им весьма дорого. Более того, судьи были их покровителями и спонсорами, именно они выплачивали пасторам жалованье. Пасторы, как и все

остальные, оказались застигнуты колдовским кризисом врасплох [114]. Зато кризис позволил им доказать, что Господь делает особую ставку на Новую Англию. Их земля, должно быть, чрезвычайно важна, раз Сатана так упорно пытается ее разрушить! Нападение на Салем давало молодому священничеству возможность показать, чего оно стоит во вселенской битве. Оно также подтверждало правдивость пророчества: вот она, буря перед широко разрекламированным тысячелетним покоем – последний, решающий бой с дьяволом.

При всех многочисленных днях поста в 1692 году, при всех его предупреждениях об опасности признания призрачных свидетельств, применения пыток и испытаний касанием, при всем его заламывании рук Коттон Мэзер не мог бы назвать атаку ангелов зла нежеланным событием. В одном документе 1693 года, не предназначенном для глаз общественности, он дает, возможно, свою самую откровенную оценку эпизода. Конечно, это было ужасное проклятие. С данным предложением Мэзер долго сражался – оно все в кляксах и исправлениях. Но что дал салемский кризис? Никто из почтенных, имевших вес граждан не скомпрометирован. «Живые картины ада» разбудили многие души – особенно молодых людей обоих полов [115]. Мэзер знал, что бедствия всегда приводят людей в церковь: говоря евангельским языком, мало что может соперничать с землетрясением. «Дьявол ничего не добился, – выводил Мэзер, размышляя о кризисе, – но Господь удостоился похвал, Христос обрел последователей, Святой Дух – храмы, Церковь – пополнение, а людские души получили вечные блага». Пересматривая свою позицию по собственной вовлеченности в действие, он немного красуется: «Я не так тщеславен, чтобы считать, что моя мудрость или добродетель внесли лепту в улаживание конфликта, но, справедливости ради, скажу: я этому улаживанию не помешал». Всякая неловкость из-за того, что ему не удалось остановить процессы, испарилась. Единственное, что он порицал, – нападки на его репутацию.

«Вопросы и ответы колдовства», советы нью-йоркских пасторов, петиция Мэри Эсти и страшная смерть Джайлса Кори, вероятно, помогли покончить с колдовским кризисом. Но верно и то, что по мере увеличения числа жертв ужас все ближе подбирался также к парадным дверям власть имущих. И когда наконец подобрался вплотную – пути назад уже не было. (Скептик Роберт Калеф возносил хвалу человеку,

обвинившему миссис Фипс [116].) Вину нельзя было распылить по такому огромному количеству адресов. Мистификация уступила смиренному чувству стыда. Неизвестно, кто на самом деле услышал мудрые, хотя и непрощенные слова Томаса Брэттла: к октябрю уже слишком многие всюду вспоминали (или выдумывали) обиды двадцатипятилетней давности, чтобы иметь возможность обвинить кого-нибудь еще. Прочно укоренившись, колдовство магнетически воздействовало на любую искру раздражения, страха, неприязни, непонятности, оскорбления; в округе Эссекс было столько же ненависти и жажды осуждения, сколько шелудивых псов и свиней-воровок. Общество упоенно включилось в игру, лупя по воздуху палками, рапирами и дубинками, восхищаясь пролетавшими по молельне мотыльками, разнося старые сказки, обросшие новыми слухами и новыми выдумками. У всех имелись свои причины.

Колонисты не замечали иронии в том, что они, бежавшие в Америку от вмешательства в их жизнь светских властей, теперь сами подвергали друг друга такому же насилию, за которое осуждали королевских чиновников. Так же верно было, что объятия веры, необходимые для поддержки церкви, на самом деле лишь раздирали ее на части: чудесные истории, собираемые во имя подтверждения особого статуса Новой Англии, в итоге ее подкосили [117]. Политические соображения перевешивали любые другие – и именно политические соображения произвели на свет «Удивительные знамения» и «Памятные знамения». Рассказ Мэзера о колдовстве неотделим от его рассказа о жизни Фипса: власти верили, что они защищают не оперившуюся еще администрацию. Они подхватили что-то вроде аутоиммунного заболевания, развернув против себя те самые пики ярости, которых так боялись. В 1692 году не было преступников и не было последствий. Только маленькая сверхъестественная фигурка продолжала маячить на месте преступления^[179] [118]. Во всяком случае, одна загадка в Салеме разрешилась: дьяволу совершенно точно необходимо сознательное согласие человека сотрудничать с силами зла.

Колдовство действительно всколыхнуло потерявшее веру вялое поколение, хотя и иначе, чем ожидало духовенство. Когда чары рассеялись, потоком взаимных упреков смыло плодородный слой веры. Лидеры Массачусетса никогда больше не обратятся к церкви за

советом. Не будет больше и намеков на сборище ведьм или воздушное происшествие. Что касается фантомных французов и индейцев, к 1698 году нарядно одетые захватчики будут считаться агентами Сатаны, «демонами в форме вооруженных индейцев и французов» [119]. Лучшие умы Эссекса продолжали верить, что индо-французские силы все-таки неким образом вовлечены в колдовской замысел. Больше они никогда не появлялись, а тихо и незаметно сошли на нет, как незабываемая сцена из прочитанной в детстве книги, которую вы так и не смогли отыскать, когда выросли.

12. Длинный шлейф печальных последствий [1]

Люди погнались не за тем кроликом [2].

Дональд Рамсфельд

Примерно половина пострадавших девочек выросли, нашли мужей и родили детей, хотя и не обязательно в таком порядке. Бетти Пэррис вышла замуж поздно и растила отпрысков в Конкорде [3]. Совершенно ничего не известно о ее кузине Абигейл, энергичной охотнице на ведьм. Не исключено, что она – та самая девочка, которая, по некоторым сообщениям, страдала от «нападений дьявола до самой смерти» и умерла одинокой в 1697 году [4]. Как и Энн Патнэм, Сюзанна Шелден не сумела выйти замуж, что крайне необычно для Новой Англии XVII века. Она окончила свои дни в Род-Айленде, где считалась «человеком с дурной славой», что было менее удивительно. Бетти Хаббард нашла мужа только в тридцать шесть лет. Сара Чёрчилль, горничная Джейкобса, вышла замуж в сорок два, ранее уплатив штраф за распутство. Мерси Льюис, служанка Патнэмов, родила внебрачного ребенка, позже вышла замуж и переехала в Бостон. Мэри Уолкотт, Абигейл Хоббс и Мэри Лэйси – младшая растили детей в консервативных семьях, некоторые – в тех же самых краях. Несмотря ни на что, по крайней мере часть деревенских девочек – как и подвергшуюся заклятию девочку Гудвинов – во взрослом возрасте описывали «очень здравомыслящими, добродетельными женщинами», никогда в жизни не отрицавшими, что они были свидетелями колдовства [5].

Деревенским пасторам пришлось хуже. Джеймс Бэйли, представивший общине будущую Энн Патнэм – старшую, оказался в трудной ситуации в Роксбери. Сэмюэл Сьюэлл навещал его с кексами, деньгами на дрова и менее полезными стихами преподобного Нойеса. Бэйли страдал от плеврита и умер мучительной смертью в 1707 году. Деодат Лоусон, обеспечивший нас самыми незабываемыми картинками салемиких стенаний и следов зубов, вернулся в Англию.

После некоторых колебаний и метаний он в 1704 году переиздал собственный рассказ о колдовстве, чтобы вывести из-под огня критики своих друзей и снова заявить о «действиях сил тьмы» [6]. Первый, кто попытался разобраться в эпидемии, он оказался последним, кто продолжал о ней рассказывать, – своего рода выживший агент Секретной службы в 1963 году в Далласе^[180], торгующий теперь ее секретами. Вскоре после этого Лоусон совершил один неделикатный поступок, за который ему пришлось торжественно извиняться перед лондонским пасторством. Он признал, что опорочил свою профессию «неуравновешенными и неосмотрительными разговорами» [7]. Он несколько лет бился, чтобы вернуть себе доброе имя. Оскорбление, которое он нанес, могло вообще не касаться сенсационных заявлений о колдовстве; возможно, Лоусон просто слишком много выпил. Но за языком он в целом особенно не следил, как и в 1692 году. К 1714 году он жил в крайней нищете, семья его голодала, трое маленьких детей заболели оспой, жена была истощена. Он безуспешно пытался собрать денег на собрание проповедей, полагаясь на милость друзей. Если не придет помощь, говорил он, «мы неизбежно погибнем» [8]. Его запомнят как «несчастливого мистера Деодата Лоусона» [9].

Сэмюэл Пэррис снова женился и стал главой новой семьи. Преследуемый «трудностями и невзгодами» своего пасторства, он переезжал с места на место, поменяв за двенадцать лет шесть общин [10]. Он преподавал в школе, выращивал скот, продавал ткани и разные мелочи, проповедовал самому маленькому в Массачусетсе поселению и спекулировал землей. В одной сделке он перегнул палку, был арестован за долги и провел несколько недель 1706 года в тюрьме Кембриджа. Постоянно переписывая собственное завещание, умер Пэррис в Садбери в возрасте шестидесяти семи лет умеренно богатым человеком, хотя до последнего считавшим, что мир несправедливо его обделил. Если он и написал еще что-нибудь о том, что называл «очень жестоким упреком и учащим смирению промыслом Божьим», эта запись не сохранилась. Салемское пастбище не значилось в его собственности – он продал его раньше.

В деревне Пэрриса заменил новоиспеченный пастор вдвое его моложе. Джозеф Грин, уроженец Кембриджа, в 1692 году учился в Гарварде [11]. Он хорошо знал необыкновенную историю прихода, в который приехал – кстати, тоже с рабыней-индианкой. Этому пастырю

умеренных взглядов досталось присмирившее стадо. Он радушно принял обратно взбунтовавшихся прихожан и изменил рассадку в молельне. Отныне Нёрсы сидели рядом с Патнэмами, а дочь Ребекки Нёрс – рядом с обвинительницей ее матери, откуда в 1706 году женщины слушали извинения Энн Патнэм – младшей. Преодолев серьезное сопротивление, Грин отменил приговор, отлучивший от церкви Марту Кори^[181]. Гораздо меньше усилий потребовалось, чтобы убедить прихожан в том, что теперь в доме молитв можно дышать свободнее. Новая молельня, переехав ниже по дороге, открылась на углу Сентер-стрит и Хобарт-стрит, где сегодня стоит первая церковь Данверса. Старый дом молитв остался гнить и делал это довольно медленно [12]. Успокоение все не наступало: дети Берроуза требовали компенсаций и в 1750 году. Грин проповедовал против предсказания будущего через десять лет после Салема. Прихожане все так же спали на скамьях молельни. Патнэмы все так же жаловались на деревенских проповедников.

Один приезжий в 1704 году нашел Массачусетс некомфортным местом, где никто не знал, «ложась спать, доживет ли он до утра или погибнет от рук безжалостного дикаря» [13]. Сьюэлл просыпался от кошмаров про французов в 1706 году. Мэзер в тот год чуть не попался индейцам-мародерам недалеко от Андовера, его племянница попала в плен и пропала без вести примерно тогда же. Хотя разговоры об ангелах зла поутихли, ожидание апокалипсиса никуда не делось. Мэзер перенес его приход в своем предсказании на 1715 год. Сьюэлл и Нойес все еще горячо спорили о пассажах из Откровения. На скалах Бранфорда в Коннектикуте появились двухметровые русалки с хвостами-грезубцами, о чем Коттон Мэзер предупредил Лондонское королевское общество [14]. В начале 1730-х бостонские священники вызвались излечить «вредные нехристианские раздоры и разногласия, возникающие и господствующие» среди городских прихожан Салема. А их пастор, утверждали они, такой же «немиролюбивый», каким был Пэррис [15].

Судебные процессы не разрушили церковь, но – с помощью новой хартии в сочетании с силами, которые уже пришли в движение, – подточили ее фундамент. Пытаясь доказать одно, пуританские ортодоксы в итоге доказали совершенно другое. Сама идея чистосердечного признания была скомпрометирована. Мэзер

провозглашал, что Господь послал на землю дьяволов, дабы «закрыть рты неверующим»; Роберт Калеф заметил, что из-за этих ангелов зла как раз и появилось достаточное количество атеистов [16]. Хейл не был одинок в более тщательной переоценке своих принципов. Когда, через десять лет после Салема, присягу принимал новый губернатор Массачусетса, он делал это по традиционной англиканской церемонии, с целованием Библии. Мэзер теперь рукополагал баптистов. Сьюэлл дожил до времен, когда в Новой Англии стали праздновать Рождество. Никто не летал по воздуху до 1692 года, равно как и после этого. Люди продолжали обвинять друг друга в колдовстве и на протяжении XVIII века, но в Массачусетсе больше не казнили ни одной ведьмы [182].

Мы все приносим извинения – или терпим в этом крах – по своему. Инкриз Мэзер от изучения демонов перешел к изучению ангелов. В 1721 году в Бостоне разразилась эпидемия черной оспы [17]. Коттон Мэзер всячески пугал медицинское сообщество, отстаивая нечто не менее, казалось, сомнительное, чем призрачное свидетельство: вакцинацию. Он изучал в Гарварде медицину и имел неплохое представление об инфекционных болезнях. Так, двигаясь от черт и ведьм к бактериям и вирусам, он в конечном счете обнаружил дьяволов, которых мы впускаем в себя с каждым вдохом. Битва оказалась такой яростной, что вывела Салем из тени и позволила обвинить Мэзера в безумии сразу по двум пунктам (а также позволила ему снова вытащить на сцену дьявола: учитывая «проклятый шум», Сатана, видимо, завладел Бостоном). Он так же твердо стоял на своем в вопросе вакцинации, как метался в вопросе колдовства. Однажды в три часа ночи в его окно влетела самодельная бомба. Восстановить репутацию ему уже не удастся [183].

Жертв процессов оказалось больше, чем виделось вначале: даже сам дьявол так никогда и не смог оправиться полностью. И хотя старый искуситель продолжал существовать – если в Массачусетсе 1721 года вы совершали адюльтер, то делали это «по наущению дьявола», – однако «ревущий лев, древний дракон, враг добродетели», как выразился Пэррис в своем извинении, тихо сошел со сцены [19]. Он делался все более абстрактным по мере того, как зло отступало внутрь человека, – не столько великий заговорщик, сколько тень наших неверных суждений. К концу жизни Бетти Пэррис он стал, как выразился один современный ученый, больше походить на «лепрекона,

чем на древнего повелителя ада» [20]. Женщины тоже не добились после Салема особого успеха, – во всяком случае, снова стали невидимыми и оставались такими в историческом смысле, пока новое бедствие не подстегнуло их выйти из тени и начать борьбу за женское избирательное право.

В год смерти Мэзера, 1728-й, пастор из Медфорда уже называл колдовство выдумкой из детских сказок. Салем был очень близок к тому, чтобы самому стать такой сказкой. В это же время Сьюэлл ушел с поста главного судьи. Он прожил еще два года, как обычно, прислушиваясь к пению птиц и восхищаясь радугами, озабоченный проблемой сохранения массачусетской хартии любой ценой, до конца спотыкаясь о собственную совесть по пути к компромиссу. В 1728 году Топсфилд и Салем уладили свой пограничный конфликт. Доживший до ста девяти лет вдовец Марты Кэрриер перед своей смертью мог порадоваться, что салемское колдовство превратилось в «мнимое колдовство», а главной злодейкой больше не являлась его жена, царица ада, и даже не ее так называемые сообщницы. Волшебство сначала переквалифицировалось в одержимость, а к концу XVIII века – в мошенничество. Потребуется еще несколько десятков лет, пока кто-то заметит правильность предположения Брэттла: ведьмами, скорее всего, надо было считать самих обвинительниц. Да и представители властей вели себя не то чтобы по-здоровому.

Салемские процессы в течение одного-двух поколений займут свое место среди тех исторических событий, которых как бы и не случалось никогда. Зато уж воскреснув к жизни, они не сойдут со сцены никогда. Из всех знамений и пророчеств – девочек ли провидиц, хвастливых ли призраков, Мэзеров, жительницы Салема, предсказавшей вторую волну колдовства, – сбылось только пророчество Томаса Брэттла. Годы не «изгладят этот шрам, это клеймо позора, которое недавние события оставили после себя на нашей земле»^[184] [22]. Джон Адамс называл процессы «грязным пятном на этой стране», в чем есть ирония: они были призваны как раз очистить страну от грязи [23]. Безумие, вызванное в 1773 году трехпенсовой пошлиной на чай, показалось одному массачусетскому адвокату абсурдным «и более постыдным для Америки, чем колдовство». Салем пришелся особенно кстати во второй половине XIX века: он стал эффективным оружием в Войне Севера и Юга. Фредерик Дуглас^[185]

интересовался, почему вера в рабство менее предосудительна, чем вера в колдовство. Ему отвечали, что аболиционизм – такая же галлюцинация, как салемяское колдовство. Выборы Линкольна в 1860 году посеяли ужас на рабовладельческом юге, один популярный журнал истерически вскричал: «Север, начавший со сжигания ведьм, кончит тем, что сожжет и нас!» [24] Согласиться все могли в одном: когда вам нужно достичь эмоционального накала, вы вспоминаете Салем.

Враги Новой Англии, пожалуй, старались больше всех, чтобы дело Салема оставалось на слуху – так церковь веками поддерживала существование дьявола. Юг в XIX веке вдруг осознал, что «эти узколобые, фанатичные, сеющие раздор, строящие из себя просветителей» северяне на границе между северными и южными штатами пишут школьные учебники, и у этого будут долгосрочные последствия. Что-то необходимо было предпринимать – и салемяский прокол дал повод переписать прошлое Новой Англии. В разгар Гражданской войны президент Линкольн официально учредил День благодарения – колониальные праздники признавались более предпочтительными, чем пуританские посты [25]. За несколько десятилетий до этого Дэниэл Уэбстер^[186] произнес свою знаменитую речь на Плимутском камне, и люди, не участвовавшие в охоте на ведьм или не имевшие бумажных свидетельств – да вообще никаких свидетельств – своего происхождения, стали подлинными американцами. Безвинные, пусть и бесцветные колонисты оказывались более желанными предками, чем ворчливые, нетерпимые охотники на ведьм, принадлежавшие к высшему классу горожан. Примерно на столетие они заменили своих фанатичных родственников.

Похоже, в высшей степени полезно иметь что-то позорное в своем прошлом: Салем живет не только как метафора, но и как вакцина и как предмет насмешек. Он пристально смотрит на нас, когда страх парализует разум, когда мы чересчур бурно на что-то реагируем или слишком заикливаемся на ошибках, когда преследуем или выдаем чужака или бунтаря. Он живет в своих уроках и в нашем языке. В 1780-х враги федералистов обвинили их партию в организации «подлого и отвратительного» заговора с целью восстановления монархии [26]. Противники иллюминатов предупреждали о рыскающих повсюду иезуитах, об уже свившей гнездо католической

змее со зловещими политическими планами. «Мы должны проснуться, – предостерегали они в 1835 году, – или мы пропали» [27]. Судья, вынесший в 1951 году Розенбергам приговор за шпионаж, говорил о «дьявольском заговоре, призванном уничтожить богобоязненную нацию» [28]. Сеть подрывных элементов, круглосуточные бдения, сторожевые вышки нации и безрассудная жестокость вернулись в 1954 году на слушаниях Маккарти. В 1998 году потребовалось совсем немного, чтобы превратить Линду Трипп в любопытную соседку-пуританку, а Кена Старра – в охотника на ведьм^[187].

Английские монархи продолжали строить конспирологию – во всяком случае, так кажется – против народа. Неудивительно, что массачусетские власти XVII века часто звучат, как подмастерья отцов-основателей. В какой-то момент эти люди решили, что служение Богу не вяжется с верностью монархам. Здесь просматривается не столько мечта о демократии, сколько ненависть к властям – и именно это их главный вклад в ДНК нации [29]. С точки зрения Джона Адамса, Массачусетс скомпрометировал себя сильнее, приняв хартию Инкриза Мэзера в 1691 году, чем вешая ведьм в 1692-м [30]. Тот же дух противоречия, то же мрачное ощущение святого предназначения, которые сделали возможными салемские процессы и раскрутили их до такого масштаба, в итоге привели к революции – наследию всех этих перепалок о линии раздела участков, налоговых ставках и нарушении границ частной собственности^[188].

Догма, крестовый поход против зла и экстатическое желание правосудия соединились не только в Салеме, но и во всем так называемом «параноидальном стиле американской политики»^[189]. Когда Ричард Хофштадтер описывал «горячее преувеличение, подозрительность и фантазии о заговорах» – признаки национальной хандры, иногда на нас нападающей, – он вполне мог иметь в виду округ Эссекс 1692 года [31]. Этот апокалиптический, абсолютистский нерв все еще бьется в наших головах. Английские официальные лица в Массачусетсе не принимали во внимание нелепые папистские разговоры. «Вы не найдете двух римских католиков отсюда и до Нью-Йорка», – посмеивался один взятый под стражу советник Андроса в 1689 году; что до остальных планов против Новой Англии, то они не имеют отношения к действительности, «фальшивы и до странности

глупы» [32]. Но они вполне могли быть реальными. Нас регулярно приносят в жертву врагам-язычникам: в беспокойные времена мы по понятным причинам выискиваем предателей, террористов, секретных агентов. Хотя это происходит в нашем воображении, дела иногда творятся совсем не воображаемые. Немного паранойи даже не повредит, хотя, бывает, вы ожидаете дождь с градом – и он тут же проливается вам на голову.

Большое количество американцев делают то же ошеломительное открытие, какое сделал когда-то Фрэнсис Дейн: у них есть родственники-ведьмы. Американские президенты являются потомками Джорджа Джейкобса, Сюзанны Мартин и Джона Проктера [33]. Натан Хейл^[190] был внуком Джона Хейла. Израэль Патнэм^[191] – тот, что говорил своим войскам: «Не стреляйте, пока не увидите белки их глаз», – был сыном Джона Патнэма. Оливер Уэнделл Холмс^[192] и Луиза Мэй Олкотт^[193] ведут свой род от Сэмюэла Сьюэлла, Клара Бартон^[194] – от Тауни, Уолт Дисней – от Берроуза. (Кстати, колониальный издатель, основавший Американское антикварное общество, где сегодня хранятся бумаги Коттона Мэзера, тоже был потомком Берроуза.) К семейству Нёрс принадлежала известная комедийная актриса Люсиль Болл^[195], которая давала показания следователю из Комитета по антиамериканской деятельности. (Да, она была зарегистрирована в списках для голосования как член Коммунистической партии. Нет, она не была коммунисткой. В 1953 году в защиту жены выступил ее муж. «Единственное, что есть в Люси красного, – ее волосы, – заявил Дези Арназ, – и даже это не разрешено».)

Никому не удалось переработать токсичный выброс 1692 года так творчески, как Натаниэлю Готорну, которого всю жизнь грызла вина его прадеда^[196]. Готорн искупил этот самый пуританский из всех грехов – он создал целую полку прекрасной литературы, зябкой и сумеречной, колышущейся где-то на грани между проповедью и притчей. Другие уже помещали Салем на литературную карту до его «Молодого Брауна», «Алой буквы» или бестселлера 1851 года – «Дома о семи фронтах», но именно Готорн доказал, что эта территория до сих пор радиоактивна. Вина и жажда обвинений буйно разрасталась на ней, привлекая к себе писателей от Уолта Уитмена до Джона Апдайка. Артур Миллер читал судебные документы под сенью маккартизма. Он

обнаружил, как и сама Новая Англия, что события сначала нужно впитать, а только потом уже воздвигать им памятники. «Суровое испытание» не имело успеха в 1953 году [35]. Только выйдя за пределы заголовков и возмужав до аллегии, пьеса нашла свою аудиторию. Сегодня пуритане приходят к большинству из нас со страниц «Алой буквы» и «Сурового испытания», и мы читаем эти произведения, что вполне разумно, будучи подростками.

В то время как генерал Вашингтон председательствовал на Конституционном Конвенте 10 июля 1787 года, толпа напала на старую женщину на улице Филадельфии. Обвиняя ее в колдовстве, они швыряли в нее самые разные предметы – якобы она наложила на ребенка смертельное заклятие. Несколько недель назад кто-то порезал ей лоб «по древней и незапамятной традиции», как написали об этом в газете, – в точности как салецкий гость, пытавшийся зарезать Бриджет Бишоп [36]. Эта старая женщина умерла от полученных ран. Можно было сколько угодно причислять ведьм к привидениям и феям, как отмечалось в филадельфийской прессе, однако избавиться от предрассудков оказалось гораздо труднее. На Аляске с эпидемией колдовства боролись в конце XIX века. В 1908 году в Пенсильвании женщину посадили в тюрьму за наведение чар на корову. Спорадические атаки продолжаются и сегодня, хотя от современной американской ведьмы исходит больше опасности, чем угрозы, она скорее будет излучать жаркую сексуальность, чем ошпарит вас убийственным словом. Произошла какая-то поразительная подмена: уверенные в себе, рано созревшие ведьмы-подростки – новые истребительницы вампиров – заняли место пораженных колдовством девочек XVII века.

Деревня Салем в 1752 году все-таки получила независимость от города Салема. Через шестьдесят лет после процессов она переименовалась в Данверс, что еще недавно вызывало недовольство. Один репортер в 1895 году обнаружил, что селяне не хотят говорить о прошлом. Если же и хотят, то лишь про то, что они не *сожгли* ни одной ведьмы. Через годы Артур Миллер наткнулся на такое же молчание, когда собирал материал для своей пьесы. «Невозможно было заставить никого ничего об этом рассказать», – жаловался он [37]. Две общины пошли каждая своей дорогой. Когда тогдашний архивариус Данверса Ричард Б. Траск в 1970 году начал раскопки на месте деревенского

пастората, две престарелых сестры стали грозить ему кулаками, что в другие времена могло бы инициировать обвинения в колдовстве. «Зачем тебе вытаскивать это на свет?» – гневались они [38]. А тем временем в Салеме украшенный фронтонами особняк судьи Корвина стал «домом ведьм» – ошибочное прочтение вроде превращения доктора Франкенштейна в монстра. Этот городок выбрал бесстыдную коммерциализацию, что было особенно просто после выхода популярного сериала «Моя жена меня приворожила» – теперь в телерекламе бойкие чаровницы дергали носиками, повелевая пылесосами^[197]. Талисман салемских спортивных команд – ведьма на метле. Она летит через шапку местной газеты и украшает двери патрульных полицейских машин. События приняли оборот, который страшно удивил бы Энн Фостер: в Салеме, где существует крупное сообщество виккан, легко купить метлу. Гостиницы уже открыли бронирование на следующий Хеллоуин^[198].

Когда Массачусетс в 1710 году оправдывал салемских ведьм, он пропустил шесть женщин. Они считались пропавшими без вести на протяжении 1940-х и 1950-х, когда массачусетское содружество решило объявить о помиловании, но никак не могло справиться с мыслями по поводу законодательства. Один адвокат перед лицом комитета сената возражал, что не стоит «играть с историей» [40]. Некоторые законодатели боялись многомиллионных исков за причиненный ущерб. Другие намекали, что помилование может скинуть салемских ведьм с их привораживающих туристов метел. Так как Содружества Массачусетса не существовало в 1692 году, оно, конечно, не имело юрисдикции над вердиктом Колонии Массачусетского залива. На Хеллоуин 2001 года – через несколько недель после того, как мы снова начали задумываться о невидимом зле, – Массачусетс помиловал оставшихся осужденных. Среди них были Сюзанна Мартин и Бриджет Бишоп, которые сначала превращались в мерцающие огни и тревожили мужчин в их постелях, а потом долго вместе сидели в омерзительной салемской тюрьме. Против обеих женщин свидетельствовал Пэррис, а Мэзер поносил их на бумаге. Бишоп не вполне была уверена, что такое ведьма. Бьющиеся в конвульсиях девочки совершенно ее обескуражили. «Ты думаешь, они заколдованы?» – спросил Хэторн у Сюзанны Мартин [41]. «Нет, –

сказала она за триста девять лет до собственного оправдательного приговора. – Я так не думаю».

Благодарности

В 2008 году Дэвид Д. Холл заметил, что десятки лет изучения XVII века ставят все новые и новые вопросы, – но вряд ли он предполагал, что кто-то сочтет это наблюдение за приглашение к действию. С тех пор он терпеливо и внимательно – и невероятно часто – отвечает на мои вопросы, от самых базовых до самых безумных. Наконец-то я с огромным удовольствием могу выразить ему благодарность, которая сравнима лишь с моим восхищением его работой. Также я в неоплатном долгу перед Джоном Демосом, сделавшим XVII столетие местом более дружелюбным, чем оно когда-либо было даже в самый солнечный день под кружку сидра. На свете не так уж много людей, которые знают, например, что, если в 1692 году вы летите верхом на палке над вершинами деревьев, направляясь на юго-восток от Андовера, вдали виден океан. Огромное спасибо Ричарду Б. Траску, архивариусу города Данверса, который знает.

Моей опорой, подчас критически важной, были следующие эксперты: Дж. М. Битти, Элизабет Бувье, Ричард Годбир, Эван Хефели, Хендрик Хартог, Ричард Р. Джонсон, Дэвид Томас Кониг, Ив Лаплант, Кеннет П. Минкема, Джон М. Меррин, Дэниел Ричман, Бернард Розенталь, Дэвид Грант Смит, Роджер Томпсон, Дуглас Уиньярски и Майкл П. Уиншип. Также я очень признательна за помощь с архивными материалами Кенту Бикнеллу, Робину Бриггсу, Кэролин Брумхэд, Николасу Кронку, Ребекке Эрхардт, Дэвиду Феррьеро, Аманде Форман, Джонатану Галасси, Малькольму Гэскиллу, Биргитте Лагерлеф-Женте, Полу Леклерку, Мари Леннерсанд, Кришнакали Льюис, Майре Лириано, Меган Маршал, Скотту Макайзеку, Стивену Митчеллу, Оливеру Морли, Роберту Дж. О'Харе, Юнис Панетте, Кэролин Престон, Кэтлин Роу, Робу Шапиро и Эбби Вольф. За содействие в работе с архивами и за разрешение цитировать рукописи хочу особенно поблагодарить Ирен Аксельрод, Сидни И. Бергера, Кэти М. Флинн и Кэтрин Робертсон из музея Пибоди, Эссекс; Д. Brentона Симонса, Бриджет Донахью, Тимоти Соллса и Сюзанн М. Стюарт из Исторического генеалогического общества Новой Англии; Барбару С. Мелони из библиотеки Пьюси Гарвардского архива; Эми Коффин из

Исторического общества Топсфилда; Ингу Ларсон и Кэрол Маджахад из Исторического общества Северного Андовера; Криса Кобялксу из первой церкви Салема; Дану Стрит из музея Мартас-Виньярд; Ричарда Б. Траска из архивного центра Данверса при институтской библиотеке Пибоди; Питера Драмми, Илейн Граблин, Илейн Хиви и Брендю Лоусон из Массачусетского исторического общества; Элизабет Уоттс Поуп, Эшли Каталдо и Кимберли Тони Пелки из Американского антикварного общества; Барбару Остен из Коннектикутского исторического общества; Джастина Сандарама и Эндрю Айсодоро из Библиотеки Джона Бернса при Бостонском колледже; а также Элизабет Бувье, заведующую архивом Массачусетского высшего апелляционного суда.

Мэтью Дж. Бойлан, Элла Делейни, Кейт Фостер, неутомимые Мэри Манн, Рейчел Райдерер, Дэвид Смит, Тим Уэйлс и Энди Янг помогли в поисках и проверке информации. Том Пучняк мастерски выискивал иллюстрации. Анна Айзенберг, Лиз Бенсли, Эллен Фельдман, Патти Фостер, Гарри Франкфурт, Шелли Фридман, Лори Гриффит, Митч Кац, Шарлотт Кингхэм, Суад Криска, Мамива и Говард Медвед, Кармен Марино, Рональд С. Росботтом, Робин Рью, Андреа Версенни, Уилл Свифт, Штраус Зелник и Уильям Зинсер многократно ныряли вместе со мной в XVII столетие. Элинор Лимпан прочитала самую первую версию этой книги и улучшила каждую ее страницу. Эрик Симонофф и Алиша Гордон – самые неравнодушные, самые терпеливые агенты в мире.

Было огромной честью снова работать с безупречным Майклом Пьетшем. Я обязана ему многим, но в особенности хочу отметить его непревзойденное редакторское мастерство. За океаном меня продолжает восхищать команда издательства Little, Brown – в частности, Рейган Артур, Аманда Брауэр, Аманда Браун, Виктория Чоу, Хизер Фэйн, Лиз Гаррига, Джейн Яффе Кемп, Мари Мундака, провидцы и, может быть, даже волшебники Марио Дж. Пулис, Трейси Роу и Трейси Уильямс. Дом страдает, еще и когда женщина пропадает в архивах – и если есть на свете возможность отблагодарить Марка де ла Брюйера и наших детей за то, что они умудряются цвести в мое отсутствие, то я обязательно эту возможность отыщу.

Примечания

Документы, накопившиеся за три сотни лет, способны добавить к книге примерно столько же страниц со списком источников. Работы, которые сформировали этот текст и к которым я регулярно обращалась, перечислены в избранной библиографии (приведена ниже). Большинство источников 1692 года печатались и перепечатывались, я постаралась упомянуть самые легкодоступные издания. Больше текстов XVII века можно найти на сайте «Собрания колдовства» библиотеки Корнеллского университета; большинство проповедей доступны онлайн; основная часть оригиналов документов из Салема выложена на отличном ресурсе Университета Виргинии, посвященном салемам процессам. Далее представлены сокращения для основных источников, в числе которых – авторитетные «Протоколы салеменной охоты на ведьм» 2009 года, документ, впервые предлагающий привести дошедшие до нас записи событий в хронологический порядок:

B&N *Boyer and Nissenbaum*, eds., Salem-Village Witchcraft: A Documentary Record of Local Conflict in Colonial New England
Burr Narratives of the New England Witchcraft Cases
CM *Diary Mather*, Diary of Cotton Mather
Magnalia *Mather*, Magnalia Christi Americana
MP *Mather*, Memorable Providences
WOW *Mather*, Wonders of the Invisible World
IP *Mather*, Illustrious Providences
JH John Hale: A Man Beset by Witches
SPN *Cooper and Minkema*, eds., The Sermon Notebook of Samuel Parris
RFQC The Records and Files of the Quarterly Courts of Essex County
R *Rosenthal* et al., eds., Records of the Salem Witch-Hunt
SS *Diary Sewall*, The Diary of Samuel Sewall
Sibley Sibley's Harvard Graduates
EIHС Essex Institute Historical Collections

Томас Патнэм – один из самых плодотворных поставщиков сведений о судебных заседаниях, однако далеко не самый творчески одаренный – писал то «ведьма», то «веьтма». Явление превращалось у него в «являэнье», «дочь» в «дотч», «меланхолия» в «маллонкелию». Ради удобочитаемости я немного адаптировала орфографию и позволила себе некоторые вольности с пунктуацией. Написание всех имен собственных совпадает с написанием их в «Протоколах салемской охоты на ведьм». Аббревиатуры для Джона Хейла, Коттона Мэзера, Инкриза Мэзера и Сэмюэла Пэрриса: JH, CM, IM, и SP; NE – Новая Англия. Названия основных архивов сокращены следующим образом:

MHS Massachusetts Historical Society
AAS American Antiquarian Society
DAC Danvers Archival Center, Peabody Institute Library
NEHGS New England Historic Genealogical Society
PEM Phillips Library, Peabody Essex Museum
PRO Public Records Office, Kew

1. Болезни потрясений

1. *Anton Chekhov. Letters on the Short Story, the Drama, and Other Literary Topics.* New York: Benjamin Blom, 1964. P. 8.

2. Историком XIX в. был Чарльз У. Апхэм. О Титубе и вуду: *Bernard Rosenthal. Tituba // OAH Magazine of History, July 2003. P. 48–50; Rosenthal. Salem Story. P. 10–31; Rosenthal. Tituba's Story // New England Quarterly, June 1998. P. 190–203.* О высоком статусе образования в Массачусетсе: *Lawrence A. Cremin. American Education: The Colonial Experience.* New York: Harper and Row, 1970. P. 207. Гретхен Адамс делает интересное наблюдение: Юг США начал эксплуатировать миф о сжигании ведьм в напряженные 1850-е: *Gretchen Adams. The Specter of Salem.* Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 95–96.

3. Это невозможно из-за ошибок в опознании и пробелах в записях. Бойер и Ниссенбаум в «Обезумевшем Салеме» говорят о 141 человеке; Розенталь в «Салемской истории» – о 156; Эмерсон У.

Бейкер в «Буре колдовства» дает цифру 169 или 172; Кёлер в «Поиске власти» – 204 (*Boyer and Nissenbaum. Salem Possessed; Rosenthal. Salem Story; Emerson W. Baker. A Storm of Witchcraft. New York: Oxford, 2015; Koehler. Search for Power*). Один источник того времени указывает, что осужденных было больше двухсот. Если это так, значит, утеряно гораздо больше документов, чем мы думаем.

4. *Magnalia*, 2: 411. Возможно, это была опечатка.

5. R, 392; о виновном невинном – 145.

6. Свои предположения уже внесли ученые из всех возможных областей. Вместо полной библиографии предлагаю почитать лучшие обзоры гигантского объема литературы: *John Demos. The Enemy Within. P. 189–215. David D. Hall. Witchcraft and the Literature of Interpretation // New England Quarterly, June 1985. P. 253–81. John M. Murrin. The Infernal Conspiracy of Indians and Grandmothers // Reviews in American History, December 2003. P. 485–94. Trask. The Devil Hath Been Raised, x. О вражде поколений: Demos. Entertaining Salem; о региональных различиях и этнической вражде: Elinor Abbot. Our Company Increases Apace. Dallas: SIL International, 2007; Richard Slotkin. Regeneration Through Violence. New York: Harper, 1996; об экономической вражде: Boyer and Nissenbaum. Salem Possessed; об остаточной, привезенной с собой региональной вражде: Cedric B. Cowing. The Saving Remnant. Urbana: University of Illinois Press, 1995; о вражде полов: Koehler, *Search for Power*; об эпидемии летаргического энцефалита: Laurie Winn Carlson. A Fever in Salem. Chicago: Ivan R. Dee, 2000; о спорынье: Ergotism: The Satan Loosed in Salem? // *Science* 192, April 1976. P. 21–26; о духовных столкновениях: Richard Latner, 'Here Are No Newters': Witchcraft and Religious Discord in Salem Village and Andover // *New England Quarterly*, March 2006. P. 92–122. Бенджамин С. Рэй опровергает теорию уютной размолвки востока с западом, предложенную Бойером и Ниссенбаумом в «Заколдованном Салеме»: Benjamin C. Ray. The Geography of Witchcraft Accusations in 1692 Salem Village // *William and Mary Quarterly* 65, July 2008. P. 449–78. О налогах: Noel D. Johnson and Mark Koyama. Taxes, Lawyers, and the Decline of Witch Trials in France // MPRA, working paper no. 34266, October 2011; о заговоре: Enders A. Robinson. The Devil Discovered: Salem Witchcraft 1692. Prospect Heights, IL: Waveland, 1991. Эмили Остер предполагает, что лихорадочная охота на ведьм совпала с*

локальным ледниковым периодом: *Emily Oster*. Witchcraft, Weather, and Economic Growth in Renaissance Europe // *Journal of Economic Perspectives* 18. Winter 2004. P. 215–228; связь с погодой: *James Sullivan*. The History of the District of Maine. Boston: Thomas and Andrews, 1795. P. 212. Спросите сегодняшних участниц исторической реконструкции «Плимутская плантация», какой месяц самый суровый, – они не колеблясь ответят: февраль.

7. *Chadwick Hansen*. Andover Witchcraft and the Causes of the Salem Witchcraft Trials // *The Occult in America*, ed. *Howard Kerr* and *Charles Crow*. Urbana: University of Illinois, 1983. P. 53.

8. *Nicholas Noyes*. New-England's Duty and Interest to Be an Habitation of Justice and Mountain of Holiness. Boston, 1698.

9. *СМ*. Small Offers Towards the Service of the Tabernacle in the Wilderness. Boston, 1689.

10. Метафора «противостояния чему угодно» взята из Генри Адамса: см. *Stephen Innes*. Creating the Commonwealth: The Economic Culture of Puritan New England. New York: W. W. Norton, 1995. P. 312.

11. *Edward J. Ward*. Boston 1682 и 1699: A Trip to New England. Providence, RI: Club for Colonial Reprints, 1905. P. 54. Сьюэлл и члены суда: *SS Diary*, 2. P. 966. Вице-губернатор Нью-Гемпшира: *John Usher Papers*, Ms. N-2071, 102, MHS. Данфорт цитирует Иоанна Крестителя: *Roger Thompson*. Cambridge Cameos. Boston: New England Historic Genealogical Society, 2005. P. 146. Заключенный: *History of Salem*, 3. P. 186; кошка-убийца: *R*, 436; топор (оба свидетельства – против Сюзанны Мартин): *R*, 276.

12. *Ola Elizabeth Winslow*. Meetinghouse Hill. New York: Macmillan, 1952. P. 54.

13. Никто не разбирается в этом вопросе лучше А. Роджера Экирха: *A. Roger Ekirch*. At Day's Close: A History of Nighttime. London: Weidenfeld, 2005. Я благодарна Джону Демосу (*John Demos*), привлечшему мое внимание к этой книге. Также хорошее представление о диких землях дают следующие современные источники: *Peter N. Carroll*. Puritanism and the Wilderness. New York: Columbia University Press, 1969; *William Cronon*. Changes in the Land. New York: Hill and Wang, 1983; *John R. Stilgoe*. Common Landscape of America. New Haven, CT: Yale University Press, 1982. Бешеный кабан:

R, 359. Очень часто в литературе жители Новой Англии говорят о себе «слышавший свидетель» – слова и звуки играли первую скрипку.

14. *CM Diary*, 1. P. 171–173. В итоге он перехитрил дьявола – стал проповедовать без записей, по памяти. Это события сентября 1693 года; целью визита Мэзера в Салем было в том числе убедиться, что «полные данные о последних случаях ведовства и одержимости бесами не утеряны».

15. *John Hull*. The Diaries of John Hull. Boston: John Wilson, 1857. P. 231.

16. *CM in Burr*, 101.

17. *John Bowle*, ed. The Diary of John Evelyn. Oxford: Oxford University Press, 1983, 2. P. 235. Интересный источник об этой «сдержанной враждебности»: *Michael Garibaldi Hall*. Edward Randolph and the American Colonies, 1676–1703. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1960.

18. Письмо Джона Хиггинсона сыну от 31 августа 1692 года: *Fam. Mss. 433*, Higginson Family Papers, PEM); В книге «Дьявольские силки» Нортон утверждает, что СП сжег свои записи: Norton, *In the Devil's Snare*. P. 13.

19. О приписываемых разным людям показаниях и отчетах, стенограммах и пробелах: *Marion Gibson*. Reading Witchcraft: Stories of Early English Witches. London: Routledge, 1999; *Peter Grund*. From Tongue to Text: The Transmission of the Salem Witchcraft Records // *American Speech* 82, Summer 2007. P. 119–150; *Studia Neophilologica* 84 (2012), особенно эссе авторов: *Matti Peikola*, *Matti Rissanen*, *Leena Kahlas-Tarkka*; *Grund et al.* Editing the Salem Witchcraft Records: An Exploration of a Linguistic Treasury // *American Speech* 79, Summer 2004. P. 146–167; *Grund*. The Anatomy of Correction // *Studia Neophilologica* 79 (2007). P. 3–14.

20. R, 196–197.

21. *Samuel Willard*. A Complete Body of Divinity. Boston: B. Green, 1726. P. 627.

2. Старый искуситель

Лучшее описание некомфортной среды, в которой жили пуритане: *David D. Hall*. *The Mental World of Samuel Sewall* // *Proceedings of the MHS*, vol. 92 (1980). P. 21–44. *Edward Eggleston*. *The Transit of Civilization: From England to America in the Seventeenth Century*. Boston: Beacon, 1959. *Eve LaPlante*. *Salem Witch Judge: The Life and Repentance of Samuel Sewall*. New York: Harper, 2007. *Silverman*. *Life and Times of Cotton Mather*. *Richard P. Gildrie*. *The Profane, the Civil, and the Godly*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. О тьме, холоде и внешнем климате: *Carroll*. *Puritanism and the Wilderness*. *Ekirch*. *At Day's Close*. О деталях литургии: *Charles E. Hambrick-Stowe*. *The Practice of Piety: Puritan Devotional Disciplines in Seventeenth-Century New England*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. Никто не умеет рыться в исторических документах в поисках следов повседневной жизни (хотя и с меньшим количеством аннотаций), чем Элис Морс Ирль (*Alice Morse Earle*). См. также *George Francis Dow*. *Domestic Life in New England in the Seventeenth Century* // *Topsfield Historical Collections* 29, 1928. *Jonathan L. Fairbanks*, ed., *New England Begins: The Seventeenth Century*. Boston: Museum of Fine Arts, 1982; *Roger Thompson*. *Sex in Middlesex: Popular Mores in a Massachusetts County, 1649–1699*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1986; *Laurel Thatcher Ulrich*. *Good Wives*. New York: Vintage, 1991; *Winslow*, *Meetinghouse Hill*. О местности: *Katherine Alysia Grandjean*. *Reckoning: The Communications Frontier in Early New England*. PhD diss., Harvard, 2008. О звуках: *Richard Cullen Rath*. *How Early America Sounded*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. С бесчисленным множеством других деталей мне очень помог архивариус города Данверса, *Richard B. Trask*.

1. см *Diary*, 1. P. 144.

2. Детали полета взяты из показаний Фостер и Кэрриер, их детей и внуков: *R*. P. 467–475; *Hale* in *Burr*. P. 418; *WOW*. P. 158. Об особенностях ландшафта: *Cronon*. *Changes in the Land*. P. 22–31. *Joshua Scottow*. *A Narrative of the Planting of the Massachusetts Colony, Anno 1628*. Boston, 1694; *Hull*, *Diaries*. P. 225; interviews with *Richard Trask*, November 28, 2012, and February 8, 2015. Глэнвилл перепечатал рассказ о шведском происшествии из: *Anthony Horneck*. *An Account of What Happened in the Kingdom of Sweden*. London: St. Lownds, 1682. P. 10.

Чарльз Мак-Кэй упоминает об огромной высоте: *Charles MacKay*. *The Witch Mania* (extracted from *Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds*. London, 1841). P. 550. Об Андовере и шотландцах: *Abbot*. *Our Company*. О непроходимой дороге: *RFQC*, 9. P. 69.

3. О зловещей тишине: *Ekirch*. *At Day's Close*. О хвосте бобра: *John Giles*. *Memoirs of Odd Adventures, Strange Deliverances, Etc. in the Captivity of John Giles*. Cincinnati: Spiller and Gates, 1869. P. 40; «отвратительная возня и рычание»: *John Josselyn*. *New-England's Rarities*. Boston: William Veazie, 1865. P. 48; вопль толпы: *SS Diary*, 1. P. 509; стая голубей: *CM in Silverman*, *Selected Letters*. P. 34. По словам Джосслина, они были такими толстыми, что могли заслонить солнце. Жуткий рев: *SS Diary*, 1. P. 288; треск досок: *Gildrie*, *The Profane*, xi; *RFQC*, 9. P. 580–584; размножающиеся черепахи: *Giles*. *Memoirs*. P. 42.

4. *Magnalia*, 2: 537–540. См. также *Marshall W. S. Swan*. *The Bedevilment of Cape Ann* // *EIHC*117, July 1981. P. 153–177.

5. *R*, 244; перенос верстовых столбов: *R*, 258–259; кастрюля: *R*, 412; метла: *R*, 409.

6. *SS Diary*, 2. P. 750. Это работало в обе стороны. Мэзер утверждал, что, когда индейцы впервые увидели человека на лошади, они «приняли двух этих существ за одно»; *MP*, 7.

7. *SS Diary*, 1. P. 331. Бакстер задолго до того заметил, что молния чаще попадает в церкви, чем в замки. На это наблюдение Мэзер ссылается в: *A Midnight Cry*. Boston, 1692. Также он настаивает, что молнии предпочитают бить в дома пасторов: *Magnalia*, 2. P. 313.

8. *Magnalia*, 2. P. 537. Четыре вооруженных индейца: *RFQC*, 4. P. 230. Сгоревший дом: *Charles H. Lincoln*, ed., *Narratives of the Indian Wars, 1675–1699*. 1913; repr., New York: Barnes and Noble, 1959. P. 83.

9. *Magnalia*, 2. P. 515.

10. *Daniel Gookin*, цит. по: *Carroll*, *Puritanism and the Wilderness*. P. 207. Округ Эссекс потерял больше убитыми, чем вся остальная колония. «Думаю, ни один город в этой провинции не пострадал в этой войне так, как Салем», – писал Джон Хиггинсон – младший своему брату в 1697 году: *Higginson Family Papers*, *MHS Collections*, 1838. P. 202. О войне короля Филипа: *Jill Lepore*. *The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity*. New York: Vintage, 1999.

11. См. *Emerson W. Baker and James Kences. Maine, Indian Land Speculation, and the Essex County Witchcraft Outbreak of 1692 // Maine History* 40, Fall 2001. P. 159–89. Потери противоположной стороны были еще более ужасными. По самым оптимистичным подсчетам, коренное население Новой Англии составляло около 100 000 человек в 1600 году. К концу столетия (когда англичан в Америке уже было порядка 90 000) эта цифра сократилась до 10 000.

12. *John Dunton. John Dunton's Letters from New England. Boston: Prince Society, 1867. P. 293.*

13. 540 RFQS, 5. P. 290.

14. *Hugh Stone in Magnalia, 2. P. 356–362.*

15. Цит. по: *Karlsen. The Devil. P. 100*; ранние подозрения насчет Кэрриер: *R, 734.*

16. Титуба сообщила в показаниях 2 марта 1692 года, что колдовать они начали примерно за шесть недель до того: *R, 135.*

17. *JH in Burr. P. 413.* Хейл говорил, что эти симптомы полностью совпадали с симптомами у Гудвинов; Мэзер в *Magnalia, 2. P. 409* описывает их более выраженными.

18. *Robert Calef in Burr. P. 342.*

19. *Magnalia, 2. P. 396–403.* Такие эпидемии разражались как минимум трижды до того: *Koehler, Search for Power. P. 175.* С тех пор как Мэзер описал историю Гудвинов, произошел еще один случай колдовства, а у детей Гудвинов приступы повторились. «Воображаемый конь»: *MP. P. 29.* «Мучительные припадки» не были редкостью: см. *RFQS, 3. P. 54* и *Demos, Entertaining Salem. P. 166–172*; считалось, что их насылает дьявол. По словам Джошуа Мууди, обеих женщин Гловер осудили и посадили в тюрьму: *Joshua Moody, letter to IM, MHS. Осужденная Гловер – скорее всего, Мэри: Massachusetts Archive Series, vol. 35. P. 95–96, 254, Massachusetts State Archives.*

20. *Richard Bernard. A Guide to Grand-Jury Men. London: Felix Kyngston, 1629. P. 45.*

21. О домашних обязанностях пуритан: *Alice Morse Earle. Child Life in Colonial Days. Stockbridge, MA: Berkshire House, 1993*; *David Freeman Hawke, Everyday Life in Early America. New York: Harper and Row, 2003.*

22. *Autobiography of the Rev. John Barnard // Proceedings of the MHS, vol. 5 (1836). P. 187.* Пэрриса не помнили бы сегодня, если бы он

только читал проповеди.

23. О случае в Коннектикуте см. краткое и элегантное исследование: *Richard Godbeer. Escaping Salem: The Other Witch Hunt of 1692.* New York: Oxford University Press, 2005. P. 25. Описывая один случай после Салема, Мэзер тоже делал упор на собрании «незаинтересованных свидетелей». О том, насколько редко больных оставляли одних, см., например: *Peter Thacher diary*, P-186, MHS. О постелях больных, *Hall, Worlds of Wonder.* P. 197.

24. *Calef* in Burr. P. 242. Мэзер писал, что порядка пятидесяти свидетелей собрались вокруг Мерси Шорт в 1693 году: *The prayer and psalms, CM* in Burr. P. 276.

25. *Sanford J. Fox. Science and Justice: The Massachusetts Witchcraft Trials.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1968. P. 55. Были и «мудрые, нежные, преданные делу» терапевты, но это были врачи от бога. Часто терапевтов готовили для пастырства.

26. *Harriet S. Tapley. Early Physicians of Danvers // Historical Collections of the Danvers Historical Society 4, 1916.* P. 73–88. О сердце ежа: *Lawrence Hammond. Diary Kept by Captain Lawrence Hammond, 1677–1694.* Cambridge: John Wilson and Son, 1892. О зачаточном состоянии медицины: *George Francis Dow. Every Day Life in the Massachusetts Bay Colony.* Boston: Society for the Preservation of New England Antiquities, 1935. P. 174–198; *Patricia A. Watson. The Angelical Conjunction: The Preacher-Physicians of Colonial New England.* Knoxville: University of Tennessee Press, 1991). Z. Endicott Book of Remedies // *Frederick Lewis Gay Papers, Ms. N-2013, MHS.*

27. *Anthony S. Patton. The Witch Doctor // Harvard Medical Alumni Bulletin. Winter 1999.* P. 34–39. *Robinson. The Devil Discovered.* P. 117–118.

28. *Thomas Ady. A Candle in the Dark.* Boston, 1656. P. 120.

29. *Samuel Willard. Samuel Willard's Account of the Strange Case of Elizabeth Knapp in Groton // Mather Papers, MHS.*

30. *JH* in Burr. P. 413.

31. Мэзер о сходстве: Burr. P. 136; «Совершенно обычная вещь»: *David C. Brown. The Salem Witchcraft Trials: Samuel Willard's Some Miscellany Observations // EINC122 (1986).* P. 228. Инкриз Мэзер утверждал, что можно одновременно подхватить обе эти напасти: *IM* в IP. P. 198. Лучше всего об этом: *David Harley. Explaining Salem:*

Calvinist Psychology and the Diagnosis of Possession // *American Historical Review* 101, April 1996. P. 307–330. Дэвид Харли отмечает, что «в Новой Англии тогда не было традиции одержимости бесами» (313). Майкл Долтон перечисляет семь признаков того, что человека околдовали: *Michael Dalton. The Country Justice. Boston, 1678*. ИМ предлагает шесть признаков одержимости. Они пересекаются. Ричард Рэйзвелл и Питер Дендл заявляют, что симптомы идентичны: *Richard Raiswell and Peter Dendle. Demon Possession in Anglo-Saxon and Early Modern England // Journal of British Studies* 47, October 2008. P. 738–767.

32. SPN. P. 188–190.

33. *CM Diary*, 1. P. 471.

34. Goodwin in Burr. P. 131; «школа благочестия»: *CM Diary*, 2. P. 265.

35. Джон воспользовался старым английским рецептом, который был в ходу по обе стороны Атлантики (и открыто осуждался И. Мэзером в IP. См. *Roger Thompson. Salem Revisited // Journal of American Studies* 6, December 1972. P. 332. Вариант этого эксперимента проводился во время салемиких слушаний: R, 318 (тогда целитель предположил, что наутро ведьма будет мертва). Пэррис высказался недвусмысленно: это была идея Сибли, исполнитель – Джон. У него не было причин преуменьшать роль Титубы, тем более что она во время обсуждаемого происшествия уже сидела в тюрьме. Однако это не помешало ей предстать перед нами в роли изготовительницы ведьмина пирожка (*JH in Burr. P. 413; Lawson in Burr. P. 162*). Хейл либо запутался в собственных воспоминаниях, либо самостоятельно получил от Титубы какую-то информацию (*JH, 44*). Пэррис позже извинится за поведение своих слуг – во множественном числе.

36. *Parris in B&N. P. 278*; «что она совершила»: Пэррис в приходской книге, запись от 27 марта.

37. См. бесценное сочинение: *Richard Trask. The Devil Amongst Us: A History of the Salem Village Parsonage // Danvers Historical Society (1971): P. 1–12; Richard P. Gildrie. Salem, Massachusetts, 1626–1683: A Covenant Community. Charlottesville: University Press of Virginia, 1975. Gildrie. Salem Society and Politics in the 1680s // EHC114, October 1978. P. 185–206. Много мелких деталей в переписке семьи Хиггинсон: MHS, 1838.*

38. *B&N. P. 229–231*. Петиция от 1667 года.

39. SPN. P. 184. О трактовке Коттона Мэзера: *см* Diary, 2. P. 581.
40. RFQC, 7. P. 248–249.
41. Salem Village Book of Transactions, November 25, 1680, DAC. О все более частом использовании контрактуализма в договорах со священниками: *Hall, Faithful Shepherd*. P. 187–194.
42. RFQC, 9. P. 30–32, 47–49.
43. B&N. P. 171; также см. *Perley. History of Salem*, vol. 2. P. 172. Берроуз был не единственным, кто занимал деньги у прихожан, не желавших платить нанятым служащим.
44. *Lawson*, October 6, 1713, Ms. Rawlinson, D839, Bodleian Library. Не сохранилось записей о том, что Лоусон учился в Кембридже, Оксфорде или Тринити-колледже в Дублине или окончил какой-то из этих вузов – хотя он и утверждал, что посещал Кембридж, бывший центром пуританского обучения. Моя благодарность Сюзанне М. Стюарт (Suzanne M. Stewart) из NEHGS и Тиму Уэйлсу (Tim Wales) из Англии за обстоятельные поиски информации о Лоусоне. О его речевом стиле: см. May 22, 1680, Massachusetts Archives Collections, vol. 39. P. 658, Massachusetts State Archives. «Господь не прельщается»: *Lawson. The Duty and Property of a Religious Householder*. Boston, 1692. Также см.: *Charles Edward Banks. The History of Martha's Vineyard*. Boston: George H. Dean, 1911, vol. 2. P. 149–150.
45. B&N. P. 344–345.
46. *Silverman. Life and Times of Cotton Mather*. P. 332.
47. RFQC, 9. P. 448.
48. См. *George Francis Dow. History of Topsfield, Massachusetts*. Topsfield, MA: Topsfield Historical Society, 1940). P. 320–330.
49. *Willard to IM*, July 10, 1688, MHS; жульничающие и недоедающие: *СМ. New England's Choicest Blessing*, 1679. P. 8; *СМ. A Monitory Letter Concerning the Maintenance of an Able and Faithful Ministry*, 1700; *Konig. Law and Society*. P. 98–108.
50. *Samuel Eliot Morison. Harvard College in the Seventeenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936, 1. P. 103–106.
51. *Claude M. Fuess. Andover: Symbol of New England*. Andover, MA: Andover Historical Society, 1959. P. 105. Холл считает историю апокрифической: *Hall, Faithful Shepherd*. Однако описанные чувства вполне настоящие.

52. *Gildrie*. The Profane. P. 148. Также о содержании пасторов: *Samuel Swett Green*. The Use of the Voluntary System in the Maintenance of Ministers. Worcester, MA: Charles Hamilton, 1886.

53. *CM Diary*, 1. P. 351.

54. *IM*, Practical Truths Tending to Promote the Power of Godliness, 1682.

55. *SPN*, 290.

56. *Stout*. New England Soul, 4. По подсчетам Стаута, среднестатистические 7000 проповедей за жизнь прихожанина равняются 15 000 часов прослушивания.

57. См. *Gragg*, Quest for Security и *Gragg*. The Barbados Connection // *New England Historical and Genealogical Record* 140, April 1986. P. 99–113; *Gragg*. Samuel Parris: Portrait of a Puritan Clergyman // *EIHC*119, October 1983. P. 209–237. Об экономическом климате: *Carl Bridenbaugh*. Cities in the Wilderness. New York: Capricorn Books, 1964; *Richard S. Dunn*. The Barbados Census of 1680: Profile of the Richest Colony in English America // *William and Mary Quarterly* 26, 1969. P. 3–30. Честно говоря, время Пэррису досталось отвратительное. Когда он вернулся на Барбадос, там начались погодные катаклизмы, а под конец его пребывания разразилась эпидемия оспы. Торговля в Новой Англии стала почти невозможной, так как губернатор Андрос задушил ее своими законами о мореплавании. Interviews with David Hall, November 29, 2012, and September 21, 2013.

58. Cited in *Samuel P. Fowler*. An Account of the Life, Character, Etc. of the Reverend Samuel Parris of Salem Village. Salem: William Ives, 1857, 1. Не было ничего необычного в том, чтобы подчеркнуть сложность задачи, хотя обычно это делалось иначе – с целью указать на несоответствие требованиям. См. *Memoir of Rev. John Hale* // *Proceedings of the MHS*, vol. 7 (1838). P. 257.

59. *SPN*, 84.

60. *Perry Miller* and *Thomas H. Johnson*, eds. The Puritans: A Sourcebook of Their Writings. New York: Harper, 1963, 1. P. 60. О палитре Новой Англии: *David Hackett Fischer*. Albion's Seed. New York: Oxford University Press, 1989. P. 140. Фишер называет преобладавший в ней цвет «гарвардским грязно-багровым».

61. A General Account of the Transaction between the Inhabitants of Salem Village and My Self, Samuel Parris. W. L. Clements Library,

University of Michigan.

62. *Alice Morse Earle*. The Sabbath in Puritan New England. Charleston, SC: Bibliolife, 2008. P. 140. Если в доме было два камина, то в год вам требовалось 30 кордов дров (корд – мера, равная 3,63 м³) – либо 4000 м² (40 соток) дерева на корню: *Hawke*, *Everyday Life*. P. 55. Штраф за срубленное дерево диаметром больше 61 см составлял 100 фунтов, что в два раза превышало годовой доход пастора: *Journal of Lords of Trade*, 2 September 1691, CO 391/7, 42–44, PRO. По новой хартии все деревья такого размера считались собственностью королевского флота.

63. *SP*. A General Account. W. L. Clements Library, University of Michigan.

64. *SPN*, 51. Interview with David Hall, September 21, 2013.

65. *Dunton*. *Dunton's Letters*. P. 255. Он цитировал Нойеса. О Хиггинсоне: *Proceedings of the MHS*, vol. 16 (1902). P. 478–520.

66. *Hall*. *Faithful Shepherd*. P. 193. Поселение Беверли подарило Хейлу дом гораздо меньших размеров и два акра земли после тридцати лет службы.

67. *SP's* October 28, 1690, list of proposals, Simon Gratz Collection, the Historical Society of Pennsylvania. О приходской книге Пэрриса: *Marilynne K. Roach*. *Records of the Rev. Samuel Parris // New England Historical and Genealogical Register* 157, January 2003. P. 6–30 (DAC).

68. Record book, 18 November 1691, DAC. The rattling coughs: *Earle*. The Sabbath. P. 53–63; *Winslow*. Meetinghouse Hill. P. 56.

69. Возможно, Пэррис отменял январские проповеди из-за холода – а возможно, из-за странного оживления в рядах публики, которое уже вполне могло начаться.

70. Cited in *David H. Flaherty*. *Privacy in Colonial New England*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1972. P. 135. Об охоте на белок: *Joseph Green diary*, DIA 72, PEM. См. Также *Peter Thacher diary*, P-186, MHS; *Autobiography of the Rev. John Barnard*. P. 219, 233; *CM*. A Monitory Letter, 1700.

71. *Proceedings of the MHS*, vol. 17 (1879). P. 263.

72. The Old Deluder Act of 1647 // *Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in NE* (1853), vol. 2. P. 203.

73. RFQC, 5. P. 378.

74. *Autobiography of the Rev. John Barnard*. P. 178. Двенадцать кругов: *William L. Joyce et al., eds., Printing and Society in Early America*. Worcester, MA: AAS, 1983. P. 22.

75. *SPN*. P. 236 о еде. P. 318 о розге. *CM: Some Special Points, Relating to the Education of My Children // Miller and Johnson*. *The Puritans*, 2. P. 724–727. Упражнения для детей появляются то тут, то там в дневниках Коттона Мэзера.

76. *SPN*. P. 183, 193.

3. Творение чудес

1. *Arthur Conan Doyle*. *The Man with the Twisted Lip // The New Annotated Sherlock Holmes*. New York: Norton, 2005. P. 183.

2. Об апокалиптической погоде: *Hammond diary*, P-363, MHS. Все четыре фермера подали иски, хотя затронут был только дом Патнэма.

3. См. *Eli Faber*. *Puritan Criminals: The Economic, Social, and Intellectual Background to Crime in Seventeenth-Century Massachusetts // Perspectives in American History* 11, 1978. P. 83–144; *David Flaherty*. *Law and the Enforcement of Morals in Early America // Perspectives in American History* 5, 1971. P. 203–253.

4. Гуд отлично вписывалась даже в представление скептика о ведьме. См. описание «этих жалких существ» Реджинальда Скота от 1584 года в: *Katherine Howe, ed. The Penguin Book of Witches*. New York: Penguin, 2014. P. 20; RFQC, 9: 579–580.

5. *R*, 423; также *R*, 411. Показания Херрика: *R*, 424.

6. *Sewall* in 1714, процитировано у: *Richard Francis*. *Judge Sewall's Apology*. New York: Harper and Row, 2005. P. 326. Похоже, до Америки к тому моменту еще не дошло ни одного произведения Шекспира, ни в одной описи имущества не упоминается живопись. Орган: *Thomas Wertenbaker*. *The Puritan Oligarchy*. New York: Scribner's, 1947. P. 128.

7. См. *Abbot*. *Our Company*. P. 181–182; о барочных формах: *Robert J. Dinkin*. *Seating the Meeting House in Early Massachusetts // New England Quarterly* 43. September 1970. P. 450–456.

8. См. *J. M. Beattie*. *Crime and the Courts in England*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986; *John H. Langbein*. *The Origins of Adversary Criminal Trial*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 43;

Langbein. The Criminal Trial Before the Lawyers // *University of Chicago Law Review* 45, winter 1978. P. 263–316. Битти указывает, что акцент в слушаниях делался на словах свидетеля, а не ответчика, а целью было подтвердить не столько обвинения, сколько вину подозреваемого; см. интервью с Дж. М. Битти, 29 сентября, 2014. *R*, 127–130 – о слушаниях по делу Гуд. Мерси Шорт позже опишет свое состояние как «на последнем издыхании». О последовательности событий на слушании: *R*, 46.

9. *Documentary History of the State of Maine*. Portland: Maine Historical Society, 1869, 5. P. 92–93.

10. RFQS, 9: 398–99; лепечущие мужчины, облеченные некоей ответственностью: RFQS, 3: 398.

11. См. *Matthew Hopkins*. The Discovery of Witches. Essex, UK: Charles Clark's, 1837, 2; *CM*. Optanda, Good Men Described and Good Things Propounded. Boston: 1692. P. 88; *Samuel Willard*. The Character of a Good Ruler. Boston: 1694. P. 30; *CM*. Fair Weather, or Considerations to Dispel the Clouds and Allay the Storms of Discontent. Boston: 1692. P. 33, 37; *CM*. The Present State of New England. Boston: 1690. P. 42. «Дьявольская музыка» – из *Fair Weather*. P. 49.

12. *R*, 127. Ее сон: *Ibid.*, 127–128.

13. Интервью с Дж. М. Битти, 9 сентября 2014.

14. *JH*, 73.

15. См. *Chadwick Hansen*. The Metamorphosis of Tituba, or Why American Intellectuals Can't Tell an Indian Witch from a Negro // *New England Quarterly* 47. March 1974. P. 3–12. В *Rosenthal*. Tituba's Story особенно наглядно показано, как Апхэм (Чарльз Уэнтворт Апхэм, историк салемских процессов, опубликовал в 1867 году двухтомный труд «Салемское колдовство», оказавший огромное влияние на взгляды будущих исследователей) проанализировал Коттона Мэзера и создал образ Титубы, частично основываясь на вымышленных историях. Скрупулезное изучение личности Титубы и аргументы в пользу теории о ее южноамериканских корнях: *Elaine G. Breslaw*. Tituba, Reluctant Witch of Salem. New York: New York University Press, 1996. О показаниях Титубы: *Matti Rissanen*. 'Candy No Witch, Barbados' // *Language in Time and Space*, ed. *Heinrich Ramisch and Kenneth Wynne*. Stuttgart: Franz Steiner, 1997. P. 183–193. *Rissanen* (p. 191) отмечает, что имеется 130 слов Гуд против 700 слов Титубы; *Dawn Archer*. 'Can

Innocent People Be Guilty?’ // *Journal of Historical Pragmatics*, 2002. P. 220. Арчер отмечает, что Хэторн задал Титубе 39 вопросов; *Kathleen L. Doty*. *Telling Tales: The Role of Scribes in Constructing the Discourse of the Salem Witchcraft Trials* // *Journal of Historical Pragmatics*, 2007. P. 35. Доти отмечает, что судьи обращаются с Титубой мягче, чем с Сарой Гуд. Также см. отличную статью *Risto Hiltunen* ‘Tell Me, Be You a Witch?’: Questions in the Salem Witchcraft Trials of 1692 // *International Journal for the Semiotics of Law* 9, 1996. P. 17–37. Титуба заранее анонсировала свое выступление, и суд нанял нескольких репортеров, словно ожидалось что-то грандиозное: *R*, 128–136.

16. *Alan Macfarlane*. *The Family Life of Ralph Josselin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 145.

17. *R*, 141; *Sibley*, *R*, 425. Розенталь указывает на расхождения в их рассказах: в одном случае Сибли бьет женщину по спине, в другом – по руке: *Rosenthal*. *Salem Story*. P. 17–19.

18. *R*, 135.

19. Они появлялись в Новой Англии редко, но все же появлялись: см. *David D. Hall*, ed. *Witch-Hunting in Seventeenth-Century New England*. Boston: Northeastern University Press, 1991. P. 119. Раньше ни один из них не играл главной роли в деле о колдовстве. После признания Титубы договоры с дьяволом стали повсеместными.

20. *Dunton*. *Dunton’s Letters*. P. 119–120.

21. *RFQC*, 4. P. 275; *RFQC*, 8. P. 31–32; *RFQC*, 9. P. 26.

22. *JH* in *Burr*. P. 415.

23. *Kahlas-Tarkka*. ‘I Am a Gospel Woman’ // *Studia Neophilologica* 84. P. 58.

24. *JH* in *Burr*, 415.

25. *Joseph Glanvill*. *Saducismus Triumphatus* // Gainesville, FL: *Scholars’ Facsimiles*, 1966. P. 268. Книга впервые издана в 1681 году. Интересна этимология слова: английское «wizard» (колдун, волшебник) происходит от немецкого корня «*issen*» (знать), а «witch» – от «*wiccian*» (околдовывать, насылать чары)^[199].

26. *RFQC*, 4. P. 57.

27. О властях см. *Dalton*. *The Country Justice*. P. 73; *Thomas*. *Religion and the Decline of Magic*. P. 530; *Koehler*. *Search for Power*. P. 270. Ведьмин знак – относительно новое добавление.

28. Описание скрежета зубов, пены изо рта и разных акробатических трюков: *Bernard*. A Guide to Grand-Jury Men. Другие симптомы идеально совпадают с описаниями в работе *Dalton*. The Country Justice. Сьюэлл всегда имел ее экземпляр при себе во время процессов; EINC129, 1993. P. 68–69.

29. Литература по этой теме обширна. Я особенно доверяю следующим источникам: *Robin Briggs*. Witches and Neighbors: The Social and Cultural Context of European Witchcraft. London: Penguin, 1998; *Fox*. Science and Justice; *Christina Lerner*. Witchcraft and Religion: The Politics of Popular Belief. London: Blackwell, 1984; *Brian P. Levack*. The Witchcraft Sourcebook. New York: Routledge, 2010; *Alan Macfarlane*. Witchcraft in Tudor and Stuart England. New York: Harper and Row, 1970; *Brian A. Pavlac*. Witch Hunts in the Western World. Westport, CT: Greenwood, 2009; *Thomas*. Religion and the Decline of Magic. Были исключения насчет оргий: дело 1662 года в Коннектикуте включало танцы и секс с дьяволом. Первая известная казнь описана в *Fox*. Science and Justice – здесь отмечается, что не существует задокументированной истории без ведьм. О традиционном шабаше: *Carlo Ginzburg*. Ecstasies: Deciphering the Witches' Sabbath. New York: Pantheon, 1991.

30. *IM* in *IP*. P. 165. О тавернах: *Richard P. Gildrie*. Taverns and Popular Culture in Essex County, MA, 1678–1686 // EINC124, 1988. P. 162.

31. Cited in: *Louise A. Breen*. Transgressing the Bounds. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 178; «самые горькие пьяницы»: *Gildrie*. Taverns and Popular Culture. P. 163. Современный историк – это *Emil Oberholzer Jr*. Delinquent Saints: Disciplinary Action in Early Congregational Churches of Massachusetts. New York: Columbia University Press, 1956. P. 152.

32. *IM* cited in *Koehler*. Search for Power. P. 271.

33. Или, как сказал Сэмюэл Уиллард в своей проповеди в июне 1692 года, дьявол «целится в душу, но, если не добьется в этом успеха, всю свою энергию обрушит на тело» (*Sewall sermon notebook*, Ms. N-905, MHS).

34. Если говорить о статистике, то больше всего ведьм казнили в католической Германии и Северной Франции. Нормандский остров Гернси: *Levack*, The Witchcraft Sourcebook. P. 185. Хотя ведьмы и

оказались вездесущими, все же у них имелись предпочтения. Джон Гол в 1646 году писал в книге, хорошо известной в Новой Англии (*John Gaule, Select Cases of Conscience*): «Среди католиков было, есть и, похоже, будет больше ведьм, чем среди протестантов. Не только потому, что их папы, священники, монахи и монашки (многие) всегда колдовали. Но и потому, что эти почитаемые ими чудеса и суеверные обряды ничем не лучше колдовства».

35. *Edward K. Trefz. Satan in Puritan Preaching // Boston Public Library Quarterly 8, 1956. P. 71–84; Trefz. Satan as the Prince of Evil // Boston Public Library Quarterly 1955). P. 3–22; Andrew Delbanco. The Death of Satan: How Americans Have Lost the Sense of Evil // New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. Paul Carus, The History of the Devil and the Idea of Evil. La Salle, IL: Open Court, 1974.*

36. *Demos. The Enemy Within. P. 90.*

37. *Hall. Witch-Hunting. P. 24. Об истории Новой Англии: Demos. Entertaining Salem. P. 401–409.*

38. *MP. P. 1–44. Проблема, вероятно, заключалась в гэльском языке, которым Коттон владел не очень уверенно: он решил, что ирландцы использовали одно слово для обозначения «духов» и «святых». P. 11. Марта Гудвин назвала еще нескольких мучителей, Мэзер оставил эту информацию при себе.*

39. *Journal of Jasper Danckaerts. New York: Scribner's, 1913. P. 290.*

40. *R, 370.*

41. Ее обнаружил Розенталь: *R. P. 16.*

42. *Godbeer. Escaping Salem.*

43. *JH in Burr, 412. О снисходительности системы: David D. Hall. A Reforming People. New York: Knopf, 2013. P. 87. Однако из всех 56 человек, отправленных на виселицу в Массачусетсе с 1630 по 1692 год, большинство казнили именно за колдовство, и их было вдвое больше, чем обвиненных в чем-либо другом.*

44. *Koehler. Search for Power. P. 291.*

45. *Albert Kyper, цит. по: Stuart Clark. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 233.*

46. *William Perkins. Discourse of the Damned Art of Witchcraft. Cambridge: Cantrell Legge, 1618. P. 31. Колонисты в поиске ответов обращались к Перкинсу вновь и вновь.*

47. *Glanvill. Saducismus Triumphatus*. P. 67.

48. *Magnalia*, 1. P. 187.

49. *CM in Burr*. P. 261. Это, как отмечал Мэзер, совпадало с описаниями, долетавшими из-за границы. Интересно, что в католических странах дьявол не давал христианам читать «папские книжки», а в Новой Англии мешал девочке-пуританке читать опусы Мэзера.

50. См., например, *IM*, *Angelographia* или *A Discourse Concerning the Nature and Power of the Holy Angels*. Boston, 1696. P. 111.

51. RFQS, 8: 272. Эпитеты различались от колонии к колонии, где вас могли списать со счетов как простофилю, обезьяну, старого жулика: см. *John Demos. Remarkable Providences*. Boston: Northeastern University Press, 1991. P. 288. Джон М. Маррин (*John M. Murrin*) также отмечает, что в записях новоанглийских судебных слушаний фигурируют грех и зло, грех и грязь, в то время как в других колониях – тяжкие преступления и мелкие правонарушения: см. *David Hall et al., eds. Saints and Revolutionaries: Essays on Early American History*. New York: W. W. Norton, 1984. P. 188. См. также *Hall. Witch-Hunting*. P. 87. *Hall. Worlds of Wonder*. P. 74; «столько от дьявола»: RFQS, 7. P. 362. Об индейцах и дьяволе: *David S. Lovejoy. Satanizing the American Indian // New England Quarterly* 67, December 1994. P. 603–621.

52. *David Hall. The Uses of Literacy in New England, 1600–1850 // Printing and Society in Early America*. P. 36.

53. См. *Bernard Bailyn. The New England Merchants in the Seventeenth Century*. New York: Harper, 1955. P. 110. Заносчивый английский чиновник был, по мнению Инкриза Мэзера, «сыном дьявола»: *Edward Randolph Papers*, III. P. 329.

54. *SPN*. P. 184.

55. *WOW*. P. 10.

56. *CM in Levack. The Witchcraft Sourcebook*. P. 112.

57. В 1640-х считали, что апокалипсис состоится в 1650-х: *Hall. Faithful Shepherd*. P. 86. Д. Станнард ожидал его начиная с 1655 года: *David E. Stannard. The Puritan Way of Death*. New York: Oxford University Press, 1977. P. 123.

58. *Carus. The History*. P. 379–390.

59. *CM in Burr*. P. 143.

60. *Lawson* in *ibid.* P. 342. Могла быть еще одна причина, чтобы отослать из дома Бетти. Муди в 1688 году рассказывал о детях Гудвинов: «Один шаг в своем доме – и у них тут же припадок, вне дома же они в порядке».

61. Цит. по: *Lawson* in *Burr.* P. 160. Бетти больше не упоминалась в жалобах на ведьм 1692 года.

62. *R.* P. 149–150. О предыдущем браке: *Eleanor V. Spiller.* Giles Corey // *Essex Genealogist* 5, February 1985. P. 11–14.

63. *R.* P. 152–153. Марту Гудвин точно так же протащили по дому Мэзера «чьи-то невидимые руки».

64. *CM, Ornaments for the Daughters of Zion.* Boston, 1692. *Jane Kamensky.* *Governing the Tongue: The Politics of Speech in Early New England.* New York: Oxford University Press, 1997. В статье *Words, Witches, and Women Trouble: Witchcraft, Disorderly Speech, and Gender Boundaries in Puritan New England* // *EINC128*, October 1992. P. 307, Каменски совершает интереснейший экскурс в лексикон того времени, с графиком особенностей речи, присущих обвиненным.

65. Розенталь считает, что ей еще не было тридцати: *Salem Story*, 229n and RFQC, 8. P. 348, 424.

66. *R.* P. 160–161.

67. *R.* P. 155.

4. Один из вас – диавол

1. *Blaise Pascal.* *Thoughts.* New York: Collier Press, 1910. P. 220.

2. *Lawson* in *Burr*, 152. Лоусон и Пэррис не могли не общаться: книгу Перкинса, лежавшую на столе Пэрриса, привез дьякон из конгрегации Лоусона. Лоусон, Коттон Мэзер и Пэррис регулярно обращались к одним и тем же образам в те месяцы.

3. Interview with *David Hall*, January 23, 2013.

4. *Lawson* in *Burr.* P. 148.

5. Этот крик напоминает немецкое заклинание 1637 года, произносившееся для взлета метлы: «Вууш! Вверх по дымоходу! Вон из окна!»: *The Witchcraft Sourcebook.* P. 207.

6. *Calef* in *Burr.* P. 148–153.

7. *Lawson* in *Burr.* P. 154.

8. *Earle*, *The Sabbath*. P. 96–97. Женщины так часто выступали на собраниях квакеров, что можно спокойно называть их пасторшами, обижался Коттон Мэзер в своей работе *Little Flocks Guarded Against Grievous Wolves*. Boston: 1691. P. 94.

9. *Lawson* in *Burr*. P. 154–155.

10. *B&N*. P. 296.

11. *R*. P. 146; *Lawson* in *Burr*. P. 156.

12. *R*. P. 162. Роуч полагает, что соседей позвала семья Нёрс: *Marilynne Roach*. *Six Women of Salem*. New York: Da Capo, 2013. P. 130. О семье: *Lee Shai Weissbach*. *The Townes of Massachusetts* // *EIHC118*, 1982. P. 200–220; *RFQC*, 5. P. 341.

13. *Lawson* in *Burr*. P. 157–158. У Лоусона имелись причины сомневаться: гадание по Библии строго осуждалось. Абзац, о котором идет речь, служил быстрым и точным тестом на определение судьбы о местонахождении гадающего в Судный день. Его целью было заставить нечестивцев корчиться в муках: из переписки с Дэвидом Холлом, September 24, 2013. Энн была на шестой неделе беременности. В своих трансах Мерси Шорт называла удивительно подходящие абзацы: *CM* in *Burr*. P. 275.

14. *R*. P. 157–158, 160–161. Лоусон отмечает ее равнодушие: *Christ's Fidelity: The Only Shield Against Satan's Malignity*. London: J. Lawrence, 1704. P. 109.

15. *MacKay*. *The Witch Mania*. P. 510.

16. *Lawson* in *Trask*. *The Devil Hath Been Raised*. P. 65–106. Он мог дописать проповедь после прочтения и до публикации, как станет делать потом.

17. Все мужчины, казненные в Массачусетсе за колдовство до 1692 года, были женаты на ведьмах. Так что у мужа имелись причины обличать жену.

18. *R*. P. 155–156, 163.

19. *Lawson* in *Trask*. *The Devil Hath Been Raised*. P. 95; от «низкие и дурные» до «один из вас – дьявол»: *SPN*. P. 194–198. О таком внезапном кульбите: interview with *David Hall*, November 29, 2012. До марта Пэррис не верил, что кто-то может не по своей воле сотрудничать с дьяволом. Хлопанье дверью: *Lawson* in *Burr*. P. 161; interview with *Richard Trask*, November 28, 2012. Уход Клойс: *R*. P. 415.

20. *R*. P. 538.

21. R. P. 537. Сообщивший об этом юноша был женат на женщине из семейства Клойс.

22. Коттон писал свой отчет о происходящем у Гудвинов в режиме реального времени, что позволяло Марте многократно его перечитывать. Она ругала работу и предупреждала автора, что «скоро у него из-за этой истории начнутся неприятности».

23. *David D. Hall. Toward a History of Popular Religion in Early New England // William and Mary Quarterly 41, January 1984. P. 49–55.* Джон Дейн обращался к Библии, чтобы решить, ехать ли ему в Новую Англию, где будет меньше соблазнов: *John Dane's Narrative // New-England Historical Genealogical Record, April 1854. P. 154;* семейство Сьюэлл расходилось по спальням с Библиями после ссор. Одна женщина использовала свою Библию, чтобы огреть ею помощника нью-гемпширского шерифа: *Koehler. Search for Power. P. 372.*

24. См. *CM. Midnight Cry; Roger Thompson 'Holy Watchfulness' и Communal Conformism // New England Quarterly 56, December 1983. P. 504–522;* и *Earle. The Sabbath. P. 75–77* – о дьяконах-сторожах. Лезть в чужие дела значило, по утверждению Эдмунда Моргана, быть хорошим пуританином.

25. *CM Diary, 1. P. 369.*

26. Цит. по: *Miller and Johnson. The Puritans, 1. P. 245.*

27. *Stout, New England Soul. P. 31.* Если почитать записи, становится понятно, что Бог с самого начала был не очень доволен Новой Англией. И своего отношения не изменил: в 1701 году название проповеди «Предзнаменования грядущих несчастий» все еще звучало актуально.

28. *Scottow, A Narrative. P. 28.*

29. Особенно хорошо об этом периоде: *David S. Lovejoy. The Glorious Revolution in America. New York: Harper and Row, 1972.* Об окончании благоденствия: *Timothy H. Breen and Stephen Foster. The Puritans' Greatest Achievement: A Study of Social Cohesion in Seventeenth-Century Massachusetts // Journal of American History 60, June 1973. P. 16.*

30. *Letter from New England, November 11, 1694, CO 5/858, PRO.*

31. Цит. по: *The Andros Tracts. New York: Burt Franklin, 1868, 1. P. 26.* Дантон описывал речь Хиггинсона как «проблеск небес» в *The Life and Errors of John Dunton. London: J. Nichols, 1818. P. 127.*

32. *Edward Johnson*. Johnson's Wonder-Working Providence. New York: Elibron Classics, 2005. P. 210.

33. Историки радостно отмечали, что этот бунт произошел за восемьдесят шесть лет до ночного рейда Пола Ревира^[200]. Вавилонская башня: Эдвард Рандольф – губернатору Барбадоса, 16 мая 1689, *Edward Randolph: Letters and Official Papers*. Boston: Prince Society, 1899, 4. P. 267.

34. *Aldous Huxley*. The Devils of Loudun. New York: Harper and Brothers, 1953. P. 39. Объявление: *Ann M. Little*. Men on Top? The Farmer, the Minister, and Marriage in Early New England // *Pennsylvania History* 64, summer 1997. P. 134.

35. См. *Lawrence Stone*. The Disenchantment of the World // *New York Review of Books*, December 2, 1971, и *David Stannard*. Death and the Puritan Child // *American Quarterly*, December 1974. P. 472.

26. *John Partridge*. Monthly Observations and Predictions for This Present Year, 1692. Boston: Benjamin Harris, 1692, 4. Предсказание альманаха на апрель было даже еще более зловещим: «Если сейчас замышляется какое-то мошенничество против правительства, то будьте уверены: в этом по уши замешана женщина. Но что бы там ни было, женщина – в основе, и деяние злодейское». О переплетении науки и магии, фольклора и эрудиции: Hall's seminal 1990 *Worlds of Wonder*; *Walter W. Woodward*. Prospero's America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010; *John Winthrop* et al. Scientific Notes from the Books and Letters of John Winthrop, Jr. // *Isis* 11, December 1928. P. 325–342; *Jon Butler*. Magic, Astrology, and the Early American Religious Heritage // *American Historical Review* 84, April 1979. P. 317–346; и *Ann Kibbey*. Mutations of the Supernatural: Witchcraft, Remarkable Providences, and the Power of Puritan Men // *American Quarterly* 34, summer 1982. P. 125–148. Как правило, чем больше вы погружались в науку, тем больше интереса проявляли и к сверхъестественному.

37. *Cremin*. American Education. P. 189–207. В Массачусетсе было больше образованных людей, чем в любой другой колонии, и больше случаев колдовства.

38. *Harley*. Explaining Salem. P. 315.

39. *Michael P. Winship*. Encountering Providence in the Seventeenth Century // *EИНС126* (1990). P. 35. Удача еще на сцене не появлялась. Если пленница обрушивалась сразу после того, как вы велели детям

от нее отойти, это считалось Божьим провидением. Тренировка апокалипсиса: *SS Diary*, 1. P. 331.

40. *Karen Kupperman*. *Climate and Mastery of the Wilderness in Seventeenth-Century New England* // *Seventeenth-Century New England*, ed. *David Hall and David Allen*. Boston: Colonial Society of Massachusetts, 1984. P. 9. Чрезмерная радость от секса: *Edward Taylor*, cited in *Koehler*, *Search for Power*. P. 80. Боль в колене: *The Autobiography of Increase Mather* // *Proceedings of the AAS, Worcester*, 1961. P. 350. См. также *Kibbey*. *Mutations of the Supernatural*.

41. *Records of the Cambridge Association of Ministers, October 13, 1690* // *Proceedings of the MHS, vol. 17, 1880*. P. 264.

42. *Hull, Diaries*. P. 136.

43. RFQC, 2. P. 101. Кентлбери пришел к соседке, чтобы пожаловаться на ее свинью, пасущуюся в его огороде. Соседка в ответ первым делом сообщила ему, что он «щенок, пройдоха и жаба».

44. Джордж Ли Хаскинс отмечал, что в первоначальной хартии указывались две параллельных друг другу реки, которые на самом деле были параллельными, только если у наблюдателя было легкое косоглазие: *George Lee Haskins*. *Law and Authority in Early Massachusetts*. New York: Macmillan, 1960. P. 9.

45. *SP's October 28, 1690, list of proposals, Simon Gratz Collection, the Historical Society of Pennsylvania*. Коттон Мэзер называл дьявола «возмутителем спокойствия в мире»: *Things to Be Look'd For, 1691*. P. 18.

46. RFQC, 3. P. 54–55.

47. *Lawrence W. Towner*. 'A Fondness for Freedom': *Servant Protest in Puritan Society* // *William and Mary Quarterly* 19, April 1962. P. 212; *Roger Thompson*. *Adolescent Culture in Colonial Massachusetts* // *Journal of Family History*, summer 1984. P. 133; RFQC, 3. P. 66. «Потому что она была»: RFQC, 8. P. 222–224. Мол был квакером, его служанка – ирландской католичкой, так что бой не состоялся. Дело было закрыто.

48. *CM in Burr*. P. 95.

49. *R*. P. 188.

50. *R*. P. 172–173.

51. *CM, Midnight Cry*. P. 21. Проповедь, в которой Коттон ссылался на договоры с дьяволом и соответствующие обвинительные приговоры, была немедленно опубликована.

52. Town Records of Salem, MA, vol. 3 (Salem: Essex Institute, 1934), 201–202. Interview with Richard Trask, January 21, 2015.

53. *Perley*. History of Salem, vol. 3. P. 430–434.

54. *Rosenthal*. Salem Story. P. 125; *Doty*, Telling Tales; *Gibson*. Reading Witchcraft. P. 12–49. Пэррис позже признал свои ошибки.

55. См. Meredith Marie Neuman, *Jeremiah's Scribes: Creating Sermon Literature in Puritan New England* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013), 66.

56. См. Экспертные расследования Роджера Томпсона, особенно: Roger Thompson, “The Transit of Civilization: The Case of Thomas Danforth”, в *The Transit of Civilization*, ed. Winfried Herget and Karl Ortseifen (Tubingen: Gunter Narr, 1986), 37–44 и Thompson, *Cambridge Cameos*.

57. R. P. 173–174.

58. Вложенное письмо Деодату Лоусону: A Further Account of the Trials of the New England Witches. Boston, 1693, 1.

59. R. P. 182.

60. *Calef* in Burr. P. 348.

61. R. P. 181. Розенталь полагает, что Проктера могли арестовать: *Rosenthal*. Salem Story. P. 110–111. Ордер не сохранился.

62. R. P. 710–711.

63. RFQS, 1. P. 152, 172; RFQS, 7. P. 90–91. Эпизод с грязной водой: RFQS, 1. P. 208–209. «Рука зла»: RFQS, 7. P. 90. Чудесное расследование дела Кори: *David C. Brown*. The Case of Giles Corey // EHC121 (1985). P. 282–299; а также *Spiller*. Giles Corey.

64. R, 187–188.

65. R, 184–185. В 1679 году Бриджет также появилась перед очевидцем, который клялся, что она его околдовала, «как вот сейчас стоит перед судом»: RFQS, 7. P. 329; RFQS, 4. P. 90, 386. О чете Бишоп: *David L. Greene* // *American Genealogist* 227, July 1981. P. 131–138. Не облегчало положение и то, что в том районе имелось не менее четырех Эдвардов Бишопов, как отмечает Мэрилин Роуч. Даже Хейл не мог всех их удержать в памяти.

66. R. P. 197; «порвут в ключья»: R. P. 203.

67. R. P. 189–194. Абигейл не упоминает Берроуза до следующего допроса: см. *Rosenthal*. Salem Story. P. 42–43. Она присутствовала на большом слете ведьм: R. P. 198.

68. R, 204. Бенджамин Рэй подсчитал, что Томас Патнэм написал больше 120 показаний и жалоб – то есть треть от общего числа. По словам Рэя, коронная фраза Патнэма «с наибольшим прискорбием» появляется в его бумагах 172 раза. Патнэм подал самую первую жалобу, как и самую последнюю, 17 сентября: *Benjamin C. Ray. Satan and Salem. Charlottesville: University of Virginia Press, 2015.*

5. Колдун

1. Чарльз Диккенс. Большие надежды. Собрание сочинений, т. 23.
2. Бреслау отмечает: один судебный репортер не считал, что высокий мужчина из Бостона, о котором рассказала Титуба, вообще достоин упоминания: *Breslaw, Tituba*. P. 118. Абигейл и Деливеранс Хоббс представили другие версии шабаша с другими служителями.
3. *Robert Calef. More Wonders of the Invisible World. London: Nath. Hillar, 1700.* P. 165. Эдвард Дж. Уорд был невысокого мнения о стоматологии в Массачусетсе: *Edward J. Ward. Boston in 1682 and 1699.* P. 53.
4. *CM to John Richards, May 31, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College.*
5. *Dunton. Dunton's Letters.* P. 255; Higginson Family Papers, MHS. О его стихах: *Sibley*. P. 245. О сжигании бумажных фигурок: *R.* P. 464.
6. *CM to Richards, May 31, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College.*
7. WOW. P. 14. Джошуа Скоттау сообщает, что из-за воплей казалось, «будто ад разверзся». *Joshua Scottow. A Narrative.* P. 47.
8. *Bernard. Guide to Grand-Jury Men,* цит. по: *Trask. The Devil Hath Been Raised.* P. 135. Об особой важности признания: *Hall, A Reforming People.* P. 86.
9. *R.* P. 211. О «высоком черном человеке»: *R.* P. 213.
10. *R.* P. 207.
11. *R.* P. 215. Уильям Хоббс также затруднялся с интерпретацией эпидемии.
12. *R.* P. 205. Дэвид Браун предполагает, что девочки сделали это нарочно, для пущей убедительности: *David C. Brown // A Guide to the Salem Witchcraft Hysteria of 1692 (self-published, 2000).*

13. R. P. 237; *Lawson* in *Burr*, 163; R. P. 555, 561–563.

14. R. P. 220. Через десять дней Деливеранс упомянула еще жареное и вареное мясо: R. P. 237.

15. R. P. 505–6. Далтон обнаружил разницу между заклинателями и колдунами: о заклинателях утверждали, будто они действительно могли вызывать дьявола: *Dalton*. *The Country Justice*.

16. R. P. 243. Еще больше помогла Элизабет Хаббард. Он был «маленьким черноволосым человечком, одетым во все темное»; «словно кровь»: приложение Лоусона к *Christ's Fidelity*. P. 99; ср. R. P. 246. Если бы Берроуз не признался, две эти женщины угрожали, что снова явятся в суде; см. *Magnalia*, 1: p. 189 о еще большей боязни привидений. Инкриз Мэзер говорил, что разница между привидениями и призраками неясна; *IP*. P. 204. О женах Берроуза: *David L. Greene*. *The Third Wife of the Rev. George Burroughs* // *American Genealogist* 56, 1980. P. 43–45.

17. R. P. 243–244.

18. Я в долгу перед Дэвидом Холлом, который предоставил мне текст своей неопубликованной беседы (*David Hall*, September 12, 2012, Huntington Library talk).

19. О правописании: *Upham*. *Salem Witchcraft*. P. 143; *Roach*. *Six Women of Salem*. P. 29; «исключительно невинными»: *Henry Alexander*. *The Language of the Salem Witchcraft Trials* // *American Speech* 3, June 1928. P. 392; *Grund*. *Editing the Salem Witchcraft Records*. P. 158.

20. R. P. 336–337.

21. *CM*. *Ornaments, Eureka: The Virtuous Woman Found*; «принцем и судьей»: *Michael Walzer*. *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics*. London: Weidenfeld, 1965. P. 190; «Хорошо; а что, если у меня нет отца?»: *CM* in *Burr*. P. 270. Маргарет Рул задерживает молодых людей: *Burr*. P. 327; «да будут они висеть»: Цит. по: *Michael Hall*, *The Last American Puritan: The Life of Increase Mather*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1988. P. 143. «Прельщайте детей»: *CM*. *Small Offers*. P. 48; «Из родительской любви»: *SPN*. P. 117. *Steven Mintz*. *Huck's Raft: A History of American Childhood*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. P. 7–32. См. также: *Thompson*. *The Case of Thomas Danforth*. P. 34.

22. Цитата матери 1680 г.: *Earle*. *Child Life*. P. 100.

23. *CM*. A Discourse on the Power and Malice of the Devils // *MP*. P. 15.

24. *Ross W. Beales Jr.* In Search of the Historical Child // *American Quarterly* 27, October, 1975. P. 384.

25. *SS Diary*, 1: p. 345–346, 348–349, 355, 359–360. Дантон о мебелировке: *Dunton's Letters*. P. 254. *Stannard*. Death and the Puritan Child. P. 473. Бетти выйдет замуж, родит семерых детей и умрет в 34 года.

26. *Thomas White*. A Little Book for Little Children. Boston: 1702. P. 13; *Faber*. Puritan Criminals. P. 91. Или, как выразился Джеймс Джейнуэй: «Они не слишком малы, чтобы умереть, и не слишком малы, чтобы отправиться в ад». О служанке Сьюэллов: *SS Diary*, 2. P. 731. «Она была в темноте»: *MP*. P. 46. Апокалиптические сцены могли быть до странного похожи на черные мессы, где женщины тоже улетали в неизвестность, чтобы общаться с мифическими тварями: *Stout*. New England Soul. P. 48. О блюющих кровью драконах цит. по: *Joyce*. Printing and Society in Early America. P. 42.

27. *Stannard*. Puritan Way of Death. P. 70.

28. *CM Diary*, 2. P. 359. Он переживал: вдруг его замечания недостаточно язвительны? По свидетельству очевидцев, дети очень боялись дней рождений, гораздо больше, чем их отец.

29. *Peter Charles Hoffer*. Law and People in Colonial America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. P. 71; *Mintz*. Huck's Raft. P. 8; *James Axtell*. The White Indians of Colonial America // *Colonial America: Essays in Politics and Social Development*, ed. *Stanley N. Katz* and *John M. Murrin*. New York: Knopf, 1983. P. 43. «Нельзя английским родителям»: *CM*, Small Offers. P. 44; *Stannard*, Death and the Puritan Child. P. 476; *James E. Kences*. Some Unexplored Relationships of Essex County Witchcraft to the Indian Wars of 1675 and 1689 // *EIHC120*, July 1984. P. 186.

30. *Samuel Mather*. The Home Life of Cotton Mather // *A Library of American Literature*, ed. *Edmund Stedman* and *Ellen Hutchinson*. New York: Charles Webster, 1891.

31. *Kathryn Zabelle Derounian*. The Publication, Promotion and Distribution of Mary Rowlandson's Indian Captivity Narrative in the Seventeenth Century // *Early American Literature* 23, 1988. P. 239–261.

Дэвид Холл считает, что эти сказки проникли в грунтовые воды: interview with Hall, October 19, 2012.

32. *SS Diary*, 1. P. 328.

33. Там же. P. 145. Мэри Роулэндсон не могла находиться в одной комнате с мертвецом. Крайне оригинальная работа о детях и мертвецах: *Michael MacDonald. Mystical Bedlam*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 76.

34. RFQC, 8. P. 355, 424, 430; *Autobiography of the Rev. John Barnard*. P. 179.

35. *Mintz, Huck's Raft*. P. 33.

36. *Katz and Murrin, Colonial America*. P. 136; *Stannard, Death and the Puritan Child*. P. 466; *Thompson, Adolescent Culture*. P. 129. Некоторые пункты договоров что-то напоминают: ученик должен служить мастеру верой, хранить его секреты, подчиняться его приказам. Взамен мастер обеспечивает ученика «достаточным количеством пищи, питья и одежды, проживанием и стиркой». Договор заключался на семь лет. Дьявольские контракты обычно имели срок шесть или восемь лет.

37. *Adam Phillips. Going Sane*. New York: Harper, 2007. P. 121. Демос отмечает, что детство в Новой Англии длилось очень недолго и что в XVII веке вообще не существовало слова для обозначения периода между пубертатом и зрелостью: *Demos, A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony*. New York: Oxford, 1999. P. 145.

38. *Beales. In Search of the Historical Child*. P. 398; *Faber, Puritan Criminals*. P. 101; RFQC, 8. P. 103; RFQC, 2 P. 238.

39. *William E. Nelson. The Persistence of Puritan Law: Massachusetts, 1660–1760 // Willamette Law Review*, 2013. P. 389.

40. Цит. по: *Alice Morse Earle. Customs and Fashions in Old New England*. New York: Scribner's, 1896. P. 101. См. также: *Faber, Puritan Criminals*; RFQC, 7. P. 419; *Peter Thacher diary*, P-186, MHS; *Towner, 'A Fondness for Freedom'*. P. 208.

41. *E. T. Fisher. The Report of a French Protestant Refugee in Boston, 1687*. Boston, 1868. P. 21.

42. *Hull, Diaries*. P. 130; *Bowle, Diary of John Evelyn*. P. 235. См. *Stout, New England Soul*. P. 105–130, о неповиновении в 1690-х. Ричард С. Данн весьма резко пишет о попытках поселенцев сохранять

достоинство, следуя при этом приказам: *Richard S. Dunn*. Puritans and Yankees: The Winthrop Dynasty of New England. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962.

43. *Joshua Scottow*. Old Men's Tears for Their Own Declensions. Boston: 1691. P. 12.

44. RFQC, 7. P. 44–50.

45. *Towner*, 'A Fondness for Freedom'. P. 205–206; *CM*. A Good Master Well Served. Boston, 1696, 5. P. 52.

46. From *Sarah Knight's* journal, in *Miller and Johnson*, The Puritans, 2. P. 434. Лучшее повествование о пуританах-хулиганах и шутниках: *Thompson*, Adolescent Culture. P. 134–135. Идеальный подросток – почтительный, дисциплинированный, благоразумный и непорочный – оставался существом мифическим.

47. RFQC, 7. P. 42–55.

48. Publications of the Colonial Society of Massachusetts, vol. 22. Boston: Colonial Society, 1920. P. 274.

49. RFQC, 1. P. 390; RFQC, 4. P. 108. *Koehler*, Search for Power – лучшее о непослушании. Также см. *Ulrich*, Good Wives. P. 184–202. Растерянный Коттон Мэзер: *CM Diary*, 1. P. 457. «Грязная шляха»: RFQC, 2. P. 10. Они регулярно оказывались в суде: *N. E. H. Hull*. Female Felons: Women and Serious Crime in Colonial Massachusetts. Urbana: University of Illinois Press, 1987. Они умудрялись душить: *R*. P. 256–257, 372.

50. *Diary*, 1. P. 496. Библейский прецедент: *CM*, Small Offers. P. 30, 44. Группа мужчин из Ипсвича: *Winslow*, Meetinghouse Hill. P. 128.

51. У Коттона Мэзера было девять дочерей, в которых он души не чаял и наверняка много времени посвящал размышлениям о достоинствах женщин. Они были не более порочны и безнравственны, чем мужчины, хотя – и он не мог этого не замечать – сплетничали захлеб и имели склонность к разврату и тщеславию. Священник знал, однако, кто сидит на его проповедях, и соответственно адаптировал слова Лютера: «работа бедной молочницы, если делается с ловкостью и изяществом, вызывает больше восхищения, чем триумфы Цезаря»: *A Good Master Well Served*. P. 34.

52. Из переписки с Дэвидом Холлом, December 27, 2013; *Alden T. Vaughan* and *Edward W. Clark*, eds. Puritans Among the Indians: Accounts

of Captivity and Redemption. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

53. *Hall*. *Worlds of Wonder*. P. 41; «меня поражает»: *Oberholzer*, *Delinquent Saints*. P. 228; «в более плачевном состоянии»: цит. по: *Elizabeth Reis*. *Damned Women: Sinners and Witches in Puritan New England*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999. P. 43. Коттон Мэзер фактически упивался своей порочностью. Он объяснял, что «постоянно презирая себя и проявляя повышенную чувствительность к собственным презренным обстоятельствам, христианин очень угождает Небесам». Женщины, обвинявшие свои души: *Reis*, *Damned Women*. P. 121–164, и *Reis*. *Confess or Deny? What's a 'Witch' to Do?* // *ОАН Magazine of History*, July 2003. P. 11–13. Автор приводит интересное наблюдение: в рассказах о причинах обращения к религии женщины обычно больше фокусировались на своей порочной природе, а мужчины говорили о пьянстве и азартных играх. «Готова остановиться»: *Peter Thacher diary*, P-186, MHS. Отказывавшаяся от еды девочка: *David Hall*, ed. *Puritans in the New World: A Critical Anthology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. P. 131.

54. *Harriet S. Tapley*. *Chronicles of Danvers*. Danvers, MA: Danvers Historical Society, 1923. P. 28.

55. R. P. 225–227, 593–594 – о слушании; R. P. 315 – о топании ногами. См. также *Barbara Ritter Dailey*. 'Where Thieves Break Through and Steal': John Hale Versus Dorcas Hoar // *EIHC128*, 1992. P. 255–269. Колтун: *Lawson*, приложение к *Christ's Fidelity*. P. 112.

56. *Karlsen*, *The Devil*. P. 89–95; R. P. 228–229, 256, 392, 426; RFQC, 4. P. 129–135; *Jesse Souweine*. *Word of Mouth*. Thesis, Cornell, 1996. P. 53–62.

57. Некоторые подозреваемые воздерживались от диагноза «заколдованы». Уилмотт Рид скажет лишь, что девочки в «плачевном состоянии»: R. P. 209, 344.

58. R. P. 242–243.

59. SPN. P. 202–203. Коттон тоже приводил слова Бакстера.

60. RFQC, 9. P. 48–49.

61. О Беппоузе: *Gilbert Upton*. *The Devil and George Burroughs*. London: Wordwright, 1997; *Mary Beth Norton*. *George Burroughs and the Girls from Casco: The Maine Roots of Salem Witchcraft* // *Maine History* 40, winter 2001/2002. P. 258–277; *Edward E. Bourne*. *The History of Wells*

and Kennebunk. Portland: B. Thurston, 1875. P. 171–178. Берроуз, похоже, выступал в защиту Инкриза Мэзера в 1675 году. О Берроузе и церкви: *Francis Baylies. An Historical Memoir of the Colony of New Plymouth.* Boston: Wiggin and Lunt, 1866. P. 75–78. О набеггах: *Lincoln, Narratives of the Indian Wars.* P. 218–240; *Benjamin Bullivant journal, Proceedings of the MHS, vol. 16 (1878).* P. 103–108. О набеге на Каско 1690 года: *John Usher and Colonel Lidget correspondence, CO 5/855, nos. 100, 101, PRO.*

62. Usher to the Earl of Nottingham, October 20, 1692, John Usher Papers.

63. *Roland L. Warren. Loyal Dissenter: The Life and Times of Robert Pike.* Lanham, MD: University Press of America, 1992. P. 167. Насколько знали в Лондоне, Томас Данфорт известил несчастных мэнских поселенцев, что если Христос не может им помочь, то и он тоже не может: Bullivant letter, April 11, 1690, CO 5/855, no. 103, PRO.

64. *Josselyn, in Baker and Reid. New England Knight.* P. 8.

65. Burroughs letter of January 27, 1692, Massachusetts Archives Collection, vol. 37. P. 259, Massachusetts State Archives. См. Также *Kences, Some Unexplored Relationships.* P. 190.

66. Captain Lloyd letter of January 27, 1692, Massachusetts Archives Collection, vol. 38. P. 257, Massachusetts State Archives.

67. *Andros Tracts, 1.* P. 176–178.

68. Bullivant letter, July 1690, CO 5/855, no. 103, PRO.

69. R. P. 241. Документов с предварительного слушания крайне мало. Некоторые обвинения против Берроуза могли всплыть лишь во время августовского заседания, хотя заметки, сделанные во время слушания, демонстрируют, что все темы были уже затронуты в мае. Траск указывает, что некоторые показания были переписаны: *Trask, R. P. 47.* На обратной стороне своего отчета Пэррис нацарапал несколько библейских отрывков об очищении.

70. R. P. 246–247.

71. Развод Сары Барроу, *Records of the Court of Assistants of the Colony of Massachusetts Bay.* Boston, 1901, 3. P. 146.

72. R. P. 241.

73. *CM in Burr.* P. 219.

74. R. P. 249.

75. R. P. 251–252. Где происходило слушание, непонятно. См. *Matti Rissanen*. Power and Changing Roles in Salem Witch Trials // *Studia Neophilologica* 84 (2012). P. 119–129; *Rissanen*, ‘Candy No Witch, Barbados’; *Rissanen*. Salem Witchcraft Papers as Evidence of Early American English // *English Linguistics* (2003). P. 84–114. О вломившихся животных: RFQS, 5. P. 428.

76. R, 288. Это был Джон Уиллард.

77. *Calef* in Burr. P. 347.

78. R. P. 254, 256 или 257; *David L. Greene*. Salem Witches II: George Jacobs // *American Genealogist* 58, April 1982. P. 65–76.

79. R. P. 356–357. Язык вывалился у нее изо рта: R. P. 268–269.

80. R. P. 355.

81. R. P. 527–528. Уилкинс проживет еще с десяток лет и умрет в 92 года. Жители деревни жаловались, что Пэррис назначил Мэри Уолкотт и Абигейл провидицами, Пэррис в ответ клялся, что Мерси Льюис, лежа в болезни, тоже рассказала свою историю. Идея о том, что Уиллард уклонялся от ареста, принадлежит Апхэму.

82. R. P. 281–282, 295, 296, 297.

83. R. P. 286–288. Об участии семьи в деле Уилларда: *Rosenthal*, *Salem Story*. P. 118–119.

84. *Dunton*, *Dunton's Letters*. P. 119. Коттон назвал преддверьем преисподней дом безбожников в своей работе *Batteries upon the Kingdom of the Devil* (1695). P. 62. «Лучше уж жить в тюрьме, в подземелье, чем в таком семействе!»

6. Преддверье преисподней

О политике: *Richard A. Johnson*. Adjustment to Empire. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981; *Owen Stanwood*. The Empire Reformed: English America in the Age of the Glorious Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011; *William Pencak*. War, Politics, and Revolution in Provincial Massachusetts. Boston: Northeastern University Press, 1981; *Viola Florence Barnes*. The Dominion of New England. New York: Ungar, 1960; *Edward Randolph*. Documents and Letters. Отличные портреты колониальной администрации: *Gertrude Ann Jacobsen*. William Blathwayt: A Late Seventeenth-Century English Administrator. New Haven, CT: Yale University Press, 1932 и *Michael Hall*. Edward Randolph and the American Colonies. Особенно четко о периоде между хартиями – и о новой, дестабилизирующей роли народа в гражданских делах: *Breen*. Puritans and Adventurers. P. 81–105. Восстание сослужило хорошую службу пуританской вере. Оно также способствовало укреплению самосознания масс: многие люди отныне хотели, чтобы к ним прислушивались.

1. *Flannery O'Connor*. A Prayer Journal. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013. P. 6.

2. Хотя принято считать, что губернатор Дадли Брэдстрит не вмешивался, этому нет надежных подтверждений. Действительно, из-за бездействия властей снежный ком обвинений все рос и рос. См. *Benjamin C. Ray*. The Salem Witch Mania // Journal of the American Academy of Religion, 2010. P. 5.

3. *Calef* in Burr. P. 349.

4. *Arthur Miller*, introduction, The Crucible. New York: Penguin, 1995, ix.

5. О Бостоне: *Samuel Maverick*. Account of New England // Proceedings of the MHS, vol. 1, 1884. P. 231–251; *Josselyn*. New-England's Rarities. P. 32; *Fisher*, Report of a French Protestant Refugee. О потерянной корове: SS Diary, 1. P. 63; о кабаках на улице: *Bridenbaugh*. Cities in the Wilderness. P. 56.

6. *Magnalia*, 1. P. 183.

7. *CM*, The Present State. P. 35.

8. Об ополчении: *Richard Trask* interview, April 1, 2013. Лучший источник информации о Фипсе: *Baker and Reid*. *New England Knight*. См. также *Viola F. Barnes*. *The Rise of William Phips* // *New England Quarterly*, July 1928. P. 271–294 и *Barnes*. *Phippius Maximus* // *New England Quarterly*, October 1928. P. 532–553, откуда пошли индейцы-ныряльщики, и *T. H. Breen*. *The Character of a Good Ruler*. New York: W. W. Norton, 1974. Кейнс: *A Treatise on Money*. London: Macmillan, 1930, vol. 2. P. 151. Отличный источник о мифологизации губернатора Коттоном Мэзером: *Philip F. Gura*. *Cotton Mather's Life of Phips* // *New England Quarterly* 50, September 1977. P. 440–457. О сравнении с золотым руном: *SS Diary*, 1. P. 172. О прибытии: *Jacob Melyen* letter book, May 25, 1692, AAS.

9. *John Knapp* journal, Egerton Ms. 2526, 5r, 9r, British Library.

10. *Magnalia*, 1. P. 184.

11. Цит. по: *Silverman*, *Life and Times of Cotton Mather*. P. 78. Старая хартия была аннулирована 23 октября 1684 года, а новость о том, что у колонии больше нет вообще никакой хартии, дошла до губернатора самой колонии только 17 апреля 1685 года. См. *Jacobsen*, *William Blathwayt*. P. 128.

12. *Magnalia*, 1. P. 165.

13. *Tamara Plakins Thornton*. *Handwriting in America: A Cultural History*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 39.

14. Цит. по: *Baker and Reid*, *New England Knight*. P. 113.

15. *Benjamin Bullivant* letter, May 19, 1690, CO 5/855, no. 94, PRO.

16. *MP*, appendix 8.

17. Цит. по: *Johnson*, *Adjustment to Empire*. P. 93.

18. *IM*, *The Great Blessing of Primitive Counsellors* (Boston, 1693). P. 19–21.

19. *CM*, *Midnight Cry*. P. 63.

20. *CM*, *Optanda*. P. 70–87. Так он переработал «плевков укора» из *The Present State*. P. 12.

21. Это был Илайша Кук, далеко не единственный, кто не принял новую хартию, навязанную королевской властью.

22. *Nottingham to Blathwayt*, Add. Ms. 37991, fol. 138r, British Library; *IM to Nottingham*, June 23, 1692, CO/5/571, no. 7, PRO.

23. *Phips to William Blathwayt*, October 12, 1692, R. P. 686.

24. В этой истории, привезенной в Новую Англию Гленвиллом, фигурировал более классический милтоновский дьявол, который играл на арфе детям и подбивал взрослых танцевать, веселиться и заниматься сексом: *Birgitta Lagerlöf-Génetay*. *De Svenska Naхprocessernas Utbrottsskede 1668–1671*. Stockholm: Almquist and Wiksell, 1990; *Thomas Wright*, *Narratives of Sorcery and Magic*. London: Bentley, 1851, 2. P. 244–260. Т. Райт отмечает, что эти элементы восходят к более ранним случаям во Франции и Германии. Обычно провидцами были мальчики.

25. *CM to Richards*, May 31, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College.

26. *IM*. *The Autobiography of Increase Mather*. May 14 entry. P. 344. Слово «одержимость» не появлялось в показаниях, пока 17-летняя Маргарет Джейкобс не произнесла его в январе 1693 года.

27. *R*. P. 510–511. Бесплотный голос: *CM* in Burr, 243.

28. *Calef* in Burr. P. 371. О Джейкобсе: *Greene*, *Salem Witches II*.

29. *Norton*, *In the Devil's Snare*. P. 174.

30. *R*. P. 311–312, 624.

31. *R*. P. 309.

32. *WOW*. P. 21.

33. Бернад Розенталь подозревает, что Элизабет Кэри могла на самом деле быть Ханной, как предположил Апхем в *Salem Witchcraft and Cotton Mather // The Historical Magazine*, September 1869. Это дает возможность разобраться с некоторыми разночтениями в датах – как и теория Розенталя о том, что были обвинены две женщины по фамилии Кэри, Элизабет и Ханна: *Rosenthal* e-mail, May 21, 2015. О более раннем деле Кэри: *Records of the Court of Assistants*, 1. P. 106. О льготах на спиртное: *Gildrie*, *Taverns and Popular Culture*. P. 178. О предполагаемом браке Титубы и Джона: *Rosenthal*, *Tituba*. P. 48.

34. *Brattle* in Burr. P. 171; *R*. P. 34; *Lawson*, приложение к *Christ's Fidelity*. P. 102.

35. Цит. по: *Adam Jay Hirsch*. *The Rise of the Penitentiary: Prisons and Punishments in Early America*. New Haven, CT: Yale University Press, 1992. P. 34. См. также *Alice Morse Earle*. *Curious Punishments of Bygone Days*. New York: Book League of America, 1929. P. 30.

36. *Randolph to Robert Chaplin*, October 28, 1689, CO 5/855, no. 46, PRO; *Beattie*, *Crime and the Courts*. P. 299; *R*. P. 311; *RFQC*, 8. P. 335–57;

Perley, History of Salem, vol. 3. P. 241. О посещении тюрьмы: *Calef* in Burr. P. 259–60. Об отпущенных арестантах: RFQC, 7. P. 243.

37. *Dunton*, Dunton's Letters, 120. Дождь в камере: *Randolph* to *Robert Chaplin*, October 28, 1689, CO 5/855, no. 103, PRO.

38. RFQC, 2. P. 227; «почти отравленный»: RFQC8. P. 335. Один капитан корабля, отправивший за решетку своего матроса, постоянно приходил к зданию тюрьмы и орал на арестованного во все горло. Три месяца в холодной вонючей клетке – и так немало, жаловался молодой человек. Неужели он приговорен еще и слушать вопли с улицы о том, что его отец – «трусливый жулик-перекрещенец», вступивший в союз с дьяволом?

39. *Esther I. Wik*. The Jailkeeper at Salem in 1692 // EINC111 (1975). P. 221–227; RFQC, 8. P. 31. Многие подозреваемые переезжали из одной тюрьмы в другую. Сара Уайлдс, мать констебля, провела апрель в Салеме, потом ее перевезли в Бостон, потом в Ипсвич, после чего снова вернули в Салем. Оплачивала эти «путешествия под конвоем» семья заключенного. Даунтон – тот самый чиновник, который близко познакомился с разогретой сковородой, когда собирал с общины деньги на жалованье пастору. Сам он однажды напал на жителя Салема, который игнорировал назначавшиеся им встречи. Возможно, не просто так его освободили от должности вскоре после завершения процессов.

40. R. P. 322. Кворум из пяти человек считался достаточным, указывалось в постановлении, если в него входили Стаутон, Ричардс или Гедни.

41. *MacKay*, The Witch Mania. P. 505. О необходимости пить из луж: *Thompson*, Cambridge Cameos. P. 96.

42. *Kenneth A. Lockridge* and *Alan Kreider*. The Evolution of Massachusetts Town Government // William and Mary Quarterly 23, October 1966. P. 566; *Gildrie*, Salem Society. P. 199. Сэмюэл Сьюэлл избирался в совет Массачусетса тридцать три раза.

43. *Phips* to the privy council, October 12, 1692, R. P. 686. О салемских судьях: *Benjamin C. Ray*. Satan's War Against the Covenant in Salem Village, 1692 // New England Quarterly 80, March 2007. P. 72. Как отмечает Бейкер, сам по себе Серджент не был серьезным землевладельцем: *Baker*, A Storm of Witchcraft. P. 180. По крайней мере несколько из тех же мужчин председательствовали в суде по делу

Гудвинов: *Norton*, *In the Devil's Snare*, 382n; e-mail with *Elizabeth Bouvier*, May 5, 2015.

44. *CM Diary*, 1. P. 148.

45. *Kences*, *Some Unexplored Relationships*. P. 191; *Hull*, *Diaries*. P. 159. Interview with *Richard Johnson*, August 20, 2014; *Louise Breen*, *Transgressing the Bounds*. P. 197–208.

46. *R*. P. 332. Об их опыте: *Langbein*, *The Criminal Trial*. P. 276–277.

47. *R*. P. 334. Нортон подсчитал его поездки на границу: *Norton*, *In the Devil's Snare*. P. 186. Об Олдене и боеприпасах: *Baker*, *A Storm of Witchcraft*. P. 144–145. В 1690 году Олден реквизировал пушку в Марблхеде, что оставило город уязвимым. Об инструкциях с «медведями и волками»: *Robinson*, *The Devil Discovered*. P. 38. Также об Олдене: *Louise Breen*, *Transgressing the Bounds*. P. 199–206.

48. *R*. P. 335–336.

49. *CM* in *Burr*. P. 244.

50. *R*. P. 334.

51. *R*. P. 334; также *Brattle* in *Burr*. P. 170. Об Олдене и пленных индейцах: *Magnalia*, 2. P. 360.

52. *R*. P. 348.

53. *Oberholzer*, *Delinquent Saints*. P. 215–216; *Haskins*, *Law and Authority*. P. 61. Неудивительно, что Ричардс это сделал. Вместе с Гедни и Стаутоном он участвовал в суде над ведьмой Элизабет Морс одиннадцать лет назад. Ее признали виновной, оправдали, снова судили, снова оправдали. Был повод для беспокойства.

54. *Samuel Sewall*, notes on sermons, May 29 entry, Ms. N-905, MHS; *Mark Peterson*, 'Ordinary Preaching' // EHC129, 1992. P. 95–98.

55. *CM* to *Richards*, May 31, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College. Тогда колонисты-протестанты уже отмечали 5 ноября 1605 года – день несостоявшегося Порохового заговора в Лондоне. В XVIII веке на смену этому празднику придет торжественное факельное шествие и сжигание чучел папы римского и дьявола в Бостоне. Ричардс не первым обращался за советом к Коттону Мэзеру насчет салемих событий – есть свидетельства, что это также делали Лоусон и (судя по недвусмысленным намекам) Пэррис.

56. *Fox*, *Science and Justice*. P. 80.

57. *Hale* in *Burr*. P. 415–416.

58. *Calef* in *Burr*. P. 383.

59. О деталях процесса: *Trask* о процедурах законодательства, *R.* P. 44–63; *Martha J. McNamara*. In the Face of the Court // *Winterthur Portfolio* 36, summer 2001. P. 125–139; *William D. Northend*. Address Before the Essex Bar Association // *EIHC22* (1885). P. 276; interview with *Richard Trask*, January 21, 2015; interview with *J. M. Beattie*, September 9, 2014. В общем о позиции суда и процедурах: *Langbein*, *Origins of Adversary Criminal Trial*; *Langbein*, *The Criminal Trial*; *Beattie*, *Crime and the Courts*; *Edgar J. McManus*. *Law and Liberty in Early New England: Criminal Justice and Due Process*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1993; *Murrin*, *Magistrates, Sinners, and a Precarious Liberty: Trial by Jury in Seventeenth-Century New England* // *Hall*, *Saints and Revolutionaries*. P. 152–206. Interviews with *John Murrin*, December 11, 2014, and *Richard Trask*, November 29, 2012.

60. *R.* P. 356.

61. *R.* P. 334.

62. *Louis J. Kern*. *Eros, the Devil, and the Cunning Woman* // *EIHC129* (1993). P. 20, 31. Кёлер отмечает, что в пуританской литературе полностью отсутствуют слова для описания женских гениталий: *Koehler*, *Search for Power*. P. 84–85. Группа женщин из Коннектикута: *Godbeer*, *Escaping Salem*. P. 95. О повешенной: *Hall*, *Witch-Hunting*. P. 79.

63. *Watson*, *Angelical Conjunction*. P. 141. О литературе, посвященной ведьминьим знакам: *Pavlas*, *Witch Hunts*. Розенталь считает, что по крайней мере некоторые из женщин, осматривавших шестерых подозреваемых, отказались что-либо подписывать, зная, что стоит на кону: *Rosenthal*, *Salem Story*. P. 77.

64. *Thomas Maule*. *Truth Held Forth and Maintained*. Boston, 1695. P. 214.

65. *R.* P. 362.

66. *Beattie*, *Crime and the Courts*. P. 332; *Langbein*, *Origins of Adversary Criminal Trial*. P. 308; *RFQC*, 4. P. 153; interview with *J. M. Beattie*, September 9, 2014. Коттон Мэзер о разбирательстве: *Burr*. P. 223–229.

67. *Randolph to Povey*, January 24, 1687 // *Thomas Hutchinson*, *A Collection of Original Papers Relative to the History of the Massachusetts Bay* (Boston: Thomas and John Fleet, 1769). P. 557.

68. *R.* P. 367; о сыне мельника: *R.* P. 331.

69. R. P. 369.
70. R. P. 368.
71. *Charles J. Hoadly*, ed. *Records of the Colony and Plantation of New Haven*. Hartford, CT: Case, Tiffany, 1857. P. 260.
72. *Langbein*, *The Criminal Trial*. P. 282–285; *Northend*, *Address Before the Essex Bar Association*. P. 258; interview with *J. M. Beattie*, September 29, 2014.
73. *CM in Burr*. P. 223.
74. *Brattle in Burr*. P. 187. См. R. P. 35; даже Бернад отвергал призрачные свидетельства в качестве основания для осуждения. К ним обращались в Англии в 1690 и 1695 годах, но из-за своей крайней сомнительности они не приводили к вынесению приговоров.
75. R. P. 394.
76. *Rosenthal*, *Salem Story*. P. 72–81.
77. R. P. 413–14.
78. R. P. 366. Это была стандартная формулировка.
79. R. P. 390. Об отъезде мужа Долливер из Массачусетса: *John J. Babson*, *History of the Town of Gloucester*. Gloucester, MA: Procter Brothers, 1860. P. 81.
80. *John Higginson Sr. to his son*, August 31, 1692, *Higginson Family Papers*.
81. R. P. 390.
82. *Dunton*, *Dunton's Letters*. P. 255. О пьянстве Хиггинсона: letter to the court, June 25, 1678 // *ЕИНС43* (1907). P. 180. Вероятно, это именно он написал жителям деревни Салем в 1687 году, когда они грызлись по поводу Лоусона: «Если вам нравится беспричинно беспокоиться, просим хотя бы не беспокоить нас». Разгневанные, строптивые баптисты: *Hull, Diaries*. P. 226.
83. *Higginson in Burr*. P. 401.
84. R. P. 394. О необычно жесткой формулировке: e-mail with *Elizabeth Bouvier*, April 30, 2015.
85. Interview with *Richard Trask*, January 21, 2015. Слова из пяти слогов: *Earle*, *Child Life*. P. 29. Детали предыдущих казней, на которые ориентировалась данная: *Hall*, *Worlds of Wonder*. P. 178–184 (включает проповеди перед казнью, а также пункт о захватывающих последних минутах приговоренных); *Dunton in Miller and Johnson*, *The Puritans*, 2. P. 415–419; *John Rogers*. *Death the Certain Wages of Sin to the Impenitent*.

Boston, 1701. Одно из последующих повешений Роберт Эллис Кэхилл описал как «смятение, спешку, шум и гам, мольбы и клятвы»: *Robert Ellis Cahill. New England's Cruel and Unusual Punishments. Salem, MA: Old Saltbox, 1994.*

86. МР. Р. 63.

87. *John Winthrop. Winthrop's Journal. New York: Scribner's, 1908, vol. 2. P. 319.* О топоре: *Jacob Milborne execution. Collections of the New-York Historical Society, 1868. P. 425–426.* Крики зрителей: *SS Diary, 1. P. 509.*

88. Роуч полагает, что Корвин вычеркнул эти слова, потому что кто-то все же потребовал выдать тело: *Roach, Six Women of Salem. P. 252.* Пуританские обряды погребения были просты, хоронили тела в неосвященной земле. О месте погребения: *Marilynne Roach. Gallows and Graves. Watertown, MA: Sassafra Grove, 1977; Sidney Perley. Where the Salem Witches Were Hanged // EИHC57, January 1921. P. 1–19.* По словам Лоусона, для последующих казненных могилы рыли заранее.

89. *Saul Bellow. Herzog. New York: Penguin, 1964. P. 23.*

90. *CM in Burr. P. 249.*

91. *Magnalia, 2. P. 534.* Именно во время этого нападения женщины Уэллса начали стрелять по врагу или, как гордо заявлял КМ, «проявили себя настоящими амазонками».

92. *CM Diary, 1. P. 150.*

7. Теперь, говорят, их уже больше семисот

1. *Samuel Johnson to the Reverend Dr. Taylor, August 18, 1763 // The Letters of Samuel Johnson, ed. Bruce Redford. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992, 1. P. 228.*

2. *Langbein, Origins of Adversary Criminal Trial. P. 253.* См. Также: *Murrin. Magistrates, Sinners, and a Precarious Liberty // Saints and Revolutionaries. P. 152–206; interview with Richard Trask, April 1, 2014; interview with J. M. Beattie, September 9, 2014.*

3. *William Offutt Jr., цит. по: Hoffer, Law and People. P. 78.* Оффут говорил о квакерах Делавэра.

4. *Langbein, Origins of Adversary Criminal Trial. P. 57.*

5. *Bernard, Guide to Grand-Jury Men. P. 244.*

6. *SS Diary*, 1. P. 277. О неприятностях Мэзера: там же. P. 454–455; о прощенном пирате: там же. P. 250.

7. *Peterson*, ‘Ordinary Preaching’. P. 95–98. Еще об Уилларде: *Stephen Robbins*. Samuel Willard and the Spectres of God’s Wrathful Lion // *New England Quarterly* 60, December 1987. P. 601; *Brown*. The Salem Witchcraft Trials.

8. *Joshua Brodbent* to *Francis Nicholson*, June 21, 1692, CO 5/1037, no. 112, fol. 227r, PRO.

9. *Brattle* in *Burr*. P. 184. Фактов не хватает, так как соответствующих документов до нас не дошло.

10. RFQC, 3. P. 420. История о бесчестье: *Thompson*, ‘Holy Watchfulness’. P. 504–522.

11. *McManus*, *Law and Liberty*. P. 68. Томпсон полагает, что сдать подозреваемого в колдовстве означало защититься от обвинения в соучастии: *Thompson*, ‘Holy Watchfulness’. P. 521. См. *Weisman*, *Witchcraft, Magic, and Religion*. P. 204–208 – про предыдущие дела о бесчестье, включающие обвинения в колдовстве. Дэвид Холл считает, что малое количество исков о клевете и поношениях указывает на потрясение основ всей системы: interview with *David Hall*, October 19, 2012.

12. June 15, 1692, B&N. P. 118–119. Оригинал: *Cotton Mather Letters*, John J. Burns Library, Boston College. Позже Коттон утверждал, что предлагал взять к себе нескольких пораженных, как в свое время взял Марту Гудвин. Возможно, так и было.

13. *CM Diary*, 1. P. 311. Большинство изданных в Массачусетсе проповедей Мэзер написал к концу 1692 года, когда ему еще не исполнилось тридцати.

14. *R*, 399; прошение Милборна: протоколы Совета штата Массачусетс, CO 5/785 PRO. О братьях Милборн: *David William Voorhees*. ‘Fanatiks’ and ‘Fifth Monarchists’: The Milborne Family in the Seventeenth-Century Atlantic World. *New York Genealogical and Biographical Record* 129, July 1998. P. 174–182.

15. *R*. P. 399.

16. *R*. P. 409–413.

17. Наблюдателем был Кэри: *R*. P. 311.

18. *CM* in *Burr*. P. 236.

19. *CM* in Burr. P. 232–234. Даже те, кто лично знал Мартин и имел причины относиться к ней благосклонно, не встали на ее защиту. Томас цитирует наблюдателя XVII века, говорящего о порочном круге: *Thomas, Religion and the Decline of Magic*. P. 649.

20. *CM* in Burr. P. 237–240; см. также *Philip Graystone. Elizabeth Jackson of Rowley*. Hull, UK: Lampada Press, 1993. «Если ты ведьма»: R. P. 438. За и против нее высказалось одинаковое количество свидетелей.

21. R. P. 373–374.

22. Несколькими годами ранее ее пасынки были осуждены за колдовство, вскоре будут осуждены и две падчерицы. Саму ее в 1649 году высекли за блуд: RFQS, 1. P. 179.

23. R. P. 462–463.

24. R. P. 349.

25. R. P. 435, and R. P. 429. A. P. *Putnam. Rebecca Nurse and Her Friends*. Boston: Thomas Todd, 1894. P. 1–38.

26. R. P. 412–413.

27. R. P. 380.

28. *Calef* in Burr. P. 358. Мы мало знаем о том, как работали присяжные в XVII веке. Они не прибегали ни к тайному голосованию, ни к простому и не всегда выходили из зала суда совещаться. Видимо, большинство полагалось на старшину: *Beattie, Crime and the Courts*. P. 396. О просьбе к присяжным пересмотреть решение: e-mail with *John Langbein*, March 10, 2014. Обратное произошло в Коннектикуте: см. *Godbeer, Escaping Salem*. P. 119.

29. R. P. 465.

30. *Calef* in Burr. P. 359. О сообщниках: interview with *J. M. Beattie*, September 9, 2014.

31. R. P. 465. Шепот дьявола в ее ухо: предисловие Лоусона к *Christ's Fidelity*. P. 110; см. также *Thomas, Religion and the Decline of Magic*. P. 546 – о шуме в зале суда.

32. Цит. по: *Trask*, R. P. 53.

33. *David C. Brown. The Keys of the Kingdom: Excommunication in Colonial Massachusetts // New England Quarterly* 67, December 1994. P. 531–566. О языке: *David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1636–1638*. Durham, NC: Duke University Press, 1990. P. 388; *Demos, Remarkable Providences*. P. 277; *Hall, Witch-Hunting*. P. 89 – об Энн Хиббинс; *CM Diary* 1. P. 180. Interview with *David Hall*, May 21, 2014.

34. Proceedings of the MHS, vol. 17 (1879). P. 268.
35. June 10, 1692, letter appended to *Lawson*, A Further Account.
36. *Calef* in Burr. P. 360. Возможно, она имела в виду Джона Уилларда.
37. О Стаутоне: *Convers Francis*. An Historical Sketch of Watertown. Cambridge: Metcalf, 1830. P. 59; SS Diary, 1. P. 148; Records of the First Church at Dorchester. Boston: George H. Ellis, 1801. P. 50–65; *Northend*, Address Before the Essex Bar Association, 258n. Будучи уважаемым юристом, Стаутон в 1680 году проверял и редактировал законодательство Новой Англии. О том, что на весь Массачусетс приходилось всего три квалифицированных специалиста: *Randolph to Blathwayt* // Letters and Official Papers, 6. P. 218.
38. Governor Fletcher // *John Usher* to Nottingham, Colonial State Papers, January 31, 1693, CO 5/571, no.18, PRO.
39. *Stoughton*. New England's True Interest. Boston, 1668. P. 18–23. О Стаутоне и его судьбоносной речи: E-mails with *David Hall*, May 11, 2013, and October 3, 2014. Майкл Дж. Холл называет Стаутона в числе горстки людей, создавших Новую Англию: *Michael G. Hall*, The Last American Puritan. P. 87; Стаутон цит. По: *CM's* The Present State. P. 36. О Стаутоне и предлагавшихся ему кафедрах: *Hull*, Diaries. P. 231.
40. *John Frederick Martin*. Profits in the Wilderness. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 90–99. О сосновых массивах: *Cronon*, Changes in the Land. P. 75.
41. *Randolph to Blathwayt*, May 21, 1687, Letters and Official Papers, 6. P. 221.
42. *Randolph to Shrimpton* in *ibid.*, 3: 310. О Стаутоне в Лондоне: Hall, *Edward Randolph*. P. 21–52.
43. *Everett Kimball*. The Public Life of Joseph Dudley. London: Longmans, 1911. P. 17; *Randolph* letter, CO/1/54, no. 51, fol. 121, PRO.
44. *Mary Lou Lustig*, The Imperial Executive in America: Sir Edmund Andros. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 2002. P. 196 – это лучшее, что можно почитать о перевороте. См. также: *Charles M. Andrews*. Narratives of the Insurrections. New York: Scribner's, 1915. P. 199–203.
45. См. *Wait Still Winthrop to Ashurst*, 1699, Collections of the Massachusetts Historical Society, sixth series (1892). P. 46–50.

46. См. *The Revolution in New-England Justified*, цит. по: *Breen*, *The Character of the Good Ruler*. P. 147–148.

47. C. D. *New England's Faction Discovered*. London, 1690. P. 4.

48. *Higginson Family Papers*. P. 202.

49. *Hull, Diaries*. P. 217.

50. *Fisher*, Report of a French Protestant Refugee. P. 17.

51. См. *Everett Emerson*. *Letters from New England: The Massachusetts Bay Colony, 1629–1638*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1976. P. 148. Политическую систему Массачусетса лихорадило, и он очень скоро вернулся на свою должность.

52. *Randolph to Blathwayt*, July 2, 1686, *Letters and Official Papers*, 4. P. 99.

53. *CM to IM*, цит. по: *Stoughton Sibley entry*. P. 200. Коттон славил «незапятнанную верность» Стаутона: *CM Diary 1*. P. 154. Честно говоря, теми же словами он позднее будет превозносить Сьюэлла: см. *letter of September 17, 1712, NEHGS*.

54. *Kences*. *Some Unexplored Relationships*; *Swan*, *Bedevilment of Cape Ann; Magnalia*, 2. P. 621–623. Глостерский пастор – он помогал добиваться признаний в Салеме – молился, чтобы «эти видения не стали печальными знаменами будущего и более кошмарного насилия».

55. *Perley*, *History of Salem*, vol. 3. P. 127.

56. *Dunn*, *Puritans and Yankees*.

57. *Morison*, *Harvard College*, vol. 2. P. 465–470; *Bridenbaugh*, *Cities in the Wilderness*. P. 276; *David Levin*. *Cotton Mather: The Young Life of the Lord's Remembrancer*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 54; *Hall*, *Worlds of Wonder*. P. 65; *Thompson*, *Cambridge Cameos*. P. 37 – об ананасах и анчоусах; *Hammond diary*, P-363, reel 5.3, MHS. Сын Олдена был худшим на курсе по поведению – он дважды штрафовался за разбитые окна.

58. *Winthrop to Henry Ashurst*, July 25, 1698, *Collections of the MHS*, sixth series, vol. 5, 1892, xix.

59. *Barnes*, *Phippius Maximus*. P. 278.

60. См. *Evan Haefel*. *Dutch New York and the Salem Witch Trials: Some New Evidence // Proceedings of the AAS110, October 2000*. P. 277–308; *Jacob Melyen letter book*, AAS. Мельен тоже дружил со Сьюэллом, не выражавшим никаких тревог по поводу «глупых людей». Я

благодарна Йорену Янсену, Дэвиду Сонненбергу и Лили Линтон за помощь в переводе (*Joroen Janssen, David Sonnenberg, Lili Lynton*).

61. *Calef* in Burr. P. 359.

62. R. P. 466.

63. *Stoughton*, New England's True Interest. P. 24.

64. Цит. по: Tracts and Other Papers Relating Principally to the Origin, Settlement and Progress of the Colonies of North America. New York: Peter Smith, 1947, vol. 4. P. 52, 57.

65. SS Diary, 1. P. 183.

66. *Stoughton*, New England's True Interest. P. 21.

67. CM to John Cotton, August 5, 1692, *Silverman*, Selected Letters. P. 40.

68. Перебранка Сьюэлла с его тестем случилась из-за того, что он слишком расточительно расходовал дрова в феврале: *Hull*, Diaries. P. 253. О законах, призванных не допустить нехватки дров: *David Grant Smith*. Crossing Boundaries: Space, Place, and Order in 17th Century Topsfield, MA, unpublished manuscript, Harvard Divinity School, 2009. P. 10–15. Уже к 1653 году поселенцы превратили «густые, темные леса» в великолепные кукурузные поля; см. также: *Johnson*, Johnson's Wonder-Working Providence. P. 37.

69. *Upham*, Salem Witchcraft. P. 354; RFQC, 2. P. 204.

70. Interview with *Richard Trask*, April 1, 2013.

71. *Calef* in Burr. P. 358. В своем великолепном труде Кристин Ли Хейрман отмечает, что эта угроза была не новой: *Christine Leigh Heyrman*. Commerce and Culture: The Maritime Communities of Colonial Massachusetts. New York: W. W. Norton, 1984. P. 115–116.

72. CM, Useful Remarks: An Essay upon Remarkables in the Way of Wicked Men. Boston, 1723.

73. CM to John Cotton, August 5, 1692, *Silverman*, Selected Letters. P. 40.

74. R. P. 481; CM in Burr. P. 243.

8. На этих адских сборищах

Об Андовере: *Philip Greven*, Four Generations: Population, Land, and Family in Colonial Andover Massachusetts. Ithaca: Cornell University

Press, 1970; *Abbot, Our Company Increases*; *Enders Anthony Robinson. Andover Witchcraft Genealogy*. Andover, MA: Goose Pond Press, 2013; *Marjorie Wardwell Otten. The Witch Hunt of 1692* (n.p., n.d.); *Jeremy M. Sher. Brand of Infamy: The Andover Witchcraft Outbreak of 1692* (senior thesis, Princeton, 2001); *Sarah Loring Bailey. Historical Sketches of Andover*. Boston: Houghton, 1880.

1. *Voltaire to Frederick William*, November 28, 1770 // *Voltaire in His Letters*. New York: Putnam's, 1919. P. 232.

2. *Roger Wolcott to Henry Wolcott*, July 25, 1692, *Roger Wolcott to Henry Wolcott*, July 25, 1692, Connecticut Historical Society.

3. См. *Nelson, Persistence of Puritan Law*. P. 337 – о человеке, которого обвинил в колдовстве его слуга. Бенджамин Рэй рассказывает об обвинениях против небогатых: *Benjamin C. Ray. Teaching the Salem Witch Trials // Past Time, Past Place: GIS for History*. Redlands, CA: ESRI Press, 2002. P. 26. Демос указывает, что к суду не привлекли ни одного коренного американца: *Demos, The Enemy Within*. P. 84. Также не обвинили ни одного джерсийца, кроме Филипа Инглиша. Эббот исследует этнические трения в Андовере, которые могли стать причиной обвинений против шотландских женщин, таких как Кэрриер и (из-за брака) Фостер: *Abbot, Our Company*. Шер находит странным, что Томаса Кэрриера не судили, хотя он был отцом четырех ведьм и мужем еще одной. Также автор обращает внимание, что Кэрриер на самом деле вернулась в город перед эпидемией черной оспы, что стало приговором для ее семьи. Однако она тоже выжила: *Sher, Brand of Infamy*. P. 45, 98.

4. *James Holton*, from *Ray, The Geography of Witchcraft Accusations*. P. 463, and *R. P. 945*.

5. *WOW*. P. 152.

6. Демос отмечает, что процесс шел в обоих направлениях: *Demos, A Little Commonwealth*. P. 95.

7. *Thomas, Religion and the Decline of Magic*. P. 687.

8. *Roger Wolcott to Henry Wolcott*, July 25, 1692, Connecticut Historical Society. Джозеф Боллард жаловался на семью Лэйси; его брат, констебль Джон Боллард, в мае арестовал Кэрриер.

9. *R. P. 469*; *Brattle in Burr*. P. 180. Розенталь полагает, что тогда вызвали Энн Патнэм – младшую и Мэри Уолкотт: *Rosenthal, Salem*

Story. P. 54. Нортон – что Мерси Льюис и Бетти Хаббард: *Norton, George Burroughs*. P. 233. Все они к лету доказали свою способность ставить диагнозы. Мы знаем, что Хаббард и Уолкотт подписали обвинение против Фостер: *R. P. 634*. Возможно, Фостер арестовали до прибытия салемиских провидиц в Андовер.

10. *R. P. 467*. Джон Хейл спросил, может ли он остаться: *JH. P. 47*.

11. *R. P. 471–478*; о еще более тревожащем вопросе, чем заданный в июне: *R. P. 392*.

12. Восстановлено в основном по показаниям: Мэри Тутейкер, *R. P. 491–492*; Мэри Баркер, *R. P. 559–561*; Уильям Баркер – старший (который поймал ногу с копытом), *R. P. 561–566*; Лэйси и Кэрриеры, *R. P. 479–482*; Сара Бриджес, *R. P. 553–554*; Сюзанна Пост, *R. P. 555*; Сара Уордуэлл, *R. P. 577–578*; Элизабет Джонсон – младшая, *R. P. 543*; Элизабет Джонсон – старшая, *R. P. 568*; Энн Фостер, *R. P. 471–477*; Мэри Уоррен, *R. P. 350*; *JH in Burr. P. 419*; *Lawson*, приложение к *Christ's Fidelity*. Абигейл Уильямс внесла в сюжет вампирский лейтмотив: *R. P. 173*. В общей сложности имеется почти пятьдесят свидетельств. Коттон Мэзер задним числом добавит в шабаши французов и индейцев – присутствовавших, «дабы сообща обсудить методы уничтожения Новой Англии»; он заявлял, что слышал это от признавшейся ведьмы; *Burr. P. 281–22*. *Benjamin C. Ray. They Did Eat Red Bread Like Man's Flesh. Common-Place 9, July 2009*. Поле Пэрриса могло быть выбрано для дьявольских сборищ, потому что из-за соседства с болотами там жили бурые лягушки, которые «весной чирикали как воробьи, а осенью квакали как жабы». *Josselyn, New-England's Rarities. P. 76*.

13. *R. P. 479–483*; *Roger Wolcott to Henry Wolcott, July 25, 1692, Connecticut Historical Society*. Двенадцатилетняя Фиби Чендлер покажет, что, когда Ричард Кэрриер посмотрел в ее сторону на собрании в молельне, она ощутила «странное жжение в животе» и забыла почти все слова молитв и псалмов. Симптомы звучат знакомо, даже если обычно и не приписываются дурному глазу: *R. P. 511*.

14. *CM in Burr. P. 236*.

15. *R. P. 574*. Уильяма Баркера 14 лет и Джоанну Тайлер он тоже заманил одеждой; *R. P. 571, 661*. Простить ее грехи: *R. P. 560*; месть ее врагам: *R. P. 547*; «сколько угодно удовлетворения»: *R. P. 608*; Мэри Лэйси – младшая могла рассчитывать на славу: *R. P. 474, 569*. В одном

более раннем деле дьявол завлек женщину в колдуньи, воплотившись в ее любимого умершего ребенка: *Demos*, *Entertaining Salem*. P. 170; «будут низложены все церкви»: *Barker, R.* P. 563. Интересно, что никто, похоже, не потребовал вечной молодости.

16. *R.* P. 486. Он должен был знать, что тоже находился в изначальном списке. Его вместе с женой отправили в Салем к началу первого процесса.

17. *R.* P. 480.

18. *R.* P. 573.

19. *William H. Whitmore*, ed. *The Colonial Laws of Massachusetts*. Boston, 1889. P. 187.

20. *Calef* in *Burr*. P. 361.

21. Коттон говорил о том же: *Burr*. P. 245.

22. *IP*. P. 179.

23. *IP*. P. 175. Инкриз включил краткое изложение дела Нэпп в «Удивительные знамения», а Коттон – в «Магналию».

24. *RFQC*, 4. P. 78–82.

25. *SS Diary*, 1. P. 293; interview with *David Hall*, May 18, 2014.

26. *Morison*, *Harvard College*, vol. 2. P. 428–430; ответ в августе: *R.* P. 392. «редким и экстраординарным»: *Proceedings of the MHS*, vol. 17, 1879. P. 268.

27. *Calef* in *Burr*. P. 371; *R.* P. 918. Муди был гарвардским преподавателем Уилларда. Он участвовал в кампании по восстановлению хартии и прежде распространял сказочные истории, в том числе сообщал о происходившем у Гудвинов. См. *Sibley*. P. 374–377.

28. *Katharine Dana English*. *Facts About the Life of Philip English of Salem*, typescript, 1943, PEM; *William Bentley*. *The Diary of William Bentley*. Gloucester, MA: Peter Smith, 1962, vol. 2. P. 22–25; *George F. Cheever*. *Philip English* // *EHC*, 1860, vol. 1. P. 67–181; vol. 2, 21–204, 237–272; vol. 3, 17–120; *Henry W. Belknap*. *Philip English, Commerce Builder* // *Proceedings of the AAS41*, 1931. P. 17–24; *Phyllis Whitman Hunter*. *Purchasing Identity in the Atlantic World*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 40–52; *Bryan F. Le Beau*. *Philip English and the Witchcraft Hysteria* // *Historical Journal of Massachusetts*, January 1987. P. 1–20. Ле Бо красиво раскладывает свидетельство против *R*, 500 и говорит о 17 появлениях в суде: *Le Beau*, 4. См. также *RFQC*, 6. P. 346–

348 – о деле Инглиша и RFQC, 7. P. 108 – о его убеждении, что должники обязаны выплачивать свои долги. О французах в Салеме: *Gildrie, Salem Society*. P. 192. Похоже, Сюзанна Шелден вела кампанию против Инглишей, хотя так может казаться, потому что сохранилось слишком мало документов.

29. R. P. 500; салемский слуга: R. P. 523. Хефели полагает, что Олдены и Инглиши оказались в Нью-Йорке к началу октября: *Haefeli, Dutch New York*. P. 306.

30. *Fletcher to Blathwayt*, November 10, 1693, CO 5/1083, PRO. Флетчер сам знал кое-что о преследовании: семью годами ранее его как протестанта выгнали из ирландской армии.

31. *John Winthrop. A Model of Christian Charity*. Boston, 1630.

32. *Stoughton, New England's True Interest*. P. 14. Как говорил Уинтроп, «Наконец-то в истории мира независимые места обживаются независимыми людьми». Об уровнях рабства: *Towner, 'A Fondness for Freedom'* p. 202. «Существует монархия»: *CM, Batteries Upon the Kingdom of the Devil*. P. 6, также *WOW*. P. 45. Гилдри отмечает, что богатство и статус не были явлениями одного порядка: *Gildrie, Salem Society*. P. 186.

33. *David Hall, Faithful Shepherd*. P. 68, 152. Пасторы входили в прослойку 15 % самых влиятельных колонистов (p. 183). Как отмечает Холл, на руку им играло и то, что они считались отличной партией для купеческих дочек.

34. RFQC, 4. P. 136.

35. Цит. по: *Warren, Loyal Dissenter*. P. 33.

36. *William Hubbard. The Happiness of a People in the Wisdom of Their Rulers*. Boston, 1676. P. 8.

37. См. *Dunn, The Barbados Census*. P. 10. В общем о плантаторах Барбадоса: *Carl and Roberta Bridenbaugh. No Peace Beyond the Line: The English in the Caribbean*. Oxford: Oxford University Press, 1972.

38. В Бостоне содержание собак тоже регулировалось – эдиктом 1697 года.

39. *Barbara Ritter Daily. 'Where Thieves Break Through and Steal,' John Hale vs. Dorcas Hoar, 1672–1692 // EHC128, October 1992*. P. 258.

40. *Moody in Sibley*. P. 373.

41. R. P. 675.

42. R. P. 626.

43. R. P. 694. Добавляло неразберихи то, что Марту Спраг тоже знали как Марту Тайлер: R. P. 773.

44. R. P. 491–494. Она была не одинока в своей тревоге: даже Инкриз Мэзер опасался, что сама его вера может оказаться заблуждением.

45. *Scottow, A Narrative*. P. 14.

46. *Andros Tracts*, 1. P. 18.

47. *Lincoln, Narratives of the Indian Wars*. P. 80; в «уголке мира»: *CM, The Present State*. P. 38; «драконы дикой местности»: *CM, Fair Weather*. P. 91; «сок из жаб»: *CM, Little Flocks*. P. 15.

48. Цит. по: *Grandjean, Reckoning*. P. 152. О выдумывании врагов для поддержания гармонии: *Hall, Faithful Shepherd*. P. 245–247; также *James Axtell. The School Upon a Hill: Education and Society in Colonial New England*. New York: W. W. Norton, 1976. P. 35.

49. *CM, The Present State*. P. 40.

50. Там же. P. 28. Ричард Годбир подчеркивает сходство проповеди Мэзера и трактата против Андроса: *Richard Godbeer. The Devil's Dominion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 189.

51. *Thomas Macaulay. History of England*. London: Heron Books, 1967, 1. P. 129–130.

52. *WOW*. P. 81.

53. *Stoughton to the Council of Trade and Plantations, September 30, 1697, CO 5/859, no. 124, PRO*.

54. Позже он утверждал, что слабо представлял собственные полномочия и обязанности и очень просил дать ему более четкие инструкции: R. P. 829. Размер жалованья тоже был расплывчатым. Чекли добавил в контракт строчку, под которой мог бы подписаться каждый пастор в Новой Англии: «Я буду служить вам, если вы не будете морить меня голодом». См. *Anne Powell, Salem Prosecuted: The Role of Thomas Newton and Anthony Checkley in the Salem Witchcraft Crisis (undergraduate paper for Mary Beth Norton, Cornell, 1993)*.

55. Коттон очень много думал об Откровении в те месяцы: e-mail with *David Hall*, July 6, 2014; *CM to John Cotton, August 5, 1692 // Silverman, Selected Letters*. P. 40–41; «брошен в разверстную пасть»: *WOW*. P. 61.

56. *WOW*. P. 82–83.

57. WOW. P. 102. Это была шаблонная фраза: он также использовал ее, говоря о детях Гудвинов и их приступах, а его отец – говоря о томящихся в заключении андоверских матронах.

58. WOW. P. 100, 104. В числе разных других образов тонкая дьявольская нить присутствует и у Лоусона тоже. Коттон и Лоусон оба используют не особенно расхожее выражение «головня, выхваченная из огня»; они очень сблизились за эти несколько месяцев. Коттон включил в «Магналию» детали процессов, которых нет больше нигде. Среди них остатки сожженных лоскутов во ртах и пятна яда на подушках: *Magnalia*, 1. P. 187.

59. WOW. P. 84.

60. R. P. 540.

61. *CM* in Burr. P. 241–244. Ее безразличие: R. P. 512.

62. Леденящее кровь описание ада от Уиггелсворта: «Стальными лентами они запястья привязали к ногам проклятым их...», *Michael Wigglesworth, The Day of Doom*; см. *Bruce C. Daniels, Puritans at Play*. New York: St. Martin's, 1995. P. 39.

63. *Hale* in Burr. P. 421.

64. R. P. 533–536. Там стояли имена некоторых людей, ранее под присягой дававших показания против них; R. P. 534, 539.

65. R. P. 334. «кристально чистая репутация»: R. P. 535. О Уайзе: *George Allan Cook, John Wise: Early American Democrat* (New York: Columbia University Press, 1952), особенно р. 50–57. Также *Hall, Ways of Writing*, 182; *Proceedings of the MHS*, vol. 15 (1902). P. 281–302; *Wise in Miller and Johnson, The Puritans*, 1: р. 256–269. Очевидно, труды Уайза вдохновляли некоторых крестоносцев XVIII века, которые трепетали, вслушиваясь в слова его воззвания: «Высшая цель любого хорошего правительства заключается в том, чтобы культивировать гуманизм и продвигать идею счастья для всех и справедливости для каждого человека во всех его правах, его жизни, свободе, собственности, чести и т. д. без ущерба и злоупотреблений в отношении других».

66. Цит. по: *Emory Washburn. Sketches of the Judicial History of Massachusetts*. Boston: Little, Brown, 1840. P. 106. Суд оштрафовал и отстранил Уайза, хотя потом он был реабилитирован и служил капелланом в кампании Фипса 1690 года. См. *Revolution in New-England Justified*. P. 10 – о героизме Уайза. Оскорбления иногда стоит

повторять – и Инкриз Мэзер повторил их в своей петиции к короне: 1688, CO 1/65, no. 52, PRO; Коттон же воспроизвел их в «Магналии»: *Magnalia*, 1. P. 161.

67. *CM* to John Cotton, August 5, 1692, in *Silverman*, Selected Letters. P. 40.

68. *B&N*. P. 88.

69. *CM* in Burr. P. 215–222. *Anne Powell*, Salem Prosecuted – об отношениях с семейством Чекли и о том, как Чекли дистанцировался от процесса; см. *Lawson*, приложение к *Christ's Fidelity*. P. 114–115. Несколько членов обширной семьи Нёрс были в гарнизоне Уэллса во время осады 1691 года – никто из них, по-видимому, не вступился за Берроуза. У нас осталось только описание процесса от Лоусона, который там присутствовал, и от Коттона Мэзера, который аккуратно его записи подытожил, чтобы они встроились в его версию событий. Он также добавил туда словесных украшений, свободно комментировал и опускал неважные, с его точки зрения, места. Из ответа Берроуза на вопрос о чтении мыслей его жены Мэзер оставил нам следующее: «Узник, стоя теперь у барьера, не ответил на свидетельство против него ничего стоящего». Лоусон сообщил, что ничего из сказанного Берроузом не звучало убедительно, в приложении к *Christ's Fidelity*. P. 99, 115. Свидетельство о чудесных подвигах Берроуза с мушкетом и бочкой черной патоки было доработано судебными писарями примерно через месяц после его казни: *R. P.* 646–647; очевидно, имела место некоторая неловкость. Человек из Салема, который предъявил эти обвинения, в свое время стал свидетелем повешения собственной матери как ведьмы.

70. *CM* in Burr. P. 222. Очевидно, у Коттона была под рукой книга Джона Голя «Избранные случаи морали» – он дословно цитировал куски оттуда, когда поносил Берроуза.

71. *CM* in Burr. P. 222. См. *Ady*, *A Candle in the Dark*. P. 142–164; я благодарна Кенту Бикнеллу (Kent Bicknell) за его заметки на экземпляре книги Эйди, принадлежавшей Инкризу Мэзеру. Коттон спотыкается о Берроуза-плагиатора, как и о Берроуза-скептика. Он и сам был мастером компиляций и копирования, никогда не гнушавшимся пересказывать – и улучшать – труды своих ближайших друзей.

72. *Hale* in Burr. P. 421.

73. Коттон ясно пишет о недовольстве Хейла в «Магналии»: *Magnalia*, 2. P. 537.

74. Лангбейн объясняет, что это было совершенно приемлемо. Достаточно было прийти в суд с репутацией «всем известного вруна и воришки», чтобы уйти оттуда с обвинением в мошенничестве: *Langbein, Origins of Adversary Criminal Trial*. P. 192.

75. *IM, Cases of Conscience*, in *Proceedings of the AAS10*, 1896, postscript.

76. *George Burroughs to the governor and council at Boston*, January 27, 1692, vol. 37. P. 259, Massachusetts State Archives.

9. У нас исключительный случай

1. *Ambrose Bierce, The Devil's Dictionary*. Cleveland, OH: World Publishing, 1944. P. 367.

2. R. P. 244. Особенно хорошо об Андовере и о синкопах географического ритма обвинений, который то убыстряется, то утихает: *Richard Latner, The Long and Short of Salem Witchcraft: Chronology and Collective Violence in 1692 // Journal of Social History* 42, fall 2008. P. 137–156. *Richard Gildrie, Visions of Evil: Popular Culture, Puritanism, and the Massachusetts Witchcraft Crisis of 1692 // Journal of American Culture* 8, 1985. P. 27 – здесь говорится, что в Андовере был один обвиненный на пятнадцать жителей. По некоторым подсчетам, более верные цифры – 10:1.

3. *IM, Cases of Conscience*, postscript.

4. R. P. 540.

5. R. P. 539.

6. R. P. 543. R, 686–687. Кое-кто смотрел искоса: R, 543.

7. *Rosenthal, Salem Story*. P. 132–136 – здесь исследуются изменения в направлении сюжетной линии. Абигейл Хоббс не упоминала сборищ и свержений. Она никуда не летала, а подписала договор с дьяволом во всеми позабытом Мэне.

8. R. P. 479. «У вас дома были»: R. P. 473. «Но разве дьявол»: R. P. 548. Не более шести или семи обвиненных андоверских ведьм отрицали обвинения.

9. *Brattle in Burr*. P. 189.

10. R. P. 705–706.

11. R. P. 474–475.

12. О центральном месте признания в жизни Новой Англии: см. *Hall, Worlds of Wonder*. P. 174–196, и *Reis, Damned Women*. P. 131. У Райса особенно точно говорится о грехе и женщинах и о том, насколько по-разному признавались мужчины и женщины: р. 121–64. «знала, что все»: *Mintz, Huck's Raft*. P. 25. В общем о признаниях: см. *Kathleen Doty and Risto Hiltunen. 'I Will Tell, I Will Tell': Confessional Patterns in the Salem Witchcraft Trials, 1692 // Journal of Historical Pragmatics*. 2002. P. 299–335. *Margo Burns, 'Other Ways of Undue Force and Fright': The Coercion of False Confessions by the Salem Magistrates // Studia Neophilologica* 84 (2012). P. 24–39. Перкинс полагает, что покаяние становится особенно веским, если содержит обвинение: *Perkins, Discourse on the Damned Art of Witchcraft*. Розенталь ловко подмечает, что некоторые вспоминаемые обиды могли быть вымышленными: *Rosenthal, Witchcraft, Magic, and Religion in Seventeenth-Century Massachusetts // New England Quarterly* 57, December 1984. P. 601.

13. R. P. 568. О духовной онемелости и признаниях см. *Hall, Worlds of Wonder*. P. 144–147, а также R. P. 367–368, 576, 608–609, 630, 680.

14. *CM Diary*, 1. P. 22.

15. R. P. 542–543; признание женщины из Рединга: R. P. 585.

16. Цифры снова разнятся. В зависимости от того, кого считать членами клана Дейн, получается от 19 до 45 человек. Бейкер отмечает, что почти треть обвиненных прямо или косвенно принадлежали к пасторским семьям: *Baker, A Storm of Witchcraft*. P. 10.

17. RFQC, 7. P. 100. Барнард и свиарник: *Sibley*. P. 175.

18. R. P. 608.

19. R. P. 571.

20. R. P. 788.

21. R. P. 530.

22. R. P. 578.

23. В вопросах взаимопроникновения предрассудков и религии все дороги ведут сюда: *Hall, Worlds of Wonder*. Инкриза Мэзера, должно быть, шокировало, когда он узнал, что английские политические противники в 1680-х списали его со счетов как

«мечтателя и полубезумца» (*Randolph to Bradstreet*, September 4, 1684, *Letters and Official Papers*, 3. P. 322).

24. R. P. 644. О прошлом Уордуэлла: *Marjorie Wardwell Otten // Essex Genealogist* 21, May 2001. P. 85–88.

25. *Discourse on Witchcraft // MP*, 28; R. P. 576–77.

26. R, 573. На той же неделе Мэри Уоррен клялась, что один человек в Андовере занимается и колдовством, и экспериментами с решетом: R. P. 598.

27. *Lawson*, *Christ's Fidelity*. P. 73.

28. *Discourse on Witchcraft // MP*. P. 29.

29. *George Keith*, *A Refutation of Three Opposers of Truth*. Philadelphia: William Bradford, 1690. P. 72.

30. *Winthrop*, *Scientific Notes*; три волшебные пилюли: *Autobiography of the Rev. John Barnard*. P. 181.

31. *CM Diary*, 2. P. 349.

32. *Warren*, *Loyal Dissenter*; *Kences*, *Some Unexplored Relationships*; *Journal of Reverend John Pike // Proceedings of the MHS*, vol. 14, 1875. P. 121–150. Пайк снимал показания, когда поместье Карр стало предметом споров между теми, кто настаивал, что отец старшей Энн Патнэм имел все права владения, находясь на смертном одре, и теми, кто был с этим не согласен: *RFQC*, 8. P. 353.

33. *Pike*, in *Upham*, *Salem Witchcraft*. P. 697–705.

34. *CM to John Foster*, August 17, 1692, in *Silverman*, *Selected Letters*. P. 41–42.

35. R. P. 743.

36. R. P. 549. Шестнадцатилетний парень несколько недель спустя скажет, что Маргарет угрожала насадить его на вертел, если он не подпишет книжку. Подростки, сидящие в тюрьме, тоже ее обвиняли. Как и дед, Джон Уиллард пытался отговорить ее от признания. Она пережила чудовищный стресс.

37. R. P. 558.

38. *SPN*. P. 76.

39. *Brattle* in *Burr*. P. 177.

40. *Sibley* on *IM*.

41. *Calef* in *Burr*. P. 360–61. Маррин считает, что толпа почти уже колыхнулась, чтобы спасти Берроуза: *Murrin*, *The Infernal Conspiracy*. P. 342. Я читала распоряжения Сьюэлла по процедуре повешения.

Лоусон тоже сообщает, что кое-кто видел у виселицы дьявола, провоцировавшего приговоренных, «когда они уже были готовы к смерти и даже когда произносили последнее слово».

42. RFQC, 9. P. 31.

43. *Calef* in Burr. P. 361.

44. R. P. 553.

45. R. P. 562–564. Баркер был дальним родственником Энн Фостер. Он оказался лучшим сказочником из всех андоверских летунов.

46. R. P. 738. О рукоприкладстве: *Brattle* in Burr. P. 180, 189.

47. R. P. 374–375.

48. R. P. 828–829.

49. *Hale* in Burr. P. 421.

50. *Calef* in Burr. P. 372; *IM*, Cases of Conscience. P. 60.

51. R. P. 711. Даунтон тоже не мог дождаться жалованья: R. P. 839.

52. См. отличную работу *David C. Brown*, *The Forfeitures at Salem, 1692* // *William and Mary Quarterly* 50, January 1993. P. 85–111. Браун обнаружил, что Корвин в большинстве случаев действовал в соответствии с английскими (если не колониальными) законами. Единственными исключениями были беглецы. Корвин не конфисковывал землю.

53. R. P. 914.

54. R. P. 674.

55. *Gragg*, *Quest for Security*. P. 132; о перегруженных работой пасторских женах: *Earle*, *The Sabbath*. P. 133.

56. . P. 620. Им помогали составить петицию. Как указывает Розенталь, их стиль очень похож на стиль Бернарда и других экспертов: R, 36n.

57. R. P. 617–619; *Brown*, *The Case of Giles Corey*; interview with *J. M. Beattie*, September 9, 2014. Кори знал, что делает. Лангбейн указывает, что в течение столетия и тысяч подобных дел никто еще не воспользовался правом промолчать. Он пишет: «Право промолчать буквально означало совершить самоубийство»: *Langbein*, *Origins of Adversary Criminal Trial*. P. 279. В 1689 году один мужчина из Массачусетса попробовал не согласиться с приговором по делу о пиратстве. Суд начал упрашивать его передумать, и «в итоге он сдался»: *Samuel Melyen Commonplace Book*, Ms. SBd-7, MHS.

58. *CM to WS*, September 2, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College. Частично воспроизведено: *Silverman, Selected Letters*. P. 43–44. Коттон молился об освобождении Новой Англии от «ангелов зла», в ловушку к которым попали ее жители. Также он молился, чтобы бог наставил его насчет публикации «таких свидетельств, которые были бы полезны в данной ситуации».

59. *CM to Stoughton*, September 2, 1692, Cotton Mather Letters, John J. Burns Library, Boston College.

60. *SPN*. P. 203–205.

61. *B&N*. P. 280.

62. О хитросплетениях родственных связей судей: *Baker, A Storm of Witchcraft*. P. 168, и его отличный график: p. 163. Коттон Мэзер посвятил свои «Памятные знамения» Уинтропу. Серджент и Сьюэлл были партнерами по бизнесу, совместно владели металлургическим производством в Брейнтри и лесопилкой. Союз, который, возможно, оказался ключевым в 1692 году – между Уиллардом и Джозефом Дадли, дважды свойственниками. Очевидно, именно Дадли, опальный политический союзник Стаутона, обратился к нью-йоркским пасторам за разъяснением кое-каких вопросов о колдовстве в Массачусетсе. Также не случайно миссис Пэррис была в родстве с судебным писарем Стивенном Сьюэллом.

63. Восемью годами ранее чиновники доминиона приказали Уинтропу арестовать Коттона Мэзера за подстрекательство к бунту; он проигнорировал приказ. Об обращении Стаутона к Андросу: *Lustig, Imperial Executive*. P. 196. С точки зрения англичан, переворот был подстегнут «коварными пасторами» во главе с Мэзерами. Естественно, Новая Англия предпочитала отвечать перед Богом, а не перед королем.

64. *IM, The Autobiography of Increase Mather*. P. 351. Он понимал, что за эту хартию несколько лет назад его соотечественники радостно отдали бы половину своих владений.

65. *Brattle in Burr*. P. 169.

66. *R*. P. 658.

67. В некоторых источниках говорится, что пытка началась 16 сентября; длилась она несколько дней. Детали: *C. L'Estrange Ewen, ed. Witch Hunting and Witch Trials*. New York: Dial, 1929. P. 28; «давать пищу»: *Brown, The Case of Giles Corey*. P. 288. О раскаянии в своем упрямстве: *Richard D. Pierce, ed. The Records of the First Church in*

Salem. Salem, MA: Essex Institute, 1974. P. 218. Приехавший из Нантакета друг, уроженец Салема, был зятем одного обвиняемого, в то время находившегося в бегах.

68. *Calef* in Burr. P. 367.

69. О предыдущем деле Кори: RFQS, 6. P. 190. «затоптал и задавил»: *SS Diary*, 1. P. 296. Примерно в это время начинает звучать тихий ропот. Когда одной подозреваемой в Глостере велели прочитать «Отче наш», она, дойдя до места «И прости нам долги наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему», храбро добавила: «И я прощу»: R. P. 672.

70. R. P. 673.

71. *Calef* in Burr. P. 367–369. Ведшие строгий учет: *Lawrence Hammond, Diary*, Ms. SBd-98, MHS. «вешая друг друга»: *Thomas Wilson and James Dickinson*, November 11, 1692, // Library of the Society of Friends, vol. 1, portfolio 31/93, частично изложено в *The Epistle to the monthly and Quarterly Meetings of Friends of England, Wales and Elsewhere, from Our Yearly Meeting*, London, 1693.

72. WOW. P. 84. Англичане, квохтал Коттон, кажется, своими вечными спорами доводили друг друга до гибели гораздо настойчивее, чем другие народы. Это заявление обнаруживает в нем человека, который, при всей своей эрудиции, мало путешествовал.

10. Публикуется во избежание появления ложных сообщений

1. *Noyes, New-England's Duty*.

2. R. P. 739; также R. P. 687–688, 697. Об инвентаризации: *Francis Foxcroft to Colonel Lidget*, October 6, 1692, *Frederick L. Gay Family Papers*, Ms. N-131, box 1, MHS. Он сообщал, что 120 человек содержится в тюрьме и в два раза больше обвиняется.

3. *Hale* in Burr. P. 423.

4. *CM to Stephen Sewall*, September 20, 1692, NEHGS.

5. *CM Diary*, 2. P. 267.

6. Интерьер дома Сьюэлла: *LaPlante, Salem Witch Judge*. P. 22; *SS Diary*, 1. P. 297; e-mail with *David Hall*, July 6, 2014.

7. *Phips letter* of October 12, 1692; R. P. 686–678.

8. WOW. P. 84; «странный фермент»: R. P. 686. КМ тоже писал об «ужасном ферменте».

9. *Phips to Nottingham, February 21, 1693*; R. P. 810. Брэттл писал о том же в начале октября: эти люди готовы «отказаться от своих обязанностей».

10. *Brattle in Burr*. P. 179–180.

11. *IM, Cases of Conscience*. О собрании: *Proceedings of the MHS*, vol. 17 (1879). P. 267–268.

12. *Michel de Montaigne, Essais* (Paris: Flammarion, 1979). P. 244.

13. R. P. 681.

14. *Haefeli, Dutch New York*. P. 306.

15. *Brattle in Burr*. P. 187.

16. *CM Diary*, 1. P. 151.

17. *CM to John Cotton*, October 20, 1692, John J. Burns Library, Boston College.

18. To *IM*, January 9, 1693, цит. По: *Thomas Hutchinson, History of the Colony and Province of Massachusetts Bay*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936, vol. 2. P. 18.

19. *Samuel Willard, Sermon 53, April 19, 1692* // *Compleat Body of Divinity*. P. 184.

20. Предисловие Уилларда к *Cases of Conscience*.

21. См. *Willard, Samuel Willard's Account*. В деле 1679 года, которое, как и случай Нэпп, Инкриз Мэзер включил в «Удивительные знамения» (IP. P. 151), мальчик из Ньюбери «лаял как собака и кудахтал как курица». Инкриз обсуждает Нэпп в IP: *Burr*. P. 21–23; Коттон включил ее в «Магналию», 2. P. 390–391, уместив всю историю в четыре абзаца. Они оба лишили ее всякого пафоса. У них Элизабет предстает скорее диковинкой, чем девушкой, которой больно, потому что она сходит с ума либо от скуки, либо от страха. Как и в случае с Салемом, Коттон делает упор на ее криках «Деньги! Деньги!». Он вольно обходится с соседом, из-за которого Нэпп впала в «жестокую агонию», чего в оригинале не было, и еще вплетает в историю демона. Об Уилларде и его бесподобном проповедовании: *Seymour Van Dyken. Samuel Willard, 1640–1707: Preacher of Orthodoxy in an Era of Change*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1972. P. 44. «не медлил»: *SS Diary*, 1. P. 287. «изрыгая ругательства»: *IM in Burr*. P. 22. Выражаю благодарность Роберту Дж. О'Харе за информацию о судьбе Элизабет Нэпп и

преподобной Нэнси С. Тейлор за информацию о приходе Уилларда в третью (старую южную) церковь. Уиллард, набравший очки: см. *Samuel Willard. Useful Instructions for a Professing People in Times of Great Security and Degeneracy* Cambridge, MA: Samuel Green, 1673. P. 29–43.

22. *Magnalia*, 2. P. 493.

23. *SS Diary*, 1. P. 44.

24. *Brown, The Salem Witchcraft Trials*. Мэри Райнлэндер Маккарл превосходно пишет об атмосфере в издательском бизнесе в 1692 году: *Mary Rhinelande McCarl. Spreading the News of Satan's Malignity in Salem: Benjamin Harris, Printer and Publisher of the Witchcraft Narratives* // EINC129, January 1993. P. 39–61. Хефели подозревает, что Уиллард написал эту работу в ответ на резкую смену позиции Инкриза Мэзера в эпилоге к «Вопросам и ответам»: *Haefeli, Dutch New York*. P. 279.

25. Reproduced in Burr. P. 168–190; см. также выдающуюся работу: *Rick Kennedy. Thomas Brattle and the Scientific Provincialism of New England* // *New England Quarterly*, December 1990. P. 584–600. Впоследствии Брэттл получил степень в области тригонометрии; его считают одним из тех редких людей, которые в своих будущих просчетах могли винить университетское образование. Он и Сьюэлл за несколько лет до этого, в Стоунхендже, вместе разгадывали другую загадку. Личность адресата его писем 1692 года не раскрыта до сих пор. Мужчины, которых он называет основными движущими силами, в марте одобрили проповедь Лоусона. Письмо Брэттла примечательно отсутствием ссылок на Писание.

26. Видимо, вопросы отправил Джозеф Дадли, который вел процесс над Гловер: Burr, 195n; *Proceedings of the MHS*, vol. 50, 1884. P. 348–353; Калеф заявлял, что и он тоже. Если и так, то ни Мэзеры, ни Стаутон его об этом не просили. Томас Ньютон или Уиллард (приходившийся ему дважды свойственником и близко общавшийся с нью-йоркским духовенством) также могли это сделать. В письме содержалось явное желание избавиться от массачусетского духовенства: *Interview with David Hall*, January 12, 2013. Джон Миллер рассказывал, что совета попросил «обеспокоенный Фипс»: *John Miller. New Yorke Considered and Improved* A. D. 1695, ed. Victor Hugo Paltsits. New York, 1901. P. 123. См. также: *Selyns letter of December 30, 1692* //

Ecclesiastical Records: State of New York, vol. 7. Albany: University of the State of New York, 1916. P. 1046.

27. *Miller*, *New Yorke Considered*. P. 15.

28. *Proceedings of the MHS*, vol. 1 (1884). P. 353–358.

29. *Phips* in *Burr*. P. 196–198. Он строго придерживался «Вопросов и ответов» Инкриза. В другом письме того же дня он касается дел, которые предпочитает волшебству: сообщает об успехе в борьбе с французами и индейцами, предлагает новую вылазку в Канаду. Он уверяет Лондон, что регион полностью на его стороне. Он победил врагов Новой Англии с шестью сотнями солдат. Если ему дадут достаточно кораблей, он сможет разбить их наголову уже весной. Звучит он как человек в высшей степени компетентный, если не совершенно непобедимый: см. *Phips to Nottingham*, October 12, 1692, UK file, CO 5/751, no. 15, PRO. Нортон первым заметил, что Фипс лгал о своем отсутствии в Бостоне: *Norton*, *In the Devil's Snare*. P. 237–239.

30. *David D. Hall*. *Ways of Writing: The Practice and Politics of Text-Making in Seventeenth-Century New England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 185; *McCarl*, *Spreading the News*. P. 49–50; *Bridenbaugh*, *Cities in the Wilderness*. P. 130–131. Что касается взаимосвязей и их сложных переплетений: бизнес-партнер Бенджамин Харриса был племянником преподобного Джеймса Аллена, близкого друга Мэзера, одного из визировавших «Вопросы и ответы», пастора, к которому обращался Проктер, и участника сьюэлловской молитвы за Олдена.

31. Цит. по: *Jacobsen*, *William Blathwayt*. P. 476. О сообщении между двумя мирами: *David Cressy*. *Coming Over: Migration and Communication Between England and New England in the Seventeenth Century* (New York: Cambridge University Press, 1989).

32. *Stoughton* preface to *WOW*. P. 6.

33. *R*. P. 687–688.

34. *R*. P. 690. Что в воздухе пахло переменами, видно по тональности писем; мировой судья Дадли Брэдстрит вновь всплыл на поверхность. В петиции странным образом отсутствуют фамилии Фостер и Лэйси.

35. *R*. P. 692.

36. *R*. P. 693. Этот визит приписывают Инкризу Мэзеру, однако Розенталь и другие утверждают, что тому нет доказательств: *R*, 694n.

Брэттл там был однозначно и, может быть, вовсе в одиночку слушал раскаяния женщин. Он либо уже приходил до того, либо это то посещение, о котором он говорит в своем письме от 8 октября. Не похоже, чтобы женщины разговаривали с пастором. И научный характер вопросов больше присущ Брэттлу. Испытание касанием: *R. P. 737–738*.

37. *Briggs, Witches and Neighbors*. P. 28–30, 108–110; *Dennis C. Turner and Patrick Bateson*, eds. *The Domestic Cat: The Biology of Its Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 189–190. Давно известно, что ведьмы предпочитают кошек собакам. Британские ведьмы тоже в этом признавались. «Враг рода человеческого»: *MacKay, The Witch Mania*. P. 491.

38. Sewall letter book, 1685/86–1737, Ms. N-905, MHS. Письмо датировано 19 октября 1692 года.

39. WOW. P. 22; «лживые сообщения»: WOW. P. 5. И снова слова Коттона созвучны словам Лоусона: дьявол атаковал из самого сердца новоанглийского благочестия, «первенца наших английских поселений». Оба они упоминают о булавках в зале суда, о сере и о подозреваемом, почти повешенном прямо у них на глазах («зрелище, которое я хотел бы забыть», напишет Лоусон), и все это отсутствует в сохранившихся документах.

40. WOW. P. 14. Калэф выговаривает за это Коттону Мэзеру в своей работе *More Wonders*: неужели недостаточно, что это произошло, так еще и требовалось доказать, что оно было напророчено? О желании Инкриза доказать правильность своих предсказаний по поводу войны короля Филипа: *Hall, Faithful Shepherd*. P. 241.

41. WOW. P. 100. Нежелание называть имя Берроуза может указывать на то, что у него были союзники: interview with *David Hall*, January 4, 2015. Коттон Мэзер тоже осуждал пытки, но впустую.

42. WOW. P. 159. Помощь типографики: WOW. P. 167.

43. *Albert B. Cook*. *Damaging the Mathers: London Receives the News of Salem* // *New England Quarterly* 65, June 1992. P. 302–308; *Athenian Mercury*, December 24 and 31, 1692, January 14, 1693.

44. *CM to John Cotton*, October 20, 1692, *Cotton Mather Letters*, John J. Burns Library, Boston College.

45. *David Levin*. Did the Mathers Disagree About the Salem Witchcraft Trials? // *Proceedings of the AAS*, 1985. P. 19–37. Они не соглашались беспрекословно даже в специфических деталях. Инкриз предостерегал против эксперимента с «Отче наш», а Коттон эксперимент поддерживал. По поводу испытания водой их позиции тоже расходились.

46. Послесловие Инкриза к Cases.

47. Предисловие Стаутона к WOW. P. 7. Он цитировал по: *CM to Stephen Sewall*, September 20, 1692, NEHGS.

47. *SPN*. P. 211–215; interview with *David Hall*, October 29, 2012; e-mail with *David Hall*, August 6, 2014. See *Richard Sibbes*. *The Spouse, Her Earnest Desire After Christ* // *The Complete Works of Richard Sibbes*. Edinburgh: James Nichol, 1862. P. 200–208. У Инкриза была копия проповеди Сиббса, и один из Мэзеров вполне мог предложить ее Пэррису.

49. *R*. P. 696. О ехидстве: *SS Diary*, 1. P. 299; *Murrin*, *The Infernal Conspiracy*. P. 343. Среди присутствовавших были Дадли Брэдстрит и зять Брэдбери, чье появление явно произвело впечатление. Хартия позволяла Фипсу распустить суд в одностороннем порядке.

50. *R*. P. 697.

51. *R*. P. 705. Причиной недееспособности ее мужа была эпилепсия, приступ которой случился у него второй раз за пять лет.

52. *SS Diary*, 1. P. 302. Такого квалификационного отбора не существовало до ноября, хотя и следовало бы.

53. *Calef* in *Burr*. P. 382.

54. *Calef*, *More Wonders*. P. 152, and *Lawson*, письмо, приложенное к *A Further Account*.

55. *Lawson*, письмо, приложенное к *A Further Account*; *R*. P. 833. Она умерла в тюрьме, не дождавшись освобождения.

56. *Phips*, письмо от February 21, 1693, in *R*. P. 810–811.

57. *Colonial State Papers*, Massachusetts council minutes, February 22, 1693, CO 5/940, no. 201, PRO.

58. Massachusetts council minutes, February 2, 1693, February 23, 1693, CO 5/785, fols. 108v-109v, PRO.

59. *Phips* to Lords of Trade and Plantations, April 3, 1693, CO 5/857, no. 46, PRO.

60. *Phips to the Earl of Nottingham*, September 11, 1693, CO/751, no. 37, PRO.

61. *CM Diary*, 1. P. 172.

62. *Hale in Burr*. P. 422. «Я потребовал»: *Hale in Burr*. P. 418.

63. *R*, 820. *Rosenthal*, *Salem Story*, 31, 226n – о ее судьбе. Судя по всему, она провела в тюрьме двадцать два месяца.

11. Это темное, странное время

1. *The Rules of the Game*, Jean Renoir, 1939.

2. *Hale in Burr*. P. 419.

3. *Sher*, *Brand of Infamy*, 2.

4. *SS Diary*, 1. P. 302, 310; e-mail from *David Hall*, August 6, 2014.

Олдена оправдали в апреле 1693 года: *R*, 733. Сьюэлл был у его смертного одра в мае 1702 года. Олдены взяли к себе дочь Инглишей, когда те бежали: *R*. P. 917.

5. См. *Le Beau*, Philip English; *R*. P. 687.

6. *Lawson*, *The Duty and Property*. Эта проповедь, прочитанная 25 декабря 1692 года, была опубликована в 1693-м с посвящением Сэмюэлу Сьюэллу. Дэвид Холл считает, что Лоусон хотел заодно отчитать родителей некрещеных детей.

7. January 17, 1693, *Corwin Family Papers*, Mss. 45, PEM.

8. *Nathaniel Hawthorne*. *The House of the Seven Gables*. Mineola, NY: Dover, 1999. P. 15.

9. *R*. P. 844.

10. *R*. P. 848.

11. *Scottow*, *A Narrative*. P. 43–44.

12. *R*, 889; *Hale in Burr*. P. 422; *Magnalia*, 1. P. 191–192.

13. *CM*. *The Day, and the Work of the Day*. Boston, 1693. P. 65.

14. Melyen letter of January 12, 1693, цит. по: *Haefeli*, *Dutch New York*. P. 308. О его прошлом: *Reis*, *Damned Women*, 129n.

15. Много браков заключалось между членами семей выживших. Неясно, происходило ли это из-за общей травмы, или потому, что никто другой не хотел иметь с ними дела. Роуч отмечает, что овдовевший зять Бриджет Бишоп женился на дочери другой повешенной ведьмы. *Roach*, *Six Women of Salem*. P. 379.

16. *Greene*, *The Third Wife*; *Ian Nelson Glade*, *Mary (Burroughs) (Homier) (Hall) Tiffany* // *American Genealogist* 48, 1972. P. 141–143. Брак получился коротким: через год муж предстал перед судом за применение физического насилия к жене.

17. *Benjamin Fletcher* to Earl of Nottingham, March 8, 1693, CO 5/1081, no. 31, fols. 139r-140r, PRO.

18. Salem Book of Records, February 18, 1687, DAC.

19. Я благодарна за данное наблюдение Кэрол Маджахад (*Carol Majahad*) из North Andover Historical Society.

20. Это была Сюзанна Шелден. Об увековечении: *Kenneth E. Foote*, *To Remember and Forget: Archives, Memory, and Culture* // *American Archivist*, summer 1990. P. 378–392. Целый год исчез и из других источников, таких как дневник Джона Маршалла и MHS. Уиллард не включил свое предостережение о призрачных свидетельствах от середины июня в *Compleat Body of Divinity*. О Денфорте: *Roger Thompson*, *The Case of Thomas Danforth*. Нортон о записках Уинтропа: *In the Devil's Snare*, 2003. P. 13; Петерсон о записках Уилларда: EHC129. P. 101. Что касается журнала судебных записей, Хиггинсон ни разу не выпустил его из виду во время суда над Хатчинсоном.

21. *David Levin*. *When Did Cotton Mather See the Angel?* // *Early American Literature* 15, winter 1980. P. 271–275; *David Levin*, *Cotton Mather's Misnamed Diary* // *American Literary History* 2, summer 1990. P. 183–202.

22. B&N. P. 280–312; «великий обвинитель»: B&N. P. 283. Не только Пэррис свидетельствовал против Ребекки Нёрс, но и не меньше шести членов семьи Патнэм.

23. *CM Diary*, 1. P. 163–164.

24. *CM Diary*, 1. P. 171. Миссис Карвер, считавшая, что история с ведьмами закончилась слишком рано, – это, возможно, Дороти Карвер, муж которой еще недавно был в заложниках у пиратов.

25. *R*, 800.

26. *Gura*, *Cotton Mather's Life of Phips*. P. 442. Фипс умудрился высечь не просто английского капитана морского судна, но и того, кто держал правую руку на перевязи; потом он посадил офицера королевского флота «в тюрьму общего типа, вместе с ведьмами и

прочими уголовниками». О бойкоте прощального ужина: *Baker and Reid, New England Knight*. P. 246.

27. Автор ведьмина пирожка; фермеры, которых терроризировала призрачная Сара Гуд; Ингерсол, доктор Григс и мужчины, которых Марта Кори тепло приветствовала в дверях своего дома в марте 1692 года, – все они подписали петицию.

28. *B&N*. P. 266. Поиск нового пастора начался в июле. Среди восьми собеседовавшихся кандидатов был первый деревенский пастор Джеймс Бэйли, то есть, возможно, Патнэмы зондировали почву для его возвращения.

29. *SS Diary*, 1. P. 354. Это был Мельен. Еще 22 ноября Сьюэлл молился, чтобы, с одной стороны, Бог спас Новую Англию от ведьм, а с другой – чтобы оправдал судей. Он все же чувствовал, что суду есть за что оправдываться.

30. *SS Diary*, 1. P. 359. *Thomas Maule. New England Persecutors Mauled with Their Own Weapons*. Boston, 1697. О Моле: *Matt Bushnell Jones. Thomas Maule, the Salem Quaker, and Free Speech in Massachusetts Bay // EИHC, January 1936*. P. 1–42. От «жуликов и шлюх» до «коварной лжи»: *Maule, New England Persecutors*. P. 36–37. Брызжущий слюной судья – это Данфорт, который допрашивал девочек в апреле, а в следующие месяцы отсиживался в тени, чувствуя неловкость из-за суда над ведьмами, и (судя по всему) молчал.

31. *CM Diary*, 1. P. 211. Еще одно «тем не менее»: *Ibid*. P. 151.

32. *George H. Moore. Notes on the History of Witchcraft in Massachusetts // AAS Proceedings, 1882*. P. 174; *CM Diary*, 1. P. 214–216, 361–363. См. также: *William DeLoss Love Jr. The Fast and Thanksgiving Days of New England*. Boston: Houghton, 1895. P. 265–269; *Calef in Burr*. P. 385–386.

33. *SS Diary*, 1. P. 363–364. Весь дом был на нервах: восемнадцатилетний Сэм рыдал, что приходится уезжать, а Бетти оплакивала свои перспективы быть спасенной.

34. *Calef, More Wonders*. P. 154.

35. Про извинение Сьюэлла: *SS Diary*, 1. P. 366–67; *LaPlante, Salem Witch Judge*. P. 199–205. Вполне может быть, что двое из коллег Сьюэлла по суду тоже в тот день присутствовали на службе. О неодобрении Стаутона: *SS Diary*, 1. P. 403. Легкоранимый, он не любил действовать в одиночку: *SS Diary*, 11. P. 1027; *David S. Lovejoy. Between*

Hell and Plum Island: Samuel Sewall and the Legacy of the Witches // *New England Quarterly* 70, 1997. P. 355–367.

36. *A Narrative of the Proceedings of Sir Edmund Andros and His Complices, by several gentlemen who were of his Council, 1691.* P. 10. Стаутона снова назначили главным судьей в 1695 году, через три года после Салема.

37. *Sibley.* P. 200.

38. *CM Diary*, 1. P. 216. Это его последнее недвусмысленное выражение сожаления.

39. *Calef* in *Burr.* P. 387–388. Это единственные двенадцать присяжных, которые оставили сохранившиеся до нас извинения. Или те, кто вообще их принес.

40. *Another Brand Pluck'd* // *CM Papers*, Ms. N-527, MHS.

41. *Suffolk Files Collection*, vol. 144. P. 135–138, *General Sessions of the Peace Record Book*, 4. P. 76–78, *Massachusetts State Archives*. Он передразнивал Нойеса во время молитвы «в глумливой возмутительной манере»; обвинял салемских пасторов и особенно судей в убийстве Ребекки Нёрс и Джона Проктера. Суд заставил его извиниться 2 августа 1722 года. Об Инглише и получившей продолжение легенде о теле Корвина: *Marilynne K. Roach. The Corpse in the Cellar* // *New England Ancestors*, fall 2007. P. 42–43. См. также *Belknap*, Philip English; *Cheever*, Philip English. P. 198; *Le Beau*, Philip English. P. 8–10; *Calef*, *More Wonders*. P. 119.

42. *CM* on Margaret Rule, reproduced in *Burr.* P. 320; «покои с призраками» *ibid.*, 322. Калеф писал, чтобы и обличить Мэзера, и критиковать процессы. Мэзер писал, чтобы и оправдать друзей, и пролить свет на события.

43. *CM Diary*, 1. P. 156.

44. *Magnalia*, 1. P. 136. См. также *Gura*, *Cotton Mather's Life of Phips*, и *David H. Watters. The Spectral Identity of Sir William Phips* // *Early American Literature* 18, winter 1983. P. 219–232. Калеф обвинял Коттона в том, что воздвигнутый им нерукотворный памятник Фипсу – продуманный маневр, отвлекающий от колдовства. Он не ошибался. Как указывает Уоттерс, у Коттона прибытие Фипса и новой хартии рушат планы дьявола установить конкурирующую власть.

45. *CM Diary* 1. P. 245. Отказавшись от пастушеских метафор в пользу морских, Мэзер показывает, как Массачусетс погружается, по

выражению другого пастора, в «смертоносное море колдовства», а Фипс спасает корабль от крушения. Этот образ и большую часть фразы Мэзер украл.

46. *Magnalia*, 1. P. 193.

47. *Magnalia*, 2. P. 537. Вклеенные в сюжет индейцы и французы: Burr. P. 281–282.

48. *JH*. P. 131. Вероятно, не случайно Хейл написал свою работу сразу после признаний 1697 года. И все же это расстроило Сьюэлла, который боялся, что Хейл снова перевернет все с ног на голову. «Особые причины» и «более тщательно рассмотреть»: *Hale* in Burr. P. 404–405. Коттон Мэзер позволяет себе некоторые любопытные вольности с записями Хейла: *Magnalia*, 2. P. 409–416.

49. *Higginson* in Burr. P. 400–401.

50. *Wait Still Winthrop to Ashurst, August or September 1699*, Collections of the MHS, sixth series, vol. 5, 1892. P. 50.

51. *SS Diary*, 1. P. 450.

52. *Willard, Prognosticks of Impending Calamities*. P. 12. Фостер отмечает критические выпады Мэзера: *Stephen Foster. The Long Argument: English Puritanism and the Shaping of New England Culture, 1570–1700*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 266–267.

53. Stoughton's will, Suffolk County Probate, 2675, judicial archives, Massachusetts State Archives. Я благодарна Тамаре Эллиот Роджерс за информацию о щедром посмертном даре Стаутона Гарвардскому колледжу.

54. *Thomas Maule. An Abstract of a Letter to Cotton Mather*. New York, 1701. P. 17.

55. *R*, 851.

56. *Wigglesworth to IM, Mather Papers, MHS*. Постепенно колдовство превращалось в «мнимое колдовство».

57. *SS Diary*, 2. P. 948.

58. *R*. P. 713, 889. See *Rosenthal, Salem Story*. P. 195–200.

59. Ее извинение: Salem minister's record book, DAC; Interview with *Richard Trask*, April 1, 2015. И снова цифры разнятся: Энн заколдовали от шестидесяти двух до шестидесяти восьми человек.

60. *CM. Winter Meditations: Directions How to Employ the Leisure of the Winter for the Glory of God*. Boston, 1693. P. 59.

61. *Brattle* in Burr. P. 172, 188.
62. *CM Diary*, 2. P. 112. Уильям Гуд требовал компенсации за младенца, которого Сара потеряла в тюрьме: R. P. 871.
63. *Calef* in Burr. P. 356.
64. *Calef*, *More Wonders*. P. 7.
65. *Charcot*, цит. по: *Hansen*, *Witchcraft at Salem*. P. 17. Пьер Жане в 1907 году описывал симптомы истерии как начинающиеся с болей в нижней части тела, распространяющиеся выше к горлу и вызывающие затрудненное дыхание и оскал на лице.
66. *Mather-Calef Paper on Witchcraft // Proceedings of the MHS*, vol. 47 (1914). P. 244.
67. *Hambrick-Stowe*, *The Practice of Piety*. P. 171–172; *Kenneth Lockridge*, цит. по *Weissbach*, *Townes of Massachusetts*. P. 207; *Oster*, *Witchcraft, Weather*. Элизабет Нэпп билась в конвульсиях в ноябре, Гудвины – в середине лета. Вряд ли у кого-то в Салеме было время для колдовского кризиса в ноябре, самом набитом делами месяце года. Как указывает Ларнер, такой паники никогда не возникает во время реального вторжения вражеских сил: *Larner*, *Witchcraft and Religion*. Элейн Шоуолтер указывает, что эпидемии истерии обычно случаются в нервной обстановке конца столетия: *Elaine Showalter*. *Hystories: Hysterical Epidemics and Modern Media*. New York: Columbia University Press, 1997. P. 19.
68. См. *George Rosen*. *Madness in Society*. New York: Harper, 1968; *Josef Breuer and Sigmund Freud*. *Studies on Hysteria*. New York: Basic Books, 2000; and *Sander L. Gilman et al.*, eds. *Hysteria Beyond Freud*. Berkeley: University of California Press, 1993.
69. Цит. по: *Carol Gilligan*. *Joining the Resistance*. New York: Polity, 2011. P. 87.
70. *Mary Rowlandson*. *A Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson*. Cambridge: Cambridge University Press, 1902. P. 72.
71. *Willard*, *Samuel Willard's Account*. P. 565.
72. *Ebenezer Turell*, *Detection of Witchcraft*, MHS. P. 15. Маргарет Рул тоже беспокоилась о спасении души прямо перед тем, как у нее появились симптомы. Burr. P. 310.
73. R. P. 82.
74. R. P. 373–374.

75. *Huxley*, *The Devils*. P. 253. *Ekirch*, in *At Day's Close*. P. 294 – здесь указывается, что особенно кожа чувствительна с одиннадцати часов вечера. См. *Winter Meditations*, introduction. P. 70. См. *William Ames*. *The Marrow of Theology*. Durham, NC: Labyrinth Press, 1968. P. 57–59 – о колких, пронзающих словах с кафедры.

76. *Randolph* to the Lords of Trade, October 24, 1689, CO 5/855, no. 41, fols 117r-188v, PRO.

77. *MacDonald*, *Mystical Bedlam*. P. 202–209.

78. *Hawke*, *Everyday Life*, 91; *Innes*, *Creating the Commonwealth*. P. 17–18.

79. Такой эффект достигается молитвой чаще у женщин, чем у мужчин. См. *T. M. Luhrmann*. *When God Talks Back*. New York: Vintage, 2012, особенно р. 216–226. Или как Амброс Бирс определяет слово «привидение»: «внешний, видимый знак невидимого страха».

80. См. англоязычное саммари работы *Lagerlöf-Génetay*, *De Svenska Haxprocessernas*; *E. William Monter*, *Scandinavian Witchcraft in Anglo-American Perspective // Early Modern European Witchcraft*, ed. *Bengt Ankarloo and Gustav Henningsen*. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 425–434. Большинство заколдованных шведских детей умели читать: *Horneck*, *An Account*. P. 3; в самой Швеции уровень грамотности был выше, чем в Новой Англии.

81. *Richard P. Gildrie*, *The Salem Witchcraft Trials as a Crisis of Popular Imagination // EINC128*, June 1992. P. 276. Лурман указывает, что для буддистов обычны видения Будды: *Luhrmann*, *When God Talks Back*. О том, что мы видим с закрытыми глазами: *Oliver Sacks*. *Hallucinations*. New York: Vintage, 2012.

82. Ничего лучше о предмете вы не найдете: *Demos*, *Entertaining Salem*, 2004. Особенно интересно о Мэри Уоррен и ее призрачной борьбе с Джоном Проктером: *R*. P. 263; рутинная поездка к бабушке тоже может сочтаться сексуальной угрозой. О сексуальном интересе зрителей: *Delbanco*, *The Death of Satan*. P. 60; о флирте и околдованной Маргарет Пул: in *Calef*, *Burr*. P. 327.

83. *Turell*, *Detection of Witchcraft*. P. 6–22. Описывая события, пастор винит «беспечную нежность и любовь» в потакании детской блажи. Розенталь видит больше сговоров и договоренностей, чем галлюцинаций: *Rosenthal*, *Salem Story*; interview with *Bernard Rosenthal*, January 15, 2015. Как полагал Бернанд в 1627 году, те, кто

симулировал симптомы одержимости колдовскими чарами, делали это ради выгоды, из мести, чтобы угодить другим, «а некоторые – просто упивались возможностью дурачить публику и ловить восхищенные взгляды»: *Bernard, Guide to Grand-Jury Men*. P. 54.

84. *Calef, More Wonders*. P. 120. Взрослые тоже подыгрывали. Преподобный Нойес вытаскивал булавки из глоток пораженных: *R.* P. 514. Сломанная трость: *Calef in Burr*. P. 355.

85. *R.*, 537. «Эти молитвенные встречи»: цит. по: *Rosen, Madness in Society*. P. 220.

86. *Phillips, Going Sane*. P. 97.

87. *Revolution in New-England Justified*. P. 31. Муррин описывает массовый переход на противоположную сторону, кто сотрудничал с правительством доминиона. Чтобы загладить свои грехи – заговор с целью подрыва священного содружества – они отдавали под суд других: *Murrin, The Infernal Conspiracy*. P. 345. Здесь Нортон весьма убедителен: *Norton, In the Devil's Snare*. Брин думает иначе: «Если бы правительство Массачусетса было способно защитить колонистов от французов и индейцев, эпизода с охотой на ведьм вообще могло не случиться»: *T. H. Breen. Puritans and Adventurers: Change and Persistence in Early America*. New York: Oxford University Press, 1980. P. 105.

88. *Mencken*, цит. по: *Adams, Specter of Salem*. P. 150. Также девочки не могли догадываться о границах своих сил. А вот Л. Фрэнк Баум мог: «Ты что, не знала, что вода – это моя погибель?» – спросила ведьма жалобно. «Конечно нет, – ответила Дороти, – откуда мне было это знать?»

89. *V&N*. P. 266. Подожженный в 1933 году Рейхстаг, оружие массового уничтожения – ничто так не легитимизирует власть и не настраивает народ против врага, как призрак, фантом. См. *Randolph letter of May 16, 1689*, о колонистах, использовавших французскую и индейскую угрозу в своих интересах. Естественно, имело место очень много перенаправленной вины – метафорическая горячая картошка слишком жгла пальцы, как заметил Артур Миллер в *Timebends*, xiii.

90. Лишь редкий инкуб заглядывал в округ Эссекс. Когда женщины жаловались на нападения в спальнях, они обычно называли других женщин. О сонном параличе: *Owen Davies. The Nightmare Experience, Sleep Paralysis, and Witchcraft Accusations // Folklore, August*

2003. P. 181–203; *David J. Hufford*. *The Terror That Comes in the Night*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982; *Selma R. Williams*. *Riding the Nightmare: Women and Witchcraft*. New York: Atheneum, 1978; R. P. 27.

91. Кремин отмечает, что Массачусетс, возможно, представлял на тот момент самое образованное сообщество в человеческой истории: *Cremin*, *American Education*. P. 212. Реплика о Джоне Уайзе: *Sibley*. P. 435. Mather's library, Dunton, цит. по: *Larzer Ziff*. *Puritanism in America: New Culture in a New World*. New York: Viking, 1973. P. 11.

92. *Richard M. Gummere*. *Seven Wise Men of Colonial America*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. P. 23. Клайв Стейплз Льюис рассказывает о писательском зуде, который в итоге привел к написанию «Хроник Нарнии»: «Сперва пришли образы... королева в санях, величественный лев. Поначалу в них вообще не было ничего христианского – этот элемент проник туда совершенно самостоятельно». *C. S. Lewis*. *On Stories and Other Essays on Literature*. New York: Mariner, 2002. P. 46.

93. Эта эпидемия также опиралась на более ранний миф и позволила детям атаковать собственные семьи. См. *Lagerlöf-Génétay*, *De Svenska Naхprocessernas*; *Monter*, *Scandinavian Witchcraft*. Калейф отмечает, что некий белый дух появился в Салеме, как появлялся в Швеции; Мэзер же старался от него избавиться: *Calef*, *More Wonders*. P. 19. По мнению Анкарлу, этот нарратив формировали духовенство и судьи: *Bengt Ankarloo*. *Blakulla, ou le sabbat des sorciers scandinaves // Le sabbat des sorciers en Europe*. Grenoble, France: Millon, 1993. P. 251–258. Процессы в Бери-Сент-Эдмундсе – где Хейл и Мэзер-младший, как и судьи, представили свои рассказы о Салеме, – тоже начались с девочек предпубертатного возраста, которые входили в транс, противились Писанию и плевались булавами.

94. *Calef*, цит. по: *Mather-Calef Papers on Witchcraft*. P. 250.

95. *IM*, *Cases*. P. 20.

96. *WOW*. P. 171. Коттон немного подчистил язык Хорнека.

97. Не обошлось без искусанных кулачков и на слушании Эсти: *R*. P. 208. Возможно, не было простым совпадением, что Фостер и Кэрриер происходили из шотландских кланов. А может, это как раз и было идеальным совпадением.

98. Некоторые интуитивно чувствовали, что так же небезопасно уходить из комнаты жертвы. Когда Маргарет Рул попросила стоявших около ее кровати удалиться, «одна женщина заявила: я знаю, что не ведьма, и никуда не уйду». Другие последовали ее примеру: невозможно знать, что там решат в твое отсутствие: *Calef in Burr*. P. 326.

99. О том, что женщины видят галлюцинации чаще: *Gildrie, The Salem Witchcraft Trials*. P. 276. Это Роджер Томпсон заметил, что женщины с этим справляются лучше. Держащая язык за зубами добрая христианка появляется только в фильме о Волшебнике из страны Оз. Жертвы-мужчины привлекали внимание Сьюэлла; Коттон Мэзер поставил Берроузу высшую оценку.

100. Более 70 % обвиненных не были, однако, членами церкви: *Ray, Satan and Salem*. P. 190.

101. *Norton, In the Devil's Snare*. Коттон Мэзер опубликовал «пожалуй, самую единогласную резолюцию, которая когда-либо вдохновляла людей» по поводу свержения Андроса. Это было важно: Берроуз вряд ли бы под ней подписался. Томас Мол также отмечал ненависть духовенства к Берроузу: *Thomas Maule, Truth Held Forth*. P. 189. Он не говорит, что Берроуз был баптистом. О неспособности защитить границу после свержения Андроса: *Bullivant to Col. Lidget, CO 5/855, no. 103, PRO*. Как несколько лет спустя сказал один королевский чиновник, лидеры Массачусетса «не имеют общественного сознания и до тех пор, пока могут спокойно спать у себя в Бостоне, вообще не думают о будущем»: *Earl of Bellemont to the Council of Trade, August 28, 1699, CO 5/860, no. 65, PRO*.

102. *CM, Batteries Upon the Kingdom of the Devil*. P. 24.

103. *IM, IP*. P. 102.

104. *Hale in Burr*. P. 404.

105. *Debbie Nathan and Michael Snedeker. Satan's Silence: Ritual Abuse and the Making of a Modern Witch Hunt*. New York: Basic Books, 1995. P. 157. «превратил его в мышку»: *Dorothy Rabinowitz. No Crueler Tyrannies: Accusation, False Witness, and Other Terrors of Our Times*. New York: Free Press, 2003. P. 13. В скандальных случаях насилия над детьми (*Rabinowitz*. P. 29) считалось, что, если ребенок говорит, что был растлен – значит, он говорит правду. Если же отрицает насилие – значит, он просто еще не готов говорить. О современном случае

истерии и галлюцинаций: *Lawrence Wright, Remembering Satan // New Yorker*, May 17 and May 24, 1993.

106. B&N. P. 344. В другие времена бредящих женщин считали ведьмами, а мужчины грезили о дьяволе, и никого это особенно не беспокоило: *Hull Diaries*. P. 181.

107. *Dudley to Blathwayt*, February 25, 1692, цит. по: *Philip Ranlet. Enemies of the Bay Colony*. Lanham, MD: University Press of America, 2006. P. 184.

108. *Edward Randolph Papers* 1v. P. 283.

109. *Andros to Lord Sunderland*, March 30, 1687 // *John Russell Bartlett*, ed. *Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantations*. Providence: Knowles, 1858, 3. P. 224.

110. *Randolph* цит. по *Ranlet, Enemies of the Bay Colony*. P. 107. Высмеивая переворот, который лишил его должности, английский чиновник интересовался, нельзя ли сравнить восстание с грехом колдовства: *Palmer in Andros Tracts*, 1. P. 36. Некоторым нравилось без умолку болтать о творившемся там хаосе. «Новая Англия хуже бедлама»: *Randolph scoffed* in a March 14, 1693, dispatch. Бостон находится в плену «фантастических иллюзий», люди там «глупее своего губернатора»: *Randolph Papers*, 7. P. 433–444.

111. Цит. по: *Lustig, Imperial Executive*. P. 213, отголоски встречаются у *CM, Midnight Cry*. P. 63.

112. *WOW*. P. 16.

113. *Randolph to Samuel Shrimpton*, July 26, 1684, *Letters and Official Papers*, 3. P. 318.

114. Interview with *David Hall*, January 12, 2013.

115. *CM in Burr*. P. 322–323.

116. *Calef, More Wonders*. P. 164–165.

117. О политической эксплуатации этих историй: *Perry Miller. The England Mind from Colony to Province*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 142–145.

118. Признаваясь в августе, Мэри Марстон буквально сказала, что это дьявол заставил ее признаться: *R*. P. 565.

119. *Magnalia*, 2. P. 541. Джон Эмерсон, описывавший фантомных захватчиков, был пастором в Салмон-Фолс, когда городок сожгли дотла в 1690 году. Он также ранее предупреждал власти о бедствии в Глостере. На границе служило так много местных мужчин, что

поселенцы чувствовали себя абсолютно незащищенными, «каждый день и каждую ночь в ожидании» нападения, тем более что у них была гавань, самая лучшая в Новой Англии. Ресурсов не хватало, охранять город было некому. В итоге они предпочли покинуть свои дома и оставить город, нежели «жить в постоянной опасности и страхе за свои жизни». То же самое говорили жители деревенского Салема, умоляя не забирать их мужчин на охрану города в 1667 году.

12. Длинный шлейф печальных последствий

Наследию Салема посвящены целые тома. В частности, почитайте прекрасную работу 2010 года *Gretchen Adams, The Specter of Salem* и ее же *The Specter of Salem in American Culture* // *ОАН Magazine of History*, July 2003. P. 24–27; *Owen Davies, America Bewitched: The Story of Witchcraft After Salem* (New York: Oxford University Press, 2013); *Dane Anthony Morrison and Nancy Lusignan Schultz, eds., Salem: Place, Myth, and Memory* (Boston: Northeastern University Press, 2004). Более обобщенно о переосмыслении истории: *Foote, “To Remember and Forget”*.

1. Return of Several Ministers Consulted, B&N. P. 117–118.
2. Цит. по: *Mark Danner. Donald Rumsfeld Revealed* // *New York Review of Books*, January 9, 2014. P. 65.
2. *Marilynne Roach, ‘That Child, Betty Parris’: Elizabeth (Parris) Barron and the People in Her Life* // *EINC124*, January 1988. P. 1–27.
3. Нортон полагает, что это была Шелден: *Norton, George Burroughs*. P. 311; Бейкер – что Уоррен или Шелден: *Baker, A Storm of Witchcraft*. P. 109. Роуч думает, что это Абигейл: *Roach, ‘That Child’*.
5. Цит. по: *Justin Winsor. The Memorial History of Boston*. Boston: James R. Osgood, 1881, vol. 2. P. 146.
6. *Lawson in Burr*. P. 149. Бэр предполагает, что Лоусон уехал из Новой Англии из-за своей роли в салемских процессах. Свидетельств в пользу этой версии нет.
7. *Lawson letters of October 6, 1713, and July 12, 1715, Ms. Rawlinson, D839, fol. 169r, Bodleian Library*.

8. *Lawson to Jeremy Dummer and Henry Newman*, December 24 1714, Ms. Rawlinson, C128, fol. 12r, Bodleian Library.

9. *Edmund Calamy*, *A Continuation of the Account of the Ministers, Lecturers, Masters and Fellows of Colleges and Schoolmasters, Who Were Ejected and Silenced After the Restoration*. London: R. Ford, 1727, 11. P. 629.

10. Journal of the Rev. Israel Loring, January 25, 1720, Sudbury, Massachusetts, archives. Лучший источник о последних годах: *Gragg*, *Quest for Security*. P. 153–175; о завещании: B&N. P. 195–196.

11. *Joseph Green diary*, DIA 72, PEM; Sibley.

12. *Richard B. Trask*. *The Meetinghouse at Salem Village*. Danvers, MA: Danvers Alarm List, 1992. P. 20.

13. *John Kendall*, *The Life of Thomas Story*. Philadelphia: Crukshank, 1805. P. 172. Когда Джон Олден через двенадцать лет отплыл в Англию с официальной просьбой об оружии и военной технике, его схватили французы. Дадли Брэдстрит был взят в плен индейцами в собственном занесенном снегом доме.

14. *CM*, July 5, 1716 // *Silverman*, *Selected Letters*. P. 211.

15. *A Faithful Narrative of the Proceedings of the Ecclesiastical Council Convened at Salem in 1734*. Boston: Henschman, 1735. P. 3.

16. *Calef*, *More Wonders*. P. 7.

17. *Ernest Caulfield*. *Pediatric Aspects of the Salem Witchcraft Tragedy* // *American Journal of Diseases of Children*, 1943. P. 788–802. О «проклятом шуме» и бомбе: *CM Diary*, 2. P. 632, 657. Интересно, что Коттон – который, пока изучал в Гарварде медицину, заявлял, что обнаруживал у себя «почти каждую хворь, о которой читал», – судя по всему, совершенно не рассматривал кризис 1692 года с точки зрения психосоматики. Естественно, оба Мэзера потом писали, что предсказывали эпидемию 1721 года.

18. *Oberholzer*, *Delinquent Saints*. P. 124.

19. *Francis*, *Judge Sewall's Apology*. P. 321.

20. *Delbanco*, *The Death of Satan*. P. 64–69; *Reis*, *Damned Women*. P. 164–193.

21. *CM Diary*, 2. P. 749. Недавний анализ этого брака: *Virginia Bernhard*, *Cotton Mather's 'Most Unhappy Wife': Reflections on the Uses of Historical Evidence* // *New England Quarterly*, September 1987. P. 351. По ее мнению, нетрудно сделать вывод, что у Мэзера-младшего была

легкая паранойя. Как отмечал Артур Миллер, паранойя, однако, укрывает в своей жемчужине песчинку факта.

22. *Brattle in Burr*. P. 190.

23. Цит. по: *Adams, Specter of Salem*. P. 36.

24. *Ibid.* P. 118.

25. *Peter Gomes, Pilgrims and Puritans: 'Heroes' and 'Villains' in the Creation of the American Past // Proceedings of the MHS, vol. 95, 1983. P. 1–16.*

26. Цит. по: *Jesse Walker. The United States of Paranoia: A Conspiracy Theory*. New York: HarperCollins, 2013. P. 113.

27. Цит. по: *Richard Hofstadter. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. New York: Vintage, 2008. P. 20.

28. Цит. по: *Michael Heale. The United States in the Long Twentieth Century*. London: Bloomsbury, 2015. P. 133.

29. Лучше всего об этом: *Innes, Creating the Commonwealth*. P. 200.

30. *Adams, Specter of Salem*. P. 35. Он вслух говорил о том, против чего боролись Фипс и Мэзер-старший.

31. *Hofstadter, The Paranoid Style*. P. 3. Немного перефразированная цитата из ноябрьского номера журнала *Harper's* 1964 года.

32. *Andros Tracts, 1*. P. 37. Официальный ответ и эти утверждения приписываются Сэмюэлу Сьюэллу.

33. *Gary Boyd Roberts, Notable Kin: The Progeny of Witches and Wizards // Nexus, June 1992.*

34. Цит. по: *Joseph J. Ellis, Revolutionary Summer*. New York: Knopf, 2013. P. 50.

35. *Miller, Timebends*. P. 347–349; *Miller, Why I Wrote 'The Crucible,' New Yorker, October 21, 1996. P. 164.*

36. *Independent Journal, July 18, 1787; Massachusetts Centinel, August 1, 1787; Pennsylvania Evening Herald, October 27, 1787. Edmund S. Morgan on the incident: The Witch and We, the People // American Heritage 34, August 1983. P. 6–11. Последнее в колониях дело о колдовстве слушалось в Виргинии в 1706 году.*

37. Цит. по: *Morrison and Schultz, Salem: Place, Myth, and Memory*. P. 55. См. также *Miller, Timebends*. P. 335–349. Миллер считал, что городок начал изучать и эксплуатировать свое прошлое только после выхода «Сурового испытания».

38. Interview with *Richard Trask*, April 2, 2015.

39. Я благодарна архивариусу из Топсфилда Эми Коффин за эту деталь.

40. *Daniel Lang*, *Poor Ann* // *New Yorker*, September 11, 1954. P. 100. Лэнг исследовал историю шести оставшихся неоправданными женщин. Предыдущий отказ властей их оправдать выглядел нелепым. В 1959 году сенат Массачусетса не заботило, что он станет «посмешищем в глазах просвещенного сообщества всего мира». В принятом в 2001 году акте (*Session Laws, Acts of 2001, chapter 122*) казни не упоминаются вообще.

41. R. P. 230. В черновике Пэррис записал вопрос Хэторна иначе: «Не думаешь ли ты, что они заколдованы?», R. P. 228. Ее ответ остался тем же.

Избранная библиография

Baker, Emerson W., and John G. Reid. *The New England Knight: Sir William Phips, 1651–1695*. Toronto: University of Toronto Press, 1998.

Boyer, Paul, and Stephen Nissenbaum. *Salem Possessed: The Social Origins of Witchcraft*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.

Burr, George Lincoln. *Narratives of the New England Witchcraft Cases*. Mineola, NY: Dover, 2002.

Cooper, James. F., Jr., and Kenneth P. Minkema. *The Sermon Notebook of Samuel Parris, 1689–1694*. Boston: Colonial Society of Massachusetts, 1993.

Demos, John. *The Enemy Within: 2,000 Years of Witch-Hunting in the Western World*. New York: Viking, 2008.

Dow, George Francis, ed. *The Records and Files of the Quarterly Courts of Essex County*. 9 vols. Essex Institute, 1911–1975.

Entertaining Salem: Witchcraft and the Culture of Early New England. New York: Oxford University Press, 2004.

Felt, James Barlow. *Annals of Salem*. 2 vols. Boston: James Munroe, 1845.

Gragg, Larry. *A Quest for Security: The Life of Samuel Parris*. New York: Greenwood, 1990.

Hall, David D. *The Faithful Shepherd: A History of the New England Ministry in the Seventeenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

Hansen, Chadwick. *Witchcraft at Salem*. New York: George Braziller, 1969.

Harris, Marguerite L., et al. *John Hale: A Man Beset by Witches*. Beverly, MA: Hale Family Association, 1992.

Karlsen, Carol F. *The Devil in the Shape of a Woman: Witchcraft in Colonial New England*. New York: Norton, 1998.

Koehler, Lyle. *A Search for Power: The “Weaker Sex” in Seventeenth-Century New England*. Urbana: University of Illinois Press, 1980.

Konig, David Thomas. *Law and Society in Puritan Massachusetts*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981.

Magnalia Christi Americana, or the Ecclesiastical History of New England. Hartford, CT: Silas Andrus, 1820.

Mather, Cotton. *Diary of Cotton Mather*. 2 vols. New York: Frederick Ungar, 1911.

Mather, Increase. *An Essay for the Recording of Illustrious Providences*. EEBO Editions, n.d.

Memorable Providences Relating to Witchcrafts and Possessions. EEBO Editions, n.d.

Norton, Mary Beth. *In the Devil's Snare: The Salem Witchcraft Crisis of 1692*. New York: Vintage, 2003.

Perley, Sidney. *The History of Salem, Massachusetts, 1626–1716*. 3 vols. Salem, MA, 1924.

“Perspectives on Witchcraft: Rethinking the Seventeenth-Century New England Experience,” *Essex Institute Historical Collections*, vols. 128 and 129, October 1992 and January 1993.

Phillips, James Duncan. *Salem in the Seventeenth Century*. Boston: Houghton Mifflin, 1933.

Roach, Marilynne K. *The Salem Witch Trials: A Day-by-Day Chronicle of a Community Under Siege*. Lanham, MD: Taylor Trade, 2004.

Rosenthal, Bernard. *Salem Story: Reading the Witch Trials of 1692*. New York: Cambridge University Press, 1999.

Rosenthal, Bernard, et al., eds. *Records of the Salem Witch-Hunt*. New York: Cambridge University Press, 2009.

Salem-Village Witchcraft: A Documentary Record of Local Conflict in Colonial New England. Boston: Northeastern University Press, 1993.

Sewall, Samuel. *The Diary of Samuel Sewall*. 2 vols. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1973.

Sibley, John Langdon. *Biographical Sketches of Graduates of Harvard University in Cambridge, MA*. Vols. 2 and 3. Cambridge, MA: C. W. Sever, 1873–1885.

Silverman, Kenneth. *The Life and Times of Cotton Mather*. New York: Welcome Rain, 2002.

Silverman, Kenneth, ed. *Selected Letters of Cotton Mather*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1971.

Stout, Harry S. *The New England Soul: Preaching and Religious Culture in Colonial New England*. New York: Oxford, 1986.

The Wonders of the Invisible World. Forgotten Books, 2012.

Thomas, Keith. *Religion and the Decline of Magic*. London: Penguin, 1991.

Thompson, Roger. *The Witches of Salem*. London: Folio Society, 1982.

Trask, Richard B. "The Devil Hath Been Raised": A Documentary History of the Salem Village Witchcraft Outbreak of March 1692. Danvers, MA: Yeoman, 1997.

Upham, Charles W. *Salem Witchcraft*. 1867. Reprint, Mineola, NY: Dover, 2000.

Ways of Writing: The Practice and Politics of Text-Making in Seventeenth-Century New England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Weisman, Richard. *Witchcraft, Magic, and Religion in Seventeenth-Century Massachusetts*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984.

Worlds of Wonder, Days of Judgment: Popular Religious Belief in Early New England. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

Вклейка

Saducismus Triumphans.
Part the Second



J. K. 1740

Фронтиспис книги Джозефа Гленвилла 1681 года издания, невероятно авторитетного источника знаний о колдовстве. С несокрушимой логикой член Лондонского королевского общества доказывал существование колдовства: ничто столь нелепое просто не может быть обманом. И как вообще возможно, задавался вопросом Гленвилл, чтобы «воображение, самая неповторимая вещь на свете, способно было бесконечно воспроизводить одну и ту же фантазию во всех странах и во все времена»? «Удивительная история отдельных шведских ведьм» приехала в Новую Англию вместе с книгой Гленвилла. © The British Library Board 084228



Из английского памфлета об одном деле ведьм XVI века. Четырех женщин обвиняли в различных правонарушениях, три из них были повешены в течение нескольких недель после ареста. Английские ведьмы, в частности, содержали целые питомники «фамильяров» – демонических зверьков, выполнявших их приказы. Эта конкретная колдунья кормит своей кровью дьявольских жаб.



Французская ксилография XVI века, возможно, иллюстрация к тексту, где доказывалось, что ведьмы не могут творить волшебство, но их все равно следует казнить как еретиков. Сосед подглядывает за ведьмой, которая как бы в режиме замедленной съемки вылетает из дома через дымоход. © *The Bridgeman Art Library*



Обложка памфлета о процессе в Нортгемптоншире, где несколько женщин обвинялись в человекоубийстве и наведении чар на свинью. Одна из их жертв страдала «от таких спазмов и ноющих болей в теле, что кричала в голос, и никто не мог ее унять».



Более поздние английские метлы – вероятно, из XVIII столетия. Дьявол летит вместе с двумя подручными. Женщина, стоящая на земле, – либо сообщница, либо вот-вот будет завербована. © *The British Library Board C13724-46, T. 1855 [19]*



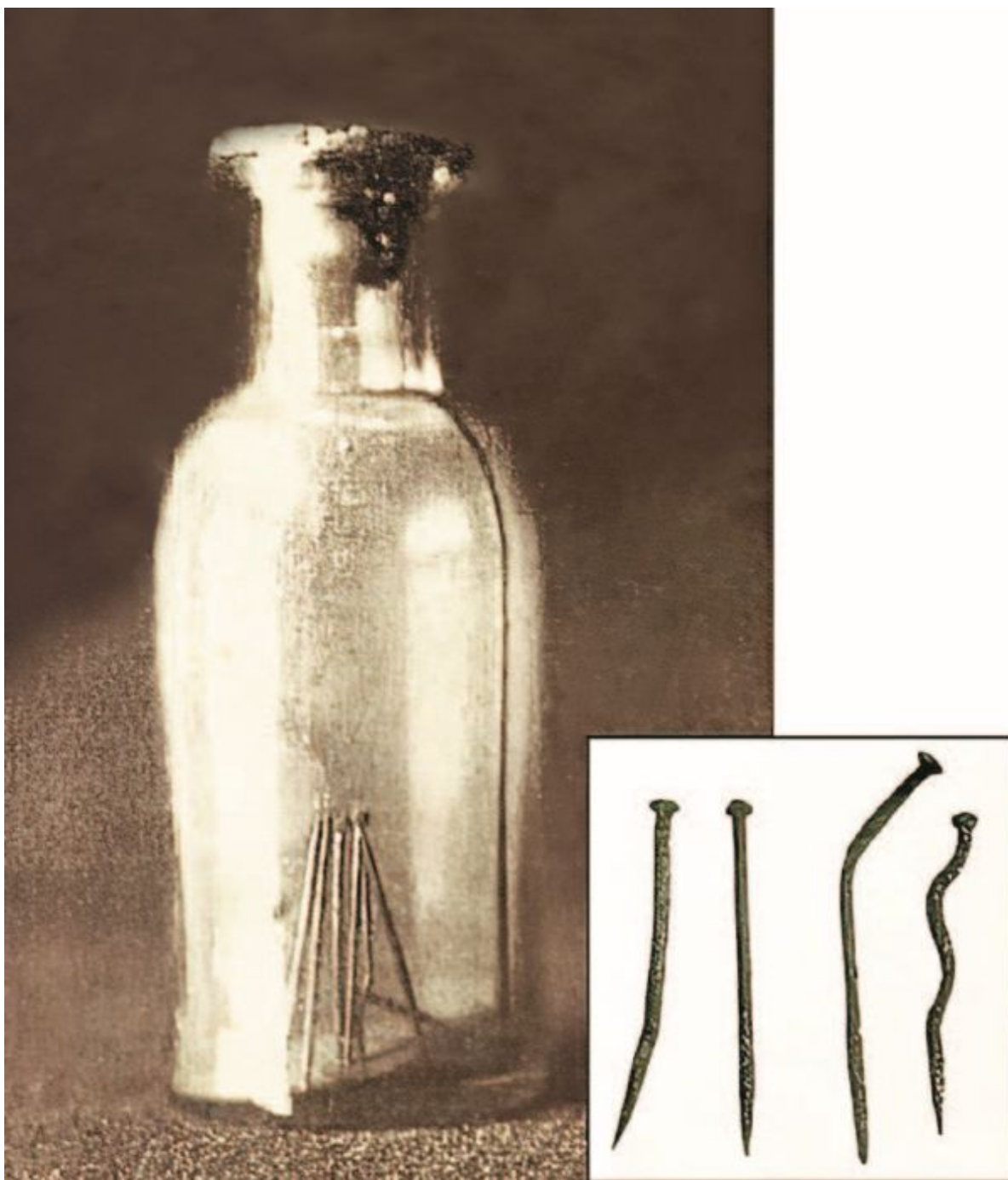
Преподобный Сэмюэл Пэррис, чей луг облюбовали ведьмы для своих сборищ. Портрет, возможно, написан прямо перед переездом в Салем. Пэррис был склонен к аккуратности, которая в конечном итоге приводит к беспорядку. Он мог быть жестким. «Я не могу проповедовать без серьезной подготовки. Я не могу готовиться без тепла. Я не могу спокойно жить без изучения Писания», – говорил он своим нелюбезным прихожанам, которые не спешили обеспечить его дровами той ужасной зимой 1691–1692 года. © *The Bridgeman Art Library / Massachusetts Historical Society*



Фрагмент оловянной тарелки с монограммой – редкость в деревне Салем XVII века, – найденный на месте пастората. Это единственное физическое доказательство существования Элизабет Пэррис. © фото: *Richard B. Trask*



Самодельные трости, опираясь на которые Джордж Джейкобс пришел в суд, чтобы заявить судьям: «Из меня волшебник – как из коня учебник». © *Peabody Essex Museum*



Булавки с салемиких процессов, коловшие жертвам глотки и торчавшие из их рук. «Судьи собственными руками» их вытаскивали, отмечал свидетель. Одна была найдена у жертвы в волосах, другая проткнула губы заколдованной девочки, скрепив их и не позволяя ей давать показания. © *Danvers Archival Center*



Восстановленное поместье Нёрсов, куда в марте пришли четверо жителей деревни, чтобы рассказать семидесятиоднолетней Ребекке, что она обвиняется в колдовстве. «За какой грех карает меня Господь, за что ниспосылает мне такие страдания в мои преклонные года?» – спрашивала она, придя в себя от шока. Ее повесили через четыре месяца. © фото: *Richard B. Trask*

Witchcraft y^e practice of deluded minds,
Where quack is wanting seen admission finds.
With golden promises of life, & wealth,
The Tempter takes unwarie souls by stealth.
In this his summing elegantly appears,
That he will give them back a life for years.
But y^e expired, how dismal is their end!
And last, when he a Fiend shall for them send,
'tis death to think of minding when too late,
And glory given for so vile a rate,
As never to have another, & to sin
With greater freedom from controule within,
That Lawes Divine, & humane, should not be
The least restraint, in their impiety.
That reason should be set aside, & death
Beome their choice, when they resign their breath
That pity should be of no esteem,
Nor faith in him, that only can redeem.
All their conceited pleasures come to this,
When y^elling they descend y^e grand Abyss.



Из протокола английского дела 1621 года: три молодые женщины, извиваясь в припадках и трансе, входили в контакт со своими мертвыми родственниками и другими призраками. В числе обвиненных была одна старая вдова, которая, как все знали, уже больше сорока лет зналась с духом в виде огромного черного кота. Здесь она также показана в обществе дьявольского фамильяра. Ее оправдали. © *The British Library Board B20051-69, Add. 32496 f.2*



Деревенская молельня, восстановленная в 1985 году, сегодня пребывает в лучшем состоянии, чем была в 1692 году. Девочки-подростки прерывали и слушания, и проповеди в этом тускло освещенном помещении площадью 10 × 8,5 м. © *фото: Richard B. Trask*



Инкриз Мэзер, отец Коттона, ректор Гарварда и самый выдающийся пастор Новой Англии. Портрет датирован 1688 годом, за четыре года до выхода его «Удивительных знамений», кладезя обломков кораблей, предвестий, бурь и одержимостей, собиравшихся в политических целях. Все это доказывало, что жители Новой Англии –

избранный народ с исключительной миссией. © *American Antiquarian Society*



Коттон Мэзер в преклонном возрасте. Хотя его практически не было в те месяцы в Салеме, двадцатидевятилетний пастор вписал себя в историю: никто в Массачусетсе с таким любопытством не копошился в вопросах колдовства и вокруг них. Также никто не высказывал настолько противоречивых на этот счет взглядов. В июне Мэзер советовал суду проявлять «очень критическую, исключительную осторожность», которая через пять абзацев превратилась в «скорое и решительное преследование». © *American Antiquarian Society*

Salem
1692

The County of Essex in N^o William
Dounton Goale Keeper in Salem
Decem^r the 26th 1692.

- To: Sarah Osburne 3 w^o dyed in 2
prison. Except 5th R^oc in parts } 0: 07: 01
- To: Sarah Good 6 weeke and for
her child Dori. Good 1 m^o dyed - } 1: 01: 03
- To: Gile Cry & his wife dyed 3 week
remains due there of } 11: 03
- To William Slobs 3 w. dyed - - 11: 07: 06
- To Delmi Slobs 12 month dyed - - 14: 10: 00
- To Abigail Slobs 12 m^o dyed - - 14: 10: 00
- To Eliz Scargon 6 m^o dyed and
for her child 4 m^o dyed - } 14: 00: 00
- To Alice Parker 9 weeke dyed 13: 00 00
- To Mary Pothaker 27 w^o dyed - 13: 07: 00
- To Hm^o Talbot 16 w^o dyed - - 12: 00: 00
- To Rachel Slafon 10 w^o dyed - - 11: 05: 00
- To y^e two Jacksons 4 weeke dyed each 11: 00: 00
- To Jn^o Hollen 4 w. dyed - - 10: 30: 00
- To ~~Robert~~ Wooland - - - 13: 00: 00

To: 9 years salary at 5^l p^{er} Annum
agreed on & settled. out of which
only R^oc 23^l. R^ostons 43: 17: 00

William Dounton Allowed Wm Dounton for
Salary since R^o resolution
or 5^l 2m^o shd^o be paid w^h
it might be done before
his R^o Government; in full } 12: 11: 00

Allowed 40: 00: 00

Счет из салемской городской тюрьмы от декабря 1693 года. Новоанглийский заключенный сам платил за еду, сено и кандалы. К стоимости содержания Сары Гуд, Сары Осборн, Джайлса Кори и других заключенных Уильям Дантон добавил недоплаченную ему после падения режима Андроса часть жалованья. Итоговая сумма сорок фунтов сопоставима с жалованьем пастора за год. На такие деньги можно было построить еще одну тюрьму. © MSS401, *Phillips Library, Peabody Essex Museum*



Уильям Стаутон, чопорный главный судья, попечитель Гарварда, один из самых крупных в Новой Англии авторитетов в области права. Сумевший отлично приспособиться к четырем предыдущим массачусетским администрациям, Стаутон в 1692 году служил вице-губернатором. © *Harvard Art Museums / Fogg Museum, H37*



Сэмюэл Сьюэлл, портрет 1729 года, написан через тридцать два года после того, как он публично покаялся в своей роли в сале́мском суде. Сьюэлл, мечтавший о политической стабильности и стремившийся к согласию, бывало, натывался на препятствие в виде собственной совести. © *Peabody Essex Museum*



Сэмюэл Уиллард, бостонский пастор, тактично отмежевавшийся от своих коллег. Сатана может творить зло и не заключая с вами официального контракта, может принимать «вид любого человека на свете». Поколением ранее Уиллард беседовал с дьяволом через одержимую шестнадцатилетнюю служанку. © *Harvard Art Museums / Fogg Museum, H18*



Массачусетский разбойник-губернатор сэр Уильям Фипс, самоустранившийся от процессов, позже жаловался, что «некоторые, кто должен был лучше служить их величествам и провинции», действовали слишком резко – камень аккурат в огород его заместителя. Ситуация с колдовством мешает всем видам официального бизнеса, враги Фипса пользуются этим, плакался он, чтобы подорвать его еще молодую и неустойчивую администрацию. © *Cory Gardiner*



Маргарет Сьюэлл, жена судебного писаря Стивена Сьюэлла, – «твоя жемчужина», как называл ее Коттон Мэзер. Будучи молодой женщиной, миссис Сьюэлл взяла к себе Бетти Пэррис, преследуемую дьяволом, который обещал заколдованной девятилетней девочке все, чего ее душа пожелает. © Peabody Essex Museum

~~Witnesses~~ witnesses against Sarah Good

William Allen
John Hughes
Samuell Bradbrooke
Mary Walcut
Mercy Lewis
Sarah Tibber
Abigail Williams
Elizabeth Hubbard
Ann Putman
Titube Indian
Richard Patch

Один из первых списков свидетелей против Сары Гуд, самой первой допрошенной ведьмы. Здесь есть имена Титубы и Абигейл Уильямс, а имени Бетти Пэррис нет, хотя она была в числе подавших изначальную жалобу. Последний в списке – сорокачетырёхлетний житель города Салема. На суде против жены будет также свидетельствовать ее муж Уильям Гуд. © Из протоколов суда, назначенного для заслушания и решения, 1692, собственность Высшего апелляционного суда, отдела архивов и записей. Peabody Essex Museum



Fig. 1 Phase des grands mouvements



Fig. 2 Phase des contorsions
' tête de cerveau '

Иллюстрация конвульсий к исследованию истерии 1881 года с предисловием наставника художника Жан-Мартена Шарко. Французский невролог был первым, кто предположил связь между травмой и истерическими симптомами, которая легла в основу исследований Фрейда. © *Etudes Cliniques sur la Grande Hystérie ou Hystéro-Epilepsie, Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library*

Inno Regii et Reginae Mariae et
Mortis, nunc: Anglie & Quarta

Edm. 6. The humble petition of our Sovereigne Lord and Lady
the King & Queen sheweth that George Burroughs
Esq. of Salisbury within the County
of Wiltshire by the said Burroughs
the fifth day of May in the fourth year of
the Reigne of our Sovereigne Lord & Lady William
and Mary by the grace of God of England Scotland
France and Ireland King and Queen Defender
of the Faith &c. and Divers other Days and times
he well beforesaid as after is contained
Articles called witchcraft & sorceries: wickedly
and feloniously hath used Practised & Performed
at and within the Town of Salisbury in the
County aforesaid: in view and against the said
William Burroughs

— by which said words it is the said
John Burroughs the fifth day of May in
the fourth year aforesaid and Divers other
Days and times as well beforesaid as after is
inforced aforesaid and contained heathen and
damnable also for sundry other Acts of witch-
craft by said George Burroughs committed
and done against the Person of our Sovereigne Lord
and Lady the King and Queen their Crowns &
Dignity and against the Honor of the Statute in that
case made and provided:

Witness
John Burroughs
Mary Wicket
Elizabeth Gubson
Mary Warren

Обвинение против преподобного Джорджа Берроуза, который «пытал, мучил, иссушал, пожирал, опустошал и истязал» Энн Патнэм, а также совершал «всякие другие колдовские действия». Служанка Проктеров, горничная доктора и Мэри, кузина Энн, дали показания об истязаниях на майском слушании дела Берроуза. © MSS401, Phillips Library, Peabody Essex Museum



Деталь немецкой гравюры XVII века – целой симфонии шабаша ведьм. Не хватает типично пуританских лейтмотивов, но звучат знакомые нотки: колдуны и колдуньи летят на поляну; к ним присоединяются крылатые львы и обезьяноподобные гоблины; с неба падают лягушки. Женщина сорвалась со своего непослушного транспортного средства – как маленькая шведская девочка и старая Энн Фостер. © Walpurgisnacht, by Michael Herr: akq-images

20 Des haudvices



Passé martin



Французские летающие дамы XV века, одно из самых ранних изображений ведьм на метлах. Они еще не колдуньи, а еретички – по иронии судьбы, из протопротестантской секты, считавшей, что проповедовать могут миряне обоих полов. В Салеме хотя и мелькали заколдованные метлы, никто на них не летал. © *akg-images*



С иллюстрации шведской эпидемии колдовства, датированной 1670 годом и сыгравшей ключевую роль в салемской истории. Семьи путешествуют здесь, как в Эссексе, однако нигде больше женщины не сажали детей вместе с собой на метлы. «Некоторые давали показания против своих матерей», – отмечал пастор в салемском зале суда, изумляясь, что девочки восьми-девяти лет обвиняли матерей в том, что те вовлекали их в дьявольские пакты. © National Library of Sweden

11. September, Lord's day
 Sister Martha Kory taken into the Church. 27. April. 1690. was after
 Examination upon suspicion of Witchcraft. 27. March. 1691.
 committed to Prison for that Fact, & was condemned to the Gallows for
 the same yesterday. And was this day in Publick by a general consent
 voted to be excommunicated out of the Church; & Cf. Nathanael Put-
 -man, & the 2. Deacons chosen to attend signify to her with the Pastor
 the mind of the Church herein. Accordingly this 14. Sept. 1692. the
 3. sprog. Brethren went with the Pastor to her in Salem Prison, whom
 we found very obstinate justifying her self, & condemning all that had
 done any thing to or for her just discovery, or condemnation. Whereupon
 after a little discourse (for her impudence would not suffer much) some
 prayer (which she was willing to decline) the dreadful sentence of
 excommunication was pronounced against her.

Martha Kory
 Excommunicat-
 -ed.

Описание преподобным Пэррисом его посещения Марты Кори в тюрьме. Он нашел самопровозглашенную «евангельскую женщину» упрямой и надменной, к тому же она отказалась вместе с ним молиться. Он объявил, что отлучает ее от церкви. Через восемь дней она была повешена. © Danvers Archival Center

21. March . 1691

M^r. Hallome. You are now ² in the hands of
Authority tell me now why you hurt
these persons
Marka Hooy. I do not.

Who doth ².

Pray give me leave to give to prayer
This request was made sundry times

We do not send for you to go to prayer
But tell me why you hurt these ².

I am an innocent person; I never had to do
with witchcraft since I was born. I
am a Gypsey woman

Do not you see these complain of you

The Lord open the eyes of the Magis-
trates & Ministers: the Lord show his
power to discover the guilty.

Tell us who hurts these children.

I do not know.

If you be guilty of this fact do you
think you can hide it.

The Lord knows

will tell us w^t you know of this matter
Why I am a Gypsey-woman, & do you
think I can have to do with witch-
-craft too

How could you tell them that the child
was bid to observe what clothes you
wore when some came to speak wth you

(Cheerfully interrupted her & bid her not begin
with a lye & so did I. Suburban Pala-

Из показаний Марты Кори, записанных шестью месяцами ранее. «Скажи, кто мучает этих детей», – приказывает Хэторн, пока девочки бьются в конвульсиях вокруг нее. «Я не знаю», – отвечает она. Она не занимается колдовством. «Ты лжешь», – заносит в протокол судебный писарь, в итоге Кори задает вопрос: «Может ли невиновный быть виновным?» Записывал данное свидетельство Пэррис. © MSS401, Phillips Library, Peabody Essex Museum

notes

Примечания

1

Среди исследователей существуют разные точки зрения насчет ее происхождения. Так, есть мнение, что Титуба и ее муж Джон были индийцами. – *Прим. ред.*

Американский поэт Генри У. Лонгфелло был убежденным аболиционистом, его перу принадлежит цикл стихотворений «Песни о рабстве». – *Прим. перев.*

Драматург Артур Миллер в 1953 г. написал пьесу о салемиких процессах «Суровое испытание», которая впоследствии была дважды экранизирована. – *Прим. перев.*

Большинство из них не до конца оформлены. Как признал один сторонник теории реального колдовства, «американские университеты в XX в. могут похвастаться долгой и лютой междоусобной враждой, которая ничуть не уступает салемамским распрям. Враждующие предъявляют друг другу самые нелепые обвинения, но колдовства среди них все-таки нет» [7]. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

Чтобы подготовить свою семнадцатилетнюю дочь к встрече с потенциальным женихом, Сьюэлл читал ей историю Адама и Евы. Эффект был гораздо менее успокаивающим, нежели ожидалось: девушка спряталась от кавалера в стойле.

В оригинале Bible black – это поэтическое выражение, которое восходит к работе валлийского поэта Дилана Томаса «Под сенью молочного леса» (Under Milk Wood). – *Прим. ред.*

Натаниэль Готорн (1804–1864) – американский писатель, родившийся в Салеме и всю жизнь ощущавший вину за своих предков, участвовавших в процессах. В двух его известнейших романах – «Дом о семи фронтонах» и «Алая буква» – затрагивается тема салемских ведьм. – *Прим. перев.*

Он цитировал слова Цезаря о скифах, от которых, по мнению Мэзера, произошли коренные американцы. Некоторые считали их очень далекими потомками одного из колен Израилевых.

Некоторым из хихикавших позже повесят на шеи таблички с надписью «Я стою здесь из-за своего сладострастия и распутства» [13].

Позже в 1692 г. в Коннектикуте отец одной бьющейся в конвульсиях девочки специально приглашал гостей: ему было важно, чтобы они увидели эти неестественные ужимки и прыжки. Он хотел, чтобы все поняли: это не постановка [23].

Если и имела место серьезная дискуссия о разнице между колдовством и одержимостью, то нам о ней ничего не известно [31]. Не все улавливали или хотя бы пытались уловить эту разницу – симптомы большей частью совпадали. Мэзер отмечал их «близкое сходство» и даже соединил два понятия в заглавии своих «Памятных историй». Одно могло повлечь за собой другое. «Совершенно обычная вещь, – говорил пастор в разгар гротонского дела, – когда одержимость передается через колдовство» (здесь он соглашался со своим отцом Инкризом, который верил, что можно подхватить сразу обе хвори). Подыскивая объяснение происходящему, Пэррис с самого начала подозревал одержимость бесами. Считалось, однако, что одержимый не испытывал физических страданий – а на телах девочек виднелись следы явного физического воздействия. Довольно скоро обнаружилось доказательства колдовских чар, что не могло не порадовать Пэрриса: одержимый, по собственной воле открывавший себя для нечисти, был виновен. Околдованный – нет.

Многие сочувствовали одному фермеру, чей дом на севере от салемской деревни стоял на границе между Топсфилдом и Ипсвичем [48]. Когда констебль подходил с одной стороны, фермер перемещался в другую часть дома (в конце концов констебль Уайлдс уладил проблему силой. Взяв с собой нескольких крепких друзей, он поймал одну свинью фермера и объявил вопрос закрытым. Вскоре он обнаружит, что ловить ведьм – дело гораздо менее простое и ясное).

Гарвардский взнос [50] – примерно пятьдесят пять фунтов за четыре года обучения – выплачивался по такой же схеме, обычно пшеницей и солодом. Среднестатистический новоанглийский отец отправлял сына в Кембридж с запасом пастернака, масла и, как это ни прискорбно, козлятины. Полтуши говядины весом 64 кг покрывали год обучения. Другими словами, четыре курса в университете равнялись стоимости небольшого домика.

В таком же ключе Коттон Мэзер считал необходимым готовить свою восьмилетнюю дочь к его неотвратимой смерти, и в итоге пережил ее на двенадцать лет.

Артур Конан Дойл. Собрание сочинений в 8 т. Т. I. Человек с рассеченной губой. Правда, 1966. – Прим. перев.

По мнению большинства пленников, лишь одно было хуже индейского плена. Английский переселенец предпочел бы подставить голову под топор, чем поцеловал бы распятие. Опасаясь за свою душу, один голодный юноша даже отказался есть предложенное иезуитом печенье и закопал его под колодой.

Это явление не было новым. Когда снова и снова отвечаешь на одни и те же вопросы, незначительные детали начинают разрастаться и расцветать. То же самое ранее произошло с другой «чертовски надоедливой занозой» – Жанной д'Арк.

После тяжелого разговора с губернатором, во время которого Инкриз Мэзер утверждал, что за полгода средний североамериканец выпивает больше, чем средний англичанин за всю жизнь, он записал в дневнике: «Неудивительно, что Новая Англия стала ведьминой добычей: голова-то у нее в алкогольном угаре» [31]. Примерно тогда же его сын жаловался, что каждый второй дом в Бостоне – пивная. Пастор Салема разделял его озабоченность. Приезжий, желавший заклеить пуритан Новой Англии как ханжей и лицемеров, обнаруживал, что это «самые горькие пьяницы» с затуманенными к концу каждого дня мозгами, но при этом не потерявшие способность фонтанировать цитатами из Писания. Все преувеличивали – хотя и с разными целями. Тем не менее крепкий сидр был в Новой Англии XVII столетия не менее обыденной деталью повседневности, чем вера в ведьм. Как заметил один современный историк, «пуританин, вздрагивавший при виде бокала пива или вина (или при мысли о нем), не говоря уже о более крепком спиртном, не жил в колониальном Массачусетсе».

Однажды в Новой Англии почти удалось с помощью колдовства потопить приписанный к Барбадосу корабль. Но колдовал мужчина.

Новоанглийскому пастору претила сама мысль о возможности подобного эротического контакта, даже когда ведьма в нем сознавалась. В нескольких таких случаях Инкриз Мэзер утверждал, что это дьявол внушил ей ложные воспоминания [32]. Якобы несчастные женщины просто галлюцинировали.

Генрих Крамер, Яков Шпренгер. Молот ведьм. Пер. с лат. Н. Цветкова. – Прим. перев.

Там же. – *Прим. перев.*

Дьявол напоминает о своем католическом происхождении [35] Дэниэлу Уэбстеру в рассказе Стивена Бене 1937 г.: «Правда, на Севере меня почитают южанином, а на Юге – северянином, но я – ни то ни другое. Я просто честный американец, как вы, и наилучших кровей, ибо, сказать по правде – хоть я и не люблю этим хвастать, – мое имя в этой стране древнее вашего». (За зубом к Полю Ревире: Рассказы. Пер. с англ. В. Гольшева.)

В шведской книге, появившейся в Делавэре в XVII в., содержалось предупреждение: чтобы ведьмы не угнали вашу метлу, на ней надо вырезать крест.

Это Коттон Мэзер тоже приписал колдовству. Раньше она прекрасно общалась со своим работодателем по-английски. Понятное дело, нечистый ее околдовал, чтобы она «не могла ничего рассказать, потому что отныне говорила лишь на языке, которого никто не понимал». Он-то уж точно не понимал и общался с ней через переводчиков.

Логика в вопросах колдовства совершала удивительные кульбиты. Один немецкий авторитет доказывал: «Многое в этом мире вершится посредством демонов, а мы в своем невежестве полагаем, что имеем дело с силами природы» [45].

Другую крайность этой своеобразной логики проявил Томас Гоббс, сын викария. Основатель современной политической философии был ведьмоскептиком. И тем не менее считал, что ведьм необходимо казнить, так как они способствуют распространению вопиющего заблуждения.

Ripley's Believe It or Not – популярная американская франшиза, выпускающая в разных форматах собрания необычных фактов и событий. Запущена в 1923 г. карикатуристом Робертом Рипли. – *Прим. перев.*

Его поддерживал человек из Барнстейбла, который возлагал на дьявола ответственность за плохое обращение с пасторами.

Это много говорит о разнице в чаяниях новоанглийской рабыни и пасторской дочери. Дьявол пообещал Титубе «красивые вещи» и домашнюю канарейку, а Бетти – поездку в «город золотой».

Пуритане отмечали день отдохновения, или день субботний, в воскресенье (так называемое «воскресное субботничество»). Этот день посвящался исключительно богослужениям, любая работа и развлечения запрещались. – *Прим. перев.*

И если бы не вовремя заглянувший в окно сосед, то загадка заколдованного дома Уильяма Морса – сквозь который регулярно проносились коты, кабаны, ложки, камни и стулья – могла бы никогда не разрешиться. Там был Морс, глубоко погрузившийся в молитву. И еще там был его внук-подросток, швырявший ботинки в голову деда. Выросшая рядом Энн Патнэм – старшая должна была отлично знать, откуда росли ноги у этой давней тайны, из-за которой ранее было предъявлено обвинение в колдовстве.

Имеется в виду Война за независимость США (1775–1783). –
Прим. перев.

Олдос Хаксли. Луденские бесы. Пер. Э. Вороновой. – Прим. перев.

Великие мыслители эпохи Возрождения не так уж отличались в этом смысле от среднестатистического человека XVII в. [35] Роберт Бойль описывал разговоры с шахтерами, которые во время работы встречались с «подземными демонами». Исаак Ньютон, помимо физики, увлекался оккультизмом, занимался алхимией и издал богословский труд на 300 000 слов («Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова»). Кейнс называл его «последним из чародеев». Тот же Ньютон дал определение понятию «Антихрист». Джон Локк обращался к астрологии при сборе лечебных трав.

Альманах 1692 г. предупреждал, что положение звезд в марте указывает на усиление вражды и вооруженные стычки: «В общем, все человечество в это время будет склонно к насилию».

Редкий новоангличанин соглашался с высказыванием тестя Сэмюэла Сьюэлла, ненавидевшего суды: «Я считаю, что закон очень похож на лотерею: много расходов, мало доходов» [42].

В американских колониях – специально выделенный день, когда назначавшийся муниципальными властями или приходом лектор вел пояснительные беседы с прихожанами, обычно на тему выбранного места из Писания, менее систематизированные и более аналитические, чем проповеди. Чаще всего проводился в рыночные дни. – *Прим. перев.*

Святые, являвшиеся Жанне д'Арк, тоже обстоятельно представлялись и рассказывали о себе.

Сознательно или нет, Патнэм ссылался на двух пророков, у которых случались трансы и видения.

Чарльз Диккенс. Большие надежды. Пер. М. Лорие. – Прим. перев.

Или как Дамблдор убеждает Гарри Поттера: «Конечно, это происходит у тебя в голове, Гарри, но кто сказал тебе, что поэтому оно не должно быть правдой?» *Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и дары смерти / Пер. С. Ильина, М. Лахути, М. Сокольской. М.: РОСМЭН, 2007. С. 610.*

Говорили, что его стихи, «без сомнения, должны прославить Николаса Нойеса как самого талантливого, самого блестящего в Америке автора самых отвратительных стихов, до каких только способен опуститься английский язык». Не сохранилось ни одного свидетельства, которое противоречило бы этому утверждению.

Нежелание узнавать ее выглядит странно, поскольку Льюис знала Хоббс. Видимо, она потеряла бы больше, признавшись в этом знакомстве, чем отрицая его. Нам тоже остается лишь щуриться в неверном свете прошлого: происходившее в зале суда под председательством Хэторна имело гораздо больше разных подтекстов, чем видно из XXI в.

Один житель Топсфилда, длинноволосый мужчина с изрытым оспинами лицом, был отпущен, когда девочки не смогли определить, тот ли это колдун. Власти вывели его из молельни на улицу, где было больше света. Девочки все равно колебались. «Как же вы узнали его имя?» – поинтересовался Хэторн, удивленный их нерешительностью [12]. «Он мне не сказал, но другие ведьмы сказали», – объяснила одна из них. Шестидесятилетний Неемия Эббот останется единственным обвиняемым в колдовстве, который ушел со слушаний Хэторна свободным человеком.

За исключением работ Пэрриса, Чивера и некоторых других, все записи – это образец удивительного фонетического разнообразия. Имена собственные появляются во всех возможных вариациях, словно их кто-то проспиртовал, как глаголы. Понятно, что «Титуба» писалась восемью разными способами (три из них – в один день), но и «Холлингворт» претерпел не меньше мутаций. Губернатор, его жена и сын обладали одной фамилией, Уинтроп, но каждый – со своим уникальным написанием. Люди давали письменные показания, судя по которым их авторы были «исключительно невинными в области пунктуации пионерами реформы правописания», по словам одного из обвинителей Берроуза (иногда он называл его «Барроу»). Орфография, казалось, была размытой, как граница между Салемом и Топсфилдом [19].

«Когда дьявол находит ленивого человека, – писал Коттон Мэзер в 1689 г., – он словно призывает своих приспешников: „Сюда! Сюда! У нас тут отличная награда!“» [23]

Нервный срыв Бетти оказался не последним в благочестивом доме Сьюэллов. В 1713 г. служанка постучалась в дверь хозяйской спальни среди ночи: после прослушанной в тот день проповеди она не могла заснуть. Хозяева долго успокаивали ее перед камином. Это еще одна иллюстрация знакомого салемского феномена: видения – в форме ли душащих вас женщин, разбрасывающих яблоки гоблинов или мстительных ангелов – имели обыкновение появляться именно в день субботний, когда все прихожане ходили (или должны были ходить) в церковь.

Индейцы по-другому обращались с детьми. Их женщины рожали меньше, давали отпрыскам самостоятельность, а не наказывали, и открыто оплакивали своих умерших чад. У детей даже было свободное время! Эти безобразия не укрылись от зорких пуританских глаз. «Нельзя английским родителям потворствовать своим чадам и проявлять беспечность, какую, как говорят, проявляют индейцы», – предостерегал соотечественников Мэзер [29]. Значительное число пленников делали выбор остаться среди индейцев. Одного мальчика смогли вернуть, только связав по рукам и ногам, и вскоре он сбежал, чтобы воссоединиться со своей индейской семьей.

Мэзер, однако, не спешил рассказывать собственным детям сказки про злых ангелов, как вспоминал его сын, чтобы у них «не появилось каких-нибудь страшных фантазий о явлениях дьявола» [30].

К 1692 г. судья Джонатан Корвин потерял семерых детей, из них трех мальчиков звали Джонами.

Никто не боялся лишиться наемной рабочей силы. Как только кто-то исчезал, писал поселенец-гугенот, вы просто извещали индейцев, которые за небольшую плату возвращали вам беглеца. В любом случае побеги были редкими, «так как слуги не знали, куда идти, и было мало проходимых дорог» [41].

Мэзер признал устрашающую силу женщин, когда в конце жизни плакался, что они навлекли на него больше бесчестья, чем на любого другого мужчину, когда-либо жившего на свете. Найдется ли в Бостоне более двадцати женщин, которые «в тот или иной момент не оговорили бы меня?» – задавался он вопросом.

Хилари Мантел писала о себе шестилетней: «Я сейчас испытываю первые угрызения совести, но что это: пробуждение чувства греха или пробуждение женственности?»

То есть без призмы ведьмовства и не в рамках процесса. – *Прим. ред.*

Это была скверная сделка. Только что назначенный вице-губернатор Нью-Гемпшира, желавший скорее начать переговоры о защите территории, жаловался представителям короны осенью 1692 г., что «после томительного ожидания не получил никакого ответа, кроме пренебрежения, игнорирования и упреков» от губернатора Массачусетса Уильяма Фипса, хотя враг притаился в лесу [62]. В апреле 1693 г. он предупреждал: «Следующие прибывшие корабли сообщат вам, что в провинциях Массачусетс и Нью-Гемпшир началась гражданская война».

Чтобы мотивировать людей селиться среди руин, власти городка попросили Берроуза уступить три четверти его прибрежного участка и взамен предложили сорок гектаров на удаленной от моря территории. Берроуз любезно отдал даже больше своей земли. Также он сделал невиданный для новоанглийского пастора (тем более с большой семьей) жест – отказался от дополнительной земли, удовлетворившись двенадцатью гектарами прибрежных солончаков.

Если Берроуз и вправду это сказал, то, значит, оговорился: второго ребенка он крестил в 1691 г.

Обвинение 1656 г. против Энн Хиббинс, про которую говорили, что «у нее больше мозгов, чем у всех соседей», основывалось на том, что она знала, когда другие говорили о ней. Берроуз хвастался и демонстрировал ум, который казался окружающим провидческим.

Саре Рук не везло в любви. Ее первый муж одновременно заключил два брака. Официально освободившись от него в 1664 г., она вышла за Уильяма Хэторна, старшего брата судьи Хэторна. Берроуз был ее третьим мужем.

Слова «Избави нас от лукавого» вызывали подозрение, а «да святится имя Твое» напоминали хитрое проклятие, как обнаружила Элизабет Проктер [77].

Действительно ли Фипс пас овец, остается невыясненным. Мэзер в своей работе, объединявшей историю Новой Англии с историей Земли обетованной, утверждал, что это правда. Но у него имелись все основания сделать спасителя колонии пастухом, даже если тот им и не был.

Затонувшие сокровища были испанскими и пролежали на дне сорок пять лет. Вытаскивали их индейцы-ныряльщики, якобы способные проводить под водой по сорок пять минут. Они погружались с кадками на голове.

Справедливости ради нужно отметить, что в те времена вы могли за четыре дня умереть от оспы, но информации иногда требовалось больше года, чтобы пересечь океан, – как в случае со смертью королевы Марии II. Когда она приказала учредить в Массачусетсе надлежащую почтовую службу, соответствующее письмо пришло к Фипсу лишь через десять месяцев. Он его проигнорировал.

Ему повезло, что от джентльмена не требовалось хорошо писать. Каллиграфия оставалась искусством писарей и дьяков [13].

До того как стать сторонником новой хартии, Инкриз Мэзер сам был ее противником. Вежливо выслушав его ворчание о том, что он, мол, лучше умрет, чем согласится на документ, так сильно ограничивавший свободы Массачусетса, что колония предпочитает самостоятельно выбирать своих чиновников, – ему напомнили, что он вообще-то родом не из суверенного государства.

Кое-кто отказывался общаться с согласившимися. Один известный житель Новой Англии так яростно выступал против новой хартии в Лондоне в 1692 г. – у него имелись инструкции обязательно сохранить старую, – что отказался плыть в Северную Америку на одном корабле с Инкризом Мэзером [21].

Сера, видимо, была добавлена где-то между Салемом и Бостоном. О ней нет упоминаний в судебных документах.

Фипс потом скажет, что организовал отдельное заседание, чтобы отделить колдовство от одержимости. Слово «одержимость» то пользовалось благосклонностью, то попадало в немилость. Целые месяцы о нем не вспоминали, хотя в день возвращения Инкриз Мэзер тоже его употребил. Он нашел страну в отчаянном положении «из-за колдовства и одержимых» [26].

Один французский медик в XVI в. убеждал Генри IV: врач, который не может отличить ведьмин знак от естественной пигментации, – плохой врач [56].

В Массачусетсе этот способ никогда не применяли, но на следующий день после послания Мэзера к Ричардсу его потребовала для себя некая обвиненная в Коннектикуте. У данного метода имелась одна экстравагантная деталь: чтобы снять с себя подозрения, невиновной необходимо было едва ли не утонуть.

Было не очень понятно, какой цели служили эти знаки. Как объяснял великий английский генерал XVII в., охотник на ведьм, дьявол – это дух. Ему не нужна человеческая кровь. Метки не питают, но постоянно раздражают ведьму, напоминают ей о договоре и обеспечивают нечистому доступ к ее телу для лучшего контроля. Метка могла выглядеть практически как что угодно, от заячьего следа до отпечатка мышиной лапки. Этой теме посвящались целые памфлеты, хотя вряд ли кто-нибудь в Салеме их читал. Женщины, осматривавшие Титубу, нашли у нее несколько шрамов – их, очевидно, оставил дьявол, когда они боролись.

Единственный член массачусетского суда с юридическим образованием – необходимым для составления первого в Массачусетсе свода законов – оставил такое запутанное завещание, что после многолетних споров суд решил вовсе его проигнорировать. В Массачусетсе адвокатам не разрешалось работать за гонорары вплоть до 1704 г.

Сомерсет Моэм как-то саркастически заметил: «Женщина может быть сколь угодно безнравственной, но, если она не хорошенькая, это ничего ей не даст». Мэзер изъясил из своих бумаг всякие подозрительные намеки – у него про поцелуи нет ни слова.

Сложная ситуация, решение которой невозможно, поскольку само же является ее причиной. – *Прим. ред.*

Сегодня мы имеем дело исключительно с описаниями событий авторства Мэзера, согласно которым Бишоп действует с помощью невидимого демона.

Словно судьба и так уже не была достаточно сурова к Бишоп, ее, похоже, к тому же перепутали с другой не желавшей сотрудничать подозреваемой [76]. Джон Хейл дал показания против этой другой Бишоп, но по ошибке их присоединили к делу Бриджет.

Женщину, стоявшую на лестнице со связанными поверх юбок ногами и закрытым капюшоном лицом, помиловали. На мосту пострадали шестьдесят зрителей.

По словам одного ученого, считалось, что если ты судишься, то тебе, значит, хорошо живется в социальном и экономическом отношении. «Если ты судишься много, то тебе, значит, живется еще лучше» [3].

В отличие от состязательного процесса, в котором спор равных сторон разрешается независимым от них судом. См.: Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 19. — *Прим. перев.*

Выпускник Оксфорда, магистр богословия, председательствовал на процессах 1692 г., а пастор без ученой степени проповедовал в деревне Салем. И то и другое было аномалией для своего времени.

Мэзеру мог присниться тревожный сон, в котором он не подготовился к проповеди – и тогда он во сне же начинал сочинять текст. С 1689 по 1691 г. он опубликовал двадцать два тома своих сочинений. Он знал, что его недолюбливали за такую активность, и это его не волновало. В составленном им в 1699 г. списке «небесных благосклонностей» на третьем месте была следующая: «Я, наверное, глупее и поверхностнее многих в этой стране и тем не менее пишу и печатаю больше книг и имею больше возможностей делать добро своими публикациями, чем кто-либо в этом краю, и даже во всей Америке» [13].

Младший брат Милборна был обезглавлен в Нью-Йорке за измену годом ранее – это его сняли с виселицы еще живым. Дело вел Томас Ньютон.

Врач заключил, что ее заколдовал «какой-то злой человек». Мэзер в своих записях предпочитал формулировку «какой-то дьявол определенно ее заколдовал».

Людей это тоже разделило. Невзирая на то, что время требовало от каждого выбрать сторону, некоторые деревенские жители стояли одновременно на нескольких позициях. Джон Патнэм – старший, похоже, был и за, и против Нёрс [25].

По английским законам, убеждал Стаутон губернатора Плимута в 1681 г., вердикт присяжных «невиновен» значит не что иное, как «невиновен». В колониальной практике тем не менее арестованного все равно может ждать суровое наказание, соизмеримое с тяжестью его преступления.

Ежегодное послание президента США Конгрессу, включающее в себя отчеты о бюджете, экономике, достижениях, а также законодательные инициативы и прочее. В описываемый период такой традиции еще не существовало, ее ввел Джордж Вашингтон в 1790 г. – *Прим. перев.*

Стаутон в 1678 г. мягко противился введению этого королевского чиновника в должность: мол, из-за недостатка средств он вряд ли сможет честно выполнять свои обязанности. Весьма забавное замечание, учитывая обстоятельства. Девять лет спустя этот чиновник, слишком бедный, чтобы быть принципиальным, писал, что Стаутон и его коллеги «прихватили себе огромные куски этой страны» [41].

Британский чиновник сообщил богатейшему бостонскому торговцу в 1684 г.: «По моему мнению, в вашей стране все сумасшедшие» [42].

Это подозрение имело корни в не столь давнем прошлом. В 1660-х тесть Сьюэлла возмущался: англичане не смеют приезжать в Северную Америку с целью «подрыва нашей гражданской и церковной политики» [49].

Нет сомнений в том, что при Андросе творился хаос, и особенно тяжело приходилось спекулянтам [50]. Продажа земли стала невозможна, так как никто не знал, кому платить: собственникам или королю.

Тремя годами ранее он понял, что госслужба не особенно помогает нарастить капитал. Однако, несмотря на искушение «есть бедных на завтрак и выжимать из них все соки с помощью бюрократической машины», он нашел другие способы себя обеспечивать [58].

Кокетливый Нойес, редкий пример ни разу не женатого священника, обязательно проводил время среди своих прихожанок.

И слова эти оказались настолько хороши, что Натаниэль Готорн вложил их в уста мужчины: у него в «Доме о семи фронтонах» их произносит Мэтью Мол. Гуд могла позаимствовать изречение у двух квакеров, повешенных в Бостоне тридцатью годами ранее.

По легенде, семьи тихо перезахоронили тела. Говорили, что сыновья Нёрс сделали это в ту же ночь. Никаких следов пяти женщин найдено не было.

По дороге на виселицу мучительница Гудвинов указала, что в деле замешана и ее дочь.

Законы Массачусетса запрещали пытки с одним исключением: в случаях, предусматривающих в качестве наказания смертную казнь, пытки можно было применять при условии, что они не будут «варварскими и бесчеловечными» [19]. Несмотря на неодобрение, эта процедура не была незнакомой. За десять лет до этого мужчина повесил своего слугу, словно «мясник – скотину на забой».

Проктер был не первым осужденным, приводившим сравнение с инквизицией. В 1668 г. один разъяренный салемский корабельный плотник оказался в суде за то, что сравнил действия массачусетских магистратов с действиями испанской инквизиции. Уж коли арестован, говорил он, «все равно что уже повешен» [24]. Три свидетеля подтвердили правдивость его слов, хотя и оговорились, что понятия не имеют, что такое инквизиция.

Преподобный Джон Бэйли взял к себе околдованного мальчика Гудвинов. Колдовство лично затронуло и двух других пасторов первой церкви. В июне обвинили жену преподобного Муди – обвинение было проигнорировано. Преподобный Джеймс Аллен оставался владельцем прав на поместье Нёрсов площадью 121 гектар. И получал ежегодные выплаты от вдовца казненной ведьмы.

Жизнь в бегах оказалась затратной. Инглиш подсчитал, что несколько недель этих прятков обошлись ему где-то в пятьдесят фунтов – все поместье Бишопов стоило дешевле.

Кто выиграл от социальной мобильности Нового Света, так это духовенство. В Англии священнослужители стояли не слишком высоко на социальной лестнице, но в Северной Америке перепрыгнули сразу через несколько ступенек и оказались наверху. В отсутствие мелкопоместного дворянства они заняли нишу прямо под магистратами. Если у кого-то в городе имелась изящная подушечка или зеркало, то, скорее всего, эта вещь принадлежала пастору. Положение священников было настолько завидным, что в 1699 г. в Бостоне объявилось сразу несколько пасторов-самозванцев [33].

Во имя социальной гармонии было изобретено немало креативных уравнивателей. Например, власти Дирфилда придумали, что «вторая и задняя скамья в передней галерее по достоинству равны пятой скамье в основном зале молельни [35].

Одежда вызывала опасные желания у представителей обоих полов. Шелковая лента, украденная горничной Хейлса, в итоге оказалась на шляпе сына Доркас Хоар, повязанная вокруг тульи [39].

Баптисты тоже встречались редко. Коттон Мэзер называл французского короля «Louis de loup» – «Людовик-волк» (*фр.*).

Когда в 1676 г. Натаниэль Солтонстолл, бывший судья по колдовским делам, писал о засаде индейцев, в которую попала Мэри Роулэндсон, назвав их «летучим сбродом варваров-язычников» [47]. Теми же словами он мог бы описывать еретичек, роившихся над Салемом на метлах.

Коренные американцы вовсю пользовались этой доверчивостью. Каждый год с момента своего приезда поселенцы слышали о заговорах туземцев, причем часто – от противоборствовавших группировок.

Или, как сказал Маколей в своей «Истории Англии»: «Самая жесткая дисциплина, насаждаемая в религиозном сообществе, – крайне малоэффективный инструмент очищения, если сравнить его с маленькой травлей извне» [51].

«Нет налогам без представительства» (No taxation without representation (*англ.*) – лозунг, появившийся в американских колониях в середине XVIII в. Колонистов возмущало, что они платят короне налоги, но не имеют представительства в парламенте Англии. Это возмущение стало одной из главных причин революции в Америке. – *Прим. перев.*

После падения Андроса неповиновение Уайза быстро превратилось в героизм. Его дело щедро тиражировалось в памфлетах в поддержку переворота, где ни слова не говорилось о Стаутоне, вынесшем ему обвинительный приговор.

Сделанные Эйди разоблачения колдовства – и «незаконных убийств невинных под эгидой ведьм» – были хорошо известны Инкризу Мэзеру. Он купил экземпляр книги годом ранее в Лондоне и сделал в нем много заметок.

Амброз Бирс. Словарь Сатаны. Пер. С. Б. Барсова.

Неясно, что Стаутон собирался делать с отрядом признавшихся, который в полном составе вернулся в тюрьму. Имело смысл держать их под рукой, чтобы они подкрепляли свидетельства и указывали на сообщников в ходе будущих процессов. По крайней мере некоторых из них планировалось повесить.

С ругательствами ситуация была не вполне понятной. Если вы метафорически желали, чтобы дьявол забрал что-то или кого-то – скажем, корову или девочку из семьи, – являлось ли это на самом деле приглашением? Будьте осторожны с проклятиями, предупреждал Коттон Мэзер [25]. Когда вы зовете дьявола, он приходит.

Преподобный Дейн будет опровергать, что слышал о подобных заклинаниях и экспериментах. А уж прожив сорок четыре года в деревне и близко общаясь с прихожанами, настаивал пастор с некоторым смущением, он бы, конечно, знал о таких вещах!

У ребенка из-за этого началась агония. А еще в дверь под предлогом продажи кур постучала соседка. Было решено, что это эксперимент заставил ведьму явиться. Ее обвинили, судили и повесили 22 сентября.

Мэзер позже будет вынужден защищаться от обвинений в том, что он вызывал дьявола для излечения Гудвинов. С точки зрения недоброжелателя, его молитвы скорее напоминали не обращение к Богу, но «заклинания и заговоры суеверного человека» [29].

По популярности альманахи в Англии и колониях уступали только Библии. В них наряду с астрономическими таблицами и календарями печатались разного рода предсказания, информация о «благоприятных и неблагоприятных» днях и т. д. – *Прим. перев.*

Солсбери не смог без него жить и проигнорировал решение суда.

Пайк не был первым, кто заметил, что в Ветхом Завете очень мало ведъм, а еще меньше их в Новом Завете. Он также обратил внимание, что ветхозаветные волшебники не отличались особой сообразительностью. Они даже не смогли правильно истолковать сон фараона!

В деревне Салем Пэррис пребывал в совершенно другом состоянии духа. После воскресного псалма 14 августа он отпустил свою паству с молитвой и благословением и попросил мужчин задержаться. Заметили ли они, что несколько прихожан недавно отказались от причастия, да и вообще редко посещают службу? Пастор дал задание добровольцам разузнать все о том, что едва ли требовало расследования: пустые скамьи в молельне принадлежали семьям сына и зятёв Ребекки Нёрс. Однако не так просто было отыскать Питера Клойса, который редко появлялся дома, – в церковном журнале осталась сухая запись: «часто навещает жену, сидящую в ипсвичской тюрьме за колдовство».

Коттон Мэзер развивал еще одну льстивую теорию: дьявол появился в Эссексе, потому что судьи здесь великолепны, значит, ему гарантирован достойный соперник.

На самом деле Уордуэлл был уже четыре дня как мертв. Он не дожил до шестидесяти лет – возраста, когда предположительно истекал срок его договора с дьяволом.

Торжества проходили в доме Бриджет Ашер, муж которой то ли уже был в бегах, то ли собирался бежать из-за обвинений в колдовстве.

Многие союзы уходили корнями в прошлое. Родителей Сьюэлла поженил отец Солтонстола. Стаутон много лет служил вместе с отцом Хэторна. Уинтроп обставлял поместье отца Корвина. Отцы Сьюэлла и Коттона Мэзера дружили, а Уинтропа и Стаутона – враждовали.

Некоторые ударялись в крайности. Инкриз Мэзер в 1714 г. потерял жену, приходившуюся ему также сводной сестрой, после чего женился на вдове своего племянника.

Интересно, изменился бы результат, будь каждый из них противоположного пола. Мужчинам обычно сильнее доставалось, если уж они попадали в когти суда по колдовским делам.

Такой аргумент вполне естественен для Коттона Мэзера, который писал как дышал. У его биографа есть повод для признательности, а у его библиографа – для паралича верхних конечностей. Мэзер, заявлявший, что его жизнь – «почти непрерывный диалог с небесами», умудрился произвести на свет 437 книг, 26 из которых появились между 1692 и 1696 гг. [5]

Одна арестантка, день разбирательства дела которой приближался, обратилась за помощью к леди Фипс. Та взяла ответственность на себя и подписала ордер на освобождение. Надзиратель выпустил заключенную. Расплата не заставила долго себя ждать: жену губернатора тут же обвинили в колдовстве.

Аргументация была такой: если дьявол может принимать вид невинного человека, чтобы творить колдовство, то он может таким же образом принимать вид невинного человека, чтобы красть и убивать. А если бы он это делал, заключил Мэзер, «то жизни на свете не было бы».

Марта Кори была как никто близка к этому выводу в марте, когда предположила – к ярости Хэторна и Нойеса, – что девочки, возможно, «невменяемы».

Краткое заключение Мишеля Монтеня, сделанное в XVI в.: «Во всяком случае, заживо поджарить человека из-за своих домыслов – значит придавать им слишком большую цену». – *М. Монтень. Опыты.* Пер. А. Бобовича, Ф. Коган-Бернштейн, Н. Рыковой [12].

В сентябре 1674 г. Элизабет Нэпп вышла замуж за молодого человека, работавшего на ее ближайшего соседа. Мы не знаем, что она думала о событиях 1692 г. Она уже была матерью восьми детей.

«На что ты пойдешь ради дома молитв теперь, когда мы сожгли твою молельню?» – глумились они над Уиллардом у дверей пастората [22].

Common Prayer Book (англ.), использовалась в англиканском богослужении. – *Прим. перев.*

Судя по всему, Уиллард применял испытание касанием в случае с Элизабет Нэпп. Так или иначе, он заявлял, что девушка могла узнать руку обвиняемого из множества других рук. В Новой Англии историю Нэпп узнали из «Удивительных знамений», где Инкриз Мэзер тоже использовал слово «касание». Позже, в «Магналии» Коттона Мэзера, Элизабет просто чувствует – с завязанными глазами – приближение заколдовавшей ее женщины, не вступая с ней в физический контакт.

Он в пух и прах разбил предположение, что ведьмы поверяют свои секреты девочкам пубертатного возраста, но не считал, что дьявол маскируется под пастора. Те, кто защищал действия суда, старались избегать упоминаний о Берроузе; те, кто критиковал, – нет. Берроуз стал чем-то вроде бойкотируемого товара. Нападение индейцев на Йорк сделало мученика из двоюродного брата Сьюэлла, зарубленного пастора Мэна. С Берроузом оно сделало нечто прямо противоположное.

Джон Миллер с радостью высказал свое мнение: он очень недоволен положением дел в Новой Англии. Его попросили, и он «дал щедрый совет», хотя ни у кого не хватило цивилизованности его за это поблагодарить [27].

Он выполнял тройную миссию: просветить людей и напомнить им о случаях Божественного провидения; помочь им лучше разобраться в государственных делах, а также исцелить «дух лжи, который слишком силен среди нас» [30]. Среди распространенных преступных материалов было сообщение о том, что Андрос поставлял оружие индейцам. Оставалось четырнадцать лет до выхода первой в Массачусетсе газеты.

Персонаж(и) сказки Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Мисс Галч – злобная и мстительная соседка семьи Элли в Канзасе, которая во время урагана превращается в Злую Ведьму Запада и на просторах страны Оз действует уже в этом образе. В русском переложении сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» Злой Ведьме Запада соответствует Бастинда. – *Прим. перев.*

Как кошек угораздило в это влипнуть? [37] Их отождествляли с дьяволом еще в древности, хотя, возможно, с чрезмерно выраженной женской сексуальностью их отождествляли еще раньше, со времен Аристотеля. Особенно черные кошки имели связь с «врагом рода человеческого», представляя собой идеальных ведьминских фамильяров. Черные псы тоже фигурируют в салемской литературе, однако исторически британские ведьмы предпочитали псовым кошачьих. Пожалуй, кошки лучше подходят на роль помощниц колдунов: непостоянные, непочтительные, непредсказуемые, скрытные, они блаженно растекаются по какой-нибудь поверхности, а в следующий момент уже впиваются в вас когтями. То расслабленно урча, то охотясь на пределе концентрации, они действуют по ночам, проходят в закрытые двери и бросаются вам на грудь. Они появляются из темноты, когда вы меньше всего этого ждете.

Ни одна из приговоренных ведьм не подходит с точностью под это описание, не сохранилось и самого пророчества. Есть вероятность, что его придумала Маргарет Джонс: говорили, что целительница умела насылать порчу и обладала даром предвидения – так что для определенного времени была вполне подходящей кандидаткой. Как и Энн Патнэм – младшая, Коттон Мэзер в любом случае сообщал о событиях, произошедших до его рождения.

В Лондоне «Чудеса невидимого мира» ушли в печать еще до конца года. Даже в 1692-м одни слова продавали книги лучше других: на титульном листе английский издатель увеличил слова «процессы», «Новая Англия» и «несколько ведьм» [43]. Впоследствии он рекламировал книгу как «Процессы над несколькими ведьмами, недавно казненными в Новой Англии», избавившись от авторского названия, а заодно и от большей части богословской подоплеки. Вышедшее в феврале второе издание, «Книга ведьм Мэзера» – лишенная проповедей и второстепенных предметов, – уменьшилась до пересказа сенсационных деталей. Издатель продавал ее как иллюстрацию причуд этих странных доверчивых колонистов.

Если на самом деле работа Мэзеров была неуклюжим примером известного паттерна «хороший коп / плохой коп», то им следовало поменяться ипостасями. Коттону, менее одаренному политику, выпало заниматься общественным порядком. К тому же он переусердствовал со своей наивной защитой главного судьи – человека, на которого Инкриз, хотя всецело его и поддерживал, никогда не изливал такие потоки чувств.

Он не был первым составителем каталога поцелуев. Великий английский проповедник Ричард Сиббс сделал это несколькими десятилетиями ранее – Пэррис вполне мог об этом знать. Сиббс закончил свою проповедь призывом к добросердечному общению. Пэррис в конце предложил выбрать между поцелуем и проклятием Христа.

Своей стойкостью обвинение в колдовстве напоминало слух из интернета. Большинство повешенных женщин еще до событий считались ведьмами или были дочерьми тех, кто ими считался. На обвинителей таких несмываемых меток не ставилось.

Возвращение к норме принимало необычные формы. Через одиннадцать месяцев после казни мужа вдова преподобного Берроуза снова вышла замуж. Церемонию проводил Коттон Мэзер, не так давно клявшийся, что надеется никогда больше не услышать фамилию Берроуз [16].

Не только жители деревни верили, что, уничтожив бумаги, можно развернуть историю вспять. Напавшие в 1676 г. на Андовер индейцы захватили местные документы на земельные сделки – в надежде, что это заставит англичан убраться домой [19].

Бумаги исчезли, скорее всего, 26 августа 1765 г., когда народ обыскивал дом последнего губернатора Массачусетса, Томаса Хатчинсона, взломав дверь и выбросив его книги на улицу. Если бумаги действительно погибли в грязи, то это весьма иронично, ведь бунт разгорелся из-за Гербового акта. Цена колониальной защиты в официальной документации походила на налог, попытку Англии возместить расходы на войну с французами и индейцами. Колонисты противились английскому военному присутствию: никакие иностранные враги им не досаждали. Им не требовался слишком вовлеченный в их дела отеческий авторитет. В любом случае судебные записи никто больше не видел.

Мария Мэзер страшно перепугалась, когда в последние недели беременности обнаружила жуткое видение на крыльце своего дома. Ответственность за него взяли на себя призраки, терзавшие недавно заколдованную бостонскую девочку. Сразу после родов невестки Инкриз Мэзер получил злобное письмо, в котором некая женщина – возможно, обвиненная в 1692 г., – предупреждала, что Коттон «не представляет, что в скором времени постигнет некоторых его потомков» [23]. Все это снова было проделками Сары Гуд.

Похороны были гораздо более вычурными, чем те, что Берроуз устраивал своей жене и что стоили ему так дорого. Пэррис тоже не спешил выплачивать свой долг.

Мол тоже поменял свои взгляды. Его жена давала показания против Бишоп, которую пара считала ведьмой. Во время казни Бишоп в июне он заявил, что большинство арестантов – такие же ведьмы.

Естественно, потом Мол написал о своем заключении и суде в вышедшей в 1697 г. книге «Новоанглийские гонители, побитые собственным оружием». Он сравнивал репрессивные действия властей Массачусетса с иезуитскими. Они делают работу дьявола, а сами роскошествуют в захваченных поместьях. Мол предложил также альтернативную трактовку: именно за преступления, подобные совершенным в 1692 г., Господь вскоре отдал Новую Англию в руки дикарей-индейцев.

«Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинных».

Среди «непрекращающихся ударов» в том году был и духовный крах пятнадцатилетней Бетти Сьюэлл. Несколько недель назад самопровозглашенная грешница все еще плакала так сильно, что почти не могла читать. 14 января недавно вернувшаяся из Салема Бетти сидела в молельне через проход от отца.

Из имущества жертв-мужчин только поместье Берроуза избежало хищных когтей Корвина. Вместо этого часть его уехала вместе с миссис Берроуз.

Сам Мэзер этого не понимал. «И почему, – спрашивал он позже, – после всех моих невероятных усилий и забот, имеющих целью спасти несчастных от поработивших их львов и медведей ада, после всех моих попыток расстроить планы дьяволов по разрушению моего окружения, должен я испытывать необходимость извиняться?» [42] Он так и не извинился, а неблагодарное служение свое называл «десятью тысячами ступеней по скалистой горе, кишущей гремучими змеями». После него осталось единственное зафиксированное сожаление: не надо было приглашать так много зрителей в «заколдованные покои» бостонских пораженных.

Чем больше он об этом размышлял, тем увереннее наполнялся решимостью дать бой дьяволу. Конечно же, это требовало сочинения новой книги, где читателю предлагалось бы подписать недвусмысленное соглашение. Он планировал распространять экземпляры еженедельно в самом подходящем для этого месте – и осознавал, что, подсовывая книгу ничего не подозревающим прихожанам и требуя их подписей, сам имитировал действия Сатаны.

Одно из сохранившихся принадлежит Уэйту Стилли Уинтропу. В 1699 г. он определил Стаутона как одного из людей, «быстро шевелящихся ради своих интересов, но я не знаю, ради чьих еще» [50]. Любой, кто променял пасторство на дела земные, считал Уинтроп, – по определению человек жадный, хваткий и не заслуживающий доверия.

Фонд Уильяма Стаутона по сей день продолжает поддерживать нескольких студентов Гарварда в год, в соответствии с его волей, выраженной в 1701 г.

Есть ощущение, что Уигглсворт молчал на протяжении всего кризиса, хотя перешедшие на противную сторону жители деревни именно с ним поделились недовольством своим пастором в 1693 г. Уигглсворт поддержал их и подписал петицию с требованием уволить Пэрриса за год до отъезда последнего.

Неясно, куда ушли деньги. В 1694 г. Стаутон позаботился о том, чтобы освободить Корвина и его наследников от возмещения ущерба [58]. Судя по всему, Корвин не делился с Херриком, ввергнутым в нищету заместителем шерифа.

Даже Коттон Мэзер совершил крутой разворот, хотя и знал, что это посеет смятение. Через несколько лет после Салема он признался своему тестю: «Те, кто обычно выглядят как *заколдованные*, на самом деле – настоящие *одержимые*» [66]. И в итоге свидетели из них получаются ненадежные.

Фрейд положился на Вергилия, чтобы предварить свое «Толкование снов», причем строкой, особенно подходящей к Салему: «Если небесных богов не склоню – Ахеронт я подвигну», – клянется царица богов Юнона. – *Вергилий. Энеида*. Пер. С. А. Ошерова [69].

Сэмюэл Уиллард тоже находился в полуразрушенной кухне Сьюэлла тем жарким днем 1695 г. Через одиннадцать лет он будет крестить Бенджамина Франклина, который вскоре разгадает загадку молнии.

Вампирским практикам не требовалось даже подросткового воображения. Сообщая Комитету по торговле об ужасах 1689 г., один чиновник доминиона заявил, что индейцы устроили кровавое состязание с участием колонистов, «убив 500 человек и поджарив на медленном огне более 80 несчастных христиан, и пили их теплую кровь, и порой ели их плоть, и подносили грудных младенцев к кровоточащим венам своих пленников» [76].

Выдающийся английский врач XVII в. обнаружил взаимосвязь между навязчивыми захватчиками, набрасывавшимися на его сумасшедших пациентов или вгрызавшимися в их тела, и ведьмовскими помощниками-фамильярами [77]. Обычно вредители были крылатыми созданиями, мышами, крысами и собаками. Мэзер сравнивал чертенка, прыгавшего по подушке Маргарет Рул в 1693 г., с крысой.

Как отмечал Калев, когда салемих девочек приглашали в дома в роли охотниц на ведьм, «у иных молодых людей обычно начинались припадки и открывалось такое же „астральное зрение“» [84].

«Эти молитвенные встречи – едва ли не единственное развлечение, которое у нас есть», – жаловался в начале XX в. один заводской рабочий, которому только религия – и религиозный энтузиазм – позволяли самовыражаться.

«Я была очень злой, но не представляла себе, что такая маленькая девочка, как ты, сможет растопить меня и покончить с моими ужасными деяниями», – упрекает Злая Ведьма юную Дороти, тая на глазах.

Вторая часть английского *nightmare* восходит к протогерманскому слову *maron* – гоблин, вызывающий страшные сны. Последнее в свою очередь берет начало в протоиндоевропейском *mora* – инкуб, и присутствует также в значении «кошмар» и в некоторых славянских языках: польском, сербском, чешском, болгарском. Вторая часть французского *cauchemar*, откуда «кошмар» пришел в русский, происходит от того же корня. – *Прим. перев.*

И, как скажут про монументальную историю Новой Англии, написанную Мэзером, «Магналия» была бы книжкой получше, не имей автор такой гигантской библиотеки.

Когда Калеф и Мэзер начали обмениваться оскорблениями, каждый из них высмеивал уверенность другого в том, что он «завладел всем знанием мира» [94]. Калеф считал, что массачусетские пасторы перекормлены Гомером, Вергилием, Горацием и Овидием. Брэттл отмечал, что учебный план Гарварда перегружен греческой и римской мифологией.

Ему помог отец. В «Случаях колдовства» Инкриз Мэзер утверждал, что «дьяволам обычно не дозволено грубо перетаскивать людей по воздуху на несколько миль от дома [95]. Тем не менее проклятые ведьмы делали это в Швеции двадцать лет назад».

Во время процессов обнаружили интересные гендерные различия [99]. Мужчины рассказывали более детально продуманные истории. Они редко видели привидений, но если видели, те обычно оказывались женщинами. К мужчинам не прилипал длинный перечень древних чудачеств. Женщины видели больше галлюцинаций, во всяком случае, чаще показывали пальцем на существ, которых никто больше не видел, но которые яростно выклеывали их внутренности. Мужчинам, похоже, было сложнее осуждать друг друга, а женщины, пожалуй, держались более стоически. Мэри Эсти просила за жизни других. Джон Проктер этого не делал. Женщины не обвиняли мужей и не предавали старых друзей. Мужчины, однако, привлекали больше внимания. Сьюэлл в своем дневнике упоминает только подозреваемых и осужденных колдунов, Брэттл выделяет двух мужчин за достоинство, проявленное по дороге на казнь.

Были повешены всего трое жителей деревни Салем. Никто из первых в деревне подписавших договоры с дьяволом не был обвинен [100].

У него имелся обратный пример – его дискредитированный политический союзник Джозеф Дадли. «Они смотрят на меня, – объяснял Дадли английскому корреспонденту в феврале 1692 г., – как на странного зверька, водящегося в их лесах» [107]. Гедни тоже изгнали с поста «с большим презрением и издевками» – за проанглийскую позицию.

Уильям Баркер датировал свой пакт с дьяволом, который должен был перевернуть мир вверх дном, годом переворота. Абигейл Хоббс намекала на ту же дату, хотя и предложила несколько. Также любопытна и, возможно, совершенно случайна взаимосвязь между длительностью дьявольского контракта – в основном 6–8 лет – и договорами об уплате долгов.

Средний возраст самых активных обвинительниц – 17 лет, даже с учетом Энн Патнэм – старшей, которой было тридцать; средний возраст шестнадцати из девятнадцати повешенных – 56 лет (мы не знаем дат рождения трех человек).

Ощущение, что их заставил это сделать дьявол, эхом отзовется годы спустя у Готорна. Путник со змеиным посохом сообщил Гудману Брауну: «Я могу похвалиться обширным знакомством здесь, в Новой Англии. Церковные старосты многих приходов пили со мной вино причастия; олдермены многих селений избрали меня своим главой, а среди судей и советников большинство верные блюстители моей выгоды. Также и губернатор... Однако это уже государственная тайна». *Натаниэль Готорн. Молодой Браун. Пер. Е. Калашниковой.*

Имеется в виду убийство Джона Кеннеди. – *Прим. перев.*

Город Салем отменил аналогичные приговоры Ребекке Нёрс и Джайлсу Кори в 1712 г.

Когда в 1712 г. одна девочка из Уэстфилда обвинила свою мать в колдовстве, суд признал ее виновной в нарушении пятой, шестой и девятой заповедей [18].

Согласно принципу «получи то, что заслужил» в качестве третьей жены ему досталась настоящая психопатка. Ее истерики он считал «едва ли не форменной сатанинской одержимостью» [21]. Лидия Мэзер устраивала сцены, убегала жить к соседу, проклинала мужа, а однажды стащила и обнародовала его дневник.

Брэттл женился на дочери Уэйта Стилла Уинтропа и способствовал либерализации бостонской конгрегации, которая до сих пор носит его имя. Виня свою альма-матер в «изъянах и неточностях» его научных расчетов, он учредил Гарвардскую стипендию по математике.

Фредерик Дуглас (1818–1895) – американский писатель-аболиционист, просветитель. – *Прим. перев.*

Дэниэл Уэбстер (1782–1852) – американский адвокат и конгрессмен, был госсекретарем при трех президентах. – *Прим. перев.*

Линда Трипп – бывшая сотрудница Белого дома, приятельница Моники Левински, целый год записывавшая откровения Моники о ее романе с президентом США и потом передавшая кассеты независимому прокурору Кеннету Старру, который вскоре начал расследование. – *Прим. перев.*

Бог будет и дальше упорно испытывать колонии, колонии будут и дальше считать эти удары спасительными. «Я думаю, нам необходим был укор небес. Я бы подозревал, что наше дело не такое уж и священное, если бы мы преуспели безо всех этих испытаний», – писал Бенджамин Раш, основоположник американской психиатрии, в сентябре 1776 г., представляя военные победы англичан как Богом посланные колонии дары [34].

The Paranoid Style in American Politics (англ.) – опубликованное в 1965 г. эссе американского историка Ричарда Хофштадтера, придерживавшегося в то время левых взглядов и критиковавшего капитализм. – *Прим. перев.*

Натан Хейл (1755–1776) – солдат Континентальной армии, в возрасте 21 года казненный англичанами во время Войны за независимость. – *Прим. перев.*

Израэль Патнэм (1718–1790) – генерал, отличившийся в битве при Банкер-Хилле во время Войны за независимость. – *Прим. перев.*

Оливер Уэнделл Холмс – старший (1809–1894) – врач и писатель. Исследовал инфекционный характер послеродовой горячки. Ввел в больницах Новой Англии процедуры, позволившие серьезно снизить материнскую смертность от этого заболевания. – *Прим. перев.*

Луиза Мэй Олкотт (1832–1888) – писательница, автор до сих пор невероятно популярного романа «Маленькие женщины». – *Прим. перев.*

Клара Бартон (1821–1912) – основательница Американского Красного Креста. Была медсестрой, волонтером, благотворительницей, писательницей. – *Прим. перев.*

Люсиль Болл (1911–1989) – создательница и звезда популярнейшего когда-то в США ситкома «Я люблю Люси». – *Прим. перев.*

Писатель даже изменил написание своей фамилии (с Nathorne на Hawthorne) – по некоторым свидетельствам, букву «w» он добавил, чтобы дистанцироваться от человека, который поставил на Салеме позорное клеймо. В этом не было, впрочем, жизненной необходимости: он также являлся потомком Филипа Инглиша, который сошел в могилу, проклиная Хэторна и не подозревая, что его дочь вскоре выйдет замуж за сына его гонителя.

Сериал *Bewitched* выходил в США с 1964 по 1972 г. Главная героиня, ведьма Саманта, вышедшая замуж за простого американца и пытавшаяся жить как обыкновенная домохозяйка, смешно дергала носом, когда колдовала. – *Прим. перев.*

Ипсвич и Топсфилд сегодня дерутся за право считаться родиной «заклинательницы сена» Сары Уайлдс. В 1692 г. такого никто бы не пожелал [39].

Ср. рус.: ведьма – от общеславянского «вѣдати» (знать). – *Прим. перев.*

В ночь с 18 на 19 апреля 1775 г. Пол Ревир, американский патриот, проскакал много километров верхом от Бостона до Лексингтона, предупреждая по пути силы колониальной милиции о готовящемся наступлении британских войск. Это дало возможность американцам вовремя собрать ополчение и победить в двух последовавших сражениях – они стали первыми в Войне за независимость США. – *Прим. перев.*